

А. БЕБЕЛЬ

ЖЕНЩИНА

И СОЦИАЛИЗМ

А. Б Е Б Е Л Ь

ЖЕНЩИНА
И
СОЦИАЛИЗМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1959

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга Августа Бебеля «Женщина и социализм» относится к числу наиболее известных книг в марксистской литературе. Она переведена на многие языки мира и при жизни автора только в одной Германии издавалась 50 раз.

Эта яркая и запоминающаяся книга читается с большим интересом. Она рассказывает о положении женщины с первобытных времен до капиталистической эпохи и о жизни женщины при социализме и коммунизме. В ней рассматриваются вопросы о взаимоотношениях мужчины и женщины, о браке и семье, о воспитании детей и др.

Текст настоящего издания заново сверен с текстом книги «Die Frau und der Sozialismus», Берлин, 1946, изд. 55.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга А. Бебеля «Женщина и социализм» заслуженно снискала себе славу настольной книги женского рабочего движения. Она является выдающимся произведением научного социализма.

Вождь германского рабочего класса и виднейший деятель международного рабочего движения Август Бебель по достоинству оценил активное участие женщин в освободительной борьбе трудящихся.

«...Не было ни одного значительного движения в мире,— говорил Бебель,— в котором женщины не выступали как борцы и мученицы» (97¹).

Бебель уделял большое внимание нуждам и запросам женщин-работниц — этой наиболее обездоленной и угнетенной части пролетариата. Он первый из рабочих-парламентариев мира поднял в 1869 году в германском рейхстаге вопрос о законодательной охране женского труда и материнства. В своих мемуарах Бебель с удовлетворением рассказывает об организованном им в Лейпциге в 1876 году многолюдном предвыборном собрании, на котором он сделал доклад о положении женщины в современном государстве и ее отношении к социализму.

«Женщины,— пишет об этом собрании Бебель,— присутствовали в очень большом числе. Я, между прочим, объяснил им, почему они должны принять живейшее участие в предстоящих выборах. Не имея избирательного права, они должны все-таки примкнуть активно к избирательной борьбе и побуждать своих мужей и родственников голосовать за социал-демократию, которая отстаивает политическое и социальное равенство женщин. Это было первое собрание, на котором женщины призывались к политической деятельности»².

¹ Здесь и далее цитируется по настоящему изданию.

² *Август Бебель, Из моей жизни, Л. 1925, стр. 335.*

По инициативе Бебеля требование охраны женского труда было внесено в программу германской социал-демократической партии, принятую на объединительном съезде в Готе.

В своей партийной работе Бебель неустанно боролся с предрассудками в отношении к общественной деятельности женщин, с недооценкой женского вопроса. Он разработал теорию и тактику женского рабочего движения.

К теоретической разработке женского вопроса Бебель подошел как «опытный практический вождь... чуткий к запросам революционной борьбы социалист»¹.

Книга «Женщина и социализм» содержит четкие и ясные ответы на вопросы, выдвинутые женским рабочим движением перед социалистическими партиями.

Начатая Бебелем в годы его пребывания в тюрьме, эта книга вышла в свет в 1879 году — ровно через год после издания в Германии исключительного закона против социалистов, направленного против рабочего движения. На основании этого закона социалисты подвергались репрессиям, а социалистическая литература конфисковывалась. Но и в нелегальных условиях книга, отвечающая насущным нуждам социалистического рабочего движения, быстро дошла до своего читателя. И ныне это фундаментальное произведение научного социализма сохранило свое значение как могучее оружие в борьбе за полное освобождение женщины от капиталистического рабства, за победу социализма над капитализмом.

Разработку многостороннего женского вопроса Бебель начинает с анализа его классового, политического значения. В историческую миссию пролетариата, говорит он, входит не только собственное освобождение, но освобождение всех остальных угнетенных, а следовательно, и женщин.

Женское рабочее движение является неразрывной частью классовой борьбы пролетариата. «Классовая противоположность, которая разделяет класс капиталистов и класс рабочих и которая при обострении наших отношений развивается все сильнее, проявляется... и в женском движении» (43).

Ограниченность буржуазного женского движения (феминизма) состоит в том, что представительницы его верят

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 429.

в достижение полного правового равенства полов в условиях капитализма. Но если бы, указывает Бебель, буржуазный феминизм осуществил даже все свои требования, то этим не уничтожились бы ни капиталистическое рабство женщины-труженицы, ни проституция, ни экономическая зависимость большинства женщин от мужчин. Для огромного большинства женщин «безразлично, удастся ли нескольким тысячам женщин более состоятельных слоев общества пройти высшее учебное заведение, получить медицинскую практику или сделать научную или служебную карьеру, — это ничего не изменит в общем положении их пола» (42—43).

Не то — пролетарское женское движение, задачей которого является борьба не только за правовое равенство полов, но прежде всего за уничтожение двойного рабства женщины-работницы, за ликвидацию экономической зависимости женщины от мужчины, за государственную охрану материнства и детства, то есть за полное решение женского вопроса, в чем заинтересован весь женский пол. Это разрешение женского вопроса, поясняет Бебель, совпадает с разрешением рабочего вопроса. Поэтому тот, кто стремится к разрешению женского вопроса во всем его объеме, должен идти рука об руку с теми, кто начертал на своем знамени борьбу за социализм.

«Женщина-пролетарий должна... вместе с мужчиной-пролетарием, ее товарищем по классу и судьбе, вести борьбу за коренное преобразование общества...» (44).

С другой стороны, рабочий, обладающий классовым сознанием, должен объяснить «женщине ее положение в обществе и *воспитать ее как союзника в совместной освободительной борьбе пролетариата против капитализма*» (156).

Вопрос о соотношении ближайших и конечных целей пролетарского женского движения Бебель решает в полном соответствии с общей тактикой социалистического рабочего движения: борьба за демократические требования, в принципе осуществимые в капиталистическом обществе, составляет программу-минимум, а полное решение женского вопроса — программу-максимум.

Отсюда и отношение пролетарок к буржуазному женскому движению. Поскольку последнее ставит задачи борьбы за равноправие полов и соответствующие демократические преобразования в капиталистическом обществе,

«враждебные сестры» «могут вести борьбу, маршируя отдельно, но сражаясь вместе».

Первый раздел книги «Женщина и социализм» посвящен исследованию положения женщины в прошлом.

Руководствуясь историческим материализмом и опираясь на новые научные данные о положении женщины в древнейшие времена, открытые Бахофеном, Морганом, дополненные и разработанные на основе материалистической диалектики в труде Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Бебель исследует место и роль женщины в обществе и семье, показывает обусловленность ее общественного положения материальными условиями жизни общества. Это исследование начинается со смены матриархата патриархатом, откуда главным образом берет свое начало закрепощение женщины. На большом историческом материале здесь ярко и убедительно показано, как общественные отношения, созданные частной собственностью на средства производства, наложили тяжелые оковы на женщину, ограничили возможности ее культурного развития, поставили ее в экономическую зависимость от мужчины, унизили ее человеческое достоинство.

Развитие ремесел и товарного хозяйства сделали мужчину господином и собственником богатств семьи, а женщина стала служанкой мужчины, матерью его детей — законных наследников его имущества.

«Господство частной собственности утвердило подчинение женщины мужчине. Началось время принижения женщины и даже презрения к ней» (72).

Центральное место в книге занимает вторая ее часть — «Женщина в настоящем», показывающая положение женщины в капиталистическом обществе. Это страницы изумительного сочетания науки и революционной страстности с литературным мастерством. На огромном фактическом материале раскрывается потрясающая картина двойного рабства женщины-пролетарки, двойной буржуазной морали, ханжества, проституции, плюзорности буржуазного равенства.

Казалось бы, что, предоставив женщине «равное право» работать на капиталистических предприятиях и сделав ее, таким образом, экономически самостоятельной, капитализм должен был раскрепостить женщину, поднять ее человеческое достоинство. Но в действительности произо-

пло обратное: капитализм поработил женщину вдвойне.

Используя предрассудки против женщины и ее меньшую по сравнению с мужчиной способность сопротивляться наступлению капитала на рабочий класс, капитализм подвергает женский труд самой жестокой эксплуатации, а нужда заставляет женщину работать на капиталиста до полного изнурения.

«Домашняя работа,— объясняет Бебель,— приучила женщину не знать никакой меры во времени для своего труда, и она без всякого сопротивления позволяет предъявлять к себе повышенные требования... Женщина, кроме того, более, чем мужчина, прикреплена к своему месту жительства... Добродетельный капиталист умеет очень хорошо оценивать эти женские качества» (266, 263).

«Женщина все более привлекается к промышленному труду...» и в том числе «...к любой деятельности, где эксплуатация может выжать из нее более высокую прибыль. А сюда принадлежат как самый *тяжелый*, так и самый *неприятный* и самый опасный для здоровья труд».

Бебель саркастически замечает по адресу буржуазных моралистов, что «здесь сводится к своему истинному значению фантастическое представление о женщине как о нежном, чутком существе» (282).

Пользуясь статистическими данными и отчетами фабричных инспекторов, Бебель показывает, как работа на фабрике калечит здоровье женщин, укорачивает их жизнь и губит их детей.

«Если в прусском государстве из живорожденных детей в среднем умерло 22 процента в продолжение первого года жизни, то... на детей покрывательниц зеркал падает 65 процентов смертности, шлифовщиц стекла — 55 процентов, работниц оловянного производства — 40 процентов. В 1890 году из 78 рожениц, работавших в типографиях в округе Висбадена, только у 37 были нормальные роды» (284).

При всем этом работница за свой труд получает заниженную заработную плату «даже и там, где женщина выполняет одинаковую с мужчиной работу» (279).

Много воды утекло с тех пор, как были написаны эти страницы. Женщины большинства капиталистических стран добились как будто многих прав по закону. Но фактическое положение женщин-работниц капиталисти-

ческого мира в общем представляет и поныне такую же картину, какая описана Бебелем. Империализм только умножил лишения женщин-тружениц новыми, еще более изощренными методами эксплуатации.

Характеризуя женский труд в капиталистических странах, докладчица на Всемирной конференции трудящихся женщин (1956 год) Жермен Гийе отметила, что «в капиталистических, колониальных и полуколониальных странах женщины, работающие в промышленности, обычно имеют самую низкую квалификацию. За некоторым исключением, они являются разнорабочими, специализированными работницами (одна операция в производственном процессе.— В. Б.) и очень редко становятся квалифицированными работницами».

«Число нервных и душевных заболеваний в результате интенсификации труда увеличивается в угрожающих размерах». Так, в департаментах Севера, в которых сконцентрировано большое число работниц текстильной промышленности, количество душевнобольных за последние несколько лет увеличилось по сравнению с предыдущими годами втрое, а смертность детей здесь вдвое превышает детскую смертность по всей Франции.

Конференция отметила, что в капиталистическом мире повсюду нарушается принцип равной оплаты за равный труд мужчин и женщин, хотя этот принцип формально содержится в законодательстве многих буржуазных государств.

В журнале «Всемирное профсоюзное движение» (1956, № 2) приведены многочисленные данные о неравной оплате равного труда мужчин и женщин в капиталистических странах как источнике сверхприбылей монополистов.

Так, канадская компания «Кэнэдиен дженерал электрик» только на одном заводе, где занято 2800 женщин (=40% всех рабочих), ежегодно наживает на этом 1 164 800 долларов.

Перегруженность и тяжелые условия жизни трудящихся женщин капиталистических стран «вызывают быстрый рост заболеваемости, инвалидности и преждевременной старости... Одной из особо недопустимых форм дискриминации в отношении трудящихся женщин является предпочтение использовать на работе незамужних женщин, увольнение последних, когда они выходят замуж, а также увольнение беременных женщин и принуждение

к подписанию соглашения, согласно которому женщина в случае замужества может быть уволена без предупреждения»¹.

Так монополисты беззастенчиво обходят широковетательные законы об охране материнства и младенчества, принятые в ряде капиталистических стран в послевоенные годы.

Как живо звучат теперь слова Бебеля, что поскольку все эти варварские, неестественные условия труда женщин *«коренятся в сущности буржуазного общества и все более ухудшаются, ...то из этого видно, что буржуазное общество не способно уничтожить это зло и освободить женщину. Для этого... необходим другой общественный строй»* (225).

Страницы, посвященные анализу корней проституции и борьбы с этим бедствием в буржуазном обществе, являются обвинительным актом против капиталистического строя и буржуазной морали.

Анализ причин проституции и средств борьбы с ней в условиях капиталистического строя Бебель заключает выводом, что проституция присуща самой природе капитализма и никакими средствами, тем более полицейскими или благотворительными, ее невозможно искоренить, пока существует строй эксплуатации человека человеком.

«Проституция... является для буржуазного общества необходимым социальным учреждением, подобно полиции, постоянному войску, церкви, предпринимательству» (227).

Голодная плата вынуждает работниц делаться проститутками. Именно здесь видит Бебель главный источник этого зла. Число проституток, пишет он, растет в той же мере, в какой растет число женщин, «получающих заработную плату, слишком высокую, чтобы умереть, и слишком низкую, чтобы жить» (248). Для торговли живым товаром капиталистический строй создает все условия, как экономические, так и нравственные.

Разоблачением двойной буржуазной морали Бебель сделал неоценимый вклад в дело освобождения человеческой личности женщины. По справедливому замечанию видной деятельницы международного женского рабочего движения А. М. Коллонтай, ради одних этих страниц следовало бы не только работницам, но и женщинам

¹ Журнал «Женщины мира» № 5, 1957, стр. 2.

других классов и слоев населения воздвигнуть в своих сердцах вечный памятник Бебелю.

Бебель выступает и против буржуазной теории биологической неполноценности женщины и ее «естественной» склонности к домоводству. Эта лжетеория уже давно опровергнута. Но империалисты часто пользуются разным обветшалым хламом в целях подтверждения тех или иных выгодных им положений.

Напуганная мощным демократическим женским движением, широко развернувшимся в послевоенные годы, империалистическая реакция призвала себе на помощь современных мракобесов, которые клеветуют на женщин, пользуясь аргументами таких «маститых» буржуазных теоретиков XIX века, как физиолог Бишоф, антрополог Ломброзо, философ Шопенгауэр,— этих фанатичных противников равноправия женщины с мужчиной.

Они, говорит Бебель об этих ученых, видят в женщине «лишь половое существо, но никогда не замечают в ней существа общественного» (205).

Содержащаяся в книге Бебеля критика Бишофа, Ломброзо, Шопенгауэра звучит и в наши дни.

В резолюции IV конгресса Международной демократической федерации женщин (1958 год) говорится:

«Исходя из принципа равенства, изложенного в Уставе ООН и Декларации прав человека, Конгресс призывает национальные организации проводить неустанную борьбу против теорий о том, что доход работающей женщины является вспомогательным и что воспитание детей и ведение домашнего хозяйства является единственным и естественным призванием женщины. Эти неправильные идеи направлены на то, чтобы оправдать все формы дискриминации против трудящейся женщины и сохранить неравноправное положение женщины в обществе и семье».

В этой острой идеологической борьбе очень важное значение имеет полное глубокого смысла замечание Бебеля об «общественном мнении» буржуазного общества относительно человеческих достоинств женщины.

В буржуазном обществе, говорит Бебель, женщина занимает второе место. Сначала мужчина, потом она. Все это так глубоко вбито в сознание людей, что «весь мужской род считает такое положение в порядке вещей, а большинство женщин смотрит на это до сих пор, как на

неизбежность судьбы. В этом представлении отражается все положение женщины» (141).

Только в социалистическом обществе, говорит Бебель, где полностью отсутствует эксплуатация человека человеком и ничто не препятствует полному развитию человеческих достоинств и умственных дарований женщины, где социальные условия будут одинаковы для обоих полов, канет в вечность вместе с двойным рабством женщины и антагонизм полов.

В социалистическом обществе *«женщина подыметя на высоту полного совершенства, о котором у нас еще нет никакого правильного представления, так как до сих пор в истории развития человечества не было такого состояния»* (299).

Успехи раскрепощения женщины в странах социалистического лагеря блестяще подтвердили основное положение Бебеля, что только социализм полностью освободит женщину как труженицу, как мать и как человека.

Это логически вытекает из разностороннего анализа положения женщины в истории эксплуататорских обществ, из основательного изучения положения женщины в капиталистическом обществе.

Теоретические выводы, обобщающие опыт женского рабочего движения в новую историческую эпоху, дал В. И. Ленин, развивший дальше марксистскую теорию женского вопроса.

Анализируя опыт женского освободительного движения в эпоху империалистических войн и пролетарских революций, В. И. Ленин показал огромное значение женских резервов пролетарской революции для победы и укрепления диктатуры пролетариата. Ленинское учение о раскрепощении женщины в социалистическом обществе обогатило научный социализм новыми положениями об условиях осуществления социалистической демократии, победы социалистического строя, строительства коммунистического общества.

В последнем разделе книги — *«Женщина в будущем»* — Бебель сделал попытку наметить конкретные пути раскрепощения женщины. Но здесь наряду с интересными и полностью сбывшимися указаниями о путях освобождения женщины в социалистическом обществе содержится и ошибочное положение, касающееся конкретных путей раскрепощения женщины в быту.

Преувеличивая значение механизации домашнего хозяйства (электропечи, пылесосы и др.) в капиталистическом обществе для раскрепощения женщины-труженицы, Бебель усматривал в этом «революционный процесс» освобождения женщины.

«Революционное преобразование, — говорил он по этому поводу, — коренным образом изменяющее все условия жизни людей и в особенности положение женщин, уже совершается, таким образом, на наших глазах. Когда общество возьмется за это преобразование в самых широких размерах, еще более ускорит и обобщит этот процесс преобразования и *тем самым привлечет всех без исключения к пользованию его бесчисленными благами — это только вопрос времени*» (538).

Получается, что техника сама по себе, независимо от экономического строя общества, становится фактором «революционного преобразования» общества. Это противоречит положению, высказанному в этой же книге самим Бебелем, где говорится о значении для трудящихся технического прогресса в капиталистическом обществе. «Нелепость и вопиющее зло, — читаем мы здесь, — состоит в том, что прогрессом культуры и ее приобретениями, составляющими продукт всего общества, пользуются лишь те, которые в силу своей материальной власти могут их себе присваивать. Тысячи же прилежных работников, работниц, ремесленников и т. д. постоянно полны ужаса и заботы, как бы человеческий гений не сделал нового изобретения... тогда они окажутся ненужными и излишними и будут выброшены на улицу» (287—288).

Ленин неоднократно указывал, что если бы технический прогресс в капиталистическом обществе вел к улучшению жизни трудящихся, то капитализм перестал бы быть капитализмом.

Он особо подчеркивал неразрывную связь освобождения женщины с уничтожением капиталистического строя.

«...Главный шаг, — говорил Ленин, — отмена частной собственности на землю, фабрики, заводы. Этим и только этим открывается дорога для полного и действительного освобождения женщины, освобождения ее от «домашнего рабства» путем перехода от мелкого одиночного домашнего хозяйства к крупному обобществленному»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 139.

Но даже с учетом ошибок Бебеля по вопросу о положении женщины в будущем, его книга сохраняет свою ценность в борьбе за полное освобождение женщины.

Говоря о славной деятельности «гениального токаря», (то есть Бебеля), Плеханов особо отметил как его заслугу перед международным рабочим движением разработку теории женского вопроса в книге «Женщина и социализм», выдержавшей до шестидесяти изданий в Германии и переведенной едва ли не на все языки цивилизованного мира.

В. Бильшай

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ДВАДЦАТЬ ПЯТОМУ ИЗДАНИЮ

«От начала до конца ненаучная книга», какой по Геркнеру ¹ является «Женщина», переживает в немецкой литературе в высшей степени редкий случай двадцать пятого издания, и я надеюсь, оно будет не последним. Необычайно благоприятному приему, который книга нашла у немецкой читающей публики, сопутствуют многочисленные переводы на различные иностранные языки, появившиеся со времени ее выхода в свет. Наряду с двумя английскими переводами (Лондон и Нью-Йорк) она была переведена на французский, русский, итальянский, шведский, датский, польский, фламандский, греческий, болгарский, румынский, венгерский и чешский языки. Итак, я могу гордиться этим успехом моей «от начала до конца ненаучной книги».

Многочисленные письма, особенно от женщин из различных общественных кругов, показали мне далее, каково было ее влияние особенно в женской среде и какой *горячий прием* она там встретила.

Здесь я должен выразить свою сердечную благодарность тем, которые поддерживали меня как присылкою материала, так и исправлением и дополнением приведенных фактов, что давало мне возможность придать моей книге безукоризненный вид.

Но горячему сочувствию на одной стороне противостоит сильная враждебность на другой. В то время как одни определяют эту книгу как самую бесполезную и самую опасную из всех появившихся за последнее время (в этом смысле высказалась одна берлинская антисемитская газета), другие — в том числе два евангелических священника — объявляют ее одной из самых нравственных и полезных книг, когда-либо существовавших. Я доволен

¹ «Die Arbeiterfrage». Ein Einführung von Dr. H. Herkner, Berlin 1894.

как тем, так и другим суждением. Книга, написанная на общественную тему, как речь, сказанная по поводу общественных явлений, должна *принуждать* к партийному отношению, только тогда достигает она своей цели.

Среди многочисленных возражений и попыток опровержений, вызываемых настоящей книгой в течение ряда лет, два, вследствие научного авторитета их авторов, заслуживают особенного внимания. Такова книга доктора Х. Е. Циглера, экстраординарного профессора зоологии в Фрейбургском университете, озаглавленная «Естествознание и социал-демократическая теория, их соотношение, изложенное на основании сочинений Дарвина и Бебеля»¹, и последовавшее за нею сочинение доктора Альфреда Хегара, профессора гинекологии Фрейбургского университета, озаглавленное «Половая потребность»².

Обе книги производят впечатление, как будто они написаны для «научного уничтожения» моей книги по предварительному уговору авторов. В пользу этого предположения говорит то, что оба автора принадлежат к одному и тому же университету, оба опубликовали свои книги в одном и том же издательстве и оба объясняют появление своих сочинений тем, что необыкновенно широкое распространение моей книги с ее «лживыми» и «ненаучными» теориями побудило их к ее опровержению. О сделке свидетельствует и разделение труда, по поводу которого (по-видимому) столкнулись оба автора. В то время как Циглер пытается опровергнуть мои культурно-исторические и научно-естественные взгляды, Хегар набрасывается главным образом на физиологическую и психологическую характеристики женщины, как она дана в моей книге, чтобы доказать ее лживость и ошибочность. Оба переходят затем, каждый со своей точки зрения, к попытке опровержения моих основных экономических и социально-политических воззрений, и здесь обнаруживается, что они вступают в область, им обоим чуждую, где они поэтому еще менее пожинают лавров, чем в специальной области, в которой я прежде всего мог бы ожидать возражений по существу.

¹ «Die Naturwissenschaft und die sozialdemokratische Theorie, ihr Verhältnis dargelegt auf Grund der Werke von Darwin und Bebel», Stuttgart 1894, Verlag von Ferdinand Enke.

² «Der Geschlechtstrieb», Stuttgart 1894, Verlag von Ferdinand Enke.

Обе книги имеют сходство в том, что они отчасти обращаются к темам, ничего общего не имеющим с затронутыми мною вопросами, или, как это делает особенно Хегар, пускаются в рассуждения, возражать на которые я не имею никакого основания. Оба сочинения являются *сочинениями тенденциозными*, которые во что бы то ни стало стремятся доказать, что ни естествознание, ни антропология не дают никакого материала о необходимости и полезности социализма. Оба автора, как это нередко делается в полемике, неоднократно вырывают из моего сочинения то, что им подходит, и отбрасывают то, что им неудобно, так что иногда требуется известное усилие, чтобы узнать мною сказанное.

При разборе обеих книг я начну с раньше появившегося произведения Циглера.

Уже в самом своем названии Циглер сделал промах. Если он хотел дать критику социал-демократических теорий в связи с учением Дарвина, он должен был не мою книгу сделать предметом своей критики: с моей стороны было бы беспримерной дерзостью, если бы я считал себя одним из социалистических теоретиков. Для этой цели он должен был взять сочинения Маркса и Энгельса, на чьих плечах мы, остальные, стоим. Этого он благоразумно не сделал. Он не мог также рассматривать мою книгу как своего рода сочинение партийно-догматическое, так как я определенно заявил в ней, а именно во введении, насколько, как мне кажется, моя книга может рассчитывать на согласие моих партийных товарищей. Циглер не мог этого не заметить. Если он все же выбрал такое название, то он, конечно, здесь заботился более о пикантном, чем о правильном.

Теперь я прежде всего должен отбросить тяжелое оскорбление, наносимое Циглером Энгельсу своим утверждением, будто Энгельс в сочинении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» принял *без критики* всю теорию Моргана. Впрочем, Энгельс пользуется в ученом мире слишком большим уважением, чтобы упрек Циглера мог произвести там какое-нибудь впечатление. Объективное изучение сочинений Энгельса показывает даже неспециалистам — к таковым в данном случае не принадлежит Циглер, — что он принял взгляды Моргана лишь потому, что они совпали с взглядами и исследованиями его самого и Маркса в той же области.

Припав эти взгляды, Энгельс обосновал их и своими собственными доводами, так что противникам было бы невозможно оспаривать их с надеждой на успех. Все, что Циглер, главным образом на основании Вестермарка и Штарке, приводит против взглядов Моргана, Энгельса и всех тех, которые в существенных чертах согласны с Морганом и Энгельсом, — все это шатко и несостоятельно и показывает поверхностность воззрений, которая отнюдь не повысила моего уважения к людям науки циглеровского покроя.

Циглер боится (стр. 15 его сочинения), что и против него будет выдвинута клевета, которую я будто бы направил против большей части современных ученых, обвиняя их в том, что они пользуются своим научным положением к выгоде господствующих классов. Я решительно протестую против обвинения в клевете на кого бы то ни было. Обвинение в клевете, видимо, очень легко срывается с пера у наших профессоров, как это показывает также и нападение Геккеля против меня (см. стр. 315 настоящей книги).

Все, что я пишу в этой книге, является, насколько я высказываю свои собственные воззрения, моим глубоким убеждением, которое может быть *ошибочным*, но ни в коем случае заведомо ложным, а только последнее и было бы клеветой. Я не только верю в то, что высказал относительно большей части наших ученых, но мог бы доказать это многочисленными фактами. Однако я удовольствуюсь тем, что наряду с мнением такого человека, как Бокль (см. стр. 312 настоящей книги), приведу мнение Фридриха Альберта Ланге, который на стр. 15 второго издания своего «Рабочего вопроса» говорит о *фальсифицированной науке*, которая по первому знаку капиталистов отдается в их распоряжение. И, разобрав далее господствующие взгляды на государственные науки и статистику, Ланге продолжает: «То, что подобные воззрения (монархические) оказывают свое воздействие и на людей науки, легко объясняется разделением труда в духовной области. При редко встречающейся свободной философии, собирающей все науки в один световой фокус, даже наши самые знаменитые ученые-исследователи — в известной мере дети всеобщего предрассудка: *они, правда, очень хорошо видят в своем узком кругу, но вне его они не видят ничего. Если присоединить к этому несчастью оплачиваемой государ-*

ством и ремесленно преподаваемой «философии», которая всегда готова объявлять существующее разумным, то откроется достаточно оснований сдержанности в тех случаях, где сами научные вопросы совершенно непосредственно приводят к элементам будущей мировой революции, как это имеет место в законе борьбы за существование».

Эти разъяснения Ф. А. Ланге ясны. Они не нуждаются в дополнениях. Подробности Циглер найдет у Ланге в первой и второй главах его книги. Циглер говорит далее, что ему советовали не приниматься за сочинение против меня, а вместо этого окончить уже давно начатую книгу по эмбриологии, «что было бы полезнее для его карьеры». Я тоже думаю, что это было бы разумнее не только для его карьеры, но и для его научной репутации, которая не возросла от книги, направленной против меня. Я не могу здесь подробно входить в рассмотрение возражений Циглера против взглядов на отношения полов у племен, стоящих на низшей ступени человеческого развития. Эти отношения, со времени Бахофена и Моргана, все более и более делаются предметом научного исследования. Не проходит почти ни одного дня, который не приносил бы новых и убедительных фактов в духе воззрений Бахофена — Моргана, и я сам в первом отделе предлагаемой книги привел для широких кругов несколько новых фактов, которые, по моему убеждению, точно так же бесспорно доказывают верность этих взглядов. Появившаяся между тем работа Кунова «Родственные организации австралийских негров», о которой я говорю в первом отделе этой книги, дает не только массу новых фактов в том же направлении, но, кроме того, подробно разбирает взгляды Вестермарка и Штарке, на которые опирается Циглер, и опровергает их самым основательным образом. Ради сбережения места я направляю Циглера к этой работе.

Там, где Циглер сам старается доказать, что единобрачные отношения между мужчиной и женщиной являются «обычаем, основывающимся на природе» (стр. 88 его книги), он делает труд доказательства уж слишком легким для себя. Сначала единобрачные отношения вытекают у него из чисто психологических оснований: «любви, обоюдного страстного желания, ревности», но затем он говорит, что брак необходим, «ибо через публичное заключение брака муж по отношению к обществу признает обязательство остаться верным своей жене, заботиться о ней

и воспитывать своих детей». Итак, сначала моногамия — «обычай, основывающийся на природе», отношения, вытекающие из «чисто психологических оснований», то есть нечто по законам природы само собой понятное, а несколькими страницами далее брак определяется как законное принудительное учреждение, созданное обществом для того, чтобы муж оставался верен своей жене, заботился о ней и воспитывал своих детей. «Разъясните мне, граф Эриндур, это раздвоение природы». У Циглера добрый гражданин погубил естествоиспытателя.

Если публичное заключение брака необходимо для мужа, чтобы он остался верен своей жене, заботился о ней и воспитывал своих детей, то почему Циглер не говорит ни единого слова о таких же обязанностях жены? Он невольно сознает, что жена в современном браке находится в подчиненном положении, которое заставляет ее всегда делать то, что от мужа должно быть еще только получено путем особого торжественного обязательства, в бесчисленном числе случаев нарушаемого.

Циглер, однако, не настолько ограничен и невежествен, чтобы не знать, что, например, еще в Ветхом завете основой патриархальной семьи была полигамия¹, которой предавались все патриархи до царя Соломона, и их от этого не удерживал обычай, «основанный на природе», а «психологические основания моногамии»² не оказывали на них никакого действия. Полигамия и полиандрия³, существовавшие в историческое время целые тысячелетия, — из них первая еще ныне признается на Востоке социальным учреждением многими сотнями миллионов людей — противоречат самым решительным образом приводимым Циглером «естественнонаучным» основаниям и доводят их до абсурда. Именно к абсурду приходят, если пытаются судить о чужих обычаях и социальных учреждениях с точки зрения ограниченных буржуазных предубеждений и ищут естественнонаучных оснований там, где имеют значение лишь *социальные причины*.

Циглер мог бы также не трудиться приводить примеры из половой жизни человекообразных обезьян, чтобы доказывать этим, что моногамия является своего рода естественной необходимостью, ибо обезьяны не обладают,

¹ Полигамия (греч.) — многобрачие, многоженство.— *Ред.*

² Моногамия (греч.) — единобрачие.— *Ред.*

³ Полиандрия (греч.) — многомужество.— *Ред.*

подобно людям, социальной организацией — хотя бы самой примитивной, — которая управляла бы их мышлением и поступками. Дарвин, на которого он ссылается против меня, был гораздо осторожнее в своем суждении. Дарвину, правда, казалось невероятным существование «брачной общности» и предшествовавшего ей состояния всеобщего полового смешения, но он был достаточно объективен, чтобы сказать, что все те, кто наиболее основательно изучили предмет, держатся другого мнения, чем он, и «брачная общность» (это специфическое выражение принадлежит нам. — *Авт.*), включая и брак между братьями и сестрами, составляла первоначальную и всеобщую форму полового общения на всей земле¹. Но со времени Дарвина исследование первобытного состояния общества сделало большой шаг вперед; многое, что тогда могло казаться сомнительным, теперь ясно, и, вероятно, сам Дарвин, если бы он еще был жив, отбросил бы свои прежние сомнения. Циглер подвергает сомнению учение Дарвина об унаследовании приобретенных свойств и самым решительным образом борется против этого взгляда; но сам Дарвином оставленные под сомнением воззрения о том, что моногамия была у людей первоначальным отношением полов, принимает он как непогрешимые, с жаром верующего христианина, который считал бы опасным для спасения своей души неверие в догмат святой троицы или, если он католик, в беспорочное зачатие Марии. Циглер находится в большом заблуждении, если он думает, что можно скрыть фазы развития половых сношений на различных культурных ступенях человечества, подвергая доказанные факты сомнению, крайне догматическому и в то же время исторически и естественнонаучно совершенно ложному.

В вопросе о моргановском объяснении развития половых отношений на различных ступенях развития общества с Циглером и его единомышленниками происходит то же самое, что с большинством наших ученых относительно материалистического понимания истории. Им недоступна простота и естественность этого понимания, уясняющего и объясняющего все явления, кажущиеся столь противоречивыми и неясными с другой точки зре-

¹ Die Abstammung des Menschen und die geschlechtliche Zuchtwahl, von Charles Darwin, 20 Kapitel. Sekundäre Geschlechtscharaktere der Menschen. Halle a. d. S., Otto Hendel.

ния; это понимание слишком просто, и в нем нет места спекулятивным мудрствованиям. Кроме того, они боятся, сами того ясно не сознавая, что эти взгляды отрицательно скажутся на прочности существующего государственного и общественного порядка; ибо, если законы развития действительны и для общества, как может тогда буржуазное общество утверждать, что не может быть никакого лучшего общественного порядка?

Циглер не понимает связи учения Дарвина с социалистическим мировоззрением; я и здесь рекомендую ему две первые главы из книги Ф. А. Ланге «Arbeiterfrage» («Рабочий вопрос»), озаглавленные: «Борьба за существование» и «Борьба за привилегированное положение»; быть может, ему из них станет ясным то, что осталось неясным в моей книге. Что Циглер неправ, рассчитывая использовать против меня взгляд Вирхова о дарвинизме, ведущем к социализму, я доказал в соответствующем месте этой книги.

Я рассматриваю естественнонаучное учение Дарвина в тесной связи с социалистическим мировоззрением, а Циглер думает опровергнуть это мировоззрение, ссылаясь на мнение Дарвина относительно войн и на его мальтузианские взгляды. Прежде всего я должен потребовать, чтобы меня цитировали верно. То, что Циглер цитирует на стр. 186 своего сочинения как мой взгляд на вечный мир, в самой основе неверно и показывает его полную неспособность разобраться в строе мыслей социалиста. Что некоторые войны оказывали благоприятное влияние на развитие культуры, с этим можно несомненно согласиться, но что все войны имели такой характер, это может утверждать только невежда в истории. Только варвар может верить в то, что даже теперь войны, при массовом истреблении самых крепких мужчин, цвета культурных наций, и массовом уничтожении культурных ценностей, способствуют прогрессу человечества. Всякий продолжительный мир был бы тогда, по взгляду Циглера и его единомышленников, преступлением по отношению к человечеству. Все, что Циглер говорит в своей книге об этой главе, не вышается над самым плоским мещанством.

Не выше стоит то, что он, опираясь на Дарвина, говорит о мальтузианстве. Полнейшее отсутствие социально-экономических знаний приводило Дарвина к слишком рискованным утверждениям всякий раз, как он касался

социальных тем; но со времени Дарвина в социальной области совершился такой могучий прогресс, что то, что было еще простительно Дарвину, уже непростительно его ученику, особенно если таковой, подобно Циглеру, выступает с претензией иметь в этой области авторитетное суждение. То, что я об этом мог бы против него сказать, мною сказано в отделе этой книги «Население и перенаселение». Здесь я лишь ссылаюсь на это место.

Одним из главных козырей, с которым Циглер выступает против меня, является опровержение моего взгляда о возможности развития людей, и особенно женщин, при разумных и естественных общественных отношениях путем воспитания. Циглер, опираясь на Вейсмана, придает своему противоположному мнению, что наследование приобретенных свойств исключается или возможно лишь в бесконечно далеком времени, такое значение, что ставит от него в зависимость осуществление социалистической идеи. Он говорит: «Прежде чем люди приспособились бы к новой социальной организации, эта новая организация давно бы погибла» (стр. 19). Это положение показывает своеобразно-наивное представление Циглера о будущих общественных формациях. Он не понимает, что новые общественные формации порождаются общественными потребностями, что общественные формации развиваются вместе с людьми, взаимно обуславливая и определяя друг друга. Новый общественный порядок невозможен без людей, желающих и способных его сохранить и развить. Если где-нибудь может быть речь о приспособлении, то именно здесь. Более благоприятные условия каждого нового общественного порядка по сравнению с предыдущим переносятся также на индивидуумы и постоянно облагораживают их.

По Циглеру, взгляд на возможность унаследования приобретенных свойств уже до такой степени раскритикован, что в него еще верят лишь отсталые. Как неспециалист и как человек, заваленный работами самого различного рода, далеко стоящий от разбираемой здесь темы, я не могу в данном случае опираться на свои собственные сведения и знания, но внимательное наблюдение показало мне, что этот вопрос, с такой неопровержимой уверенностью решаемый Циглером, очень спорный, и к тому же против мнения Циглера высказываются самые признанные представители дарвинизма. Так, доктор Бюхнер по-

местил 13 марта 1894 года в «Приложении к Всеобщей Газете» статью, озаглавленную «Естествознание и социал-демократия», в которой он разбирает сочинение Циглера. Бюхнер не только высказывается против взгляда Вейсмана — Циглера, но и указывает в то же время, что наряду с Геккелем в пользу взгляда Дарвина высказываются Гексли, Гегенбауэр, Фюрбрингер, Эймер, Клаус, Коп, Лестер Уорд и Герберт Спенсер. Далее и Хаке в своем очень ценном специалистами полемическом сочинении «Образованье и наследственность. Механика развития организмов»¹ выступает против точки зрения Вейсмана. И Хегар в своей брошюре, направленной против меня, не согласен с Вейсманом (стр. 130 и следующие). Теории о наследовании приобретенных свойств придерживается профессор доктор Додель, который в своем сочинении «Моисей или Дарвин. Школьный вопрос» на стр. 99 говорит дословно следующее: «Огромное значение имеют факты прогрессивной, или развивающейся, наследственности. Сущность ее состоит в том, что индивидуальные признаки, то есть недавно выступившие признаки, свойства позднейшего времени, могут перейти по наследству на потомство»². Об этом же вопросе Геккель пишет в письме к Л. Бюхнеру от 3 марта 1894 года, цитируемом в вышеуказанной бюхнеровской критике книги Циглера: «Из прилагаемой статьи вы увидите, что моя точка зрения в этом основном вопросе неизменно остается монистичной (и одновременно ламарковской). Теории Вейсмана и им подобные всегда приводят к дуалистическим³ и телеологическим⁴ представлениям, которые в конце концов становятся чисто мистическими. В онтогении они прямо приводят к старой догме предопределения» и т. д.

На той же почве стоят Ломброзо и Ферреро в их сочинении «Женщина, как преступница и проститутка»⁵, где

¹ «Gestaltung und Vererbung. Eine Entwicklungsmechanik der Organismen», Leipzig 1893.

² «Moses oder Darwin. Eine Schulfrage», Stuttgart 1895, Fünfte vermehrte Auflage.

³ Дуализм — ложное философское направление, признающее материю и сознание двумя самостоятельными и независимыми началами.— *Ред.*

⁴ Телеология — идеалистическое лжеучение, утверждающее, что всякое развитие в природе заранее предопределено «свыше». — *Ред.*

⁵ «Das Weib als Verbrecherin und Prostituirte», Leipzig 1894.

на стр. 140 они говорят об инстинктах подчинения и преданности, которые женщина унаследовала посредством приспособления.

Точно так же Тарновский¹ считает возможным при известных условиях унаследование приобретенной извращенности полового чувства, а Крафт-Эбинг² говорит о характере женщины, образовавшемся в определенном направлении в ряде многочисленных поколений.

Эти ссылки показывают, что я с моим взглядом на унаследование приобретенных свойств нахожусь в хорошем обществе и что Циглер утверждает более того, что может доказать.

Циглер по своей гражданской специальности — естествоиспытатель, но как *zoop politician* он, выражаясь словами Аристотеля, по всей вероятности, национал-либерал. За это говорит частая неопределенность выражений, когда он затрудняется привести доказательства; за это говорит далее судорожное усилие, предпринимаемое им, чтобы согласовать все развитие человечества с современным буржуазным строем, причем он пытается доказать, что социальные и политические учреждения, касающиеся брака, семьи, государства и т. д., во все времена были подобны нынешним, и этим может быть доказано, что в конце XIX столетия филистер не должен ломать себе голову над тем, что ему принесет XX столетие.

Перехожу к Хегару. Автор называет свою книгу социально-медицинским исследованием. Если бы он «социально» вычеркнул и отбросил соответствующую часть своей брошюры, то его работа немало выиграла бы, ибо социальный раздел ее крайне убогий и показывает в высшей степени недостаточное знакомство автора с нашими социальными условиями. Хегар не подымается здесь ни на поту выше буржуазной посредственности и, подобно Циглеру, совершенно не в состоянии схватить хотя бы одну мысль, которая не укладывается в узкий круг буржуазных воззрений. Поэтому Хегар, в мудром познании самого себя, поступил очень умно, отказавшись от своего первоначального плана (см. предисловие к его книге) исследовать весь женский вопрос; он избрал ограничен-

¹ Die krankhaften Erscheinungen des Geschlechtssinnes. Berlin 1886.

² Lehrbuch der Psychiatrie, 1. Band, 2. Auflage.

ную тему, «чтобы выступить таким образом против лживых и в высшей степени вредных взглядов и учений, которые... брошены в широкие массы в особенности книгою Бебеля «Женщина и социализм», и он прибавляет далее: «Хорошие и действительно на научной основе стоящие работы, какова «Половая гигиена» Риббинга, находят, напротив, сравнительно мало сочувствия».

Эта последняя книга мне хорошо известна, автор ее стоит на строго религиозной почве; книга его очень слабая, и в ней ясно выражена консервативная тенденция. Сильно выраженная тенденция видна, конечно, и в хегаровском опровержении моего сочинения. В своем усердии опровергать он доказывает больше, чем может доказать как специалист. При этом он повсюду берет под свою защиту высшие классы, выставляя их образцом нравственности, рабочих же он закидывает камнями, так что часто думаешь, что имеешь дело с буржуа, сознающим свои классовые интересы, а не с представителем науки. Напротив, когда Хегар выступает в своем изложении объективно, как человек науки, сочинение его содержит ряд поучительных сведений, распространение которых весьма желательно. Но напрасно стали бы мы искать в его сочинении широких обобщений и предложений по оздоровлению общества, которые могло бы принять государство или общество, поскольку необходимость их была бы признана, в целях воспитания всего человеческого рода на основе самых передовых научных знаний.

В буржуазном обществе существуют два класса¹, которые не принадлежат к пролетариату, но которые, если бы они могли освободиться от своего узкого буржуазного образа мыслей, должны бы с восторгом приветствовать социализм: это учителя и медики (гигиенисты, гинекологи, врачи). Таким образом, именно от таких людей, как Хегар и ему подобные, знающих, благодаря своему положению и своим занятиям, безмерное несчастье, которое переживает огромное большинство людей, особенно женщин, главным образом вследствие наших социальных отношений, — именно от таких людей следовало бы ожидать решительного слова в пользу широких мероприятий,

¹ Бебель, очевидно, имеет в виду две группы людей по профессии, ибо ни учителя, ни медики не могут рассматриваться как классы буржуазного общества.— *Ред.*

направленных на оздоровление и преобразование социальных условий, которые одни только действительно могут помочь делу. Но этого нет. Напротив, они защищают противоестественное состояние и прикрывают своим авторитетом прогнивший общественный строй, ежедневно доказывающий свою беспомощность перед лицом все более возрастающих бедствий физического и нравственного разложения. Это более всего возмутительно в поведении всех этих мужей науки, у которых одно только оправдание, что окружающая их общественная среда и ее предрассудки, сделавшиеся их второй натурой, лишают их возможности хотя бы мысленно подняться над этой средой; при всей их учености они остаются «нищими духом».

У Хегара, подобно Циглеру, своеобразный способ цитирования; он также выдергивает несущественное, откидывая существенное, и строит на этом опровержение. Его побуждает полемизировать против меня главным образом то, что я придаю большое значение *нормальному* удовлетворению половой потребности у зрелых людей, и он выставляет дело так, как будто я защищаю неумеренность. Отмечая, что я ссылаюсь на Будду и Шопенгауэра, и называя устаревшими мнения Хегевича и Буша, он умалчивает, что такие авторитеты, как Кленке, Плосс и Крафт-Эбинг, высказывающиеся гораздо обстоятельнее, чем выше-названные, стоят на моей стороне. В предлагаемом издании я цитирую далее консервативного статистика по вопросам морали фон Эттингена, который на основании своих статистических исследований приходит к совершенно таким же результатам, как я. Всему этому Хегар не нашел противопоставить ничего лучшего, как статистику Декарпье о смертности холостых во Франции за время с 1685 по 1745 год (!!!) и статистику женатых по Бауэру, относящуюся к 1776—1834 годам. Те и другие данные относятся ко времени, когда статистика была еще в очень жалком состоянии, они не могут считаться доказательными.

Но Хегар запутывается в противоречиях. На стр. 9 своего сочинения как доказательство безвредности полового воздержания взрослых людей он приводит католических священников, а также монахов и монахинь, добровольно наложивших на себя обет безбрачия. Он оспаривает возражение, что эти люди не живут воздержанно, указывая, что к воздержанности их принуждает кроме

чувства долга общественное положение, при котором всякое падение делается темой сплетен и скоро доходит до ушей начальства. Между тем на стр. 37 и 38 своей книги он говорит буквально следующее: «Факт, установленный Дрюри (и приведенный Бертиллоном), *говорит все же совершенно определенно о прямом влиянии подавленной половой потребности на возникновение этой категории преступлений* (изнасилование, покушение на детей и прочее). Дрюри сопоставил нарушение нравственности в течение 30 месяцев в школах, руководимых светскими лицами, и в школах, руководимых духовенством. В 34 873 светских школах насчитывается 19 преступлений и 8 проступков, в 3581 духовной школе — 23 преступления и 32 проступка. *Таким образом, институты, содержимые религиозными конгрегациями, насчитывают в 4 раза более проступков и в 12 раз более преступлений против нравственности!*» Я полагаю, что того, кто сам себя опровергает, нет нужды опровергать.

Подобных противоречий у Хегара еще много. На стр. 18 и 19 он дает таблицы смертности для Франции, Парижа, Бельгии, Голландии, Пруссии, Баварии, которые показывают число умерших в различных возрастах на каждую тысячу женатых и холостых. Почти все эти таблицы говорят в пользу моего воззрения, так как они показывают, что смертность холостых, за исключением более молодого возраста в 15—20 лет, выше смертности женатых и замужних. Конечно, немалая часть замужних женщин умирает в родовой период или от его последствий в возрасте 20—40 лет, и Хегар заключает из этого факта и из многочисленных болезней, возникающих от перенесенных родов, что удовлетворение потребности любви значительно повышает смертность женщин. Но он не замечает, что они умирают не вследствие половых отношений, а от их последствий. И в этом виноваты лишь *физические* свойства значительного числа женщин, затрудняющие им перенесение родового акта. И эта физическая слабость опять-таки является результатом наших жалких *социальных* отношений: плохого питания, жилищных условий, образа жизни, рода занятий, умственного и физического воспитания, одежды (корсет) и т. д. Хегар, как специалист, должен также знать, как часто в тяжелых страданиях рожениц виновата недостаточная или неправильная акушерская помощь или заражение со стороны

мужа. Все эти недостатки могли бы быть уничтожены разумными социальными учреждениями и способами воспитания, и тогда не было бы всех этих последствий. Упрекая меня далее в сильном преувеличении вредного влияния неудовлетворенной половой потребности, Хегар сам впадает в другую крайность. Он так описывает вред от удовлетворения половой потребности для женщины, что оказывается прав апостол Павел, учивший, как известно: вступать в брак хорошо, не вступать — еще лучше.

Хегар оспаривает далее правильность моего воззрения, что неудовлетворение половой потребности у неженатых влияет на число самоубийств. Я обращаю здесь прежде всего внимание на статистические данные моей книги. Но Хегар сам должен согласиться (стр. 23), что *«в общем число самоубийств в холостом состоянии выше»*. Из-за чего же тогда спор?

В дальнейшем Хегар оспаривает мой взгляд, что подавление половой потребности часто ведет у женщин к душевным болезням, к сатириазису, к нимфомании, но и здесь опровергнуть мой взгляд ему совсем не удалось. На стр. 80 он говорит: *«Женский пол в общем более подвержен помешательству, чем мужской, но все же разница незначительна; напротив, очень велика разница между не вступившими в брак и состоящими в нем; число сумасшедших среди первых приблизительно вдвое больше. Это отношение выступает еще резче, если не принимать во внимание детей, у которых душевные заболевания замечаются сравнительно редко, и учитывать только неженатых и незамужних с пятнадцатилетнего возраста. Тогда получается приблизительно в четыре раза большее число сумасшедших для холостых, чем для состоящих в браке. Хегар старается, правда, эту огромную разницу в пользу состоящих в браке объяснить различными причинами, и часть этих причин я могу принять тем легче, что я нигде не утверждал, будто подавленная половая потребность является единственной причиной болезненных состояний неженатых и незамужних; и все же Хегар в конце концов должен согласиться (стр. 31): «Однако разница между не состоящими в браке и состоящими слишком велика, чтобы ее можно было объяснить только этим»* (приведенными им причинами). Я снова спрашиваю: из-за чего же спор?

Далее, на стр. 23 он говорит: «Нимфомания и сатириазис появляются иногда при очень значительных анатомических изменениях в половых органах или в центральной нервной системе». Но откуда происходят эти изменения, на это он дает очень неудовлетворительный ответ. Что неудовлетворение половой потребности может способствовать появлению страдания, с этим он согласен. «Однако первой и главной причиной является все же искусственно и насильственно вызванное возбуждение»(!). Но это возбуждение лежит в половой природе человека, иначе оно было бы невозможно. Хегар соглашается также, что происхождение истерии еще в древности приписывалось подавленной половой потребности, но сам он этого не хочет признать, и все же на стр. 55 он говорит: «В прежнее время, да и в наши дни, хотя и реже, наблюдались *заболевания истерией, истерическим сумасшествием и пляской святого Витта* в таких закрытых учреждениях, как *женские монастыри, женские институты*, что опять-таки часто приписывалось подавленной половой потребности». Хегар не спорит с этим, он пытается лишь выяснить причины, против которых мне опять-таки нет надобности возражать, тем более что я их сам отчасти уже привел.

«Картина болезни легко приобретает у женщины половой оттенок», — говорит далее Хегар, и это я опять-таки принимаю, как согласное с моими взглядами. Он заявляет далее: «Насколько при происхождении таких нервных и душевных страданий, имеющих половую окраску, играет роль насильственное подавление половой потребности, соответствующей силе и возрасту данного лица, это трудно решить». И эта уступка удовлетворяет меня.

В гл. VI своей брошюры Хегар рассматривает вред, вытекающий для женщины из участия ее в процессе размножения. Как уже выше было указано, по Хегару, замужние женщины подвергаются гораздо большим опасностям в смысле вреда для здоровья, чем незамужние, хотя он не хочет совершенно отвергать отрицательной стороны неудовлетворения половой потребности. Но, как бы то ни было, самый вид пожилых девушек, так называемых старых дев, показывает даже неспециалистам вред безбрачия. Этого не может вполне замолчать и Хегар, и поэтому он замечает на стр. 30: «Существует и другой класс девушек, которые совершенно здоровы или у которых

во всяком случае не замечается никаких сколько-нибудь значительных отклонений в развитии их организма, но которые постепенно стареют, не вступая в брак. По своему внешнему облику они во многом напоминают малокровных: чувство слабости и дряхлости, отвращение к работе, плохое настроение, сильная раздражительность, бледное лицо, худоба, ненормальность половых функций и др.» В этих словах содержится, таким образом, очень ценное для меня согласие с моими взглядами. И тем не менее на меня же обрушиваются с самыми страшными обвинениями только потому, что я более откровенно называю вещи их настоящими именами.

Я совершенно не касаюсь того, что Хегар говорит в гл. VII своей брошюры о неумеренности в половых отношениях и о последствиях так называемой «свободной любви»; во-первых, потому, что он, полемизируя со мною, не понял меня, намеренно или ненамеренно, этого я не буду касаться; во-вторых, потому, что он ставит здесь вопросы, которые вообще не имеют отношения к излагаемой мною теме.

В дальнейшем с Хегаром произошло то, что происходит вообще со всеми буржуазными идеологами: следствие он ставит на место причины; так, например, пьянство он выводит не из социальных причин, а из «этического дефекта». Я так подробно в этой книге говорю о влиянии социальных условий на жизненные отношения людей, что мне в данном месте незачем об этом более распространяться.

Хегара сильно возмущает то, что я показываю, как часто дочери народа соблазняются лицами, принадлежащими к «имущим и образованным» классам. Это, по его мнению, неверно, виновными оказываются будто бы почти без исключения солдаты, рабочие, подмастерья, слуги, иногда попадается и человек из лучшего сословия, который тогда должен очень тяжело платиться за свою ошибку, в которой он, быть может, несет только часть вины. Более наглое утверждение едва ли возможно. Конечно, отцы приблизительно 170 тысяч ежегодно рождающихся внебрачных детей только отчасти лица «имущих и образованных» классов, и в процентном отношении они представляют *необычайно большой контингент*. К сожалению, работники, в особенности слуги в благородных домах, слишком часто готовы брать на себя грехи своих

господ. Если бы Хегар произвел соответствующее дознание в акушерской клинике Фрейбурга, он там кое-чему научился бы, если он способен вообще в этом пункте чему-нибудь научиться. Я рекомендую ему также прочесть сочинения его более молодого коллеги доктора Макса Таубе из Лейпцига «Охрана внебрачных детей»¹, который при исследовании этого вопроса приходит к совершенно противоположному выводу. Слепой, предвзятый защитник буржуазного общества говорит в Хегаре, когда он обсуждает социальные моменты. Таковым он является и тогда, когда произносит настоящий панегирик господствующей во Франции двухдетной системе, которая, по его мнению, является своего рода идеальным состоянием. О причинах и влияниях этой системы я достаточно высказываюсь во втором отделе данной книги. Выступая защитником этой системы, Хегар опять-таки совершенно не замечает ее последствий для *нравственного состояния* французского населения. Он, как гинеколог, не может не знать, что она значительно усиливает массовые аборт, детоубийства, растреление детей и противоестественный разврат.

На той же высоте понимания стоят и другие социальные и политические взгляды, выдвигаемые им против моих взглядов. Таково, например, все, что он говорит о праве на труд, которое немецкая социал-демократия, как известно, никогда не признавала программным требованием, о международных отношениях, о трудовом дне и о природе денег. Поистине феноменальной поверхностью отличаются также его экономические взгляды по аграрному вопросу. В падении английского земледелия виновной оказывается отмена хлебных пошлин, что, как известно, произошло в 1847 году. Тот факт, что я неоднократно указываю в своей книге на то, как в настоящее время плодородная почва часто отводится под лес, который затем заселяется оленями и козулями, чтобы аристократы и богатые господа могли удовлетворить свои охотничьи страсти, вызвал у него следующее возражение (стр. 94): «Из любви к охоте в Германии, конечно, под лес не отводится или отводится очень мало земель, которыми можно воспользоваться лучше для других целей или которые вообще могли бы найти более правильное назначение. Едва удастся охранить от полного истребле-

¹ «Der Schutz der unehelichen Kinder», Leipzig 1893.

ния некоторые виды животных, каковы олени, кабаны; конечно, для сторонника одностороннего утилитарного принципа это безразлично, и он считал бы совершенно правильным, если бы были перестреляны последний заяц и последняя дикая коза. Но что стало бы тогда с лесами и полями!»

Так может писать только человек, который не имеет никакого понятия о том, что происходит в действительности, иначе он знал бы, что наши крестьяне на севере и на юге, на востоке и на западе — все согласны с тем, что вред, причиняемый преднамеренной охраной диких животных во всех частях Германии, достиг постепенно такого размера, который должен быть назван бедствием. Едва ли в этом отношении условия феодального времени были хуже, чем то, что происходит теперь в некоторых местностях в Германии.

И собственно аграрный вопрос Хегар разрешает удивительно просто. Он пишет (стр. 106): «Торговая политика, податная система, законодательство и добрая воля владельцев латифундий более всего должны способствовать поддержанию мелких и средних крестьян...» Таким образом, от волка он ожидает спасения ягненка. Тут я теряю способность и склонность дальше полемизировать.

Если немецкая профессорская среда не выставит более искусных бойцов, чем Хегар и Циглер, против дракона социализма, тогда это современное «чудовище» овладеет буржуазным обществом. Бессонных ночей нам такие Зигфриды не причинят.

А. Бебель

Пасха. 1895.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

Со времени двадцать пятого издания этого сочинения я его не дополнял и не перерабатывал, но ввиду продолжающегося спроса на эту книгу мне показалось желательным вновь подвергнуть пересмотру ее содержание. В основных воззрениях, нашедших выражение в этой книге, я не нашел ничего, что нужно было бы изменить, но я принял во внимание целый ряд новых фактов, сделавшихся известными со времени появления двадцать пятого издания; точно так же я включил в круг обсуждения ряд новых литературных явлений, содержащих в себе заслуживающие внимания взгляды. Был принят во внимание и ряд сообщений и указаний, которые вновь были присланы мне моими читателями и за которые я приношу здесь мою искреннюю благодарность.

Чтобы не увеличивать еще более объема книги, я был вынужден сделать выбор между нахлынувшим материалом. При имеющейся массе его было бы легко удвоить содержание книги. Но против такого расширения книги говорили самые различные основания.

В настоящем виде, как я надеюсь, будет достигнута еще скорее цель, которую преследовала книга и, можно сказать, достигла в высокой степени,— преодоление предрассудков, препятствующих женщине добиться полного равноправия, а также пропаганда социалистических идей, осуществление которых только и обеспечивает женщине ее социальное освобождение.

Ведь не проходит дня, который не приносил бы мыслящему человеку новых доказательств того, что только переустройство государства и общества в самой их основе может положить конец все возрастающему разложению нашего государственного и социального строя.

Сознание необходимости такого переустройства охватывает не только все более широкие круги пролетарской женской среды, но и буржуазное женское движение все

более возвышается в своих стремлениях и ставит требования, на которые прежде осмеливались лишь самые прогрессивные элементы. Женское движение почти во всех культурных странах с каждым годом становится на все более твердую почву, и если в этом движении еще можно найти много неясного и половинчатого, то эти недостатки не остаются надолго скрытыми для действующих в нем элементов; женское движение будет и дальше развиваться, хотя того или нет.

Совершенно особым признаком прогресса движения является громадный рост литературы по женскому вопросу; чтобы следить за ней, недостаточно сил одного лица. Конечно, и здесь нередко качество не соответствует количеству, но все же это признак духовного брожения и, в конце концов, в других областях духовной деятельности это несоответствие не менее велико. Важно то, что движение прогрессирует, и то, что, быть может, ускользает от внимания отдельных лиц, исправляет инстинкт массы. Приведенная в движение масса не сбивается с пути.

А. Бебель

Берлин—Шёнеберг,
15 ноября 1902 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЯТИДЕСЯТОМУ ИЗДАНИЮ

В начале текущего года исполнилось тридцать лет с появления первого издания этой книги. Оно появилось, как я уже указывал в предисловии к девятому изданию, при исключительных обстоятельствах. За несколько месяцев перед тем был издан закон о социалистах, на основании которого запрещалась вся социалистическая литература. Если кто-нибудь, однако, отваживался тогда распространить или издать запрещенное произведение и попадался с этим, то в награду получал до шести месяцев тюрьмы. Все же отваживались и на распространение и на издание.

Первое издание вышло в Лейпциге, но появилось под чужой фирмой. На нем было обозначено издательство народной книжной торговли — Цюрих — Геттинген, где как раз издавался и запрещенный в Германии «Социал-демократ». Второе издание застряло, и я смог его впервые выпустить только в 1883 году: раньше мне помешали препятствия личного характера. Второе издание появилось в книгоиздательском магазине (И. Шабелитца) в Цюрихе. Следующие шесть изданий вышли до 1890 года, по 2500 экземпляров каждое. Препятствия к распространению книги преодолевались. Правда, иногда посылки попадали в руки полиции, а отдельные экземпляры конфисковывались на дому при обысках. Впрочем, эти книги не пропадали, они шли, конечно бесплатно, в другие руки и прочитывались полицейскими чиновниками, их близкими и друзьями, быть может, еще с большим усердием, чем моими партийными товарищами.

Когда наконец в 1890 году закон против социалистов пал, я предпринял полную переработку и значительное расширение книги, которая и была выпущена девятым изданием в 1891 году тем же издательством, что и настоящее издание. Предлагаемое здесь пятидесятое издание

значительно обновлено. Содержание его стало яснее благодаря увеличению количества глав и расчленению их.

До сего времени книга вышла на четырнадцать языках, во многих странах в новых изданиях, например в Италии и Соединенных Штатах. В настоящее время она переводится на пятнадцатый, сербский, язык.

Таким образом, книга прошла свой путь, и, могу добавить без высокомерия, путь, пробитый ею самой. Противники ее вопреки своему желанию немало позаботились о ее распространении.

Впрочем, она нашла различное признание. В своем сочинении «Половой вопрос»¹ профессор Август Форель называет ее «значительной и замечательной книгой», которая является, с некоторыми делаемыми им оговорками, «важным, превосходным сочинением, с которым в самом существенном безусловно должно согласиться». В другом месте он говорит, что, хотя и не согласен с целым рядом пунктов, в которых считает меня неправым, он «оценивает мою книгу как произведение, заслуживающее высшей похвалы».

То же говорит он и по поводу второго издания 1883 года. Профессор Форель, как видно, не знает позднейших, существенно измененных и дополненных, изданий, потому я не вхожу в рассмотрение его критики издания 1883 года.

Один английский автор, Г. С. Говард, также пишет в своем сочинении «История супружеских отношений»²: «В своей превосходной книге о «женщине и социализме» Август Бебель предъявил тяжелый обвинительный акт современным брачным отношениям». Далее он дает краткий обзор содержания и заключает: «Что бы мы ни думали о целебных средствах, предлагаемых социалистическими писателями, сколь бы ни казалось нам спорным положение, что единственное наше спасение в основании кооперативной республики, одно совершенно бесспорно: социалисты оказали обществу ценную услугу, честно изучив факты и бесстрашно изложив их. Беспощадно обнажили они все недостатки, которыми страдает наша семья в современном государстве. Они ясно показали, что проблема брака и семьи может быть разрешена лишь

¹ «Die sexuelle Frage», Buchdruckerei M. Müller U. Sohn, München. 4. und 5. Auflage. S. 578 und 589.

² G. S. Howard, A History of matrimonial institution, London 1904, p. 234, 235.

в связи с современной экономической системой. Они доказали, что только при полном освобождении женщины и абсолютном равноправии полов в браке возможен прогресс. *Этим они добились того, что уже в настоящее время человечество выработало гораздо более высокий идеал брачной жизни».*

Женское движение — как буржуазное, так и пролетарское — за тридцать лет со времени выхода моей книги достигло, особенно в культурных странах мира, очень многого. Пожалуй, нет другого движения, которое за такой короткий отрезок времени добилося бы столь замечательных результатов. В признании политического и гражданского равноправия женщины, допущении ее в высшую школу и к профессиям, ранее закрытым для нее, сделаны огромные успехи. Даже те партии, которые были принципиальными противниками женского движения, например католический центр и евангелические христианские социалисты, теперь сочли необходимым превратить свои отсталые позиции в передовые. Самым простым основанием для этого было опасение со стороны этих партий полностью утратить свое влияние на доступные им круги женщин.

На вопрос, как объяснить такое явление, можно ответить: к этому привел великий социальный и экономический переворот во всех наших отношениях. Если кто-нибудь должен, подобно бывшему несостоятельному прусскому министру культов, прилично пристроить своих семерых дочерей, то жестокие факты вобьют ему в голову и логику и рассудок. То же самое происходит многократно в наших так называемых высших общественных кругах даже и тогда, когда имеется не семь дочерей, которые должны приобрести соответствующее положение в обществе.

Что агитация передовых женщин в сильной степени содействовала этому развитию, понятно само собой. Однако успех этой агитации возможен был потому, что общественное и экономическое развитие содействовали ей, как и социал-демократии. Даже ангельские словеса имеют успех только тогда, когда имеется достаточный резонанс для того, что они вещают. И нет сомнения, что общественный резонанс от агитации передовых женщин будет все больше, а это обеспечит и дальнейшие успехи в развитии женского движения. Мы живем уже в эпоху

социальной революции, но большинство этого не понимает. Неразумные девы еще не вымерли.

В заключение я должен здесь принести мою глубочайшую благодарность партийному товарищу, Н. Рязанову, за всеобъемлющую помощь, оказанную им мне при обработке пятидесятого издания. Он выполнил главную часть работы. Без его помощи для меня было бы невозможно выпустить книгу в улучшенном виде, так как болезнь за последние два года значительно понизила мою работоспособность; кроме того, другая большая работа заняла мое время и силы.

А. Бебель

Шёнеберг—Берлин,
31 октября 1909 года.

ВВЕДЕНИЕ

Мы живем в эпоху великого социального переворота, который с каждым днем все более движется вперед. Постоянно увеличивающееся движение и брожение мысли замечается во всех слоях общества и влечет к глубоким жизненным преобразованиям. Все чувствуют, что почва колеблется под их ногами, выплывает масса вопросов, которые интересуют все более широкие круги и из-за разрешения которых ведутся жаркие споры. Одним из важнейших вопросов, все более выдвигающимся на первый план, является *женский вопрос*.

Здесь дело идет о положении, которое женщина должна занять в нашем социальном организме, каким образом она может всесторонне развить свои силы и способности, чтобы сделаться полным, равноправным и деятельным членом человеческого общества. С нашей точки зрения этот вопрос совпадает с вопросом, какой вид и организацию должно принять человеческое общество, чтобы угнетение, эксплуатация, нужда и нищета заменились физическим и социальным здоровьем отдельных личностей и всего общества в целом. Таким образом, женский вопрос является для нас лишь одной стороной общего социального вопроса, занимающего в настоящее время всех мыслящих людей; он может поэтому найти свое окончательное решение лишь с уничтожением общественных противоположностей и с устранением вытекающего из них зла.

Тем не менее необходимо и специально заниматься женским вопросом. Во-первых, вопрос о том, каково положение женщины было раньше, каково оно теперь и каким станет в будущем, затрагивает большую половину общества, по крайней мере в Европе, потому что здесь женский пол образует большую половину населения. Во-вторых, представление об общественном положении женщины в течение тысячелетий так мало соответствует

действительности, что разъяснение истинного положения вещей крайне необходимо. Ведь добрая половина предрассудков, с которыми встречается все усиливающееся движение в самых различных кругах, в том числе и в кругу самих женщин, основывается на незнании и на непонимании положения женщины. Многие утверждают даже, что не существует никакого женского вопроса, так как положение, которое до сих пор занимала женщина и которое она должна занимать в будущем, определяется ее «природным призванием», указывающим ей быть женой и матерью и ограничивающим ее деятельность домашнею работой. Что происходит по ту сторону ее четырех стен или не стоит в самой тесной связи с ее домашними обязанностями, то ее не касается.

Таким образом, и в женском вопросе, как и в социальном вопросе вообще, где главную роль играет положение рабочего класса в обществе, стоят друг против друга различные партии. Желаящие оставить все по-старому быстры на ответ и думают покончить дело, указав женщине на ее «природное призвание». Они не видят, что миллионы женщин совершенно не в состоянии следовать присвоенному им «природному призванию» хозяек, родильниц и воспитательниц по причинам, которые нужно развить подробно. Они не видят, что другие миллионы женщин в значительной степени не выполнили этого призвания, потому что брак превратился для них в иго и рабство и они должны влечь свою жизнь в нищете и нужде. Это, правда, так же мало беспокоит наших «мудрецов», как и тот факт, что миллионы женщин самых различных жизненных призваний должны выжимать из себя последние силы, часто самым неестественным образом, чтобы только поддерживать свое существование. Перед этим неприятным фактом они точно так же закрывают глаза и затыкают уши, как перед нищетой пролетариата, утешая себя и других тем, что «всегда» так было и «всегда» так будет. Они ничего не хотят слышать о том, что женщина, точно так же как мужчина, имеет право на полную долю в культурных приобретениях нашего времени, чтобы облегчить и улучшить свое положение, чтобы развить и применить в своих интересах все свои духовные и физические способности. А если им еще говорят, что для физической и духовной независимости женщине необходима и экономическая независимость, что только

тогда она не будет более завлечь от благоволения и милости другого пола, — тогда они уже окончательно теряют терпение, их гнев разгорается и следует поток резких жалоб на «современное сумасшествие» и на «дурацкие эмансипаторские стремления».

Это филистеры мужского и женского пола, которых невозможно вытянуть из узкого круга их предрассудков. Это сычи, появляющиеся повсюду, где господствует тьма, и в ужасе вскрикивающие, как только луч света падает в приятную им темноту.

Другая часть противников движения не может, конечно, закрывать глаза перед слишком громко говорящими фактами. Они признают, что ни в одну из предыдущих эпох большая часть женщин не находилась, по сравнению с общим культурным развитием, в таком неудовлетворительном положении, как ныне, и поэтому необходимо заняться вопросом, как улучшить их положение, поскольку они предоставлены самим себе. Но и этой части противников кажется, что социальный вопрос разрешен для тех женщин, ладья которых пристала к брачной пристани.

Эта часть требует поэтому, чтобы незамужней женщине были открыты те области труда, которые соответствуют ее силам и способностям, с тем чтобы она могла вступить в соревнование с мужчиной. Некоторые идут еще дальше и требуют, чтобы соревнование не ограничивалось низшими родами занятий, но распространялось и на более высокие формы деятельности людей — на область искусства и науки. Они требуют допущения женщин к занятиям во всех высших учебных заведениях, в том числе и в университетах, они высказываются и за принятие женщин на государственную службу (почта, телеграф, железные дороги), при этом ссылаются на результаты, достигнутые женщинами, особенно в Соединенных Штатах. Иногда выставляется даже требование о предоставлении женщине политических прав. Ведь женщина — такой же человек и гражданин, как мужчина, а существующее до сих пор сосредоточение законодательной власти только в руках мужчин показывает, что те пользовались своей привилегией лишь в своих выгодах, опекая женщин во всех отношениях, и это необходимо прекратить.

Замечательно, что все эти кратко очерченные здесь стремления не выходят за рамки современного обществен-

ного строя. Даже не ставится вопрос, будет ли этим вообще достигнуто что-нибудь существенное и основательное для положения женщин. Стоя на почве буржуазного, то есть капиталистического, общественного порядка, буржуазную равноправность мужчины и женщины рассматривают как окончательное решение вопроса. Не сознают или сознательно обманывают себя, что поскольку вопрос идет о беспрепятственном допущении женщин к ремесленным и промышленным занятиям, цель эта фактически достигнута и находит самую сильную поддержку со стороны господствующих классов, действующих в своих собственных интересах. Но при данных условиях допущение женщин ко всякой промышленной и ремесленной деятельности должно иметь своим следствием обострение борьбы и соперничества между рабочими и в конце концов понижение доходов как для женской, так и для мужской рабочей силы, независимо от того, получается ли этот доход в форме заработной платы или жалованья.

Ясно, что это решение не может быть правильным. Полное уравнивание положения женщин в буржуазном понимании является конечной целью не только мужчин, которые сочувствуют этим женским стремлениям, стоя на почве современного общественного строя, но и женщин из буржуазии, принимающих участие в движении. Эти последние и их единомышленники среди мужчин составляют, таким образом, группу, противоположную той части мужчин, которые враждебно настроены к женскому движению или из филистерской ограниченности, или из низменного эгоизма и страха конкуренции, когда речь идет о допущении женщин к высшему образованию и лучше оплачиваемым общественным должностям. Но классовых противоречий, существующих между рабочими и капиталистами, здесь нет.

Если предположить, что буржуазное женское движение проведет все свои требования о равноправии с мужчинами, то этим не уничтожится ни рабство, каким для бесчисленного числа женщин является современный брак, ни проституция, ни материальная зависимость огромного большинства жен от своих мужей. Для огромного большинства женщин к тому же безразлично, удастся ли нескольким тысячам женщин более состоятельных слоев общества пройти высшее учебное заведение, получить медицинскую практику или сделать научную или служеб-

ную карьеру, — это ничего не изменит в общем положении их пола.

Женский пол в своей массе страдает в двойном отношении: во-первых, он страдает вследствие социальной и общественной зависимости от мужчин — эта зависимость может быть ослаблена, но не устранена формальным уравниванием женщины перед законами и в правах, — он страдает и от экономической зависимости, в которой находятся женщины вообще и пролетарские женщины в особенности, наравне с пролетариями-мужчинами.

Из этого вытекает, что все женщины, без различия их социального положения, как пол, находящийся вследствие нашего культурного развития в подчинении у мужчин, заинтересованы в том, чтобы это состояние, поскольку это возможно, уничтожить путем изменения законов и перестройки существующего государственного и общественного порядка. Но огромное большинство женщин живейшим образом заинтересовано также и в том, чтобы существующий государственный и общественный строй был коренным образом преобразован, чтобы было устранено как рабство наемного труда, от которого больше всего страдает женский пролетариат, так и половое рабство, неразрывно связанное с нашими имущественными и производственными отношениями.

Женщины, принимающие участие в буржуазном женском движении, не понимают необходимости подобного радикального преобразования общества. Находясь в привилегированном положении, они видят в более прогрессивном пролетарском женском движении опасные и нежелательные стремления, с которыми следует бороться. Классовая противоположность, которая разделяет класс капиталистов и класс рабочих и которая при обострении наших отношений развивается все сильнее, проявляется, таким образом, и в женском движении.

Тем не менее враждебные женские партии имеют гораздо больше точек соприкосновения, чем разделенные классовой борьбой мужчины, так что первые могут вести борьбу, маршируя отдельно, но сражаясь вместе. Это верно для всех областей, затрагивающих вопрос о равноправии женщин с мужчинами на основе сохранения современного государственного и общественного строя, следовательно, и для деятельности женщины во всех областях, соответствующих ее силам и способностям, и

для ее борьбы за полное гражданское и политическое равноправие с мужчиной. Это очень важные и, как будет видно, очень обширные области. Наряду с этим пролетарские женщины имеют особый интерес бороться рука об руку с пролетариями-мужчинами за все мероприятия и учреждения, которые охраняют работающую женщину от физической и моральной дегенерации и обеспечивают ей возможность проявлять свои способности как матери и воспитательницы детей. Женщина-пролетарий должна далее вместе с мужчиной-пролетарием, ее товарищем по классу и судьбе, вести борьбу за коренное преобразование общества, которое сделает возможным полную экономическую и духовную независимость обоих полов путем создания соответствующей социальной организации.

Таким образом, дело идет не только о том, чтобы осуществить равноправие женщины с мужчиной на основе существующего государственного и общественного порядка, что составляет цель буржуазного женского движения, но и о том, чтобы уничтожить все преграды, которые создают зависимость человека от человека, точно так же как зависимость одного пола от другого. Это разрешение женского вопроса совпадает с разрешением социального вопроса. Поэтому тот, кто стремится к разрешению женского вопроса во всем его объеме, должен идти рука об руку с теми, которые написали на своем знамени разрешение социального вопроса, то есть с социалистами.

Из всех партий социал-демократическая партия *единственная*, которая включила в свою программу требование полного равноправия женщины, ее освобождения от всякой зависимости и угнетения не из агитаторских соображений, но по необходимости. *Освобождение человечества невозможно без социальной независимости и равноправного положения полов.*

С изложенными здесь основными положениями должны быть согласны все социалисты. Другое дело — *способ*, каким мы думаем достигнуть конечных целей, то есть то, каковы должны быть мероприятия и отдельные учреждения, которые создадут желаемые независимость и равноправие для всех.

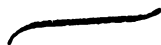
Как только оставляется почва действительности и начинается изображение картин будущего, так открывается широкое поле для всевозможных предположений. Начи-

нается спор о том, что вероятно и что невероятно. Поэтому то, что в этом отношении изложено в предлагаемой книге, может быть рассматриваемо как *личный* взгляд автора и всевозможные нападки должны быть направлены только *против него лично*, он один несет ответственность за сказанное.

Всякая искренняя и объективная критика будет принята нами с большим вниманием, нападки же, которые извращают содержание книги или основываются на заведомо ложных обвинениях, будут обойдены молчаньем. Во всяком случае в дальнейшем изложении указаны все выводы, полученные в результате исследования фактов. Освобождение от предрассудков — первое условие для познания истины, и только без всяких стеснений сказанное слово о том, что есть и что должно быть, ведет к цели.

Отдел первый

ЖЕНЩИНА
В
ПРОШЛОМ

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПЕРВОБЫТНОМ
ОБЩЕСТВЕ

1. ГЛАВНЫЕ ЭПОХИ ДОИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Женщину и рабочего объединяет то, что оба они угнетенные. Формы этого угнетения в различные времена и в различных странах изменялись, но угнетение оставалось. Угнетенные в течение исторического развития нередко сознавали, что они угнетены, и это сознание вело к изменению и облегчению их положения, но понимание сущности этого угнетения и его причин является как у женщины, так и у рабочего результатом лишь наших дней. Сначала должны были быть познаны сущность общества и законы, лежащие в основе его развития, и тогда только движение, направленное на устранение признанных несправедливыми условий могло начаться с надеждой на успех. Но широта и глубина такого движения зависят от степени понимания заинтересованных слоев и от степени свободы их движения. В обоих отношениях женщина отстает от рабочего, что объясняется как обычаем и воспитанием, так и ограничением ее свободы. Есть и другое обстоятельство. Отношения, существующие в течение целого ряда поколений, становятся в конце концов привычными и начинают благодаря наследственности и воспитанию казаться «естественными» и рабочему и женщине. Поэтому до сих пор в особенности женщина смотрит на свое подчиненное положение как на нечто само собой понятное и нелегко ей разъяснить, что это положение недостойно ее, что она должна стремиться к равенству с мужчиной и стать во всех отношениях равноправным членом общества.

Много сходного в положении женщины и рабочего, но в одном женщина идет впереди рабочего: *она — первое человеческое существо, попавшее в рабство*. Женщина сделалась рабой раньше, чем появился раб.

Всякая социальная зависимость и всякое социальное угнетение коренится в *экономической зависимости* угне-

тенного от угнетателя. В этом положении женщина находится с самого древнего времени, как это нам показывает история развития человеческого общества.

Это развитие сделалось известным, правда, сравнительно недавно. Как библейский миф о сотворении мира не мог удержаться перед исследованиями в области географии, естествознания и истории, опирающимися на бесспорные и бесчисленные факты, так несостоятельным оказался и библейский миф о сотворении и развитии человека. Правда, еще не все части в этой истории развития выяснены и относительно многих, уже открытых, существуют еще среди исследователей разногласия по поводу значения и соотношения того или другого явления. Но в общем господствуют ясность и единомыслие. Установлено, что человек явился на землю не культурным человеком, как утверждает Библия о первой человеческой паре, а что он в течение бесконечно долгого времени, постепенно освобождаясь от чисто животного состояния, прошел ряд стадий развития, в которых самым различным образом изменялись как социальные отношения, так и отношения между мужчиной и женщиной.

Утверждение, которое как по поводу отношений между мужчиной и женщиной, так и между богатым и бедным нам ежедневно повторяют невежды или обманщики, *что «так было вечно» и «так останется вечно», — со всех сторон фальшиво, поверхностно и вымышленно.*

Сжатое изложение отношений полов с первобытного времени имеет особенное значение для цели предлагаемого сочинения, так как этим должно быть доказано, что если уже в предыдущей эпохе развития человечества эти отношения изменялись в зависимости от изменения способов производства и распределения продуктов, то и при дальнейшем изменении способов производства и распределения продуктов будут *опять-таки изменяться отношения полов.* Нет ничего «вечного» ни в природе, ни в человеческой жизни, вечно только изменение.

Проникновение в историю развития человеческого общества показывает, что первая человеческая общность выступает в виде племени или орды ¹. Лишь рост населе-

¹ «Изолированный человек, которому на начальной ступени истории человечества противостоит естественное право (и учение о *contrat social*), является открытием, не соответствующим действительности, и поэтому для теоретического анализа форм человеческой

ния и трудности, связанные с добыванием продуктов питания, состоявших первоначально из корней, ягод и фруктов, привели к распадению и разделению племен и отысканию новых мест для жизни.

Это почти звероподобное состояние, относительно которого у нас нет никаких исторических данных, несомненно существовало, что доказывается нашими знаниями о различных культурных стадиях развития в исторические времена и о живущих еще поныне диких племенах. Человек не вступил в жизнь по повелению творца уже как высшее культурное существо, он, напротив, прошел различные стадии бесконечно долгого и медленного процесса развития и только постепенно достиг современного уровня, пройдя различные периоды культуры и находясь в постоянном процессе дифференциации во всех частях земли и во всех ее поясах.

И в то время как в одной части земного шара великие народы стоят на высшей ступени культурного развития, другие народности в самых различных частях света стоят на неодинаковых ступенях культуры. Эти последние дают картину нашего собственного прошлого и показывают нам пути, которые человечество прошло в течение своего долгого развития. Если удастся установить общие, всеми признанные принципы, на которых могут основываться научные исследования культурного развития, то выяснится масса фактов, бросающих совершенно новый свет на отношения людей в прошлом и настоящем. Тогда нам будут казаться естественными те явления, которые теперь непонятны и на которые поверхностные наблюдатели нападают как на неразумные и нередко как на «безнравственные». Туман, висевший над первобытной историей человеческого рода, со времени изысканий Бахофена начинает все более рассеиваться усилиями целого ряда ученых, каковы Тайло, Мак-Ленан, Леббок и т. д. К ним присоединился и Морган со своим фундаментальным сочинением, которое дополнено Фридрихом Энгельсом рядом исторических фактов экономиче-

жизни как и для исторического познания, также не представляет никакой цены и вводит в заблуждение. Скорее человек принадлежал к стадам животных, то есть к той породе животных, отдельные индивидуумы которой жили в длительной и прочной связи» (*Ed. Meyer, Über die Anfänge der Staates und sein Verhältnis zu den Geschlechtsverbänden und zum Volkstum, 1907*).

ского и политического характера и которое недавно отчасти подтверждено, отчасти исправлено Куновом¹.

Ясные и логические рассуждения, которые Фридрих Энгельс дает в своем превосходном сочинении, ссылаясь на Моргана, проливают яркий свет на массу непонятных и отчасти казавшихся нелепыми явлений в жизни народов более высокого и более низкого культурного развития. Только теперь получаем мы возможность разобраться в постепенном построении человеческого общества. Мы видим, что наши прежние воззрения на брак, семью и государство основывались на совершенно ложных представлениях. Это были фантастические картины, совершенно не соответствующие действительности.

Но то, что доказано по отношению к браку, семье и государству, относится также и к роли женщины, занимавшей в различные периоды развития положение совершенно иное, чем то, которое ей теперь приписывается как «вечно таким бывшее».

Морган, к которому присоединяется и Энгельс, разделяет историю человечества на три главные эпохи: дикое состояние, варварство, цивилизация. Каждую из первых эпох он подразделяет на низшую, среднюю и высшую ступень, которые отличаются друг от друга существенными улучшениями в способе добывания средств к существованию. Совершенно в духе материалистического понимания истории, обоснованного Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, Морган видит главный признак культурного развития в тех изменениях, которые вызываются в различные эпохи жизни народов прогрессом производства, следовательно, и прогрессом в способе добывания средств к существованию. Период дикого состояния на низшей ступени представляет детство чело-

¹ Книга Бахофена появилась в 1861 г. под названием «Das Mutterrecht. Eine Untersuchung über die Gynäkokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur», Stuttgart, Verlag von Kraiss u. Hoffmann.

Фундаментальное сочинение Моргана появилось в немецком переводе под названием «Die Urgesellschaft. Untersuchungen über den Fortschritt der Menschheit aus der Wildheit durch die Barbarei zur Zivilisation», im Verlag von J. H. W. Dietz, Stuttgart 1891.

В том же издании появились «Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates» — в связи с исследованиями Моргана — Энгельса, 4-е дополненное издание 1892 года, и «Die Verwandtschaftsorganisationen der Australneger. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der Familie» Генриха Кунова, 1894.

веческого рода: люди живут отчасти на деревьях, питаются главным образом фруктами и корнями, но у них уже появляется членораздельная речь. Средняя ступень дикого состояния начинается вместе с употреблением в пищу мелких животных (рыб, раков и т. д.) и пользованием огнем. Изготавливается оружие, прежде всего дубины и копья из дерева и камня, и вместе с тем начинается охота и, конечно, также война с соседними племенами из-за источников питания и мест для поселения и охоты. На этой ступени появляется также и людоедство, которое еще и поныне существует у отдельных племен и народов Африки, Австралии и Полинезии. Высшая ступень дикого состояния характеризуется усовершенствованием оружия до лука и стрелы; возникает ручное ткачество, плетение корзин из тростника и лыка и приготовление полированных каменных орудий. Вместе с тем становится возможной обработка дерева для изготовления лодок и хижин. Образ жизни делается разностороннее. Существующие орудия и вспомогательные средства позволяют добывать большое количество пищи для содержания значительного количества людей.

Низшая ступень *варварства* начинается, по Моргану, с введения гончарного производства. Начинается приручение и разведение животных, а вместе с тем мясное и молочное производство; для различных целей используются также кожи, рогами, шерстью. Вместе с тем возникает культура растений: на западе — маис, на востоке — почти все известные роды хлеба, за исключением маиса. Средняя ступень варварства на востоке отмечается все более развивающимся приручением животных, на западе — культурой питательных растений посредством искусственного орошения. Для построек употребляются камень и кирпич, высушенные на солнце. Приручение и разведение животных способствует образованию стад и приводит к пастушеской жизни. Затем необходимость в больших количествах пищи для людей и животных приводит к земледелию, а это означает большую оседлость, увеличение разнообразия питательных средств и постепенное исчезновение людоедства.

Высшая ступень варварства начинается плавкою железной руды и появлением письменных знаков. Изобретается железный плуг, делающий возможным более интенсивное земледелие; входят в употребление железный топор

и железная лопата, что облегчает выкорчевывание леса. Обработка железа кладет начало множеству родов деятельности, совершенно изменяющих образ жизни. Железные орудия облегчают постройку домов, кораблей, повозок; вместе с обработкой металлов возникают далее усовершенствованное ремесло, более сложная оружейная техника, построение городов, обнесенных стенами. Архитектура выступает как искусство, и благодаря изобретению буквенного письма начинают распространяться мифология, поэзия, история.

Этот образ жизни развивается преимущественно на востоке и в странах, прилегающих к Средиземному морю: в Египте, Греции, Италии, где закладывается основа социальных преобразований, имевших с течением времени решающее влияние на культурное развитие Европы и всего земного шара.

2. ФОРМЫ СЕМЬИ

Периоды дикости и варварства имели свои своеобразные половые и общественные отношения, которые очень значительно отличаются от позднейших.

Бахофен и Морган основательно исследовали эти отношения. Бахофен самым подробным образом изучил сочинения древних писателей, чтобы добраться до сущности явлений, о которых рассказывается в мифологии, сагах и исторических сообщениях, которые кажутся нам совершенно чуждыми и в то же время находят отзвук в явлениях позднейших времен, вплоть до наших дней. Морган целые десятилетия провел среди ирокезов Нью-Йоркского штата и при этом сделал наблюдения, открывшие совершенно новые и неожиданные жизненные, семейные и родственные отношения названного индейского племени; благодаря этим наблюдениям и многие факты, собранные в других местах, получили правильное освещение и объяснение.

Каждый по-своему, Бахофен и Морган, открыли, что отношения полов у народностей на первых ступенях человеческого развития значительно отличались от существовавших в историческое время и у современных культурных народов. В особенности Морган благодаря своему долголетнему пребыванию среди североамериканских иро-

кезов и на основании сравнительных исследований, к которым его побудили личные наблюдения, открыл, что все народности, еще значительно отсталые в культурном отношении, имеют системы семьи и родства, совершенно отличные от наших, но существовавшие в сходном виде у всех народностей на первых культурных ступенях.

Морган нашел, что в том периоде, с которым совпало его пребывание у ирокезов, там существовало легко растворимое обеими сторонами единобрачие; он назвал его «парной семьей». Он нашел также, что обозначения для степеней родства — отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, в применении которых у нас не может быть никакого сомнения, там выражают совсем иные отношения. Ирокез называет не только своих детей своими сыновьями и дочерьми, но также и всех детей своих братьев, и эти дети называют его отцом. Ирокезка называет не только своих детей своими сыновьями и дочерьми, но также и детей всех своих сестер; в свою очередь дети последних называют ее матерью. Детей же своих братьев она называет своими племянниками и племянницами, а те называют ее теткой. Дети братьев, как и дети сестер, называют себя братьями и сестрами. Напротив, дети женщины и дети ее брата называют друг друга двоюродными братьями и сестрами. Таким образом, в основе родственных отношений лежит не степень родства, как у нас, но пол родственников.

Эту систему родства мы встречаем не только у всех американских индейцев, но и у древнейших обитателей Индии, дравидских племен Декана и гаурских племен Индостана; мало того, исследования, произведенные после Бахофена, показывают, что подобный порядок в первобытное время существовал повсюду. Когда на основании этих фактов повсеместно будет осуществлено исследование половых и семейных отношений у еще существующих диких и варварских племен, то окажется, что *основу развития у всех народов земного шара составляют социальные и половые формации*, как это уже доказано Бахофеном для многочисленных народностей древнего мира, Морганом для ирокезов, Куновом для австралийских негров, а другими исследователями для других народностей.

В исследованиях Моргана выступают еще другие интересные факты. Если парная семья ирокезов стоит в неразрешимом противоречии с их родственными обозначе-

ниями, то, с другой стороны, оказывается, что на Сандвичевых (Гавайских) островах еще в первую половину этого столетия существовала форма семьи, фактически соответствовавшая системе родства, от которой у прокезов остались только названия. Но система родства, имевшая место на Гавайских островах, опять-таки не совпадала с фактически существовавшей там формой семьи, а указывала на более древнюю, еще более первобытную, но уже исчезнувшую семейную форму. Там все без исключения дети братьев и сестер считались братьями и сестрами, то есть братьями и сестрами назывались не только дети своей матери и ее сестер или своего отца и его братьев, а всех братьев и сестер своих родителей без различия.

Гавайская система родства соответствовала, таким образом, еще более низкой ступени развития, чем фактически существовавшая форма семьи. Получается своеобразная картина: как на Гавайских островах, так и у индейцев Северной Америки действовали две различные системы родства, но они не соответствовали более фактическому положению вещей, будучи вытеснены высшей формой. Морган говорит по этому поводу следующее: «Семья — активный элемент; она никогда не стоит на месте, а развивается из низшей формы в высшую, по мере того как общество развивается от низшей к высшей ступени. Напротив, системы родства пассивны. Лишь через долгие промежутки времени они регистрируют прогресс, проделанный семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда радикально изменилась семья».

До сих пор господствует воззрение, упорно защищаемое представителями существующего порядка как истинное и неоспоримое, что современная форма семьи существовала с первобытных времен и должна существовать вечно, иначе погибнет вся культура. Но указанные открытия исследователей показывают, что подобное воззрение совершенно неверно и несостоятельно. Изучение первобытной истории не оставляет никакого сомнения в том, что на низших ступенях развития человечества отношения полов были совершенно иными, чем в позднейшее время, что существовали отношения, которые с точки зрения нашего времени кажутся чудовищными и отвратительно безнравственными. Но как у всякой ступени социального развития человечества имеются свои собственные условия производства, так для каждой из них

пмеемся свой моральный кодекс, *который является лишь отражением социальных отношений*. Нравственным считается все то, что согласно с нравами, а нравы, в свою очередь, — лишь то, что соответствует социальным потребностям определенного периода.

Морган пришел к заключению, что на низшей ступени дикости внутри половых союзов господствовало половое общение, при котором каждая женщина принадлежала каждому мужчине и каждый мужчина принадлежал каждой женщине, то есть существовало всеобщее смешение (Promiscuität). Все мужчины живут в многоженстве, и все женщины — в многомужестве. Существует всеобщая женско-мужская общность, вместе с тем и общность детей. Страбон (66 год до нашего летосчисления) сообщает, что у арабов братья сожительствовали с сестрами и даже с собственной матерью. Иначе, как кровосмешением, первоначальное размножение невозможно, особенно если, как это указывается в Библии, происхождение признается от одной человеческой пары. Библия сама себе противоречит в этом деликатном пункте; она рассказывает, что Каин, убив брата своего Авеля, бежал от Господа и жил в стране Нод. Там он познал свою жену, которая забеременела и родила ему сына. Но откуда взялась его жена? Ведь родители Каина были первыми людьми. По еврейскому преданию, у Каина и Авеля были две сестры, с которыми они в кровосмешении производили детей. Христианские переводчики Библии, видимо, опустили этот фатальный для них факт. О наличии промискуитета в первобытное время, то есть свободы полового общения в пределах племени, говорит, между прочим, и индийский миф, по которому Брама сочетался браком с собственной дочерью Саравасты; подобный же миф встречается у египтян и в северной Эдде. Египетский бог Амон был супругом своей матери и гордился этим. Один, как рассказывает Элда, был супругом дочери своей Фригги¹. И доктор

¹ Циглер в предисловии к упомянутому сочинению насмехается над тем, что мифу придают какое-то значение для истории культуры. Здесь сказывается вся односторонность естествоиспытателя. В мифах лежит глубокий смысл, они возникли из «народной души», в основе их лежат народные нравы и обычаи, которые с течением времени исчезли, но продолжают жить в мифе, окруженные ореолом религиозного величия. Но, когда открываются факты, объясняющие миф, тогда имеются все основания признать за ним историческое значение.

Адольф Бастиян рассказывает следующее: «В Сванганваре дочери раджи пользовались привилегией свободного выбора своих мужей. Четыре брата, поселившись в Капилапуре, провозгласили Прию, старшую из своих пяти сестер, королевой-матерью и женились на остальных»¹.

Морган предполагает, что из состояния всеобщего смешения полов скоро развилась высшая форма полового общения, которую он называет кровнородственной семьей. Здесь группы, стоящие в половом общении, разделяются по поколениям, так что деды и бабки в пределах одного полового союза являются супругами; их дети точно так же образуют круг общих супругов, и точно так же их внуки, как скоро они достигают соответствующего возраста. Таким образом, здесь в противоположность половому союзу на низшей ступени, в котором господствует половое сношение без различий, *одно поколение исключается из полового общения с другим*. Напротив, теперь половое общение происходит между братьями и сестрами, между двоюродными братьями и сестрами первой, второй и более отдаленных степеней. Все они сестры и братья, но в то же время все они являются друг для друга мужем и женой. Эта форма семьи соответствует отношению родства, которое в первой половине прошлого столетия по имени, но не фактически существовало еще на Гавайских островах. Напротив, по американо-индийской системе родства *брат и сестра* никогда не могут быть отцом и матерью одного и того же ребенка; но это возможно по гавайской семейной системе. Кровнородственная семья была тем состоянием, которое существовало во времена Геродота у массагетов и о котором он сообщает следующее: «Всякий женится на одной жене, но всем позволено ею пользоваться...» «Как скоро у мужчины появляется потребность в женщине, так он вешает свой колчан впереди повозки и беспечно начинает жить с женщиной, причем втыкает свою палку в землю как изображение своего собственного деяния... Совокупление производится открыто»². Бахофеном доказано существование подобных порядков у ликийцев, этрусков, критян, афинян, лесбийцев, египтян.

¹ *Dr. Adolf Bastian, Reisen im Innern des Archipel, Singapore, Batavia, Manila und Japan, Jena 1869, S. 12.*

² *Bachofen, Das Mutterrecht.*

По Моргану, за кровнородственной семьей следует третья, более высокая форма семейного союза, которую он называет пуналуальной семьей. Пуналуа значит: милый товарищ, милая подруга.

Против взгляда Моргана, будто кровнородственная семья, основанная на организации брачных групп, образующихся по поколениям, представляет из себя предшествующую пуналуальной семье первоначальную организацию, выступает Кунов в своей вышеупомянутой книге. Он видит в ней не самую первую из до сих пор открытых форм полового общения, но лишь появившуюся вместе с родовым союзом промежуточную форму, переходную ступень к чисто родовой организации, наряду с которой еще некоторое время следует разделение на возрастные союзы, в измененной форме относящееся к так называемой кровнородственной семье, и разделение на тотемные союзы¹. Кунов продолжает: «Классовое разделение — и каждый мужчина или женщина называется по имени своего класса и своего полового союза (тотема) — служит не для устранения полового общения между родственниками боковой линии, но для воспрепятствования половых отношений между родственниками *по восходящей и нисходящей линии*, между родителями и детьми, тетками и племянниками, дядями и племянницами. Такие выражения, как тетка, дядя и проч., являются названиями родовых групп».

Кунов приводит доказательства верности своих взглядов, в которых он в отдельных пунктах отходит от Моргана. Но, как ни сильно он расходится с Морганом в отдельных пунктах, в общем он решительно становится на его сторону против нападок Вестермарка и др. Он говорит:

«Пусть одни из гипотез Моргана оказываются неверными, а другие можно считать верными лишь с ограничениями, но все же никто не может отрицать за ним той заслуги, что он первый установил тождество североамериканских тотемных союзов с родовыми организациями

¹ Тотемный союз — родовой союз: у всякого рода имеется свое тотемное животное, например игуанская ящерица, волк, медведь и т. п., которое дает союзу свое название. Тотемное животное пользуется особым уважением; оно считается для союза священным, и принадлежащие к союзу не имеют права ни убивать это животное, ни есть его мясо. Тотемное животное имеет значение, сходное с святыми покровителями цехов в средние века.

римлян и, во-вторых, доказал, что наши современные системы родства и семейные формы являются результатом долгого процесса развития. Этим он некоторым образом впервые сделал возможным новейшие исследования и положил фундамент, на котором можно строить дальше». И в предисловии к своей книге он подчеркивает, что его сочинение отчасти является дополнением к книге Моргана «О первобытном обществе».

Вестермарк, Штарке и Циглер, ссылающийся главным образом на двух первых, желают ли они того или не желают, должны признать, что происхождение и развитие семьи не совпадают с их буржуазными предрассудками. Опровержения Кунова, выпадающие на долю первоисточников Циглера, должны были бы убедить даже самого фанатического их приверженца в несостоятельности возражений против Моргана. †

3. МАТЕРИНСКОЕ ПРАВО

Пуналуальный брак начинается, по Моргану, с устранением родных сестер и братьев и притом с материнской стороны. Раз женщина сходится с различными мужчинами, доказательство отцовства невозможно. Отцовство становится фикцией. Даже и ныне, при господстве единобрачия, отцовство, как говорит у Гёте в «Lehrjahren» Фридрих, основывается «лишь на доброй вере». Если при единобрачии отцовство часто сомнительно, то при многобрачии его невозможно доказать; несомненно и неоспоримо лишь происхождение от матери, поэтому при господстве материнского права дети обозначаются как спурии, то есть посеянные. Как все глубокие изменения в социальных отношениях людей на первоначальной культурной ступени совершаются медленно, так и превращение так называемой кровнородственной семьи в пуналуальную семью потребовало, несомненно, продолжительного периода времени и прерывалось отступлениями назад, что еще заметно и в позднейшее время. Ближайшим внешним поводом к развитию пуналуальной семьи могла быть необходимость разделить сильно возросшее число сочленов, чтобы иметь возможность предъявить требования на новую землю для пастбища или пищи. Но вероятно также, что на более высокой культурной ступени постепенно зарождалось созна-

ние вреда и непристойности полового общения между братьями и сестрами и близкими родственниками, а это требует уже нового брачного порядка. О правильности такого предположения говорит красивое предание о происхождении мурду (родового союза), которое, по сообщению Кунова, Газон нашел у южноавстралийского племени — диейернев. Это предание рассказывает: «После сотворения отцы, матери, сестры, братья и другие близкие родственники заключали друг с другом браки без всякого различия, пока ясно не выразились вредные последствия таких союзов. Состоялся совет вождей и обсуждалось, каким образом можно этому воспрепятствовать. Результатом совещаний была молитва к Мурамури (великому духу), и тот в своем ответе приказал разделить племя на различные ветви и для отличия дать каждой из этих ветвей особое название по одушевленным и неодушевленным предметам, как, например, динго, мышь, эму, дождь, игуанская ящерица и т. д. Члены одной и той же группы не смели вступать в брак между собою, но только с членами другой группы. Сын динго не должен был, например, жениться на дочери динго, но каждый из обоих мог сойтись с членами союза мыши, эму, крысы или какой-нибудь другой семьи».

Это предание поясняет больше, чем библейское; оно самым простым образом указывает, как произошли родовые союзы. Впрочем, Поль Лафарг в «Нейе Цейт»¹ очень остроумно и, по нашему мнению, вполне удачно доказывает, что такие имена, как Адам и Ева, были именами не отдельных лиц, а названиями родов, объединявших евреев в предысторическое время. Своим толкованием Лафарг разрешает ряд темных и противоречивых мест в первой книге Моисея. Далее в том же «Нейе Цейт»² М. Бер обращает внимание на то, что еще и ныне у евреев брачный обычай не допускает, чтобы у невесты и матери жениха было одно и то же имя, иначе в семье произойдет несчастье, ее постигнет болезнь и смерть.

Это дальнейшее доказательство правильности взгляда Лафарга. Родовая организация запрещает брак между лицами, происходящими из одного и того же рода. Такое общее происхождение по родовым понятиям принимается у невесты и матери жениха, имеющих одно и то же имя. Современные евреи не имеют, конечно, более никакого

¹ 9. Jahrgang 1891, S. 224 ff.

² 12. Jahrgang 1893/94, S. 119.

понятия о зависимости их предрассудка от их древней родовой конституции, запрещавшей подобные родственные браки. Она имела в виду воспрепятствовать вырождению народа вследствие браков близких родственников. И хотя родовое устройство исчезло у евреев уже тысячи лет тому назад, предание, как мы видим, все же сохранилось в предрассудке.

Наблюдения, уже давно сделанные при разведении животных, должны были обнаружить вред кровосмешения. Как давно уже сделаны эти наблюдения, показывает первая книга Моисеева, 30, 32 и следующие, по которой Иаков сумел обмануть своего тестя Лавана, позаботившись о рождении пестрых баранов и коз, которые должны были ему принадлежать по обещанию Лавана. Древние израильтяне еще задолго до Дарвина практически изучали дарвинизм.

Раз мы уже начали говорить о положении вещей у древних евреев, то мы позволим себе привести еще другие факты, показывающие, что в древности у них фактически господствовало материнское право. Правда, у Моисея, книга первая, 3, 16, по поводу женщины говорится: «И твоя воля должна быть подчинена твоему мужу, и он должен быть твоим господином». Этот стих варьируется и таким образом: «Женщина должна оставить отца и мать, принадлежать своему мужу», но у Моисея, книга первая, 2, 24, говорится: *«Потому оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть»*. Подобный же текст встречается в евангелии Матфея, 19, 5, Марка, 10, 7, и в послании к ефесянам, 5, 31. Таким образом, на деле здесь имеется в виду заповедь, вытекающая из господства *материнской линии*, заповедь, с которой толкователи Библии не знают, как справиться, и поэтому выставляют ее в совершенно ложном свете.

Материнская линия следует также из Моисея, книга четвертая, 32, 41. Там говорится, что у Иaira был отец, происходивший из колена Иуды, но его мать была из колена Манассии, и Иаир прямо называется *сыном Манассии* и наследует в этом колоне. Другой пример материнской линии у древних евреев находится в книге Неемии, 7, 63; там дети одного священника, взявшего свою жену из дочерей Верзеллия — еврейского клана, — называются детьми Верзеллия, то есть они называются не по отцу, а по матери.

По Моргану, в пуналуальной семье один или несколько рядов сестер одного семейного союза вступали в брак с одним или многими рядами братьев другого союза. Родные сестры или двоюродные сестры первой, второй или дальнейших степеней были общими женами их общих мужей, которые не должны были быть их братьями. Родные братья или двоюродные братья различных степеней были общими мужьями их общих жен, которые не могли быть их сестрами. Там, где было ликвидировано кровосмешение, новая семейная форма, несомненно, способствовала более быстрому и более крепкому развитию племен и создавала племенам, усвоившим эту форму семейного союза, преимущество над племенами, сохранившими еще старую форму отношений.

Родственное отношение, вытекающее из пуналуальной семьи, было следующее: дети сестер моей матери — ее дети, и дети братьев моего отца — его дети, и все вместе — мои братья и сестры. Но дети *братьев* моей матери — ее племянники и племянницы, и дети сестер моего отца — его племянники и племянницы, и все они вместе — мои двоюродные братья и мои двоюродные сестры. Далее, мужья сестер моей матери — еще ее мужья и жены братьев моего отца — еще его жены, но сестры моего отца и братья моей матери исключены из семейной общности и дети их — мои двоюродные братья и мои двоюродные сестры¹.

С ростом культуры постепенно развивается устранение полового общения между всеми братьями и сестрами, и это устранение постепенно распространяется на самых отдаленных родственников по боковой материнской линии. Возникает новая кровнородственная группа — род, который в своей первоначальной форме образуется из родных и неродных сестер вместе с их детьми и их родными и неродными братьями с материнской стороны. У рода одна родоначальница, от которой поколение за поколением происходит женское потомство. Мужья своих жен не принадлежат к кровнородственной группе, к роду своих жен, они принадлежат к роду своих сестер. Напротив, дети этих мужей принадлежат к семейной группе своих матерей, так как происхождение считается по матери. Мать — глава семьи, и так возникает «материнское право», долгое

¹ См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1952, стр. 38.

время служащее основанием семейных и наследственных отношений. Соответственно этому женщинам, пока признавалось происхождение от матери, принадлежало место и голос в совете рода. Они участвовали в назначении и смещении сахемов (начальников в мирное время) и военачальников. При заключении Ганнибалом союза с галлами против Рима третейскими судьями в случае недоразумения между союзниками должны были быть галльские матроны, так велика была вера Ганнибала в их беспристрастие.

О ликийцах, признававших материнское право, Геродот рассказывает: «Их обычаи отчасти критские, отчасти карийские. Один обычай, однако, отличает их от всех других народов мира. Спроси ликийца, кто он таков, и он в ответ тебе скажет свое собственное имя, потом имя своей матери и т. д. по женской линии. Мало того, если свободнорожденная выходит замуж за раба, то ее дети — свободные граждане, но если свободный мужчина женится на чужеземке или берет наложницу, то его дети, хотя бы он был высшим лицом в государстве, не имеют никаких гражданских прав».

В те времена говорили *matrimonium* вместо *patrimonium*, *materfamilias* вместо *paterfamilias* и родина называлась — дорогая материнская сторона. Как предыдущие семейные формы, так и род основывались на общности имущества, то есть на коммунистическом способе ведения хозяйства. Женщина — руководительница и начальница этого семейного товарищества и пользуется поэтому высоким уважением как в доме, так и в делах семьи по отношению к племени. Она — умиротворительница и судья и, как священнослужительница, выполняет требования культа. Частое появление королей и правительниц в древности, их решающее влияние даже тогда, когда царствуют их сыновья, например в Египте, является следствием материнского права. В тот период мифология носила преимущественно женский характер: Астарта, Деметра, Церера, Латона, Изиды, Фригга, Фрейя, Герда и т. д. Женщина неприкосновенна, матереубийство — самое тяжелое преступление, оно требует возмездия со стороны всех мужчин. Кровавая месть — общее дело мужчин племени, каждый обязан мстить за несправедливость, причиненную члену его семейного товарищества членами другого племени. Защита женщин побуждает мужчин к проявлению высшей храбрости. Так проявляется влияние материнского

права во всех жизненных отношениях у всех древних народов: у вавилонян, ассирийцев, египтян, у греков — в предысторическую эпоху, у итальянских племен — до основания Рима, у скифов, галлов, иберийцев и кантабрийцев, германцев и т. д. Женщина в то время занимала положение, которого она с тех пор никогда более не занимала. Вот что рассказывает Тацит в своей «Германии»: «Германцы думают, что в женщине живет нечто священное и пророческое, поэтому они с уважением относятся к советам женщин и прислушиваются к их изречениям». Диодор, живший во времена Цезаря, глубоко возмущен положением, которое женщины занимают в Египте. Он узнал, что не сыновья, а дочери кормят своих престарелых родителей. Поэтому он презрительно пожимает плечами по поводу бабьих рабов на берегах Нила, рабов, которые уступают права лицам слабейшего пола в домашней и общественной жизни и позволяют им вольности, которые греку или римлянину должны бы показаться неслыханными.

В период господства материнского права в общем царило состояние относительного мира. Условия жизни были просты и несложны. Отдельные племена разделялись, но взаимно уважали свои территории. При нападении на племя мужчины обязаны были давать отпор и были при этом самым энергичным образом поддерживаемы женщинами. По Геродоту, у скифов женщины принимали участие в битвах. Как он утверждает, девушка могла выйти замуж лишь после того, как она убила по крайней мере одного врага.

В общем в первобытное время физическое и духовное различие между мужчиной и женщиной было намного меньшим, чем в современном обществе. Почти у всех народов, живших в период дикости и варварства, различие в весе и массе мозга у мужчины и женщины было меньше, чем у народов эпохи цивилизации. Едва ли женщина в то время уступала мужчине в физической силе и ловкости. Об этом говорит не только свидетельство древних писателей о народах, придерживающихся материнского права, об этом свидетельствуют женские войска ашанти и королевства дагомейцев в Западной Африке, отличающиеся храбростью и дикостью. Мнение Тацита о женщинах древних германцев и указания Цезаря о женщинах Иберии и Шотландии также подтверждают это. Колумб у Санта Крус выдержал бой с индейской шлюпкой, в которой

женщины сражались так же храбро, как и мужчины. Подтверждение этого взгляда мы находим далее у Хавелока Эллиса: «Согласно Джонстону, женщины у Андомбиса на Конго выполняют тяжелую работу и тем не менее ведут вполне счастливую жизнь; они часто сильнее мужчин, лучше развиты и обладают часто к тому же великолепной фигурой. О манинемах Аррувими этой же области Парке рассказывает: это красивые создания, особенно хороши женщины, которые могут нести такую же тяжелую ношу, что и мужчины. В Северной Америке один индейский предводитель племени сказал Хирну: женщины приспособлены к работе, одна женщина может нести и поднять столько же, сколько двое мужчин. Шеллонг, внимательно изучавший папуасов немецкой колонии в Новой Гвинее с антропологической точки зрения, нашел женщин более крепкими, чем мужчины. В Центральной Австралии иногда случается, что мужчины бьют женщин из ревности, но происходит нередко и обратное, когда женщина в подобных случаях без посторонней помощи дает сильную взбучку мужчине. На Кубе женщины сражались наряду с мужчинами и пользовались большой независимостью. У отдельных индейских рас, как, например, у пуэбло Северной Америки и патагонийцев, женщины столь же рослы, как и мужчины, и даже у русских существует не столь большое различие между полами, если говорить о росте, чем у англичан или французов»¹.

Но и в роде женщины вводили при известных обстоятельствах очень строгие правила, и горе мужчине, который был слишком ленив или слишком неискусен, чтобы вносить свою долю для общего содержания. Его прогоняли, и он или возвращался обратно к своему роду, где его вряд ли принимали дружелюбно, или вступал в другой род, где к нему были терпимее.

К своему величайшему удивлению Ливингстон увидел, что подобный характер и ныне носит супружеская жизнь туземцев Внутренней Африки, о чем он рассказывает в своем сочинении «Путешествия и исследования в Южной Африке». На реке Замбези он встретил балонцев, красивое и сильное земледельческое негритянское племя, на примере которого он смог подтвердить казавшееся сначала невероятным сообщение португальцев о том, что женщины поль-

¹ *Havelock Ellis*, Mann und Weib, Leipzig 1894, S. 3 bis 4.

зуются привилегированным положением. Они заседают в совете; молодой человек, вступающий в брак, должен из своей деревни переселиться в деревню жены, он обязуется при этом пожизненно снабжать мать своей жены деревом для топлива, и, если дело доходит до разрыва, дети остаются у матери. Жена в свою очередь обязана заботиться о прокормлении мужа. Ливингстон видел, что при небольших временных раздорах и спорах между мужьями и женами мужья не возмущались, но что в случае если они оскорбляли своих жен, они наказывались очень чувствительным образом — голодом. Муж возвращается домой, рассказывает Ливингстон, чтобы поесть, но жена отправляет его к другой, и он не получает ничего. Усталый и голодный, взбирается он в наиболее населенной части деревни на дерево и так оповещает жалобным голосом: «Слушайте, слушайте, я думал, что женился на женщинах, но они для меня ведьмы. Я холостяк, и нет у меня ни единой жены! Разве это хорошо по отношению к такому господину, как я».

БОРЬБА МЕЖДУ МАТЕРИНСКИМ
И ОТЦОВСКИМ ПРАВОМ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОТЦОВСКОГО ПРАВА

С увеличением народонаселения возникает ряд сестринских родов, вызывающих к жизни роды дочерей. По отношению к ним материнский род является фратрией. Известное число фратрий образует племя. Эта социальная организация так крепка, что она составляла основу военной организации в древних государствах, когда старый родовой порядок уже распался. Племя распадается на несколько новых племен с одинаковым устройством, и в каждом можно снова найти старые роды. Но, запрещая вступление в брак с братьями и сестрами и родственниками с материнской стороны до самого последнего члена, родовое устройство разрушает само себя. Социальное и хозяйственное развитие все более усложняет отношения отдельных родов друг к другу, и запрещение брака между различными родами становится невозможным; родовое устройство либо само распадается, либо разрушается. Пока производство жизненных средств находилось еще на низшей ступени и удовлетворяло лишь самые простые потребности, деятельность мужчины и женщины была в существенных чертах одинакова. Но с возрастающим разделением труда появляется не только разделение обязанностей, но и разделение самих занятий. Рыбная ловля, охота, скотоводство, земледелие требуют особых знаний, но еще в большей степени требует этого приготовление орудий и снарядов, сделавшихся преимущественно собственностью мужчин. Мужчина, стоявший здесь на первом плане, сделался господином и собственником этих источников богатства.

Вместе с ростом народонаселения и стремлением к захвату все больших земель для пастбищ и пашни начались не только столкновения и борьба из-за обладания лучшей землей, но возникла также потребность в рабочей силе. Чем многочисленнее была эта сила, тем больше были богатства в виде продуктов и стад. Потребность в рабочей

силе привела сначала к похищению женщин, затем к превращению в рабов побежденных мужчин, которых прежде убивали. Таким образом в старое родовое устройство введены были два элемента, которые надолго нельзя было с ним примирить.

К этому присоединилось и другое. Вследствие возрастающей дифференциации характера деятельности людей и растущей потребности в орудиях труда, оружии и т. д. возникает ремесло, которое развивается самостоятельно и постепенно отделяется от земледелия. Возникает особое ремесленное население, с совершенно иными интересами как в отношении к собственности, так и к ее наследованию.

Пока имело силу происхождение по женской линии, родственники наследовали от своих умерших родовых товарищей с материнской стороны. Имущество оставалось в роде. При новом порядке, где отец-собственник, то есть владелец стад и рабов, оружия и снарядов, сделался ремесленником или торговцем, имущество его, поскольку он причислялся еще к роду матери, переходило после его смерти не к его детям, а к его братьям и сестрам и к детям его сестер или к потомству его сестер. Собственные дети ничего не получали. Стремление изменить это положение вещей становилось все сильнее, и оно было изменено. Сначала многобрачие заменилось парной семьей. Определенный мужчина жил с определенной женщиной, и дети, происходившие от этого брака, были их собственными детьми. Число этих парных семей возрастало по мере того, как запрещения, возникавшие из родового устройства, затрудняли брак, а приведенные выше экономические причины требовали новой организации семейной жизни. Старый порядок вещей, основанный на общем хозяйстве, оказался несовместимым с личной собственностью. *Положение и занятие* сделались решающими моментами при выборе местожительства. Из возникшего теперь товарного производства развилась торговля с соседними и чужими народами, что обусловило денежное хозяйство. Руководил и управлял этим развитием мужчина. Его частные интересы не имели более никаких существенных точек соприкосновения со старой родовой организацией, мало того, они часто ей противостояли. Таким образом, значение родовой организации все более и более падало. В конце концов от рода осталось немного более чем выполнение религиозных функций для семейного союза; его хозяйственное

значение исчезало, и полное разложение родового строя стало лишь вопросом времени.

Вместе с этим разрушением старого родового порядка стало быстро понижаться влияние и положение женщины. Материнское право исчезло и уступило место отцовскому праву. Муж, как частный собственник, был заинтересован в детях, которых он мог рассматривать как *законных* и делать наследниками своей собственности; *он принудил поэтому женщину прекратить половые отношения с другими мужчинами.*

За собой же он сохранил право наряду с собственной женой или женами иметь еще столько наложниц, сколько ему позволяли обстоятельства. И дети этих наложниц рассматривались как законные дети. Мы находим в Библии два важных в этом отношении примера. В первой книге Моисея, 16, 1 и 2, мы читаем: «Сара, жена Авраама, не рождала ему. У ней была служанка-египтянка, именем Агарь. И сказала Сара Аврааму: вот, господь заключил чрево мое, чтобы не рождать. Войди же к служанке моей, может быть, буду иметь детей от нее. Авраам послушался слов Сары». Другой замечательный пример находится в первой книге Моисея; 30, 1 и следующие. Там говорится: «И увидела Рахиль, что она не рождает детей Иакову, и позавидовала Рахиль сестре своей и сказала Иакову: дай мне детей, а если не так, я умираю. Иаков разгневался на Рахиль и сказал: разве я бог, который не дал тебе плода чрева? Она сказала: вот служанка моя Валла, войди к ней, пусть она родит на колена мои, чтобы и я имела детей от нее. И дала она Валлу, служанку свою, в жены ему, и вошел к ней Иаков».

Женами Иакова одновременно были, таким образом, не только дочери Лавана, две сестры, но они обе дали ему еще своих служанок, что по нравам того времени казалось вполне «нравственным». Своих двух главных жен он, как известно, купил, прослужив за каждую по семи лет их отцу. В то время покупка жены была у евреев всеобщим обычаем, но наряду с покупкой жен они массами похищали женщин у побежденных народов; так, например, веньяминиты похитили девиц силоамских¹. Пленная женщина становилась рабой, наложницей. Но она могла быть возвышена до законной жены, раз она выполнила следующие

¹ Книга Судей, 20, 21 и следующие.

предписания: она должна была дать обрезать себе волосы и ногти, переменить платье, в котором она была взята в плен, на другое, выданное ей, затем в течение месяца она должна была оплакивать отца и мать, в знак того что она отрешается от своего народа, и тогда только могла она лечь на брачную постель. Самое большое число жен было, как известно, у царя Соломона, которому книга Царств, 1, 11, приписывает не менее 700 жен и 300 наложниц.

Когда в иудейской родовой организации наступило господство отцовского права, то есть происхождение по мужской линии, тогда дочери были устранены от наследства. Впоследствии материнское право применялось лишь в тех случаях, когда отец не оставлял сыновей. Это видно из четвертой книги Моисея, 27, 2—8, где рассказывается, что Салпаад умер, не оставив сыновей, и дочери горько жаловались, что они исключены из наследства своего отца, которое должно обратно перейти в колено Иосифа, и Моисей решил, что в данном случае должны наследовать дочери. Но когда у тех явилось намерение искать себе мужей по старому обычаю в другом колене, то колено Иосифа стало протестовать, так как лишалось наследства. Тогда Моисей решил (4, 36), что хотя наследницы могут свободно выбирать мужей, но они обязаны делать это в пределах колена их отцов. Таким образом, ради собственности был изменен старый брачный порядок. В остальном уже в старозаветное, то есть историческое, время у евреев господствовало отцовское право, а клановая и родовая организация, как и у римлян, покоилась на наследовании по мужской линии. Соответственно этому дочери лишались права наследования, как мы это читаем в первой книге Моисея, 31, 14 и 15, где Лия и Рахиль, дочери Лавана, жалуются: «Есть ли еще нам доля и наследство в доме отца нашего? Не за чужих ли он нас почитает? Ибо он продал нас и съел даже серебро наше».

И у евреев — как у всех народов, у которых наследование по отцовской линии заступило место наследования по материнской, — женщина находилась в состоянии полного бесправия. Брак носил характер купли-продажи. Женщине было предписано строжайшее целомудрие; мужчина же, напротив, не был связан таким запретом и приобрел поэтому право иметь несколько жен. Если он обнаруживал в первую брачную ночь, что жена его утратила девственность до брака, то он имел право не только отвергнуть

ее, но и побить камнями. Такая же кара постигала нарушительницу супружеской верности; мужчина же карался только в том случае, если он совершал брачное преступление с замужней еврейской женщиной. По пятой книге Моисея, 24, 1—4, мужчина имел право отвергнуть только что взятую им в жены женщину, даже из-за простого к ней отвращения. Он должен был тогда написать ей свидетельство о разводе, дать ей руку и отпустить из своего дома. Признаком приниженного положения, занятого позднее женщиной у евреев, является то, что еще и в настоящее время женщины в синагоге занимают отдельное от мужчин место во время богослужения и что о них не упоминается в молитвах¹. По представлению древних евреев женщина не считается членом общины; в политическом и религиозном отношении она представляет собою нуль. Если собираются вместе десять мужчин, они должны совершать богослужение; женщины же, сколько бы их ни собралось, не получают этого права.

Подобным же образом Солон в Афинах предписал, что наследница должна выйти замуж за своего ближайшего агната² с мужской стороны, хотя бы оба принадлежали к тому же роду, а по прежнему праву подобный брак был запрещен. Солон предписал также, что собственник не должен, как это было раньше, в случае бездетности оставлять свое имущество своему роду, но что он может в завещании назначить кого угодно своим наследником. Мы видим: не человек господствует над собственностью, но собственность господствует над ним и делается его владыкой.

Господство частной собственности утвердило подчинение женщины мужчине. Началось время принижения женщины и даже презрения к ней.

Признание материнского права означало коммунизм, равенство всех; появление отцовского права означало господ-

¹ В древнейшей части города Праги находится маленькая синагога, которая существует с VI столетия и считается самой старинной синагогой. Когда посетитель спускается на семь ступеней вниз, в полутемное помещение, он замечает в противоположной стене несколько отверстий в виде амбразур, ведущих в совершенно темное помещение. На вопрос, куда ведут эти отверстия, нам проводник ответил: в женское отделение, где женщины слушают богослужение. Современные синагоги устроены более приветливо, но отделение женщин от мужчин соблюдается и поныне.

² Агнат — родственник по отцовской линии.— *Ред.*

ство частной собственности и вместе с тем угнетение и порабощение женщины. Это понял и консерватор Аристофан, который в своей комедии «Женское народное собрание» рисует женщин, добившихся господства в государстве и установивших коммунизм; чтобы дискредитировать женщин, он изображает коммунизм в самом карикатурном виде.

Каким образом совершался переход от материнского к отцовскому праву в каждом отдельном случае, трудно показать. Но эта *первая великая революция*, совершившаяся в истории человечества, осуществилась у древних культурных народов не одновременно и, конечно, не повсюду одинаковым образом. Среди народов Греции новый порядок вещей осуществился прежде всего в Афинах.

Фридрих Энгельс думает, что этот великий переворот совершился вполне мирно и что после того, как уже существовали все условия для нового права, потребовалось лишь простое голосование в родах, чтобы на место материнского права поставить отцовское право. Напротив, Бахофен на основании высказываний древних писателей полагает, что женщины оказали этому социальному изменению сильное сопротивление. Доказательства борьбы и сопротивления женщин новому порядку, он видит особенно в сагах о царствах амазонок, которые встречаются в истории Азии и Востока и которые можно найти также и в Южной Америке и Китае.

Вместе с господством мужчин женщины потеряли свое положение в общинных учреждениях, они были исключены из собрания совета и лишены всякого руководящего влияния. Мужчина принуждает женщину к брачной верности, но не признает ее для себя; если жена нарушает верность, то она совершает самый тяжелый обман по отношению к новому господину; она приносит ему в дом чужих детей как наследников его собственности, поэтому у всех древних народов нарушение брачной верности со стороны жены наказывалось смертью или рабством.

2. ОТЗВУКИ МАТЕРИНСКОГО ПРАВА В ГРЕЧЕСКИХ МИФАХ И ДРАМАХ

Хотя женщины были, таким образом, лишены своего прежнего руководящего положения, тем не менее религиозные обряды, связанные с этими старыми обычаями,

господствовали еще целые столетия, но они постепенно потеряли для народов свой более глубокий смысл. Лишь в наше время начинают снова доискиваться смысла этих древних обрядов. Так, в Греции сохранился религиозный обычай, в силу которого женщины обращались за советом и помощью лишь к богиням. Ежегодно повторявшийся праздник *тесмофорий* был обязан своим происхождением эпохе *материнского права*.

Уже в позднейшее время женщины Греции в течение пяти дней праздновали этот праздник в честь Деметры и на нем не мог присутствовать ни один мужчина. Подобное же празднество происходило в древнем Риме в честь Цереры. Деметра и Церера были богинями плодородия. И в Германии вплоть до христианского средневековья происходили подобные празднества в честь Фригги, которая у древних германцев считалась богиней плодородия. И здесь мужчины были исключены из участия в этих праздниках.

В Афинах, где материнское право раньше всего, но, по-видимому, при упорном сопротивлении женщин уступило место отцовскому праву, трагизм этого переворота находит свое выражение в «Эвменидах» Эсхила. События разворачиваются следующим образом: Агамемнон, король в Микенах, муж Клитемнестры, по указанию оракула во время своего похода на Троию приносит в жертву свою дочь Ифигению. Мать возмущена принесением в жертву своего ребенка, по материнскому праву не принадлежащего ее мужу, и берет во время отсутствия Агамемнона себе в супруги Эгиста, что несколько не противоречило старому праву. После многолетнего отсутствия Агамемнон возвращается в Микены; по наущению Клитемнестры Эгист убивает его. Орест, сын Агамемнона и Клитемнестры, под влиянием Аполлона и Афины мстит за убийство отца — убивает свою мать и Эгиста. Эринии преследуют Ореста за убийство матери; они представляют старое право. Аполлон и Афина, у которой по мифу *не было матери*, так как она прямо появилась из головы Зевса, защищают Ореста, ибо они представляют новое, отцовское право. Дело переносится на решение ареопага, перед которым разворачивается следующий диалог, выражающий враждебные и противостоящие друг другу воззрения.

Х о р: Так матереубийство приказал вещун?

О р е с т: Он сам, но не ропщу я на судьбу свою.

Хор: Иное скажешь, как услышишь приговор.
Орест: Из гроба помощь, верю, мне пошлет отец.
Хор: На мертвых уповаешь? Умерла и мать.
Орест: Две скверны к ней прилипли, два проклятья.
Хор: Какие ж две? Все точно разъясни суду.
Орест: Убитый ею был ей муж, а мне — отец.
Хор: Освободилась мертвая: убийца жив.
Орест: Почто же ты при жизни не гнала ее?
Хор: Чужим по крови был убитый ею муж.
Орест: А я по крови матери ль единый сын?
Хор: Разбойник богомерзкий! Отвержен ты.
Не предал ли проклятью ее ты дорогую кровь?
Тебя вскормившую в родимом чреве мать?

Эриннии не признают, таким образом, право отца и супруга, для них существует право матери. Что Клитемнестра заставила убить мужа, им кажется безразличным, потому что он был чужим. Напротив, они требуют наказания матереубийцы, так как, убив мать, Орест совершил самое тяжелое преступление, которое только могло быть совершено при старом родовом порядке. Аполлон стоит на противоположной точке зрения. Он по приказанию Зевса побудил Ореста убийством собственной матери отомстить за убийство отца, и он перед судьями защищает поведение Ореста, говоря:

«На это должен я сказать:
Не мать создатель своего ребенка,
Она лишь жизни пробужденье носит,
Но жизнь творит один отец
Она хранит залог лишь другу,
И то лишь при желанье бога
Незыблемо хочу я это доказать.
Отца без матери иметь возможно:
Зевеса дочь свидетель в том.
Мрак чрева матери ее не покрывал,
Но и богине не родить нам отпрыска такого».

Таким образом, по мнению Аполлона, прижитие ребенка дает отцу преимущественное право на него, между тем как по существовавшему до тех пор взгляду мать, дающая ребенку свою кровь и жизнь, — единственная собственница ребенка и отец ее ребенка остается для нее *чужим*. Поэтому Эриннии так отвечают на воззрение Аполлона:

«Седых времен свергаешь силы ты,
Нас, старых, хочешь обогнать ты, юный бог».

Судьи совещаются относительно приговора, половина их стоит за старое право, половина — за новое, так что

угрожает разделенне голосов поровну. Тогда Афина схватывает камень с алтаря и, бросая его в урну, говорит:

«Он мой, и мой последний приговор,
И за Ореста я его кладу.
Я матери не знала, *не была рожденной ею,*
От сердца полного хвалю я все мужское
И *вплоть до брака* отцу принадлежу я вся,
И потому считаю менше преступным убийство женщины,
Когда опора дома — муж погиб через нее.
Так и при равных голосах победа за Орестом».

Другая сага изображает падение материнского права в Афинах следующим образом:

«Во время управления Кекропса произошло двойное чудо: одновременно вышли из земли в одном месте оливковое дерево, в другом — вода. Испуганный царь послал в Дельфы, чтобы спросить оракула о значении этих событий. Ответ гласил: оливковое дерево означает Минерву, вода — Нептуна, и теперь гражданам предстоить решить, по имени которого из этих двух божеств назвать свой город. Кекропс созвал народное собрание, в котором право голоса имели как мужчины, так и женщины. Мужчины голосовали за Нептуна, женщины — за Минерву, и так как у женщин было одним голосом больше, победила Минерва. Нептун рассердился и приказал морю залить поля афинян. Чтобы смягчить гнев бога, афиняне наложили на своих женщин тройное наказание: *они должны были потерять право голоса, их дети не должны были более носить имени матери, они сами не должны были более называться афинянками*»¹.

Так победило новое право. Брак, делающий отца главою, победил материнское право².

3. ЗАКОННЫЕ ЖЕНЫ И ГЕТЕРЫ В АФИНАХ

Переход от материнского к отцовскому праву совершался повсюду, как только уровень развития культуры достигал той же ступени, что и в Афинах. Женщина приковывается к дому, ее изолируют и дают особое помеще-

¹ *Bachofen, Das Mutterrecht.*

² Когда зимою 1899—1900 годов в Берлине, Вене и т. д. была поставлена на сцене новая постановка «Орестейи» Эсхила, в обработке Г. Вилановича-Молендорфа, то публика и критика были неспособны понять глубокий смысл этой трагедии; она осталась для них чуждой.

ние — гинекеи. Ей запрещается даже общение с мужчинами, посещающими дом. Это было главной целью ее обособления.

Это изменение прав находит себе выражение уже в «Одиссее». Так, Телемах запрещает своей матери присутствовать среди женихов и приказывает ей:

«Лучше вернись-ка к себе и займись своими делами — Пряжей, тканьем; прикажи, чтоб служанки немедля за дело. Также взялись. Говорить же — не женское дело, а дело Мужа, *всех больше мое; у себя я один повелитель*»¹.

Это воззрение было в то время в Греции уже всеобщим. Более того. Женщина, даже если она вдова, находится под господством ближайшего по родству мужчины, у нее нет даже свободного выбора супруга. Женихи, утомленные долгой задержкой, которую устроила хитрая Пенелопа, обращаются к Телемаху и устами Антиноя требуют:

«Слушай же! Вот что тебе, Телемах, женихи отвечают, Чтобы и ты это знал и все остальные ахейцы:
Мать отошли и вели, чтобы шла за того, за кого ей Выйти прикажет отец и самой ей приятнее выйти»².

Свободе женщины кладется теперь конец. Если она выходит из дома, то она должна закрывать лицо, чтобы не возбуждать страсти другого мужчины. На востоке, где половые страсти вследствие жаркого климата особенно сильны, этот способ обособления и до сих пор еще доводится до самых крайних пределов. Среди древних народов Афины становятся образцом нового порядка. Женщина, конечно, разделяет постель мужа, но не его стол, она называет его не по имени, а «господин»; она — его служанка. Она нигде не должна появляться публично, по улице она должна ходить всегда с закрытым лицом и одетой в высшей степени просто. За нарушение супружеской верности она по законам Солона платится своей жизнью или своей свободой. Муж может ее продать, как рабыню.

Положение греческой женщины в то время находит себе выражение в «Медее» Еврипида. Медея жалуется:

«Из всех существ, душой и мыслью одаренных,
Мы всех жальче существо:
Придадим покупать должны мы мужа.

¹ Гомер, Одиссея, ГИХЛ, Москва 1953, стр. 11. — *Ред.*

² Там же, стр. 16. — *Ред.*

И что при том всего печальнее для нас,
 С тех пор владеет нашим телом он.
 Опасность страшная, каким он будет:
 Добр или зол? Развод для женщины —
 Пятно всегда, и сосватанного ей
 Она не смеет отклонить. И все, что ново,
 Что непривычно ей, она должна смиренно
 Перенести: никто ей не укажет, какой у мужа прав.
 И если это все нам удалось
 И радостно живет любимый с нами,
 Тогда завидна жизнь наша.
 Иначе лучше смерть! Мужчина,
 Если дом ему постыл, он *вне* его находит,
 Чем горе утолить: у друга, у сверстников своих.
 А мы за взглядом *одного* следить должны.
 Вы скажете, конечно, спокойно мы живем,
 Удобно у себя, а вы сражаетесь в боях!
 Нелепая ошибка, *в бою я много раз стоять бы согласилась,*
Чем родовые муки раз один узанть.

Совсем иначе обстоит дело для мужчин. Если мужчина налагал на женщину с целью прижития законных наследников строгое воздержание по отношению к другим мужчинам, то он был отнюдь не склонен налагать на себя подобное же воздержание по отношению к другим женщинам. Возник *гетеризм*. Женщины, отличавшиеся красотой и умом, обыкновенно чужестранки, предпочитали рабству брака свободную жизнь в интимном сношении с мужчинами. И это не считалось несколько предосудительным. Имена и слава этих гетер, поддерживавших интимные отношения с первыми людьми Греции и принимавших участие как в их ученых беседах, так и в их пиршествах, дошли до наших дней, между тем имена законных жен давно забыты и исчезли. Так, прекрасная Аспазия была интимной подругой знаменитого Перикла, который впоследствии женился на ней; имя гетеры Фрины стало позднее нарицательным именем для женщин, отдающихся за деньги. Фрина состояла в интимных отношениях с Гиперидом, и Пракситель, один из первых ваятелей Греции, выбрал ее моделью для своей Афродиты. Даная была любовницей Эпикура, Археанасса — любовницей Платона. Из других гетер известны Лаиса Коринфская, Гнатанея и т. д. Нет ни одного знаменитого грека, который не имел бы общения с гетерами. Это связано с их образом жизни. Великий оратор Демосфен в своей речи против Неера так описывает половую жизнь пмущих Афин: *«Мы берем жену, чтобы по-*

лучить законных детей и иметь в доме верную хозяйку; мы держим наложниц для услуг себе и ежедневного ухода, гетер — для наслаждения и любви». Законная жена была лишь аппаратом для рождения детей, верной собакой, сторожившей дом; господин же дома жил согласно своему bon plaisir, своему произволу. Часто это наблюдается и в наше время. Чтобы иметь возможность удовлетворять потребность в продажных женщинах, особенно со стороны более молодых мужчин, возникла проституция, неизвестная при господстве материнской линии. Проституция отличается от свободного полового общения тем, что женщина продает свое тело из-за материальных выгод как *одному мужчине*, так и целому ряду мужчин. Проституция налицо там, где женщина превращает в ремесло продажу своей привлекательности. Солон, формулировавший для Афин новое право и прославляемый как основатель нового правового порядка, положил начало публичным женским домам — дейктерионам и установил одинаковую плату для всех посетителей. По Филемону, она составляла один обол, приблизительно 25 пфеннигов на наши деньги. Дейктерион был, подобно храмам у греков и римлян и христианским церквям в средние века, неприкосновенен. Он находился под охраной государственной власти. Приблизительно за 150 лет до нашего летосчисления и храм перусалимский был обычным местом сборищ публичных женщин.

За благодеяние, оказанное афинским мужчинам основанием дейктерионов, Солон был так воспет одним из своих современников:

«Солон, слава тебе, ибо ты купил публичных женщин для блага города, для нравов города, наполненного крепкими молодыми мужчинами, которые без твоего мудрого учреждения должны бы были предаться нарушающему покой преследованию женщин из лучшей среды».

Мы увидим, что в наше время необходимость проституции и домов терпимости оправдывается как раз такими же доводами. Таким образом, государственные законы признавали за мужчинами естественное право на такие поступки, которые для женщины признавались заслуживающими унижения и тяжелым преступлением. Известно, что и ныне существует немало мужчин, которые общество прекрасной грешницы предпочитают обществу своей законной жены и которые в то же время считаются «столпами

государства и порядка» и «стражами святости брака и семьи».

Правда, и греческие женщины, по-видимому, часто мстили своим супругам за свое угнетение. Если проституция является дополнением единобрачия на одной стороне, то нарушение супружеской верности женщинами — рогоношество мужей — является дополнением единобрачия на другой стороне. Среди греческих драматических поэтов Еврипид считается женоненавистником, так как он в своих драмах особенно охотно нападает на женщин. То, в чем он обвиняет женщин, лучше всего видно из речи, которую одна гречанка в аристофановых «Празднествах Тесмофорий» держит против Еврипида. Она говорит:

«Какую только грязью он (Еврипид) не бросает в нас?
Где промолчал язык клеветника?
Где зрелища, где сборища, где танцы,
Мы всюду будто прячемся в углах,
Ища мужчин, стремясь всегда к бокалу.
Мы предаем, мы попусту болтаем,
Мы крест мужчин, и потому, как только муж
Вернется из театра ¹, он недоверчиво глядит,
Любовника ища повсюду. С тех пор для нас
Недопустимо, что раньше делать мы могли.
Мужчин так сильно он восстановил,
Что, раз жена венки плетет, она уж влюблена,
И, если только что-нибудь уронит,
У мужа уж вопрос: о чем ты думаешь?
О друге из Коринфа, вероятно?»

Понятно, что красноречивая гречанка так отвечает обвинителю ее пола, но Еврипид вряд ли мог возводить на женщин такие обвинения, и мужчины ему не стали бы верить, если бы они сами не знали очень хорошо, что эти обвинения справедливы. Судя по заключительным словам обвинительной речи, в Греции не было обычая, существовавшего раньше в Германии и во многих других странах, по которому хозяин предоставляет в распоряжение гостя на ночь собственную жену или дочь. Вот что рассказывает Мурнер об этом обычае, который встречался в Голландии еще в XV веке: «В Нидерландах обычай: если у хозяина ночует любимый гость, то он доверчиво кладет с ним свою жену»².

¹ Греческие женщины не допускались в театр.

² Deutsche Kultur-und Sittengeschichte von Joh. Scherr, 9 Auflage, Leipzig 1887, Otto Wigand.

Усиливающаяся классовая борьба в греческих государствах и печальное положение во многих из этих маленьких общин побудили Платона исследовать вопрос о наилучшей конституции и устройстве государства. В своем «Государстве», которое он выставляет как идеал, он требует для первого класса граждан — стражей полного равноправия женщин. Они должны наравне с мужчинами принимать участие в военных упражнениях и исполнять все те же обязанности, но только выбирать более легкое, «ввиду слабости пола». Он утверждает, что естественными задатками оба пола одинаково наделены, но только женщина в общем слабее мужчины. Далее, женщины должны были быть общими для мужчин, точно так же дети, так что ни отец не мог знать своего ребенка, ни ребенок своего отца¹.

Аристотель думает более буржуазно. Согласно его «Политике» женщина должна быть свободна в выборе супруга, но должна быть ему подчинена; впрочем, ей предоставлено право «давать добрый совет». Фукидид высказывает взгляд, которому обеспечено одобрение всех филистеров. Он говорит, что та супруга заслуживает высшей похвалы, о которой вне ее дома не слышно ни худого, ни хорошего.

При таких взглядах уважение к женщине должно было все более падать; страх перенаселения привел даже к тому, что стали избегать интимного общения с нею. Дошли до неестественного удовлетворения половой потребности. Греческие государства были городами с небольшими земельными владениями, способными прокормить при обычных условиях лишь определенное количество населения. Боязнь перенаселения побудила Аристотеля советовать мужчинам держаться вдали от своих жен и пользоваться любовью мальчиков. Уже до него Сократ восхвалял любовь к мальчикам как признак высшего образования. В конце концов этой противоестественной страсти стали предаваться самые выдающиеся деятели Греции. Уважение к женщине пало очень сильно. Наряду с женскими публичными домами имелись мужские публичные дома. В подобной общественной атмосфере Фукидид мог сказать, что женщина опаснее бушующего моря, огненного

¹ Plato, Der Staat, Übersetzt von Friedr. Schleiermacher und erläutert von J. H. v. Kirchmann, 5 Buch, Kap. 17. Berlin 1870.

жара и падения диких горных вод. «Если существует бог, выдумавший женщину, то, где бы он ни был, он должен знать, что он — виновник величайшего зла».

Если мужчины Греции предавались любви к мальчикам, то женщины впадали в другую крайность: они предавались любви с лицами своего собственного пола. Это половое извращение было особенно распространено среди женщин острова Лесбоса, почему оно было названо лесбийской любовью и называется так до сих пор, потому что еще не исчезло и продолжает существовать. Главной представительницей этой любви считалась знаменитая поэтесса Сафо, «лесбийский соловей», жившая приблизительно за шестьсот лет до нашего летосчисления. Ее страсть находит пылкое выражение в оде к Афродите, которую она умоляет так:

«Вселадычица, ты, на троне цветочном царящая,
В пене рожденная Зевса дочь хитроумная,
К тебе взываю,
В томлении и горьком мучении, богиня,
Не дай умереть!»

Еще более страстная чувственность проявляется в ее оде к прекрасной Аттис.

В то время как в Афинах и в остальной Греции уже господствовало отцовское право, соперница Афин, Спарта, находилась еще под господством материнского права, которое для большинства греков было уже совершенно чуждо. Существует такое предание: однажды какой-то грек спросил спартанца, какое наказание полагается в Спарте нарушителям супружеской верности. На это тот ответил: «Чужеземец, у нас нет нарушителей супружеской верности!» Чужеземец: «Ну, а если бы такой нашелся?» «Тогда он должен был бы в наказанье, — шутит спартанец, — дать такого большого быка, который мог бы протянуть свою голову через Тайгет и пить воду из Эвроты». На удивленный вопрос чужеземца: «Как может быть бык такой величины?» — спартанец, смеясь, отвечает: «Как же возможно, чтобы в Спарте был нарушитель супружеской верности?» Самосознание спартанской женщины нашло себе выражение в гордом ответе жены Леонида одной чужеземке, когда та сказала ей: «Вы, лакедемонянки, единственные женщины, которые господствуют над своими мужьями!» «Мы также единственные женщины, которые приносят миру мужчин», — последовал ответ.

Свободное состояние женщины в эпоху материнского права способствовало развитию их красоты, поднимало их гордость, достоинство и самостоятельность. Все древние писатели сходятся в том, что эти свойства в эпоху гинекократии¹ были у женщин в высшей степени развиты. Несвободное состояние, наступившее позже, неизбежно сказалось на них отрицательно; изменение отразилось даже в одежде, какую носили женщины в том и другом периоде. Одевание дорийской женщины легко и свободно спало с плеч, оставляя обнаженными руки и ноги; это платье Дианы, изображаемой в наших музеях так свободно и смело. Напротив, ионическое платье скрывало фигуру и сковывало движения. Форма женской одежды имеет гораздо большее значение, чем обычно думают, и до наших дней является признаком зависимости и причиной беспомощности. Женская одежда до сих пор делает женщину неловкой и навязывает ей чувство слабости, что в конце концов отражается на ее поведении и характере. Обыкновенные спартанцев заставляли девочек до возмужалого возраста ходить голыми, что допускал климат страны, по мнению древних писателей, значительно способствовало приучению к простоте и заботе о внешнем приличии. По взглядам того времени, в этом не было ничего нарушающего стыдливость и возбуждающего сладострастие. Наравне с мальчиками девочки принимали участие во всех физических упражнениях. Так воспитывалось сильное и гордое поколение, сознающее собственное достоинство, как показывает ответ жены Леонида иностранке.

4. ОСТАТКИ МАТЕРИНСКОГО ПРАВА В ПРАВАХ РАЗНЫХ НАРОДОВ

В теснейшей связи с исчезнувшим материнским правом стояли известные обычаи, которые современные писатели в полнейшем непонимании их значения называют «проституцией». Так, в Вавилоне существовала религиозная обязанность возмужавшей девственницы явиться в храм Милитты для принесения в жертву своей девственности, отдаваясь какому-либо мужчине. То же самое происходило

¹ Гинекократия (греч.) — господство женщин. — Ред.

в Серапемуме Мемфиса, в честь богини Анаитис в Армении, на Кипре, в Тирши и Сидонии в честь Астарты или Афродиты. На подобных обычаях основывались египетские празднества Изиды. Эта жертва девственностью должна была служить перед богиней искуплением за исключительную принадлежность одному мужчине в браке, «ибо не для того, чтобы поблекнуть в объятиях одного, природа наградила женщину всеми прелестями, которые были в ее распоряжении. Закон матери отвергает всякое ограничение, ненавидит все оковы и всякую исключительность рассматривает как посягательство на свою божественность»¹. Дальнейшее благоволение богини должно было быть куплено этою жертвою девственности.

Согласно со старым воззрением либийские девушки, отдаваясь, приобретали приданое. По материнскому праву они были до замужества свободны в половом отношении, и мужчины находили в этом так мало отталкивающего, что предпочитали брать в жены ту, на которую был больше всего спрос. То же самое происходило во времена Геродота у фракийцев: «Они не охраняют девушек, но предоставляют им полную свободу жить с кем угодно. Напротив, женщин они охраняют очень строго; они покупают их у родителей за большое имущество». Знамениты были гперодулы в коринфском храме Афродиты, где было собрано более тысячи девушек; это был притягательный пункт для греческих мужчин. И о дочери фараона Хнобее в Египте сага рассказывает, что она на средства, приобретенные продажей своих ласк, велела построить пирамиду.

Подобные условия встречаются еще и ныне на Марианских, Филиппинских и Полинезийских островах, а по Войцу, и у различных африканских племен. Другой обычай, существовавший до позднейших времен на Балеарских островах и являвшийся выражением права всех мужчин на женщину, состоял в том, что в брачную ночь к невесте допускались родные по крови мужчины в возрастном порядке и только под конец допускался жених. Этот обычай изменился у других народов в том отношении, что этим преимущественным правом у невесты пользуются священники или главы племени (цари) как представители мужчин племени... Так, на Малабаре каймары нанимают потамара (священника) для лишения своих жен девственно-

¹ *Bachofen, Das Mutterrecht.*

сти. Первосвященник (намбури) обязан оказывать эту услугу королю (заморин) при его свадьбе, и король платит ему 50 золотых¹. В Индокитае и на различных островах Великого океана эту службу выполняют то священники, то главы племени (цари)². То же в Сенегамбии, где высший глава племени в качестве служебной обязанности лишает девушек их девственности и получает за это подарок. У других народов лишение девственности, иногда даже девочки в возрасте нескольких месяцев, совершается устроенным для этой цели идолом. Следует также предполагать, что *jus primaе noctis* (право первой ночи), применявшееся у нас в Германии и вообще в Европе до конца средних веков, обязано своим происхождением подобной же традиции. Помещик, считавший себя повелителем своих подчиненных и крепостных, осуществлял перешедшее к нему право главы племени. Более подробно об этом после.

Отзвуком материнского права является далее своеобразный обычай южноафриканских племен, сохранившийся, видимо, и у басков, как народа с древними нравами и обычаями; он состоит в том, что вместо роженицы в постель ложится муж, корчится, как роженица, и заставляет жену ухаживать за собой. Этот обычай означает, что отец признает новорожденного своим ребенком. Этот обычай, видимо, существует также у различных горных племен Китая и недавно еще встречался на Корсике.

В правительственном докладе, предложенном рейхстагу (сессия 1894—1895 годов) относительно германских колоний, на стр. 239 имеется следующее место о южноафриканской области: «Без совета с старейшими и богатейшими не может он (родоначальник в деревне Гереро) принимать ни малейшего решения и отпускать не только мужчин, но довольно часто и женщин и даже слуг». А в отчете о Маршалльских островах говорится на стр. 254: «Власть управления над всеми Маршалльскими островами никогда не находилась в руках отдельных предводителей. Однако так как в этом классе (*ироди*) не осталось ни одного члена женского пола, а только мать может дать ребенку и ранг и благородство, то *ироди* вымирают вместе с предводите-

¹ К. Kautsky, Die Entstehung der Ehe und der Familie, Kosmos 1883.

² Mantegazza, Die Liebe in der Menschheit.

лями. Все изложение данного отчета показывает, насколько чужды его авторам описываемые ими отношения, в которых они не могут разобраться¹.

Доктор Генрих Ф. Влислочки, который несколько лет жил среди зибенбургских цыган и даже был усыновлен одним из их племен, рассказывает², что из четырех цыганских племен, среди которых он жил, сохранивших в то время еще древнюю организацию, в двух — Ашани и Чале — господствовало еще наследование по матери. Если бродячий цыган женится, то вступает в род своей жены, ведущей весь дом в цыганской семье. Наличное имущество есть собственность жены, а значит, ее рода; муж — человек чуждый. А по праву наследования по матери и дети остаются в ее роде. Даже в современной Германии встречается еще материнское право. Так, во втором листе «Вестдейчен Рундшау» от 10 июня 1902 года рассказывается, что в общине Гальтерн (Вестфалия) при наследовании имущества граждан действует еще материнское право Гента.

¹ Такие же условия существуют в колонии Камерун и остальной Западной Африке. Один немецкий морской врач, лично изучавший страну и людей, пишет следующее: «У большого числа родов право наследования в основе своей имеет матриархат. Отцовство — вещь безразличная. Братями и сестрами считаются только дети одной матери. Мужчина передает свое наследство не своим детям, а детям своей сестры, то есть своим племянникам и племянницам, как своим несомненно кровным родственникам. Глава народа Майи объяснил мне на ужасном английском языке: моя сестра и я, конечно, кровные родственники, так как мы дети одной матери; моя сестра также несомненно в кровном родстве со своим сыном; таким образом, ее сын — мой наследник и после моей смерти будет королем моего города (town). «А ваш отец?» — спросил я. «Я не знаю, что это такое — мой отец», — ответил он. Когда я затем спросил у него, разве он не имеет детей, он мне ответил, катаясь по земле от смеха, что у них не мужчины имеют детей, а только женщины».

«Я могу Вас уверить, — пишет далее автор, — что даже наследниками короля Белля в Камеруне является не сын его, а один из его племянников. Так называемые дети Белля, из которых некоторые дрессируются в германских городах, есть только дети его жеп, отцы которых неизвестны; одним из них я мог бы объявить и себя».

Что скажут те, кто отрицает материнское право, прочтя этот рассказ, относящийся к нашей современности? Автор — человек с открытыми глазами, который проникает в глубину вещей. Многие ли, живущие среди полудиких народов, делают так? Отсюда и их извращенные рассказы о «безнравственности» туземцев.

² H. v. Wlislöcki, Bilder aus dem Leben der Siebenbürger Zigeuner. Geschichtliches, Ethnologisches, Sprache und Poesie, Hamburg 1890.

Дети наследовали после матери. До сих пор тщетно старались отменить этот «старый парик».

Как мало существующее теперь единобрачие похоже на вечное древнейшее учреждение, показывает распространность брака-купли, умыкания, полигамии и полиандрии.

И в Греции женщина была предметом купли и продажи. Как только она переступала порог дома своего супруга и господина, так она переставала существовать для своей прежней семьи. Символически это выражалось тем, что красиво убранная повозка, в которой ее привозили в дом мужа, сжигалась перед его дверьми.

У остяков в Сибири еще поныне отец продает дочь; он торгуется с посланными жениха из-за цены. Точно так же есть еще у различных африканских племен обычай, существовавший у евреев времен Иакова и состоящий в том, что мужчина, желающий получить девушку, должен поступить на службу к своей будущей теще. Известно, что покупной брак не исчез еще и у нас; в буржуазном обществе он господствует больше, чем когда-либо. Денежный брак, являющийся почти всеобщим обычаем среди наших имущих классов, есть не что иное, как покупной брак. Подарок, который по существующему обычаю жених делает невесте, надо рассматривать как символ приобретения жены в собственность.

Наряду с браком посредством купли существовал брак посредством похищения. Похищение женщин практиковалось не только древними евреями, оно встречается почти у всех народов древности. Самый известный исторический пример — это похищение сабинянок римлянами. Похищение было самым простым способом получить женщин там, где их не хватало или где, как на Востоке, господствовало многоженство. На Востоке, особенно во времена владычества арабов, с VII по XII столетие нашего времени, похищение женщин приняло огромные размеры.

Символически похищение женщин происходит еще и ныне, например у арауканцев в Южном Чили. Пока друзья жениха торгуются с отцом невесты, жених подкрадывается к дому и старается схватить невесту. Схватив, он бросает ее на заранее приготовленную лошадь и скачет с нею к ближайшему лесу. Женщины, мужчины и дети поднимают страшный крик и стараются воспрепятствовать

бегству. Но раз жених со своей невестой достиг чащи леса, брак считается заключенным, это и в том случае, если похищение происходит против воли родителей. Подобные обычаи существуют и у австралийских племен.

И у нас обычай свадебных поездок напоминает похищение женщин; невеста похищается из родительского дома. С другой стороны, обмен кольцами напоминает подчиненность женщины и то, что она приковывается к мужчине. Этот обычай появился первоначально в Риме. Невеста в знак того, что она приковывается к мужу, получала от него железное кольцо. Впоследствии это кольцо стали готовить из золота и гораздо позднее стали кольцами обмениваться в знак того, что обе стороны считали себя взаимно связанными.

Многоженству (полигамии), которое мы встречали у восточных народов и которое существует у них еще до сих пор, но может применяться на практике только привилегированными и имущими людьми в зависимости от имеющихся в их распоряжении числа женщин и денег на их содержание, — этому многоженству соответствует многомужество (полиандрия). Оно существует главным образом у горных народов в Тибете, у гаррасов на индийско-китайской границе, у байгасов в Годване, у наиров на крайнем юге Индии; оно, по-видимому, существует также у эскимосов и алеутов. Происхождение определяется, само собой разумеется, по матери, дети принадлежат ей. Мужья женщины обыкновенно братья. Если женится старший брат, то остальные братья — точно так же мужья жены, но и жена имеет право брать других мужей. С другой стороны, и мужья имеют право владеть несколькими женами. Каким условиям обязана своим происхождением полиандрия, еще не выяснено, но так как полиандрийские народы живут исключительно либо в высоких горных странах, либо в холодном поясе, то, вероятно, при полиандрии играет роль явление, о котором сообщает Тарновский¹. Заслуживающие доверия путешественники рассказали Тарновскому, что продолжительное пребывание на значительных высотах понижает половую потребность, которая после возвращения вниз проявляется с новой силой. Это понижение половой активности, думает Тарновский, может

¹ *Tarnowsky*, Die krankhaften Erscheinungen des Geschlechtssinnes, Berlin 1886.

служить объяснением сравнительно незначительного прироста населения в горных странах, и, передаваясь по наследству, оно может быть одним из моментов вырождения, проявляющегося в извращении полового чувства.

Продолжительная жизнь в очень высоких или очень холодных местностях обуславливает, конечно, и то, что многомужество не предъявляет к женщине чрезмерных требований. Это влияние сказывается уже в самой природе женщин: так, например, у эскимосских девушек менструация обыкновенно наступает на 19 году, между тем как в жарком климате она появляется уже на девятом или десятом году, а в умеренном — между 14 и 16 годами. Если жаркие страны, как вообще признано, сильно повышают половую потребность, отчего именно в жарких странах главным образом и распространено многоженство, то, с другой стороны, холодные местности, а к ним принадлежат местности горные, должны очень значительно понижать половую потребность. Известно также, что зачатие встречается гораздо реже у женщин, сходящихся с несколькими мужчинами. Поэтому прирост населения при полиандрии слабый, что соответствует трудности добывания средств к существованию, характерной для холодных и горных стран. Этим доказывается, что и в столь чуждом нам состоянии полиандрии на отношениях полов отражается способ производства. Следовало бы еще установить, существует ли у этих народов, живущих в горных и холодных местностях, обычай убивать детей женского пола, как это практикуется, по имеющимся сообщениям, у монгольских племен в горных местностях Китая.

5. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОРЯДКА. РАЗЛОЖЕНИЕ РОДА В РИМЕ

После уничтожения рода с материнским правом его место занял род с отцовским правом, причем функции последнего были значительно ослаблены. Его главной задачей была забота об общих религиозных учреждениях и похоронах, взаимное обязательство для защиты и помощи; появилось право, а в некоторых случаях обязанность, вступающая в брак, входить в род, особенно когда дело шло о богатых наследницах или сиротах. Род управлял также существовавшей еще общей собственностью.

Вместе с частной собственностью и связанным с нею правом наследования возникли классовое различие и классовые противоречия. С течением времени имущие сплотились против неимущих. Первые старались получить в свои руки управление в новой общине и сделать его наследственным. Сделавшееся необходимым денежное хозяйство создало неизвестные до тех пор отношения задолженности. Борьба против внешних врагов и противоположные внутренние интересы, точно так же как и различные интересы и отношения между земледелием, ремеслом и торговлей, сделали необходимыми сложные правовые нормы и создание органов, которые наблюдали бы за правильным ходом общественной машины и разрешали бы споры. Это необходимо было и для регулирования отношений между господами и рабами, должниками и кредиторами. Так сделалась необходимой власть, которая наблюдала бы за всеми этими отношениями, руководила, приводила в порядок, примиряла, вторгалась в них, то защищая, то наказывая. *Возникло государство — необходимый продукт противоположных интересов, проявившихся в новом общественном порядке.* Руководство им, естественно, попало в руки тех, которые имели наибольший интерес в его основании и которые вследствие своей социальной силы пользовались наибольшим влиянием, то есть *в руки имущих*. Имущественная аристократия и демократия стояли, таким образом, друг против друга и там, где господствовало полное равенство политических прав.

При старых порядках материнского права не было писаных законов. Отношения были просты, и обычай свято хранился. В новом, более сложном порядке писаное право сделалось одной из важнейших потребностей; стали необходимы и особые органы для заведования им. Но когда правовые отношения стали еще более сложными, то образовался класс людей, посвятивших себя изучению правовых норм и заинтересованных в том, чтобы все более усложнить их. Появились ученые знатоки права, юристы, которые благодаря значению созданного права для всего общества превратились в самое влиятельное сословие. Новый гражданский правовой порядок нашел с течением времени свое классическое выражение в римском государстве; этим объясняется то влияние, которое римское право оказывает вплоть до настоящего времени.

Государственное устройство, таким образом, является необходимым следствием такого общества, которое на более высокой ступени разделения труда расчленено на большое число разнообразных отраслей труда, с различными, часто противоположными и враждебными интересами. Неизбежный результат этого — угнетение слабых. Это поняли и набатейцы, арабское племя, которое, по словам Диодора, издало распоряжение не сеять, не сажать растений, не пить вина и не строить домов, а жить в палатках, так как если все это будет делаться, *то племя легко будет подчинено верховной властью (государственной властью)*. Подобные же предписания действовали и у рахебитов, потомков тестя Моисея¹. Моисеево законодательство вообще было направлено на то, чтобы *сохранить у евреев земледельческую общину, ибо их законодатели боялись, что в противном случае будет утрачен их демократическо-коммунистический строй*. Поэтому и выбор «обетованной земли» пал на страну, окруженную с одной стороны малодоступной гористой местностью, Ливаном, а с другой — именно с востока и юга — малоплодородными окрестностями и отчасти пустынями, что делало возможной изолированность населения. По той же причине евреев старались селить вдали от моря, располагающего к торговле, колонизации и накоплению богатств; этим же объясняются строгие законы, запрещающие сношения с другими народностями, строгое воспрещение браков вне своей земли, законы о бедных, аграрные законы, юбилейный год — одним словом, все эти порядки имели своей целью помешать накоплению огромного богатства в руках отдельных лиц и воспрепятствовать образованию у евреев государства. Потому-то их племенная, основанная на родовом строе организация сохранилась до их полного распада и ее влияние отчасти сказывается у них и до сих пор.

В основании Рима участвовали, по-видимому, латинские племена, перешагнувшие уже предел развития материнского права. Недостаток в женщинах они пополняли, как уже было сказано, похищением их у сабинского племени и заимствовали у него название квиритов. Еще долго после этого в народном собрании римские граждане носили название квиритов. *Populus romanus* обозначало

¹ Mosaisches Recht von Joh David Michaelis, 1. Band, 2. Auflage, Reutlingen 1793.

свободное римское население вообще, но *populus Romanus* *quiritium* выражало сверх того происхождение и качество римского гражданина. В римском роде господствовало отцовское право. Дети наследовали как кровные родственники; если не было детей, то наследство переходило родственникам по мужской линии, и если таковые отсутствовали, тогда имущество переходило к роду. После вступления в брак женщина теряла наследственное право на имущество отца и его братьев; она выходила из племени, и потому ни она, ни ее дети не могли быть наследниками ни ее отца, ни ее братьев. В противном случае часть наследства терялась бы отцовским родом. Разделение на племена и фратрии еще в продолжение столетий служило в Риме основным военной организации и пользования гражданскими правами. Но падение племен с отцовским правом и утрата их значения вызывают более благоприятные условия для римских женщин; впоследствии они не только получали наследства, но и пользовались правом распоряжаться ими и, таким образом, находились в более счастливых условиях, чем их греческие сестры. Это свободное положение, которого они постепенно достигли, дает Катону старшему, родившемуся в 234 году до нашей эры, повод к жалобам: «Если бы каждый хозяин дома стремился по примеру своих предков держать свою жену в надлежащем повиновении, тогда бы обществу не было так много хлопот со всем их полом». И когда в 195 году до нашей эры некоторыми народными трибунами было сделано предложение уничтожить раньше изданный закон против женской роскоши в драгоценностях и одежде, то он гремел: «Если бы каждый из нас благоразумно сохранил по отношению к своей жене права и превосходство мужа, то у нас не было бы столько трудностей с женщинами вообще; теперь же наша свобода, ограниченная уже у домашнего очага, разбивается и попирается даже здесь, на форуме, женской необузданностью, и, не выдержав борьбы с каждой в отдельности, мы боимся и всех их вместе... Наши предки желали, чтобы женщины не смели заниматься никакими, даже частными, делами без вмешательства опекуна, чтобы ими управляли их отцы, братья, мужья; мы же терпим, что они овладевают республикой и вмешиваются даже в дела народных собраний... Дайте только волю их властолюбивой натуре, этим необузданным созданиям, тогда уж не надейтесь, что они сами положат предел своему произволу. Это стеснение

в сравнении с другими ограничениями, установленными для женщины обычаями или законом, является очень незначительным. Правду говоря, они желают не свободы, а необузданности во всем... И если только они добьются равенства с нами, тогда они скоро возьмут над нами верх».

В то время, о котором говорит Катон в вышеупомянутой речи, отец, пока он был жив, состоял опекуном своей дочери, если даже она была замужем, или же он назначал ей опекуна. После смерти отца опекуном делался ближайший родственник по мужской линии. Опекун имел всегда право передать свое опекунство любому третьему лицу. Римский закон не признавал, таким образом, за женщиной собственной воли.

Формы заключения брака были различны и в продолжение столетий подвергались разнообразным изменениям. Самое торжественное заключение брака совершалось в присутствии первосвященника и по крайней мере десяти свидетелей, причем в знак союза брачная пара вместе ела пирог, испеченный из муки, соли и воды. Как видно, эта церемония имела большое сходство с христианским обычаем таинства причастия. Вторая форма заключения брака состояла в том, что жених силой завладевал невестой и брак считался действительным после того, как женщина, по разрешению своего отца или опекуна, прожила год под одной кровлей со своим избранником. Третьей формой был известный род обоюдной покупки, заключающийся в том, что вступающие в брак давали друг другу деньги и обещание быть супругами. Во времена Цицерона¹ свободный развод для обеих сторон был уже введен повсюду и даже оспаривалось требование объявлять об этом. Но *lex Julia de adulteriis*² предписал торжественное объявление развода, так как часто женщины, обвиняемые в нарушении брака и привлекаемые к ответственности, ссылались на развод. Юстиниан (христианин)³ запретил развод, допуская его только в том случае, если обе стороны соглашались идти в монастырь, но его преемник Юстиниан II был вынужден снова разрешить его.

¹ Родился в 106 г. до нашей эры.

² *Lex Julia de adulteriis* — Закон Юлия Цезаря о супружеской неверности. — *Ред.*

³ Жил с 483 по 565 год нашей эры.

С возрастающим могуществом и увеличением богатства Рима строгие нравственные правила уступили место порокам и самому безобразному распутству. Рим сделался центром, от которого на весь культурный мир того времени распространялись утонченный разврат и разгул. Разврат, которому особенно во время империи много покровительствовали императоры, принял такие формы, которые мог придумать только безумный. Мужчины и женщины старались перещеголять друг друга в распутстве. Число женских публичных домов все увеличивалось, а рядом с ними среди мужчин все более распространялась греческая любовь. В Риме число молодых мужчин, занимавшихся проституцией, было одно время больше, чем число женщин-проституток¹.

Гетеры, окруженные обожателями, появлялись во всей своей пышности на улицах, на прогулках, в цирке и в театре; часто их носили негры на переносных постелях, на которых они с зеркалом в руках, сверкающие в блеске украшений и драгоценностей, возлежали почти обнаженные; их окружали с всерами в руках рабы и толпа мальчиков, евнухов, флейтистов; фантастически одетые карлики следовали в конце шествия.

Разврат принял в Римской империи такие размеры, что угрожал существованию империи. Женщины следовали примеру мужчин; встречались женщины, повествует Сенека², которые считали года не по числу консулов, как обыкновенно было принято, а по числу своих супругов. Нарушение брака сделалось общим, и, чтобы избежать предусмотренных законом тяжелых наказаний, женщины, и среди них были самые знатные дамы Рима, записывались в регистры эдилов как проститутки.

Наряду с подобным развратом гражданские войны и система латифундий настолько усилили безбрачие и бездетность, что число римских граждан и патрициев значительно уменьшилось. Ввиду этого в 16 году до нашей эры Август издал так называемый юлианский закон³, по кото-

¹ Послание святого Павла к римлянам, 1, 26 и 27. «Потому предал их бог постыдным страстям; женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставивши естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам».

² Он жил с 2 по 65 год нашей эры.

³ Август, приемный сын Цезаря, принадлежал через усыновление к юлианскому роду, отсюда название — юлианский закон.

рому вознаграждалось деторождение и подвергались наказанию римские граждане и патриции, не вступавшие в брак. Имевшие детей считались рангом выше, чем бездетные и не вступившие в брак. Эти последние имели право получать наследство только от ближайших родственников. Бездетные получали только половину наследства, остальное переходило в собственность государства. Женщины, обвинявшиеся в нарушении брака, должны были отдавать часть своего приданого обманутому супругу. Учитывая это, многие мужчины вступали в брак, рассчитывая на измену своих жен. Это вызвало у Плутарха замечание: римляне женятся не для того, чтобы получить наследников, а для того, чтобы получать наследства.

Впоследствии юлианский закон был еще более усилен. Тиберий издал приказ, по которому продавать себя за деньги не могла ни одна женщина, дед, отец или муж которой не были римскими воинами. Замужние женщины, вносившие свои имена в регистр проституток, считались нарушительницами брака и высылались за пределы Италии. Для мужчин подобных законов, конечно, не существовало. По словам Ювенала, в современном ему Риме (первая половина столетия до нашей эры) отравление мужей было частым явлением.

Евреи поступили совершенно иначе, чем римляне эпохи империи, где все более увеличивались безбрачие и бездетность. Хотя еврейка не имела права выбора мужа, так как отец назначал ей жениха, но брак был для нее обязанностью, которую она выполняла с верностью. Талмуд советует: «Когда твоя дочь достигает зрелого возраста, тогда подари одному из твоих рабов свободу и сосватай ее с ним». Точно так же евреи усердно следуют и заповеди их бога: «Плодитесь и множьтесь». Благодаря этому они, несмотря ни на какие преследования и притеснения, усердно размножались; они заклятые враги мальтузианства.

Уже Тацит говорит о них: «Они настойчиво держатся все вместе и обладают добровольною щедростью друг к другу и враждебностью к другим. Они никогда не едят за одним столом с врагами и никогда не спят с ними, и, хотя крайне склонны к чувственности, воздерживаются от половых сношений с иностранками... Но все же они стремятся к увеличению своего народа. Убить рожденного для них грех; души погибших в бою или казненных они причисляют к бессмертным. Этим объясняется их любовь к размножению вместе с презрением к смерти». Тацит ненавидел и презирал евреев, так как они, вопреки религии своих предков, накапливали богатства и сокровища. Он называет их «самыми дурными людьми», «ненавистным народом»¹.

Под властью римлян евреи сплачивались все теснее. И страдания, которые им пришлось выносить в течение почти всего христианского средневековья, породили ту задушевную семейную жизнь, которая для современного буржуазного мира представляется своего рода образцом. Между тем в римском обществе совершался процесс разложе-

¹ Tacitus, Historien, 5. Buch.

ния и распада, ведущий страну к ее окончательной гибели. Разврату, граничившему с сумасшествием, противопоставлялась другая крайность — самый строгий аскетизм. Подобно тому как прежде распутство, так теперь аскетизм принимал религиозные формы. Его проповедовали мечтатели-фанатики. Переходящая все границы невоздержанность и роскошь господствующих классов представляли резкий контраст с нуждой и нищетой миллионов, которые победоносный Рим из всех стран известного тогда мира сгонял как рабов в Италию. Между ними находилась масса женщин, оторванных от своего домашнего очага, от родителей, мужей и детей; они испытывали нищету всего глубже и жаждали освобождения. Многие римские женщины, возмущенные тем, что происходило на их глазах, находились в подобном же душевном состоянии. Они рады были всякой перемене своего положения. Глубокая жажда перемены и освобождения охватила широкие слои, и казалось, что спаситель скоро явится. Завоевание иудейского царства и Иерусалима римлянами уничтожило национальную самостоятельность евреев и породило среди аскетических сект этой страны мечтателей, провозглашавших возникновение нового царства, которое принесет всем свободу и счастье.

Христос пришел, и возникло христианство. Оно олицетворяло оппозицию против животного материализма, господствовавшего среди властителей и богачей Римской империи. Оно представляло собою протест против презрения и угнетения масс. Но так как христианство происходит от евреев, установивших полное бесправие женщины и так как согласно библейскому представлению женщина рассматривается как виновница всех зол, то христианство проповедовало презрение к женщине, воздержание и умерщвление плоти, так сильно грешившей в то время, и своими двусмысленными фразами предвещало будущее царство, которое одни считали небесным, другие — земным, царство, приносящее всем свободу и справедливость. В трясине Римской империи это учение нашло себе плодотворную почву. Женщина, как все униженные, надевшаяся на освобождение и спасение из своего угнетенного положения, охотно и горячо примкнула к нему. Вплоть до настоящего времени не было ни одного значительного движения в мире, в котором женщины не выступали как борцы и мученицы. Те, кто прославляет христи-

анство как великое культурное завоевание, не должны забывать, что большей частью своих успехов христианство обязано именно женщине. Ее старания обращать в христианскую веру играли важную роль как в Римской империи, так и среди варварских народов средних веков. Часто наиболее могущественные обращались в христианство благодаря женщине. Так, например, Хлодвига, царя франков, к принятию христианства побудила Клотильда. Берта, королева Гента, и Гизела, королева Венгрии, ввели христианство в своих странах. Влиянию женщин христианство обязано обращением многих великих людей. Но христианство плохо отплатило женщине. Оно содержит в своем учении то же презрение к ней, которым проникнуты все религии Востока. Оно приказывает ей быть послушной слугою мужа, и еще поныне должна она клясться перед алтарем в повиновении мужу.

Послушаем, как говорят о женщине и браке Библия и христианство.

Десять заповедей Ветхого завета обращены только к мужчине. В девятой заповеди женщина упоминается наряду с прислугой и домашними животными: мужчине предлагается не пожелать ни жены ближнего, ни слуги его, ни скота его, ни осла его, ни всего, что принадлежит ближнему. Женщина, таким образом,— объект, часть собственности, к которой мужчина, поскольку эта собственность находится в чужом владении, не должен предъявлять никаких притязаний. И Иисус, принадлежавший к секте, налагавшей строгий аскетизм (воздержанность) и самокастрацию¹, на вопрос учеников, хорошо ли жениться, сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано; ибо есть скопцы, которые из чрева материнского родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для царства небесного. Кастрация, таким образом,— поступок, угодный богу, и отказ от любви и брака — хорошее дело.

Павел, которого еще более, чем Христа, можно назвать основателем христианства и который придал этому учению международный характер и освободил его от ограниченного еврейского сектантства, пишет коринфянам: «А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться жен-

¹ Mantegazza, L'amour dans l'humanité.

щины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа...» «Брак — низкое состояние, жениться — хорошо, не жениться — лучше». «Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти, ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти». «Но те, которые христовы, распяли плоть со страстями и похотями». Он сам следовал своему учению и не женился. Эта ненависть к плоти есть не что иное, как *ненависть к женщине, но также и страх перед женщиной*, которая представляется соблазнительницей мужчины, как это видно из сцены в раю. В том же духе проповедовали апостолы и отцы церкви, так же как и церковь, в течение всех средних веков создававшие монастыри и вводящие безбрачие священников, что продолжается и поныне.

Женщина, согласно христианскому учению, — *нечистая*, соблазнительница, внесшая в мир грех и погубившая мужчин. Поэтому апостолы и отцы церкви всегда смотрели на брак только как на необходимое зло, как ныне смотрят на проституцию. Тертуллиан восклицал: «Женщина, ты должна постоянно ходить в печали и лохмотьях, с глазами, полными слез раскаяния, чтобы заставить забыть, что ты погубила человеческий род. Женщина! Ты — врата адовы!» И далее: «Должно выбирать безбрачие, хотя бы это привело к гибели человеческого рода». Иерошим говорит: «Брак всегда грех, все, что можно сделать, это простить его и освятить», — поэтому его и сделали церковным таинством. Ориген заявляет: «Брак — нечто нечестивое и нечистое, средство сладострастия», — и, чтобы противостоять искушению, он кастрировал себя. Августин учит: «Безбрачные будут блеснуть на небе, как светлые звезды, а их родители (произведшие их) уподобляются звездам темным». Евсевий и Иероним — оба согласны, что изречение Библии «Плодитесь и множьтесь» не соответствует более времени и не касается христиан. Можно было бы привести еще сотни цитат самых влиятельных учителей церкви, которые все учили в том же направлении. И своими непрерывными поучениями и проповедями они распространили неестественные взгляды на половые отношения, *которые как бы то ни было являются повелением природы и выполнение которых — одна из важнейших обязанностей жизненной цели*. Этими поучениями современное общество еще тяжело болсет и поправляется очень медленно.

Петр с особенным ударением восклицает: «Жены, повинуйтесь вашим мужьям». Павел пишет к ефесянам: «Муж есть глава жены, как и Христос — глава церкви», — и к коринфянам: «Муж есть образ и слава божия, а жена есть слава мужа». Из этого следует, что всякий глупый муж имеет право считать себя лучше, чем самая превосходная женщина, и на практике так бывает и поныне. Точно так же Павел поднимает свой авторитетный голос против более высокого образования женщин. Он говорит (Тимофей, 2, 11 и т. д.): «Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью, а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии». И к коринфянам (14, 34 и 35): «Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как закон и говорит. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том у мужей своих, ибо неприлично жене говорить в церкви». Святой Фома Аквинский (1227—1274 годы) говорит: «Женщина — быстро растущая сорная трава, она неполноценный человек, тело которого только потому быстрее достигает полного развития, что оно меньшей ценности и что природа меньше с ним занимается». «Женщины рождаются, чтобы вечно их держали под игмом господина и учителя, так как природа во всех отношениях дала мужчине преимущество и предназначила его для господства».

Подобные учения свойственны не одному только христианству. Так же как христианство представляет из себя смесь иудейства и греческой философии, а последние опять-таки находят свои источники в древней культуре индусов, вавилонян и египтян, так и то подчиненное положение, на которое христианство обрекало женщину после прекращения материнской линии, было общим явлением для культурного мира. Вот что говорится в индусской книге законов Ману¹: «Причиной бесчестия является женщина, причиной вражды является женщина, причиной мирского существования является женщина, поэтому следует избегать женщины». Наряду с унижением женщины в довольно наивной форме находит свое выражение и постоянный страх перед ней; так, у Ману говорится далее: «Женщины от природы постоянно склонны соблазнять мужчин, поэто-

¹ Сборник древнеиндийских законов, относящихся ко II веку до нашей эры — II веку нашей эры. — *Ред.*

му мужчина не должен даже со своей ближайшей родственницей сидеть в уединенном месте».

Таким образом, женщина является соблазнительницей как по индийскому, так и по ветхозаветному и христианскому воззрениям. Всякое господство предполагает унижение подвластного. Подчиненное положение женщины до настоящего времени у отсталых в культурном отношении народов Востока сохранилось еще более, чем у народов с христианским мировоззрением. Положение женщины в так называемом христианском мире постепенно улучшалось не благодаря христианству, а *благодаря западной культуре, приобретенной в борьбе против христианского мировоззрения.*

Христианство нельзя рассматривать как причину того, что положение женщины в настоящее время лучше, чем во времена его возникновения. Неохотно, уступая лишь необходимости, оно отказалось от своего истинного отношения к женщине. Те, которые увлекаются «миссией христианства, освобождающего человечество», держатся, конечно, другого взгляда. Они утверждают, что христианство вывело женщину из ее прежнего низкого положения, и опираются при этом в особенности на позднее возникший в христианстве культ Марии, или богоматери, что является знаком уважения к женскому полу. Но католическая церковь, поддерживающая этот культ, вряд ли разделяет это воззрение. Только что приведенные изречения святых и отцов церкви, которых можно было бы привести еще много, проникнуты все вместе и каждое в отдельности враждой к женщине и браку. Маконский собор, споривший в VI столетии о том, есть ли у женщины душа, и решивший этот вопрос в утвердительном смысле большинством одного голоса, тоже не является доказательством дружественного отношения к женщинам. Введение Григорием VII безбрачия духовенства¹ с целью иметь в нем силу, которая не отвлекалась бы от службы церкви никакими семейными интересами, было возможно лишь бла-

¹ Шаг, против которого, между прочим, протестовали священники Майнцской епархии, которые говорили так: у вас, епископы и аббаты, большие богатства, королевский стол и роскошные охотничьи экипажи; у нас, бедных, простых пастырей, нет для утешения ничего, кроме жены. Воздержание, может быть, прекрасная добродетель, но поистине она «тяжела и жестока». Yves Guyot, Les théories sociales du Christianisme, 2. Auflage, Paris.

годаря лежавшим в основе церкви воззрениям о греховности плотских побуждений. Также и различные реформаторы, в особенности Кальвин и шотландское духовенство, своей яростью против «плотской похоти» не оставили никакого сомнения в том, что христианство по своему воззрению враждебно женщине¹.

Введя культ Марии, католическая церковь с умным расчетом поставила его на место культа языческих богинь, существовавшего у *всех* народов, среди которых тогда распространялось христианство. *Мария* заступила место Кибелы, Милитты, Афродиты, Венеры, Цереры и т. д. у южных народов, место Фрейи, Фригги и т. д. у германских народов, она была только идеализирована в христианско-спиритуалистическом духе.

✂

¹ Много примеров этому приводит Бокль в своей «Geschichte der Zivilisation in England», 4. Ausgabe, Leipzig und Heidelberg 1870, переведенной на немецкий язык Арнольдом Руге.

ЖЕНЩИНЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

1. ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ У ГЕРМАНЦЕВ

Безыскусственные, физически здоровые и неиспорченные народы, которые в первые столетия нашей эры, как огромная морская волна, хлынули с востока и севера и залили ослабевшую Римскую мировую империю, в которой постепенно восторжествовало христианство, — эти народы со всею силою восстали против аскетических проповедей христианских проповедников, и тем волей-неволей пришлось считаться с этими здоровыми натурами. С изумлением узнавали римляне, что нравы этих народов были совершенно иные, чем римские. *Тацит* признал этот факт по отношению к германцам, выразив это в следующих словах: «Их браки очень строги, и ни один из их обычаев не заслуживает большей похвалы, чем этот, ибо они почти единственные варвары, которые довольствуются одной женой. Очень редко у этого многочисленного народа слышно о нарушении супружеской верности, и оно наказывается тут же на месте, причем наказывать позволяется самим мужьям. Муж обрезает жене, нарушившей верность, волосы и на глазах родственников выгоняет ее голую из деревни, ибо нет снисхождения к нарушению нравственности. Ни красота, ни молодость, ни богатство не помогут такой женщине найти мужа. Там никто не смеется над грехом; и соблазнять и быть соблазненным не считается там умением жить. Юноши поздно женятся и потому сохраняют свою силу, и девушек не спешат выдавать замуж, и они тоже цветут молодостью и отличаются тем же высоким ростом. Они вступают в брак в одинаковом возрасте, одинаково крепкими, и сила родителей переходит на детей».

Ясно, что *Тацит*, желая дать римлянам образец, рисует брачные отношения древних германцев несколько в розовом свете. Конечно, жена, нарушившая супружескую верность, наказывалась у них строго, но это не распространялось на неверного мужа. Во времена *Тацита* у герман-

цев род еще процветал. Тациту, выросшему при римских отношениях, родовая организация и ее основы были чужды и непонятны, поэтому он с удивлением рассказывает, что у германцев брат матери рассматривает своего племянника как сына и что некоторые считали кровную связь между дядей с материнской стороны и племянником еще священнее и ближе; чем между отцом и сыном, так что когда вопрос шел о заложниках, то сын сестры считался большей гарантией, чем собственный. Энгельс замечает по этому поводу следующее: «Если член такого рода давал собственного сына в залог какого-либо торжественного обязательства и сын становился жертвой нарушения отцом договора, то это было только делом самого отца. Но если жертвой оказывался сын сестры, то этим нарушалось священнейшее родовое право; ближайший кровный родственник мальчика или юноши, предпочтительно перед другими обязанный охранять его, оказывался виновником его смерти; этот родственник или не должен был делать его заложником или обязан был выполнить договор»¹.

В остальном, как доказывает Энгельс, во времена Тацита материнское право у германцев уже было вытеснено правом отцовским. Дети наследовали отцу; если их не было, то наследовали братья и дяди с отцовской и материнской стороны. Допущение брата матери как наследника, хотя решающим было происхождение от отца, объясняется тем, что старое право еще только что исчезло. Воспоминание о старом праве было также причиной уважения германцев к женскому полу, которое так поразило Тацита. Тацит находил также, что женщины возбуждали мужество германцев до крайних пределов. Мысль, что их женщины могут попасть в плен и в рабство, была самой ужасной для древних германцев и побуждала их к отчаянному сопротивлению. Но и в самих женщинах жил дух, который импонировал римлянам. Когда Марий не позволил пленным женщинам тевтонов посвятить себя служению Весте (богине девственного целомудрия), они прибегли к самоубийству.

Во времена Тацита германцы уже сделали оседлыми; распределение земли происходило ежегодно по жребию, причем лес, вода и луговая земля считались общественной собственностью. Их образ жизни был еще очень простым,

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 141—142.

скот составлял главное их богатство; их одежда состояла из грубой шерстяной мантии или из мехов животных. Женщины и знатные носили полотняное белье. Обработка металла существовала только у тех племен, которые жили слишком далеко от мест ввоза римских промышленных продуктов. Судебная власть в незначительных вопросах принадлежала совету предводителей, в важных же — решало народное собрание. Предводителей выбирали, и притом почти всегда из одной и той же семьи: переход к отцовскому праву благоприятствовал такому наследственному положению и привел в конце концов к основанию племенной аристократии, из которой потом возникло королевство. Как в Греции и Риме, так и в Германии род погиб вследствие развития частной собственности, промышленности и торговли и вследствие смешения чужих племен и народов. Род заменялся маркой¹, демократической организацией свободных крестьян, которые в продолжение многих столетий представляли крепкий оплот в борьбе против аристократии, церкви и князей. Марка не исчезла окончательно и тогда, когда феодальное государство сделалось господствующим и когда масса некогда свободных крестьян превратилась в рабов и крепостных.

Представителями марки были главы семейств. Замужние женщины, дочери и невестки были исключены из совета и управления. Исчезли времена, когда женщины могли управлять делами рода, — явление, поразившее Тацита в высшей степени, о котором он рассказывает с презрением. В пятом столетии салический закон² исключил женский пол из наследования родовых имений.

Каждый член марки мужского рода, женись, имел право на участок общинной земли, получаемый по жребию. Обыкновенно деда, родители и дети жили вместе под одной крышей, образуя общую семью, и часто случалось, что отец ради получения нового земельного участка женил несовершеннолетнего, еще незрелого в половом отношении, сына на уже зрелой девушке, а супружеские обязанности вместо сына исполнял сам³. Молодые супруги

¹ Крестьянская община в средневековой Германии. — *Ред.*

² Салический закон — свод законов франков, отражающий период разложения родового строя. — *Ред.*

³ То же самое происходило при господстве «мира» в России. См. *de Laveleye, Das Ureigenthum, Leipzig 1879, S. 35.* Переведено Карлом Бюхером.

получали воз буковых дров и лес для постройки хаты. Если у молодых рождалась дочь, они получали воз дров, если же новорожденный оказывался мальчиком — два воза¹. Женский пол оценивался вполровну².

Заключение брака происходило просто. Религиозного обряда не знали, было достаточно обоюдного заявления своего желания, и, раз новобрачные вступили на брачную постель, брак считался заключенным. Обычай, по которому брак, чтобы быть действительным, нуждался в церковном акте, появился лишь в IX столетии, и только в XVI — по установлению Тридентского собора — брак был объявлен таинством католической церкви.

2. ФЕОДАЛИЗМ И ПРАВО ПЕРВОЙ НОЧИ

С образованием феодального государства ухудшилось положение большого числа свободных общинников. Победоносные полководцы пользовались своим могуществом, чтобы захватывать в свои руки большие территории земли, они считали себя господами общинных владений, которые раздавали своей преданной дружине в пользование на время или с правом наследования. Эта дружина состояла из рабов, крепостных и вольноотпущенников, большею частью чужого происхождения. Этим они создавали себе придворное и служилое дворянство, которое им во всем подчинялось. Великое франкское государство положило конец остаткам древней родовой организации. Совет предводителей уступил место низшим военачальникам и вновь образовавшемуся дворянству.

Большая масса свободных общинников постепенно оказалась в состоянии истощения и обеднения благодаря продолжительным завоевательным войнам и раздорам среди вельмож, которым они должны были платить налоги. Обязательство поставлять ополчение стало для них невыполнимой повинностью. Вместо них князья и высшее дво-

¹ L. L. v. Maurer, Geschichte der Markverfassung in Deutschland.

² И это происходит еще поныне. Об этом свидетельствует обычай, существующий в Амришвенде, около Сент Блазиен, по которому отец приветствует рождение ребенка. Если это девочка, то он восклицает: «Сто чертей!», — если же это мальчик, то: «Тысяча чертей!» Badisches Volksleben im XIX Jahrhundert von Eduard Hugo Maier, Straßburg 1900.

рянство вербовали наемников; тогда крестьяне начали отдавать себя и свои владения под защиту светского или духовного властителя — церковь сумела в течение немногих столетий стать большой силой, — за что платили им денежные и натуральные повинности. Таким образом, свободное до сих пор крестьянское хозяйство превратилось в оброчное хозяйство, отягощаемое все новыми повинностями. Попав однажды в зависимое положение, крестьянин уже не был в состоянии выбраться из него; вскоре он потерял и свою личную свободу. Крепостничество и рабство получали все большее распространение.

Помещик имел неограниченную власть над своими рабами и крепостными. Он имел право принудить к заключению брака каждого мужчину, достигшего восемнадцатилетнего возраста, и каждую девушку, которой исполнилось 14 лет. Он мог назначать жену мужу и мужа жене. Тем же правом он пользовался относительно вдовцов и вдов. Как господин своих подчиненных, он считал себя вправе распоряжаться половыми отношениями своих рабынь и крепостных женщин, — эта власть получила свое выражение в *jus primae noctis* (право первой ночи). Этим правом пользовался также и его управляющий, но в некоторых случаях это право можно было выкупить внесением известной подати, сущность которой видна уже из самого ее названия: дань за девственность, рубашечный шиллинг, штемпельный грош и т. д.

Многими оспаривается существование права первой ночи. Для многих это крайне неприятный факт, так как оно осуществлялось в эпоху, которую заинтересованные круги хотели бы выставить как образец нравственности и благочестия. Уже выше было указано на то, как сначала право первой ночи составляло обычай, связанный с эпохой материнского права. После исчезновения прежней семейной организации сохранился еще обычай, по которому невеста в свадебную ночь отдавалась мужчинам данной общины. Но со временем право это ограничивается и в конце концов становится привилегией предводителя племени или священника. Феодал берет на себя это право, которое служит выражением его власти над лицом, принадлежащим к его земле, и он пользуется этим правом, если он того желает, или он отказывается от него за известную дань в виде натуры или денег. Как реально было это право первой ночи, можно видеть из «Weistümer», I, 43

Якова Гримма, где говорится: «Но что касается дворовых людей, то тот из них, кто хочет жениться, должен пригласить управляющего и его жену и управляющий должен ссудить жениху котел, чтобы он мог сварить барана, а также управляющий должен привезти на свадьбу воз дров, затем управляющий и его жена должны принести четверть свиного жаркого, и когда свадьба кончится, то жених должен предоставить управляющему провести с женой первую ночь или должен откупиться шестью шиллингами и четырьмя пфеннигами».

Зугенхейм¹ думает, что *jus primae noctis* как право помещика возникло из того, что он должен был давать свое согласие при заключении брака. На основании этого права в Беарне установилось правило, по которому все первенцы от брака, где было применено *jus primae noctis* считались свободными. Впоследствии уже повсюду можно было откупаться от этого права податью. Самым упорным образом, говорит Зугенхейм, за это право держались епископы Амьена, а именно до начала XV столетия. В Шотландии к концу XI столетия король Малколм III объявил право первой ночи замененным налогом. Но в Германии оно существовало гораздо дольше. Из архива 1496 года швабского монастыря Адельберг видно, что крепостные Бертлингена могли откупиться от этой повинности следующим образом: жених вносил меру соли, невеста же один фунт семь шиллингов денег или сковороду такой величины, «чтобы она могла сесть на нее задней частью». В других местах невесты вносили помещикам в виде выкупной платы столько сыру и масла, «как толста и тяжела была их задняя часть». В некоторых местах они должны были давать изящное сафьяновое кресло, «которое они могли как раз заполнить этой частью»². Очерки баварского советника высшего апелляционного суда Вельша указывают, что обязательство выкупа *jus primae noctis* существовало в Баварии еще в XVIII столетии³. Далее Энгельс сообщает,

¹ «История уничтожения крепостного права в Европе до середины XIX столетия», СПб 1861.

² Memminger, Stälin und andere: Beschreibung der württembergischen Amter. Heft 20 (Oberamt Göppingen). Hormayr, Die Bayern im Morgenlande, Anmerkung, S. 38. См. Zugenheim, вышеуказанное сочинение, стр. 360.

³ Über Stetigung und Ablösung der häuerlichen Grundlasten mit besonderer Rücksicht auf Bayern, Württemberg, Baden, Hessen, Preussen und Österreich, Landshut 1848.

что у уэльсцев и шотландцев право первой ночи сохранялось в течение всех средних веков, но только им здесь пользовался, при существовании родовой организации, не помещик или его представитель, но глава клана как представитель всех мужей, если только это право не выкупалось.

Таким образом, нет никакого сомнения, что право первой ночи существовало не только в течение средних веков, но вплоть до нового времени и играло определенную роль в кодексе феодального права. В Польше дворяне считали своим правом обесчестить любую девушку, которая им нравилась, и они приказывали давать сто палок тому, кто жаловался на это. И в настоящее время считается чем-то вполне понятным, когда честь девушки приносится в жертву помещику или его служащим, и это происходит в Германии гораздо чаще, чем обыкновенно предполагают, и очень часто на всем востоке и юго-востоке Европы, как утверждают лица, знакомые с этими странами и их населением.

В феодальную эпоху заключение браков соответствовало интересам помещика, так как рождающиеся дети попадали к нему в такое же подчиненное положение, как их родители; благодаря этому увеличивалась рабочая сила, возрастали доходы. Вот почему и *духовные* и *светские* собственники земли способствовали заключению браков среди своих подданных. Иначе складывались условия для церкви, когда она имела в виду через препятствие браку получить по завещанию землю в свое владение. Но это обыкновенно касалось только мелких свободных собственников, положение которых вследствие указанных обстоятельств становилось все более невыносимым и которые отдавали свое владение церкви, чтобы за монастырскою стеною найти защиту и мир. Другие искали защиты церкви, делая вклады и служа ей. Но часто благодаря этому их потомству выпадала как раз та доля, от которой они хотели его избавить: их потомки постепенно попадали в крепостную зависимость от церкви или их делали монастырскими послушниками.

3. РАСЦВЕТ ГОРОДОВ. МОНАШЕСТВО И ПРОСТИТУЦИЯ

Быстро развивающиеся с XI столетия города были весьма заинтересованы в том, чтобы содействовать росту населения, по возможности облегчая поселение и заклю-

чение браков. Города превращались в убежище для желающих избавиться от невыносимого ига, для скрывающихся рабов и крепостных. Но впоследствии положение снова изменилось. Как только города достигли известного могущества и в них развилось и окрепло сословие ремесленников, довольных своим положением, так у этих последних стало расти недоброжелательство к вновь прибывающим ремесленникам, в которых видели нежелательных конкурентов. Стали создавать условия, затруднявшие поселение вновь прибывающим. Высокие налоги на право поселения, дорогостоящее испытание на звание мастера, ограничение ремесел известным количеством мастеров и подмастерьев лишали тысячи людей независимости и обрекали их на холостую жизнь и бродяжничество. Когда же в конце XVI столетия время процветания городов прошло — по причинам, которые будут указаны ниже, — и начался их упадок, то в соответствии с ограниченными понятиями того времени препятствия для желающих поселиться в городе или сделаться самостоятельными возросли еще более. Этому содействовали и другие причины.

Тирания помещиков от десятилетия к десятилетию усиливалась настолько, что многие из их подданных предпочитали променять эту горькую жизнь на жизнь нищего, бродяги или разбойника, чему особенно способствовали большие леса и плохие пути сообщения. Иные становились в эту эпоху многочисленных военных столкновений ландскнехтами (наемными солдатами) и продавали себя тому, кто им больше платил и где им улыбалась самая богатая добыча. Образовалось огромное число мужского и женского люмпен-пролетариата, сделавшегося бичом страны. Церковь усердно поддерживала всеобщую испорченность. Безбрачное положение духовенства служило одной из главных причин усиления разврата, непрерывные сношения с Италией и Римом также способствовали испорченности.

Рим был не только столицей христианства, но, будучи резиденцией папства и верный своему прошлому во времена языческой империи, он представлял из себя новый Вавилон, европейскую высшую школу безнравственности, в которой папский двор занимал первое место. Римская империя при своем разложении оставила христианской Европе все свои пороки. Они культивировались в

Италии и оттуда проникли в Германню, благодаря сношениям духовенства с Римом. Неимоверно многочисленное духовенство, состоявшее большей частью из мужчин с повышенными половыми потребностями вследствие бездельной и роскошной жизни и вынужденного безбрачия, по необходимости удовлетворяемыми незаконно или противоестественно, вносило безнравственность во все круги общества и сделалось, подобно чуме, опасным для нравственности женщин в городах и деревнях. Мужские и женские монастыри — а число их было легион — нередко отличались от публичных домов только тем, что жизнь в них была еще разнузданнее и развратнее. И многочисленные преступления, в особенности детоубийства, могли там скрываться тем легче, что судьями были люди, которые часто стояли во главе этой испорченности. Нередко крестьяне пытались охранить своих жен и дочерей от посягательств духовенства тем, что они соглашались принимать только такого духовного пастыря, который обязывался взять себе любовницу. И это обстоятельство дало повод одному констанцскому епископу наложить на священников своей епархии налог за любовниц. Этими обстоятельствами объясняется исторически достоверный факт, что, например, в эпоху средних веков, столь благочестивых и нравственных в описаниях наших романтиков, на Констанцском соборе 1414 года присутствовало не менее 1500 распутных женщин.

Такие нравы проявились отнюдь не во время упадка средних веков. Они начались уже очень рано, о чем говорят непрерывные жалобы и распоряжения властей по этому поводу. Так, еще в 802 году Карл Великий издал распоряжение, в котором говорилось: «Женские монастыри должны быть строго охраняемы, монахини не должны разгуливать, но должны быть укрываемы с величайшим старанием, они не должны жить друг с другом в ссорах и раздорах и ни в коем случае не должны действовать наперекор игуменьям и настоятельницам. Где имеются монастырские правила, там они их должны во всяком случае выполнять. Они не должны предаваться разврату, пьянству, корыстолюбию, но должны жить во всех отношениях правильно и скромно. Мужчина может входить в монастырь лишь для присутствия на церковной службе и затем должен тотчас снова уходить». А распоряжение 869 года гласит: «Если священники содержат

нескольких жен или проливают кровь христиан или язычников, или нарушают канонические правила, то они должны быть лишены духовного сана, ибо они хуже светских людей». Тот факт, что в то время священникам запрещалось иметь нескольких жен, говорит о том, что еще в IX веке браки с несколькими женщинами не были редкостью. Действительно, в то время не было законов, запрещавших это.

Даже позже, во времена миннезенгеров¹, в XII и XIII столетиях, не считалось предосудительным иметь нескольких жен; об этом говорится, например, в стихотворении Альбрехта Иогансдорфа в сборнике «Миннезенгс-фрюлинг»².

Особенно роковым для нравственных условий этого времени было влияние крестовых походов, которые годами держали вдали от родины десятки тысяч мужчин и познакомили их, особенно в Восточно-Римской империи, с нравами, до тех пор почти неизвестными Западной Европе.

Положение женщин сделалось особенно тяжелым еще и потому, что помимо препятствий, постепенно затрудняющих заключение брака и оседлость, число женщин значительно превышало число мужчин. Причинами этого можно прежде всего считать многочисленные войны, борьбу и распри и полные опасности торговые путешествия того времени. Затем, вследствие неумеренности и пьянства смертность мужчин была больше, что проявлялось особенно во время чумы, к заболеванию которой располагал подобный образ жизни и которая так часто свирепствовала в средние века. Так, в период 1326—1400 годов насчитывалось тридцать два чумных года, с 1400 по 1500 год — сорок один и с 1500 по 1600 год — тридцать³.

¹ Миннезенгеры (нем.) — придворные поэты и певцы в германских странах, воспевавшие любовь рыцаря к «даме сердца». — *Ред.*

² Minnesangs — Frühling, Sammlung von Karl Lachmann und Moritz Haupt, Leipzig 1857, S. Hirzel.

Разве неприлично
Нравственному мужу
Жен двоих иметь?
Что мужчине можно,
Женщине нельзя.

³ Dr. Karl Bücher, Die Frauenfrage im Mittelalter, Tübingen 1882, S. 6, bis 7.

Толпы женщин слонялись по проезжим дорогам как фокусницы, певички, комедиантки в обществе страждущих учеников и клириков, наводняя ярмарки и рынки. В войсках ландскнехтов они образовывали особые отряды со своим собственным начальником и соответственно цеховому характеру времени организовывались в цехи, распределяя различные обязанности в соответствии с возрастом и красотой. Под страхом строгого наказания они не должны были никому отдаваться вне этого круга. В лагерях они должны были вместе с погонщиками приносить сено, солому и дрова, засыпать рвы, пруды и ямы, заботиться о чистоте лагеря. При осадах они должны были заполнять сучьями и хворостом рвы, чтобы облегчать штурмы; они помогали выставлять на позицию орудия и должны были помогать их тащить, если они застревали на немощенных дорогах¹.

Чтобы до некоторой степени ослабить нищету этого бесчисленного множества беспомощных женщин, во многих городах с середины XIII столетия устраивались благотворительные заведения, находившиеся под городским управлением. Женщин помещали в эти заведения и заставляли вести приличную жизнь. Но эти заведения, ни многочисленные женские монастыри не были в состоянии вместить всех нуждающихся в помощи.

Препятствия к браку, путешествия князей, светских и духовных вельмож с их свитой рыцарей и слуг, наезжавших в города, мужская молодежь в самих городах, наконец, женатые мужчины, не особенно щепетильные в своих стремлениях к перемене жизненного наслаждения, — все это создало в средневековых городах потребность в проститутках. И так как в то время всякое ремесло было организовано и урегулировано и не могло существовать без цехового порядка, то же произошло и с проституцией. Во всех больших городах существовали публичные дома как городская государева или церковная регалия, чистые доходы от них шли в соответствующие кассы. У женщин в этих домах была выборная настоятельница, которая должна была следить за внутренней дисциплиной и порядком и особенно за тем, чтобы не принадлежащие к цеху конкурентки, так называемые *Bönnhasen*, не вредили законному гешефту. В случае захвата на месте преступления они

¹ Dr. Karl Bücher, S. 35.

наказывались властями. Так, например, обитательницы одного нюрнбергского публичного дома жаловались магистрату на своих нецеховых конкуренток, заявляя, что «и другие хозяева держат женщин, которые ночью ходят по улицам и приводят к себе женатых и неженатых мужчин, и это они делают в таком размере и гораздо грубее, чем в обыкновенном (цеховом) девичьем доме. Достоин сожаления, что подобное поддерживается в этом достойном городе»¹. Публичные дома пользовались особенной охраной; беспорядки поблизости от них наказывались вдвое строже. Эти цеховые товарки имели право принимать участие, подобно другим цехам, в процессиях и празднествах, нередко приглашались они как гости к столу владетельных князей и городского совета. Публичные дома считались необходимыми «для лучшей охраны брака и чести девушек». Это то же самое обоснование, какими оправдывали в Афинах государственные дома терпимости и какими еще поныне извиняют проституцию. Но между тем не было недостатка в насилиях и преследованиях проститутток со стороны тех же мужчин, которые поддерживали проституцию спросом на нее и деньгами. Так, император Карл Великий издал приказ, по которому проститутку должны были голой вытаскивать на площадь и бичевать. Сам же этот «наихристианнейший» король и император имел сразу не менее шести жен, и дочери его, очевидно, следовавшие примеру отца, отнюдь не были поборницами добродетели. Своим поведением они доставили ему немало неприятных часов и принесли ему в дом немало незаконных детей. Алкуин, друг и советник Карла Великого, предостерегал своих учеников от «коронованных голубей, которые ночью летают через Пфальц» и под которыми он подразумевал дочерей императора.

Те же общины, которые официально организовывали и брали под свою защиту устройство домов терпимости, а также давали всевозможные привилегии жрицам Венеры, подвергали самым суровым и жестоким наказаниям бедных девушек, соблазненных и брошенных. Детоубийца, в порыве отчаяния убившая свой плод, подвергалась самой жестокой казни, бессовестного же соблазнителя

¹ *Joh. Scherr*, *Geschichte der deutschen Frauenwelt*, 4. Auflage, Leipzig 1879.

никто не беспокоил. Он, быть может, сидел в числе судей, произносивших смертный приговор несчастной жертве. Подобные вещи происходят еще и ныне¹. И нарушение супружеской верности со стороны жены наказывалось жесточайшим образом, во всяком случае ей грозил позорный столб, а супружеская неверность со стороны мужа покрывалась мантией христианской любви.

В Вюрцбурге хозяин дома терпимости клялся магистрату «быть городу верным и любезным и вербовать женщин». То же самое в Нюрнберге, Ульме, Лейпциге, Кёльне, Франкфурте и т. д. В Ульме в 1537 году были уничтожены публичные дома, но уже в 1551 году цехи предлагали вновь их ввести, «чтобы предотвратить большее зло!» Высоким иностранцам проститутки поставлялись на городской счет. Когда в 1452 году король Владислав въезжал в Вену, магистрат послал навстречу депутацию из публичных женщин, которые, покрытые лишь легким газом, показывали прекрасные формы тела. Точно так же императора Карла V при его въезде в Антверпен приветствовала депутация голых девушек — сцена, возвеличенная Гансом Макартом в большой картине, находящейся в гамбургском музее. Подобные события в то время почти никого не возмущали.

4. РЫЦАРСТВО И ПОКЛОНЕНИЕ ЖЕНЩИНЕ

Романтики с богатой фантазией и люди с хитрым расчетом старались представить средние века как эпоху высоко нравственную и воодушевленную истинным уважением к женщине. Этому особенно должно было способствовать время миннезэнгеров — с XII до XIV столетия. Служение любви рыцарей, которому они научились у морисков в Испании, должно было свидетельствовать о высоком уважении, которым женщина пользовалась в то время. Здесь необходимо припомнить некоторые вещи: во-первых,

¹ Л. Ришэ в своей книге «La femme libre» рассказывает о следующем случае. В Париже была осуждена одна горничная за детоубийство, совершенное *отцом ее ребенка*, видным *благочестивым* адвокатом, сидевшим на суде в числе присяжных. При этом *адвокат был даже сам убийцей и мать совершенно невиновна*, как она признала перед судом лишь после своего осуждения.

рыцарство составляло лишь очень незначительную часть населения и соответственно с этим рыцарские дамы составляли очень незначительный процент женщин вообще, во-вторых, лишь очень небольшая часть рыцарства выполняла это столь прославленное служение любви, в-третьих, истинная природа этого служения любви неверно понята или сильно искажена. Эпоха процветания этого служения любви была в Германии временем *самого грубого кулачного права*, когда были уничтожены все устои порядка и рыцарство безудержно предавалось разбою на больших дорогах, грабежу и вымогательству. Время подобных грубых насилий не подходит для господства нежных и поэтических чувств. Напротив, это время особенно способствовало уничтожению еще существовавшего до тех пор уважения к женскому полу. Рыцарство, и притом как в деревнях, так и в городах, состояло большей частью из грубых, развратных молодцов, самой благородной страстью которых наряду с поединками и пьянством было безудержное удовлетворение половых желаний. Хроникеры того времени более чем достаточно рассказывают об изнасилованиях женщин и прочих разбоях, совершаемых дворянством как в деревнях, так и в городах, управление которыми оно до тринадцатого и отчасти до четырнадцатого и пятнадцатого столетий держало в своих руках. Подвергшиеся насилию редко имели возможность стать под защиту права, так как в городе судьи состояли из дворян, а в деревне право уголовной кары принадлежало помещику. Таким образом, это сильное преувеличение — считать, что дворяне и помещики при подобных нравах и обычаях питали особенное уважение к женщинам и носили их на руках, как своего рода высших существ.

Ничтожное меньшинство рыцарей, казалось, предавалось мечтаньям о женской красоте, но эти мечтанья отнюдь не были платоническими, а преследовали очень реальные цели. Даже смехотворной памяти Ульрих фон Лихтенштейн, этот арлекин среди мечтательных обожателей женщин, был платонически влюбленным лишь до тех пор, пока он им принужден был быть. В сущности это служение любви сводилось к обожанию, боготворению возлюбленной за счет законной жены, то есть было не чем иным, как греческим *гетеризмом* эпохи Перикла, *перенесенным на почву средневекового христианства*. Взаимный соблазн жен и в рыцарское время был сильно распространенным видом

«служения любви», как это происходит и в настоящее время в известных кругах нашей буржуазии.

Несомненно, что в ту эпоху *открытая* проповедь культа чувственности означала признание того, что естественная потребность, заложенная в каждом зрелом и здоровом человеке, имеет право на удовлетворение. В этом отношении здесь была победа здоровой природы над аскетизмом христианства. С другой стороны, необходимо снова подчеркнуть, что это признание относилось лишь к одному полу, другой же пол рассматривался так, как будто он не мог и не должен был иметь равных потребностей. Малейшее нарушение моральных законов, предписанных женщинам в этом отношении мужчинами, наказывалось самым жестоким образом. И женский пол вследствие продолжительного угнетения и своеобразного воспитания настолько сжился с этими идеями своего повелителя, что до сих пор находит это состояние естественным.

Не было разве миллионов рабов, находивших рабство естественным, и они никогда не освободили бы себя, если бы освободители не явились из класса рабовладельцев. Подавали же прусские крестьяне петиции, когда они должны были быть освобождены от крепостной зависимости вследствие штейновского законодательства, чтобы крепостная зависимость была сохранена, «ибо кто же о них станет заботиться, если они сделаются больны или стары?» И разве не то же самое видим мы в современном рабочем движении? Как много рабочих, позволяющих еще влиять на себя и руководить собою своим эксплуататорам!

Угнетенный пуждается в возбуждении и воспламенении, так как для инициативы ему не хватает независимости. Так было в современном пролетарском движении, и то же самое наблюдается в борьбе за освобождение женщины. Даже буржуазии, поставленной в ее освободительной борьбе в сравнительно благоприятные условия, проложили путь руководители из дворянства и духовенства.

Как бы много недостатков ни имело средневековье, оно обладало здоровой чувственностью, которая вытекала из прямой, жизнерадостной народной природы и которую не могло подавить христианство. Лицемерная стыдливость и скрытая развращенность нашего времени, которые боются называть вещи своими именами и говорить естественно о естественных вещах, были ему чужды. Оно не знало

также той пикантной двусмысленности, которую скрывают вещи, не желая называть их открыто или из-за недостатка естественности или вследствие вошедшей в обычай стыдливости. Это тем опаснее, что такой язык только возбуждает, а не удовлетворяет, заставляет только предполагать, но не высказывает ясно. Наши разговоры в обществе, наши романы и наши театры полны этих пикантных двусмысленностей, и результат налицо. Этот спиритуализм развратника, скрывающийся за религиозным спиритуализмом, имеет в настоящее время громадную силу.

РЕФОРМАЦИЯ

1. ЛЮТЕР

Здоровая чувственность средних веков нашла в Лютере своего классического истолкователя. Здесь мы имеем дело с Лютером как человеком, а не как религиозным реформатором. Как у человека, у Лютера выступила крепкая первобытная натура без всяких искажений; она принуждала его прямо и метко высказывать свою потребность в любви и наслаждении. Его положение как бывшего римского священника открыло ему на это глаза. Он практически, так сказать, на своем теле изучил неестественность монашеской жизни. Отсюда тот жар, с которым он напал на священническое и монастырское безбрачие. Его слова и ныне подходят к тем, которые думают, что можно грешить против природы, и примиряют со своими понятиями о морали и нравственности государственное и общественное устройство, которое препятствует миллионам людей выполнять их естественное назначение. Лютер говорит: «Женщина в тех случаях, когда нет свыше редкой милости, так же мало может обходиться без мужчины, как без еды, сна, питья и других удовлетворений естественной потребности, точно так же и мужчина не может обходиться без женщины. Причина в том, что потребность производить детей так же глубоко коренится в природе, как и потребность есть и пить. Поэтому бог снабдил тело членами, сосудами, истечениями и всем, что для этого служит. Кто хочет противиться этому и не делать того, чего хочет природа, тот хочет, чтобы природа не была природой, чтобы огонь не жег, чтобы вода не мочила, человек не ел, не пил, не спал». И в своей проповеди о супружеской жизни он говорит: «И точно так же, как не в моей власти, чтобы я не имел вида мужчины, точно так же не зависит от тебя, чтобы ты была без мужчины, ибо это не свободный произвол или совет, но необходимо естественная вещь, что все, что есть муж, должно иметь жену и все, что есть

жена, должно иметь мужа». Но Лютер высказывается так энергично не только за супружескую жизнь и необходимость полового общения, он оспаривает также то, что брак и церковь имеют между собою что-нибудь общее. Он стоял в этом отношении совершенно на почве древности, когда в браке видели акт свободной воли участников, до которого церкви не было никакого дела. Он говорит об этом: «Поэтому знай, что брак — внешняя вещь, как всякое другое светское действие. Если я могу с язычником, евреем, турком, еретиком есть, пить, спать, ходить, ездить верхом, покупать, говорить и торговать, *точно так же могу я с ним вступить в брак и оставаться в браке. И тебя не касаются законы глупцов, запрещающих это...* Язычники — мужчина и женщина точно так же от бога правильно и хорошо созданы, как святой Петр, и святой Павел, и святой Лука, не говоря уже о том, что точно так же, как пустой и лживый христианин». Лютер высказывался далее, подобно другим реформаторам, против всякого ограничения брака и хотел допускать брак разведенных, против чего восставала церковь. Он говорит: «По поводу того, как нам теперь держаться в брачных делах или при разводе, я сказал, *что это надо предоставить юристам и светским властям, ибо брак исключительно светское, внешнее дело*». Согласно с этим взглядом церковное венчание лишь к концу XVII столетия сделалось у протестантов необходимым условием признаваемого брака. До тех пор признавался так называемый брак по совести, то есть простое взаимное обязательство смотреть друг на друга как на мужа и жену и жить вместе брачной жизнью. Подобный брак по немецкому праву рассматривался как законный. Лютер шел даже далее, признавая за стороной, оставшейся в браке без удовлетворения и в том случае, если это была жена, право искать удовлетворения вне брака, «чтобы удовлетворить природе, которой невозможно противостоять»¹. Лютер выставляет здесь положения, которые должны вызывать сильное возмущение большей части «почтенных жен и мужей» нашего времени, охотно ссылающихся на Лютера в своем благочестивом усердии. В своем трактате «О супружеской жизни» (II, 146, Иена, 1522 год) он говорит: «Если здоро-

¹ Dr. Karl Hagen, Deutschlands literarische und religiöse Verhältnisse im Reformationszeitalter, Frankfurt a. M. 1888.

вая женщина оказалась в браке с бессильным мужем и не может взять открыто другого и таким образом запятнать свою честь, то она так должна сказать своему мужу: видишь, любезный муж, ты не можешь мне дать того, что нужно, и ты обманул меня и мое молодое тело, и к тому же подверг опасности честь и благочестие, и для бога нет между нами никакой чести, позволь мне, чтобы я вступила в тайный брак с твоим братом или близким другом, но с твоим именем, чтобы твое имущество не перешло к чужим наследникам, и позволь мне обмануть тебя по своей воле, как ты меня обманул помимо своей воли». Муж, продолжает Лютер, обязан на это согласиться. «Если он не хочет, то она имеет право убежать от него в другую страну и отдаться другому. С другой стороны, если жена не хочет выполнить супружеской обязанности, то муж имеет право сойтись с другой, но только должен ей заранее об этом сказать»¹. Как видите, великий реформатор развивает очень радикальные, а для нашего времени, столь богатого лицемерием и фальшивой стыдливостью, безнравственные взгляды.

Лютер высказал лишь то, что в то время было народным взглядом. Вот что сообщает Яков Гримм².

«Если муж не может по своей доброй воле хорошо жить со своей женой, то пусть он осторожно посадит ее на свою спину, понесет ее девять шагов от своего дома и посадит ее там осторожно, не толкая, не ударяя, не говоря ей худого слова и не глядя на нее дурпо; пусть он позовет своего соседа, чтобы он помог ее горю, и если его сосед этого сделать не хочет или не может, то пусть он ее пошлет на будущую ближайшую ярмарку; она же должна быть наряженная и разукрашенная, а он должен повесить ей сумку мешок, весь вышитый золотом, дабы она могла сама приобрести, что ей нужно; и если ей и это не поможет, то помощи ей сам черт».

Крестьянин средних веков в браке прежде всего хотел иметь наследников, и если он не мог их производить сам, то, как практический человек, без особенных терзаний предоставлял это удовольствие другому. Главное было достигнуть своей цели. Мы повторяем: не человек

¹ Dr. Karl Hagen, S. 234.

² Deutsche Rechtsaltertümer. Weistum aus dem Amte Blankenburg, S. 444.

господствует над собственностью, но собственность господствует над ним.

Места о браке, приведенные из сочинений и речей Лютера, тем более важны, что выраженные там взгляды стоят в самом резком противоречии со взглядами, господствующими в настоящее время в церкви. Социал-демократия в борьбе, которую ей приходится вести с духовенством, с полным правом может ссылаться на Лютера, который в вопросах брака стоит на точке зрения, совершенно свободной от предрассудков.

Лютер и реформаторы в вопросе о браке шли даже еще дальше, правда, из любезности по отношению к владетельным князьям, крепкой поддержки или длительного благоволения которых они искали. Дружественный реформации ландграф гессенский Филипп I наряду с законной женой имел возлюбленную, которая только под условием брака хотела ему отдаться. Случай был трудный. Развод без важных причин должен был вызвать большой скандал, а брак с двумя женами одновременно для христианского князя новейшего времени был неслыханным событием, которое должно было произвести не меньший скандал. Тем не менее Филипп в своей влюбленности решился на последний шаг. Следовало лишь установить, что этот шаг не стоит в противоречии с Библией, и найти поддержку со стороны реформаторов, в особенности Лютера и Меланхтона. Ландграф начал переговоры сначала с Бутцером, объявившим, что он согласен с этим планом, и обещавшим получить согласие Лютера и Меланхтона. Свой взгляд Бутцер мотивировал следующим образом: иметь одновременно нескольких жен не противоречит евангелию. Павел, указывавший многих, которые не должны наследовать царствие божие, не упоминает тех, которые имеют двух жен; более того, Павел говорит, что «епископ должен иметь только одну жену, то же самое священнослужители». Если бы была нужда в том, чтобы каждый имел только одну жену, то он так бы и приказал и запретил бы иметь больше жен». Лютер и Меланхтон примкнули к этим основаниям и одобрили двойной брак после того, как на это согласилась и жена ландграфа под условием, «что он по отношению к ней будет выполнять супружеские обязанности еще больше, чем прежде»¹. Лютеру

¹ *Joh. Janssen, Geschichte des deutschen Volkes, 1525 bis 1555, Freiburg i. B.*

уже и раньше вопрос о правильности бигамии, когда дело шло об одобрении двойного брака Генриха VIII, короля английского, причинял головные боли. Это можно видеть из одного письма, отправленного в январе 1524 года саксонскому канцлеру Бринку, в котором он писал: «Принципиально он, Лютер, конечно, не может отвергать бигамию, так как она не противоречит священному писанию¹, но ему досадно, что она встречается среди христиан, которые должны бы воздерживаться и от дозволенных вещей». И после венчания ландграфа, состоявшегося в марте 1540 года, он так писал (10 апреля) в ответ на благодарственное письмо: «Да будет ваша милость довольна данным нами советом, который мы охотно желали бы видеть сохраненным в тайне. Иначе в конце концов пожелали бы еще и грубые крестьяне (следуя примеру ландграфа) приводить такие же и еще более важные причины, благодаря чему для нас возникло бы слишком много хлопот».

Меланхтон отнесся гораздо легче к согласию на двойной брак ландграфа, так как он еще раньше писал Генриху VIII, что «каждый князь имеет право ввести в своей области полигамию». Но двойной брак ландграфа произвел такое сильное и неприятное впечатление в его стране, что он в 1541 году приказал распространить сочинение, в котором полигамия защищалась как не противоречащая святому писанию. Это было уже не в IX или XII столетии, когда многоженство не вызывало протеста. Двойной брак ландграфа гессенского был, впрочем, не единственным, который в широких кругах произвел неприятное впечатление. Подобные княжеские двойные браки повторялись, как будет указано дальше, и в XVII и XVIII веках.

Объявляя удовлетворение половой потребности законом природы, Лютер высказывал лишь то, что думали его современники и как поступали в особенности мужчины. Благодаря реформации, устранившей безбрачие духовенства и уничтожившей монастыри в протестантских стра-

¹ Что совершенно правильно, но и вполне понятно, так как Библия относится к тому времени, когда полигамия была широко распространена в западных и восточных странах, но в XVI веке она сильнейшим образом противоречила нравам.

нах, для сотен тысяч явилась возможность в законных формах удовлетворять свои естественные потребности; для сотен тысяч других вследствие существующего имущественного порядка и созданных на основании его законов этой возможности по-прежнему не существовало.

Реформация была протестом возникавшей крупной буржуазии против стеснений феодальных условий в церкви, государстве и обществе. Эта возникавшая крупная буржуазия стремилась к освобождению от узких рамок цеховых, придворных и помещичьих прав, к централизации государства, к упрощению расточительно обставленной церкви, к уничтожению многочисленных поселений праздных людей — монастырей — и обращению их к практическим занятиям.

В религиозной области Лютер был представителем этих буржуазных стремлений. Когда он выступал за свободу брака, то здесь дело могло идти лишь о буржуазном браке, который осуществился лишь в нашу эпоху благодаря закону о гражданском браке и связанной с этим буржуазным законодательством свободе передвижения, свободе промыслов, поселения. Насколько благодаря этому изменилось положение женщины, это нужно еще исследовать. Пока что, во времена реформации, положение вещей еще не настолько изменилось. Если, с одной стороны, благодаря реформации многим дана была возможность вступить в брак, то, с другой стороны, свободное половое общение было затруднено строгим преследованием. Если католическое духовенство показывало некоторую слабость и терпимость по отношению к половым эксцессам, то зато протестантское духовенство, обеспечив самих себя, выступало против этого с тем большей яростью. Домам терпимости была объявлена война, они были закрыты как «адские учреждения сатаны». Проститутки преследовались как «дочери дьявола», и «согрешившая» женщина, как и раньше, выставлялась к позорному столбу как олицетворение всякой мерзости.

Жизнерадостный мещанин средних веков, живший сам и дававший жить другим, превратился в суеверно-набожного, строго нравственного, угрюмого шпицбюргера, который копил деньги для того, чтобы его будущие крупнобуржуазные потомки могли вести жизнь еще более разгульную и еще более расточительную. Честный бюргер

со своим высоко завязанным галстуком, со своим узким кругозором, со своею строгою, но ханжескою моралью являлся прототипом общества. Законная жена, которой не особенно правилась терпимая католицизмом чувственность средних веков, очень сочувствовала пуританскому духу протестантизма. Но другие обстоятельства, которые неблагоприятно действовали на общие условия жизни в Германии, были неблагоприятны и для женщин.

2. ПОСЛЕДСТВИЯ РЕФОРМАЦИИ. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Изменение производственных и денежных отношений и условий сбыта, происшедшее в Германии благодаря открытию Америки и морского пути в Ост-Индию, вызвало большую реакцию в социальной области. Германия перестала быть центральным пунктом европейской торговли и передвижения. Немецкая промышленность, немецкая торговля находились в упадке. Одновременно и церковная реформация разрушила политическое единство нации. Под предлогом реформации немецкие князья старались освободиться от власти императора. С другой стороны, эти князья подчиняли себе дворянство и, чтобы легче добиться этой цели, они покровительствовали городам. Но так как времена становились все более тяжелыми, то немалое количество дворян добровольно отдавалось во власть князей. Наконец, и бюргерство, режиму которого угрожал экономический упадок, старалось создавать все большие преграды для защиты от нежелательной конкуренции, и князья охотно исполняли их требования. Окостенелость условий увеличивалась, а вместе с тем возрастало и обеднение.

Религиозные войны и преследования, которыми пользовались князья для достижения своих политических и экономических целей, являлись дальнейшими последствиями реформации; они более столетия с перерывами господствовали в Германии и к концу Тридцатилетней войны привели ее к полному истощению. Германия представляла из себя огромное поле, усеянное трупами и обломками. Целые земли и провинции были разорены, сотни городов, тысячи деревень были частью или совсем сожжены, и многие из них с тех пор совершенно исчезли с лица

земли. Во многих местностях народонаселение упало до третьей, четвертой, пятой, даже восьмой и десятой части. Это относилось, например, к городу Нюрнбергу и ко всей Франконии. Чтобы помочь этой крайней нужде и возможно скорее снова заселить опустошенные города и деревни, кое-где прибегли к радикальному средству, заключавшемуся в том, что в виде исключения мужчине *разрешалось иметь двух жен*. Мужчин истребили войны, женщин же был излишек. Итак, 14 февраля 1650 года на франкском окружном сейме в Нюрнберге было постановлено, что «мужчины, не достигшие 60 лет, не могли вступать в монастырь»; далее было предписано, «что все священники и пастыри, не принадлежащие к какому-нибудь ордену или не являющиеся канониками, обязаны вступать в брак». «К тому же всякому мужчине должно быть разрешено вступать в брак с двумя женщинами, а также и всем мужчинам и каждому из них нужно напоминать и с церковной *кафедры* часто увещевать, чтобы они держали себя так, чтобы стараться соблюдать полнейшую и надлежащую осторожность и предусмотрительность, дабы он, как муж, решившийся взять двух жен, не только заботился бы о своих супругах, но и предотвращал всякие раздоры между ними».

Таким образом, пользовались даже церковной кафедрой, чтобы пропагандировать двоеженство и указывать мужьям, как они должны держаться. В течение всего этого долгого времени торговля и ремесло были в застое и во многих случаях совершенно падали и лишь впоследствии мало-помалу снова начали подниматься. Большая часть населения огрубела, деморализовалась и отвыкла от всякой регулярной деятельности. Если во времена войн было наемное войско, исходившее из конца в конец всю Германию, грабя, опустошая, насилуя и убивая одновременно и друга и недруга, то после окончания войн это были разбойники, бродяги и нищие, нагонявшие страх и ужас на население, препятствовавшие и угрожавшие торговле и передвижению. Особенно для жепского пола наступило время больших страданий. В эти времена распутства презрение к женщине приняло самые широкие размеры. На своих плечах она более всех других несла всю тяжесть недостатка в средствах пропитания. Подобно мужчинам-бродягам, женщины тысячами заселяли большие дороги и леса и заполняли дома призрания и тюрьмы.

Ко всем этим страданиям присоединялось еще насильственное изгнание большого числа крестьянских семей алчным на земле дворянством. Так как этому последнему приходилось со времени реформации все больше и больше подчиняться власти князей и так как оно через придворную и военную службу становилось все в большую зависимость от них, оно теперь старалось вдвойне и втройне искупить причиненный ему князьями убыток грабежом крестьянских земель. Реформация же, с другой стороны, давала князьям желаемый повод овладеть богатствами церкви, земли которой они поглощали в огромном количестве. До конца XVI столетия курфюрст Август Саксонский, например, отобрал у духовенства не менее трехсот имений¹. Подобно ему поступали его родные и двоюродные братья и остальные протестантские князья, а более всего между ними отличились Гогенцоллерны. Дворянство следовало примеру князей, забирая в свои руки остатки общинных земель или оставшиеся без владельца крестьянские земли. Дворяне сгоняли с земель как свободных, так и крепостных крестьян и обогащались за счет их имений. Неудавшиеся крестьянские восстания XVI столетия являлись желаемым для этого поводом. И поскольку эти попытки были успешными, то всегда находились причины, дававшие возможность насильственным образом продолжать начатое дело. С целью соединения дворянских имений в целое крестьянские земли выкупались за самые низкие цены или владельцы попросту выгонялись из их собственных имений с помощью всяких интриг, притеснений и извращений смысла законов, чему особенно способствовало введенное тем временем римское право. Так уничтожались целые деревни в половине провинций. Например, из 12 543 рыцарских крестьянских поселений, находившихся в Мекленбурге еще во времена Тридцатилетней войны, уже в 1848 году оставалось только 1213. В Померании исчезло с 1628 года свыше 12 тысяч крестьянских дворов. Изменения, происходившие в крестьянском хозяйственном быту в продолжение XVII столетия, являлись дальнейшим соблазном для экспроприации крестьянских дворов и для преобразования остатков общинной земли в дворянскую собственность. Было введено выгонное хозяйство, позволявшее в известные

¹ *Joh. Janssen*, 3. Band

промежутки времени перемены в обработке земли. Пахотная земля на известное время шла под пастбище, что благоприятствовало скотоводству и делало возможным уменьшение рабочей силы.

В городах было не лучше, чем в деревне. Прежде и женщинам без сопротивления разрешалось приобретать звание мастера и держать подмастерьев и учеников, их даже заставляли записываться в цех, чтобы поставить в одинаковые условия конкуренции. Таким образом, были женщины, которые самостоятельно занимались тканьем холста и шерсти, портняжничеством, сукноделием и тканьем ковров; существовали женщины-золотопряды, золотобиты, поясники, ремесники и т. д. Мы встречаем, например, женщин-скорняков во Франкфурте и в силезских городах, женщин-пекарей в городах на Среднем Рейне, вышивальщиц гербов и женщин-поясников в Кёльне и Страсбурге, женщин-ремесников в Бремене, женщин-суконщиц во Франкфурте, женщин-дубильщиков в Нюрнберге, женщин-золотопрядов в Кёльне¹. Но, по мере того как ухудшалось положение ремесленников, ухудшалось особенно и их отношение к женщинам-конкуренткам. Во Франции уже в конце XIV столетия женщины были исключены из занятий ремеслом, в Германии это произошло в конце XVII столетия. Сначала им было запрещено приобретать звание мастера — за исключением вдов, — затем они лишились права быть и подмастерьями. Введение протестантизма устранило полный великолепия католический культ, от чего очень сильно пострадало или было совершенно уничтожено большое количество ремесел, в особенности технические искусства, и как раз этими ремеслами занималось много женщин. Далее, конфискация и секуляризация огромных церковных имуществ повели к упадку попечения о бедных, отчего страдали прежде всего вдовы и сироты.

Общий экономический упадок, наступивший вследствие всех вышеприведенных причин в XVI столетии и продолжавшийся в XVII, вызвал и более строгое брачное законодательство. Подмастерьям и служащим лицам (слугам и служанкам) было вообще запрещено вступать в брак, если они не могут доказать, что со своими будущими семьями они не будут в тягость общине, к которой принадле-

¹ Dr. Karl Bücher, Die Frauenfrage im Mittelalter.

жали. Если при заключении брака не были выполнены эти законные условия, то на виновных налагались жестокие, а иногда и варварские наказания, так, например, по баварскому праву — плети и заточение. Особенно жестоким преследованиям подвергались так называемые дикие браки, которые заключались тем чаще, чем труднее было получить разрешение на брак. Страх перенаселения обуял умы, и, чтобы уменьшить число нищих и бродяг, государственною властью издавались попеременно один за другим декреты, одни суровее другого.

ВОСЕМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ

1. ПРИДВОРНАЯ ЖИЗНЬ В ГЕРМАНИИ

Следуя примеру Людовика XIV во Франции, огромное большинство немецких княжеских дворов, в то время особенно многочисленных, вело расточительную жизнь, полную мишуры и блеска, которая была обратно пропорциональна величине и производительности больших и маленьких земель. История княжеских дворов XVIII столетия принадлежит к самым отвратительным главам истории. Владетельные лица старались превзойти друг друга пустым тщеславием, сумасшедшей расточительностью и дорогими военными играми. Но самое невероятное совершалось в области безудержного разврата. Трудно сказать, какому из многочисленных немецких дворов принадлежит пальма первенства во всех этих излишествах и порче общественной нравственности. Сегодня это был один двор, завтра — другой, но ни одно из немецких государств не было пощажено в этом отношении. Дворяне следовали примеру князей, а бюргеры столичных городов в свою очередь подражали дворянам. Если дочь бюргерской семьи имела счастье понравиться высокому господину при дворе или даже князю, то в девятнадцати случаях из двадцати она считала себя в высшей степени очастливленной этой милостью, а ее семья была готова сделать ее дворянкою или княжескою любовницею. То же самое происходило и в большинстве дворянских семей, если какая-нибудь из их дочерей вызывала к себе благосклонное отношение князя. Бесхарактерность и бесстыдство овладели широкими кругами.

Всего хуже обстояло дело в двух главных немецких городах, в Вене и Берлине. В Вене, этой немецкой Капуе, царствовала, правда, большую часть столетия строгая в нравственном отношении Мария-Терезия, но она была бессильна по отношению к выходкам богатого, погрязшего в чувственных наслаждениях дворянства и подражавших

ему бюргерских кругов. Учрежденные ею комиссии целомудрия, при помощи которых была организована целая система шпионства, вызывали отчасти раздражение, отчасти и смех. Успех был равен нулю. В беззастенчивой Вене во второй половине XVIII столетия ходили поговорки вроде таких: «Должно любить своего ближнего, как самого себя, то есть должно любить жену другого, как свою собственную»; или: «Если жена идет направо, муж может идти налево. Если она берет себе ухажера, он ищет себе подружку». Как беззастенчиво-легкомысленно думали в то время о браке и о нарушении супружеской верности, видно из письма поэта фон Клейста, которое он в 1751 году послал своему другу Глейму. Там мы читаем следующее: «Вы знаете уже авантюру маркграфа Генриха. Он послал свою супругу в деревню и хочет с ней развестись, так как он застал у нее в постели принца голштейнского... Маркграф сделал бы лучше, если бы промолчал об этом происшествии, вместо того чтобы заставлять говорить о себе весь Берлин и полсвета. *Кроме того, не следует сердиться на такую естественную вещь, в особенности таким, как маркграф, который и сам не так тверд в вере. Отвращение совершенно неизбежно в браке, и все мужчины и женщины своим воображением о других милых лицах принуждаются к неверности.* Как можно наказывать за то, к чему человек принуждается?» О нравах Берлина английский посланник лорд Мальмсбери писал в 1772 году следующее: «Полная нравственная развращенность охватила оба пола всех классов, к этому присоединяется еще нужда, которая необходимым образом вытекает отчасти из того, что нынешний король увеличил податное обложение, отчасти из того, что он унаследовал от своего деда любовь к роскоши. Мужчины с ограниченными средствами ведут расточительную жизнь, а женщины — гарпии без всякого стыда. Они отдаются тому, кто лучше платит, чувство нежности и истинная любовь им неизвестны».

Хуже всего дело обстояло в Берлине при Фридрихе-Вильгельме II, царствовавшем с 1786 по 1797 год. Он показывал своему народу самый худой пример. Его придворный священник Цёльнер унизился даже до того, что при жизни первой жены повенчал его с его любовницей Юлией фон Фосс. Когда последняя вскоре после этого умерла от родов, Цёльнер снова повенчал его с другой любовницей, графиней Софьей фон Дёнгоф. Подобные же

вещи еще до Фридриха-Вильгельма II позволяли себе и другие немецкие государи. В конце июля 1706 года герцог Эбергард-Людвиг Вюртембергский при живой первой жене приказал повенчать себя со своей любовницей Гревениц, которую еще до сих пор называют в Вюртемберге «развратительницей страны». Брак заключил молодой священник Пфелер из Мюлена. Двоюродный брат Эбергарда-Людвига, герцог Леопольд-Эбергард Мемпельгардский, пошел еще дальше: у него были одновременно *три* жены, из которых две, сверх того, были сестрами. Из своих тринадцати детей двух он повенчал между собой. Поведение этих отцов страны вызывало, правда, большое негодование в среде их подданных, но этим дело и ограничилось. Только по отношению к герцогу Вюртембергскому императорское вмешательство в 1708 году заставило признать брак с Гревениц недействительным. Но она вскоре затем вступила в фиктивный брак с одним опустившимся графом Вюрбенским и оставалась потом еще двадцать лет любовницей герцога и «развратительницей страны» для швабов.

2. МЕРКАНТИЛИЗМ И НОВОЕ БРАЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Начавшийся с XVI столетия рост власти князей, положивший начало эре более крупных государств, повел к образованию постоянных войск, которые не могли содержаться без значительного обложения населения налогами; огромных сумм требовала и расточительная жизнь большинства княжеских дворов.

Эти расходы могли быть покрыты лишь многочисленным и способным к платежу налогов населением, поэтому различные правительства, в особенности правительства больших государств, начиная с XVIII столетия принимают соответствующие меры, чтобы по возможности поднять численность населения и его податную способность.

Путь к этому был расчищен социальным и экономическим переворотом, который вызвали открытие Америки, объезд морским путем Африки, открытие морского пути в Индию; ему способствовало каждое новое кругосветное плавание. Переворот охватил сначала Западную Европу, а затем и Германию. Новые пути сообщения создали новые торговые отношения небывалых размеров. Таким из-

менением вещей воспользовались прежде всего португальцы, испанцы, голландцы, англичане, а затем также Франция и, в конце концов, Германия. Религиозные войны и политическая раздробленность сильно повредили Германии, и она значительно отстала от других стран в экономическом отношении. Новые потребности мирового рынка, вызванные открытием все новых областей для сбыта европейских ремесленных и промышленных изделий, революционизировали не только ремесленный способ производства, но также и взгляды, чувства и мысли европейских народов и их правительств.

На место до сих пор исключительно ремесленного производства, работавшего только для удовлетворения повседневных потребностей данного места и его ближайших окрестностей, выступила мануфактура, то есть массовое производство с применением большого числа рабочих при наивозможно развитом разделении труда. Руководителем этой новой формы производства сделался купец, располагавший большими финансовыми средствами и более широким кругозором. Мануфактура отчасти заменила ремесло, отчасти вытеснила его и разрушила цеховую организацию. Вместе с тем наступил период, когда и женщина получила возможность применить свои силы в промышленной деятельности. Домашняя или фабричная промышленность в полотняном, шерстяном, ткацком, вязальном, позументном и других производствах открыла для ее деятельности широкое поле. К концу XVIII столетия в прядильных, ткацких и набивных мануфактурах Англии и Шотландии было занято уже 100 тысяч женщин и 80 тысяч детей; условия их работы, если говорить о заработной плате и длительности рабочего дня, нужно охарактеризовать как возмутительные. Таково же было положение во Франции, где примерно в то же время десятки тысяч женщин работали на многочисленных фабриках.

Это экономическое развитие требовало больше людей, и так как в завоевательных войнах XVI, XVII и XVIII столетий народонаселение в Европе и по ту сторону морей сильно уменьшилось, а с начала XVIII столетия началась еще и эмиграция в заокеанские области, то более прогрессивные правительства почувствовали необходимость облегчить заключение браков и поселение внутри страны.

Испания, где население слишком быстро сократилось благодаря проводимой политике мировой державы, уже в 1623 году была вынуждена издать закон, по которому все лица, вступившие в брак в возрасте между 18 и 25 годами, на целый ряд лет освобождались от всех налогов. Несостоятельным лицам выдавалось даже из общественных касс приданое. Родители, имевшие в живых по крайней мере шесть законных детей мужского пола, совершенно освобождались от уплаты податей. Кроме того, Испания покровительствовала переселению в ее пределы и колонизации.

Во Франции Людовик XIV считал необходимым противодействовать обезлюдению, вызванному его войнами, тем, что освободил всех плательщиков налогов, которые составляли огромное большинство населения, от податей на четыре или пять лет в тех случаях, если они вступали в брак до 21 года или до 20 лет. От податей совершенно освобождались и все те налогоплательщики, у которых было десять живых детей, если из этих детей ни один не делался ни священником, ни монахом, ни монахиней. Дворяне, имевшие такое же число детей, из которых никто не становился духовным лицом, получали ежегодную пенсию от тысячи до двух тысяч ливров, а горожане, не платившие талы, получали при тех же условиях половину этой суммы. Маршал Мориц Саксонский советовал Людовику XV допускать заключение браков лишь на пять лет.

В Пруссии распоряжениями 1688, 1721, 1726, 1736 годов и соответствующими государственными мероприятиями старались способствовать иммиграции, в особенности лиц, преследуемых во Франции и Австрии за их религиозные убеждения. Теория народонаселения Фридриха Великого находит себе яркое выражение в письме к Вольтеру от 26 августа 1741 года, где он писал, между прочим: «Я рассматриваю людей как стада оленей в парке крупного помещика, задача которых состоит исключительно в том, чтобы населять парк». Своими войнами он, конечно, создал необходимость вновь заселить свой парк. Точно так же в Австрии, Вюртемберге и Брауншвейге покровительствовали иммиграции и точно так же, как в Пруссии, запрещали эмиграцию. В XVIII столетии Англия и Франция устранили все препятствия к заключению брака и к поселению, и их примеру последовали

и другие государства. В течение первых трех четвертей XVIII столетия как экономисты, так и правительства считали большое народонаселение причиной величайшего благополучия государства. Лишь в конце XVIII и начале XIX столетий начался поворот в другую сторону, вызванный крупными экономическими кризисами, а также революционными и военными событиями, которые продолжались в течение первой половины XIX столетия, особенно в Южной Германии и Австрии. Теперь снова повысили возраст, в котором допускалось заключение брака, и требовали доказательства, что вступающие в брак имеют определенное имущество или обеспеченный доход и определенное жизненное положение. Для неимущих заключение брака сделалось невозможным; в особенности общинам предоставлено было огромное влияние на установление условий для приема в них граждан и заключение брака. В некоторых местах крестьянам запретили даже постройку так называемых домов для поденной работы и приказали, как, например, в Баварии, где еще до сих пор очень отсталое законодательство о праве поселений, срыть все дома для поденной работы, построенные без разрешения курфюрста. Лишь в Пруссии и Саксонии брачное законодательство оставалось сравнительно либеральным.

Человеческую природу трудно подавить, и следствием всех этих ограничений брака было то, что на зло всем препятствиям и запрещениям возникла масса свободных половых связей и в некоторых маленьких немецких государствах число незаконных детей почти достигло числа детей законных. Таковы были последствия отеческого режима с его моралью и христианством.

3. ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И КРУПНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Замужняя женщина из буржуазии жила в то время в строгой домашней замкнутости; у нее было так много работы и забот, что она, как добросовестная хозяйка, должна была стоять на своем посту с раннего утра до поздней ночи, чтобы выполнить свои обязанности, но и это было возможно лишь с помощью ее дочерей. Она должна была делать не только ежедневную домашнюю работу, которую и ныне совершает мелкобуржуазная хозяйка, но еще и многое другое, от чего освобождена женщина в настоя-

щем. Она должна была прясть, ткать, белить холст, сама изготовлять белье и платье, варить мыло, делать свечи, варить пиво, одним словом, она была настоящей золушкой, единственным отдыхом которой было посещение церкви в воскресенье. Браки заключались только между членами одного и того же общественного круга, и всеми отношениями управлял насторожайший и смехотворнейший дух исключительной сословности. В подобном же духе велось воспитание дочерей, которых так же содержали в строгой домашней замкнутости; их умственное образование было незначительно, и их кругозор не выходил из рамок самых узких домашних отношений. К этому присоединялось подчинение пустым внешним формам, заменявшим им образование и ум и превратившим жизнь женщины в настоящую каторгу. Дух реформации выролдился в самый ужасный педантизм, естественные потребности человека и его жизнерадостность были заглушены массой с «достоинством» произнесенных, но мертвящих жизненных правил. Пустота и ограниченность властвовали над бюргерством, а те, что стояли еще ниже, жили под свинцовым гнетом и в самых бедственных условиях.

Наступила французская революция, которая смела во Франции старый государственный и общественный порядок; дух революции перенесся в Германию, и ему не мог дальше противостоять старый порядок. Французское иноземное владычество имело для Германии значение революции; оно или низвергло все старое, отжившее, или, как это было в Пруссии, ускорило его падение. И все попытки реакционного периода, наступившего после 1815 года, повернуть колесо истории назад оказались тщетными, так как новое стало слишком сильным и в конце концов победило.

Цеховые привилегии, отсутствие свободы личности, особые судебные права отдельных округов — все это в более прогрессивных государствах постепенно было сдано в архив. Новые технические улучшения и открытия, особенно изобретение и усовершенствование паровой машины и вытекающее из этого дальнейшее удешевление товаров, вызвали необходимость массового привлечения на работу, особенно женщин. Строились фабрики, железные дороги и пароходы, выросли шахты, копи, стеклянные и фаянсовые предприятия, текстильная индустрия с ее различными

отраслями, машиностроение, строительное дело и т. д.; университеты и технические высшие учебные заведения давали умственные силы, необходимые для этого развития. Вновь поднявшийся класс крупных капиталистов — буржуазия, поддерживаемая всеми сторонниками прогресса, стремилась устранить старый порядок вещей, становившийся все более невыносимым. То, что революция снизу расшатала в годы народных движений 1848 и 1849 годов, устранила революция сверху 1866 года. Создано было политическое единство, согласно желанию буржуазии, а затем последовало устранение и всех остальных экономических и социальных преград. Появилась свобода промыслов, свобода передвижения, уничтожены ограничения при заключении брака, введена свобода поселений, одним словом, все то законодательство, которое нужно было капитализму для его развития. Наряду с рабочим это новое развитие пошло на пользу и женщине, открыв ей более свободный путь вперед.

Еще до установления нового порядка вещей в 1866 году уничтожен был целый ряд преград и ограничений в различных немецких государствах, и старомодные реакционеры вынуждены были пророчествовать о падении нравственности и морали. Так, уже в 1863 году епископ майнцский фон Кеттелер жаловался, «что уничтожение существующих ограничений при заключении брака означает его разрушение, ибо теперь супругам возможно свободно расходиться». Эта жалоба содержит в себе невольное признание слабости моральных связей в современном браке до такой степени, что удержать супругов вместе может только самое сильное принуждение.

То обстоятельство, что участвовавшие браки вызвали быстрый рост населения и до тех пор неизвестные социальные бедствия, созданные колоссально развившейся промышленной системой, — все это, как и в предыдущие периоды, снова вызвало страх перед перенаселением. В дальнейшем мы укажем, что означает этот страх перенаселения, и выясним его истинный смысл.

Отдел второй

ЖЕНЩИНА
В
НАСТОЯЩЕМ

ЖЕНЩИНА КАК ПОЛОВОЕ СУЩЕСТВО

1. ПОЛОВОЕ ВЛЕЧЕНИЕ

В буржуазном обществе женщина занимает второе место. На первом месте выступает мужчина, потом она. Существует, следовательно, отношение, почти противоположное тем временам, когда господствовала материнская линия. Этот переворот вызван главным образом развитием от примитивного коммунизма к господству частной собственности.

Платон благодарил богов за восемь оказанных ему благодеяний. Первым он считал то, что они дали ему возможность родиться свободным, а не рабом, вторым же, — что он родился мужчиной, а не женщиной. Подобная же мысль высказывается в утренней молитве евреев-мужчин: «Хвала тебе, боже, господь наш и владыка мира, что *не родил меня женщиной*». Женщины же еврейки молятся в соответствующем месте: «...*который сотворил меня по воле своей*». Противоположность в положении полов не может быть выражена более резко, чем это высказано у Платона и в молитве евреев. По многочисленным местам в Библии, только мужчина, собственно, — настоящий человек, так же как в английском и французском языках мужчина и человек определяются одним и тем же словом. Точно так же когда говорится о «народе», то всегда предполагаются мужчины. Женщина — пренебрегаемая величина, и во всяком случае мужчина является повелителем ее. Весь мужской род считает такое положение в порядке вещей, а большинство женщин смотрит на это до сих пор как на неизбежность судьбы. В этом представлении отражается все положение женщины.

Совершенно независимо от вопроса, угнетена ли женщина как пролетарка, она угнетена в мире частной собственности как существо половое. Многочисленные преграды и препятствия, неизвестные мужчинам, для женщин встречаются на каждом шагу. Много, что позволено

мужчине, ей запрещено; масса общественных прав и свобод, которыми пользуется мужчина, для женщины является проступками или преступлениями. Она страдает в двойном отношении: как существо социальное и половое, и трудно сказать, в каком из них она страдает больше. Поэтому понятно желание многих женщин родиться мужчиной.

Из всех естественных потребностей человека половая потребность, после потребности есть и пить, самая сильная. Потребность продолжить род есть высшее выражение «воли к жизни». Эта потребность глубоко заложена в каждом нормально развитом человеке, и в зрелом возрасте удовлетворение ее является существенным условием его физического и духовного здоровья. Лютер прав, когда говорит: «Кто хочет сопротивляться естественной потребности и не делать того, чего желает и должна делать природа, тот подобен тому, кто хотел бы, чтобы природа не была природой, чтобы огонь не жег, вода не мочила, человек не ел, не пил, не спал». Эти слова должны были бы быть написаны над дверьми наших церквей, где так ревностно проповедуют против «греховной плоти». Ни один врач, ни один физиолог не в состоянии более удачно определить необходимость удовлетворения любовной потребности в человеке.

Заповедью человека, которую он обязан выполнить по отношению к самому себе, если он желает нормально развиваться и быть здоровым, является то, чтобы он не пренебрегал в упражнении ни единым членом своего тела и не отказывал бы в удовлетворении ни одной своей естественной потребности. Каждый член должен выполнять функции, для которых его предназначила природа, под опасением в противоположном случае повредить организму. Законы физического развития человека должны быть так же изучаемы и им должны так же следовать, как законам умственного развития. Духовная деятельность человека зависит от физиологических свойств его органов. Полное здоровье обеих сторон теснейшим образом связано друг с другом. Нарушение деятельности в одной части влечет за собою нарушение деятельности в другой. Так называемые животные потребности не стоят на другой ступени, чем так называемые потребности духовные. Те и другие являются следствием одного и того же организма, и те и другие влияют друг на друга. И это относится как к мужчине, так и к женщине.

Из этого следует, что знакомство со свойствами половых органов так же необходимо, как знакомство со свойствами всех остальных органов, и человек должен оказывать уходу за ними одинаковое внимание. Он должен знать, что органы и потребности, вселенные в каждого человека и составляющие очень существенную часть его природы и даже в известные периоды его жизни *всецело* подчиняющие его себе,— эти органы и потребности не должны являться предметом чего-то таинственного и вызывать ложный стыд. Из этого следует, что знание физиологии и анатомии различных органов и их функций у мужчин и женщин должно было бы быть так же распространено, как и всякая другая ветвь человеческого знания. Снабженный точными знаниями своей физиологической природы, человек на многие жизненные условия будет смотреть иными глазами. Само собой, тогда было бы устранено зло, мимо которого в настоящее время общество проходит молча и с чувством священного страха, но которое почти в каждой семье силой заставляет обращать на себя внимание. Знание о разнообразных предметах считается добродетелью, целью, достойной прекрасных человеческих стремлений, но только не знание о *тех* вещах, которые находятся в самой тесной связи с существом и здоровьем нашего собственного «я» и с основой всего общественного развития.

Кант говорит: «Лишь вместе мужчина и женщина составляют полного и цельного человека, один пол дополняет другой». *Шопенгауэр* заявляет: «Половая потребность есть самое совершенное выражение воли к жизни, вместе с тем концентрация всех желаний... Выражение воли к жизни концентрируется в половом акте, а этот акт есть ее самое решительное выражение». И еще задолго до него Будда говорил: «Половая потребность острее крика, которым укрощают диких слонов; она горячее пламени, она подобно стреле, вонзающейся в дух человека».

При такой интенсивности половой потребности нельзя удивляться, что половое воздержание в зрелом возрасте у обоих полов нередко так влияет на нервную деятельность и на весь организм, что вызывает тяжелые заболевания, а при известных условиях ведет к сумасшествию и самоубийству. Конечно, половая потребность не у всех натур дает себя чувствовать одинаково сильно, для ее обуздания можно также многое сделать воспитанием и самообладанием, особенно избегая всякого возбуждения,

вызываемого соответствующими разговорами, чтением, алкоголизмом и прочим. В общем это возбуждение как будто бы меньше замечается у женщин, чем у мужчин, а иногда у женщин существует даже известное отвращение к половому акту. Но это только незначительное меньшинство, у которых подобное состояние вызывается физическим и психологическим предрасположением.

Можно, следовательно, сказать, что от степени выражения потребностей и жизненных проявлений пола как в физическом, так и духовном развитии и от той формы и характера, которые они принимают, зависит совершенство человека, будь он женщина или мужчина. Каждый из полов достиг своего высшего завершения. «У нравственного человека,— говорит *Кленке* в своем сочинении «Женщина как супруга»,— насильственное воздержание в супружеской жизни подчинено, конечно, нравственному принципу, руководимому разумом, но даже при самом развитом самообладании *невозможно* было бы навсегда заглушить повелительное требование сохранения рода, вложенное природою в нормальное органическое выражение обоих полов. Где здоровые мужские и женские индивидуумы всю жизнь свою невыполняли этого долга перед природою, там это *не вытекало из сопротивления, основанного на свободном решении*, хотя это решение или выдавалось за таковое, или считалось *свободною волей* вследствие самообмана. Это было *следствием социальных препятствий* и умозаключений, *принижавших природное право* и заставляющих увядать органы. Воздержание придавало всему организму тип увядания, полового вырождения и вызывало вследствие нервного расстройства болезненные проявления в душе и теле. Мужчина делается женообразным, женщина же получает нечто мужское по форме и по характеру, ибо половая противоположность не получила своего осуществления по плану природы, человек *остался односторонним и не достиг дополнения самого себя, не достиг высшей точки своего бытия*». То же самое говорит доктор *Елизавета Блэквел* в своем сочинении: «The moral education of the young in relation to sex»: «Половая потребность существует как необходимое условие жизни и образования общества. Она самая могучая сила человеческой природы... В неразвитом состоянии она не является предметом мыслей, но тем не менее, будучи *центральным огнем жизни*, эта неизбежная потребность

является естественной охраной от всякой возможности уничтожения»¹. Практический Лютер сразу дает положительные советы. Он говорит: «Кто неспособен на целомудрие, тот пусть вовремя позаботится о заработке, а там уже с богом смело вступает в брак. Мальчик — самое позднее в двадцать лет, девочка — в пятнадцать или восемнадцать лет: тогда они еще здоровы и способны, и бог позаботится о пропитании их детей. Бог создает детей, он же и прокормит их»². К сожалению, благие советы Лютера невыполнимы при наших социальных условиях и о надеждах на бога для пропитания детей не хочет знать ни христианское государство, ни христианское общество.

Итак, положительная наука согласна со взглядом философов и со здоровым человеческим смыслом Лютера, из чего следует, что человек должен иметь возможность нормальным образом удовлетворять потребности, которые самым тесным образом связаны с его подлинным внутренним существом и даже составляют это существо. Если же общественные условия или предрассудки делают это невозможным, то тем самым ему ставятся препятствия к развитию его существа. Какие последствия это вызывает, об этом порасскажут наши врачи, больницы, дома для сумасшедших и тюрьмы, не говоря уже о тысячах загубленных семейных жизней. В одной вышедшей в Лейпциге брошюре автор говорит: «Половая потребность ни нравственна, ни безнравственна, она только естественна, как голод и жажда; природа ведь ничего не знает о нравственности, но общество далеко от признания этого положения»³.

2. БЕЗБРАЧИЕ И ЧАСТЫЕ САМОУБИЙСТВА

Между врачами и физиологами очень распространено мнение, что даже неудачный брак лучше безбрачия; об этом говорит и опыт. «Что смертность между женатыми (если вычислять при сравнении смертности на тысячу холостых и тысячу женатых в тридцатилетнем возрасте) меньше, чем между холостыми, твердо установлено, и это

¹ E. Blackwell, Essays in medical sociology, London 1906, p. 117.

² Luthers sämtliche Werke, 10. Band, Halle a. S. 1744, S. 742.

³ Veritas, Die Prostitution vor dem Gesetz, Leipzig 1893.

явление поразительно. Особенно велико это различие среди мужчин. При некоторых возрастах оно достигает отношения 2 к 1. Замечательной является также высокая смертность рано овдовевших мужчин»¹.

Иные утверждают, что цифровые данные самоубийства особенно повышены вследствие ненормальных половых условий. В общем число самоубийств во всех странах значительно выше у мужчин, чем у женщин; так, например, на тысячу самоубийств женщин приходилось²:

	Годы	На 100 тыс. живых—самоубийств		Отношение самоубийств женщин к мужчинам
		мужчин	женщин	
Германия	1899—1902	33,0	8,4	25,5
Австрия	1898—1901	25,4	7,0	27,6
Швейцария	1896—1903	33,3	6,4	19,2
Италия	1893—1901	9,8	2,4	24,5
Франция	1888—1892	33,5	9,7	27,3
Голландия	1901—1902	9,3	3,0	32,3
Англия	1891—1900	13,7	4,4	32,1
Шотландия	1891—1900	9,0	3,2	35,6
Ирландия	1901	2,3	1,2	52,2
Норвегия	1891—1900	10,0	2,5	25,0
Швеция	1891—1900	21,1	8,6	40,8
Финляндия	1891—1900	7,8	1,8	23,1
Европейская Россия	1885—1894	4,9	1,6	32,7

В Германии в 1898—1907 годах число самоубийств:

Годы	1898	1899	1900	1902	1904	1907
Мужчин	8 544	8 460	8 987	9 765	9 704	9 753
Женщин	2 291	2 301	2 406	2 571	2 764	3 024
Всего	10 835	10 761	11 393	12 336	12 468	12 777

¹ Dr. G. Schnapper—Arndt, Sozialstatistik, Leipzig 1908, S. 196.

² F. Prinzing, Handbuch der medicin. Statistik, Jena 1906, S. 356.

На сто самоубийств мужчин приходилось в 1898 году 26,8 женщин; в 1899 году — 27,2; в 1900 году — 26,8; 1904 — 28,5; 1907 — 31. Но в возрасте между 15 и 30 годами процентное число самоубийц в общем выше у женщин, чем у мужчин. Процентное число самоубийц между 15 и 20 и 21 и 30 годами жизни было в среднем ¹:

	Годы	С 15 до 20 лет		С 21 до 30 лет	
		мужчин	женщин	мужчин	женщин
Пруссия . . .	1896—1900	5,3	10,7	16	20,2
Дания	1896—1900	4,6	8,3	12,4	14,8
Швейцария .	1884—1899	3,3	6,7	16,1	21
Франция . . .	1887—1891	3,5	8,2	10,9	14

В Саксонии на тысячу самоубийц в возрасте между 21 и 30 годами было в среднем:

Годы	Мужчин	Женщин
1854—1868	14,95	18,64
1868—1880	14,71	18,79
1881—1888	15,3	22,3

Более высокое число самоубийств по сравнению со средним числом самоубийств встречается также среди вдовствующих и разведенных. В Саксонии на разведенных мужчин приходится в 7 раз больше, а на разведенных женщин в 3 раза больше самоубийств, чем среднее число самоубийств вообще у мужчин и у женщин. Среди разведенных и вдовствующих мужчин и женщин самоубийства чаще, если у них нет детей. Среди незамужних женщин, толкаемых на самоубийство между 21—30 годами, многие лишают себя жизни вследствие измены или вследствие «ошибочного шага». Статистика показывает, что рост процента внебрачнорожденных соответствует росту числа самоубийц. Среди женщин число самоубийц между 16—21 годом

¹ *H. Krose, Die Ursachen der Selbstmordhäufigkeit, Freiburg 1906, S. 28.*

необыкновенно велико, из чего также можно заключить, что здесь большую роль играет неудовлетворенная половая потребность, любовная тоска, тайная беременность или обман со стороны мужчины. Вот что говорит *Крафт Эбинг* о положении женщин как половых существ:¹ «Одна из важных причин сумасшествия у женщин кроется в их социальном положении. Женщина, по натуре обладающая большей половой потребностью, чем мужчина, по крайней мере в идеальном смысле, не знает никакого другого честного удовлетворения этой потребности, кроме брака (Маудслей).

И только он дает ей обеспечение. В течение бесчисленных поколений ее характер развивался в этом направлении. Будучи еще маленькой девочкой, она играет «в мать» со своей куклой. Современная жизнь с ее все увеличивающимися требованиями дает ей все меньше надежд на брак. Это особенно относится к высшим слоям общества, где браки заключаются все позже и все реже.

В то время как мужчина, являясь более сильным благодаря своей большей интеллектуальной и физической силе и свободному социальному положению, доставляет себе без усилий удовлетворение своих половых потребностей или находит легко эквивалент в требующем всех его сил жизненном призвании, для незамужних женщин из высших сословий эти пути закрыты. И это прежде всего сознательно и бессознательно ведет к неудовлетворенности собой и миром и к болезненной мечтательности. Часто женщина старается найти удовлетворение в религии, но напрасно. Из религиозных мечтаний с онанизмом или без него развивается масса нервных страданий, в том числе нередко истерия и сумасшествие. Только таким образом можно понять тот факт, что умопомешательство у незамужних женщин чаще всего встречается в периоде от 25 до 35 лет, то есть в периоде отцветания и исчезновения жизненных надежд, в то время как у мужчин умопомешательство чаще всего падает на период 35—50 лет, то есть время наибольших усилий в борьбе за существование.

Это не случайность, что с увеличивающимся безбрачием вопрос об эмансипации женщин все больше становится вопросом дня. Я желал бы, чтобы на него смотрели как на доказательство того, что усиливающееся безбрачие

¹ Lehrbuch der Psychiatrie, 1. Band, 2. Auflage, Stuttgart 1883.

делает социальное положение женщины в современном обществе все более невыносимым, чтобы на него смотрели как на справедливое требование женщины создать себе эквивалент того, к чему она предназначена от природы и в чем ей отчасти отказывают современные социальные условия».

И. Г. Плосс в своем сочинении «Женщина в природе и народоведении»¹, обсуждая последствия неудовлетворения половой потребности для незамужних женщин, говорит: «В высшей степени замечательно не только для врача, но и для антрополога то, что существует действительное и всегда удающееся средство не только остановить в своем развитии процесс увядания (у старых дев), но также восстановить уже исчезнувшее цветущее состояние, если и не в прежней яркости, то все же очень значительно; жаль только, что наши социальные условия лишь в самых редких случаях допускают его применение. Это средство заключается в правильном и нормальном половом сношении. Нередко можно видеть, что у девушки, уже отцветшей или близкой к тому, скоро после вступления в брак формы снова округляются, на щеках появляется румянец и глаза приобретают снова прежний здоровый блеск. Брак, таким образом,— истинный источник молодости для женского пола. Итак, природа имеет свои твердо установленные законы, требующие своего выполнения с неумолимой строгостью, и всякая *vita, praeter naturam*, всякая неестественная жизнь, всякая попытка приспособиться к жизненным условиям, не соответствующим виду, не может остаться без заметных следов вырождения в организме, как животном, так и человеческом».

Возникает теперь вопрос: выполняет ли общество, в особенности женский пол, то, что требует разумный образ жизни? И если нет, то тогда возникает другой вопрос: может ли оно это выполнить? Но если на оба эти вопроса приходится ответить отрицательно, то является третий вопрос: как могло бы это быть выполнено?

¹ Dr. H. Ploß, *Das Weib in der Natur und Völkerkunde*, achte Auflage, 2. Band, Leipzig 1905, S. 606.

СОВРЕМЕННЫЙ БРАК

1. БРАК КАК ПРИЗВАНИЕ

«Брак и семья являются основой государства, и поэтому кто посягает на брак и семью — посягает на общество и государство и подрывает их обоих», — кричат защитники современного порядка. Моногамный брак, как было достаточно доказано, вытекает из буржуазного порядка наживы и собственности, он, следовательно, неоспоримо составляет одну из важнейших основ буржуазного общества, но соответствует ли он естественным потребностям и здоровому развитию человеческого общества, это другой вопрос. Мы покажем, что брак, покоящийся на буржуазных имущественных отношениях, является более или менее принуждением, имеет массу недостатков и часто не вполне выполняет или совсем не выполняет своего назначения. Далее мы покажем, что он является социальным учреждением, остающимся недостижимым для миллионов, и, во всяком случае, не является союзом, основанным на свободном выборе по любви, который один только, как утверждают его воспеватели, соответствует целям природы.

По отношению к современному браку Джон Стюарт Милль восклицает: «Брак — единственное действительное крепостное право, признаваемое законом». По воззрению Канта, мужчина и женщина лишь вместе составляют цельного человека. На нормальном соединении полов основывается здоровое развитие человеческого рода. Удовлетворение половой потребности является необходимостью для здорового физического и духовного развития мужчины и женщины. Но человек не зверь: для высшего удовлетворения его самой сильной потребности недостаточно удовлетворения одной только физической стороны, ему необходимо также и духовное единение с тем существом, с которым он вступает в связь. Если этого нет, тогда половое соединение происходит чисто механи-

чески и тогда оно безнравственно. Выше стоящий человек требует, чтобы взаимная склонность сохранилась и по совершении полового акта и распространила бы свое облагораживающее действие на вырастающее из этого обоюдного соединения живое существо¹. Тот факт, что такие требования не могут быть предъявлены бесчисленному числу браков в современном обществе, побудил Варнгагена фон Энзе написать следующее: «Все, что нам пришлось наблюдать по отношению к бракам, уже заключенным или которые собираются заключить, не дало нам возможности составить об этих союзах хорошее мнение; напротив, все учреждение, в основе которого должны бы лежать любовь и взаимное уважение и которое, как нам показали все эти примеры, основано совсем на ином, сделалось для нас пошлым и заслуживающим презрения, и мы присоединились к изречению Фридриха Шлегеля, которое мы прочли во фрагментах «Атенея»: «Почти все браки — конкубинаты, браки с левой руки или, скорее, временные попытки и отдаленные приближения к действительному браку, истинная сущность которого, по всем духовным и светским правам, состоит в том, что многие лица должны сделаться одним лицом»². Это сказано совершенно в духе Канта.

Радость иметь потомство и обязанность по отношению к нему делают любовную связь двух людей более продолжительной. Два человека, желающие вступить в брак, должны, следовательно, выяснить себе, насколько их обоюдные свойства подходят для такого союза. И ответ должен был бы последовать совершенно свободно. Но это может произойти при устранении всякого постороннего интереса, не имеющего ничего общего с настоящей целью союза, с удовлетворением естественной потребности и продолжением собственного существа в продолжении расы, а также при известной осмотрительности, сдерживающей слепую страсть. Но так как этих условий в современном обществе

¹ «Настроения и чувства, с которыми приближаются друг к другу два супруга, несомненно имеют решающее влияние на действие полового акта и передают известные черты характера новому существу». Dr. *Elisabeth Blackwell*, *The moral education of the young in relation to sex*. Смотри также *Goethes, Wahlverwandschaften*, где он ясно описывает, какое действие имеют чувства, толкающие двух людей к интимным отношениям.

² *Denkwürdigkeiten*, 1. Band, Leipzig, F. A. Brockhaus, S. 239.

в большинстве случаев не существует, то из этого следует, что современный брак еще очень далек от осуществления своей истинной цели и поэтому неосновательно считать его идеальным учреждением.

Какое количество браков заключается по совершенноным причинам, чем указанные выше, невозможно сказать. Участвующие заинтересованы в том, чтобы перед светом их брак казался иным, чем он есть в действительности. Здесь существует такое ханжество, какого не знал ни один прежний общественный период. И государство, как политический представитель этого общества, не имеет никакого интереса заниматься исследованиями, результаты которых могут бросить самый печальный свет на общество. Главные правила, которые само государство ставит своим чиновникам и слугам при заключении брака, не выдерживают масштаба, который должен был бы быть основой брака.

2. УМЕНЬШЕНИЕ ДЕТОРОЖДЕНИЙ

Брак должен быть союзом, в который вступают два человека по взаимной любви, чтобы осуществить свое естественное назначение. Но этот мотив в настоящее время в чистом виде встречается в крайне редких случаях. Большинство женщин смотрит на брак как на обеспечивающее их учреждение, в которое они должны вступать во что бы то ни стало. Большинство мужчин рассматривают брак с чисто деловой точки зрения и взвешивают и рассчитывают его выгоды и недостатки с материальной стороны. И даже в браках, где низкие и эгоистические мотивы не играли решающей роли, грубая действительность проявляется в таких разрушающих формах, что лишь в редких случаях исполняются надежды, которые окрыляли супругов при вступлении в брак.

Это естественно. Чтобы брак давал обоим супругам удовлетворяющую их совместную жизнь, для этого требуется наряду с взаимной любовью и уважением обеспечение материального существования и известное количество жизненных средств и удобств, которые они считают необходимыми для себя и для своих детей. Тяжелая забота, жестокая борьба за существование являются первым гвоздем в гроб супружеского довольства и суп-

ружеского счастья. Но забота тем тяжелее, чем плодovitее оказывается супружеская чета, то есть чем больше она выполняет свое назначение. Крестьянин, например, радуется каждому теленку, принесенному ему его коровой, он с удовольствием считает поросят, рожденных ему свиньей, и с удовлетворением сообщает об этом событии своим соседям, но он смотрит угрюмо, если его жена к числу его детей, которых он считает возможным вырастить без особенных забот, — а это число не может быть велико, — дарит ему новое прибавление, и еще мрачнее смотрит он, если новорожденный имеет несчастье быть девочкой.

Нужно, следовательно, сказать, что экономические условия господствуют как над заключением браков, так и над рожденьями. Классическим примером для этого является Франция. Там в сельском хозяйстве господствует система мелких земельных участков (парцеллы). Земля же, раздробленная свыше известной границы, не может прокормить семью. Отсюда знаменитая пресловутая двухдетная система (*Zweikindersystem*), развившаяся во Франции в настоящий социальный институт. К ужасу государственных правителей, эта система не только не увеличивает народонаселение во многих провинциях, но даже вызывает заметное его уменьшение. То, что в деревне вызвано было товарным производством и денежным хозяйством, в городе в значительно более широких размерах произвела крупная промышленность. Тут наиболее сократилось число родившихся в браке.

Число деторождений во Франции постоянно падает, несмотря на увеличение браков; но это не только во Франции, но и в большинстве культурных государств. В этом выражается развитие как следствие наших социальных условий, и над этим следовало бы задуматься господствующим классам. Во Франции в 1881 году родилось 937 057 детей, но в 1906 году их родилось только 806 847, а в 1907 году — 773 969. Число родившихся в 1907 году сократилось, таким образом, по сравнению в 1881 годом на 163 088 человек. Характерно, однако, что число родившихся вне брака, которое составляло во Франции в 1881 году 70 079 человек, а за время с 1881 по 1890 год достигло высшей цифры — 75 754 человека, составляло в 1906 году 70 866 человек. Таким образом, уменьшение родившихся падает исключительно на детей, родившихся в

браке. Это уменьшение деторождений является характерною чертою, которая замечается в продолжение целого столетия. На каждые 10 тысяч жителей во Франции число рождений составляло в годы:

с 1801 по 1810 г.	332	с 1841 по 1850 г.	273	с 1891 по 1900 г.	221
» 1811 » 1820 »	316	» 1851 » 1860 »	262	1905	206
» 1821 » 1830 »	308	» 1861 » 1870 »	261	1906	206
» 1831 » 1840 »	290	» 1881 » 1890 »	239	1907	197

Это составляет уменьшение деторождений в 1907 году по сравнению в 1801 годом (333) 136 на каждые 10 тысяч жителей. Можно себе представить, что такой результат вызывает сильные головные боли у французских государственных деятелей и социальных политиков. Но Франция стоит в этом отношении не одиноко. Уже давно Германия, особенно Саксония, показывает подобные же явления, и уменьшение числа родившихся осуществляется еще быстрее. Так, на каждые 10 тысяч жителей Германии число родившихся составляло:

в 1875 г. . . .	423	в 1890 г. . . .	370	в 1905 г. . . .	340
» 1880 » . . .	391	» 1895 » . . .	373	» 1906 » . . .	341
» 1885 » . . .	385	» 1900 » . . .	368	» 1907 » . . .	332

Большинство остальных европейских государств дает нам подобную же картину.

Так на каждую тысячу жителей приходится рождений:

	1871— 1880 гг.	1881— 1890 гг.	1891— 1900 гг.	1901— 1905 гг.	1907 г.
Англия и Уэльс	35,4	32,5	29,9	28,1	26,3
Шотландия . .	34,9	32,3	30,2	28,9	27,0
Ирландия . .	26,5	23,4	23,0	23,2	23,2
Италия . . .	36,9	37,8	34,9	32,6	31,5
Швеция . . .	30,5	29,1	27,2	26,1	25,5
Австрия . . .	39,0	37,9	37,1	35,8	35 (в 1906 г.)
Венгрия . . .	44,3	44,0	40,6	37,2	36,0
Бельгия . . .	32,3	30,2	29,0	27,7	25,7
					(в 1906 г.)
Швейцария . .	30,8	28,1	28,1	28,1	26,8
Голландия . .	36,2	34,2	32,5	31,5	30,0

Уменьшение деторождений, следовательно, — явление общее, и, хотя Франция и Ирландия дают наиболее низкие величины, самый процесс уменьшения числа деторождений быстрее всего идет в Англии, Германии (Саксонии) и Шотландии. То же самое явление мы наблюдаем в Соединенных Штатах и Австралии. Еще ярче выступает эта тенденция, если мы вместо общих цифр рождаемости будем рассматривать рождаемость детей в браке, то есть отношение рожденных в браке к среднему количеству замужних женщин, способных к деторождению (в возрасте 15-49 лет):

Десятилетия	Число рожденных живыми брачных детей на 1 тыс. замужних женщин в возрасте 15—49 лет (в среднем за год)									
	Англия и Уэльс	Шотландия	Ирландия	Дания	Норвегия	Швеция	Финляндия	Австрия	Венгрия	Швейцария
1876—1885	250	271	250	244	262	240	259	246	234	239
1886—1895	229	255	245	235	259	231	246	250	225	230
1896—1905	203	235	264	217	246	219	244	242	216	225

	Германия	Пруссия	Бавария	Саксония	Вюртемберг	Баден	Голландия	Бельгия	Франция	Италия
1876—1885	268	273	276	267	288	266	293	264	167	248
1886—1895	258	265	263	250	259	248	286	236	150	249
1896—1905	243	250	259	216	262	251	272	213	132	232

Приведенные факты показывают, что рождение человека, «образа божия», как выражаются религиозные люди, в среднем ценится ниже, чем рождение домашнего животного, но это только показывает то печальное состояние, в котором мы находимся. В некоторых отношениях наши воззрения мало отличаются от воззрений варварских народов. У последних часто убивали новорожденных, особенно этой судьбе подвергались девочки,

а у некоторых племен этот обычай держится еще до сих пор. Мы более не убиваем девочек, для этого мы слишком цивилизованны, но часто обращаемся с ними как с париями.

Мужчина оттесняет женщину везде в борьбе за существование, и если она все-таки вступает в борьбу, то нередко бывает с ненавистью преследуема более сильным полом как неприятная ему конкурентка. Особенно ожесточенно преследуют женскую конкуренцию и особенно сильно борются против нее мужчины высших слоев. То, что и рабочие требуют устранения женского труда, надо рассматривать как исключение. Когда, например, в 1876 году на французском рабочем конгрессе было сделано подобное предложение, то огромное большинство высказалось против него. И с тех пор во всех странах в среде классово сознательных рабочих сильно прогрессировало воззрение на работницу как на равноправное существо. Об этом свидетельствуют решения международных рабочих конгрессов. Классово сознательный рабочий знает, что современное экономическое развитие принуждает женщину быть конкуренткой мужчины, но он знает также, что запретить женский труд было бы так же бессмысленно, как запретить применение машин, и поэтому он стремится объяснить женщине ее положение в обществе и *воспитать ее как союзника в совместной освободительной борьбе пролетариата против капитализма.*

3. ДЕНЕЖНЫЙ БРАК И БИРЖА БРАКОВ

Современное общество несомненно выше всякого предыдущего, но воззрение на отношение обоих полов во многом осталось прежним. Профессор Л. фон Штейн опубликовал в 1876 году сочинение «Женщина в области политической экономии», мало соответствующее своему заглавию, в котором он в поэтических красках рисует картину брака. Но и в этой картине видно подчиненное положение женщины по отношению ко «льву» — мужчине. Штейн пишет: «Мужчине желательно такое существо, которое его не только любит, но которое его и понимает. Ему желательно такое существо, в котором не только бьется сердце любви к нему, но рука которого разглаживает складки на его лбу, в явлении которого отражается мир, покой,

порядок, тихое господство над самим собой и еще тысяча вещей, к которым он возвращается ежедневно; ему желательно такое существо, которое распространяло бы вокруг всего этого благоухание женственности, являющейся оживляющим теплом в домашней жизни.

В этой кажущейся хвалебной песне женщине скрываются ее унижение и эгоизм мужчины. Господин профессор рисует женщину в виде благоуханного существа, но оно у него снабжено необходимым практическим знанием счетоводства и умеет сохранять в равновесии приход и расход хозяйства и затем витает вокруг господина дома, этого льва-повелителя, в зефире чудной весны, чтобы читать в его глазах каждое желание и мягкой рукой сглаживать складки на его лбу, который он, «господин дома», морщит, может быть, задумываясь над своими глупостями. Короче, господин профессор рисует женщину и брак, которые едва ли существуют один раз на сто случаев и которые едва ли вообще могут существовать. Но он не видит и не знает многих тысяч несчастных браков и большинства женщин, не имеющих возможности вообще выйти замуж, как и тех миллионов, которые с утра до вечера должны вместе с мужьями, подобно вьючным животным, изнурять себя, чтобы добыть кусок хлеба. Горькая и суровая действительность скорее смахнет здесь поэтическую краску, чем рука стряхнет цветочную пыль с крыльев мотылька. Стоило бы только взглянуть на этих бесчисленных мучениц — и поэтически разрисованная картина профессора была бы разрушена, а его набросок испорчен. Те женщины, которых он видит, составляют лишь ничтожное меньшинство, и чтобы они стояли на высоте своего времени — в этом можно сомневаться.

Часто говорится: «Лучшим мерилom для культурности народа является положение, занимаемое женщиной». Это так, но мы покажем, что наша прославляемая культура отнюдь не высока. В своем сочинении «Die Hörigkeit der Frau» («Зависимость женщины») — заглавие характеризует воззрение автора на положение женщины — Джон Стюарт Милль говорит: «Жизнь мужчин сделалась более домашней. Прогрессирующая цивилизация налагает больше оков на мужчину в его отношениях к женщине». Относительно это верно, если между мужем и женой существуют искренние супружеские отношения, но сомнительно, можно ли это сказать даже о значительном меньшинстве.

Разумный муж поймет, что в его собственных интересах, чтобы жена вышла из узкого круга хозяйственной деятельности в общественную жизнь и ознакомилась бы с течениями времени. «Оковы», которые он этим налагает на себя, не тяготят. С другой стороны, возникает вопрос, не внесла ли современная жизнь такие факторы в супружеские отношения, которые еще больше, чем раньше, разрушают брак?

Брак в большой степени сделался предметом материальной спекуляции. Мужчина, желающий жениться, стремится вместе с женой получить и состояние. Это являлось уже в прежние времена главной причиной того, что дочери, исключенные из наследования, когда отцовский род был решающим, снова получили права наследства. Но никогда брак не был так цинично, так открыто предметом спекуляции и простой денежной сделки, как теперь. В настоящее время спекуляция браком часто ведется с таким бесстыдством, что постоянно повторяемая фраза о «святости» брака оказывается настоящей насмешкой. Это явление имеет, как и все, свою основательную причину. Никогда в прежние времена значительному большинству людей не было так тяжело подняться до известного благосостояния, как теперь, но и никогда законное стремление к достойному человеку существованию и наслаждению жизнью не было таким всеобщим. Кто не достигает задуманной цели, ощущает это тем тяжелее, потому что все считают себя имеющими одинаковое право на радости жизни. Формально не существует ни сословных, ни классовых различий. Каждый хочет достигнуть того, что он по своему жизненному положению считает целью, достойной его стремлений. Но много званых и мало избранных. Чтобы в буржуазном обществе один мог жить в довольстве, двадцать других должны бедствовать. И чтобы один мог предаваться всем наслаждениям, сотни и тысячи должны жить в нужде. Но каждый хочет быть в числе избранных, и он хватается за всякое средство, которое, как ему кажется, приведет его к цели, если только он не слишком себя скомпрометирует. Одним из самых удобных и ближе всего лежащих средств достижения преимущественного социального положения является денежный брак. Жажда наивозможно большего количества денег, с одной стороны, и сильное желание титулов и чинов — с другой, находят, таким образом, в более высоких слоях общества

обоюдное удовлетворение. Здесь смотрят на брак большей частью как на торговую сделку, он является договорным союзом, который с внешней стороны уважается обеими сторонами, в остальном же каждая сторона поступает слишком часто по своим наклонностям¹.

В каждом сравнительно большом городе есть особые места и дни, когда высшие классы встречаются главным образом для того, чтобы поощрять заключение браков. Эти сборища поэтому получили подходящее название «брачных бирж». Ибо как на бирже, так и здесь главную роль играют спекуляция и торгашество, и здесь не обходится без обмана и шарлатанства. Офицеры, завязшие в долгах, но еще могущие похвастаться старым дворянским титулом, прокутившиеся великосветские развратники, которые у супружеской пристани хотят восстановить свое расстроенное здоровье и потому нуждаются в сиделке, фабриканты, купцы, банкиры, стоящие иной раз перед банкротством и тюрьмой и желающие быть спасенными, наконец, все, стремящиеся получить или увеличить капитал и богат-

¹ Для полноты упомянем еще браки по политическим соображениям в высших кругах. При этих браках существовала, и для мужчины опять-таки в большей степени, чем для женщины, молчаливо установленная привилегия на внебрачные отношения в зависимости от настроения и желания. Было время, когда считалось хорошим тоном, если князь имеет по крайней мере одну любовницу; это, так сказать, принадлежало к княжеским атрибутам. Так, по Шерру, известный своей солидностью Фридрих-Вильгельм I, король прусский (1713—1740), был, по крайней мере для виду, в связи с одной генералшей. А с другой стороны, всем известно, что, например, у Августа Сильного, короля Польши и Саксонии, было 300 незаконнорожденных детей, а у Виктора-Эммануила, короля итальянского (*le galantuomo*), осталось после смерти 32 внебрачных ребенка. Еще недавно существовала живописно расположенная маленькая немецкая резиденция, в которой находилась приблизительно дюжина изящных вилл, выстроенных соответствующим «отцом страны» как место отдыха для своих отставных любовниц. На эту тему можно написать толстые тома, и действительно существует обширная библиотека об этих пикантных событиях. Внутренняя история большинства европейских княжеских дворов и дворянских семей для всякого знакомого с ними представляет беспрерывную *Chronique scandaleuse*. Ввиду подобных фактов особенно необходимо, чтобы пишущие историю сикофанты не только ставили бы вне всяких сомнений «законность» различных, следующих друг за другом «отцов страны и матерей страны», но также постарались бы выставить всех их примером домашних добродетелей, верными супругами или добрыми матерями. Августы еще не вымерли, и, подобно римским, они живут еще и в настоящее время невежеством масс.

ство, наряду с чиновниками, надеющимися на повышение, но нуждающимися в данный момент в деньгах, — все они являются клиентами брачных бирж и ведут брачный торг. При этом нередко безразлично, какова будущая жена: молода или стара, красива или безобразна, стройна или горбата, образованна или необразованна, благочестива или легкомысленна, христианка или еврейка. Ведь знаменитый государственный муж сказал: «Следует очень рекомендовать брак между христианским жеребцом и еврейской кобылой»¹. Этот характерный образ, заимствованный из конюшни, находит себе, как показывает опыт, живое одобрение в высших классах нашего общества. Деньги сглаживают все недостатки и уравнивают все пороки. Немецкое уложение о наказаниях (§§ 180 и 181) карает сводничество каторгой или тюрьмой, но если родители, опекуны или родственники сводят на всю жизнь своих детей, опекаемых или родственников с нелюбимым мужчиной или с нелюбимой женщиной только ради денег, ранга или другой выгоды, тогда не может вмешаться ни один прокурор, а между тем и здесь совершается преступление. Существуют многочисленные прекрасно организованные брачные бюро, а также сводни всевозможного рода, ищущие себе добычи в лице кандидатов и кандидаток, стремящихся к «святому таинству брака». Подобные дела особенно выгодны, когда «работа» совершается для членов высших сословий. В 1878 году в Вене велся уголовный процесс против одной сводни по обвинению в отравлении, окончившийся ее осуждением на 15 лет каторги. Процессом было, между прочим, установлено, что бывший французский посланник в Вене, граф Банневиль, за приобретение себе жены заплатил этой женщине 22 тысячи гульденов. Точно так же и другие члены высшей аристократии были в этом процессе сильнейшим образом скомпрометированы. Некоторые государственные органы в течение многих лет предоставляли этой женщине свободу в ее темной и преступной деятельности. Их мотивы после сообщенного не вызывают сомнений. В германской столице рассказывают подобные же истории, они повседневное явление везде, где имеются ищущие брака. За последнее десятилетие предметом брачного барышничества для нуждающегося в деньгах европейского дворянства осо-

¹ См. «Fürst Bismarck und seine Leute» von Busch.

бенно стали являться дочери и наследницы богатой североамериканской буржуазии, нуждающейся в рангах и званиях, которые нельзя получить на их американской родине. О таких фактах характерные сведения дают сообщения, появившиеся осенью 1889 года в немецкой печати. Так, например, один титулованный промышленный рыцарь в Калифорнии рекомендовал себя как брачного агента в германских и австрийских газетах. Предложения, полученные им, достаточно показали, какое представление о «святости» брака и его «этической» стороне господствует в соответствующих кругах. Два прусских гвардейских офицера, принадлежащих к старейшему прусскому дворянству, выразили готовность пойти на брачные предложения, так как у них обоих вместе, как они откровенно сознавались, было более 60 тысяч марок долга. В своем письме к своднику они говорили буквально следующее:

«Само собой разумеется, что денег вперед мы не уплатим. По своему счету Вы получите после свадебного путешествия. Рекомендуем нам только дам, против семей которых не может быть поднят вопрос о приличии. Точно так же очень желательно познакомиться с дамами возможно приятной наружности. Если потребуется, то мы передадим (для дискреционных целей) наши фотографии Вашему агенту, который объяснит нам подробности, покажет фотографии и т. д. С полнейшим доверием мы рассматриваем все это как дело чести (!) и естественно требуем того же от Вас. Мы ожидаем скорого ответа через Вашего здешнего агента, если Вы такового имеете.

Барон фон М.

Артур фон В.

Берлин, Фридрихштрассе, 107, 15 декабря 1889 года».

Один молодой немецкий дворянин, Ганс фон Х., писал из Лондона, что он пяти футов десяти дюймов роста, принадлежит к древнему дворянскому роду и находится на дипломатической службе. Он сознавался, что его состояние вследствие несчастливых пари на скачках сильно пострадало и он поэтому вынужден высматривать богатую невесту, чтобы иметь возможность покрывать дефицит. Он готов тотчас предпринять путешествие в Североамериканские Соединенные Штаты.

Упомянутый рыцарь утверждал, что кроме многих графов, баронов и т. д. предлагали себя в качестве кандидатов для вступления в брак три принца и шестнадцать

герцогов. Но богатых американок жаждут не только титулованные господа, но и буржуа. Так, например, лейпцигский архитектор Макс В. требовал себе невесту, которая кроме денег должна обладать еще красотой и образованием. Из Келя-на-Рейне молодой фабрикант Роберт Д. писал, что он удовольствуется невестой всего лишь с 400 тысячами марок приданого, и вперед обещал сделать ее счастливой. Но к чему ходить так далеко, когда хорошие примеры можно найти так близко. Достаточно бросить взгляд на многочисленные брачные объявления больших буржуазных газет, чтобы найти такие брачные предложения, которые могли быть сделаны только совершенно опустившимися людьми. Уличная проститутка, по горькой нужде занимающаяся своим ремеслом, сравнительно с подобными браконискателями — прямо образец приличия и добродетели. Социал-демократический издатель, принявший в свою газету подобное объявление, был бы исключен из своей партии. Буржуазная же пресса нисколько не гнушается этими объявлениями: они приносят деньги, и она, подобно императору Веспасиану, полагает, что деньги по олет (не пахнут). Это, конечно, не мешает той же прессе возмущаться разрушительными для брака тенденциями социал-демократии. Более лицемерной эпохи, чем наша, никогда не бывало!

В настоящее время объявления большинства наших газет сделались бюро для браков. Всякий, как мужчина, так и женщина, раз под рукой нет подходящей партии, доверяет свою сердечную потребность благочестиво-консервативным или нравственно-либеральным газетам, которые за деньги и без красивых слов заботятся о том, чтобы друг друга нашли одинаково настроенные души. Выборками одного дня из ряда больших газет можно заполнить целые страницы. При этом иногда обнаруживается интересный факт, что стараются даже духовное лицо путем объявления заполучить в супруги и, наоборот, духовное лицо ловит на удочку супругу. Иногда браконискатели при условии хорошего приданого обещают смотреть сквозь пальцы на то, что их будущая супруга уже раньше поскользнулась. Одним словом, нельзя лучше прибить к позорному столбу нравственное падение известного круга нашего общества, как при посредстве подобного рода брачных сделок.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
РАЗЛЮЖЕНИЕ СЕМЬИ

1. РОСТ РАСТОРЖЕНИЙ БРАКОВ

Государство и церковь при подобном «святом браке» также играют далеко не красивую роль. Как бы ни был убежден государственный чиновник или священник, которому приходится совершать брак, что стоящая перед ним пара сведена самыми грязными мотивами, как бы ни ясно было, что жених с невестой не подходят друг к другу ни по возрасту, ни по физическим и духовным свойствам — пусть, например, невесте двадцать лет, жениху же — семьдесят или, наоборот, пусть невеста молода, красива, жизнерадостна, жених же стар, развращен, угрюм, — все равно представитель государства или церкви не противится этому браку. Супружеский союз «освящается», и освящается с тем большей торжественностью, чем выше вознаграждение за «священное таинство».

Когда же через некоторое время оказывается, что подобный брак, как это предвидел каждый, в том числе и сама несчастная жертва, которой в большинстве случаев является женщина, сделался невыносимым, и одна из сторон решает на разрыв, тогда этому ставят величайшие трудности и государство и церковь, которые прежде не спрашивали, что связывало союз: любовь и нравственные стремления или голый эгоизм? Ныне нравственное отвращение не считается достаточным поводом для развода, ныне требуются осязательные доказательства, унижающие и позорящие одну из сторон в общественном мнении. Иначе развод не разрешается. Положение всего католического населения в этом отношении ухудшается еще тем, что католическая церковь вообще не допускает развода; за исключением случаев особого разрешения папы, чего добиться очень трудно, она соглашается в крайнем случае лишь на «отделение от стола и постели». И новое герман-

ское гражданское уложение значительно затруднило развод. Так, оно устраняет развод по взаимному согласию, как это допускалось прусским гражданским правом, между тем на основании этого определения прусского права происходило значительное число разводов, и притом часто таких, при которых играли роль более важные причины, но о них умалчивалось в интересах виновной стороны. Так, например, в Берлине из 5623 случаев развода, наблюдавшихся с 1886 по 1892 год, 1400, то есть 25 процентов, падают на «взаимное согласие». Во многих случаях развод допускается тогда, когда заявление о нем сделали в течение шести месяцев от момента, когда жалующемуся супругу стало известно основание развода (§ 1565—1568 германского гражданского уложения). По прусскому праву этот срок равнялся году. Взять хотя бы случай, когда молодая супруга вскоре после брака узнает, что она вышла замуж за человека, неспособного быть мужем. В данном случае настаивать на том, чтобы она в течение шести месяцев решилась потребовать развода, для чего вообще требуется известная нравственная сила, — значит желать слишком многого. В обоснование необходимости затруднения развода говорят: «Только возможно более затрудняя разводы, удастся противостоять прогрессирующему разложению семьи и вновь ее укрепить».

Это обоснование страдает внутренним противоречием. Неудавшийся брак не становится лучше от того, что супругов, несмотря на внутреннее отчуждение и взаимное отвращение, заставляют оставаться вместе. Подобное положение вещей, подкрепляемое законом, совершенно безнравственно. Оно ведет к тому, что в очень многих случаях приходится создавать причину развода, которую судья обязан принимать во внимание; от этого не выигрывают ни государство, ни общество. Уступкой католической церкви является и введение «отделения от стола и постели», что было чуждо прежнему гражданскому праву. Не считается также основанием для развода бездетность брака по вине одного из супругов. Уступкой церкви следует признать и то, что в гражданское уложение внесено законоположение (§ 1588), по которому «церковные обязательства по отношению к браку предписаниями этого отдела (о браке) не нарушаются»; оно имеет, правда, скорее декоративное значение, но оно характеризует дух, господствующий в Германии в начале XX столетия. Нас

удовлетворяет признание, что развод затруднен с целью воспрепятствовать прогрессирующему разложению семьи.

Таким образом, люди, вопреки своей воле, всю жизнь остаются прикованными друг к другу. Один становится рабом другого и принужден подчиняться самым интимным объятиям, что составляет «супружескую обязанность», что ему может быть невыносимее ругани и дурного обхождения. Мантегацца совершенно прав, когда говорит, что «нет большего мучения, как заставлять себя терпеть ласки нелюбимого человека»¹. Не хуже ли проституции подобный брак? Проститутка до известной степени свободна отказаться от своего позорного ремесла, она имеет право, если не живет в публичном доме, не соглашаться продать объятия тому, кто ей почему-нибудь не нравится. Проданная же жена должна отдаваться мужу, хотя бы имела тысячу оснований его ненавидеть и презирать.

Если брак с самого начала обеими сторонами сознательно заключен как союз из-за денег и положения, тогда дело складывается благоприятнее. Происходит приспособление, и создается *modus vivendi*. Не хотят скандала, избегать которого приходится в особенности из-за детей, хотя они и страдают больше всего при холодной, лишенной любви жизни родителей, если даже она не переходит в открытую вражду, распри и ссоры. Еще чаще приспособляются во избежание материальных убытков. Камнем преткновения в браке является обыкновенно поведение мужа, что показывают бракоразводные процессы. В силу своего господствующего положения он умеет вознаграждать себя в другом месте, если брак не удался и он не находит в нем удовлетворения. Жена значительно реже может сойти с пути, во-первых, потому что по физиологическим причинам для нее это опаснее, во-вторых, потому что всякое нарушение супружеской верности засчитывается ей как преступление. Только женщина «падает», будь она женой, вдовой или девушкой, — мужчина в подобном случае поступает лишь «некорректно». Таким образом, один и тот же поступок судится совершенно различно в зависимости от того, совершает ли его мужчина или

¹ *Mantegazza, Die Physiologie der Liebe.*

женщина, и сами женщины обыкновенно осуждают «падшую» сестру наиболее жестоко и бессердечно¹.

Обыкновенно женщина лишь в случаях самой тяжелой неверности и оскорблений со стороны мужа решается требовать развода, так как она большей частью находится материально в зависимом положении и принуждена смотреть на брак как на богадельню; кроме того, в общественном отношении разведенная жена находится далеко не в завидном положении. С ней обращаются как с существом среднего пола. И если все же большинство требований развода исходит от женщин, то это доказательство того, какие нравственные мучения они испытывают. Во Франции еще до вступления в силу нового закона о разводе (1884 год), огромное большинство требований об «отделении от стола и постели» исходило от женщин. Требование развода они могли выставлять лишь в том случае, если муж против воли жены вводит в дом женщину, с которой он находится в интимных отношениях.

Так, требования об «отделении от стола и постели» были выставлены:

Годы	Женщинами	Мужчинами
1856—1861	1 729	184
1861—1866	2 135	260
1866—1871	2 591	330
1901—1905	2 368	591

Эти цифры показывают, что число женских требований не только было значительно больше, но что оно постоянно возрастало.

И в других странах, насколько можно судить по имеющимся данным, требования развода большею частью исходят от женщины.

¹ Александр Дюма в «Monsieur Alphonse» замечает совершенно справедливо: «Мужчина создал себе два рода нравственности: одну для себя самого, другую для женщины; первая позволяет ему любовь со всеми женщинами, другая взамен навсегда потерянной свободы допускает для женщины любовь лишь с одним мужчиной».

Следующая таблица делает возможным это сравнение¹

	Требования о разводе в процентах			
	Годы	Муж- чин	Жен- щин	Обоих супру- гов
Австрия	1893—1897	4,4	5,0	90,6
Румыния	1891—1895	30,6	68,9	0,5
Швейцария	1895—1899	26,4	45,4	8,2
Франция	1895—1899	40,0	59,1	—
Баден	1895—1899	36,0	59,1	4,9
Англия и Уэльс	1895—1899	60,4	39,6	—
Шотландия	1898—1899	43,3	56,7	—

«Отделения от стола и постели»

Австрия	1897—1899	4,9	16,6	78,5
Франция	1895—1899	15,9	84,1	—
Англия и Уэльс	1895—1899	3,0	97,0	—
Шотландия	1898—1899	—	100,0	—

В Соединенных Штатах, где мы теперь имеем статистику, которая простирается более чем на 40 лет, требования о разводах подразделяются следующим образом:

	1867— 1886 гг.	%	1887— 1906 гг.	%	1906 г.	%
От мужчин . . .	112 540	34,2	316 149	33,4	23 455	32,5
От женщин . . .	216 176	65,8	629 476	66,6	48 607	67,5
Всего . . .	328 716	100	945 625	100	72 062	100

Мы видим, таким образом, что женщины предъявляют требования о разводе больше чем на две трети из общего количества всех требований², подобную картину дает нам Италия. Там было удовлетворено требований о разводе

¹ *Georg v. Mayr, Statistik und Gesellschaftslehre, 3. Band, Tübingen 1909, S. 253.*

² *Marriage and divorce. 1887 bis 1906. Bureau of the Census, Bulletin 96, Washington 1908, p. 12.*

в 1887 году 1221 и в 1904 году — 2103. Ходатайства о разводе в соответствующие годы подавали: женщины — 593 и 1142, мужчины — 214 и 454, и те и другие вместе — 414 и 507.

Статистика эта также выясняет нам, что число требований о разводе со стороны женщин не только велико, но что оно быстро возрастает. Во Франции с 1884 года дела о разводе регулируются новыми законами. И с тех пор число разводов значительно возрастало из года в год. Расторгнуто браков: в 1884 году—1657, в 1885 году—4123, в 1890—6557, в 1895 году—7700, в 1900 году—7820, в 1905 году—10 019, в 1906 году—10 573, в 1907 году — 10 938.

В Швейцарии также замечается рост числа разводов. С 1886 до 1890 года разводов в среднем было 882 в год, с 1891 по 1895 год—898, в 1897 году—1011, в 1898 году—1018, в 1899 году—1091, в 1905 году—1206, в 1906 году—1343.

В Австрии в 1899 году было разводов 856 и «отделений от стола и постели» 133, в 1900 году — 1310 и 163, в 1905 году — 1885 и 262. Таким образом, в одно десятилетие число разводов и «отделений» более чем удвоилось. В Вене имели место с 1870 по 1871 год 148 разводов. Число их увеличивалось из года в год, достигнув с 1878 по 1879 год цифры 319. Но надо учитывать, что в Вене, преимущественно католическом городе, разводы трудно осуществимы; тем не менее уже в середине восьмидесятых годов один венский судья мог сделать вывод: «Жалобы вследствие разбитого брака так же часты, как жалобы вследствие разбитых оконных стекол».

В Соединенных Штатах в 1867 году было 9937 разводов, в 1886 году—25 535, в 1895 году—40 387, в 1902 году—61 480, в 1906 году —72 062. Если бы число разводов по отношению к количеству населения в 1905 году осталось тем же, что в 1870 году, то абсолютное число разводов в 1905 году было бы только 24 тысячи, а не 67 791, как это имело место в действительности. В общем там количество разводов в период времени от 1867 до 1886 года равнялось 328 716, 1887 года—945 625. Вообще в Соединенных Штатах как абсолютно, так и относительно наблюдается наибольшее количество разводов. На каждые сто тысяч браков там приходилось разводов: в 1870 году—81, в 1880 году —107, в 1890 году—148, в 1900 году — 200.

Причину того, что разводы наблюдаются там чаще, чем в других странах нужно искать в том, что, во-первых, разводы — в особенности в отдельных штатах — совершаются легче, чем во многих других странах, и, во-вторых, что женщины занимают здесь более независимое положение, чем в любой другой стране, и не позволяют себя тиранить своим мужьям.

В Германии число вошедших в силу приговоров по бракоразводным делам с 1891 по 1900 год было следующее:

1891 г.	6 678	1896 г.	8 601
1892 »	6 513	1897 »	9 005
1893 »	6 694	1898 »	9 143
1894 »	7 502	1899 »	9 563
1895 »	8 326	1900 »	7 928

Мы видим, что с 1899 по 1900 год число разводов понизилось на 1635, и притом потому, что с 1 января 1900 года вступило в силу новое гражданское уложение с его затрудняющими развод постановлениями. Но жизнь оказалась сильнее закона. Число разводов, которое падало с 1900 до 1902 года, после этого стало расти еще быстрее из года в год. Этот рост происходил на основании частого применения § 1568 германского гражданского уложения (расстройство брачных отношений). Насколько увеличилось число разводов после 1900 года, показывают следующие цифры:

1901 г.	7 964	1905 г.	11 147
1902 »	9 069	1906 »	12 180
1903 »	9 933	1907 »	12 489
1904 »	10 868		

В Саксонии цифра разводов, несмотря на некоторые колебания, также проявляет тенденцию подниматься вверх.

В пятилетие	Разво- дов	На 100 тыс. браков	В пятилетие	Разво- дов	На 100 тыс. браков
с 1836 по 1840 г.	356	121	с 1891 по 1895 »	921	138
» 1846 » 1850 »	395	121	» 1896 » 1900 »	1 130	151
» 1871 » 1875 »	581	122	» 1901 » 1905 »	1 385	168

Из ста тысяч заключенных браков было расторгнуто в Пруссии в среднем за год: 1881—1885 годы—67,62; 1886—1890 годы—80,55; 1891—1895 годы—86,77; 1896 год — 101,97; 1905 год—106; 1908 год—121 брак.

Это значительное возрастание числа разводов — явление международное. В среднем на каждые сто тысяч заключенных браков приходится ежегодно в среднем расторгнутых браков путем развода или «отделения»:

	1876— 1880 гг.	1881— 1885 гг.	1886— 1890 гг.	До конца столетия
Австрия . . .	—	19,4	19,7	31
Венгрия . . .	31,6	30,4	30,5	58
Румыния . . .	37,3	52,3	73,1	98
Италия	11,8	11,3	10,6	15
Франция . . .	33,9	75,9	80,9	129
Англия и Уэльс	6,5	7,4	7	10,6
Шотландия . .	12,3	13	16,7	26
Ирландия . . .	0,6	0,4	1,1	1
Бельгия	25,5	31,9	43	72
Голландия . .	—	—	—	78
Норвегия . . .	13,9	12,1	19,3	33
Швеция	28,5	28,6	31,6	45
Финляндия . .	16,1	7,8	10,0	29
Швейцария . .	220	200	188	199,9

Было бы неправильно из большого различия в числах между разными странами заключать о различии их «нравственного состояния». Никто не станет утверждать, что шведское население имеет в четыре раза более причин для развода, чем английское. Прежде всего нужно иметь в виду законодательство, которое в одной стране больше, в другой меньше облегчает развод¹. Затем уже следует учитывать нравственное состояние, то есть тот средний

¹ В Англии развод — привилегия богатых. Плата за бракоразводный процесс так велика, что развод почти недоступен для несостоятельных людей, которые к тому же должны совершать поездку в Лондон: во всей стране имеется единственное бракоразводное судебное учреждение — в Лондоне.

размер оснований, который муж или жена считают достаточным для требования развода. Во всяком случае цифры доказывают, что в общем разводы растут быстрее, чем народонаселение, и они растут в то время, как количество заключения браков часто падает. Но об этом ниже.

В значительной степени на факт разводов влияет разница в возрасте супругов: будет ли муж значительно старше жены или жена — мужа. На это указывает таблица, составленная на основании швейцарской официальной статистики:

Число разводов в год на каждые 100 тыс. браков с одной и той же разницей в возрасте	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.
Муж старше на 26 и больше лет	271	328
» » » 11—25 лет . . .	189	198
» » » 1—10 » . . .	193	181
Муж и жена одного возраста . .	195	190
Муж моложе на 1—10 лет . . .	226	226
» » » 11—25 лет . . .	365	431
» » » 26 и больше лет	759	870

По вопросу о том, как распределяются разводы между различными слоями населения, мы располагаем данными для Саксонии за 1905—1906 годы и для Пруссии — за 1895—1905 годы.

	Число разводов в год на 100 тыс. женатых мужчин	
	Саксония	Пруссия
Сельское и лесное хозяйство . .	59	34
Промышленность	220	158
Торговля, транспорт	297	229
Свободные профессии и чиновники	346	165

Разводы, таким образом, чаще всего встречаются в Саксонии в мире чиновников и людей свободных профессий, в Пруссии — в мире торговли и транспорта. Следующее место занимают: в Саксонии — торговля и транспорт, в Пруссии — чиновники и свободные профессии. Про-

мысленность с ее цифрами: 220 для Саксонии и 158 для Пруссии — занимает третье место. На последнем месте стоит сельское хозяйство. Все растущее число разводов среди городского населения по сравнению с сельским говорит о том, что в общем вместе с растущей индустриализацией общества и падением устойчивости общественной жизни брачные отношения становятся все более шаткими, а факторы, разрушающие брак, все увеличиваются.

С другой стороны, увеличение разводов доказывает, что все большее число женщин решает сбросить невыносимо давящее ярмо.

2. БУРЖУАЗНЫЙ И ПРОЛЕТАРСКИЙ БРАК

Семейные несчастья растут, брак извращается и разрушается в той же степени, в какой обостряется борьба за существование, и брак становится денежной сделкой. Усиливающаяся трудность содержать семью заставляет многих мужчин вообще отказываться от брака, и, таким образом, разговоры о том, что женщина в своей деятельности должна ограничиваться домашними делами и выполнять свое призвание домашней хозяйки и матери, все более становятся бессмысленной фразой. С другой стороны, те же условия благоприятствуют внебрачному половому общению и увеличивают число проституток; растет и число страдающих противоестественным удовлетворением половой потребности.

В имущем классе жена нередко низводится, совершенно как в древней Греции, просто до роли аппарата, родящего законных детей, экономки или сиделки обессиленного развратом мужа. Муж для своего удовольствия и для своих любовных потребностей содержит гетер, которые у нас называются куртизанками и метрессами и которые живут в лучших городских кварталах. Другие, которым средства не позволяют содержать метресс, вращаются, как и до брака, в кругу фрин; к ним у них лежит сердце ближе, чем к законным супругам; с ними они веселятся, и часть наших жен настолько испорчена, что находит это в порядке вещей¹.

¹ Бюхер в уже не раз цитированном нами сочинении «Женский вопрос в средние века» жалуется на распад брака и семейной жизни; он осуждает усиливающийся женский труд в индустрии и требует

Итак, в высших и средних классах общества главным источником зла в браке являются женитьба из-за денег и замужество из-за титула. Брак еще более ухудшается вследствие образа жизни этих классов. Это касается также и женщины, которая нередко предается праздности или развращающим ее занятиям. Ее духовная пища часто состоит исключительно в чтении двусмысленных романов, в посещении легкомысленных пьес, в наслаждении щеко-чущей чувственностью музыкой, в опьяняющих раздражениях нервов, в разговорах о всевозможных скандальных делах. Праздность и скука толкают ее к любовным похождениям, которых еще чаще ищет мужчина. Она бросается от одного удовольствия к другому, от одного званого обеда к другому, а летом спешит на воды и купанья, чтобы отдохнуть от зпмней сутолоки и отыскать новые развлечения. При таком образе жизни *chronique scandaleuse*, конечно, очень богата: соблазняют и позволяют себя соблазнять.

В низших классах брак из-за денег почти неизвестен. Рабочий женится обыкновенно по склонности, но в причинах, мешающих семейному счастью, недостатка нет. Большое число детей создает заботы и слишком часто ведет к тяжелой нужде. Болезнь и смерть — частые гости рабочих семей. Безработица доводит нищету до крайних пределов. Многие обстоятельства уменьшают заработок рабочего, а временно и совсем лишают его. Промышленные и торговые кризисы делают его безработным, введение новых машин и методов производства выбрасывает его, как лишнего, на улицу; войны, неблагоприятные таможенные и торговые договоры, введение новых косвенных налогов, преследования со стороны предпринимателей за проявление своих убеждений и т. д. — все это разрушает его существование или сильно вредит ему. То одно,

«возврата» в «свойственную женщине область», где она только и может создавать «ценность», — к домашнему очагу и в семью. Стремление современных друзей женщины кажутся ему «дилетантством», и он в конце концов надеется, что женщины «скоро найдут более правильные пути», но он, видимо, сам не в состоянии указать правильный путь. Да это и невозможно с буржуазной точки зрения. Современное состояние брака, как и положение всех женщин не созданы произвольно, они — естественный продукт нашего общественного развития. А это культурное развитие совершается по имманентным законам.

то другое обрушивается на него, то более короткое, то более долгое время остается он без работы, то есть голодает. Неуверенность — вот ярлык его существования. Такие удары судьбы порождают раздражительность и горечь, и это настроение проявляется прежде всего в домашней жизни, когда ежедневно и ежечасно требования самого необходимого не могут быть удовлетворены. Начинаются споры и ругань. Следствием этого является разрушение брака и семьи.

Возьмем другой случай: муж и жена идут на работу. Дети остаются одни или на попечении старших братьев и сестер, которые сами нуждаются в присмотре и воспитании. Торопливо в обеденный час проглатывается скудная пища, если вообще родители имеют время вернуться домой, что в тысяче случаев, вследствие отдаленности мастерских и краткости перерыва, невозможно; вечером усталые возвращаются они оба домой. Вместо приветливой, уютной домашней обстановки их встречает тесное, нездоровое жилище, где мало света и воздуха, где часто нет самых необходимых удобств. Возрастающий недостаток квартир с вытекающими отсюда бедствиями составляет одну из самых темных сторон нашего общественного порядка, он ведет к многообразному злу, к порокам и преступлениям. Недостаток квартир в городах и промышленных округах усиливается с каждым годом, несмотря на все попытки устранить его чувствуют все более широкие слои населения: мелкие ремесленники, чиновники, учителя, мелкие торговцы и т. д. У жены рабочего, вернувшейся вечером домой усталой и истомленной, снова руки полны работой: она должна работать до полного изнеможения, чтобы выполнить хотя бы самые необходимые дела по хозяйству. Детей поспешно укладывают в постель, и жена садится шить и штопать до поздней ночи. Ей недостает столь необходимой беседы, ободрения. Муж часто невежествен, жена знает еще меньше, и то немногое, что они могут сообщить друг другу, уже сказано. Муж идет в трактир, ища там развлечений, которых ему недостает дома, он пьет, и, как бы мало это ни стоило, он расходует при своем положении слишком много. Иногда он втягивается в игру, которая берет много жертв и из высших классов, и проигрывает еще больше, чем пропивает. Жена между тем сидит дома, и в ней кипит злоба; она должна работать, как выючное животное, для нее нет

ни отдыха, ни передышки; муж все же пользуется, как может, свободой, которую ему, как мужчине, дал случай. Таким образом появляется раздор. Но если жена, не столь верная своим обязанностям, возвратившись вечером усталой домой, ищет заслуженного отдыха, тогда все хозяйство окончательно приходит в упадок и нищета возрастает вдвое. И тем не менее мы живем «в лучшем из миров»!

Таким образом, и брак пролетария все более и более рушится. Даже благоприятные для работы периоды оказывают свое разлагающее влияние, потому что они принуждают рабочего к воскресной и сверхурочной работе, отнимают у него время, которое оставалось для семьи. В бесчисленных случаях ему нужны целые часы, чтобы добраться до места работы; он не может воспользоваться обеденным перерывом для возвращения домой; он встает ранним утром, когда дети еще в глубоком сне, и возвращается поздно вечером, когда они опять-таки спят. Тысячи рабочих, особенно строительные рабочие больших городов, вследствие отдаленности целую неделю не бывают дома и только в конце ее возвращаются в семью. Может ли при таких условиях процветать семейная жизнь?! Между тем все более и более применяется женский труд, особенно в текстильной промышленности, которая для тысяч своих паровых ткацких станков и прядильных машин пользуется дешевыми женскими и детскими руками. Здесь получается обратная картина. Жена и ребенок идут на фабрику, а оставшийся без работы муж нередко остается дома и исполняет домашние работы. «В округе Хемница в аппретурных предприятиях встречается много женщин, могущих работать зимой только потому, что мужья их — ремесленники, каменщики, плотники и т. д. — зимой или совсем не имеют работы, или имеют незначительную работу. Часто во время отсутствия жены муж занимается домашним хозяйством»¹. В Северной Америке, которая при своем быстром капиталистическом развитии все бедствия европейских промышленных государств порождает в большем размере, для общественного состояния, вызванного этими условиями, имеется очень характерное название. Промышленные районы, в которых работают главным образом женщины, в то время

¹ Technik und Wirtschaft, August 1909, S. 377.

как мужчины сидят дома, называют *she towns*, буквально — «она-город», женские города¹.

В настоящее время общепризнано, что женщины должны быть допущены ко всем промышленным работам. Буржуазное общество в погоне за прибылью и выгодой давно поняло, какой превосходный сравнительно с мужчиной объект эксплуатации представляет покорная и непритязательная работница². Таким образом, число отраслей, в которых находят себе применение женщины как работницы, с каждым годом растет. Распространение и улучшение машин, упрощение процесса работы все большим разделением труда, растущая конкуренция как между капиталистами, так и между странами, соперничающими на мировом рынке промышленности,—все это благоприятствует расширению применения женского труда. Это явление обще всем промышленным странам. Но, по мере того как число работниц увеличивается, они становятся конкурентами рабочих-мужчин. Это доказывают многочисленные указания в отчетах фабричных инспекторов и статистические данные о занятиях работниц.

Хуже всего положение женщин в тех отраслях промышленности, где преимущественно работают именно они, как например в промышленности по изготовлению готового платья и белья, особенно когда работа для предпри-

¹ Об этом говорит следующая заметка в «*Levest. Journ.*» за 1893 год: «Одной из особенностей фабричных сел Мэна является класс мужчин, которых можно метко окрестить «хозяюшками». Почти в каждом городе, где имеется развитая промышленность, таких людей находят в очень большом количестве. Вскоре после обеда их можно застать повязанными фартуками, моющими посуду. В другое время их можно видеть чистящими и убирающими постели, моющими детей, готовящими обед... Эти мужчины заняты хозяйственными заботами только потому, что их жены могут заработать на фабрике больше их, и ради экономии работают идут жены».

² «Г-н Э., фабрикант, сообщил мне, что при своих механических ткацких станках он дает работу исключительно женщинам; он предпочитает замужних женщин, в особенности женщин с семьей, существование которой зависит от них: они много внимательнее и послушнее, чем незамужние, они вынуждены до крайности напрягать свои силы, чтобы добывать необходимые средства к жизни. Так, добродетели,— добродетели, специфически характеризующие женщин!— обращаются во вред им, так нравственная и нежная сторона их природы превращается в средство их порабощения, в источник их страданий». Речь лорда Эшли о десятичасовом рабочем дне, 1844. Цит. К. Марксом, «Капитал», т. I, 1955, стр. 408.

нимателя производится на дому. Исследования положения работниц по фабрикации белья и готового платья, произведенные в 1886 году по постановлению Союзного совета, показали также, что жалкая заработная плата принуждает этих работниц к побочному заработку — продаже своего тела.

Наше христианское государство, в котором христианства обыкновенно нет именно там, где оно было бы наиболее уместно, и есть там, где оно излишне или вредно, — это христианское государство торгуется, как христианский буржуа, и это не удивляет того, кто знает, что христианское государство — лишь приказчик нашего христианского буржуа. Государство с трудом решается на законы, ограничивающие до допустимых размеров рабочий день женщин и запрещающие труд детей, и вместе с этим оно не дает многим из своих служащих ни достаточного воскресного отдыха, ни нормального рабочего дня и тем вредит их семейной жизни. Почтовые, железнодорожные, тюремные и другие служащие должны нести свою службу свыше допустимого времени, но оплата ее очень низкая.

Так как квартирная плата по сравнению с доходом рабочего, мелкого чиновника и вообще мелкого люда слишком высока, то они принуждены ограничивать себя до крайних пределов. В квартиру принимаются ночлежники — мужчины и девушки, иногда и те и другие вместе¹. Старые и молодые живут в одном тесном помещении, стиснутые без всякого разделения полов, являясь часто свидетелями интимных вещей. Как это влияет на чувство стыдливости и на нравственность, об этом свидетельствуют ужасающие факты. Вызывающее столько рассуждений усиление огрубения и одичания молодежи объясняется преимущественно подобными условиями, существующими как в городе, так и в деревне. И какое влияние на детей должна иметь работа в промышленности? Самое

¹ Согласно итогам переписи населения Пруссии, в 1900 году насчитывалось 3 467 388 лиц, не являвшихся родственниками владельцев домов, а в среднем для всей Пруссии эти чуждые дому элементы состояли почти на одну четверть из однопостельников (378 348 съемщиков и 455 322 ночлежника), в деревнях они составляли лишь одну седьмую часть, в городах — одну третью часть, а в Берлине — значительно больше половины (57 180 съемщиков и 99 795 ночлежников). *G. v. Mayr, Statistik und Gesellschaftslehre, 3. Band, Tübingen 1909, S. 89.*

худшее, какое только можно себе вообразить, как в физическом, так и в моральном отношении.

Все возрастающее участие в промышленном труде даже замужних женщин имеет роковые последствия, особенно во время беременности, родов и первого времени жизни детей, когда они должны питаться материнским молоком. Во время беременности происходит масса заболеваний, действующих разрушительно как на плод, так и на организм матери и приводящих к выкидышам и преждевременным родам. Но как только ребенок появился на свет, мать должна как можно скорее возвратиться на фабрику, чтобы ее место не оказалось занятым другою. Неизбежным следствием для бедных крошек является плохой уход, неподходящая пища, иногда совершенное отсутствие ее; для успокоения их пичкают опятами. Дальнейшими последствиями являются массовая смертность или чахлость и уродство, одним словом — вырожденные расы. Очень часто дети вырастают, не зная ни отцовской, ни материнской ласки и любви и не имея чувства истинной любви к родителям. Так рождается, живет и умирает пролетариат. А государство и общество удивляются увеличению грубости, безнравственности и преступности.

Когда в начале шестидесятых годов прошлого столетия в английских хлопчатобумажных округах вследствие североамериканской войны против рабства многие тысячи работниц остались без работы, врачи сделали неожиданное открытие, что, несмотря на большую нужду населения, детская смертность уменьшилась. Это объяснялось тем, что дети теперь питались материнским молоком и пользовались лучшим, чем когда бы то ни было, уходом. Подобный же факт установлен врачами на время кризиса семидесятых годов в Северной Америке, особенно в Нью-Йорке и Массачусетсе. Безработица давала женщинам время для ухода за детьми. Подобные наблюдения были сделаны во время всеобщей стачки в Швеции (август и сентябрь 1909 года). Цифры смертности в Стокгольме, как и в других больших шведских городах, в течение уже весьма долгого времени не были так низки, как за несколько недель этой гигантской стачки. Один из выдающихся стокгольмских медицинских авторитетов говорил, что необычайно благоприятное состояние народного здоровья и уменьшение смертности несомненно стоит в непосредственной зависимости от этой стачки. Особенно

важно то обстоятельство, что огромные толпы, из которых состояла «армия бездельников», сложившаяся во время стачки, имели возможность почти непрерывно находиться под открытым небом, на чистом воздухе, что, конечно, хорошо отражается на телесном здоровье. Как бы исчерпывающе ни выполнялись санитарные предписания для рабочих помещений, воздух в них все же такой, что действует более или менее вредно на здоровье рабочих. Нельзя недооценивать также значение запрещения употребления алкоголя во время стачки.

В домашней промышленности, которую экономисты-романтики представляют так идиллически, положение вещей отнюдь не лучше. Здесь жена вместе с мужем с раннего утра до поздней ночи прикована к работе, точно так же и дети должны трудиться с самых малых лет. Сжатые в крошечном помещении, живут муж, жена, семья, иногда подмастерья, среди отбросов производства, в душливом, вонючем воздухе. Спальни вполне соответствуют мастерским. Обыкновенно это темные дыры без вентиляции, вредные для здоровья даже в том случае, если бы в них спало вдвое меньше лиц, чем спит в действительности.

Все более тяжелая борьба за существование принуждает часто женщин и мужчин к поступкам, от которых они при других обстоятельствах с ужасом отвернулись бы. Так, в 1877 году в Мюнхене было установлено, что между зарегистрированными полицией проститутками было не менее 203 жен рабочих и ремесленников. А как много замужних женщин продает себя из-за нужды, избегая полицейского контроля, который глубоко оскорбляет чувство стыдливости и человеческое достоинство!

БРАК КАК МАТЕРИАЛЬНО ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЕ СРЕДСТВО

1. УМЕНЬШЕНИЕ ЧИСЛА ВСТУПЛЕНИЙ В БРАК

Не нужно никаких дальнейших доказательств, чтобы понять, что при описанных условиях растет число тех, кто не смотрит на брак как на рай и остерегается вступать в него. Этим объясняется, что в большинстве культурных стран число браков падает или остается неизменным. Как показал опыт, высокие хлебные цены даже одного года отрицательно влияли как на число браков, так и на число рождений. Но чем более индустриализируется страна, тем больше обусловлено это число подъемом и спадом экономической конъюнктуры. Экономические кризисы и возрастающее ухудшение общего экономического положения имеют в этом отношении длительное неблагоприятное влияние. Это подтверждает статистика браков почти всех культурных стран.

По новейшим правительственным анкетам, в Соединенных Штатах за период времени с 1887 до 1906 года было заключено 12 832 044 брака.

1887 г.	483 096	1902 г.	746 733
1891 »	562 412	1903 »	786 132
1892 »	577 870	1904 »	781 145
1893 »	578 673	1905 »	804 787
1894 »	566 161	1906 »	853 290

Таким образом, мы видим, что вследствие кризиса 1893/94 года число браков в 1894 году не только не увеличилось, но уменьшилось на 12512. То же самое явление повторяется в 1904 году, который дает минус в 4987 браков.

Во Франции заключение браков дало следующую картину:

1873—1877 гг. .	299 000	1893—1897 гг. .	288 000
1878—1882 » .	281 000	1898—1902 » .	296 000
1883—1887 » .	284 000	1903—1907 » .	306 000
1888—1892 » .	279 000		

Самое большое количество браков дает 1873 год — 321 238 браков. После этого года количество браков уменьшается, чтобы с подъемом хозяйственной жизни снова дать увеличение.

В 1907 году Франция дает наивысшую после 1873 года цифру: 314 903 брака. Это увеличение до некоторой степени является следствием нового закона от 21 июня 1907 года, уменьшающего формальности для вступления в брак и поведшего к увеличению цифры заключенных браков в среде бедняков.

На тысячу населения приходится браков:

Государства	1871 по 1875 г.	1876 по 1880 г.	1881 по 1885 г.	1886 по 1890 г.	1891 по 1895 г.	1896 по 1900 г.	1901 по 1905 г.	1907 г.
Германия . .	18,84	15,68	15,40	15,68	15,88	16,83	16,0	16,2
В том числе:								
Пруссия . .	18,88	15,86	15,92	16,32	16,40	16,86	16,2	16,4
Бавария . .	18,92	14,65	13,64	13,96	14,76	16,09	15,2	15,4
Саксония . .	19,96	17,70	17,62	18,64	17,52	18,76	16,6	16,8
Австрия . .	18,30	15,52	15,88	15,40	15,76	16,04	15,8	15,8 ¹
Венгрия . .	21,50	19,30	20,24	17,72	17,92	16,05	17,2	19,6
Италия . . .	15,54	15,06	14,08	17,64	14,96	14,40	14,8	15,4
Швейцария . .	16,06	14,90	13,80	14,0	14,72	15,59	15,0	15,6
Франция . .	16,96	15,16	15,04	14,48	14,90	15,14	15,2	16,0
Англия и								
Уэльс . . .	17,08	15,34	15,14	14,70	15,16	16,14	15,60	15,8
Шотландия . .	14,98	13,76	13,76	18,02	13,68	14,94	14,0	14,0
Ирландия . .	9,72	9,04	8,66	8,66	9,48	9,87	10,4	10,2
Бельгия . . .	15,44	13,94	13,94	14,34	15,24	16,45	16,2	16,2
Голландия . .	16,64	15,76	14,28	14,04	14,48	14,88	15,0	15,2
Дания . . .	15,88	15,54	15,38	13,94	13,84	14,79	14,4	15,2
Норвегия . .	14,58	14,40	13,82	12,76	12,92	13,73	12,4	11,8
Швеция . . .	14,04	13,20	12,84	12,20	11,45	12,04	11,8	12,0
Финляндия . .	17,68	15,72	14,90	14,40	12,98	15,34	13,0	13,6
Европейская Россия (без Польши) . .	19,62	17,62	18,06	17,94	17,08	17,80	—	—
Болгария . .	—	—	18,04	17,24	16,07	—	—	—
Сербия . . .	22,80	23,32	22,14	21,76	19,84	—	—	—

¹ 1906 год.

Что число браков в большинстве государств колеблется в зависимости от того, господствует там индустриальное благополучие или кризис, блестяще доказывает Германия. 1872 год, первый год после франко-прусской войны, дал в Германии, как 1873 год во Франции, наивысшее количество браков (423 900). С 1873 года цифра эта падает, и в 1879 году, когда кризис достиг наибольшей глубины, она доходит до наинизшей степени (335 113); затем она медленно поднимается до 1870 года, который был еще благополучным годом, она снова падает в 1892 году и снова поднимается в годы процветания, достигая в 1899—1900 годах — в годы наивысшей степени индустриального развития — кульминационной точки (476 491 в 1900 году, 471 519 в 1899 году). Новый кризис приносит падение. В 1902 году число заключенных браков вновь падает до 457 208, достигая опять высшей точки в 1906 и 1907 годах (498 990 и 503 964). И если 1906 год дал повышение против 1905 года на 13 004, то здесь уже проявляется действие кризиса 1907 года в уменьшении цифры абсолютного роста (только 4974 по сравнению с 1906 годом) и в относительном сокращении браков (вместо 8,2 на тысячу населения — только 8,1).

Вообще же число браков в большинстве стран свидетельствует о тенденции к понижению. Высшая цифра заключения браков с середины семидесятых до конца девяностых годов достигается только в виде исключения, и, как ясно видно из прилагаемой таблицы, огромное большинство европейских стран остается далеко позади.

Но не только условия заработка, но и имущественные отношения сильно влияют на заключение браков. «Шмоллерский ежегодник» (Schmollers Jahrbuch für 1885, Heft I) сообщает статистику народонаселения королевства Вюртембергского, из которой ясно видно, что с увеличением размера крупной земельной собственности число *женатых* мужчин в возрасте от 25 до 30 лет *убывает*, число же *неженатых* между 40—50 годами *прибывает*. (См. таблицу, приведенную ниже, на стр. 183.)

Мелкая земельная собственность благоприятствует заключению браков, она дает возможность существовать большому числу семей, хотя и очень скромно; напротив, крупная земельная собственность противодействует заключению браков. Вместе с растущей индустриализацией деревни, увеличивается число заключенных браков среди

	% отношения поземельной собственности в гектарах			% отношения мужчин	
	до 5	5—20	свыше 20	женатых в возрасте 25—30 лет	неженат. в возрасте 40—50 лет
Округ Пейенбург	79,6	20,4	0,0	63,6	4,4
На восток от Штутгарта	78,9	17,7	3,4	51,3	8,1
На юг от Штутгарта	67,6	24,8	7,6	48,6	8,7
На север от Штутгарта	56,5	34,8	8,8	50,0	10,0
Шварцвальд	50,2	42,2	7,6	48,6	10,1
Верхний Неккар	43,6	40,3	16,1	44,3	10,8
Переход к востоку	39,5	47,6	12,8	48,7	10,0
Северо-восток, за исключением севера от Галля	22,2	50,1	27,7	38,8	10,6
Швабский Альб	20,3	40,8	38,3	38,8	7,5
Северная Обершвабия	19,7	48,0	32,3	32,5	9,7
На восток от Галля	15,5	50,0	34,5	32,5	13,8
Область Боденского озера	14,2	61,4	24,4	23,5	26,4
Средняя и Южная Обершвабия	12,6	41,1	46,3	30,0	19,1

людей городских профессий. Так, в Швеции на тысячу людей разных профессий заключенных браков приходилось в 1901—1904 годах:

Сельское хозяйство	4,78
Промышленность и горное дело	7,17
Торговля и транспорт	7,75
Свободные и другие профессии	6,33

В среднем 5,92

Все эти цифры доказывают, что решающим являются не моральные, а материальные причины. Число заключения браков, точно так же как и нравственное состояние общества, зависит единственно от их материальных основ.

2. ДЕТОУБИЙСТВО И ВЫТРАВЛЕНИЕ ПЛОДА

Страх нужды и опасение невозможности воспитать детей, как того требует их общественное положение, — вот что главным образом толкает женщин всех классов

к проступкам, несогласуемым не только с природою, но часто и с уголовным кодексом. Сюда относятся всевозможные средства для воспрепятствования зарождению плода или — если это не удастся — искусственное удаление плода путем аборта. Было бы несправедливо утверждать, что эти средства применяются только легкомысленными, бессовестными женщинами. Ограничить число детей чаще хотят верные своему долгу женщины; они предпочитают подвергать себя опасности применения абортативных средств, чем отказать супругу или толкнуть его на путь разврата. Есть, конечно, и такие женщины, которые, находя за большие деньги готовых к услугам врачей и акушерок, прибегают к этим средствам, чтобы скрыть «падение», или чтобы избежать неудобств беременности, родов и воспитания, или просто чтобы не лишиться красоты и не утратить привлекательности в глазах мужа или вообще мужчин.

Искусственный аборт, судя по различным признакам, применяется все чаще и чаще. Его делали уже у древних народов, и ныне аборт известен как самым цивилизованным, так и самым варварским народам. Древние греки употребляли аборты часто, не встречая препятствий со стороны законов страны. Ко временам Платона было разрешено повивальным бабкам производить аборты, Аристотель же предписывает «преждевременные роды» в тех случаях, когда женщина, «вопреки всем предосторожностям, становится беременной»¹. По Жюлю Руйе, римские женщины прибегали к аборту по многим причинам. Во-первых, они хотели скрыть результат недозволенной связи, во-вторых, им хотелось безостановочно предаваться половым наслаждениям, наконец, они старались избежать изменений, которые беременность и роды производят в теле женщины². У римлян женщина в 25—30 лет считалась уже старой, и поэтому она избегала всего, что могло повредить ее наружности. В средние века аборт наказывался тяжелыми телесными наказаниями и даже смертною казнью, и свободная женщина, сделавшая себе аборт, становилась крепостной.

¹ *E. Metschnikoff, Studien über die Natur des Menschen, Leipzig 1904, S. 135.*

² *Jules Rouyer, Etudes medicales sur l'ancienne Rome, Paris 1859.*

В настоящее время аборт делается особенно часто в Турции и в Соединенных Штатах. «Турки разделяют мнение, что зародыш до пяти месяцев не является живым существом, и они без всякого зазрения совести уничтожают его. Даже в то время, когда аборт стали наказуемы, они применялись не менее часто. В течение только шести месяцев 1872 года в Константинополе было около трех тысяч случаев искусственных выкидышей»¹. Еще чаще аборт применяется в Соединенных Штатах. Во всех больших городах Союза существуют учреждения, где девушки и женщины могут устроить преждевременные роды, во многих американских газетах помещают объявления о подобных учреждениях². Об искусственном выкидыше в тамошнем обществе говорят почти так же просто, как о правильных родах. В Германии и в других европейских странах на этот счет существуют другие понятия, и германский уголовный кодекс угрожает как исполнителю этого дела, так и его помощникам возможным тюремным наказанием.

Аборт часто сопровождается очень тяжелыми последствиями; нередко он имеет смертельный исход, во многих случаях навсегда расшатывает здоровье. «Страдания самой тяжелой беременности и родов бесконечно меньше, чем болезни, происходящие от искусственного аборта»³. Бесплодие — одно из обыкновенных его следствий. Несмотря на все это, он и в Германии применяется все чаще. Так, за производство выкидышей были осуждены: с 1882 по 1886 год — 839 человек, с 1897 по 1901 год — 1565 человек, с 1902 по 1906 год — 2236 человек⁴. *Chronique scandaleuse* последних лет много раз занималась делами об абортах, вызывавшими большой шум, так как при этом играли роль видные врачи и дамы из высшего общества. Точно так же, судя по растущему числу соответствующих предложений в наших газетах, увеличивается и число мест и учреждений, где замужним и незамужним

¹ *E. Metschnikoff*, S. 134, 135.

² *P. Brouardel*, *L'avortement*, Paris 1901, S. 36 bis 39.

По официальным сведениям, в Нью-Йорке насчитывается около двухсот лиц, сделавших своей специальностью удаление плода.

³ *Ed. Reich*, *Geschichte und Gefahren der Fruchtabtreibung*, 2. Auflage, Leipzig 1893.

⁴ *Statistik des Deutschen Reiches*, 85. Band, *Kriminalstatistik für daß Jahr 1906*.

женщинам предоставляется возможность в полной тайне избежать последствий «ошибки» или «падения»¹.

Страх перед слишком большим числом детей, что связано с имеющимися материальными средствами и издержками воспитания, развил у целых классов и у целых народов применение предупредительных средств в систему, грозящую сделаться общественным бедствием. Так, общеизвестно, что почти во всех слоях французского общества придерживаются системы двух детей. В немногих культурных странах мира число браков так же велико, как во Франции, и между тем нет страны, в которой число детей в среднем было бы так мало и рост населения так ничтожен. Этой системе следуют как французский буржуа, так и мелкий горожанин, и мелкий крестьянин, к ним примыкает и французский рабочий. В некоторых местностях Германии своеобразные крестьянские условия привели к подобным же явлениям. В Юго-Западной Германии есть прелестная местность, где в саду каждого крестьянина стоит можжевелевое дерево, составные части которого употребляются как абортативное средство. В другом округе той же страны уже давно среди крестьян господствует двухдетная система: они не хотят делить свои дворы. Поразительно также, как растет и распространяется в Германии литература, где обсуждаются и рекомендуются средства для «факультативного бесплодия», конечно, всегда под «научным» флагом и с указанием на якобы грозящее перенаселение.

Наряду с абортom и искусственным воспрепятствованием зачатию играет роль и преступление. Во Франции убийства и подкидывание детей постоянно возрастают, чему способствует запрещение французским гражданским законом — искать отцовства. § 340 «Code civil», гласит: «La recherche de la paternité est interdite». Напротив, § 314 говорит: «La recherche de la maternité est admise». Разыскивать, кто отец ребенка, запрещено, разыскивать, кто мать, позволено. Закон, таким образом, совершенно открыто проявляет несправедливость по отношению к соблазнительной. Мужчины во Франции могут сколько им

¹ В Швеции на сто тысяч жителей были привлечены за преследуемый аборт к судебному разбирательству: с 1851 по 1880 год — 3,04 человека, с 1881 по 1890 год — 6,66, а с 1891 по 1901 — 19,01. F. Prinzing, Handbuch der Medizin, S. 44.

угодно совращать девушек и женщин, они свободны от всякой ответственности и не обязаны платить алименты. Эти определения изданы под тем предлогом, что женщинам надо страхом помешать совращать мужчин. Выходит, что повсюду «слабый» мужчина, этот представитель сильного пола, совращается женщинами, а сам никогда не совращает. Следствием статьи 340 гражданского кодекса была статья 312, определяющая: «L'enfant conçu pendant le mariage a pour père le mari» («Зачатый в течение брака ребенок имеет своим отцом мужа»). Раз розыски отцовства запрещены, то логически украшенный рогами супруг принужден соглашаться считать своим ребенка, зачатого его женой с другим. Французской буржуазии нельзя по крайней мере отказать в последовательности. Все попытки отменить статью 340 терпели до сих пор неудачу.

Французская буржуазия, совершив жестокость по отношению к обманутой женщине, лишенной законом права на обращение за пособием к отцу своего ребенка, постаралась ее сгладить основанием воспитательных домов. Таким образом, новорожденного отнимают не только от отца, но и от матери. По французской фикции дети воспитательных домов — сироты, и французская буржуазия своих незаконных детей воспитывает на государственный счет как детей «отечества». Превосходное учреждение! В Германии все более и более склоняются на тот же путь. Определения гражданского уложения для Германской империи содержат положения о правовых отношениях незаконных детей, отчасти противоречащие прежде действовавшему более гуманному праву. Там говорится, например, что «незаконный ребенок и его отец не считаются в родстве». Между тем еще император Иосиф II издал декрет об уравнении прав незаконных и законных детей.

«Нет отца, — говорит далее современное германское законодательство, — у незаконного ребенка, мать которого во время зачатия имела *conceptio plurium* (сношения со многими мужчинами). Ребенок оказывается наказанным за легкомыслие, слабость или бедность матери. Легкомысленных отцов закон не знает. «Мать имеет право и обязана заботиться о незаконном ребенке. Родительская власть ей не принадлежит. Отец незаконного ребенка обязан давать ребенку до исполнения 16 лет содержание, соответствующее жизненному положению матери, в том

числе и средства на воспитание и образование. Эта обязанность продолжается для отца и после шестнадцатилетнего возраста ребенка, если этот последний вследствие немощности не в состоянии сам содержать себя. Отец обязан возместить матери издержки родов, а также издержки содержания в течение первых шести недель после родов и другие необходимые расходы, как следствие беременности или родов», и т. д.

По прусскому праву, забеременевшая вне брака женщина с хорошей репутацией — незамужняя или вдова — имела право получить от виновника своей беременности сумму, соответствующую его званию и состоянию, причем эта сумма не должна была превышать четвертой части его имущества. Незаконному ребенку принадлежало право на содержание и воспитание со стороны отца независимо от того, была ли мать незапятнанной личностью, но лишь в размере того, что стоит воспитание законного ребенка лицам крестьянского или мещанского сословия. Если внебрачное половое общение произошло при обещании будущего брака, то судье предоставлялось право дать пострадавшей фамилию, сословие и титул виновника беременности и признать за ней все права разведенной жены, признанной невинной стороной; незаконный ребенок получал в этом случае права детей, зачатых в действительном браке. Все это отменено. Движение назад — таков лейтмотив нашего законодательства.

В период с 1831 по 1880 год, французский суд присяжных рассмотрел 8568 детоубийств, при этом число их с 471 в 1831—1835 годах поднялось до 970 в 1876—1880 годах. За тот же промежуток времени вынесено 1032 приговора по делам об абортах и только в 1880 году — сто приговоров¹. Разумеется, лишь ничтожнейшая часть случаев искусственного аборта дошла до суда; обыкновенно доходят до суда лишь те случаи, которые оканчиваются тяжелыми заболеваниями или смертью. Из детоубийств на деревенское население падает 75 процентов всех случаев, из случаев с абортами 67 процентов падает на городское население. Женщины в городе имеют под рукою больше средств помешать нормальным родам, поэтому здесь много

¹ *A. Pouzol, La recherche de la paternité, Paris 1902, S. 134, 471.*

случаев аборта и сравнительно мало детоубийств. В древне условия обратные. В Германии за детоубийство приговорено в 1882—1886 годах 884 человека, в 1897—1901 годах — 887, в 1902—1906 годах — 745 человек¹.

Такова картина, представляющая современное общество в его наиболее интимной жизни. Она сильно отличается от изображений, рисуемых поэтическими фантазерами, но у нее то преимущество, что она верно отражает действительность. Следует, впрочем, прибавить еще несколько характерных штрихов.

3. ВОСПИТАНИЕ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ БРАКА

В общем нет спора, что в настоящее время женский пол в среднем стоит выше мужского. Бальзак, отнюдь не друг женщин, утверждает, правда, что «женщина, получившая мужское образование, обладает в действительности самыми блестящими и плодотворными свойствами для обоснования счастья, как своего собственного, так и своего супруга», а Гёте, хорошо знавший женщин и мужчин своего времени, ядовито замечает в «Ученических годах Вильгельма Мейстера» («Признания прекрасной души»): «Высмеивали ученых женщин, не хотели терпеть и образованных, вероятно, потому, что считали невозможным стыдить такое множество невежественных мужчин». Но все это не изменяет того факта, что женщины в общем духовно стоят позади мужчин. Это различие было неизбежно, так как женщина есть лишь то, чем ее сделал ее повелитель — мужчина. На образование женщины с давних пор обращали еще меньше внимания, чем на образование пролетария, и то, что сделано, в настоящее время недостаточно. Мы живем в эпоху, когда потребность в обмене и мыслями и идеями растет во всех кругах, и пренебрежительное отношение к духовному развитию женщины представляет крупную ошибку, от которой страдает и сам мужчина.

У мужчины образование направлено на развитие рассудка, на обострение мыслительной способности, на расширение реального знания и укрепление силы воли, одним словом, на развитие функций разума; так, по крайней мере, утверждают, хотя часто применяемые средства

¹ Statistik des Deutschen Reiches, 185. Bd.

Не достигают и не могут достигнуть цели. У женщины, напротив, образование в высших кругах направлено главным образом на углубление чувствительности, это образование формальное и изящное, когда с помощью музыки, баллетристики, искусства, поэзии лишь повышается нервность и фантазия. Ничего более нелепого нельзя себе представить. Здесь видно, что власть имущие, от которых зависит образование женщины, руководятся исключительно своими предрассудками о сущности женского характера и ограниченном жизненном положении женщины. Чувства и фантазия женщины не нуждаются в еще большем развитии, которое может лишь повысить ее склонность к нервности; напротив, и в ней, как в мужчине, необходимо развивать деятельность рассудка и знакомить ее с влияниями практической жизни. Для обоих полов было бы очень полезно, если бы женщина вместо излишней чувствительности, которая иногда дает себя чувствовать слишком сильно, обладала хорошей порцией острого рассудка и точного мышления, вместо нервной раздражительности и пугливости — твердостью характера и физическим мужеством, вместо эстетического развития, насколько она вообще им обладает, — знанием мира, людей и сил природы.

В общем до сих пор чувства женщины чрезмерно развиваются, в то время как ее умственное развитие задерживается, оно сильно запущено и подавляется. Вследствие этого женщина буквально страдает гипертрофией чувств и фантазии и, будучи поэтому восприимчива ко всякому суеверию и обману в области чудес, является необычайно благодатной почвой для религиозного и всякого иного шарлатанства, а вместе с тем и покорным орудием всякой реакции. Ограниченные мужчины часто жалуются на это, но они ничего не предпринимают, чтобы изменить такое положение, так как в огромном большинстве сами по уши завязли в предрассудках.

Как уже показано, все женщины смотрят на мир по-иному, чем мужчины, и этим снова создается источник разногласий между обоими полами.

Участие в общественной жизни является ныне для каждого мужчины одною из его важнейших обязанностей; то, что многие мужчины не понимают своих обязанностей, это дела не изменяет. Во всяком случае ширится круг понимающих, что общественные учреждения находятся в са-

мой тесной связи с условиями частной жизни каждого, что благополучие и бедствие личности и семьи еще в большей степени зависит от состояния общественных учреждений, чем от личных свойств и поступков. Начинают понимать, что против недостатков, лежащих в самом порядке вещей и его определяющих, бессильно самое высшее напряжение сил отдельного лица. С другой стороны, борьба за существование требует гораздо большего напряжения, чем раньше. К мужчине в настоящее время предъявляются требования, которые все больше и больше поглощают все его время и силы. И перед ним стоит невежественная, индифферентная жена, совершенно его не понимающая. Можно даже сказать, что духовное различие между мужем и женой в настоящее время больше, чем было раньше, когда общественные отношения были проще и ближе к пониманию женщины. Далее, в настоящее время занятие общественными делами захватывает большое число мужчин в небывалом раньше размере, что развивает их кругозор, но что все более и более отвлекает их от домашнего круга. Женщина вследствие этого чувствует себя как бы отстраненной, и здесь открывается новый источник разъединения. Только в редких случаях муж считает необходимым объясниться с женой, убедить ее. Обычно же он держится того взгляда, что его стремления не касаются жены, что она этого не понимает. Он не потрудится просветить ее. «Этого ты не понимаешь», — таков стереотипный ответ мужа на жалобы жены, он ее совершенно игнорирует. Непонимание женщин поддерживается неразумием большинства мужчин. Более благоприятное отношение создается между мужем и женою у пролетариата, насколько они оба сознают, что они тянут одну лямку и что есть только одно средство для достижения достойного человека будущего — коренное общественное переустройство, которое сделает всех людей свободными. По мере того как это сознание все более распространяется среди женщин пролетариата, их брачная жизнь идеализируется, несмотря на пужду и горе. У обоих теперь общая цель, к которой они стремятся, и неистощимый источник духовного подъема в обмене мыслей, к которому ведет взаимная борьба. Число пролетарских жен, пришедших к этому сознанию, увеличивается с каждым годом. Здесь развивается движение, которое должно иметь решающее значение для будущего человечества.

В других браках различия образования и воззрений начинают чувствоваться лишь в более зрелых годах; вначале, когда господствует страсть, они еще незаметны. Но чем более гаснет половая страстность, тем больше должна она замещаться духовным единением. Но, независимо от того, имеется ли у мужчины понятие о гражданских обязанностях и исполняет ли он их, он находится, уже по самым своим занятиям и постоянному общению с внешним миром, в постоянном соприкосновении с самыми различными элементами и взглядами при самых различных обстоятельствах; он живет, таким образом, в духовной атмосфере, которая расширяет его кругозор. В противоположность жене муж постоянно духовно обогащается, а ее совершенно поглощает с утра до вечера домашняя работа, не оставляя времени для дальнейшего образования, и она духовно мельчает и чахнет.

Эту жалкую домашнюю обстановку, в которой в настоящее время живет большая часть замужних женщин, совершенно правильно рисует буржуазно мыслящий Герхард фон Аминтор в своих «Заметках на полях книги жизни»¹.

В главе «Убийственные комариные укусы» мы читаем, между прочим, следующее:

«Не потрясающие события, от которых никто не избавлен, которые приносят то смерть мужа, то моральное падение любимого ребенка, которые состоят то в долгой тяжелой болезни, то в неудаче горячо лелеемого плана, — нет, не они подрывают ее (хозяйки дома) свежесть и силу, нет, их губят мелкие ежедневные заботы, высасывающие все соки... Сколько миллионов жизнерадостных матерей семейств выварили и вымели свою жизненную бодрость, свои розовые щеки и смеющиеся ямки на службе домашним работам, пока не превратились в морщинистых, высохших, сломленных мумий. Вечно новый вопрос — «что завтра приготовить к обеду», вечно возвращающаяся необходимость мести и выколачивать, чистить и вытирать пыль — вот та вечно падающая капля, которая медленно, но верно истребляет тело и душу. Кухня — это место, где выводится печальный баланс доходов и расходов, где нарождаются принижающие дух соображения о возра-

¹ *Sam Lucas, Elberfeld.*

стающей дороговизне жизненных средств и все более затруднительном приобретении необходимых денег. На пламенном алтаре, где кипит горшок с супом, приносятся в жертву юность и непринужденность, красота и веселое расположение духа, и кто узнает в старой, согбенной от печали кухарке с гноящимися глазами когда-то цветущую, горделивую, кокетливую невесту в ее венке из мирт? Уже у древних очаг был священен, и около него они ставили своих богов-покровителей — пусть же и для нас будет священен очаг, на котором верная дому немецкая жена бюргера медленно умирает, принося себя в жертву, чтобы сохранить дом уютным, стол накрытым, семью здоровой».

Таково утешение, которое буржуазный свет преподносит женщине, гибнущей от современного порядка вещей.

Те женщины, которые благодаря их социальному положению более свободны, воспитаны обыкновенно односторонне и поверхностно, и это в соединении с унаследованными женскими свойствами характера сильно дает себя чувствовать. По большей части для них важна лишь внешность, они заботятся лишь о танцах и нарядах и ищут жизненную цель в удовлетворении испорченного вкуса и пышно расцветших страстей. Дети и их воспитанием они почти не интересуются; дети так утомляют их и надоедают им, что они предоставляют их мамкам и нянькам, а затем отдают в пансионы. Во всяком случае они считают своей задачей из дочерей сделать изящных кукол, а из сыновей — *jeunesse dorée* (золотую молодежь). Из этой золотой молодежи выходят щеголи — тот гнусный тип людей, которых можно поставить на одну ступень с сутенерами. Эта же *jeunesse dorée* составляет главный контингент совратителей дочерей рабочего народа. Безделье и мотовство она считает своим призванием.

Из разобранных выше условий сложились различные свойства женского характера, которые развивались все сильнее от поколения к поколению. Мужчины любят останавливаться на этих свойствах, но они забывают, что причина лежит в них самих, что они сами поддерживают их своим поведением. К этим столь часто порицаемым свойствам женского характера принадлежат любовь к сплетням и болтовне, стремление вести бесконечные

разговоры о ничтожных и незначительных вещах, направление мыслей на чисто внешнюю сторону, жажда наряжаться и нравиться и вытекающая отсюда погоня за всевозможными глупостями моды; далее легко возбуждается зависть и ревность к другим женщинам, склонность к неправде и способность искажать факты.

Эти свойства проявляются у всех женщин уже в юном возрасте и лишь в различной степени. Они возникли под давлением социальных условий и развиваются дальше путем наследственности, примера и воспитания. Неразумно воспитанный не может воспитывать других разумно.

Чтобы уяснить происхождение и развитие свойств полов и целых народов, необходимо прибегнуть к тем же методам, которые применяет современное естествознание, чтобы установить возникновение и развитие живых существ и их характерных особенностей. Материальные жизненные условия сильно отражаются в характерных свойствах каждого живого существа; оно принуждено приспособляться к существующим условиям жизни, и они в конце концов становятся его природой.

Что в природе относится ко всем живым существам, то относится и к человеку¹; человек не стоит вне законов природы; с физиологической точки зрения он — наиболее развитое животное существо. Этого, разумеется, не желают признать. Древние, не будучи знакомы с современным естествознанием, уже тысячи лет тому назад на многие человеческие дела смотрели разумнее, чем современные люди, а главное, они практически применяли свои взгляды, основанные на опыте. Восторженно восхваляют красоту и силу мужчин и женщин Греции, но упускают при этом из виду, что на развитие населения там благоприятно влияли не столько счастливый климат и очаровательная природа страны, с ее морем и прекрасными гаванями, сколько последовательно проведенные государством правила телесного развития и воспитания. Греки стремились соединять с красотой, силой и ловкостью тела остроту и эластичность духа. Правда, и тогда уже на женщину по сравнению с мужчиной в духовном отноше-

¹ См. мнение Крафта—Эбинге (немецкое издание книги Бебеля, 1946, стр. 162—163.— *Ред.*).

нии обращали мало внимания, но это не относится к физическому развитию¹.

В Спарте, которая шла дальше всего в телесном развитии² обоих полов, мальчики и девочки до возмужалого возраста ходили обнаженными и совместно принимали участие в физических упражнениях, играх и борьбе. Выставление обнаженного человеческого тела и естественное отношение к естественному приводили к тому, что не возникало чувственной раздражительности, которая порождается главным образом искусственным отделением одного пола от другого с юношеского возраста. Тело одного пола не было тайной для другого. Там не могло возникнуть никакой игры двусмысленностями. Природа была природой. Один пол радовался красоте другого.

И человечество должно вернуться к этому непринужденному, естественному общению полов, оно должно отбросить господствующие ныне нездоровые спиритуалистические воззрения на человека и создать методы воспитания, которые способствовали бы физическому и духовному возрождению.

У нас, особенно по отношению к женскому воспитанию, господствуют еще очень отсталые понятия. Убеждение, что женщина должна обладать силой, мужеством и решительностью, считается еретическим, все это рассматривается как «неженственное», хотя никто не может отрицать, что этими свойствами она могла бы защитить себя от многих несправедливостей и неприятностей. Ее физическое развитие точно так же, как духовное, по возможности тормозится, причем существенную роль играет и неразумная одежда. Она не только самым неподозволительным образом мешает физическому развитию женщины, она прямо губит ее, и все же очень немногие врачи решаются выступить против нее. Страх не понравиться пациентке заставляет их молчать или даже льстить ее глупостям. Современная одежда в высшей степени мешает женщине свободно пользоваться своими силами, она вредит ее

¹ Платон в своем «Государстве» требует, чтобы «женщины воспитывались подобно мужчинам», и находит необходимым внимательно произведенный половой подбор; ему, таким образом, было известно влияние полового подбора на развитие человека. Аристотель в своей «Политике» выставляет принципом воспитания: «Сначала должно быть образовано тело, а затем разум». У нас же о теле думают, если вообще думают, в последнюю очередь, а оно поставляет вооружение разуму.

здоровью и пробуждает в ней чувство немощности и слабости. Эта одежда является также опасностью для здоровья окружающих, ибо женщина и в квартире и на улице — движущийся источник пыли. Строгое разделение полов в школе и обществе, вполне соответствующее спиритуалистическим воззрениям, которые глубоко вкоренились в нас вместе с христианством, точно так же мешает развитию женщины.

Женщина, которая не может совершенствовать свои задатки и способности, заключена в узком круге идей и вращается почти исключительно среди принадлежащих к ее полу, поэтому для нее невозможно подняться над будничным и обыденным. Ее умственный кругозор ограничен тесными рамками домашней обстановки, родственных отношений и того, что с этим связано. Все это сильнейшим образом способствует бесконечной болтовне о величайших ничтожностях и склонности к сплетням, ибо живущие в женщине духовные качества требуют проявления и упражнения. Для мужа отсюда возникают неприятности, и он тогда в отчаянии проклинает свойства, которые лежат главным образом на его собственной совести, совести «главы творения».

Нельзя не признать, что в последнее время усиливается склонность к более разумному жизнепониманию. Но это только начало, и это касается небольших слоев общества.

4. БЕДСТВИЯ СОВРЕМЕННОЙ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ

Наши общественные и половые условия привязывают женщину всеми нитями ее существования к браку, и совершенно естественно, что всякие дела, касающиеся замужества и брака, составляют существенную часть ее разговоров и дум. Против мужчины у женщины, физически более слабой, по закону и обычаю подчиненной, главным орудием является язык, и, разумеется, она пользуется им. Подобным же образом обстоит дело и со столь сильно порицаемой страстью наряжаться и нравиться, страстью, которая в глупостях моды достигает ужасающей высоты и часто приносит много бед отцам и мужьям. Объяснение найти нетрудно. Женщина для мужчины прежде всего предмет наслаждения; несвободная в экономическом и общественных отношениях, она должна рассматривать брак как средство

существования, она зависит от мужа и делается частью его собственности. Ее положение становится еще более неблагоприятным вследствие того, что число женщин обыкновенно превышает число мужчин, чего мы коснемся впоследствии более подробно. Это несоответствие усиливает конкуренцию женщин между собою, которая еще более возрастает благодаря тому, что часть мужчин по разнообразным причинам не женится. Чтобы завоевать мужчину, женщина принуждена, таким образом, вступать в соперничество с представительницами своего пола, используя по возможности свои внешние достоинства.

Если принять во внимание, что показанное выше положение женщины длится многие поколения, то нет ничего удивительного в том, что при длительном влиянии одних и тех же причин это явление приобрело нынешнюю уродливую форму. К этому надо прибавить, что ни в одну из предыдущих эпох конкуренция между женщинами из-за мужчин не была так сильна, как ныне, отчасти по причинам, о которых мы уже говорили, а отчасти от того, о чем нам придется еще говорить. Точно так же и все растущие трудности добиться сносного существования и повышающиеся общественные потребности побуждают женщину больше, чем когда-либо раньше, видеть в браке средство обеспечения.

Мужчины охотно поддерживают подобное положение вещей, так как оно доставляет им известные выгоды. Их гордости, тщеславию, интересу соответствует роль господина и, как все владыки, они мало доступны доводам разума. Но тем более в интересах женщин бороться за установление такого порядка вещей, который освободил бы их из этого унижительного положения. Женщины так же мало могут рассчитывать здесь на помощь мужчин, как рабочие на помощь буржуазии.

Если принять далее во внимание, какие качества характера развивает борьба за привилегированное положение в других областях, например в промышленности, где предприниматели сталкиваются друг с другом, какими низкими и даже подлыми средствами ведется эта борьба, как пробуждается в ней ненависть, зависть и страсть к клевете, то легко понять, что и в борьбе женщин из-за мужчин появляются подобные же качества характера. Отсюда происходит, что в среднем женщины менее ладят друг с другом, чем мужчины, что даже самые близкие подруги легко

ссорятся, когда дело идет о том, чтобы привлечь мужчину, и т. д. Этим также объясняется, что совсем чужие друг другу женщины при встрече обыкновенно смотрят врагами. Они тотчас замечают друг у друга неудачно подобранные цвета, неправильно прикрепленный бант и другие столь же важные «проступки». Во взглядах, которыми они обмениваются, можно невольно прочесть приговор. Как будто одна хочет сказать другой: «А все же я умею лучше тебя наряжаться и обращать на себя все взоры».

С другой стороны, женщина по своей природе более возбудима, чем мужчина, она менее рассуждает, более самоотверженна, наивна, в ней больше страстности, которая подымает ее до поистине геройского самопожертвования, когда она вступает за своего ребенка, когда она заботится о близких, ухаживая за ними во время болезней; она в это время прекрасна. Но в фуриях эта страстность выражается самым отвратительным образом. Однако и на хорошие и на худые стороны прежде всего влияет социальное положение: оно развивает, тормозит или изменяет их. Одно и то же побуждение, которое при неблагоприятных условиях является недостатком, при благоприятных становится источником счастья как для нее самой, так и для других. Фурье принадлежит заслуга блестящего доказательства, как одно и то же побуждение человека при различных условиях дает прямо противоположные результаты ¹.

Наряду с влиянием извращенного духовного воспитания не менее важное влияние оказывает извращенное или недостаточное физическое воспитание. Все врачи согласны, что образованию женщины недостает всего того, что необходимо для нее, как матери и воспитательницы. «Солдата учат пользоваться его оружием, ремесленника — его ремесленными орудиями, каждая должность предполагает подготовку, даже у монаха есть свое послушничество. Одна только женщина не воспитывается для ее серьезных материнских обязанностей»².

Девять десятых девушек, выходящих замуж, ничего не знают о материнстве и своих обязанностях в браке. Непозволительная боязнь даже матерей говорить со взрос-

¹ *A. Bebel, Charles Fourier, sein Leben und seine Theorien, Stuttgart 1907, J. H. W. Dietz.*

² *Irma v. Troll-Borostyani, Die Mission unseres Jahrhunderts. Eine Studie zur Frauenfrage, Preßburg und Leipzig.*

лыми дочерьми о половых функциях оставляет девушек в полном неведении относительно их обязанностей по отношению к себе и будущим мужьям. Вступая в брак, женщина обыкновенно попадает в совершенно чуждую ей область; у нее о браке имеется лишь фантастическое представление, большей частью заимствованное из плохих романов и очень мало соответствующее действительности¹.

Недостаточность хозяйственных познаний, которые при современном положении вещей для брака необходимы, тоже дает повод к раздорам, хотя от многих забот, ранее считавшихся для женщины обязательными, она теперь избавлена. Одни ничего не понимают в хозяйстве, думая, что для них это слишком низко, что это дело прислуги; другим, из широких масс, мешает приготовиться к обязанностям хозяйки борьба за существование: они должны работать в мастерской или на фабрике с раннего утра до поздней ночи. Становится все более ясным, что отдельные хозяйства с развитием современных условий все более теряют почву, они являются лишь бессмысленной тратой денег и времени.

Другая причина, уничтожающая для немалого числа мужчин смысл брака, лежит в физическом развитии многих женщин. Наши условия и способы питания, помещения, работы, развлечения — одним словом, весь образ жизни скорее разрушает, чем укрепляет наши силы. С полным правом можно говорить о нервной эпохе, а нервность идет рука об руку с физическим вырождением. Малокровие и нервозность страшно распространены, особенно среди лиц женского пола. Это все более становится общественным бедствием, которое, продолжаясь в течение нескольких поколений, может погубить наш род, если не удастся нашу

¹ В «*Les femmes qui tuent et les femmes qui votent*» Александр Дюма-сын рассказывает, как одно высокопоставленное католическое духовное лицо в разговоре сообщило ему, что из ста его прежних воспитанниц, вышедших замуж, по крайней мере восемьдесят по истечении месяца приходили к нему и говорили, что они разочаровались в браке и раскаиваются, что вышли замуж. Это звучит очень невероятно. Вольтерьянски мыслящая французская буржуазия находит совершенно согласным со своею совестью воспитывать своих дочерей в монастырях, она исходит из взгляда, что невежественной женой руководить легче, чем знающей. Здесь должны возникать конфликты и разочарования. Советует же Лабуле держать женщин в умеренном невежестве, ибо «*notre empire est détruit, si l'homme est reconnu*» («наше господство разрушено, если мужчина познан»).

общественную организацию построить на более нормальных условиях развития ¹.

Женский организм, учитывая его половое назначение, требует совершенно особого ухода, хорошего питания, а в известные периоды — тщательной охраны. Но для огромного большинства женщин эти условия не выполняются, да при современном положении вещей вряд ли и могут выполняться. К тому же женщины так привыкли к лишениям, что многие из них считают, например, своей супружеской обязанностью предоставлять мужу лучшие куски, а сами довольствуются скудной пищей. Точно так же мальчиков часто питают лучше, чем девочек. Повсюду распространено мнение, что женщина может довольствоваться не только меньшим количеством, но и худшей пищей, чем мужчина. Отсюда та печальная картина, которую для сведущих людей представляет наша женская молодежь ². Большая часть наших молодых женщин физически слаба, малокровна, крайне нервна. Следствием являются неправильности менструаций, болезни органов, стоящих в связи с половым назначением, которые часто ведут к неспособности или опасности для жизни рожать или кормить грудью детей. «Если эта дегенерация наших женщин и дальше будет прогрессировать таким же образом, как до сих пор, то недалеко то время, когда станет сомнительным, можно ли и дальше причислять культурных людей к млекопитающим или нет» ³. Вместо здоровой, веселой подруги, спо-

¹ Прогрессирующий паралич (размягчение мозга) увеличивается гораздо быстрее среди женщин, чем среди мужчин. В Пруссии, например, на сто принятых больных паралитических заболеваний с душевным расстройством приходилось:

Годы	Мужчин	Женщин	Годы	Мужчин	Женщин
1876—1879	17,0	3,7	1895—1897	18,5	7,6
1880—1891	17,3	5,4	1898—1901	16,2	7,5
1892—1894	17,7	6,8			

См. *F. Prinzing*, Handbuch der medicin. Statistik, S. 177.

² Подробнее об этом смотри в книге «Das Frauenbuch», von Frau *H. S. Adams*, Dr. med., Stuttgart.

³ Dr. *F. B. Simon*, Die Gesundheitspflege des Weibes, 7. Auflage, Stuttgart 1909, J. H. W. Dietz, S. 240.

собной матери, супруги, выполняющей свои хозяйственные обязанности, муж видит перед собой больную, нервную жену, у которой врач не выходит из дома, которая не переносит ни дуновения ветра, ни малейшего шума. Не станем дальше останавливаться на этом, каждый может нарисовать себе дальнейшую картину; он найдет достаточно примеров в кругу своих родных или знакомых.

Опытные врачи уверяют, что состояние здоровья большей половины замужних женщин, особенно в городах, ненормально. В зависимости от степени болезни и характера супругов такие союзы более или менее несчастны и дают мужу в общественном мнении право на внебрачные вольности, что должно вызывать у жены, раз она об этом узнает, самое тяжелое настроение. Иногда и слишком различные половые требования одной или другой стороны дают повод к разладу, не делая, однако, возможным желанный разрыв.

При этом нельзя умолчать, что значительная часть мужей повинна в тяжелых физических страданиях, которые переносят их жены. Значительная часть мужчин вследствие разврата страдает хроническими болезнями половых органов, на которые часто смотрят слишком легко, так как они не причиняют особых неудобств. Но при половом общении с женой они порождают у нее очень неприятные и тяжелые по последствиям маточные заболевания, которые появляются тотчас после вступления в брак и часто ведут к неспособности зачатия и рождения детей. Обыкновенно несчастная жена не имеет ни малейшего представления об истинной причине своей болезни, которая ее угнетает, портит ей всю жизнь, разрушает смысл брака; она сама себя упрекает и выслушивает упреки других за то, в чем повинна другая сторона. Многие цветущие женщины тотчас после вступления в брак начинают страдать хронической болезненностью, для которой ни они сами, ни их родные не находят объяснения, так как врач должен молчать.

Как показали новейшие исследования, бывают случаи, когда вследствие гонореи в семенной жидкости мужчины отсутствуют семенные клетки и поэтому он лишен на всю жизнь возможности производить детей. Именно это является часто истинной причиной супружеского бесплодия, а не старая, удобная для господ мира традиция,

которая всегда готова взвалить вину за бездетность на женщину ¹.

Таким образом, многочисленные причины в огромном большинстве случаев делают современную брачную жизнь не тем, чем она должна быть. И потому очень сомнительна ценность советов тех ученых, которые думают покончить с эмансипационным движением женщин, указывая им исход в браке, который все более извращается нашими социальными условиями и все менее соответствует своему назначению.

¹ Dr. F. B. Simon, Die Gesundheitspflege des Weibes, S. 267. Симон посвящает этой и родственной ей теме о непонятных причинах заболеваний многих жен после свадьбы обширное исследование, в котором наши мужчины могут увидеть себя, как в зеркале.

ШАНСЫ БРАКА

1. ЧИСЛЕННОЕ СООТНОШЕНИЕ ПОЛОВ

Совет, даваемый женщине, — искать спасения в браке как ее настоящем призвании, совет, которому бессмысленно аплодирует большинство мужчин, звучит издевательством, когда и советник, и аплодирующие сами делают противоположное. Философ Шопенгауэр во взглядах на женщину и ее положение не подымается над обыкновенным мещанином. Он говорит: «Женщина не призвана к крупным работам. Ее характеризует не дело, а страдание. Она уплывает жизненный долг муками родов, заботами о ребенке, подчиненностью мужу. Ей отказано в наиболее могучих выражениях жизненной силы и ощущениях. Ее жизнь должна быть тише и незначительнее, чем жизнь мужчины. Она призвана быть детской нянькой и воспитательницей, ибо в ней самой много ребяческого, она всю жизнь остается большим ребенком, чем-то средним между ребенком и женщиной, который один — настоящий человек... Девушки должны воспитываться для домашнего хозяйства и подчиненности... Женщины — самые основательные и самые неизлечимые филистеры».

В духе Шопенгауэра написано сочинение Ломброзо и Ферреро: «Женщина как преступница и проститутка»¹. Нам не приходилось встречать научного сочинения такого объема — в нем 590 страниц, — в котором было бы так мало доказательного материала. Статистический материал большей частью очень беден, но из него делаются самые смелые выводы. Нередко авторам достаточно дюжины случаев, чтобы прийти к самым решительным заключениям. Характерно, что наиболее ценный материал заимствован у женщины — доктора Тарновской. Влияние социальных отношений, культурного развития оставлено совершенно без внимания, все обсуждается с односторонней физиологически-

¹ *Lombroso und Ferrero, Das Weib als Verbrecherin und Prostituierte, Hamburg 1894.*

психологической точки зрения, при этом в доказательство вплетено много этнографических сведений о различных народностях, но без сколько-нибудь глубокого исследования их значения. Для авторов, как и для Шопенгауэра, женщина — большое дитя, *l'gune par excellence*¹, слабая в суждениях, неустойчивая в любви, неспособная ни на какой истинно героический поступок. Что женщина стоит ниже мужчины, доказывается физическими различиями и качествами. «Любовь женщины в основе не что иное, как побочный характер материнства, все чувства, привязывающие женщину к мужчине, вытекают не из половых импульсов, но из приобретенных путем приспособления инстинктов подчиненности и преданности»².

Как приобретены эти «инстинкты» и как они совершенствовались, этот вопрос авторы оставляют без анализа; они тогда должны были бы исследовать социальное положение женщины в течение целых тысячелетий, которые сделали из нее то, что она представляет теперь. Авторы описывают, правда, состояние рабства и зависимости, в котором женщины находились у различных народов и в различные культурные периоды, но, как и дарвинисты, надевшие наглазники, они все выводят из физиологических, а не из общественных и экономических причин, которые сильнейшим образом влияют на физиологическое и психологическое развитие женщины.

Авторы говорят и о суетном тщеславии женщин и высказывают взгляд, что у народностей, стоящих на низшей культурной ступени, суетно-тщеславным полом являются мужчины, как это еще и теперь видно на Новых Гебридских островах, на Мадагаскаре, у народов Ориноко, на многих островах Полинезии и у целого ряда африканских племен и народов южных морей. Напротив, у народов высшей культурной ступени тщеславным полом являются женщины. Но почему и откуда это? Ответ найти нетрудно. У народов на более низкой культурной ступени господствуют или еще далеко не исчезли отношения материнского права. Роль, которую при этих отношениях играет женщина, делает для нее излишним добиваться благосклонности мужчины, мужчина заискивает перед женщиной и с этой целью украшает себя и становится суетно-тщеславным.

¹ *par excellence* (фр.) — по преимуществу. — *Ред.*

² *Lombroso und Ferrero*, S. 140.

У народов на высшей культурной ступени и особенно у всех цивилизованных народов, за немногими исключениями, не мужчина ищет женщину, а женщина мужчину, и хотя лишь в редких случаях женщина берет инициативу и предлагает себя мужчине — это запрещает ей так называемое приличие, — но фактически предложение делается всем ее поведением, одеждой, украшениями, которые она выставляет, искусством наряжаться, показывать себя в обществе и кокетничать. Женщин больше сравнительно с мужчинами, и социальная необходимость смотреть на брак как на средство существования или как на единственное условие удовлетворения половой потребности и приобретения положения в обществе вынуждает их к такому поведению. Таким образом, и здесь опять-таки чисто экономические и социальные причины то у мужчины, то у женщины вызывают свойство, которое обыкновенно считают совершенно независимым от социальных и экономических причин. Из этого вытекает далее, что, как только общество достигнет таких социальных условий, при которых прекратится всякая зависимость одного пола от другого и оба пола будут свободны, исчезнут суетное тщеславие и модные глупости вместе со многими другими недостатками, которые мы теперь считаем неискоренимыми, так как они будто бы врождены человеку.

Что касается специально Шопенгауэра, то он, как философ, судит о женщине так же односторонне, как большинство наших антропологов и медиков, которые видят в ней лишь половое существо, но никогда не замечают в ней существа общественного. Шопенгауэр к тому же не был женат, следовательно, со своей стороны не сделал ничего, чтобы женщина уплатила жизненный долг, который он ей приписал. И тут мы подходим к другой стороне медали, которую ни в коем случае нельзя назвать более красивой.

Многие женщины не выходят замуж потому, что не могут этого сделать; это знает всякий. Обычай запрещает женщине предлагать себя; чтобы выйти замуж, она должна ждать, чтобы ее выбрали, сама она не должна выбирать. Если не находится жениха, то она попадает в ряды многочисленной армии тех несчастных, которые не выполнили своего жизненного назначения и при отсутствии материальной обеспеченности впадают в нужду и нищету и часто бывают предметом насмешек. Но откуда происходит численное несоответствие между полами? У многих ответ быстро

готов: родится слишком много девочек. Но утверждающие это плохо осведомлены о действительном положении дел. Другие, на основании того факта, что в большинстве культурных государств женщин больше, чем мужчин, приходят к заключению, дескать, худо ли это или хорошо, а приходится разрешить полигамию (многоженство). Но полигамия не только противоречит нашим нравам, но и является для женщины унижением, что, конечно, не мешает Шопенгауэру при его презрительном отношении к женщине заявить, что «в общем для женского пола полигамия — благодетель».

Многие мужчины не женятся, считая, что они не могут прилично содержать одну жену и детей. Но двух жен содержать возможно лишь незначительному меньшинству, и многие из этого меньшинства имеют двух и более жен — одну законную и одну или несколько незаконных. Эти привилегированные благодаря своим деньгам делают то, что им угодно.

И на Востоке, где полигамия уже тысячелетия существует и по закону и по обычаям, сравнительно немногие мужчины имеют более одной жены. Говорят о развращающем влиянии турецкой гаремной жизни. Но при этом упускают из виду, что она доступна лишь ничтожной части мужчин, представителям господствующего класса, масса же живет в единобрачии. В городе Алжире в конце шестидесятых годов из 18 282 браков не менее 17 319 были с одной женой, в 888 браках было две жены и только в 75 — более двух жен. Константинополь, главный город Турецкой империи, не должен дать существенно отличающихся данных. Среди сельского населения на Востоке отношение в пользу единобрачия еще поразительнее. На Востоке, как и у нас, учитываются материальные условия, которые принуждают большинство мужчин ограничиваться одной женой¹. Но если бы они и были для всех мужчин одинаково благоприятны, то и тогда полигамия не была бы осуществима, так как не хватало бы женщин. При нормальных условиях почти равное число лиц обоих полов почти повсюду приводит к единобрачию.

¹ Что касается полигамии, то она в общем имеет в Индии лишь умеренное распространение. Во всем государстве приходится, по переписи 1901 года, касающейся представителей всех религий, на тысячу женатых мужчин 1011 замужних женщин. Нарушение моногамического равновесия полигамией здесь незначительно. *G. v. Mayr, Statistik und Gesellschaftslehre, 3. Band, S. 77.*

В доказательство мы приводим здесь таблицы, опубликованные Бюхером в его работе, помещенной во «Всеобщем статистическом архиве»¹.

	Мужской пол	Женский пол	Вообще население	На каждую тысячу мужчин приходится женщин
Европа . . .	170 818 561	174 914 119	345 732 680	1 024
Америка . . .	41 643 389	40 540 386	82 183 775	973
Азия	177 648 044	170 269 179	347 917 223	958
Австралия . .	2 197 799	1 871 821	4 069 620	852
Африка . . .	6 994 064	6 771 360	13 765 424	968
	399 301 857	394 366 865	793 668 722	988

Результат этой сводки должен многих удивить. За исключением Европы, где в среднем на тысячу лиц мужского пола приходится 1024 лица женского пола, во всех остальных частях света замечается явление как раз обратное. Если даже принять, что в других частях света подсчет особенно недостаточен по отношению к женскому полу, что, например, во всех странах с магометанским населением число женщин указано ниже действительного, то все же несомненно, что, за исключением отдельных европейских стран, число лиц женского пола нигде не превышает значительно числа мужчин.

Между тем королевское статистическое бюро в Берлине, обрабатывая данные о населении земли за 1900 год, дало новые числа для европейских и внеевропейских стран, которые распространяются на 838 миллионов человек. «Принимая во внимание, что сюда не вошла численность населения Италии, Боснии, Герцеговины, Коста-Рики, Аргентины, Трансвааля, Оранжевой республики, Кипра, Тайваня и Пескадора, нужно заключить, что число это поднимется приблизительно до 882 миллионов, причем на тысячу мужчин приходится в среднем 991 женщина. Для указанного населения земли можно принять

¹ *Karl Bücher, Über die Verteilung der beiden Geschlechter auf der Erde. Vortrag, gehalten am 6 Januar 1892 im Verein für Geographie und Statistik zu Frankfurt a. M. Allg. Statistisches Archiv. Herausgegeben von Dr. G. Mayr, 2. Jahrgang, Tübingen 1892.*

приблизительно почти одинаковые количества мужчин и женщин с минимальным перевесом мужчин»¹.

Иначе обстоит дело в Европе, которая нас особенно интересует. Здесь, за исключением юго-восточных государств — Боснии и Герцеговины, Сербии, Болгарии, Румынии и Греции, везде женское население преобладает над мужским. Из великих европейских держав это отношение всего благоприятнее в Венгрии и Италии — на тысячу мужчин приходится 1009—1010 женщин; близка к ним Бельгия, где на тысячу мужчин приходится 1013 женщин. Напротив, Португалия (1093) и Норвегия (1082) дают неблагоприятное отношение. К ним приближаются Великобритания и Ирландия: на тысячу мужчин — 1063 женщины. Франция, Германия, Австрия и Россия занимают среднее место, там на тысячу мужчин соответственно приходится: 1033, 1032, 1035 и 1029 женщин².

В Германии за последние двадцать лет отношение между женским и мужским населением с каждой народной переписью представляется все более благоприятным. На 1 декабря 1885 года женского населения было на 988 376 лиц более, чем мужского, по народной переписи на 1 декабря 1890 года, этот излишек увеличился еще на 966 806, в 1895 году — на 957 401, в 1900 году — на 892 684, а по народной переписи на 1 декабря 1905 года, он уменьшился до 871 916 (1029 женщин на тысячу мужчин). Главная причина падения этой разности заключается в сильном уменьшении переселения; в которой мужской пол участвует в преобладающем большинстве. Это ясно видно из отношения полов в Североамериканских Соединенных Штатах, куда стекается главный поток переселенцев и где такой же большой недостаток в женщинах, как в Германии излишек (на тысячу мужчин приходилось в 1900 году только 953 женщины). Переселение из Германии уменьшилось с 220 902 в 1881 году до 22 073 в 1901 году и 19 883 в 1908 году.

Более сильная эмиграция мужчин по сравнению с женщинами обуславливает, следовательно, разность между числом лиц обоих полов. Таким образом, и Италия, пред-

¹ G. v. Mayr, S. 36 bis 37. К тем же выводам приходит и доктор Schnapper-Arndt («Sozialstatistik», Leipzig 1908, S. 105): «В общем и целом между обоими полами должно получиться почти равенство».

² По данным G. Schnapper-Arndt, S. 107 bis 108, на основе новых итогов переписи — в основном в конце столетия.

ставлявшая еще в начале сороковых годов страну с числен-ным преобладанием мужчин, благодаря необыкновенно сильной эмиграции превратилась в страну с преобладанием женщин.

Далее, мужчины гораздо более подвергаются несчаст-ным случаям, нежели женщины, в сельском хозяйстве, в занятиях ремеслом, в промышленности и торговле, кроме того, гораздо большее число мужчин, чем женщин, вре-менно находится в отлучке — купцы, моряки, матросы и т. д.

Другое особенно значительное и статистически дока-занное явление заключается в том, что женщины в сред-нем живут дольше, чем мужчины, и потому в более пре-клонных возрастах встречается больше женщин, чем муж-чин. Перепись 1900 года показывает возрастные отношения обоих полов следующим образом:

В возрасте	Мужчин	Женщин	Превы-шение мужчин	Превы-шение женщин	Перевес женщин
Моложе 10 лет .	6 904 732	6 871 599	33 133	—	—
От 10 до 15 лет .	2 925 918	2 912 573	13 345	—	—
» 15 » 21 » .	3 179 813	3 162 448	17 365	—	—
» 21 » 30 » .	4 251 204	4 293 775	—	42 571	—
» 30 » 40 » .	3 669 650	3 731 556	—	61 900	—
» 40 » 50 » .	2 770 451	2 923 228	—	152 777	—
» 50 » 60 » .	2 053 085	2 320 273	—	267 188	—
» 60 » 70 » .	1 300 637	1 545 808	—	245 171	—
» 70 лет и старше	681 751	868 671	—	186 920	—
	27 737 247	28 629 931	63 843	956 527	892 684

Эта таблица показывает, что до 21 года число мальчиков превышает число девочек ¹, а это обуславливается глав-ным образом тем, что везде рождается больше мальчиков, чем девочек; так, например, в Германской империи родилось:

¹ По переписи 1890 года, превышение мальчиков имелось толь-ко в возрасте до 10 лет, а по переписи 1895 года — в возрасте до 16 лет.

В 1872 году на 100 девочек	106,2	мальчиков
» 1884 » » 100 »	106,2	»
» 1900 » » 100 »	106,0	»
» 1905 » » 100 »	106,3	»
» 1907 » » 100 »	106,3	»

Но мужской пол умирает раньше, чем женский, и уже в детском возрасте умирает больше мальчиков, чем девочек.

На сто человек мужского и женского населения в среднем умирало:

За годы	Мужчин	Женщин
1872—1875	29,5	26,3
1876—1880	27,8	24,5
1881—1885	27,3	24,2
1886—1890	25,8	23,1
1891—1895	24,6	22,1
1896—1900	22,6	20,0
1901—1905	21,0	18,8 ¹

Вышеприведенные таблицы показывают, что как раз в брачном возрасте между 21—50 годами женщины количественно превышают мужчин на 257 248 (в 1890 году — на 422 519), а в возрасте от 50 до 70 и старше — даже на 699 279 (в 1890 году — на 566 400). Как в Англии, так и в Германии ежегодно растет количество старух.

Очень большое несоответствие между мужским и женским полом, растущее из года в год, наблюдается и у вдовствующих и разведенных. По переписи 1890 и 1900 годов, число овдовевших составляло:

	1890 г.	1900 г.
Мужчин	774 967	809 238
Женщин	2 157 870	2 352 921
Больше женщин на	1 382 903	1 543 683

¹ Das Deutsche Reich in gesundheitlicher und demographischer Beziehung, Berlin 1907, S. 29. В 1907 году на сто умерших женщин приходилось 109,3 мужчин.

Из этих овдовевших были в возрасте:

	1890 г.		1900 г.	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин
40—60 лет . .	222 286	842 920	225 191	900 357
60 и старше .	506 319	1 158 712	537 116	1 299 905

Число разведенных мужчин было в 1890 году — 25 271, а женщин — 49 601; в 1900 году — 31 279 мужчин и 60 738 женщин; по возрасту они делились так:

	1890 г.		1900 г.	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин
40—60 лет . .	13 825	24 842	16 976	30 385
60 и старше .	4 917	7 244	5 713	8 452

Эти числа показывают нам, что вдовствующие и разведенные женщины в значительной степени исключены из вторичного замужества, и притом в наиболее зрелом возрасте, так как в возрасте 15—40 лет вдовых мужчин в 1890 году было 46 362, в 1900 году — 46 931; женщин в 1890 году — 156 235, в 1900 году — 152 659; разведенных мужчин в 1890 году — 6 519, в 1900 году — 8 590; разведенных женщин в 1890 году — 17 515, в 1900 году — 21 901.

Здесь цифрами доказано, как печально отражается развод на разведенных женщинах.

Среди холостяков было в 1890 году в возрасте:

	Мужчин	Женщин
От 15 до 40 лет . .	6 700 352	5 824 464
» 40 » 60 » . .	426 388	503 406
» 60 и старше . .	141 416	252 134 ¹

Следовательно, в возрасте от 15 до 40 лет холостых мужчин было на 875 888 человек больше, чем женщин, что,

¹ Statistik des Deutschen Reiches, Die Volkszählung am 1. Dezember 1900 im Deutschen Reiche, 150. Band, S. 98 bis 99.

казалось, должно бы быть очень благоприятно для последних. Но мужчины не могут, за редкими исключениями, жениться в возрасте 15—21 года, а таковых было 3 175 453 на 3 064 567 женщин. Точно так же и большая часть мужчин в возрасте от 21 до 25 лет не в состоянии обзавестись семьей — возьмем хотя бы военных, студентов и т. д., — в то время как женщины в этом возрасте все могут выходить замуж. Возьмем, далее, мужчин, из которых значительное число по различным причинам вообще не женятся, число холостых мужчин в возрасте более 40 лет составляло 567 814; к ним нужно прибавить еще число вдовствующих и разведенных. Этим мужчинам противостоят 812 181 незамужних женщин. Если к ним причислить еще вдовствующих и разведенных, в общем свыше двух миллионов, то окажется, что в деле заключения браков положение женского пола очень неблагоприятно. Большое число женщин при настоящих условиях вынуждено, следовательно, отказываться от нормального удовлетворения половой потребности, в то время как мужчины ищут и находят это удовлетворение в проституции. Положение женщины было бы совершенно иное, если бы с преобразованием наших социальных условий были устранены препятствия, мешающие в настоящее время многим тысячам мужчин вступить в брак.

Как уже было сказано, значительное изменение соотношения между мужчинами и женщинами объясняется переселениями за море. Военская повинность также заставляет многих молодых мужчин, а именно самых сильных, уезжать за границу. В 1900 году, по официально представленному рейхстагу обзору об итогах пополнения армии, было осуждено 135 168 человек за недозволенную эмиграцию и 13 055 находились по этому же обвинению под следствием. Эти люди относятся к возрасту до 45 лет. Потеря, вытекающая из этого недозволенного выселения мужчин, очень значительна для Германии. Особенно сильно бывает выселение после больших войн, как это проявилось после 1866 года и в 1871—1874 годах.

Большие потери среди мужчин происходят от несчастных случаев. В Пруссии количество потерпевших со смертельным исходом составило в 1883—1905 годах не менее 297 983 человек (из них в 1905 году — 11 792 мужчины и 2 922 женщины). В течение 1886—1907 годов количество убитых на предприятиях, где обязаны заботиться об ох-

ране труда, — в промышленности, сельском хозяйстве, государственных и коммунальных предприятиях, — составило 150 719 человек, из которых очень небольшая часть женщин. Другая значительная часть занятых в этих предприятиях лиц вследствие несчастных случаев делается на продолжительное время калеками и не способна основать семью (в 1886—1907 годах — 40 744), другие умирают преждевременно и оставляют свою семью в нужде и бедности. Большая смертность среди мужчин связана также с мореплаванием. В период с 1892 до начала 1907 года погибло 2848 кораблей, а вместе с ними 4913 человек из экипажа, за редким исключением — мужчины, и 1275 пассажиров.

Когда человеческая жизнь будет цениться по своей полной стоимости — а это будет осуществлено на самом деле лишь в социалистическом обществе, — можно будет предотвратить большую часть несчастных случаев, в том числе и при морских переездах. В бесконечном числе случаев человеческие жизни или целостность человеческого организма приносятся в жертву малоуместной бережливости класса предпринимателей, во многих других случаях причина лежит в спешке и переутомлении при работе. Человеческое мясо дешево; гибнет рабочий, но находят другие, которые заступают на его место.

Особенно безответственно ведется хозяйство в области судоходства. Разоблачения Плимзоля в английском парламенте в середине семидесятых годов установили, что многочисленные судовладельцы из-за преступной жадности наживы высоко страхуют негодные к плаванию суда и бессовестно дают им погибнуть вместе с экипажем при малейшем несчастном случае на море, чтобы получить высокие страховые премии. Это так называемые суда-гробы, которые неизвестны и в Германии. Не проходит года, чтобы морским чиновникам не приходилось по поводу большого числа кораблекрушений устанавливать, что виною несчастья является или ветхость, или перегрузка, или неудовлетворительное состояние, или недостаточная экипировка судна, или большинство этих причин, вместе взятых. Во многих случаях при кораблекрушении вообще невозможно установить причину несчастья, так как оно происходит в открытом море и не остается никого в живых, кто бы мог выяснить причину гибели. Как раз в этой области преступные злоупотребления особенно тяжелы. Предохранительные

меры, устроенные на берегах для спасения людей в случае кораблекрушения, также еще очень неудовлетворительны и недостаточны, потому что устройство их зависит почти исключительно от частной благотворительности. Совершенно плохо поставлено дело спасения потерпевших кораблекрушение вдали от родных берегов. Общественное устройство, ставящее своей высшей задачей способствовать благу всех, позаботится о том, чтобы все эти несчастные случаи были как можно более редкими. Но существующая экономическая система грабежа в целях наживы губит нередко человеческую жизнь, даже если можно получить при этом прибыль хоть в один талер.

.2. ПОМЕХИ И ПРЕПЯТСТВИЯ К БРАКУ. ЧИСЛЕННЫЙ ПЕРЕВЕС ЖЕНЩИН

Но существуют еще другие моменты, затрудняющие заключение брака или делающие его невозможным. Значительному числу мужчин государство препятствует вступать в брак. Возмущаются безбрачием, возложенным на католическое духовенство, но не выражают порицания по поводу осуждения на безбрачие гораздо большего числа солдат. Офицеры не только должны просить у своего начальства позволения вступать в брак, они ограничены даже в свободном выборе жены, которая должна иметь известный капитал. Так, например, в 1889 году австрийский офицерский корпус был общественно «улучшен». С тех пор офицер как жених повысился в цене. Капитан в возрасте старше 30 лет повысился на целые 8 тысяч гульденов, между тем как за капитана моложе 30 лет с трудом можно выйти замуж, так как необходимо иметь приданое по крайней мере в 30 тысяч гульденов. Прежде если офицер, перешедший тридцатилетний возраст, хотел жениться, то он был обязан представить общий капитал в 12 тысяч гульденов или иметь добавочный доход в 600 гульденов и даже при этом небольшом добавочном доходе иногда смотрели сквозь пальцы, если офицер не мог представить достаточных доказательств о состоятельности, и делали облегчения. Новые предписания для вступления в брак более строги. Капитан в возрасте до 30 лет должен теперь представить залог в 30 тысяч гульденов, свыше 30 лет — 20 тысяч гульденов, штабс-офицер до полковника — 16 тысяч гульденов,

к тому же только четвертая часть полковых офицеров может быть женатой; от невесты требуется безупречная домашняя жизнь и положение, соответствующее званию жениха. Это касается строевых офицеров и военных врачей. Для других военных чиновников в офицерском звании новые правила вступления в брак несколько смягчены, но для офицеров генерального штаба они еще суровее. Офицеру генерального штаба впоследствии совсем нельзя будет жениться: капитан генерального штаба моложе 30 лет должен будет иметь залог в 36 тысяч, а позже — в 24 тысячи гульденов. В Германии с 1902 года вошли в силу следующие постановления: просить позволения вступить в брак офицеры или военные врачи, получающие жалованье ниже капитанского по первому классу, могут только в том случае, если будет раньше удостоверено, что у данного офицера или военного врача имеется *вне-служебный доход*, который должен составлять у капитана (ротмистра), находящегося на жалованье второго класса, и у окружного офицера сельской жандармерии с жалованьем 4500 марок ежегодно по крайней мере 1500 марок, у жандармского офицера с жалованьем 3300 марок — 2100 марок, у обер-лейтенанта и лейтенанта включительно до обер-егеря и фельдъегеря конного фельдъегерского корпуса — ежегодно 2500 марок. Что касается постановлений, препятствующих вступить в брак, то они распространены также и на унтер-офицеров, которые должны просить разрешения на вступление в брак у своего начальства. Все это является ярким доказательством материалистического воззрения государства на брак.

В основном общественное мнение придерживается того взгляда, что мужчины до 24 или 25 лет не должны были бы жениться ввиду того, что буржуазная самостоятельность приобретает ими обыкновенно лишь в этом возрасте. Только для лиц состоятельных и не нуждающихся в том, чтобы завоевывать себе независимое положение, например для лиц княжеского происхождения, считается в порядке вещей, если мужчина в 18 или 19 лет, а девушка в 15 или 16 вступают в брак. Князь считается и в 18 лет совершеннолетним и вместе с этим способным управлять многочисленным народом. Обыкновенные смертные достигают своего совершеннолетия лишь в возрасте 21 года.

Такое различие во взглядах на возраст, в котором брак желателен, показывает, что здесь играют роль только

социальные причины, не имеющие никакого отношения к человеку как половому существу. Но естественная потребность независима от социальных условий и вытекающих из них воззрений. Раз только человек достиг зрелости, половая потребность выступает в полной силе.

Достижение женщиной половой зрелости различно в зависимости от индивидуума, климата и образа жизни. В жарком поясе она достигается в возрасте от девяти до десяти лет, и там можно встретить женщин в этом возрасте, носящих на руках своего первенца, но эти женщины уже в возрасте от 25 до 30 лет начинают стариться¹. В умеренном поясе наступает обыкновенно половая зрелость в возрасте от 14 до 16 лет, в иных случаях еще позже, у девушек появление половой зрелости различно в городах и в деревне. У здоровых, крепких, много работающих деревенских девушек в среднем менструация появляется позже, чем у наших худосочных, изнеженных, нервных, эфирных городских барышень. Там половая зрелость обыкновенно развивается нормально, здесь нормальное развитие — исключение; обыкновенно появляются всевозможные болезненные явления, нередко приводящие врача в отчаяние. Как часто врачи принуждены говорить, что самым основательным лечением является брак. Но как применить это средство? Непреодолимые препятствия мешают выполнению этого предложения.

Все это показывает, где можно искать изменения. С одной стороны, надо совершенно изменить физическое и духовное воспитание человека, с другой — надо создать совершенно иной образ жизни и труда. Создать это для всех возможно только при совершенно измененных социальных условиях.

Наши социальные условия создали глубокое противоречие между человеком как существом половым и человеком как существом общественным. Это противоречие ни в одной из предыдущих эпох не было так заметно, как в настоящее время, и оно породило массу зол и болезней, от которых страдает главным образом женский пол. Во-первых, женский организм в гораздо большей степени, чем мужской, связан с его половым назначением и находится под его влиянием — например, регулярное появление менструаций, —

¹ *E. Metschnikoff*, Studien über die Natur des Menschen, Leipzig 1904, S. 118 bis 119.

затем для женщины создается больше препятствий естественному удовлетворению ее сильнейшей потребности. Это противоречие между естественной потребностью и общественным препятствием для ее удовлетворения ведет к неестественности, к тайным порокам и эксцессам, которые разрушают всякий недостаточно сильный организм.

Противоестественное удовлетворение потребности поощряется иногда самым бесстыдным образом. Отнюдь не скрыто рекламируются известные фабрикаты, объявления о которых помещаются в газетах и журналах, проникающих в семью. Эти рекламы рассчитаны преимущественно на состоятельную часть общества, так как цены этих фабрикатов так высоки, что несостоятельный человек едва ли может их приобрести. Рука об руку с этими объявлениями идет рассчитанное на лиц того или другого пола предложение порнографических картин (в особенности целых фотографических серий), поэтических и прозаических сочинений подобного же содержания, уже самые названия которых рассчитаны на половое возбуждение и вызывают преследование со стороны полиции и прокуратуры. Но и у полиции, и у прокуратуры слишком много дела с социал-демократией, разрушающей «культуру, брак и семью», чтобы они могли относиться к этой торговле с достаточным вниманием. Часть нашей беллетристики работает в том же направлении. И надо еще удивляться, что половые эксцессы, искусственно возбуждаемые, не достигли степени социальной болезни.

Праздная, сытая жизнь многих женщин состоятельных классов, применение изысканных средств для возбуждения нервов, пресыщение себя известного рода искусством, которое возвращается тепличным образом женщинами, страдающими гипертрофией чувственности и нервного возбуждения, все это считается самым благородным средством развлечения и образования. Все это усиливает половые возбуждения и неизбежно ведет к эксцессам. У женщин бедных некоторые виды усиленной работы, особенно в сидячем положении, благоприятствуют скоплению крови в половых частях и ведут к половому возбуждению. Одним из опаснейших занятий в этом отношении является столь распространенная в настоящее время работа на швейной машине. При десяти-двенадцатичасовой ежедневной работе она распатывает самый сильный организм в течение немногих лет. Чрезмерные половые возбуждения

вызываются также продолжительной работой в мастерских с постоянно высокой температурой, например на сахарных и свинцовых заводах, а также ночной работой при газовом свете в переполненных помещениях, особенно при совместном труде обоих полов.

Это опять-таки целый ряд явлений, ярко освещающих неразумие и нездоровье наших современных условий. И это зло, глубоко коренящееся в наших социальных условиях, не может быть устранено ни моральными проповедями, ни паллиативными средствами, которые всегда наготове у социальных и религиозных знахарей и знахарок. Надо вырубить зло с корнем. Дело идет о том, чтобы создать социальные условия с соответствующим природе воспитанием, с здоровым образом жизни и занятий и с возможностью для каждого удовлетворять свои естественные, здоровые потребности.

Для мужчины не существует целого ряда препятствий, тяготеющих над женщиной. Благодаря своему господствующему положению он может делать свободный выбор в любви, поскольку социальные условия ему не препятствуют. Характер брака как благотворительного учреждения, большее число женщин, чем мужчин, обычаи — все препятствует женщине проявлять свою волю и заставляет ее выжидать, пока кто-нибудь ее выберет. Обыкновенно она охотно хватается за всякую возможность найти мужа, который спас бы ее от общественного пренебрежения, выпадающего на долю бедным старым девам. Она часто презрительно смотрит на тех из своих сестер, которые из чувства человеческого достоинства не продают себя первому встречному для брачной проституции и предпочитают одиноко идти по тяжелому жизненному пути.

С другой стороны, мужчина, желающий найти удовлетворение своей любовной потребности в браке, большей частью связан общественными рамками. Он должен задать себе вопрос: в состоянии ли ты прокормить жену и могущих родиться детей так, чтобы избежать тяжелой нужды? Чем идеальнее его взгляды на брак, чем решительнее он думает жениться по любви, тем серьезнее он должен задать себе этот вопрос. Для многих при настоящих трудовых и имущественных отношениях утвердительный ответ на этот вопрос является невозможным, они предпочитают оставаться неженатыми. Другие, менее добросовестные, руководятся иными соображениями. Тысячи мужчин достигают

сравнительно поздно соответствующего их требованиям самостоятельного положения, но прокормить жену «соответственно их положению» они в состоянии лишь в том случае, если у последней имеется достаточный капитал. Конечно, многие молодые люди имеют преувеличенное понятие о так называемой соответствующей положению жизни, но они должны быть подготовлены к тому, что жены вследствие ложного воспитания и ложных социальных привычек могут предъявить к ним требования, которые они не в силах выполнить. Они редко встречают хороших, скромных женщин, которые держатся в стороне и не появляются там, где обыкновенно ищут невест. А те, с которыми они встречаются, нередко стараются подействовать на мужчину больше внешностью и обмануть его относительно своих личных качеств и материального положения. Всевозможные средства заманивания применяются тем усерднее, чем больше эти дамы вступают в возраст, когда приходится спешить с выходом замуж. Если удастся такой даме поймать себе мужа, то, привыкнув к представительству, нарядам, внешнему блеску, дорогим удовольствиям, она не хочет от всего этого отказываться и в браке. Здесь для мужчин раскрывается пронасть, так что многие предпочитают пройти мимо цветка, растущего на ее краю, чем сорвать его с опасностью сломать себе шею. Они одиноко идут по своему пути и ищут себе развлечения и удовольствия, сохраняя свою свободу. Обман и подлог практикуются везде в буржуазном обществе, и нет ничего удивительного в том, что они пускаются в ход также при заключении браков, создавая, раз это удается, тяжелые несчастья для обеих сторон.

Статистика показывает, что социально обеспеченные и образованные классы должны вступать в брак в среднем в более позднем возрасте, чем низшие. Так, в Копенгагене (по Вестергаарду) в среднем брачный возраст в период 1878—1882 годов был для лиц свободных профессий, фабрикантов, крупных торговцев и банкиров до 32,2 года; для ремесленников и мелких торговцев — 31,2; для приказчиков и служащих — 29,7; для кельнеров и посыльных — 28; для фабричных рабочих, матросов и поденщиков — 27,5. В Пруссии в 1881—1886 годах брачный возраст для мужчин в среднем был: для горнорабочих — 27,6; для фабричных рабочих — 27,7; рабочих по металлу — 28; для рабочих каменной промышленности — 28,2; строительной — 28,6; деревообделочной — 28,7; машиностроительной — 29; в

сельском хозяйстве — 29,6; транспортной промышленности — 30; торговли — 30,9; здравоохранения, церкви и чиновников — 31,8 — 33,4. В Англии возраст заключения браков среди образованных и независимых составлял, по Анселю, в 1840—1871 годах в среднем 29,95 года, но с тех пор он для этих классов повысился. Средний возраст заключения браков для различных профессий составлял в 1880—1885 годах для

Горнорабочих	23,56	года
Рабочих ткацкой промышленности .	23,88	»
Сапожников и портных	24,42	»
Ремесленников	24,85	»
Поденщиков	25,06	»
Приказчиков	25,75	»
Мелких продавцов	26,17	»
Арендаторов	28,73	»
Свободных профессий и раптье . .	30,72	»

Эти числа опять-таки ясно показывают, насколько заключение брака зависит от социального положения. Если в большинстве европейских государств средний возраст вступления в брак в последние десятилетия XIX столетия несколько понизился, то это является последствием усиленной индустриализации общества. Так, в Германской империи, Австрии и Швеции увеличение числа молодых браков связано со значительным увеличением числа промышленных рабочих. Напротив, в старых промышленных странах, Англии и Франции, возраст вступления в брак повысился. Исключение составляет Россия, где повышение возраста вступления в брак является следствием вытеснения общинного владения.

Число мужчин, избегающих брака по самым различным причинам, постоянно увеличивается. И притом мужчины из так называемых высших сословий чаще не женятся, во-первых, потому, что они ставят слишком высокие требования, во-вторых, потому, что они и вне брака находят себе наслаждения и развлечения. С другой стороны, для женщин условия особенно неблагоприятны в тех местах, где живет много пенсионеров с семьями и мало молодых людей. Там число женщин, не могущих выйти замуж, подымается на каждую сотню до 20—30 и больше человек. Недостаток в женихах особенно сильно чувствуется женщинами тех сло-

ев, которые вследствие их социального положения предъявляют к мужчине более высокие требования, но вместе с тем не могут предложить ему хорошего приданого. Это касается в особенности девушек из многочисленных семейств, которые живут на жалованье. В социальном отношении они пользуются почетом, но не имеют средств. Жизнь женщины этого слоя — одна из самых печальных. Отсюда главным образом и вербуются конкурентки работниц, занятых вышиванием, белошвейным мастерством, изготовлением искусственных цветов, шитьем перчаток и соломенных шляп, одним словом, во всех тех отраслях труда, где предприниматель предпочитает заставлять работницу работать у себя на дому. Эти дамы работают за самое низкое вознаграждение, потому что во многих случаях им нужно заработать не на все свое содержание, а лишь для того, чтобы иметь достаточно дополнительных средств на наряды и предметы роскоши. Предприниматель охотно пользуется конкурирующей работой этих дам, чтобы понизить заработную плату бедных работниц и выжать из них последнюю каплю крови, так как они вынуждены напрягать все свои силы до полного изнурения. Точно так же и многие чиновничьи жены, мужья которых получают маленькое жалованье и не могут создать им «соответствующий» образ жизни, используют свое свободное время на эту скверную конкуренцию, которая так сильно давит широкие слои женского пролетариата.

Деятельность буржуазных женских обществ, направленная на возвышение женского труда и на допущение женщин к высшим специальностям, вызывается стремлением женщин высших слоев создать себе лучшее жизненное положение. И, чтобы иметь больше успеха, они любят ставить себя под покровительство самых высокопоставленных дам. Буржуазные женщины лишь подражают здесь буржуазным мужчинам, которые точно так же любят подобное покровительство и воодушевляются стремлениями, могущими принести успех лишь в мелочах, но не в большом деле. Они совершают сизифову работу и обманывают как себя, так и других в вопросе о необходимости коренных преобразований. С их стороны не допускается никакого сомнения в разумности основ нашей государственной и общественной организации. Консерватизм охраняет подобные общества от так называемых разрушительных тенденций. Когда на берлинском женском конгрессе весной 1894

года меньшинство высказало взгляд, что буржуазные женщины должны идти рука об руку с пролетарскими, то есть социал-демократическими женщинами, то поднялась целая буря негодования большинства. Но буржуазным женщинам не удастся вытянуть себя из болота за свою собственную косу.

Как велико число женщин, которые вследствие указанных обстоятельств должны отказаться от брачной жизни, невозможно точно установить.

Излишек женщин распределяется в Германии очень неравномерно как по отдельным ее частям или округам, так и по возрастным классам. По переписи 1900 года, приходилось (Statistik des Deutschen Reiches, 150. Bd., S. 92), например:

	На тысячу лиц мужского пола приходится женщин в возрасте			
	до 15	15—40	40—60	свыше 60
Берлин	1 012	1 044	1 191	1 659
Королевство Саксония	1 015	1 030	1 107	1 360
Бавария на правом берегу Рейна	1 015	1 024	1 083	1 163
Бавария на левом берегу Рейна	986	997	1 070	1 157
Королевство Вюртемберг	1 015	1 041	1 134	1 179
Баден	1 000	974	1 079	1 173
Гамбург	999	1 031	1 038	1 454
Провинция Браденбург	993	1 015	1 089	1 276
Померания	989	1 035	1 099	1 214
Рейнская область	991	954	1 009	1 120
Германская империя	995	1 008	1 087	1 218

В собственно зрелом возрасте, от 15 до 40 лет, превышение женщин во всей Германии доходит до 8 на тысячу мужчин, а между лицами указанного возраста на 11 100 673 мужчин — 11 187 779 женщин, то есть получается излишек женщин в 87 106 человек. И это вполне понятно, так как из 11 146 833 пемецких женщин — из которых в 1900 году были в зрелом возрасте (18—45 лет) только 6 432 772 (57,71 процента) были замужними — 283 629 (2,54 процента) вдов, 31 176 (0,28 процента) разведенных и 4 399 286 (39,47 процента) незамужних.

Отношение полов в тех же четырех возрастах в других странах (Statistik des Deutschen Reiches, 150. Bd., S. 92) распределяется следующим образом:

	Годы	На тысячу мужчин приходилось женщин в возрасте			
		до 15	15—40	40—60	старше
Германия	1900	995	1 008	1 087	1 218
Австрия	1890	1 005	1 046	1 079	1 130
Венгрия	1900	998	1 029	982	1 033
Сербия	1896	969	952	925	804
Италия	1881	963	1 021	1 005	980
Швейцария	1888	999	1 059	1 103	1 148
Франция	1896	998	1 012	1 029	1 108
Люксембург	1900	992	853	988	1 063
Бельгия	1890	992	984	1 018	1 117
Голландия	1899	986	1 031	1 031	1 145
Дания	1890	978	1 080	1 073	1 179
Швеция	1899	971	1 016	1 146	1 252
Англия и Уэльс	1891	1 006	1 075	1 096	1 227
Шотландия	1891	973	1 073	1 165	1 389
Ирландия	1901	968	1 037	1 103	1 032
Соединенные Штаты Америки	1900	979	969	889	987
Египет	1897	943	996	943	1 015
Япония	1891	978	962	951	1 146
Новый Южный Уэльс	1891	978	827	679	665
Квинслэнд	1891	976	698	559	611
Тасмания	1891	977	877	898	632
Новая Зеландия	1891	979	927	661	654
Мыс Доброй Надежды	1891	989	1 008	939	1 019

Мы видим, что почти во всех странах с одинаковой или сходной экономической структурой существуют одинаковые или сходные отношения распределения полов по возрастным классам. Таким образом, во всех них значительная часть женщин, независимо от других уже упомянутых причин, не может рассчитывать выйти замуж.

Так, в Англии в 1901 году из тысячи женщин старше 15 лет вышло замуж 496,4; в Шотландии — 442,8; в Ирландии — 370,9; в Швеции — 468,2; в Норвегии — 469,9.

Что скажут на это те, которые противятся стремлению женщин к независимому, равноправному положению, указывая им на брак и домашний очаг? Если так много женщин не выходит замуж, то это вовсе не по их злой воле.

Но какая же судьба постигает эти жертвы наших социальных условий? Мечь оскорбленной, непризнанной природы находит себе выражение в своеобразных чертах лица и характера, которыми так называемые старые девы, точно так же как дряхлые аскетические старики, во всех странах и во всех климатах отличаются от других людей; на них лежит отпечаток огромного пагубного влияния подавленных естественных потребностей. Так называемая нимфомания у женщин, точно так же как различные роды истерии, вытекают из этого источника. К истерическим припадкам ведет также неудовлетворенность в браке, которая является одной из причин бесплодия.

Такова в общих чертах наша современная брачная жизнь и ее влияние. Результат таков: современный брак — учреждение, тесно связанное с существующими социальными условиями, с ними оно возникает, с ними оно и падает. Но этот брак находится в состоянии разложения и упадка, точно так же как и само буржуазное общество.

Что же мы твердо установили относительно буржуазного брака?

1) Относительное число рождений падает, хотя народонаселение в общем растет, что говорит об ухудшении жизненного положения семьи.

2) Число требований развода возрастает, и притом значительно сильнее, чем увеличивается народонаселение, и в большинстве случаев требования развода выставляют женщины, хотя в экономическом и общественном отношении они более всего страдают при разводе. Это говорит за то, что неблагоприятно действующие факторы возрастают и брак, таким образом, распадается и уничтожается.

3) Число вступлений в брак относительно падает, хотя население возрастает, и это доказывает, что брак в глазах многих не соответствует его социальной и моральной цели и рассматривается как нечто ненужное или сомнительное.

4) Почти во всех культурных странах существует несоответствие между численностью полов, и притом к невы-

годе женского пола, что происходит не вследствие рождений — так как в среднем рождается больше мальчиков, чем девочек, — но вследствие неблагоприятно действующих социальных и политических причин, зависящих от государственных и общественных условий.

Так как все эти неестественные условия, вредные главным образом женщине, коренятся в сущности буржуазного общества и все более ухудшаются вместе с его существованием, то из этого видно, что буржуазное общество не способно уничтожить это зло и освободить женщину. Для этого, таким образом, необходим другой общественный строй.

ПРОСТИТУЦИЯ —
НЕОБХОДИМОЕ СОЦИАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА

1. ПРОСТИТУЦИЯ И ОБЩЕСТВО

Брак представляет одну сторону половой жизни буржуазного общества, проституция — другую. Брак — лицевая сторона медали, проституция — оборотная. Если мужчины не находят удовлетворения в браке, они обыкновенно ищут его в проституции. И если мужчина по какой бы то ни было причине отказывается от брака, то он также обыкновенно ищет удовлетворения в проституции. Мужчинам, живущим вне брака по своему желанию или по необходимости, точно так же как и мужчинам, вступившим в брак, но обманувшимся в своих ожиданиях, гораздо легче, чем женщинам, удовлетворить свою половую потребность.

Мужчины всегда относились к проституции как к привилегии, данной им «по праву». Поэтому они гораздо суровее и строже следят за женщиной и осуждают ее, если она, не будучи проституткой, совершит «проступок». Но что женщина обладает теми же потребностями, как и мужчина, что в известные периоды жизни эти потребности проявляются у нее особенно сильно, это их не смущает. Благодаря своему господствующему положению мужчина заставляет женщину подавлять ее самые сильные потребности и ее общественное положение и брак ставит в зависимость от ее целомудрия. Зависимость женщины от мужчины нигде не проявляется так ярко и возмутительно, как в этом различном отношении к удовлетворению одной и той же естественной потребности.

Естественные условия особенно благоприятны для мужчины. Все последствия акта совокупления природа возложила на женщину; мужчина знает здесь одно только удовольствие, но ни забот, ни ответственности. Такое выгодное положение мужчины по сравнению с женщиной способствует той необузданности в половых отношениях, которой отличается большая часть мужчин. И так как существуют многие причины, препятствующие законному или достаточ-

пому удовлетворению половой потребности, то оно получает дикую форму.

Проституция, следовательно, является для буржуазного общества необходимым социальным учреждением, подобно полиции, постоянному войску, церкви, предпринимательству.

Здесь нет преувеличения, и это можно доказать.

Мы уже изложили, как древний мир смотрел на проституцию и, считая ее необходимой, даже организовал ее на государственный счет, как в Греции, так и в Риме. Какие воззрения господствовали в христианские средние века, мы тоже уже говорили. Даже святой Августин, считающийся после Павла самым значительным столпом христианства и усердно проповедовавший аскетизм, не мог удержаться, чтобы не воскликнуть: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит». А Фома Аквинский, считающийся до сих пор большим авторитетом в области теологии, выразился еще сильнее: «Проституция в городах уравнивает клоаку со дворцом, уничтожает клоаку и делает дворец нечистым и вонючим местом». Миланский провинциальный совет в 1665 году высказался в том же смысле.

Послушаем, что говорят современники.

Доктор Ф. С. Хюгель говорит следующее: «Будущая цивилизация постепенно придаст проституции более мягкие формы, но исчезнет с земного шара она лишь вместе с крушением мира»¹. Смелое утверждение, но кто не может представить себе иного общества, кроме буржуазного, кто не верит, что общество изменится и создаст здоровые и естественные условия, тот должен согласиться с доктором Хюгелем.

Подобным образом высказывается известный гигиенист Рубнер, профессор Берлинского университета и директор Гигиенического института: «Проституция у женщин имела место во все времена и у всех народов мира. Она представляет нечто неразрушимое, так как она служит для половых сношений, вытекая из человеческой природы, и так как стремление к проституции во многих случаях может быть рассматриваемо как *прирожденный* порок некоторых женщин. Как иногда среди населения гений и безумие, гигантский и карликовый рост и другие отклонения от нормальной

¹ F. Hügel, Zur Geschichte Statistik und Regelung der Prostitution in Wien, 1865.

середины заменяют ее собой, так же точно выступают благодаря игре природы ненормальности, долженствующие привести к проституции»¹.

Ни одному из вышеуказанных лиц не пришло в голову, что другой общественный порядок может устранить причины проституции, никто не пытается изучить эти причины. Правда, некоторые из занимающихся этим вопросом подозревали, что печальные социальные условия, от которых страдают многочисленные женщины, могли бы служить главной причиной того, почему многие из них продают свое тело, но никто не хочет сделать из этой мысли вывода, что в таком случае необходимо создать другие социальные условия. К немногим понимающим, что главная причина проституции лежит в экономических условиях, принадлежит Т. Баде², который пишет: «Причины безграничной нравственной распущенности, из которой выходит проститутка, лежат в современных *социальных условиях... а именно в буржуазном разложении средних классов и понижении уровня их материального существования, особенно ремесленного сословия*, только небольшая часть которого в настоящее время еще занимается самостоятельным ремесленным трудом». Баде заканчивает свои рассуждения следующими словами: «Нужда материального существования, которая частью уже погубила семьи среднего класса и которая будет и дальше их губить, ведет также к моральному разрушению семьи, а главным образом — женского пола».

Однако проституция не является созданным природой учреждением, которое, как говорит Р. Шмельдер, «остаётся постоянным спутником человечества»³, она есть социальное явление, без которого немислимо буржуазное общество.

Лейпцигский полицейский врач доктор И. Кюн говорит: «Проституция — не только терпимое, но и *необходимое зло*, потому что оно охраняет женщин от неверности (совершать которую имеют право только мужчины. — *Автор*) и добродетель (разумеется, женскую, мужчины в одной

¹ *Max Ruener*, Lehrbuch der Hygiene, 8. Auflage, Leipzig 1907, S. 654.

² *Th. Bade*, Über Gelegenheitsmacherei und öffentliches Tanzvergnügen, Berlin 1858.

³ *R. Schmölder*, Die Bestrafung und polizeiliche Behandlung der gewerbsmässigen Unzucht, Düsseldorf 1892.

не нуждаются. — Автор) от покушения (sic!) и вместе с тем от падения»¹. Эти слова в самой откровенной форме характеризуют узкий эгоизм мужчин. Кюн становится на корректную точку зрения полицейского врача, задача которого — посредством надзора за проституцией спасти мужчин от неприятных болезней. Думают только о мужчине, для которого безбрачие является ужасом и мучением, однако миллионы женщин терпят это безбрачие. Что для мужчины является правом, то для женщин является нарушением права, безнравственностью и преступлением. Другой интересный господин, доктор Фок, рассматривает проституцию как «необходимую поправку к учреждениям нашей цивилизации»². Он боится перепроизводства людей, если, достигнув зрелого возраста, все будут вступать в брак, и поэтому он считает важным, чтобы государство «регулировало» проституцию. Он находит справедливым, чтобы государство заботилось о доставлении мужчинам публичных женщин, не зараженных сифилисом. Фок высказывается за усиленный надзор за всеми женщинами, распутный образ жизни которых доказан.

Даже и тогда, когда дамы с «распутным образом жизни» принадлежат к аристократическим классам? Это старая песня. Доктор Фок требует также налога на проститутки и сосредоточения их на *определенных улицах*. Другими словами, *христианское государство* должно создать из проституции источник дохода, организуя и охраняя ее ко благу мужчин. (Помните, как выразился император Веспасиан в подобном случае? Non olet! (Не пахнет!) На своеобразную точку зрения становится и некий доктор Генрих Северус³, который также высказывается за признание проституции законом. Он видит в ней очень *полезное* учреждение, потому что она — явление, необходимо сопровождающее брак и без него свобода вступления в брак была бы ограничена. Проституция является, таким образом, по мнению автора, предохранительным клапаном для буржуазного общества. Он утверждает: «Большая часть нужды, существование которой в настоящее время создает

¹ J. Kühn, Die Prostitution im neunzehnten Jahrhundert vom sanitätspolizeilichen Standpunkt, Leipzig 1892.

² Dr. Fock, Die Prostitution in ethischer und sanitärer Beziehung. Deutsche Vierteljahrsschrift für öffentliche Gesundheitspflege, 20. Band, 1. Heft.

³ Dr. H. Severus, Prostitution und Staatsgewalt, Dresden 1899.

такие плохие социальные условия, происходит оттого, что браки заключались необдуманно, без взвешивания вопроса о средствах для необходимого жизненного существования. Государство заинтересовано в том, чтобы подобные браки не заключались, так как рождающиеся от них дети — о содержании которых родители не могут заботиться и которые, как дети законные, не попадают в воспитательный дом, — угрожают *безопасности общества*. Проституция предохраняет от браков, «заключенных под давлением естественного закона, от браков, ведущих к росту в народе элементов, которые становятся *врагами общества*, так как нужда лишает их воспитания, а нерадостная юность порождает *враждебное государству настроение*». Итак, в регулируемой государством проституции найдено даже спасительное средство против социал-демократии — взгляд, по крайней мере не лишенный оригинальности.

Итак, повторяем: проституция — необходимое социальное учреждение буржуазного общества, подобно полиции, постоянному войску, церкви и предпринимательству!

2. ПРОСТИТУЦИЯ И ГОСУДАРСТВО

В Германской империи проституция не подлежит надзору и государственной организации, как во Франции, она здесь лишь терпима. Официальные публичные дома запрещены законом, и сводничеству угрожает жестокое наказание. Но это не помешало тому, что до сих пор во многих немецких городах, в том числе в Майнце, Кёнигсберге, Магдебурге, Альтоне, Киле, Нюрнберге, Вормсе, Фрейбурге, Лейпциге, Регенсбурге, Гамбурге, Аугсбурге, Вюрцбурге и т. д., существуют, как и прежде, публичные дома, терпимые полпцией¹. Это положение вещей трудно понять, но противоречие его закону известно нашим государственным правителям. Немецкий уголовный закон угрожает наказанием, если проститутке дают квартиру. С другой стороны, полиция принуждена терпеть тысячу женщин, занимающихся проституцией, и должна охранять их в их ремесле, раз они записались в реестр проституток и подчиняются предписанным для них правилам, например периодическому осмотру врачом. Но раз государство допускает проституток и этим поддерживает их ремесло, то оно

¹ *Paul Kampffmeyer, Die Prostitution als soziale Klassenerscheinung und ihre sozialpolitische Bekämpfung, Berlin 1905, S. 41.*

должно допустить и квартиры для них и даже в интересах общественного здоровья и порядка иметь дома, где проститутки могли бы заниматься своим ремеслом. Какое противоречие! С одной стороны, государство официально признает, что проституция необходима, с другой — оно наказывает проститутку и сводничество. Такое отношение государства показывает, что для современного общества проституция является сфинксом, загадку которого оно не может решить. Господствующая религия и мораль осуждают проституцию, законы наказывают ее поощрение, и все же государство терпит и охраняет ее. Другими словами, наше общество, гордящееся своей нравственностью, религиозностью, цивилизацией и культурой, должно терпеливо смотреть, как безнравственность и коррупция, подобно медленно действующему яду, разъедает его организм. Но из такого положения вытекает еще один вывод. *Христианское государство допускает, что брак недостаточен и мужчина имеет право на незаконное удовлетворение половой потребности.*

В то же самое время государство обращает внимание на женщину лишь постольку, поскольку она согласна удовлетворять мужским незаконным потребностям, то есть постольку она становится проституткой. Притом надзор и контроль государственных органов распространяется только на записанных проститутку, а не на мужчину, который ищет проститутку, что само собою подразумевалось бы, если бы медицинско-полицейский надзор должен был иметь хоть какой-нибудь успех, не говоря уже о том, что справедливость требует одинакового применения закона к обоим полам.

Эта государственная охрана мужчины от женщины ставит вверх дном все отношения. *Выходит так, что будто бы мужчина — более слабый, а женщина — более сильный пол, как будто бы женщина является соблазнительницей, а бедный, слабый мужчина — соблазненным.* Миф о соблазне Адама Евой в раю влияет еще на наши воззрения и законы и подтверждает христианские слова: «Женщина — великая соблазнительница и сосуд греха». Мужчины должны были бы стыдиться своей печальной и недостойной роли. Но им нравится эта роль «слабых» и «соблазняемых», так как, *чем больше их охраняют, тем больше они могут грешить.*

Мужчины не находят удовольствия в больших собраниях, если отсутствуют проститутки. Это нам показали,

между прочим, события на германском празднике стрелков в Берлине летом 1890 года — события, заставившие 2300 женщин обратиться к обербюргермейстеру германской имперской столицы с петицией следующего содержания: «Позвольте, Ваше Высокоблагородие, напомнить Вам о том, что происходило на празднике союзной стрельбы в Панкове в нынешнем году от 6 до 13 июля и что проникло в провинцию через печать и через другие средства связи. Сообщения, которые мы слушали с самым глубоким возмущением и отвращением, говорили, между прочим, о представлениях этого праздника вроде таких: «Первый германский герольд, самый великий шантан в мире», «Сто мужчин и сорок женщин». Были еще небольшие кафешантаны и будки для стрельбы, в которых женщины особенно навязчиво предлагали себя мужчинам. Далее «Даровые концерты», где воздушно одетые кельнерши, соблазнительно улыбаясь, нахально и не стесняясь, приглашали на «стрелковый покой» как гимназиста, так и отца семейства, как юношей, так и почтенных мужей... Полиция могла бы хотя устранить едва одетую «даму», приглашавшую посетить будку «Тайны Гамбурга, или ночь в Сант-Паули». Но самое ужасное из всего того, что простые провинциальные бюргеры и бюргерши едва могут себе представить о прославленной имперской столице, — это дошедший до нас слух, что руководители празднества допустили вместо предлагавших свои услуги кельнеров «молодых женщин» в большом числе как бесплатных кельнерш... Мы, немецкие женщины, как супруги, матери, сестры, посылаем наших мужей, детей, дочерей и братьев на службу отечеству в Берлин, и поэтому мы покорнейше и с полным доверием просим Ваше Высокоблагородие, при том большом и значительном влиянии, которым Вы пользуетесь как высшее должностное лицо имперской столицы, сделать распоряжение подвергнуть расследованию эти унижающие человеческое достоинство вещи или принять другие по усмотрению Вашего Высокоблагородия целесообразные меры, чтобы не повторялись подобные оргии, а именно, также и на предстоящем *«седанском празднике»...!!!*»

При всех больших и так называемых национальных празднествах, где собирается большое количество мужчин, подобные вещи всегда повторяются ¹.

¹ «Когда в цирке Буша заседает Союз сельских хозяев или собирается большой конгресс в Берлине, тогда поднимаются цены на че-

Немецкие правительства часто пытались выйти из этого противоречия, в котором находятся по отношению к проституции практика государственной власти и уголовное законоположение. Они вносили законопроекты, которые, между прочим, уполномочивали полицию отводить проституткам определенные места для жительства. Так как приходилось признать, что проституцию невозможно уничтожить, то считали самым практичным терпеть ее лишь в определенных местах и здесь установить над ней надзор. Такой закон — и все были с этим согласны — снова вызвал бы к жизни публичные дома, которые в сороковых годах прошедшего столетия были официально запрещены в Пруссии. Эти законопроекты вызвали большое возбуждение и массу протестов, в которых выражалось негодование, что государство выступает в роли защитника проституции и тем самым внушает убеждение, что проституция не противоречит морали и является допускаемым государством ремеслом. Эти законопроекты, вызвавшие в общем собрании и в комиссии рейхстага сильнейший протест, до сих пор еще не приняты. Но уже то, что подобные проекты могли быть предложены, показывает запутанность положения.

Государственная регламентация и контроль над проституцией не только порождают в мужчинах веру, что государство поощряет проституцию, но что государственный контроль охраняет их от заболеваний, и эта вера усиливает пользование проституцией и легкомыслие мужчин. Публичные дома не уменьшают венерических болезней, они усиливают их, мужчины становятся *легкомысленнее* и *неосторожнее*. О том, какое представление вызывает государственная охрана публичных домов, можно судить по тому, что в Англии проституток, записанных на основании акта о проституции, в шутку называли *«девушками королевы»*, так как они получили привилегию по закону, провозглашенному королевой.

Опыт показал, что ни учреждение публичных домов, контролируемых полицией, ни полицейско-врачебное исследование не охраняют от заражения.

Так, например, тайный медицинский советник доктор Альберт Эйленберг в 1898 году на запрос венского женского комитета для борьбы с регламентацией проституции

ловеческое мясо». *Satyr, Lebeweltnächte der Friedrichstraße, Berlin 1907, S. 16.*

ответил следующее: «В вопросе полицейского надзора за проститутками, признавая практические трудности немедленного ее проведения, я принципиально стою вполне на точке зрения вашей петиции и считаю обычную в большинстве стран практику несправедливой, недостойной и к тому же не могущей с достаточной вероятностью достигнуть поставленной цели».

20 июля 1892 года берлинское медицинское общество высказалось, что введение публичных домов нельзя рекомендовать ни с гигиенической, ни с моральной точки зрения.

Природа венерических болезней часто такова, что их нелегко и не всегда сразу можно узнать. И для уверенности нужно было бы ежедневно делать многократные исследования. Но это при большом числе проституток и ввиду расходов невозможно. Где приходится в один час «обработать» от тридцати до сорока проституток, там исследование не более как фарс, и притом одного или двух исследований в неделю совершенно недостаточно. Так, доктор Блашко говорит¹: «Предположение, что контроль проституток является охраной от заражения, — к сожалению, очень распространенное и роковое заблуждение. Можно скорее сказать, что всякий, кто вступает в сношение с проституткой или легкомысленной девушкой, всякий раз подвергает себя очень большой опасности».

Эти мероприятия не могут иметь успеха еще и потому, что не касаются мужчин, которые переносят заразу от одной женщины к другой. Проститутка, только что исследованная и оказавшаяся здоровой, в тот же час заражается больным мужчиной и передает болезнь ряду других посетителей до следующего контрольного дня или до тех пор, пока она сама не заметит болезни. Контроль не только недействителен, но ведет еще к тому, что эти исследования, совершаемые мужчинами-врачами, а не женщинами, глубоко уязвляют чувство стыдливости и приводят к его полному уничтожению. Это подтверждается большим числом врачей, имевших дело с этим контролем². Даже официальный от-

¹ Handbuch der Hygiene. Herausgegeben von Dz. med. Th. Weyl. 10. Band, «Hygiene der Prostitution und venerischen Krankheiten». Bearbeitet von Dr. A. Blaschko — Berlin, Jena, 1901, S. 111.

² «Однако же в действительности вся система регламентации не только не может побороть венерические заболевания — она не может их даже уменьшить. Обманчивая безопасность, якобы предоставляемая мужчинам, делает их только менее осторожными. Утаивание сношений увеличивает опасность заражения по крайней мере

чет берлинского полицейского управления говорит: «Можно также согласиться, что занесение в списки заставляет подвергшуюся этой мере морально опуститься еще ниже»¹.

И проститутки делают все возможное, чтобы избежать контроля. Дальнейшим следствием этого полицейского мероприятия является то, что проституткам в высшей степени трудно, даже невозможно вернуться к честному заработку. *Женщина, подпавшая под полицейский контроль, потеряна для общества; через несколько лет она большей частью гибнет.* Правильно и обстоятельно высказался против полицейской регламентации проституции пятый конгресс для борьбы с безнравственностью, заседавший в Женеве, заявив следующее: «Обязательное врачебное исследование проституток является одним из самых жестоких наказаний для женщин, так как оно окончательно губит несчастную, насильно подвергнутую осмотру, разрушая остаток чувства стыдливости, которое может еще существовать у наиболее падшей. Государство, желающее полицейским способом регулировать проституцию, забывает, что оно обязано одинаково охранять оба пола, что оно морально губит и унижает женщину. Всякая система официального регулирования проституции ведет к полицейскому произволу и к нарушению судебных гарантий, которые обеспечены всякому индивидууму, даже величайшему преступнику, против произвольного ареста и заключения. Так как эти правовые нарушения происходят только ко вреду женщины, то отсюда вытекает противоестественное неравенство между нею и мужчиной. Женщина принижается до предела и не рассматривается более как личность. *Она стоит вне закона*».

Как мало помогает врачебно-полицейский контроль, лучше всего показывает пример Англии. До введения в 1867 году законной регламентации случаи заболевания венерическими болезнями у военных, по официальному армейскому отчету, составляли 91 на тысячу. В 1886 году, после девятнадцатилетней регламентации, — 110 на тысячу, но в 1892 году, шесть лет спустя после отмены регламентации, — только 79 на тысячу. Среди гражданского

настолько, насколько ее уменьшает исключение врачом самых тяжелых больных». *August Forel, Die sexuelle Frage, München 1907, S. 338—339.*

¹ Zweiter Verwaltungsbericht des königlichen Polizeipräsidiums von Berlin für die Jahre 1881 bis 1890, S. 351 bis 359.

населения с 1879 до 1882 года, следовательно во время регламентации, случаи сифилиса составляли десять на тысячу, с 1885 по 1889 год, то есть после отмены регламентации, — 8,1 на тысячу.

На проституток, подвергшихся исследованию, закон действовал совсем иначе, чем на войска; в 1866 году на каждую тысячу проституток приходилось 121 заболевание, в 1868 году, когда закон действовал уже два года, 202 заболевания; они постепенно потом падали, но в 1874 году еще превышали на 16 случаев число заболеваний в 1866 году. Точно так же и смертность среди проституток ужасающим образом усилилась в период действия закона. В 1865 году на тысячу проституток приходилось 9,8 смертных случаев, в 1874 году — 23. Когда к концу шестидесятых годов английское правительство сделало попытку распространить действие закона на все английские города, то английские женщины подняли бурю возмущения. Они смотрели на этот закон как на оскорбление всего женского пола. Habeas corpus-акте, этот основной закон, говорили они, защищающий английского гражданина от превышения полицейской власти, отменяется для женщин; всякому грубому — мстительному или толкаемому другими низкими мотивами — полицейскому позволяется схватывать самую уважаемую женщину, раз у него имеется подозрение, что она проститутка, а распущенность мужчин остается незатронутой и даже охраняется и поощряется законом.

Хотя это выступление английских женщин под руководством Жозефины Батлер в защиту подонков их пола вызвало ложные и унижительные замечания со стороны ограниченных мужчин, тем не менее они продолжали с большой энергией бороться против введения этого закона. В газетных статьях и брошюрах писалось «за» и «против», и это помешало распространению закона на всю Англию, а в 1886 году последовала и полная его отмена¹. У не-

¹ Вернейшими помощниками женщин были английские рабочие. «Мы решили, — пишет Жозефина Батлер в своем знаменитом произведении «К истории одного крестового похода», — призвать нацию. Уже осенью 1869 года мы писали лично каждому из членов обеих палат парламента и многим другим вождям светских и церковных партий. Из всех ответов, полученных на эти письма, выяснилось, что немногие оказались согласными с нами... Так как те круги, интересы которых мы считали близкими нашему делу, мало ободрили нас своим сочувствием, мы решили обратиться к рабочему населению страны. Здесь нас встретили совершенно иначе. Я хорошо знала, что

медкой полиции имеется подобная же власть, и было оглашено немало случаев, происшедших в Берлине, Лейпциге, Кёльне, Ганновере и во многих других местах, которые доказывают, что при применении этой власти легко происходят злоупотребления и «недоразумения», но у нас ничего не слышно об энергичной оппозиции против подобных полномочий¹. Даже в мелкобуржуазной Норвегии в 1884 году публичные дома были запрещены, а в главном городе, Христиании, в 1888 году были отменены насильственная запись проституток и связанный с нею осмотр. В январе 1893 года это распоряжение было распространено на всю страну. Очень верно говорит госпожа Гильом-Шак относительно «предохранительных мер» государства для мужчин: «К чему учим мы наших сыновей уважать добродетель и нравственность, раз государство объявляет безнравственность необходимым злом, раз оно предлагает молодому человеку, прежде чем он достиг духовной зрелости, как игрушку его страстей, женщину в виде товара, на который власти поставили клеймо?»

Венерически больной мужчина в своей необузданности может заразить еще много этих несчастных существ, которые большей частью занялись постыдным ремеслом из горькой нищеты или будучи соблазненными; паршивый мужчина остается в стороне, но горе больной проститутке, если она тотчас не обратится к врачу. Гарнизонные, университетские, приморские и другие города, со своим скоплением сильных и здоровых мужчин являются главными очагами проституции и ее опаснейших болезней, которые отсюда переносятся в самые отдаленнейшие уголки страны и повсюду распространяют заразу. Насколько нравственна большая часть наших студентов, об этом «Korrespondenz-

и рабочий класс имеет свои недостатки и, как и другие слои населения, не свободен от эгоизма; но у меня осталось непоколебимым убеждение, что, если к народу обратиться во имя справедливости, он почти всегда проявляет лояльный и добросовестный образ мыслей» (цит. по П. Кампфмейеру, 69 стр. названной выше работы).

¹ «В 1901 году в Вене одна француженка была изнасилована полицейским агентом Нейгофером, брошена в тюрьму с проститутками и силой подвергнута медицинскому исследованию. Этот случай вызвал пять интерпелляций в рейхсрате. В 1902 году в Гамбурге и Киле были задержаны дамы по подозрению в занятии проституцией и подверглись грубому обхождению. Эти случаи привели 8 сентября к гигантской демонстрации в Гамбурге, в которой участвовали члены всех партий» (П. Кампфмейер, стр. 66).

blatt zur Bekämpfung der öffentlichen Sittenlosigkeit»¹ говорит так: «У огромного большинства студенчества понятия о том, что нравственно в настоящее время, ужасающе низки, даже прямо позорны». И из этих кругов, гордящихся своей привязанностью к Германии и своими «немецкими нравами», вербуются наши правительственные чиновники, наши прокуроры и судьи.

Насколько ухудшились условия жизни в данном отношении специально среди студенчества, видно и из того, что осенью 1901 года значительное число профессоров и врачей — и среди них были известные специалисты — обратились с воззванием к немецкому студенчеству, указывая ему печальные последствия половых эксцессов и предостерегая его от чрезмерного употребления алкоголя, действующего во многих случаях возбуждающе на половую распущенность. В конце концов понимают, что скрывать все это больше нельзя, надо называть вещи своими именами, чтобы хоть сколько-нибудь остановить несчастье, всех последствий которого нельзя и охватить. И другим классам следует принять близко к сердцу эти предупреждения.

«Грех твой взыщется на твоём потомстве до третьего и четвертого поколения». Это изречение Библии буквально относится к распутному, венерически больному мужчине, но, к сожалению, и к его невиновной жене.

Апоплексические удары у молодых мужчин, а также у женщин, туберкулез спинного мозга и размягчение головного мозга, различные нервные болезни, болезни глаз, костоед и воспаление кишек, бесплодие и хилость основываются часто не на чем ином, как на запущенном, неузнанном, по понятным причинам скрытом сифилисе... При настоящем порядке вещей незнание и легкомыслие приводят к тому, что из цветущих дочерей страны делают хилых, увядших существ, которые должны расплачиваться тяжестью своих хронических женских болезней за предбрачное и внебрачное распутство своих супругов»². А доктор А. Блашко говорит: «Эпидемии, каковы холера и оспа, дифтерит и тиф, действие которых в их внезапности непосредственно бросается каждому в глаза, являются ужасом для населения, хотя они по злобредности едва ли могут сравниться с сифилисом, а по распространению далеко

¹ 15 августа 1893 года. Берлин.

² Die gesundheitsschädliche Tragweite der Prostitution von Dr. Oskar Lasser, Berlin 1892, August Hirschwald.

отстают от него... А между тем к сифилису общество отно- сится, можно сказать, с ужасающим равнодушьем¹. Вся беда в том, что считается «неприличным» открыто говорить о подобных вещах. Даже немецкий рейхстаг не мог решить- ся внести в закон требование, чтобы кассы страхования на случай болезни заботились о венерических больных так же, как о других больных².

Сифилитический яд в своем действии самый упорный, и удалить его из организма труднее всякого другого яда; часто через много лет после того, как болезнь прошла и выздоровевший думает, что уничтожен всякий ее след, последствия все же проявляются у женщин в браке или у новорожденных, и масса болезней жен и детей обязана своим происхождением венерическим болезням мужа или отца. В петиции, поданной осенью 1899 года в рейхстаг обществом для защиты юношества, указывается, что в Германии 30 тысяч детей слепы от рождения вследствие заражения гонореей (триппером) и что у 50 процентов бездетных жен тою же причиною объясняется их бесплодие³. Число бездетных браков действительно ужасающе велико, и оно постоянно увеличивается. Слабоумие детей точно так же часто объясняется этой же причиною, а какое несчастье может принести ничтожная капля сифилитической крови при прививке оспы, об этом свидетельствуют яркие примеры.

Большое число страдающих венерическими болезнями еще раз напоминает о необходимости издания имперского закона, который предписывал бы специально лечение венерических больных, но до сих пор не могут еще решиться на подобный шаг, вероятно из страха перед громадностью зла, которое выступило бы тогда на свет. В кругах специа- листов пришли вообще к убеждению, что триппер, который раньше рассматривался как невинное заболевание, является чрезвычайно опасной болезнью. Нередко кажется, что

¹ Die Behandlung der Geschlechtskrankheiten in Krankenkassen und Heilanstalten, Berlin 1890, Fischers Medizinische Buchhandlung.

² Это положение закона о страховании больных (§ 6), предоставляющее общинам право решать вопрос о частичной выплате денег венерически больным или об отказе им в этом, было отменено дополнительным законом от 25 мая 1903 года, вступившим в силу 1 января 1904 года.

³ Среди живущих в заведениях для слепых имелось ослепших вследствие инфекции при рождении в Берлине — 21,3, Вене — 31, Бреслау — 35,1, Будапеште — 47,9, Мюнхене — 73,8. *Th. Weyl, Soziale Hygiene, Jena 1904, S. 62.*

он излечен, а между тем он продолжает свое действие в человеческом организме. Так, например, по словам доктора Блашко на лекции в Берлине 20 февраля 1898 года, при полицейско-медицинских осмотрах в Берлине лишь у одной четверти или самое большее у одной трети больных триппером проституток таковой действительно узнается. Фактически огромное большинство проституток больны триппером, но при контроле он констатируется лишь у небольшой части. И так как из этой части лишь немногие выздоравливают, то общество находится здесь перед лицом бедствия, против которого в настоящее время нет никаких средств, но которое угрожает тяжелыми последствиями, в особенности женской части населения.

3. ТОРГОВЛЯ ДЕВУШКАМИ

В той же мере, в какой мужчины добровольно или вынужденно отказываются от брака и ищут удовлетворения половой потребности в распутстве, в той же мере увеличиваются и удобные для этого случаи. Большая прибыль, которую приносят все предприятия, рассчитанные на безнравственность, манит многочисленных не слишком совестливых деловых людей, и они заманивают покупателей, предлагая всевозможную утонченность. Здесь принимается во внимание потребность каждого покупателя в зависимости от его ранга и положения, его материальных средств и щедрости. Если бы «публичные дома» могли рассказать все свои тайны, то оказалось бы, что их обитательницы, у которых часто нет ни имени, ни образования, ни воспитания, но которые зато обладают очень большой привлекательностью тела, состоят в интимнейших отношениях со столпами общества, с высокообразованными и интеллигентными мужчинами. К ним идут министры, высшие военные, тайные советники, депутаты, судьи и т. д. наряду с представителями родовой, денежной, торговой и промышленной аристократии; мужи, которые днем и в обществе с достоинством и серьезностью выступают как «представители и охранители морали, порядка, брака и семьи» и стоят во главе христианских благотворительных учреждений и обществ для «борьбы с проституцией». Владелец одного из таких заведений на... улице в Берлине издает даже свой собственный иллюстрированный листок, в котором описываются похождения

вращающегося там общества. В зале более 400 мест, и там каждый вечер собирается эlegantная публика, «столбовая публика», как говорится в листке, принадлежащая к высшей родовой и финансовой аристократии. Шум и веселье достигают прямо опасных размеров, если, как это бывает почти ежедневно, там присутствуют многочисленные дамы из театрального мира и известные красавицы полусвета и если находчивая дирекция, чтобы увенчать веселье, устраивает под утро ловлю угрей... Прекрасные посетительницы, с высоко подоткнутыми платьями, сидят на корточках вокруг бассейна, стараясь схватить угря. И так далее. Полиция все это отлично известно, но она остерегается мешать удовольствиям высшего общества. Не чем иным, как сводничеством самого низкого рода, следует назвать следующее приглашение, которое одно берлинское танцевальное заведение посылает мужчинам высшего света: «Нижеподписавшаяся администрация охотничьей залы, дирекции которой Вы, высокоуважаемый господин, были рекомендованы как страстный охотник, имеет честь обратить Ваше внимание на вновь устроенный великолепный охотничий парк с многочисленной и превосходной дичью и нижеяше просит Вас пожаловать на первую охоту на красную дичь 26 августа в охотничьих залах. Особое обстоятельство делает нашу новую рощу в высокой степени приятной и удобной, охотничий парк находится в центре столицы, и дичь ни в коем случае не оберегается».

Наше буржуазное общество подобно большой карнавальной толпе, в которой один другого обманывает и старается оставить в дураках. Каждый носит свое официальное одеяние с достоинством, чтобы потом неофициально и необузданно предаваться своим склонностям и страстям. С *внешней* стороны все пропитано моралью, религией и нравственностью. Ни в одну из прежних эпох лицемерие не было так велико, как в нашу. Число авгуров растет ежедневно.

Предложение женщин для разврата растет быстрее, чем спрос. Постоянно ухудшающиеся социальные условия, нужда, соблазн, стремление к блестящей с внешней стороны и якобы свободной жизни — все это способствует появлению проституток из разных общественных слоев. Характерно изображает эти условия в немецкой имперской столице роман Ганса Вахенхузена¹. Вот как автор выясняет

¹ «Was die Straße verschlingt», Sozialer Roman in 3 Bänden, Berlin, A. Hoffmann et Komp.

цель своего романа. «Моя книга рассказывает о жертвах женского пола и о возрастающем обесценении его вследствие *неестественности наших общественных и буржуазных отношений*, а также по собственной вине, по небрежности воспитания, вследствие потребности в роскоши и быстрого возрастания спроса на этот товар на рынке жизни. Она рассказывает о возрастающем численном излишке этого пола, что с каждым днем делает все более безнадежной судьбу тех, которые родятся, и тех, которые подрастают... Я писал как прокурор, составляющий жизнеописание преступника, чтобы вывести оттуда его вину. Итак, если под романом понимают нечто выдуманное, нечто противоположное правде, то в этом смысле последующее не роман, но верная жизненная картина без ретушевки».

В Берлине нравственность ни лучше ни хуже, чем в других больших городах. Трудно решить, какой город больше походит на древний Вавилон: православный ли Петербург или католический Рим, христианско-германский Берлин или языческий Париж, пуританский Лондон или жизнерадостная Вена. Одинаковые социальные условия порождают одинаковые явления. «У проституции есть свои писаные и неписаные законы, свои источники средств, свои места набора (*various resorts*) — от беднейшей хижины до роскошнейшего дворца, свои бесчисленные степени, и притом от самых низших до самых утонченных и культивированных; у ней свои социальные удовольствия и публичные места встреч, своя полиция, свои госпитали, свои тюрьмы и своя литература»¹. «Мы не празднуем более праздника Озириса, вакханалий и весенних индийских оргий, но в Париже и других больших городах под покровом ночи, за стенами общественных и частных домов предаются оргиям и вакханалиям, которые не осмеливается описать самое смелое перо»².

При таких условиях торговля женским телом достигла громадных размеров. Она организована наилучшим образом, и ее редко замечает полция, хотя она совершается в огромных размерах в самой середине очагов цивилизации и культуры. Войско маклеров, агентов, транспортировщиков мужского и женского пола ведет предприятие с таким же хладнокровием, как будто дело идет о распростране-

¹ *Dr. Elisabeth Blackwell, The moral education.*

² *Mantegazza, L'Amour dans l'humanité.*

нии какого-нибудь товара: подделываются документы; выдаются сертификаты, содержащие точное описание отдельных «штук», и эти документы вручаются транспортировщикам для представления покупателям. Цена, как у всякого товара, зависит от качества, а товары сортируются и высылаются по вкусу и требованиям покупателей в различных местах и странах; употребляются самые утонченные манипуляции, чтобы избежать внимания и преследования полиции, и нередко тратятся большие суммы, чтобы закрыть глаза стражу закона. Ряд таких случаев был констатирован в Париже ¹.

Германия пользуется печальной славой женского рынка для половины света. Врожденная немцам страсть к путешествиям одушевляет, кажется, и часть немецких женщин, так что они более, чем женщины других народов, за исключением народа Австро-Венгрии, пополняют контингент международной проституции. Немецкие женщины наполняют гаремы Турции, точно так же как публичные дома в Сибири, в Бомбее, Сингапуре, Сан-Франциско и Чикаго. В своих путевых записках «Из Японии в Германию через Сибирь» В. Иост (Joest) так пишет о торговле немецкими девушками: «В нашей моральной Германии часто возмущаются торговлей рабами, которую ведет какой-нибудь западноафриканский негрский князь, или подобными же явлениями на Кубе и Бразилии, а лучше было бы вспомнить о бревне в собственном глазу, ибо нет страны, которая могла бы сравниться с Германией и Австрией по обширности своей торговли белыми рабынями: ни из одной страны не вывозится столько этого живого товара. Можно совершенно точно проследить путь, по которому везут этих девушек. Из Гамбурга их отправляют в Южную Америку; часть идет в Бахию и Рио-де-Жанейро, но большая часть предназначается для Монтевидео и Буэнос-Айреса, наконец,

¹ Отношение полиции к проституции вообще интересно во многих направлениях. Так, например, во время одного процесса в Берлине было установлено, что полицейский комиссар пользовался проституткой, чтобы наблюдать за студентом, которого он считал анархистом. А в Праге начальник полиции в августе 1902 года сообщил одной газете, что жена одного тамошнего низшего полицейского чиновника была лишена концессии на содержание дома терпимости за то, что ее муж избил одного арестованного. Таким образом, пражская полиция награждает своих чиновников, выдавая концессии на публичные дома. Прекрасный порядок.

небольшой остаток идет через Магелланов пролив до Валь-парайсо. Другой поток направляется через Англию или прямо в Северную Америку, но здесь немки с трудом могут конкурировать с туземным продуктом, поэтому они спускаются вниз по Миссисипи до Нового Орлеана и Техаса или движутся на запад в Калифорнию. Оттуда снабжается весь берег до Панамы, между тем как Куба, Вест-Индия и Мексика получают свои заказы из Нового Орлеана. Под названием «богемок» другие группы немецких девушек экспортируются через Альпы в Италию и оттуда дальше на юг — в Александрию, Суэц, Бомбей, Калькутту до Сингапура и даже в Гонконг и до Шанхая. Голландская Индия и Восточная Азия, отчасти Япония — плохие рынки, так как Голландия в своих колониях не терпит белых девушек этого сорта, а в Японии дочери страны сами слишком красивы и дешевы; к тому же американская конкуренция из Сан-Франциско мешает выгодным сделкам. Россия снабжается Восточной Пруссией, Померанией и Польшей. Первой станцией бывает обыкновенно Рига. Здесь собираются петербургские и московские торговцы и посылают свои товары в больших количествах в Нижний Новгород и затем через Урал в Ирбит, Крестовскую и далее вглубь Сибири; например, я встретил немецкую девушку, таким образом проданную, в Чите. Эта огромная торговля превосходно организована, она ведется через агентов и коммивояжеров, и если бы ведомство иностранных дел Германской империи потребовало отчетов у своих консулов, то можно было бы составить очень интересные статистические таблицы.

Эта торговля находится в цветущем состоянии, как это неоднократно доказывали немецкие социал-демократические депутаты в немецком рейхстаге.

Особенно усиленно торговля женщинами ведется в Галиции и Венгрии для Константинополя и других городов Турции. Особенно много продается туда евреек, которых вообще редко можно встретить в публичных домах. Деньги на проезд и издержки большею частью посылаются агенту вперед. Чтобы обмануть и провести власть, заказчику посылаются телеграммы, не могущие обратить на себя внимания. Некоторые из таких телеграмм составляются так: *«Пять бочек венгерского вина прибудут тогда-то и тогда-то в Варну»*, причем здесь подразумевается пять очень красивых девушек; или *«Три мешка картофеля отосланы с пароходом Ллойда Минерва»*. Здесь дело идет о трех менее

красивых девушках или об «обыкновенном товаре». Другая телеграмма гласит: «Прибуду в пятницу с «Коброй», имею на борту два тюка отличного шелка».

4. РОСТ ПРОСТИТУЦИИ. ВНЕБРАЧНЫЕ МАТЕРИ

Определить число проституток очень трудно, дать точные данные невозможно. Полиция может приблизительно указать число тех, главным ремеслом которых является проституция, но она этого не может сделать относительно гораздо большего числа тех, для которых проституция является лишь частичным заработком. Во всяком случае приблизительно известные числа ужасающе высоки. По фон Эттингену, уже в конце шестидесятых годов число проституток в Лондоне достигло 80 тысяч. В Париже число зарегистрированных проституток на 1 января 1906 года равнялось 6196, но из них более чем одна треть избегает врачебно-полицейского контроля.

Во всем Париже в 1892 году было около 60 публичных домов с 600—700 проститутками, в 1900 году — 42 публичных дома. Это число постоянно уменьшается (в 1852 году имелось 217 публичных домов). Напротив, число скрытых проституток становится намного большим. На основании исследования, предпринятого в 1889 году парижским муниципальным советом, число женщин, занимающихся проституцией, достигает огромной цифры — 120 тысяч. Префект полиции Парижа Лефрин считает число зарегистрированных проституток в среднем в 6 тысяч, а тайных — в 70 тысяч человек. В период времени с 1871 до 1903 года было представлено в суд полицией 725 тысяч, а заключено в тюрьму 150 тысяч проституток. В 1906 году число вызванных в суд было не менее 56 196¹.

В Берлине число проституток, зарегистрированных полицией, составляло:

1886 г.	3 006	1897 г.	5 098
1890 »	4 039	1899 »	4 544
1893 »	4 663	1905 »	3 287

В 1890 году было шесть врачей, которые ежедневно в течение двух часов производили осмотр. С тех пор число врачей увеличено до 12, а несколько лет тому назад,

¹ Dr. Sicard de Plauzoles, La fonction sexuelle, Paris 1908, p. 167.

несмотря на протест многих мужчин-врачей, к этим осмотрам приглашена и женщина-врач. Зарегистрированные полицией проститутки составляют и в Берлине лишь очень небольшую часть проституток, сведущие лица определяют их число самое меньшее в 50 тысяч. (Другие, как, например, Лессер, исчисляют их от 24 тысяч до 25 тысяч, а Раумер — в 30 тысяч.) В 1890 году в одних только берлинских пивных было 2022 кельнерши, которые почти все занимаются проституцией. Точно так же из года в год возрастающее число проституток, арестуемых за нарушение предписаний полиции и нравов, показывает, что проституция в Берлине постоянно растет. Число этих арестованных составляло:

1881 г.	10 878	1896 г.	26 703
1890 »	16 605	1897 »	22 915

Из проституток, арестованных в 1897 году, 17 018 были преданы суду административного судьи — таким образом, на каждый день суда приходилось около 57 дел.

Как велико число проституток во всей Германии? Многие утверждают, что это число должно составлять приблизительно 200 тысяч. Штремберг предполагает число тайных и явных проституток Германии равным 92 200 или между 75 тысячами и 100 тысячами. Камилло К. Шнейдер пытался в 1908 году точно определить число зарегистрированных проституток. Его таблица обнимает 79 городов за 1905 год. «Так как в больших городах, где приходится предполагать значительное количество проституток, нет недостатка, то он считает, что общее число их довольно точно будет принять за 15 тысяч. Тогда при общем количестве населения в среднем в 60 600 тысяч одна зарегистрированная проститутка приходится на 4040 жителей». В Берлине одна проститутка приходится на 608, в Бреслау — на 514, в Ганновере — на 529, в Киле — на 527, в Данциге — на 487, в Кёльне — на 369, в Брауншвейге — на 363 жителя. Число контролируемых проституток постоянно падает ¹. По различным исчислениям, число официальных проституток относится к числу тайных, как 1 : 5—10. Таким образом, имеется целая армия,

¹ *Kamillio Karl Schneider, Die Prostituierte und die Gesellschaft. Eine sociologisch-ethische Studie, Leipzig 1908, S. 40 bis 41, 188 bis 189.*

для которой проституция является средством к жизни, и ей соответствует число жертв, заболеваний и смерти ¹.

Что огромному большинству проституток их образ жизни надоел и даже опротивел, — это известно всем специалистам. Но кто однажды попал в ряды проституток, тому в очень редких случаях удается вырваться оттуда. Гамбургское отделение британской континентальной и всеобщей федерации предприняло в 1899 году исследование среди проституток. Хотя лишь немногие ответили на поставленные вопросы, но все же эти ответы очень характерны. На вопрос «продолжали ли бы вы свой промысел, если бы могли себя прокормить иначе?» одна ответила: «Что же можно сделать, если тебя все презирают?» Другая ответила: «Я, находясь в больнице, молила о помощи». Третья: «Мой друг меня освободил, заплатив мои долги». От долгового рабства у хозяев публичных домов страдают все. Одна сообщает, что она должна своей хозяйке 700 марок. Платье, белье, украшения — все это хозяин доставляет по неимоверно высоким ценам, точно так же дорого считается еда и питье. Кроме того, девушки должны еще платить определенную плату хозяину ежедневно за помещение. Эта плата составляет 6, 8, 10 и более марок в день. Одна пишет, что она должна своему «Луи» платить ежедневно от 20 до 25 марок. Пока не заплачены долги, ее не отпускает ни один хозяин; в показаниях имеются также различные намеки на поведение полиции, которая стоит больше на стороне хозяев, чем беззащитных девушек. Одним словом, мы имеем здесь в центре христианской цивилизации рабство самого скверного вида. Чтобы лучше охранять свои сословные интересы, хозяева публичных домов

¹ На тысячу членов берлинской рабочей больничной кассы было заболеваний:

Годы	Гонорей		Мягкий шанкр		Сифилис	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
1892—1895	34,6	9,8	8,8	1,5	10,2	7,7
1896—1900	42,4	8,4	11,9	1,6	12,1	4,5
1901—1902	45,8	9,7	13,0	2,0	15,9	7,0

основали даже специальный печатный орган, носящий международный характер.

Число проституток растет в той же мере, в какой растет число женщин, которые заняты в различных отраслях промышленности в качестве работниц, получающих заработную плату слишком высокую, чтобы умереть, и слишком низкую, чтобы жить. Усилению проституции способствуют промышленные кризисы, сделавшиеся необходимыми в буржуазном мире и несущие нищету и нужду для сотен тысяч семей. Обер-констэбль Бельтон писал одному фабричному инспектору 31 октября 1865 года, что во время английского хлопчатобумажного кризиса, вызванного североамериканской войной за освобождение рабов, число молодых проституток возросло больше, чем в последние 25 лет. Но не только работницы делаются жертвами проституции, она распространяется и на «высшие профессии». Ломброзо и Ферреро цитируют Массе, который говорит о Париже, что в нем «диплом гувернанток высшей и низшей степени является не столько свидетельством на получение заработка, сколько на самоубийство, воровство и проституцию».

Паран-Дюшатле собрал в свое время статистические данные, по которым из 5183 проституток 1441 занимались проституцией из-за нужды и бедности, 1255 были сироты, не имеющие средств, 86 занимались проституцией, чтобы содержать родителей, братьев, сестер или детей, 1425 были любовницы, оставленные своими любовниками, 404 были девушки, соблазненные офицерами и солдатами и привезенные в Париж, 289 были во время беременности оставлены своими любовниками, 289 были прислуги, соблазненные хозяевами и выгнанные ими, 280 переселились в Париж из-за заработка. Госпожа Батлер, горячо борющаяся за униженных и оскорбленных своего пола, говорит: «Случайные обстоятельства: смерть отца, матери, безработица, недостаточная заработная плата, нищета, лживые обещания, совращения, расставленные сети — вот что довело их до гибели». Очень поучительны данные, приводимые К. Шнейдтом в брошюре «Бедственное положение кельнерш в Берлине»¹ относительно причин, так часто приводящих к проституции. Бросается в глаза, что

¹ *Karl Schneidt, Das Kellnerinnenelend in Berlin, Berlin 1893, Moderner Verlag.*

очень многие горничные делаются кельнершами или, что всегда то же, проститутками. Среди ответов, которые Шнейдт получил на составленный им вопросник от кельнерш, встречаются, между прочим, такие: «Потому, что я от своего господина получила ребенка и должна была зарабатывать». Другие отвечали: «Потому, что моя книжка была испорчена»; «Потому, что шитьем рубашек и тому подобным слишком мало зарабатывается»; или: «Потому, что меня уволили на фабрике и я не могла больше получить работу»; или: «Потому, что отец умер и оставалось еще четверо маленьких детей». Известно, что наибольший контингент проституток составляют горничные, соблазненные *своими господами*. О необычайно большом числе горничных, соблазненных своими господами или господскими сыновьями, рассказывает доктор Макс Таубе в своем сочинении «Охрана внебрачных детей»¹. Но и высшие классы поставляют свой контингент проституции; здесь причиной является не нужда, но соращение и стремление к легкой жизни, к нарядам и удовольствиям. Об этом говорится в сочинении «Падшие девушки и полиция нравов»².

«В ужасе и отчаянии узнает иной почетный бюргер, иной пастор, учитель, высокопоставленный чиновник и высокопоставленный военный среди прочего и то, что его дочь тайно предается проституции, и *если бы было возможно назвать всех этих дочерей, то это привело бы или к социальной революции, или к тому, что понятия о чести и добродетели сильно пострадали бы в народе*».

Именно из этих кругов рекрутируются проститутки высшего полета. Точно так же и большая часть актрис, у которых расходы на гардероб не соответствуют их жалованью, принуждены обращаться к этому грязному источнику дохода³. То же самое относится и к многочисленным девушкам, которые нанимаются как продавщицы и т. д. Очень многие предприниматели настолько

¹ Dr. med. Max Taube, Der Schutz der unehelichen Kinder, Leipzig 1893.

² Wilh. Ibleib (Gustav Schuhr) Berlin 1889.

³ В своем сочинении «Капитал и печать» (Берлин, 1891) доктор Ф. Меринг рассказывает, что одна актриса, не лишенная таланта, в одном очень известном театре получала в месяц 100 марок жалованья, между тем как ее расходы на одни костюмы достигали в месяц 1 тысячи марок. Дефицит покрывал «друг».

бессовестны, что оправдывают низкую заработную плату указанием на поддержку «друзей».

Швеи, портнихи, модистки, фабричные работницы — все эти сотни тысяч женщин находятся в подобном же положении. Предприниматели и их служащие, купцы, помещики и т. д. часто считают своей привилегией делать своих работниц и служащих своими любовницами. Наши благочестивые консерваторы любят выставлять деревенские условия жизни в нравственном отношении как своего рода идиллию по сравнению с крупными городами и промышленными округами. Кому известны эти условия, тот знает, что это не так. Это видно также из реферата, который один крупный землевладелец прочитал осенью 1889 года и о котором саксонские газеты сообщают так:

«Гримма. Владелец рыцарского имения доктор фон Вехтер прочитал недавно в епархиальном собрании, которое состоялось здесь, реферат о половой безнравственности в наших деревенских общинах и при этом обрисовал здешние отношения не в слишком розовых красках. С большою откровенностью референт признал, что нередко сами хозяева, даже женатые, находятся со своей женской прислугой в интимных отношениях, последствия которых покрываются или платою денег или уничтожаются путем преступления. К сожалению, нельзя скрыть, что безнравственность в деревенских общинах поддерживается не только девушками, которые, будучи кормилицами в городе, развращаются, и молодыми парнями, которые знакомятся с развратом во время военной службы, но, к сожалению, безнравственность заносится в деревню также образованными кругами, управляющими поместий и офицерами во время маневров. По словам доктора фон Вехтера, здесь в деревне очень немного девушек, которые в возрасте 17 лет сохранили бы свою невинность». Любовь к истине откровенного референта была наказана общественным бойкотом, который объявило против него оскорбленное офицерство. Та же участь постигла пастора Вагнера в Прицербе, который в своем сочинении «Нравственность в деревне» сказал господам помещикам неприятную правду¹.

¹ К докладу пастора Вагнера на конференции этического общества 20 сентября 1894 года была приложена анкета. Результаты изложены в двухтомном сочинении «Die geschlechtlich-sittlichen Verhältnisse der evangelischen Landbewohner im Deutschen Reiche, 1895 bis 1896».

Большая часть проституток толкается на это ремесло в возрасте, когда их вряд ли можно считать ответственными за свои поступки. Из арестованных за 1878—1887 годы в Париже тайных проституток 12 615, или 46,7 процента, было несовершеннолетних, за 1888—1898 годы несовершеннолетних было 14 072, или 48,8 процента. Ле Пиллер дает для большинства парижских проституток столь же лаконическую, сколь и печальную схему: в 16 лет лишена невинности, в 17 лет — проститутка, в 18 лет заражена сифилисом¹.

В Берлине в 1898 году из 846 зарегистрированных проституток несовершеннолетних было 229, а именно:

7	. . в возрасте 15 лет	59	. в возрасте 18 лет
21	. .» » 16 »	49	. » » 19 »
33	. .» » 17 »	66	. » » 20 ² »

В сентябре 1894 года в Будапеште разыгралось перво-степенное скандальное дело, из которого выяснилось, что 400 девушек в возрасте от 12 до 15 лет сделались жертвами шайки богатых развратников. Точно так же и сыновья наших «имущих и образованных классов» нередко считают своим правом соблазнять дочерей народа и затем бросать их. Не знающие жизни, не имеющие опыта, живущие по большей части без радости и друзей, дети народа слишком легко делаются жертвами соблазна, который приближается к ним в блестящей и льстивой форме. За этим следует разочарование, горе и в конце концов преступление. Из 2 060 973 рожденных в 1907 году в Германии детей 179 178 были рождены незаконными. Можно представить себе, сколько забот и сердечных страданий доставляет рождение незаконного ребенка большинству этих матерей, если даже принять во внимание, что впоследствии часть этих детей узаконивается их отцами. *Женские самоубийства и детоубийства очень часто объясняются нуждой и ницетою оставленных женщин.* Судебные процессы по поводу детоубийств дают в этом отношении тяжелую, поучительную картину. Осенью 1894 года суд присяжных в Кремсе (Нижняя Австрия) *приговорил к смертной казни* через повешение молодую девушку, которая через восемь дней после родов была без всяких средств выброшена

¹ *Professor S. Bettmann, Die ärztliche Überwachung der Prostituierten, «Handbuch der sozialen Medizin», 8. Band, Jena 1905, S. 82.*

² *S. Bettmann, S. 794.*

на улицу из родильного дома в Вене вместе со своим ребенком и в отчаянии убила его. О мерзавце-отце ничего не было известно. Весной 1899 года появилось следующее сообщение из Познани: «В понедельник познанский суд присяжных судил двадцатидвухлетнюю *работницу Катерину Горбаки* из Александерру около Нейштадта, обвинявшуюся в убийстве. Обвиняемая в 1897 и 1898 годах *служила у пробста Меркеля в Нейштадте*. Она находилась с ним в интимных отношениях и в июне прошлого года родила девочку, которая находилась на попечении у родственников. Пробст платил первые два месяца по семь с половиной марок на содержание ребенка, но дальнейших расходов, видимо, не хотел больше делать, по крайней мере, так представляет дело Горбаки. Так как ей приходилось делать расходы на ребенка, то она решила его *устранить*. В одно из сентябрьских воскресений прошлого года *она задушила ребенка подушкой*. Присяжные признали ее виновной в намеренном, но не обдуманном убийстве при смягчающих вину обстоятельствах. Прокурор требовал высшего наказания — пяти лет тюрьмы, суд приговорил к трем годам тюрьмы». Таким образом, соблазненная, подло брошенная, беспомощная, в отчаянии и позоре, женщина прибегает к крайнему средству, она убивает ребенка, ее предают суду и посылают на каторгу или казнят. Настоящий же бессовестный убийца остается безнаказанным, он, быть может, вскоре после этого женится на дочери «честной, благородной» семьи и делается очень уважаемым и благочестивым мужем. Немало таких, затоптавших в подобных делах свою честь и совесть, ходят покрытые всевозможными почестями. Если бы женщины могли сказать свое слово при составлении законов, то многое изменилось бы в этом отношении. Ясно, что многие детоубийства совершенно не открываются. В конце июля 1899 года одна горничная во Франкентале на Рейне обвинялась в том, что утопила в Рейне своего новорожденного незаконного ребенка. Прокуратура потребовала от всех полицейских властей от Людвигсхафена вниз по Рейну до голландской границы сообщения, не был ли найден в течение известного времени детский труп. Поразительным результатом этого требования было сообщение властей, что в данное время было вытащено из Рейна не менее 38 детских трупов, матерей которых до сих пор не могли узнать.

Самым жестоким образом, как уже было сказано поступает французское законодательство, которое запрещает поднимать вопрос об отцовстве, но зато основывает воспитательные дома. Соответствующее постановление конвента от 28 июля 1793 года гласит: *La nation se charge de l'éducation physique et morale des enfants abandonnés. Désormais, ils seront désignés sous le seul nom d'orphelins. Aucune autre qualification ne sera permis*. (Физическое и моральное воспитание детей — дело нации. Отныне они обозначаются одним только именем сирот. Никакое другое обозначение не допускается). Это было очень удобно для мужчин, так как вместе с этим обязательство одного переносилось на всех и его поступок не раскрывался перед публикой и его женой. Были устроены государственные воспитательные дома. Число сирот и найденных составляло в 1833 году 130 945; всякий десятый ребенок должен был рассматриваться как законный, от которого хотели отделаться родители. Но эти дети не пользовались никаким особенным уходом, и их смертность была очень велика. В первые годы жизни их умирало 59 процентов, то есть больше половины; до 12-го года жизни их умирало 78 процентов, так что из каждой сотни свыше двенадцатилетнего возраста достигали только 22. В начале шестидесятых годов еще существовало 175 воспитательных домов, в 1861 году там было принято 42 194 *enfants trouvés* (найденных), сюда присоединились 26 156 *enfants abandonnés* (подкидышей) и 9716 сирот, всего 78 066 детей, которые воспитывались на общественный счет. В 1905 году зарегистрировано 3348 найденных; число подкидышей достигло 84 271. Но в общем число покинутых детей в последние десятилетия немного уменьшилось.

В Австрии и Италии точно так же были основаны воспитательные дома на счет государства.

«*Ici on fait mourir les enfants*» («Здесь умерщвляют детей») предлагал, говорят, сделать надпись на этих воспитательных домах один монарх. Но в Австрии они постепенно исчезают: их там в настоящее время только восемь; там в начале девяностых годов находилось на попечении свыше 9 тысяч детей, в то время как вне заведения было размещено свыше 30 тысяч детей. Расходы на них составили два миллиона гульденов. В последние годы число подкидышей значительно сократилось. В 1888 году в Австрии вместе с Галицией находилось на государственном

попечении 40 865 детей, из них 10 466 — в воспитательных домах, а 30 399 были отданы в частные руки и потребовали расходов в 1 817 372 гульдена. Смертность в воспитательных домах была меньше, чем среди детей, отданных в частные руки, особенно в Галицию. Здесь в 1888 году в воспитательных домах умерло 31,25 процента детей, гораздо больше, чем в воспитательных домах других стран, но в частных домах умерло 84,21 процента — настоящее массовое убийство. Кажется, как будто польская шляхта старается, чтобы как можно скорее погубить этих бедных малышей.

Во всей Италии за время с 1894 по 1896 год принят на воспитание 118 531 ребенок (в среднем в год — 29 633): мальчиков — 58 901; девочек — 59 630; внебрачных — 113 141; брачных — 5390 (только 5 процентов). Как велика была смертность, видно из следующей таблицы: ¹

	1890—1892	1893—1896	1897
Число принятых детей . .	91 549	109 899	26 661
Из них умерло на первом году жизни	34 186	41 386	9 711
Это дает на 100	37,3	37,6	36,4
Смертность внебрачных детей в Италии	25,0	27,2	23,4
Смертность брачных детей	18,0	17,5	15,9

Рекорд побил воспитательный дом Санто Козо дель-Аннунциата в Неаполе, где в 1896 из 853 грудных младенцев умерло 850. Еще в 1907 году принято было в воспитательные дома 18 896 детей. В 1902—1906 смертность этих беденьких букашек достигала до 37,5 процента, это значит, что больше трети содержимых там детей умирает на первом году жизни ². Это всеми признанный факт, что незаконнорожденные дети умирают в гораздо большем проценте, чем законнорожденные.

По прусской статистике, на каждые 10 тысяч детей, рожденных живыми, умирало:

¹ *S. Turcsanyi und S. Engel, Das italienische Findelwesen. Vierteljahrshefte für öffentliche Gesundheitspflege 1903, 35. Band, S. 771.*

² *Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 3. Auflage, 4. Band, 1909. Artikel Findelhäuser oder Findelanstalten.*

	Годы					
	1881— 1885	1886— 1890	1891— 1895	1896— 1900	1904	
брачных	в городе	211	210	203	195	179
	в деревне	186	187	187	185	172
внебрач- ных	в городе	398	395	385	374	333
	в деревне	319	332	336	336	306

«Характерным и отличительным признаком тесной зависимости между проституцией и печальным положением домашней прислуги и сельских батрачек являются статистические данные, говорящие, что у 94 779 внебрачных детей, рожденных в 1906 году, профессии их матерей распределялись следующим образом: домашней прислуги 21 164, батрачек 18 869; таким образом, вместе — 40 033, или 42 процента; сельская прислуга и поденщицы дают вместе 30 процентов, фабричные работницы и ремесленницы — 14 процентов (13 460)»¹.

Разница в числе смертных случаев между законными и незаконными детьми особенно заметна в первом месяце жизни; здесь смертность незаконнорожденных в среднем в три раза превышает смертность законнорожденных. Причины лежат в плохом уходе во время беременности и после. Известное «делание ангелов» и худое обращение увеличивает число жертв. Также и число мертворожденных детей среди незаконных больше, чем среди законных, главным образом, вероятно, вследствие попыток части матерей вызвать смерть ребенка уже во время беременности. Сюда нужно присоединить еще и детоубийства, становящиеся известными, так как часть убитых детей скрывается под именем мертворожденных. «К 205 детоубийствам, приводимым судебными документами во Франции, нужно прибавить, по мнению Бертильлона, по меньшей мере еще 1500 якобы мертворожденных и 1400 намеренно замороженных голодом детей»².

На 100 рождений приходится мертворожденных: *

¹ G. v. Mayr, S. 140.

² Schnapper-Arndt, S. 181.

* F. Prinzing, Die Ursachen der Totgeburten. Allgemeines Statistisches Archiv 1907, 7. Band, S. 43 bis 44.

	Годы	Брачных	Внебрач- ных
Германия	1891—1900	3,15	4,25
Пруссия	1900—1902	3,02	4,41
Саксония	1891—1900	3,31	4,24
Бавария	1891—1900	2,98	3,61
Вюртемберг	1891—1900	3,30	3,48
Баден	1891—1900	2,62	3,35
Австрия	1895—1900	2,64	3,86
Швейцария	1897—1903	3,40	6,14
Франция	1891—1895	4,40	7,54
Голландия	1891—1900	4,38	8,13
Дания	1893—1894	2,40	3,20
Швеция	1891—1895	2,46	3,30
Норвегия	1891—1900	2,47	4,06
Финляндия	1891—1900	2,54	4,43
Италия	1891—1896	3,89	5,16

Остающиеся в живых мстят обществу за выпавшее на их долю обращение, *выставляя необыкновенно большой процент преступников всех ступеней.*

5. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НРАВСТВЕННОСТИ И ВЕНЕРИЧЕСКИЕ БОЛЕЗНИ

Нужно еще кратко коснуться другого, часто проявляющегося зла. Чрезмерные половые наслаждения гораздо вреднее, чем недостаток в них. Организм гибнет вследствие половых излишеств. Бессилие, бесплодие, страдание спинного мозга, слабоумие, духовная слабость и другие болезни — таковы последствия. Умеренность в половых отношениях точно так же необходима, как умеренность в пище и в удовлетворении других человеческих потребностей. Но быть умеренным представляется очень трудным для молодежи, имеющей все в изобилии. Поэтому в высших общественных слоях так много «молодых стариков». Число молодых и старых развратников велико, и они, пресыщенные чрезмерными половыми наслаждениями, чувствуют потребность в особенных раздражениях. Неза-

висимо от тех, которым врождена любовь к собственному полу (гомосексуалитет), многие другие предаются неестественностям греческой эпохи. Половая любовь между мужчинами распространена гораздо сильнее, чем многие думают; об этом тайные акты некоторых полицейских бюро могли бы сообщить ужасающие факты ¹. Но и среди женщин все в большей степени возрождаются неестественности старой Греции. Лесбийская любовь, сафизм, считается очень распространенной среди замужних женщин в Париже, и, по Такселю, среди аристократических парижских дам она достигает огромных размеров. В Берлине, говорят, четверть всех проституток занимается трибадией, но и в кругах дам нашего высшего света нет недостатка в ученицах Сафо.

Другим неестественным удовлетворением половой потребности является изнасилование детей, которое в последнее десятилетие увеличилось в несколько раз. Так, в Германии за преступления против нравственности было осуждено в 1895—10 239 человек, в 1905—13 432, в 1906—13 557. Из них по § 174 (безнравственные деяния против детей) в 1902—58, в 1907—72 человека и по § 176, раздел 3 (безнравственные поступки против лиц младше 14 лет) в 1902—4090, в 1906—4548, в 1907—4397. В Италии число преступлений против нравственности доходило за 1887—1889 годы до 4590, в 1903 году — до 8461, или 19,44 и 25,67 на 100 тысяч жителей. В Австрии констатированы были подобные же факты. «Быстрый рост преступлений против нравственности в 1880—1890 годах,— говорит вполне справедливо Г. Герц, — показывает, что хозяйственная структура современного общества с повышением количества холостых, обусловленным их странствием по стране, является важной причиной падения нравственности» ².

«Либеральные профессии», к которым принадлежат главным образом представители высших классов, дают в Германии приблизительно 5,6 процента уголовных преступлений, но преступления, связанные с изнасилованием

¹ Процессы Мольтке, Линкара, Ейленбурга развернули еще более ужасную картину, чем можно было ожидать. Они показали, как широко распространено половое извращение в высших кругах общества, особенно среди военных и придворных.

² Dr. *Hugo Herz*, *Verbrechen und Verbrechertum in Österreich*, Tübingen 1908, S. 65.

детей, составляют приблизительно 13 процентов. Этот процент был бы еще выше, если бы в данных кругах люди не имели больших возможностей скрывать свои преступления. Ужасные разоблачения, сделанные в восьмидесятих годах прошлого столетия «Pall Mall Gasette» о насилиях над детьми в Англии, показывают, какие ужасы царят в этой области.

Относительно венерических заболеваний и роста их в последнее время дают представление следующие числа, касающиеся больных венерическими болезнями, содержащихся в больницах Германии:

Годы	Триппер	Сифилис
1877—1879	23 344	67 750
1880—1882	28 700	79 220
1883—1885	30 038	65 980
1886—1888	32 275	53 664
1889—1891	41 381	60 793
1892—1894	50 541	78 093
1895—1897	53 587	74 092
1898—1901	83 374	101 225
1902—1904	68 350	76 678

Если мы возьмем среднее годовое количество, то оказывается, что за 25 лет оно с 7781 (триппер) и 22 583 (сифилис) поднялось на 22 750 и 25 559. Количество населения увеличилось только на 25 процентов, число же больных триппером возросло на 182 процента, а сифилисом — на 19 процентов.

Мы имеем еще статистические данные, касающиеся, однако, не многих лет, а всего одного дня 30 апреля 1900 года и относящиеся к лечащимся у врачей больных триппером, сифилисом, шанкром. Эти данные собраны прусским министерством народного просвещения. Вопросный лист был послан всем прусским врачам. Хотя ответы дали только 63,5 процента, оказалось, что 30 апреля 1900 года в Пруссии лечением у врачей пользовались около 41 тысячи венерических больных. 11 тысяч были заражены свежим сифилисом. В одном Берлине в этот день зарегистрировано 11 600 венериков, из них 3 тысячи свежих сифилитиков. На 100 тысяч взрослых жителей пользовались лечением у врачей:

	Мужчины	Женщины
В Берлине	1419	457
В 17 городах с населением свыше 100 000	999	279
В 42 городах с населением от 30 000 до 100 000	584	176
В 47 городах с населением меньше 30 000	450	169
В остальных городах и сель- ских общинах	80	27
<hr/>		
Во всей Германии	282	92

В частности, из городов наиболее поражены города портовые, университетские, промышленные и имеющие гарнизоны. (В Кёнигсберге — на 100 тысяч жителей — 2152 мужчин и 619 женщин, в Кёльне — 1309 и 402, во Франкфурте-на-Майне — 1505 и 399.)

Что касается Берлина, то Бляшко находит, «что в таком большом городе, как Берлин, из тысячи молодых мужчин между 20 и 30 годами ежегодно заболевают триппером 200 человек, то есть приблизительно пятая часть, и около 24 человек заболевают свежим сифилисом. Период времени, в течение которого мужская молодежь подвергается опасности заражения, более одного года. Для некоторых слоев населения он равняется 5, для других — 10 и более годам. Таким образом, молодой человек после пятилетнего безбрачия заражается триппером один раз, после десятилетнего — два раза. По прошествии четырех-пяти лет каждый десятый, после 8—10 каждый пятый приобретает сифилис. Или другими словами: из мужчин, вступающих в брак старше 30-летнего возраста, каждый дважды болеет триппером, а каждый четвертый или пятый — сифилисом. Эти числа, полученные самым осторожным вычислением, не преувеличены врачами, которым исповедуются иногда в несчастии, замалчиваемом перед целым миром».

Результаты анкеты 30 апреля 1900 года находят свое подтверждение и в исчерпывающей работе штабного врача доктора Швининга, вышедшей из печати в 1907 году, в которой рассматривается положение в прусской армии ¹.

¹ См. Generaloberarzt Professor Dr. Schumburg, Die Geschlechtskrankheiten, ihr Wesen, ihre Verbreitung, Leipzig 1909.

Из этой работы видно, что округа корпусов армии, которые вообще, хотя и не всегда полностью, совпадают с провинциями, ежегодно дают приблизительно одно и то же число рекрутов, больных венерическими болезнями. А некоторые корпуса армии дают особенно высокие цифры. Примером может служить третий, набираемый в Бранденбурге, корпус. И именно Берлину надо вменить в вину 2 процента рекрутов-венериков. В 9-м корпусе Берлин заменяет Альтона (Гамбург), в 12-м — Дрезден, в 19-м — Лейпциг. Еще яснее видно распространение венерических болезней среди гражданского населения из вычислений Швининга о проценте венериков-рекрутов, падающем на отдельные правительственные округа. Из 1 тысячи человек было венериков:

	1903 г.	1904 г.	1905 г.
Берлин	40,9	37,2	45,2
27 городов с населением больше 100 000	14,9	16,7	15,8
26 — с населением 50 000— 100 000	11,6	9,6	9,5
33 — с населением 25 000— 50 000	8,2	6,8	9,1
Города с населением менее 25 000 жителей и сель- ские местности	4,3	5,0	4,0
Государство	7,6	8,1	7,8

Первое место занимает Шенеберг, дающий 58,4 венерических больных рекрутов на 1 тысячу человек. Из внепрусских больших городов Гамбург давал на 1 тысячу 29,8, Лейпциг — 29,4, Дрезден — 19, Хемниц — 17,8, Мюнхен — 16,4 венерических больных.

По Г. фон Майру, годовой прирост венерических больных в среднем в 1903/4 году на 1 тысячу человек составлял в Пруссии 19,6, в Австро-Венгрии — 60,3, во Франции — 27,1, в Италии — 85,2, в Англии — 125, в Бельгии — 28,3, в Голландии — 31,4, в России — 40,5, в Дании — 45. Особенно велик этот прирост во флоте. В немецком флоте он составлял в 1905—1906 годах за пределами страны 113,6 на 1 тысячу человек, во внутренних водах — 58,8, на суше — 57,8; в английском флоте этот прирост в 1905 году составлял 121,55, в 1906 году — 121,94 на 1 тысячу человек.

Таким образом, мы видим, как благодаря нашим социальным условиям рождаются и увеличиваются всякого рода пороки, разврат, преступления и правонарушения. Все общество приходит в тревожное состояние, от которого больше всего страдают женщины.

Женщины все более это чувствуют и ищут выхода. Они требуют прежде всего экономической самостоятельности и независимости; женщина должна быть допущена наравне с мужчиной ко всякой деятельности, которую позволяют ей выполнять ее силы и способности; они требуют в особенности допущения к так называемым «либеральным профессиям». Справедливы ли эти стремления? Выполнимы ли они? Принесут ли они пользу? Вот вопросы, которые требуют ответа.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

1. РАЗВИТИЕ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖЕНСКОГО ТРУДА

Стремление женщины к самостоятельному заработку и личной независимости до известной степени признается справедливым буржуазным обществом точно так же, как стремление рабочих к свободе. Главная причина такого сочувствия лежит в классовом интересе буржуазии. Буржуазии нужно полное освобождение мужских и женских рабочих сил, чтобы можно было довести производство до высшего его развития. По мере того как совершенствуются машины и техника, процесс работы все более распадается на отдельные части и требует меньшего технического навыка и силы; с другой стороны, усиливается конкуренция между промышленниками и ведется конкурентная борьба между промышленными областями, между странами и между частями света; вместе со всем этим все более растет и потребность в рабочей силе женщины.

Специальные причины, ведущие к постоянному увеличению женского труда в постоянно возрастающем числе различных отраслей промышленности, были изложены уже выше. Женщина наряду с мужчиной или вместо него даже скорее находит занятие, ибо ее материальные требования ниже требований мужчины. Сама природа женщины как полового существа заставляет ее предлагать свои силы более дешево; она в среднем чаще, чем мужчина, подвергается физическим недомоганиям, которые заставляют ее прекращать работу, что при существующей в крупной промышленности взаимозависимости и организации труда легко ведет к приостановке работы. Беременность и роды удлиняют подобные перерывы¹. Предприни-

¹ Согласно спискам многочисленных больничных касс, составленным фабричным инспектором Шулером, число дней болезни, ежегодно приходящееся на одного человека, составляет для женщин — членов больничных касс 7,17, а для мужчин — лишь 4,78. Продолжи-

матерь пользуется этим обстоятельством, и за причиненные *неприятности*, вызванные подобными помехами, *он вполне вознаграждает себя, значительно уменьшая заработную плату*. Женщина, кроме того, более, чем мужчина, прикреплена к своему месту жительства или к его ближайшим окрестностям; она не может, как в большинстве случаев мужчина, менять его.

Кроме того, труд, в особенности замужних, женщин, как это видно из приведенной выше цитаты из «Капитала» Маркса, имеет для предпринимателей еще свою особенную прелесть. Как работница, замужняя женщина «гораздо внимательнее и смысленее», чем незамужняя; забота о детях принуждает ее к самому крайнему напряжению своих сил, чтобы заработать необходимые средства для жизни, и поэтому она многое сносит, на что не согласится незамужняя женщина и в особенности рабочий-мужчина. В общем работница еще очень редко осмеливается соединиться со своими товарищами по работе для достижения лучших условий труда. И это в глазах предпринимателя повышает ее ценность; она часто является даже в его руках прекрасным козырем против строптивых рабочих-мужчин; у женщины, далее, гораздо больше терпения и ловкости в пальцах, у нее более развитый вкус, вообще она обладает свойствами, которые для многих работ делают ее пригоднее мужчины.

Добродетельный капиталист умеет очень хорошо оценивать эти женские качества и, таким образом, женщина с развитием нашей промышленности с каждым годом находит все большую область применения своих сил, и — что самое важное — *этим она не улучшает сколько-нибудь заметно своего социального положения*. Применение женской рабочей силы нередко освобождает мужскую рабочую силу. Но, будучи вытесненной, эта последняя тоже хочет жить и потому предлагает себя за меньшую заработную плату, и это предложение в свою очередь понижает заработную плату работницы. Понижение заработной платы становится винтом, который приводится в дви-

тельность отдельного заболевания у женщин равнялась 24,8, у мужчин 21,2 дня (O. Schwarz, Die Folgen der Beschäftigung verheirateter Frauen in Fabriken vom Standpunkt der öffentlichen Gesundheitspflege. Deutsche Vierteljahrshefte für öffentliche Gesundheitspflege 1903, 35. Band, S. 424).

жение постоянно развивающейся техникой рабочего процесса, особенно тем, что этот процесс, осуществляя экономию на рабочую силу, освобождает и работниц, что опять-таки увеличивает предложение «рук». Вновь возникающие промышленные отрасли до некоторой степени противодействуют постоянному производству излишней рабочей силы, но это противодействие недостаточно, чтобы на продолжительное время были достигнуты лучшие условия труда. В этих отраслях промышленности, как, например, в электротехнической, мужская рабочая сила вытесняется женской. Так, на всех фабриках небольших моторов Всеобщей компании электричества большинство машин обслуживается девушками. Всякое повышение заработной платы сверх известного размера побуждает предпринимателя заботиться о дальнейшем улучшении своих машин, чтобы безвольную автоматическую машину поставить на место человеческих рук и человеческого мозга. В начале капиталистического производства на рабочем рынке рабочий-мужчина стоит почти только против рабочего-мужчины; теперь же против одного пола выдвигается другой пол и затем, далее, против одного возраста — другой возраст. Женщина вытесняет мужчину, и женщина в свою очередь вытесняется трудом подростков и детей. Вот «нравственный порядок» современной промышленности.

Это состояние сделалось бы, в конце концов, невыносимым, если бы против него со всей силой не боролась организация рабочих с их профсоюзами. Примкнуть к этим организациям специально для работницы является требованием необходимости, потому что она как отдельное лицо еще меньше может оказать сопротивления, чем рабочий. Работницы это постепенно понимают. Поэтому в свободных профессиональных союзах в Германии состояло женщин в 1892 году — 4355, в 1899—19 280, в 1900—22 884, в 1905—74 411, в 1907—136 929, в 1908—138 443 ¹.

Согласно пятому международному сообщению о профсоюзном движении, число женщин — членов профсоюза составляет в Великобритании 201 709, во Франции — 88 906, в Австрии — 46 401.

Стремление предпринимателей удлинить рабочий день, чтобы выжимать из своих рабочих большую прибавочную

¹ Во всех немецких профсоюзах 168 411.

Промышленное население

	Год исчисления	Общее количество населения			Промышленное население			Промышленное население в процентах		
		мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	общее
Германия	1907	30 461 100	31 259 429	61 720 529	18 599 236	9 492 881	28 092 117	61,1	30,4	45,5
Австрия	1900	12 852 693	13 298 015	26 150 708	8 257 294	5 850 158	14 107 452	64,2	44,0	53,9
Венгрия	1900	9 582 152	9 672 407	19 254 559	6 162 298	2 668 697	8 830 995	64,3	27,6	45,9
Россия	1897	62 477 348	63 162 673	125 640 021	25 995 237	5 276 112	31 271 349 ¹	41,6	8,4	24,9
Италия	1901	16 155 130	16 320 123	32 475 253	10 988 462	5 284 064	16 272 526	68,0	32,4	50,1
Швейцария	1900	1 627 025	1 688 418	3 315 443	1 057 817	498 760	1 556 577	65,0	29,5	46,9
Франция	1901	18 916 889	19 533 899	38 450 788	12 910 565	6 804 510	19 715 075	68,2	34,8	51,3
Бельгия	1900	3 324 834	3 368 714	6 693 548	2 123 072	948 229	3 071 301	63,8	28,1	45,9
Голландия	1899	2 520 603	2 583 535	5 104 138	1 497 159	433 548	1 930 707	59,4	16,8	37,8
Дания	1901	1 193 448	1 256 092	2 449 540	752 559	353 980	1 106 539	63,1	28,2	45,2
Швеция	1900	2 506 436	2 630 005	5 136 441	1 422 979	551 021	1 974 000	56,8	21,0	38,4
Норвегия	1900	1 066 693	1 154 784	2 221 477	599 057	277 613	876 670	56,1	24,0	39,5
Англия и Уэльс	1901	15 728 613	16 799 230	32 527 843	10 156 976	4 171 751	14 328 727	64,6	24,8	44,1
Шотландия	1901	2 173 755	2 298 348	4 472 103	1 391 188	591 624	1 982 812	64,0	25,8	44,3
Ирландия	1901	2 200 040	2 258 735	4 458 775	1 413 943	549 874	1 963 817	64,3	24,3	44,0
Великобрит. и Ирландия	1901	20 102 408	21 356 313	41 458 721	12 962 107	5 313 249	18 275 356	64,5	24,9	44,1
Соединенные Штаты Америки ²	1900	39 059 242	37 244 145	76 303 387	23 956 115	5 329 807	29 285 922	61,3	14,3	38,4

¹ Исключая несамостоятельных производителей.

² Это число включает 91 219 человек, состоявших на службе в армии и во флоте и находившихся к моменту исчисления за пределами страны.

стоимость, облегчается меньшею силой сопротивления работниц. Этим объясняется, что, например, в текстильной индустрии, где женщины составляют больше половины общего числа рабочей силы, рабочее время повсюду *самое продолжительное*, поэтому именно здесь и должна была быть применена государственная охрана путем законодательного ограничения рабочего времени. Домашняя работа приучила женщину не знать никакой меры во времени для своего труда, и она без всякого сопротивления позволяет предъявлять к себе повышенные требования.

В других отраслях промышленности, как, например, при работе модисток, изготовлении искусственных цветов и т. д.¹, женщины вредят себе в заработной плате и рабочем времени тем, что берут с собою излишнюю работу на дом, не замечая, что они этим создают сами себе конкуренцию и при 16-часовом рабочем дне зарабатывают не больше, чем они зарабатывали при установленном 10-часовом рабочем времени.

Какое значение получила промышленная деятельность женского пола в различных культурных странах, это поясняет приведенная на 265 странице таблица, где указано процентное отношение между лицами мужского и женского пола, занятыми в промышленности, по сравнению со всем населением².

Та же таблица указывает, далее, что число женщин, занятых в промышленности, составляет во всех культурных государствах очень значительный процент всего населения, причем в Австрии, Франции и Италии этот процент наивысший — здесь, вероятно, особенно для Австрии и Италии, играет роль способ исчисления, а именно, что сосчитаны не только женщины, для которых работа на производстве является главным занятием, но и те, для которых она является побочным; в Соединенных Штатах этот процент наименьший. Важно также сравнить рост промышленного населения с предыдущими периодами.

¹ «Особенно на предприятиях по изготовлению готового платья, по также и на других фабриках. Это наблюдается на Зоиненбергской игрушечной фабрике, на бельевых, обувных и бумажных фабриках» (R. Wilbrandt, Arbeiterinnenschutz und Heimarbeit, Jena 1906, S. 84).

² Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 2. Band, Auflage, S. 382.

Берем сначала Германию:

Годы исчисления	Общее количество населения		Заняты в промышленности	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин
1882	22 150 749	23 071 364	13 415 415	5 541 517
1895	25 409 161	26 361 123	15 531 841	6 578 350
1907	30 461 100	31 259 429	18 599 236	9 492 881

	Процент занятых в промышленности ко всему населению		На 100 занятых в промышленности было	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин
1882	60,57	24,02	71,24	28,76
1895	61,13	24,96	70,25	29,75
1907	61,06	30,37	66,21	33,79

Таблица показывает, что круг лиц, занятых в производственной деятельности, превышает прирост населения, что приток женской рабочей силы в производство еще более увеличивает уровень роста, что число мужского населения, занятого в производстве, остается относительно неизменным, в то время как число женщин в нем растет относительно и абсолютно, что женский труд, чем дальше, тем больше вытесняет мужской труд.

Количество лиц, занятых в промышленности, возросло с 1882 по 1895 год на 16,6 процента, а с 1895 по 1907 год — на 19,34 процента, а именно: мужчин — соответственно на 15,8 процента и на 19,35 процента; женщин же — на 18,7 процента с 1882 по 1895 год и на 44,44 процента с 1895 по 1907 год! Так как общее количество населения с 1882 по 1895 год увеличилось только на 19,8 процента, а с 1895 по 1907 год — только на 19,34 процента, то количество промышленных рабочих вообще возросло, но в то время как увеличение количества промышленных рабочих-мужчин идет на одном уровне с ростом всего населения, количество женщин, занятых в производстве, растет гораздо быстрее, что указывает на то, что борьба за существование требует большего, чем прежде, напряжения сил.

С 1882 по 1895 год и с 1895 по 1907 год общее население в Германии возросло (+) или убыло (—):

	С 1882 по 1895 г.	С 1895 по 1907 г.
Женщины, занятые в производстве	+1 005 290=23,60%	+2 979 105=56,59%
Мужчины, занятые в производстве	+2 133 577=15,95%	+3 077 382=19,85%
Женская прислуга	+31 543=2,46%	—64 574=4,91%
Мужская »	—17 151=40,35%	—9 987=39,38%

(См. табл. на стр. 269.)

Среди занятых в промышленности лиц было:

	1895 г.			
	женщин	%	мужчин	%
Самостоятельных	1 069 007	22,1	4 405 039	31,3
Служащих	39 418	0,81	582 407	4,1
Рабочих и др. (прислуга исключена)	3 745 455	77,09	9 071 097	64,6
	4 853 880=100,00		14 058 543=100,00	
	1907 г.			
	женщин	%	мужчин	%
Самостоятельных	1 052 165	—	4 438 123	—
Служащих	159 889	—	1 130 839	—
Рабочих и др. (прислуга исключена)	6 422 229	—	11 413 892	—
	7 634 283=100,00		16 982 854=100,00	

Из самостоятельных женщин приходилось в 1907 году по сравнению с 1895 годом на:

	1907 г.	1895 г.	
промышленность (домашнюю)	477 290	519 492—42 202=8,10	процента
торговлю и транспорт	246 641	202 616+44 025=21,77	»
сельское хозяйство	328 237	346 896—18 659=9,04	»

Из общего количества занятых в производстве приходилось на:

	В 1882 г.		В 1895 г.		В 1907 г.	
	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин
лесное и сельское хозяйство	2 534 909	5 701 587	2 753 154	5 539 538	4 598 986	5 284 271
горное дело	1 126 976	5 269 489	1 521 118	6 760 102	2 403 924	9 152 330
торговлю и транспорт	298 110	1 272 208	579 608	1 758 903	931 373	2 546 253
поденную работу разного рода	183 836	213 746	233 865	198 626	320 904	150 791
общественную службу и свободные профессии	115 272	373 593	176 648	618 335	288 311	799 025
армию и флот	—	542 282	—	630 978	—	651 149

Промышленных рабочих убыло (—) или возросло (+) в:

	С 1882 по 1895				С 1895 по 1907			
	женщин	%	мужчин	%	женщин	%	мужчин	%
сельском и лесном хозяйстве	+218 245	8,60	+ 162 049	2,80	+1 845 832	67,04	— 255 267	4,61
промышленности и горном деле	+394 142	35,00	+1 490 613	28,30	582 806	38,31	+2 392 228	35,39
торговле и транспорте	+281 498	98,40	+ 486 695	38,30	351 765	60,69	+ 787 350	44,76
поденной работе разного рода	+ 50 029	27,20	— 15 120	7,10	87 039	37,22	— 47 835	24,08
общественной службе и свободных профессиях	+ 61 376	53,25	+ 154 285	33,25	111 663	—	+ 180 690	—
армии и флоте	—	—	+ 179 153	39,65	—	—	+ 20 216	—
Всего	+1 005 290	23,60	+2 133 577	15,90	+2 979 105	—	+3 077 382	—

Сильнее всего женщины были представлены в:

	1907 г.	1895 г.
сельском хозяйстве	4 585 749	2 745 840
изготовлении и чистке одежды	883 184	713 021
торговом деле	545 177	299 829
текстильной промышленности	528 235	427 961
гостиницах и питейных заведениях	339 555	261 450
производстве пищевых продуктов	248 962	140 333
промышленности по обработке металлов	73 039	36 210
промышленности по обработке камня и земли	72 270	39 555
бумажной промышленности	67 322	39 222
деревобделочной промышленности и резьбе по дереву	48 028	30 346

Отрасли производства, в которых женщины-работницы значительно превышают в Германии количество мужчин, главным образом следующие:

	Женщины	Мужчины
Сельское хозяйство	4 217 132	2 737 768
Текстильная промышленность	466 210	390 312
Производство одежды	403 879	303 264
Чистка одежды	85 684	58 035
Гостиницы и питейные заведения	266 930	139 002
Домашняя прислуга	279 208	36 791
Здравоохранение и уход за больными	129 197	78 520

Эти цифры дают яркую картину положения вещей в Германии. Хотя рост количества промышленных рабочих далеко превышает прирост населения, приток женской рабочей силы к производству еще более превышает эти цифры. Во всех областях женская работа стремительно прорывается вперед. В то время как количество мужчин, занятых в производстве, остается относительно постоянным, количество женщин в нем возрастает как абсолютно, так и относительно. Более того, прирост женщин-работниц составляет главную часть в увеличении доли промышленного населения по отношению ко всему населению. Доля женщин, состоящих на содержании других членов семьи, упала с 70,81 процента в 1895 году до 63,90 процента в 1907 году. Вместе с тем женская работа приобрела такие размеры и значение, что доказала всю смехотворную пустоту филистерской поговорки «женщина принадлежит дому».

В Англии в промышленности было занято:

	Всего	Мужчин	Женщин	Из 100 рабочих, занятых в производстве	
				мужчин	женщин
1871	11 593 466	8 270 186	3 323 280	—	—
1881	11 187 564	7 783 646	3 403 918	69,59	30,41
1891	12 751 995	8 883 254	4 016 230	68,09	31,91
1901	14 328 727	10 156 976	4 171 751	70,09	29,91

Следовательно, в продолжение 30 лет число занятых в промышленности лиц мужского пола возросло на 1 886 790 = 22,8 процента, число же лиц женского пола возросло на 848 471 = 25,5 процента. Особенно замечательно в таблице то, что, хотя 1881 год являлся кризисным годом, число занятых в промышленности лиц мужского пола по сравнению с 1871 годом упало на 486 540, а число лиц женского пола возросло на 80 638.

Относительное уменьшение женского труда в 1901 году только кажущееся, так как число занятых в сельском хозяйстве несравнимо с числом в 1891 году, так как большее число жен и дочерей арендаторов фигурирует в 1901 году как не имеющие профессии. Кроме того, в последнее двадцатилетие особенно большой прирост представляют те производства, где преобладающей является мужская рабочая сила; напротив, в текстильной промышленности и после 1891 года замечается абсолютное и относительное уменьшение.

	1881 г.	1901 г.	Прирост в процентах	Среди них женщины
Обработка камня и земли	528 474	805 185	53	5 006
Металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность . . .	812 915	1 228 504	52	61 233
Строительное дело .	764 911	1 128 680	47	2 485
Текстильная промышленность	1 094 636	1 155 397	5	663 222

Несмотря на это, женская работа снова увеличилась за счет мужской. Доля женского труда, составляющая в 1851—1861 годах еще 12,6 процента, а в 1871—1881 годах — 7,6 процента, уменьшилась в 1891—1901 годах на 1,8 процента. В 1907 году в текстильной промышленности числилось: 407 360 рабочих (36,6 процента) и 679 863 работницы (63,4 процента).

Напротив, в конфекционной промышленности и в торговле женский труд возрастал гораздо резче. Дальше оказалось, что более молодые работницы вытесняют более старых. А так как женщины моложе 25 лет большей частью являются не замужними, а старше чаще всего замужние или вдовы, то девицы занимают место замужних или вдов.

Отрасли производства в Англии, в которых женская работа преобладает над мужской, являются главным образом следующие

	Женщин	Мужчин
Домашняя прислуга	1 690 686	124 263
Конфекционная промышленность	711 786	414 637
Текстильная промышленность . .	663 222	492 175

В том числе:

Хлопчатобумажное производство	328 793	193 830
Шерстяное	»	153 311
Пеньковое, джуговое	»	104 587
Шелковое	»	22 589
Вязанье	28 962	9 587

Оплата женского труда почти во всех отраслях производства значительно ниже мужского при одинаковом рабочем времени. В текстильной промышленности, согласно последним данным, средний недельный заработок в 1906 году для мужчин был 28 шиллингов 1 пенни (28,55 марки), а для женщин — только 15 шиллингов 5 пенсов (15,66 марки)¹. В производстве велосипедов, где в последнее время ввиду введения машин женская работа быстро развилась, женщины получают за неделю лишь 12—18 шиллингов там, где мужчины зарабатывают 30—40 шиллингов². То же явление встречаем мы в производстве бумаги, в переплетном деле и производстве обуви. Особенно плохо

¹ Textile Trades im Jahre 1906, London 1909.

² E. Cadbury, C. Matheson and G. Shann, Women's work and wages, London 1906, p. 121.

оплачивается женский труд в производстве белья: 10 шиллингов в неделю — уже хороший заработок. «Вообще женщина зарабатывает треть или половину недельной заработной платы мужчины»¹.

Подобное же различие в оплате между мужчинами и женщинами существует в почтовой службе, в преподавании. Только в хлопчатобумажной промышленности в Ланкашире оба пола получают за одно и то же рабочее время почти равную зарплату.

В Соединенных Штатах женский труд развивался в следующих размерах:

	1880 г.	%	1890 г.	%	1900 г.	%
Сельское хозяйство . .	594 510		678 884		977 336	
Свободные профессии .	177 255		311 687		430 597	
Домашняя и личная прислуга	1 181 300		1 667 651		2 095 449	
Торговля и транспорт .	63 058		228 421		503 347	
Фабрики	631 034		1 027 928		1 312 668	
Всего женщины . .	2 647 157	14,7	3 914 571	17,4	5 319 397	18,8
» мужчины . . .	14 774 942	85,3	18 821 090	82,6	23 753 836	81,2
	17 392 099	100	22 735 661	100	29 073 233	100

Здесь мы видим, что количество занятых в промышленности женщин с 3 914 571 в 1890 году поднялось в 1900 году до 5 319 397, то есть значительно быстрее, чем общее количество населения, возросшее с 62 622 250 в 1890 году до 76 303 387 в 1900 году, то есть только на 21 процент. Так же неудержимо относительно падает количество занятых в производстве мужчин, потому что они вытесняются женщинами. Поэтому теперь из 100 занятых в промышленности лиц на женщины приходится 18,8 процента, в то время, как в 1880 году их приходилось не более 14,7 процента.

Не существует почти ни одной профессии, кроме девяти (из 312), в которых бы не работали женщины. По переписи 1900 года, из женщин были даже 5 лоцманов, 45 паровозных машинистов и кочегаров, 185 кузнецов, 508 механи-

¹ E. Cadbury and G. Shann, Sweating, London 1907, p. 76.

ков, 11 бурильщиков и 8 котельщиков. «Разумеется, эти числа не имеют большого социального значения. Они доказывают только, что имеется очень мало профессий, где совершенно исключена женщина благодаря ли ее природным особенностям или законодательным положениям»¹.

Особенно сильно представлены женщины в следующих профессиях: домашней прислуги и кельнерш — 1 213 828, изготовление женской одежды — 338 144, сельских работниц — 497 886, прачек — 332 665, учительниц — 327 905, фермерш — 307 788, текстильных работниц — 231 458, экономок — 147 103, продавщиц — 146 265, швей — 138 724, сиделок и повивальных бабок — 108 691, неквалифицированных работниц — 106 916. В этих двенадцати профессиях числятся 3 583 333 женщины — 74,1 процента всех занятых в промышленности женщин. Кроме того, еще имеется 85 086 стенографисток, 82 936 шляпниц, 81 тысяча торговых служащих, 72 896 бухгалтеров и т. д. Всего в 19 профессиях с количеством рабочих более 50 тысяч в каждой имеется 4 293 894 женщины, что составляет 88,8 процента всех занятых в промышленности женщин.

Из 100 рабочих, занятых в производстве, приходится на:

	Женщин	Мужчин
белешвейное производство	99,4	0,6
производство предметов моды	98,0	2,0
швейное производство	96,8	3,2
изготовление воротников	77,6	22,4
трикотажное производство	72,8	27,2
изготовление перчаток	62,6	37,4
переплетное производство	50,5	49,5
текстильное производство	50,0	50,0
экономов и экономок	94,7	5,3
уход за больными	89,9	10,1
прачечное дело	86,8	13,2
служебный персонал	81,9	18,1
посредников по сдаче комнат в наем	83,4	16,6
стенографию	76,7	23,3
учителей и учительниц	73,4	26,6
преподавателей музыки	56,9	43,1

Из 4 833 630 женщин, занятых в промышленности, от 16 лет и старше было 3 143 712 холостых, 769 477 замужних, 857 005 вдов и 63 436 получивших развод.

¹ Statistics of women at work, Washington 1908, p. 31.

«Рост занятости в промышленности в процентном отношении, — гласит американский отчет, — был выше всего для замужних женщин, так как это процентное отношение в 1900 году было на четверть выше, чем в 1890 году. В 1890 году одна женщина приходилась на 22 промышленных рабочих, в 1900 году — одна на 18 рабочих».

Очень велико, как абсолютно, так и относительно, число вдов и разведенных женщин, занятых в промышленности. Из 2 721 438 вдов в 1900 году в промышленности было занято 857 005—31,5 процента, а еще выше был этот процент среди разведенных женщин. Из 114 935 занятых в промышленности в 1900 году было 55,3 процента, в 1890 — 49 процентов. Таким образом, женщины с каждым годом становятся все более и более самостоятельными.

Из 303 профессий, в которых работают женщины, в 79 профессиях женщин имеется менее 100, в 59 — от 100 до 500, в 31 — от 500 до 1 тысячи, в 125 — более 1 тысячи, в 63 — более 5 тысяч.

Из 100 занятых лиц в возрасте 16 лет и старше за неделю получают:

Мужчины		Женщины	
Менее 7 долл.	18 %	Менее 7 долл.	66,3%
От 7 до 9 долл.	15,4 »	От 7 до 9 долл.	19,6 »
» 9 » 20 »	60,6 »	» 9 » 15 »	13,2 »
» 20 » 25 »	4,8 »	» 15 » 20 »	0,8 »
более 25»	2 »	» 20 » 25 »	0,1 »
<hr/>		<hr/>	
Средняя недельная плата		11,16 долл.	6,17 долл.

Мы видим, таким образом, что 60,6 процента всех мужчин получают больше девяти долларов. Напротив, только 14,1 процента работниц получают более девяти долларов и две трети (66,3 процента) — менее семи долларов¹. Средняя недельная плата для мужчин равняется 11,16 доллара, для женщин же — 6,17 доллара, то есть почти в два раза менее.

Различие так же велико и в служебном мире. Из 185 874 гражданских служащих исчислялось: 172 053 мужчины — 92,6 процента и 13 821 женщины — 7,4 процента. В Колумбии, где находятся центральные учреждения, соотношение женского труда поднимается до 29 процентов.

¹ Earnings of wage-earners, Bulletin 93, Washington 1908, p. 11.

47,2 процента всех женщин получают менее 720 долларов, тогда как у мужчин такой заработок имеют только 16,7 процента ¹.

Во Франции, по переписи 1901 года, промышленного населения было 19 715 075, из них 12 910 565 мужчин и 6 804 510 женщин. По отдельным профессиям они распределяются следующим образом:

	Мужчины	%	Женщины	%
Сельское хозяйство	5 517 617	72	2 658 952	28
Торговля	1 132 621	65	689 999	35
Домашняя прислуга	223 861	23	791 176	77
Свободные профессии	226 561	67	173 278	33
Промышленность	3 695 213	63,5	2 124 642	36,5

Таким образом, женское рабочее население равняется половине мужского ².

Как и во всех других странах, процент женщин меньше всего в тех профессиях, которые требуют большой физической силы (в горном деле на 100 мужчин приходится 2,03 процента женщин; в каменоломнях — 1,65; в металлургии — 1,06). Наоборот, в текстильной промышленности участие женщин сильнее всего: на 100 мужчин приходится 116 женщин. В конфекционной промышленности и в прачечных — 1 247; в белошвейном производстве — 3286 ³.

В общем, как констатирует госпожа Мильго, приток женщин сильнее всего в тех отраслях промышленности, где рабочее время особенно велико, а плата особенно низка. «Печальный факт: в то время как в производствах с коротким рабочим днем заняты лишь немногие тысячи женщин, в производствах с длинным рабочим днем — сотни тысяч» ⁴.

Что касается заработной платы, то буржуа Левассер говорит, что почти во всех случаях заработная плата женщин лишь весьма редко поднимается до двух третей мужской и гораздо чаще равняется только половине ⁵.

¹ Executive civil service of the United States, Washington 1908.

² C. Milhaud, L'ouvrière en France, Paris 1907, p. 4—5.

³ E. Levasseur, Questions ouvrières et industrielles en France sous la troisième république, Paris 1907, p. 275—276.

⁴ C. Milhaud, p. 22.

⁵ E. Levasseur, p. 537.

2. ФАБРИЧНАЯ РАБОТА ЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН. ДОМАШНЯЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ОПАСНЫЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ПРОИЗВОДСТВА

Очень высокий процент замужних женщин среди работниц представляет факт, заставляющий задумываться над вопросом о семейной жизни рабочих. А количество таких женщин все возрастает. Германским фабричным инспекторам было поручено в 1899 году собрать сведения относительно продолжительности работы и причин, заставляющих замужних женщин заниматься промышленным трудом¹.

Из этих сведений видно, что всего было занято на фабриках 229 334 женщины. Кроме того, в горном деле, по сведениям прусского горного управления, постоянно были заняты 1063 женщины. В Бадене в подчиненных фабричной инспекции производствах количество замужних женщин за время с 1894 до 1899 года возросло с 10 878 — 27,05 процента до 15 046 — 31,27 процента общего количества взрослых работниц.

Какая доля из общего количества 229 334 работниц приходится на главные отрасли промышленности, показывают следующие цифры:

Текстильная промышленность . . .	111 194
Производство пищевых продуктов .	39 080
Обработка камня и глины	19 475
Производство и чистка одежды . .	13 156
Бумажная промышленность	11 049
Металлообрабатывающая промышленность	10 739
Деревообрабатывающая промышленность	5 635
Полиграфическая промышленность	4 770
Машиностроительная »	4 493
Химическая »	4 380
Другие отрасли промышленности .	5 363
В с е г о . . .	229 334

¹ Die Beschäftigung verheirateter Frauen in Fabriken. Nach den Jahresberichten der Gewerbeaufsichtsbeamten für das Jahr 1899 im Reichsamt des Innern, Berlin 1901, S. 18, 21, 23, 49, 53, 62, 63.

После текстильной промышленности производство пищевых продуктов, особенно производство сигар и табака, дает наибольшее количество занятых в производстве женщин. Затем следует бумажное производство, особенно сортировка тряпья и кирпичные заводы. «Женщины заняты тяжелой, часто грязной работой, главным образом в профессиях, требующих напряжения (каменоломни, кирпичные заводы, красильни, химические и сахарные заводы и т. д.), в то время как более молодые работницы, моложе 21 года, находятся на фарфоровых, прядильных, ткацких, бумажных, папиросных фабриках и в производстве одежды. Для худших и избегаемых другими работ используются более старые и особенно замужние женщины»¹.

Из многих высказываний относительно причин распространения труда замужних женщин или же разведенных и вдов упомянем только некоторые. В Потсдамском округе в качестве причин работы женщин на фабриках очень часто приводится недостаточный заработок мужа. В Берлине, согласно докладам инспекторов, 53,62 процента женщин, работающих наряду с мужьями, заявляли, что заработок кормильца недостаточен. То же самое говорили инспектора округов Западной Пруссии, Франкфурта, Средней Франконии, Вюртемберга II, Нижнего Эльзаса и другие.

Магдебургский инспектор указывает на ту же причину для большинства трудящихся женщин; некоторые из женщин должны еще работать потому, что муж слишком много тратит на самого себя или ведет распутную жизнь. Есть женщины, которые работают на фабриках по привычке и потому, что не умеют хозяйничать. Допустим, что эти причины имеют значение в небольшом числе случаев, но огромное большинство женщин работает потому, что должны работать. То же самое констатировал союз рабочих деревообрабатывающей промышленности в Штутгарте по поводу обследования 1900 года. Фабричный инспектор для Нижнего Эльзаса констатирует, что главную причину работы замужних женщин следует искать в сов-

¹ «В местностях, где сконцентрированы ткацкие фабрики, процент замужних среди фабричных работниц намного превышает средние 26 процентов. Например, в Саксен-Альтенбурге он доходит до 56 процентов, в Рейссе — до 58 процентов» (*R. Wilbrandt, Die Weber in der Gegenwart, Jena 1906, S. 143*).

ременной культуре, в средствах передвижения и в том, что безграничная конкуренция создает в промышленности *потребность в дешевой рабочей силе*, а замужней женщине особенно охотно дают занятие, так как она *более надежна и постоянна в трудовом отношении*. Баденский фабричный инспектор (доктор Вёрисгоффер) говорит: «Тем, что делает желательным для предпринимателей использование женского труда, является прежде всего более низкая заработная плата работниц. Достаточным доказательством этого служит то, что заработная плата ниже в тех отраслях промышленности, в которых в большом количестве заняты работницы... В этих отраслях создается поэтому возможность занять работой женщин-работниц в большом количестве. Необходимость заставляет ее фактически вступать в рабочую семью».

Кобленцкий инспектор говорит: «Женщины в общем более надежны и работают прилежнее молодых девушек.

Молодые работницы обыкновенно имеют отвращение к грязным и неприятным работам, которые вследствие этого выполняются по преимуществу непритязательными женщинами. Так, например, сортировкой тряпья занято много женщин»¹.

Что касается заработной платы, то установлено, что женский труд вообще оплачивается хуже труда мужского даже и там, где женщина выполняет одинаковую с мужчиной работу. В этом отношении предприниматель не отличается ни от государства, ни от общины. Так, женщины, служащие на железной дороге и на почте, за одинаковую работу оплачиваются хуже, чем мужчины; учительницы оплачиваются во всякой общине хуже, чем учителя. Причины этому следующие: у женщины меньше потребностей, а главное, она беспомощнее; ее заработок во многих случаях является лишь дополнением к доходу супруга или отца, как кормильцев семьи; специфический, временный и случайный характер работы женщин; наличие большой резервной армии труда работниц и вытекающая из этого недостаточная способность к сопротивлению; «недобросовестная конкуренция» так называемого «среднего сословия» в портняжестве, в изготовлении мод, в цветочной и бумажной промышленности; кроме того, женщина обыкновенно прикреплена к своему месту

¹ Цит. соч., стр. 57, 63.

жительства. Рабочее время женщины в среднем всегда самое длинное, если этому не препятствует законодательная охрана.

По исследованию о заработной плате фабричных рабочих в Мангейме в 1893 году, доктор Вёрисгоффер разделил недельный рабочий заработок на три группы¹: в низшую группу входил заработок до 15 марок, в среднюю — от 15 до 20 марок и в высшую — свыше 24 марок.

После этого заработная плата выглядит следующим образом. Получают заработок:

	Низшая группа	Средняя группа	Высшая группа
Все рабочие . . .	29,8%	49,8%	20,4%
Мужчины . . .	20,9%	53,2%	22,9%
Женщины . . .	99,2%	0,7%	0,1%

Работницы получали большею частью голодную заработную плату. Недельную заработную плату получали:

ниже 5 марок	4,62%
от 5—6 »	5,47%
» 6—8 »	43,96%
» 8—10 »	27,45%
» 10—12 »	12,38%
12—25 »	5,38%
Свыше 15 марок — все остальные .	0,74%

По данным анкет, составленных берлинской фабричной инспекцией, средний недельный заработок работниц равнялся 11,36 марки. Меньше 6 марок получали 4,3 процента, от 6 до 8—7,8 процента, свыше 12 и до 15—27,6 процента, свыше 15 и до 20—11,1 процента, выше 20 до 30—1,1 процента. Преобладающая оплата (75,7 процента) равняется 8—15 маркам. В Карлсруэ средний недельный заработок всех работниц — 10,02 марки².

Хуже всего оплачиваются рабочие в домашней промышленности — как мужчины, так и женщины, и особенно

¹ *Wörishoffer*, Die soziale Lage der Fabrikarbeiter in Mannheim.

² *Marie Baum*, Drei Klassen von Lohnarbeiterinnen in Industrie und Handel der Stadt Karlsruhe, Karlsruhe 1906, S. 60.

последние. Для рабочего времени там нет границ, во время сезона оно положительно беспредельно. Очень часто в домашней промышленности практикуется также «потогонная система», то есть работа распределяется между рабочими через посредников, получающих от предпринимателей в виде вознаграждения за свой административный труд значительную часть заработной платы рабочих.

Насколько жалко оплачивается женский труд в домашней промышленности, показывают следующие данные относительно берлинских условий. За шитье дюжины пестрых мужских рубашек (бумазейных) в 1889 году платилось еще от 2 до 2,5 марки, а в 1893 году — только 1,2 марки. Швея среднего качества должна работать с раннего утра до позднего вечера, если она в день захочет сшить 6—8 рубашек; недельная заработная плата составляет от 4 до 5 марок. Швея передников зарабатывает в неделю от 2,5 марки до 5 марок, швея воротничков — 5—6 марок, *хорошая* работница по шитью блуз — 6 марок, *очень хорошая* швея костюмов для мальчиков — 8—9 марок, опытная работница жакетов — 5—6 марок; очень опытная швея тонких верхних рубашек может заработать в хороший сезон, если она будет работать с 5 часов утра до 10 часов вечера, 12 марок. Работницы дамских шляп, самостоятельно копирующие модели, зарабатывают 30 марок в месяц, ловкие гарнитурщицы, занимающиеся уже этим целые годы, зарабатывают *во время сезона ежемесячно* 50—60 марок. Сезон в общем продолжается пять месяцев. Работница зонтиков зарабатывает при двенадцатичасовой работе еженедельно 6—7 марок. Такая голодная плата заставляет работниц делаться проститутками, так как при *самых скромных* требованиях ни одна работница не может просуществовать в Берлине менее чем на 9—10 марок в неделю.

Приведенные факты показывают, что жепщина вследствие современного развития все более и более вырывается из семейной и домашней жизни. Брак и семья расстраиваются и разрушаются, и, принимая это во внимание, прямо абсурд — указывать женщине на домашнее хозяйство и семью. Это может делать только тот, кто живет себе изо дня в день, не думая ни о чем, и не видит или не хочет видеть того, что происходит вокруг.

Во многих отраслях промышленности применяется исключительно женский труд, в некоторых отраслях жен-

щины составляют большинство, а в остальных они работают в большей или меньшей степени, но их число становится все большим, и они проникают в новые отрасли производства. Фабричным законом 1891 года для взрослых работниц установлен одиннадцатичасовой рабочий день. Но закон этот часто нарушается многими исключениями, которые могут допустить власти. Ночная работа работниц на *фабриках* также запрещена, но и здесь союзный совет может допустить исключение для фабрик с непрерывным производством или в производствах сезонного характера (например, для сахарных заводов). Только после того как международная Бернская конвенция от 26 сентября 1906 года предписала введение одиннадцатичасового ночного перерыва (для фабрик), и когда в течение ряда лет социал-демократия требовала запрещения ночной работы женщин в промышленности и сокращения рабочего дня до восьми часов, правительство и буржуазные партии после долгого сопротивления начинают сдаваться. Тогда из застрывших в комиссии всеобъемлющих новелл об упорядочении производства была выхвачена одна, касающаяся урегулирования женского труда. Кроме того, законом от 28 декабря 1908 года был предусмотрен *максимальный десятичасовой рабочий день* для женщин во всех тех производствах, где занято *не меньше десяти рабочих*; в дни, предшествующие воскресным и праздничным дням, продолжительность работы не должна превышать восьми часов; работницы до и после родов не должны работать в общем в течение восьми недель и возвращаться на работу раньше шести недель после родов; женский труд не должен применяться при обшивке судов и при перевозке судами материалов. Несмотря на энергичное сопротивление социал-демократии, было принято предложение о том, что высшая власть может установить сверхурочную работу в течение 50 дней.

Особенного внимания заслуживает § 137а, делающий первое нападение на эксплуатацию домашней работой. Это место гласит: «Работницы и малолетние рабочие в те дни, когда они заняты в установленное законом время работы, не могут передавать от работодателя работу для исполнения вне предприятия, а также не могут быть назначаемы в посредники для расчета». Несмотря на свои недостатки, этот закон все же является шагом вперед при современном положении.

Но женщина все более привлекается к промышленному труду не только в таких отраслях труда, к которым она приспособлена по своим более слабым физическим силам, но и к любой деятельности, где эксплуатация может выжать из нее более высокую прибыль. А сюда принадлежат как самый *тяжелый*, так и самый *неприятный* и самый опасный для здоровья труд, и, таким образом, здесь сводится к своему истинному значению фантастическое представление о женщине, как о нежном, чутком существе, как ее часто воспевают поэты и романисты, чтобы пощекотать чувства мужчин.

Факты упрямы, а мы здесь имеем дело только с фактами, так как они удерживают нас от ложных заключений и сентиментальной болтовни. Факты учат нас, как мы это уже знаем, что женщины заняты: в текстильной промышленности, химической промышленности, в металлообрабатывающей промышленности, в бумажной промышленности, машиностроении, в деревообрабатывающей промышленности, в пищевой промышленности, в горном производстве днем, а в Бельгии в горном производстве и ночью, если работница достигла свыше 21 года. Далее, в обширной области садоводства, полеводства и скотоводства и в связанных с ними производствах, наконец, в различных отраслях труда, где в течение долгого времени исключительно работают женщины, как бы привилегированные: в белшевных и швейных мастерских дамской одежды, в различных отраслях, где готовятся модные вещи; кроме того, они занимаются работой продавщиц, конторщиц, учительниц, садовниц, писательниц, художниц всякого рода и т. д. Десятки тысяч женщин из несостоятельного среднего класса закрепощены в лавках и на рынках и таким образом не могут заниматься ни домашней деятельностью, ни, главное, воспитанием детей. Наконец, к большому вреду для своей личности молодые, а в особенности, красивые женщины используются в общественных местах разного рода в качестве обслуживающего персонала, певиц, танцовщиц и т. д. для привлечения сластолюбивых мужчин; это область, в которой господствует ужасающее зло и где белое невольничество совершает свои безумнейшие оргии.

Среди вышеприведенных занятий существуют многие, представляющие *наибольшую* опасность. Так, например, при изготовлении и чистке соломенных шляп пользуются

сернокислыми и едкощелочными газами, которые представляют огромную опасность для здоровья; при белении растительных продуктов опасным для здоровья является вдыхание хлорных паров; возможность отравиться ядами и химическими продуктами существует также при изготовлении разноцветной бумаги, облаток и цветов, при занятиях метакромотиписней, при окрашивании оловянных солдатиков и других игрушек. Работа беременных в зеркальном производстве (покрывание зеркал ртутью) прямо убийственна для плода.

Если в прусском государстве из живорожденных детей в среднем умерло 22 процента в продолжение первого года жизни, то, по доктору Гирту, на детей покрывательниц зеркал падает 65 процентов смертности, шлифовщиц стекла — 55 процентов, работниц оловянного производства — 40 процентов. В 1890 году из 78 рожениц, работавших в типографиях в округе Висбадена, только у 37 были нормальные роды. По доктору Гирту, особенно опасным для здоровья во второй половине беременности считается труд при изготовлении разноцветной бумаги и искусственных цветов, при так называемом обсыпании брюссельских кружев свинцовыми белилами, при изготовлении сводных картинок, при покрывании ртутью зеркал, в каучуковом производстве и при всякой работе, в которой работницы подвержены вдыханию вредных газов — окиси углерода, угольной кислоты и сероводорода. Очень опасна для здоровья работа на фабриках фосфорных спичек и при выделке искусственной шерсти. По отчету баденского фабричного инспектора за 1893 год, *ежегодное* среднее число преждевременных родов у занятых в промышленности женщин возросло с 1039 в период 1882—1886 годов до 1244 в период 1887—1891 годов. Среднее число родов, которым предшествовала операция, составляло в период от 1882 до 1886 года 1118, в период от 1887 до 1891 года — 1385. Еще более ужасные факты выступили бы на свет, если бы подобные исследования были произведены повсюду в Германии. Но фабричные инспектора обыкновенно удовлетворяются замечанием: «Особенного вреда для женщин при их работе на фабриках не было замечено». И как же они могли его заметить при своих кратких посещениях и не спрашивая мнения врача? Доказано, далее, что существует большая опасность для жизни и здоровья особенно при работе в текстильной промышленности,

при производстве спичек и при обслуживании сельскохозяйственных машин. Кроме того, многие из вышеприведенных работ относятся к самым тяжелым и самым утомительным даже для мужчин, для этого достаточно бросить взгляд на очень неполный список. Часто говорят, что то или другое занятие недостойно женщины, но что толку в этом, если нельзя указать другого, более соответствующего ей дела.

Доктор Гирт указывает следующие отрасли производства или отдельные виды работ в них, где молодые девушки не должны были бы работать ввиду вреда для их здоровья, особенно для их половых функций¹: изготовление бронзовых красок, бархатной и наждачной бумаги, взбивка шерсти (изготовление шляп), шлифовка (стеклянных вещей), очистка камней от бронзы (литография), чесание льна, раздвигание конского волоса, лужение жести, работы на льяных мельницах, приготовление искусственной шерсти.

Ниже следующие работы молодые девушки могли бы исполнять, если бы существовали необходимые предохранительные меры (вентиляция и т. д.): изготовление бумажных обоев, фарфора, карандашей, свинцовой дроби, эфирного масла, квасцов, железистосинильного кали, брома, хины, соды, парафина, ультрамарина, (ядовитой) разноцветной бумаги, (ядовитых) облаток, метакромотилий, фосфорных спичек², швейнфуртской зелени и искусственных цветов; далее, сортировка тряпья, сортировка и молотья табачных листьев, трепка хлопчатой бумаги, мотание шерсти и шелка, изготовление перин, сортировка волос для кисточек, мытье (серой) соломенных шляп, вулканизирование и растворение каучука, раскрашивание и печатание материй, раскрашивание оловянных солдатиков, упаковка нюхательного табака, окрашивание проволок, накладывание ртути на зеркала, шлифовка иглол и булавок.

¹ Die gewerbliche Tätigkeit der Frauen, 1878.

² По международному соглашению от 26 сентября 1906 года между Данией, Германией, Францией, Италией, Люксембургом, Нидерландами и Швейцарией применение в этих странах белого фосфора для спичек запрещено с 1 января 1911 года. В Германии с 1 января 1907 года запрещено изготовление таких спичек, а с 1 января 1908 года они должны были выйти из торгового обращения. В Англии аналогичное постановление принято в 1909 году.

Поистине не очень красивую картину представляет беременная женщина, которая наравне с мужчинами старается тащить тяжело нагруженные тележки при постройке железных дорог, или как подносчик подает известь и цемент, или как носильщик носит тяжелые камни при постройке домов, или промывает каменные породы и руду. При этом у женщины отнимают ее женственность и топчут ее ногами, как, с другой стороны, многие роды занятий отнимают у мужчин все мужественное. Таковы следствия социальной эксплуатации и социальной войны. Наши испорченные социальные условия ставят вещи на голову.

Понятно, что те размеры, которые принимает женский труд во всех областях промышленности и которые он еще угрожает принять, не приходится по душе заинтересованным мужчинам. Несомненно, что при таком расширении женского труда все более уничтожается семейная жизнь рабочего, естественным последствием чего является распад брака и семьи и распространение в ужасающих размерах разврата, деморализации, дегенерации, всякого рода болезней и смертности детей. По статистике народонаселения в Германской империи, смертность детей значительно возросла в городах, превратившихся за последние десятилетия в настоящие фабричные центры. Кроме того, она возросла в тех сельских местностях, где из-за вздорожания молока качество пищи сильно понизилось. Выше всего смертность детей в Оберпфальце, в Верхней и Нижней Баварии, в некоторых округах Лигница и Бреславля, в Хемницком округе. Так, в 1907 году из 100 живорожденных детей умерли на первом году жизни: в Штадтамгофе (Оберпфальц) 40,14; в Парсберге (Оберпфальц) 40,06; в Фридберге (Верхняя Бавария) 39,28; в Кельгейме (Нижняя Бавария) 37,71; в Мюнхене 37,63; в Глаухау (Саксония) 33,48; в Вальденбурге (Шлезвиг) 32,49; в Хемнице 32,49; в Рейхенбахе (Шлезвиг) 32,18; в Аннаберге 31,41 и т. д. Еще худшие условия были в большинстве огромных фабричных деревень, в которых смертность достигала от 40 до 50 процентов. Тем не менее это социальное развитие, дающее подобные печальные результаты, является прогрессом, совершенно таким же прогрессом, как свобода промышленности, передвижения, брака и т. д., которая способствует крупнокапиталистическому развитию, нанося этим смертельный удар нашему среднему слою.

Рабочие не склонны помогать ремесленному сословию, если оно пытается ограничить свободу промышленности и передвижения и восстановить цеховые ограничения, чтобы искусственно сохранить мелкие промыслы, так как здесь дело идет именно об этом. Что касается женского труда, то и здесь невозможно вернуть прежнее состояние, но это отнюдь не исключает необходимости строгих охраняющих законов для ограничения чрезмерной эксплуатации женского труда и для запрещения промышленного труда детей школьного возраста. Здесь совпадают интересы рабочего с государственными и общечеловеческими культурными интересами. Если, например, государство вынуждено понижать требования при приеме на военную службу, как это не раз случалось в последние десятилетия, в последний раз в 1893 году, когда дело шло о новом большом увеличении армии, потому что вследствие дегенерирующего влияния нашей хозяйственной системы число неспособных к военной службе молодых людей становится все больше, то все заинтересованы в принятии мер для охраны трудящихся¹. Конечной целью должно быть устранение *недостатков*, созданных применением машин и современным способом труда; с другой стороны, необходимо дать возможность всем членам общества путем соответствующей организации человеческого труда воспользоваться огромными *выгодами*, которые они дали человечеству и которые они еще в большей мере могут дать.

Нелепость и вопиющее зло состоит в том, что прогрессом культуры и ее приобретениями, составляющими продукт всего общества, пользуются лишь те, которые в силу своей материальной власти могут их себе присваивать. Тысячи же прилежных работников, работниц, ремесленников и т. д. постоянно полны ужаса и заботы, как бы человеческий гений не сделал нового изобретения, которое во много раз больше производит, чем ручная работа, ибо тогда они окажутся ненужными и излишними и будут

¹ Процент пригодных к военной службе из отпущенных в чистую в 1902 году был 58,5, в 1903 — 57,1, в 1904 — 56,4, в 1905 — 56,3, в 1906 — 55,9, в 1907 году — 54,9. Освобожденных от военной службы по негодности с 1881 по 1885 год было 2,07 процента, с 1891 по 1895 — 2,30 процента, с 1901 по 1905 год — 2,47 процента (W. Claassen, Die abnehmende Kriegstüchtigkeit im Deutschen Reiche in Stadt und Land von 1902 bis 1907. Archiv für Rassen-und Gesellschaftbiologie 1909, Heft I).

выброшены на улицу¹. Итак, то, что должно было быть встречено всеми с радостью, вызывает вражду, которая в прежние десятилетия часто вызывала нападения на фабрики и разрушение машин. Подобные же неприязненные отношения существуют в настоящее время между мужчиной и женщиной как рабочими. Это также неестественно. И поэтому нужно стараться создать такие общественные условия, которые предоставили бы всем, без различия полов, полное равноправие.

Это выполнимо, если все средства производства сделаются собственностью общества; тогда весь труд путем применения разных технических и научных усовершенствований и вспомогательных средств в рабочем процессе достигнет высшей степени производительности и все способные к труду обязаны будут исполнять известную долю работы, необходимую для удовлетворения общественных потребностей, за что общество со своей стороны предоставит каждому в отдельности средства для развития его способностей и для удовлетворения его жизненных потребностей.

Женщина, подобно мужчине, должна быть полезным и равноправным членом общества, наравне с мужчиной она должна иметь возможность вполне развивать свои физические и умственные способности и, выполняя свой долг, должна требовать признания и своих прав. Свободная и равная мужчине, она будет охрапена от унижающих ее требований.

Современное развитие все более толкает общество к такому порядку вещей. Большие и тяжелые недостатки нашего общества вызывают необходимость установления нового строя.

¹ Фабричный инспектор А. Редgrave читал в Бадфорде в конце декабря 1871 года лекцию, в которой он, между прочим, сказал: «С некоторых пор меня поразила перемена на фабриках шерсти. Прежде они были переполнены женщинами и детьми, теперь же, кажется, всю работу исполняет машина». На мои вопросы один фабрикант ответил следующее: «При прежней системе у меня работало 63 лица; когда были введены улучшенные машины, я уменьшил рабочие руки до 33, и за последнее время, вследствие новых больших изменений, я был в состоянии уменьшить их с 33 до 13». Следовательно, в продолжение немногих лет число рабочих уменьшилось на 80 процентов, а масса продуктов осталась по меньшей мере та же самая. Многочисленные интересные сообщения подобного рода можно найти в «Капитале» Маркса.

1. РЕВОЛЮЦИЯ В ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ

Хотя выше охарактеризованная эволюция положения женщины очевидна и всякий, кто не слеп, должен это видеть, тем не менее ежедневно приходится слышать болтовню об «естественном назначении женщины», указывающую ей на домашнюю жизнь и семью. Подобные разговоры громче всего ведутся там, где женщина пытается добиться занятий высшего рода, например в области высшего преподавания и управления, медицине, по юридической части, естественным наукам и т. д. Выскиваются самые смехотворные возражения, и они отстаиваются с ученым видом. И для защиты самых абсурдных и нелепых вещей господ, мнящие себя учеными, ссылаются здесь, как во многом другом, на науку. Их главным козырем является утверждение, что женщина по умственным способностям ниже мужчины и в умственной области ничего значительного создать не может.

Эти возражения относительно призвания и способностей женщины настолько соответствуют предрассудкам большинства мужчин, что каждый, высказывающий их, может рассчитывать на сочувствие последних.

До тех пор пока общее образование и понимание будут стоять еще так низко, как ныне, новые идеи будут встречать сильное сопротивление, особенно если в интересах господствующих классов ограничивать по возможности образование пределами своего класса. Поэтому новые идеи сначала привлекают только незначительное меньшинство, они, по обыкновению, подвергаются насмешкам, клевете и даже преследованию. Если же эти идеи благи и разумны, если они возникли как необходимое следствие существовавших порядков, тогда они будут распространяться и меньшинство в конце концов превратится в большинство. Так было до сих пор со всеми новыми идеями, и идея об осуществлении истинной и полной эмансипации женщины будет иметь такой же успех.

Разве исповедующие христианство не были когда-то в меньшинстве? Разве реформаторы или современная буржуазия не имели очень сильных противников? И все-таки они остались победителями. Разве социал-демократия погибла, будучи в германской империи 12 лет связанной по рукам и ногам исключительным законом? Никогда она не была так уверена в своей победе, как тогда, когда думали, что она убита.

Ссылка на призвание женщины, по которой она должна быть экономкой и нянькой, так же глубокомысленна, как ссылка на вечное существование королей потому только, что, с тех пор как существует история, где-нибудь были и короли. Мы не знаем, откуда явился первый король, так же как мы не знаем, где появился первый капиталист, но мы знаем и видим, что монархия в течение тысячелетий существенно изменилась и тенденцией ее эволюции является постепенное уменьшение королевской власти, пока наконец не наступит время, а оно уже близко, когда монархия сделается излишней. Подобно монархии, всякое государственное и общественное учреждение подвержено постоянным изменениям, преобразованиям и в конце концов гибели. Мы видели в исторической части этой книги, что современная форма брака и положение женщины ни в коем случае не были «вечно» такими, как ныне; что они являются продуктом исторического развития, которое ни в коем случае еще не окончено. Если приблизительно 2350 лет тому назад Демосфен считал единственным призванием женщины «производить на свет законных детей и быть верной хранительницей дома», то ныне эта точка зрения уже преодолена. Кто бы решился теперь защищать такое положение, как «соответствующее природе», не вызвав упрека в принижении женщины? Хотя есть еще чудачки, которые втайне и соглашаются с мнением старого афинянина, но никто не осмелится открыто высказать то, что тысячи лет тому назад один из величайших мужей Греции мог свободно и открыто объявить как нечто *само собой понятное*. В этом-то и состоит прогресс.

Хотя современный порядок вещей и погубил миллионы браков, он, с другой стороны, благотворно повлиял на развитие брака. Немного десятилетий тому назад в каждом бюргерском и крестьянском доме считалось само собой понятным, чтобы женщина не только шила, вязала

и стирала, хотя и это уже давно вышло из моды, но и пекла хлеб, пряла, ткала, белила, варила пиво, мыло и свечи. Считалось безграничным расточительством шить одежду вне дома. Водопроводы, газ, газовые или керосиновые кухни и т. д., не говоря уже об электричестве, наряду с многочисленными другими существующими ныне устройствами для дома и кухни были неизвестны. Конечно, и теперь еще существуют устарелые порядки, но они — исключения. Большинство женщин не выполняет многих домашних дел, считавшихся прежде необходимыми, так как промышленность устраивает это лучше, практичнее и дешевле, чем это может сделать хозяйка, и потому в домах нет, по крайней мере в городах, надлежащих для этого устройств. Итак, в течение немногих десятилетий в нашей семейной жизни совершилась великая революция, на которую мы только потому обращаем так мало внимания, что считаем ее чем-то само собой понятным. Изменения, происходящие, так сказать, на глазах человека, не замечаются им, если они не предстанут перед ним внезапно и не нарушат его обыденного порядка, но он восстает против мнений, грозящих вырвать его из старых привычек.

Эта революция, происшедшая в нашей домашней жизни и идущая постоянно вперед, существенно изменила положение женщины в семье еще и в другом направлении: женщина стала свободнее, независимее. Наши бабушки, жены почтенных мастеров, даже и не думали о том, чтобы, к примеру, подмастерье и ученики не обедали за одним с ними столом. Но зато они и не осмеливались думать, чтобы посещать концерты и увеселительные места в будни. И какая из тех добрых старых женщин посмела бы вмешиваться в общественные дела, как это делают теперь многие женщины? Основываются общества с самыми различными целями, содержатся и организуются газеты, созываются конгрессы. Как работницы, женщины объединяются в профессиональные союзы, посещают собрания и общества мужчин, они уже получали в некоторых местах право участвовать в выборах промышленных судов — мы говорим здесь о Германии, — право, в котором им отказало реакционное большинство рейхстага в 1890 году.

Какой педант захотел бы уничтожить описанные выше изменения, хотя нужно признаться, что наряду со свет-

лыми сторонами существуют и темные, связанные с нашими переходными и разлагающимися условиями жизни, но преобладают все же светлые стороны. И сами женщины, как бы они до сих пор в большинстве ни оставались консервативными, совсем не имеют склонности вернуться к старым, узким, патриархальным условиям прежних времен.

В Соединенных Штатах общество хотя и стоит на буржуазной почве, но ему не приходится бороться ни с составными европейскими предрассудками, ни с отжившими порядками, и оно поэтому более склонно принимать новые идеи и порядки, если они обещают выгоду. Там давно уже смотрят на положение женщины иначе, чем у нас. Там, например, в более обеспеченных кругах уже пришли к мысли, что не только утомительно и хлопотливо, но даже не выгодно для кошелька, если жена сама печет хлеб и варит пиво, там считают излишним, чтобы она *готовила в собственной кухне*. Центральные кухни обеденных товариществ с их всевозможными машинами и целесообразными вспомогательными средствами заменили частную кухню; женщины товарищества поочередно несут службу, и пища готовится дешевле и вкуснее, в ней больше перемен, и ее приготовление причиняет гораздо меньше хлопот. Наши офицеры, хотя они не социалисты и не коммунисты, поступают подобным же образом; они образуют в своих казино хозяйственное товарищество, назначают управителя, закупающего съестные припасы оптом, затем соглашаются относительно меню, и пища готовится в паровой кухне казармы. Офицеры живут гораздо дешевле, чем в гостинице, и получают по меньшей мере столь же хорошую пищу. Как известно, тысячи самых богатых семей в продолжение целого года или части его живут в пансионах и отелях, не тоскуя о домашней кухне; более того, они считают очень приятным освободиться от нее. Отрицательное отношение особенно зажиточных и богатых женщин к возне в кухне точно так же не говорит за то, чтобы эта деятельность была «естественным призванием» женщины, а тот факт, что княжеские и аристократические фамилии, точно так же как и большие отели, для приготовления кушаний всегда нанимают *поваров*, мог бы говорить даже за то, что варка кушаний — занятие мужское. Это к сведению тех, которые не могут представить себе женщину без кухонной ложки в руках.

Нет ничего проще, как соединить с центральной кухней центральную прачечную и сушильную для всеобщего пользования, и это уже устроено во всех больших городах богатыми частными лицами и спекулянтами; далее, с центральной кухней можно соединить центральное отопление вместе с проводом холодной и горячей воды, и этим устраняется масса тяжелых и отнимающих много времени работ. Большие гостиницы, многие частные дома, больницы, школы, казармы, общественные здания всякого рода и т. д. имеют все эти и подобные им устройства — электрический свет, ванны и т. д.; ошибка лишь в том, что этими преимуществами пользуются только общественные учреждения и зажиточные классы, а между тем если бы их сделать доступными всем, то было бы сохранено много времени, усилий, рабочей силы и материала, жизненное же положение и благосостояние всех значительно поднялось бы. Летом 1890 года в газетах появилось описание успехов, сделанных в Соединенных Штатах в области центрального отопления и вентиляции. Там мы находим следующее место:

«Опыты, произведенные в новейшее время, главным образом в Северной Америке, с отоплением целого квартала или части города из одного места имели значительный успех и в архитектурном отношении были проведены так внимательно и целесообразно, что ввиду благоприятных результатов и финансовых выгод следует ожидать их дальнейшего распространения. В настоящее время стремятся пойти еще дальше и снабжать некоторые не слишком обширные районы города из центрального места не только отоплением, но и *свежим воздухом*, как в нагретом, так и в охлажденном состоянии».

То, что тогда было в проекте, в настоящее время осуществлено в улучшенном виде. Мелкобуржуазная бесчувственность и ограниченность относится у нас пренебрежительно к подобным планам, хотя мы и в Германии находимся в той стадии технической революции, которая частную кухню и другие приспособления домашнего обихода делает столь же излишними, как излишним сделалось ремесленное производство благодаря машине и современной технике. В начале XIX столетия сам Наполеон объявил идею устроить корабль,двигающийся при посредстве пара, идеей сумасшедшего. Идея постройки железной дороги считалась бессмыслицей людьми, слывшими за

умных, — думали, что ни один человек не мог бы остаться в живых при езде по железной дороге, так как быстрота передвижения должна была захватить у пассажира дыхание; совершенно так же и сейчас иные относятся ко многим новым идеям. Если бы кто-нибудь сто лет назад предложил нашим женам заменить принос воды водопроводом, то его обвинили бы в том, что он хочет приучить к лености жен и прислугу.

Но великая техническая революция во всех областях в полном ходу, ничто не сдерживает ее более, и буржуазному обществу выпадает историческая задача довести эту революцию, вызванную им к жизни, до ее высшей точки и во всех областях зародыши преобразований *вывести на свет, развить общество, стоящее на новой основе, вширь и вглубь и сделать его общим достоянием всех.*

Развитие нашей социальной жизни идет, таким образом, не к тому, чтобы снова заключить женщину в тесный круг домашней обстановки, как этого хотят наши фанатики домашнего очага и о чем они плачут, как евреи в пустыне плакали о потерянных мясных горшках Египта, — *нет, это развитие требует выхода женщины из узкого круга домашней обстановки и ее полного участия в общественной жизни,* — которая тогда будет принадлежать не одним мужчинам, — оно требует ее *участия в разрешении культурных задач человечества.* Лавеле прав, говоря следующее: «В той же степени, в какой увеличивается то, что мы обыкновенно называем цивилизацией, в той же степени ослабляются благочестие и семейные связи, и вместе с тем уменьшается их влияние на поступки людей. Этот факт так всеобщ, что в нем можно видеть социальный закон развития»¹. Изменилось не только положение женщины, но и положение в семье сына и дочери, которые постепенно добились небывалой самостоятельности, особенно в Соединенных Штатах, где в значительно большей степени, чем у нас, воспитание направлено на развитие самостоятельности и независимости индивидуума. Теневые стороны, которых в настоящее время не лишена эта форма развития, не связаны с нею необходимо, они лежат в социальных условиях нашего времени.

¹ *Laveleye, Das Ureigentum, Kapitel 20, Hausgemeinschaft, Leipzig 1879.*

Буржуазное общество не вызывает ни одного нового отрадного явления, у которого бы не было своей темной стороны, буржуазное общество в своем прогрессе, как очень тонко заметил Фурье, всегда двухсторонне и обоюдоостро.

Подобно Лавеле, и доктор Шефле приписывает изменившийся характер семьи нашего времени влиянию социального развития. Он говорит¹: «Через историю проходит выше разобранная тенденция сведения семьи к ее *специфическим* функциям. Семья отдает одну за другой принятые ею на себя временно функции, она отстраняется, поскольку она вступила лишь как суррогат в выполнение социальных функций, самостоятельными учреждениями права, порядка, силы, богослужения, обучения, техники и т. д., по мере того как эти учреждения образуются».

2. ДУХОВНЫЕ СПОСОБНОСТИ ЖЕНЩИНЫ

Женщины стремятся идти вперед, хотя вначале это только меньшинство, среди которого только у части вполне определенные и ясные цели. Они хотят померяться своими силами с мужчиной не только в производственных и индустриальных областях, они не только хотят занять в семье более свободное и независимое положение, но они стремятся также применить свои духовные способности в более высоких сферах общественной деятельности и в общественной жизни вообще. Им особенно охотно возражают, что они к этому неспособны, так как не предназначены для этого от природы. Вопрос о высшей профессиональной деятельности касается в современном обществе лишь небольшого числа женщин, но он имеет принципиальное значение. Огромное большинство мужчин думает совершенно серьезно, что женщины должны оставаться у них постоянно в духовном подчинении и не имеют права стоять с ними наравне, поэтому эти мужчины — решительные противники подобных стремлений.

Мужчины ничего не имеют против того, что женщина допускается к занятиям, из которых многие в высшей степени тяжелы, часто опасны, из-за них она должна

¹ Dr. *Shäffle*, Bau und Leben des sozialen Körpers, I. Band, Tübingen 1878.

отказываться от выполнения материнских обязанностей, из-за них сильно страдает ее женственность. Но эти же самые мужчины хотят исключить женщину из профессий, в которых таких препятствий и опасностей гораздо меньше и которые гораздо лучше подходят к ее организму.

Усилившаяся агитация в пользу допущения женщин в университеты особенно в Германии вызвала сильную враждебность, которая выражается, главным образом, в протесте против допущения женщин к изучению медицины. К таким противникам принадлежит Поххаммер, Феллинг, С. Биндер, Хегар и другие. Фон Беренбах думает доказать неспособность женщины к науке указанием на то, что среди женщин еще до сих пор не было гения и они, очевидно, неспособны к философским занятиям. Но так как мир имеет достаточно философов мужчин, то он без вреда может обойтись без философов женщин. Точно так же и возражение, что женщины до сих пор не выставили ни одного гения, не может считаться доказательным и неоспоримым. Гении не падают с неба, они должны иметь возможность образоваться и развиваться, и именно этой возможности до сих пор женщинам не доставало. Целые тысячелетия они находились в угнетении и им ставились препятствия к развитию их духовных сил. Если, не признавая гениальными выдающихся женщин, которых во всяком случае довольно много, говорят, что у женщины нет данных, чтобы сделаться гениями, то это так же неправильно, как если бы утверждали, что среди мужчин не было гениев, кроме тех, которые признаны таковыми. Но каждый деревенский учитель знает, какая масса способностей среди его учеников не достигает полного развития, так как отсутствуют возможности для их образования. Да и каждый из нас встречал в жизни людей, про которых он должен сказать, что если бы они при более счастливых условиях могли развить свои способности, то они сделались бы украшением общества, гениальными людьми. Число талантов и гениев среди мужчин гораздо больше, чем это могло обнаружиться до сих пор. Точно так же обстоит дело со способностями женщин, которые в течение тысячелетий еще более, чем мужчины, духовно угнетались и уродовались. У нас нет масштаба, по которому мы могли бы точно судить, какая масса духовных сил и способностей развилась бы у мужчин и женщин, если бы для этого были даны необходимые условия.

Ныне с миром людей происходит то же, что с миром растений. Миллионы драгоценных семенных зародышей не достигают развития, так как почва, на которую они падают, неблагоприятна или уже занята и так как у юного растения похищаются воздух, свет и пища. Человеческая жизнь подчинена тем же законам природы. Если садовник или сельский хозяин стал бы утверждать о каком-нибудь растении, что его нельзя усовершенствовать, хотя он не сделал для этого никакой попытки, то каждый более развитый сосед назвал бы его простаком. То же самое произошло бы, если бы он отказался случить одно из своих домашних животных женского пола с таковым же мужского, но более совершенной породы, чтобы получить более совершенное животное. Ныне нет уже столь невежественного крестьянина, который не признавал бы выгод от разумных действий по отношению к своим растениям и животным; другой вопрос — позволяют ли ему его средства применять лучшие методы. Только для мира людей даже самые ученые люди не хотят признать того, что для остального мира они считают незыблемым законом. А между тем всякий, не будучи естественным сыном природы, может делать в жизни поучительные наблюдения. Чем объяснить, что крестьянские дети отличаются от городских? Почему дети более состоятельных классов обыкновенно и по лицу, и по телосложению, и в известных духовных свойствах отличаются от детей бедных людей! Это происходит от различия в условиях жизни и воспитания.

Односторонность, заложенная при обучении определенной профессии, отражается особым образом на характере человека. В большинстве случаев можно с легкостью узнать пастора или школьного учителя по их способу держаться и по их выражению лица, точно так же можно узнать военного, хотя бы он был в штатском платье. Сапожника легко отличить от портного, столяра от слесаря, двое близнецов, бывших очень сходными в юности, в позднейшем возрасте значительно различаются, если их профессии были совершенно различны: один, например, занимался тяжелой ручной работой в качестве кузнеца, другой посвятил себя изучению философии. Наследственность, с одной стороны, приспособление, с другой — играют в человеческом развитии, точно так же как и в царстве животных, решающую роль, и притом человек — самое гибкое и самое изменчивое из творений. Часто достаточно немногих

лет другого образа жизни и занятий, чтобы совершенно изменить человека. Изменения во внешнем виде выступают особенно поразительно в тех случаях, когда человек из плохих условий жизни переходит в значительно лучшие. Его прошлое, быть может, скажется всего сильнее в его духовной культуре; это объясняется тем, что большинство людей, достигнув известного возраста, уже не чувствует стремлений к дальнейшему умственному образованию и часто не нуждается в нем. Выскочке редко приходится страдать от этого недостатка. В наше время, когда все внимание обращено на деньги и материальные средства, склоняются гораздо охотнее *перед человеком с большим денежным мешком, чем перед человеком знания и крупных духовных дарований, особенно если он имеет несчастье быть бедным и не обладать никаким титулом.* Преклонение перед золотым тельцом никогда не было так сильно распространено, как в наши дни. Зато мы живем в «лучшем из миров»!

Самый поразительный пример того, что делают из человека в корне различные условия жизни и воспитания, мы видим в наших промышленных округах. Так уже по внешности рабочие и предприниматели представляют такую противоположность, как будто они принадлежат к двум различным человеческим расам. Эта противоположность ужаснула нас во время одного избирательного собрания зимою 1877 года в одном промышленном городе. Собрание, в котором происходил диспут с одним либеральным профессором, было так устроено, что обе партии имели одинаковое число представителей. Переднюю часть залы занимали противники, почти без исключения здоровые и сильные, часто высокие фигуры, в задней части залы и на галереях стояли рабочие и мещане, на девять десятых ткачи, большею частью маленькие, узкогрудые фигуры с бледными лицами, на которых лежала печать горя и нужды. Одни представляли сытую добродетель и кредитоспособную мораль буржуазного мира, другие — рабочих пчел и выючных животных, благодаря работе которых господа выглядели так хорошо. Стоит поставить одно поколение в одинаковые благоприятные жизненные условия, и противоположность у большинства исчезнет, во всяком случае, у их потомства она сотрется.

В общем у женщин труднее определить их социальное положение, чем у мужчин; жепщины легче приспособляются

ся к новым условиям и быстрее воспринимают лучшие жизненные привычки. Их способность приспособления бо́льшая, чем у тяжеловесных мужчин.

Чем для растения является хорошая почва, свет и воздух, тем для человека служат здоровые социальные условия, которые позволяют ему развить его духовные и телесные задатки. Известная поговорка «Человек есть, что он ест» («Der Mensch ist, was er ißt») выражает несколько односторонне подобную же мысль. Речь идет не о том, что человек ест, но обо всех условиях его жизни, о социальной среде, в которой он движется, которая тормозит или ускоряет его телесное и духовное развитие и в благоприятном или неблагоприятном смысле влияет на его чувства, его мысли и его поступки. Мы ежедневно видим, что люди, находясь в хороших материальных условиях, гибнут духовно и морально, так как вне узких рамок их домашних и личных отношений они подвергаются неблагоприятному влиянию *социальной среды*, и это влияние оказывает на них такое могучее воздействие, что они становятся на ложный путь. Общие условия, в которых кто-нибудь живет, имеют даже гораздо больше значения, чем условия семейные. Но если социальные условия развития будут одинаковы для обоих полов и этому развитию не будет ставиться никакого препятствия, если общество будет находиться в здоровом социальном состоянии, *то и женщина подыметя на высоту полного совершенства, о котором у нас еще нет никакого правильного представления, так как до сих пор в истории развития человечества не было такого состояния.* То, что по временам проявляли отдельные женщины, дает основание ждать очень многого, ибо эти женщины выдвигаются над массой своего пола так же значительно, как мужские гении над массой остальных мужчин. Если мерить тем масштабом, которым обыкновенно измеряют, например, коронованных особ, то женщины в среднем показали больше таланта в правлении, чем мужчины. Как примеры, можно упомянуть Изабеллу и Бланку Кастильских, Елизавету венгерскую, Екатерину Сфорца, герцогиню Милана и Имолю, Елизавету английскую, Екатерину русскую, Марню-Терезию и т. д. Опираясь на тот факт, что женщины у всех рас и во всех частях света превосходно управляли даже самыми дикими и буйными племенами, Бурбах замечает, что, *по всей вероятности, женщины более способны к политике,*

чем мужчины¹. Когда в 1901 году умерла королева Англии Виктория, то одна большая английская газета предложила ввести в Англии исключительно женское наследование трона, так как история Англии показывает, что королевы лучше управляли страной, чем короли.

Многие великие люди очень значительно пали бы во мнении историков, если бы всегда было известно, чем они обязаны себе самим и чем другим. Одним из величайших гениев французской революции немецкие историки, например фон Зибель, считают графа Мирабо. Но исторические изыскания показали, что почти все его речи составлены при любезной помощи некоторых ученых, которые работали для него в тиши и которыми он умел пользоваться. С другой стороны, такие личности, как Сафо, Диотима во времена Сократа, Гипатия Александрийская, мадам Роланд, Мария Уольстонкрафт, Олимпия де Гуж, госпожа фон Сталь, Жорж Занд и т. д., заслуживают величайшего уважения, и рядом с ними бледнеют многие мужские звезды. Влияние женщин как матерей выдающихся мужчин точно так же хорошо известно. Женщины сделали все возможное *при крайне неблагоприятных условиях*, и это дает основание возлагать на них большие надежды. Действительно, только со второй половины XIX столетия женщины стали допускать к соревнованию с мужчинами в различных областях, и достигнутые от этого результаты вполне удовлетворительны.

Если даже предположить, что в среднем женщины не так способны к развитию, как мужчины, что между ними нет гениев и великих философов, то разве имело значение для мужчин то обстоятельство что по букве закона для них создавалось полное равноправие с «гениями» и «философами»? Те же ученые, которые отрицают у женщины высшие способности, склонны делать это и по отношению к ремесленникам и рабочим. Если дворянство ссылается на свою «голубую» кровь и на свою родословную, то эти ученые насмешливо улыбаются и пожимают плечами; но по отношению к человеку низшего сословия они считают себя аристократией, которая тем, чем она теперь стала, обязана не благоприятным жизненным условиям, но единственно свойственным ей талантам. Те же мужчины, которые в

¹ Dr. Havelock Ellis, Mann und Weib, Autorisierte deutsche Ausgabe von Dr. Hans Kurella, Leipzig 1894, S. 201.

одной области принадлежат к людям, вполне свободным от предрассудков, и порицают людей, думающих не так свободно, как они, в других областях, как только дело касается их сословных или классовых интересов, их тщеславия или себялюбия, оказываются ограниченными до тупости и враждебными до фанатизма. Мужчины высшего света отрицательно судят о мужчинах низшего круга, и точно так же почти все мужчины судят о женщинах. Большинство мужчин видит в женщинах лишь средство, служащее их пользе и удовольствию; смотреть на женщин, как на *равноправных*, они не могут, так как это противоречит их предрассудкам. Женщина должна быть покорной и скромной, должна ограничивать свою деятельность домашними заботами, а все остальное предоставлять «господину мира». Женщина должна сдерживать всеми возможными способами свои мысли и наклонности и выжидать, что решит ее земное провидение, ее отец или супруг. Чем больше она подчиняется этим требованиям, тем сильнее она восхваляется, как «разумная, нравственная и добродетельная», хотя бы она вследствие этого насильственного положения погибла под тяжестью физических и моральных страданий. Если говорить о *равенстве всех людей*, то нелепо исключать из него *половину* человеческого рода.

Женщина имеет *равное* с мужчиной право на развитие своих сил и на свободное пользование ими; она — человек, как и мужчина, и, подобно ему, она должна пользоваться свободой распоряжаться собою. Лишать женщину равноправия из-за того, что она рождена женщиной, а не мужчиной — в чем мужчина так же не виноват, как и женщина, — столь же несправедливо, как ставить права и свободу в зависимость от случайности религий или политических воззрений, и так же бессмысленно, как считать двух людей врагами из-за того, что они по случайности рождения принадлежат к различным племенам или различным национальностям. Это взгляды, недостойные свободного человека. Прогресс человечества состоит в устранении всего, что ставит в зависимость и подчинение человека от человека, один класс от другого класса, один пол от другого пола. *Не может быть оправдано никакое неравенство, кроме того, которое создано природою в виде различия между отдельными людьми. Но естественные границы не должен переступать ни один пол, ибо этим он уничтожил бы свою природную цель.*

3. РАЗЛИЧИЯ В ТЕЛЕСНЫХ И ДУХОВНЫХ КАЧЕСТВАХ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Противники равноправия между женщинами и мужчинами опираются главным образом на то, что у женщины мозг меньше, чем у мужчины, и что в других отношениях она также стоит ниже мужчины, и этим доказывается ее длительное подчиненное положение. Несомненно, что мужчина и женщина — люди различного пола и что у каждого имеются особые органы, соответствующие половой функции, и что вследствие задач, которые каждый пол должен выполнять для достижения природной цели, существует ряд особенностей в их физиологическом и психическом состоянии. Это факты, которые никто не может и не будет оспаривать, *но ими нельзя обосновывать различие в социальной и политической равноправности мужчины и женщины.* Человечество, общество состоит из *обоих* полов, *они* для существования и развития его *необходимы*. Даже самый гениальный мужчина рожден матерью, которой он часто обязан лучшим из того, чем он обладает. По какому же праву женщине отказывать в равноправии с мужчиной?

Существенные различия в физическом и духовном сложении мужчин и женщин, по взглядам выдающихся авторитетов, сводятся к следующему. По отношению к величине тела мы встречаем, например, у Хавелок-Эллиса среднюю длину тела в 170 сантиметров для мужчины и 160 — для женщины. (У Фирорта — 172 и 160, в Северной Германии, по Краузе, — 173 и 163). Разница в среднем составляет, таким образом, от 10 до 12 сантиметров. Отношение величины тела равняется 100:93. Средний вес выражается приблизительно в цифрах 65 и 54 килограммов. Перевес относительной длины женского туловища — давно замеченная разница. Но при тщательном измерении оказывается, что эта разница большей частью значительно преувеличивается. Ноги у женщины среднего роста только на 15 миллиметров короче, чем у мужчины того же роста, и Пфицнер сомневается, будет ли еще заметно это различие, если принять во внимание всю фигуру. «На расчленение длины тела на длину туловища и конечностей влияет исключительно телосложение, но отнюдь не пол». Напротив, женская рука ясно короче мужской (отношение 100:91,5). Независимо от длины и ширины мужской кисти руки у мужчины, как общее правило, безымянный палец

длиннее указательного, у женщины — наоборот. Мужская рука благодаря этому похожа на обезьянью, как и более длинная конечность является признаком «питекоида» (обезьяноподобного).

Что касается величины головы, то принимают отношение величин мужской и женской голов как $100 : 94$, а высоты голов относятся как $100 : 100,8$, что дает абсолютно меньшую, но относительно большую величину женской. По Пфизнеру, абсолютная длина головы составляет $100 : 96,1$, относительная же длина голов мужчины и женщины составляет $100 : 103$. Здесь большая относительная величина женской головы выражена яснее. Кости женщины меньше, тоньше, нежнее построены, с наружной поверхности глаже, так как более слабая мускулатура требует для своего прикрепления менее шероховатой поверхности. Это меньшее развитие женской мускулатуры — одна из отличительнейших особенностей женщины; она проявляется в меньшей толщине отдельных мускулов, благодаря чему женские мускулы мягче, богаче водой (по фон Бибра, содержание воды в мужской мускулатуре равняется 72,5 процента, в женской — 74,4 процента). Обратное отношение видим мы в жировой ткани: она у женщины богаче развита, чем у мужчины. Грудная клетка соответственно короче и сдавлена; другие различия находятся в прямой зависимости от половой цели. Данные разных авторов об абсолютном и относительном весе внутренностей крайне противоречивы. Так, по Фирорту, вес сердца у мужчины относится к весу тела, как $1 : 215$, по Клейдинингу, — как $1 : 158$, а у женщин, по данным этих же авторов, соответственно — как $1 : 206$ и $1 : 149$. В общем можно признать, что женские внутренности, если они абсолютно меньше мужских, то относительно (то есть по отношению к весу тела) они тяжелее. Вес мужского сердца достигает 350 граммов, вес женского — 310.

Что касается крови, то у женщины наблюдается несколько большее содержание воды (80,11 процента против 78,15), меньшее количество кровяных шариков в единице пространства (четыре с половиной миллиона в кубическом миллиметре у мужчины против трех миллионов у женщины) и меньшее содержание красящих веществ в крови (разница, по Хавелок-Эллису, 8 процентов). Меньшая величина сердца у женщины, ее более узкая система сосудов и, вероятно, также большее содержание воды в крови

обуславливают меньший расход веществ и менее значительное питание. Следствием этого же является и более слабый жевательный аппарат. «Отсюда ясно, что и цивилизованный мужчина в некоторых отношениях ближе, чем женщина, стоит к животным — особенно к обезьянам, что он проявляет «питекоидный» характер, о чем свидетельствует, помимо развития скелета лица, также и длина его членов».

Что касается различия между черепами обоих полов, то следует сказать, что, согласно Бартельсу, до сих пор еще неизвестно и вообще не существует постоянного и убедительного признака принадлежности черепа тому или другому полу. Мужской череп во всех своих измерениях больше женского. Соответственно этому и вместимость мужского черепа и вес его больше женского (отношение 1000:888). Обособленное изучение черепной коробки и костей лица приводит, однако, к другим выводам: скелет лица у мужчины не только абсолютно, но и относительно больше; напротив, размеры черепной коробки у женщины *относительно* постоянно больше. Это же подтверждается и числами вместимости черепа.

Средние числа для нормального мозга взрослого человека дают для мужчины, по Гросеру, вес в 1388 граммов, для женщины — 1252 грамма¹. Преобладающий вес для мужчин (84 процента) от 1250 до 1550 граммов, для женщин (91 процент) от 1100 до 1450 граммов. Однако эти веса нельзя считать сопоставимыми, так как женщина меньше мужчины. Таким образом, мы должны выставить положение об относительном весе мозга. При сравнении с весом тела получается у мужчин 21,6 грамма, а у женщин 23,6 грамма мозгового вещества на килограмм веса. Объяснение этого перевеса надо искать, главным образом, в том факте, что женская фигура меньше².

¹ В среднем весит:

	Мужской мозг	Женский мозг
по Бишофу (баварцы)	1362	1219
» Бойду (англичане)	1325	1183
» Маршану (иссенцы)	1399	1248
» Рецнусу (шведы)	1388	1252

² «Геннальные люди, как правило, имеют небольшую фигуру и массивный мозг, что характерно и для детей. И их общее выражение лица и темперамент напоминают также детей» (*Havelock Ellis, Mann und Weib, S. 392*).

Другие результаты дает сравнение двух индивидов разных полов, но одинакового роста. По Маршану, мозг женщины всех ростов без исключения легче мозга мужчин тех же ростов. Но этот метод так же неправилен, как сравнение по длине тела. Он заранее признает доказанным то, что еще нуждается в доказательстве: прямое отношение между длиной тела и весом мозга. Блэкман, Элис Ли и Пирсон твердо установили на основании английских цифр и измерений, что в отношении веса мозга нет никакого заметного относительного различия между мужчиной и женщиной, то есть что мужчина той же величины тела, возраста и размеров головы, что и средняя женщина, ничем не будет от нее отличаться по весу своего мозга ¹.

Маршан даже допускает, что меньшая величина женского мозга объясняется большей чувствительностью ее нервной системы. «Это, — говорит Гроссер, — еще микроскопически не доказано и было бы трудно доказать с полной убедительностью. И все же следует путем аналогии указать на то, что и глазное яблоко и ушной лабиринт у женщины несколько меньше, чем у мужчины, тем не менее нельзя сказать, чтобы эти органы в каком-нибудь отношении хуже действовали. Более серьезной причиной меньшего развития женского мозга является то, что мускулатура женщины слабо развита» ².

Поскольку приведенные особенности вытекают из полового различия, их, конечно, нельзя изменить. Насколько эти особенности в составе крови и мозга можно видоизменить другим образом жизни (питанием, духовной и физической гимнастикой, родом занятий и т. д.), это не поддается определенному суждению. *Что женщина в настоящее время сильнее отличается от мужчины, чем женщина первобытного времени или отсталых народов, это, по-видимому, установлено, и это вполне объяснимо, если принять во внимание влияние социального развития на женщину у всех культурных народов в последние 1000—1500 лет.*

¹ J. Blakeman, Alice Lee and K. Pearson, A Study of the biometric constants of english Brainweights, Biometrika 1905, Vol. IV.

² Privatdozent Dr. Otto Grosser, Der Körperbau des Weibes in «Mann und Weib». Herausgegeben von Professor Dr. Koßmann in Berlin und Dr. S. Waliß in Wien, Stuttgart 1907, S. 40.

По Хавелок-Эллису, вместимость черепа женщины составляла (если вместимость черепа мужчины принять за 1 тыс.):

у негров	984	у русских	884
» готтентотов	951	» немцев	883—897 ¹
» гинду	944	» китайцев	870
» эскимосов	931	» англичан	860—862
» голландцев	919(909)	» парижан (19 лет)	858

Противоречивые данные у немцев показывают, что исследования были сделаны на очень различных — количественно и качественно — материалах и потому не могут считаться очень надежными. Но одно несомненно вытекает из приведенных цифр, — что у негритянок, готтентоток, женщин гинду вместимость черепа значительно больше, чем у немок, англичанок и парижанок, а между тем все эти последние интеллигентнее.

При сравнении веса мозга известных умерших людей обнаруживаются подобные же противоречия и странности. По данным профессора Реклама, мозг естествоиспытателя Кювье весил 1830 граммов, Байрона — 1807 граммов, знаменитого математика Гаусса — 1492 грамма, филолога Германа — 1358 граммов, парижского префекта Гаусмана — 1226 граммов. У последнего мозг весил меньше среднего женского мозга.

Мозг Гамбетты весил также значительно меньше среднего женского мозга: в нем было только 1180 граммов. И Данте будто бы имел мозг по весу ниже среднего веса мозга мужчин. Данные этого рода мы находим у доктора Хавелок-Эллиса. Из этих данных видно, что мозг обыкновенного индивидуума, взвешенный Бишофом, имел 2222 грамма, мозг писателя Тургенева — 2012 граммов; третье место по весу занимал мозг одного идиота из графства Хэнт; мозг обыкновенного рабочего весил 1925 граммов, и этот мозг был также исследован Бишофом. Самые тяжелые женские мозги весили от 1742 до 1580 граммов, два из них принадлежали душевнобольным женщинам. На немецком антропологическом конгрессе, заседавшем в августе 1902 года в Дортмунде, профессор Вальдейер констатировал, что исследование чере-

¹ У пяти различных авторов — 838, 864, 878, 883, 897; для Пруссии (Купфер) 918; для Баварии (Раузе) 893.

на философа Лейбница, умершего в 1716 году, показало, что его объем равняется 1450 кубических сантиметров, что соответствует 1300 граммам веса мозга. По Ганземанну, который исследовал мозг Моммзена, Бунзена и Адольфа фон Менцеля, мозг Моммзена весил 1425,4 грамма и был также не тяжелее среднего веса мозга взрослого мужчины, мозг Менцеля весил только 1298 граммов, а Бунзена еще меньше — 1295 граммов, значит меньше среднего веса мозга обыкновенного мужчины и незначительно больше среднего веса мозга женщины. Эти разительные факты совершенно разрушают старое представление, что духовные способности можно измерять по объему черепа и весу мозга.

Реймонд Пирл в результате исследования английских данных приходит к следующему заключению: «Нет доказательств, что между духовными способностями и весом мозга существует тесная зависимость»¹.

Английский антрополог В. Дукворт говорит: «Нет определенных доказательств, что у людей большой вес мозга сопровождается высокими духовными способностями. Ни вес мозга, ни вместимость черепа, ни объем головы в тех случаях, когда они были установлены, не играют никакой роли как мерило духовных способностей»².

Кольбрюгге, который в последние годы выступил с целым рядом исследований о мозге человеческих рас, говорит: «Интеллигентность и вес мозга — две величины, друг от друга не зависящие. Часто выдвигаемый высший вес мозга знаменитых людей не может служить доказательством этой зависимости: он, правда, превосходит общий средний вес человеческого мозга, но отнюдь не больше среднего веса мозга людей высших общественных классов, к которым эти знаменитости принадлежат. Но эти выводы не опровергают того, что вес мозга — в особенности при чрезмерном раздражении работой в юности — может увеличиваться, чем и можно объяснить большую величину мозга особей высших общественных классов или лучших учеников (емкость черепа), если к тому же, что присуще людям лучшего социального положения, имеется налицо усиленное питание. Это приращение веса мозга, вызы-

¹ *Raymond Pearl*, Variation or Correlation in brainweight. *Biometrika*, Vol. IV, June 1905, p. 83.

² *W. Duckworth*, Morphology and Anthropology, Cambridge 1904, p. 421—422.

ваемое духовным перенапряжением, имеет, как известно, и свои тяжелые стороны: мозг сумасшедших часто очень тяжел. Главное в том, что нельзя доказать какой-либо зависимости между интеллигентностью (нечто иное, чем труд рабочего) и весом мозга. Что же касается образования внешних форм, то до сих пор не удалось установить никакой зависимости между определенной формой и высшим образованием, гениальностью или интеллигентностью»¹.

Таким образом, твердо установлено, что, как по величине тела нельзя судить об его силе, так точно и по весу мозговой массы нельзя судить об умственных способностях. Крупные млекопитающие — слон, кит, дельфин и т. д. — обладают большим и тяжелым мозгом. Что касается относительного веса мозга, то этих животных превосходит большинство птиц и мелких млекопитающих. Мы встречаем очень маленьких животных (муравьев, пчел), которые по сообразительности далеко превосходят несравненно более крупных (например, овец, коров), точно так же нередко люди высокого роста по духовным способностям стоят намного ниже людей маленьких и с виду незаметных. Почти несомненно, что значение имеет не масса мозга, а его организация, а также упражнение и применение его сил.

«По моему мнению, — говорит профессор Л. Штида, — тончайшее строение мозговой коры является несомненной причиной различия психических функций: первные клетки, промежуточные вещества, расположение кровеносных сосудов, качество, форма, размер и число нервных клеток, — и нельзя этого забывать, — их питание и обмен веществ в них»².

Мозг должен для полного развития его способностей точно так же, как и всякий другой орган, старательно упражняться и соответственно питаться. Раз этого нет или развитие принимает неправильное направление, то тогда происходит не только задержка в нормальном развитии, но это развитие уродуется. Одно направление развивается за счет другого.

¹ Kohlbrügge, Untersuchungen über Großhirnfurchen der Menschenrassen. Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, 11. Band, 3. Heft, Stuttgart 1908, S. 598.

² L. Stieda, Das Gehirn eines Sprachkundigen. Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie. 11. Band, 1. Heft, 1907, S. 135.

Имеются некоторые антропологи, например Мануврие и другие, которые даже доказывают, что женщина в морфологическом отношении стоит выше мужчины. Это, конечно, — преувеличение. «Если мы сравним оба пола, — говорит Дукворт, — то увидим, что нет никаких постоянных различий, которые ставили бы в морфологическом отношении один пол выше другого»¹.

Хавелок-Эллис делает лишь одно ограничение. Он верит, что богатство вариаций признаков у женского пола исчезнет легче, чем у мужчины. Но Карл Пирсон в своей ответной критике подробно доказал, что эта вера является лишь псевдонаучным суеверием².

Никто сколько-нибудь знающий историю женского развития не станет отрицать, что в течение тысячелетий по отношению к женщине поступали и продолжают поступать несправедливо. И если, несмотря на это, профессор Бишоф утверждает, что женщина имела возможность развить свой мозг и свою интеллигентность так же, как и мужчина, то это утверждение показывает лишь невольное и кеслыханное невежество.

Данное в настоящей книге изложение положения женщины в течение нашего культурного развития делает вполне ясным, что виною значительных различий в духовном и физическом развитии обоих полов является господствующее положение мужчины, длившееся целые тысячелетия.

Наши естествоиспытатели должны бы признать, что законы их науки вполне применимы и к человеку. Наследственность и приспособление имеют такое же значение по отношению к человеку, как и ко всякому другому созданию природы. И если человек не представляет в природе исключения, то эволюционное учение должно быть применимо и к нему, а отсюда ясно, как день, то, что иначе остается смутным и темным и становится предметом научной мистики или мистической науки.

Образование и развитие мозга у мужского и женского пола соответствует различному их воспитанию, — если это слово подходит к большей части прошлых эпох, особенно по отношению к женщине. Физиологи единогласно заявляют, что мозговые части, от которых зависит разум, лежат в передней части большого мозга, те же, от

¹ Duckworth, p. 422.

² K. Pearson, Variation in Man and Woman in Chances of death, 1. Band, London 1897, p. 376.

которых главным образом зависят чувства и настроения, следует искать в средней части. У мужчин более развита передняя часть головы, у женщин — средняя. Соответственно этому развилось понятие о красоте мужчины и женщины. По греческому понятию о красоте, которое и до сих пор является решающим, женщина должна иметь узкий, мужчина же — высокий и в особенности широкий лоб. И это понятие красоты, которое является выражением унижения женщины, настолько укоренилось у наших женщин, что они считают некрасивым высокий лоб и стараются исправить ошибку природы прической, свешивая волосы на лоб, чтобы он казался ниже.

4. ДАРВИНИЗМ И СОСТОЯНИЕ ОБЩЕСТВА

Таким образом, нельзя утверждать, что женщины по величине их мозговой массы ниже мужчин, но тем не менее не следует удивляться, что в настоящее время женщины в умственном отношении таковы, каковы они есть. Дарвин имел, конечно, право сказать, что со списком выдающихся мужчин в поэзии, живописи, скульптуре, музыке, науке и философии не может выдержать сравнения подобный же список выдающихся женщин в тех же областях. Но разве может быть иначе? Было бы удивительно, если бы дело обстояло по-другому. Потому и доктор Додель (Цюрих) ¹ замечает, что все было бы не так, если бы в течение ряда поколений женщины и мужчины одинаково воспитывались и им была бы дана одинаковая возможность упражняться в этих искусствах и науках. Женщина в среднем слабее мужчины и физически, но этого нет у многих диких народов ². Чего можно достигнуть упражнением и воспитанием с молодых лет, видно на примере акробатов и наездниц, которые совершают поразительные вещи в смысле мужества, бесстрашия, ловкости и телесной силы.

Так как подобное развитие является делом жизненных условий и воспитания, или, выражаясь грубо естественно-

¹ Die neuere Schöpfungsgeschichte.

² Данные для этого дает, как уже было упомянуто, доктор Хавелок-Эллис в своей (много раз цитированной нами) книге. Из них видно, что у многих диких и полудиких племен женщина по физической силе и по величине тела не только равна мужчине, но отчасти и превосходит его. С другой стороны, Эллис согласен с тем, что вследствие нашего культурного развития разница в объеме черепа между полами прогрессивно повышалась.

научно, делом «выращивания», то можно считать несомненным, что физическая и духовная жизнь людей приведет к самым лучшим результатам, *как только человек внесет в свое развитие сознательность и целесообразность.*

Развитие растений и животных зависит от условий их существования, причем благоприятные условия способствуют их развитию, неблагоприятные задерживают, а пагубные вмешательства заставляют изменять их сущность и характер, если они под их влиянием не погибают. С человеком происходит то же самое. Способ, каким человек поддерживает свое существование, влияет не только на его внешность, но и на его чувства, мысли и поступки. Если неблагоприятные условия существования людей, то есть недостатки социального положения, являются причиной недостаточного индивидуального развития, то отсюда следует, что изменением условий своего существования, или своего социального положения, человек изменяет самого себя. Речь идет, таким образом, о том, чтобы создать такие социальные условия, при которых каждый человек получает возможность полного беспрепятственного развития своего существа, при которых законы развития и приспособления, получившие после Дарвина название дарвинизма, сознательно и целесообразно применяются ко всем людям. Но это возможно лишь при социализме.

Люди, как думающие и сознающие существа, должны сознательно изменять и совершенствовать свои жизненные условия, то есть свое социальное положение и все то, что стоит от него в зависимости, и притом так, чтобы для всех существовали одинаково благоприятные условия развития. Каждый отдельный человек должен иметь возможность развивать свои задатки и способности к своему собственному и всеобщему благу, но у него не должно быть власти вредить другим или обществу. Интересы каждого должны соответствовать интересам всех. Гармония интересов должна заменить противоположность интересов, господствующую в современном обществе.

Дарвинизм, как всякая истинная наука, в высшей степени демократичен¹; если часть представителей дарви-

¹ «Храм науки — храм демократии» (*Buckle, Geschichte der Zivilisation in England, 2. Band, 2. Teil, 4. Auflage. Übersetzt von A. Ruge, Leipzig und Heidelberg 1870*).

низма утверждает противное, то это свидетельствует лишь о том, что они не умеют оценить всего значения своей собственной науки. Противники дарвинизма, в особенности духовенство, которое всегда прекрасно чувствует, что для него выгодно и что вредно, поняли это и потому объявили дарвинизм учением социалистическим и атеистическим. В этом со своими злейшими противниками сошелся и профессор Вирхов, который на мюнхенском съезде естествоиспытателей в 1877 году выдвинул против профессора Геккеля положение: «Теория Дарвина ведет к социализму»¹. Вирхов пытался дискредитировать дарвинизм, так как Геккель требовал внесения эволюционного учения в школьную программу. Против обучения в школах естествознанию в духе Дарвина и новейших изысканий борются все, кто хочет удержать современный порядок вещей. Революционное влияние этого учения понятно, отсюда и требование, чтобы оно изучалось лишь в кругу избранных. Но мы думаем: если теория Дарвина, как утверждает Вирхов, ведет к социализму, то это служит доказательством не против этой теории, а в пользу социализма. Люди науки не должны считаться с тем, что выводы из науки ведут к тому или другому государственному устройству, к тому или другому социальному состоянию, они не должны считаться, оправдывает ли наука то или другое общественное состояние, они должны исследовать, правильна ли теория, и, если она правильна, они должны принимать ее со всеми выводами. Кто поступает иначе, из личного ли расчета, из-за одобрения сверху, или из классовых и партийных интересов, тот достоин презрения и вовсе не дела-

¹ Циглер в вышеупомянутом сочинении на стр. 11 и 12 оспаривает, что это соответствует смыслу вирховского заявления. Но его собственная передача вирховского заявления это подтверждает. Вирхов сказал: «Представьте только себе, как уже в настоящее время эволюционная теория выглядит в голове социалиста! (С м е х.) Да, господа, многим это может казаться смешным, но это очень серьезно, и мне хочется надеяться, что эволюционная теория не принесет нам всех тех ужасов, которые подобные теории натворили в действительности в соседней стране. Во всяком случае, эта теория, если ее провести последовательно, имеет очень опасную сторону, и вы, надо надеяться, заметили, что социализм сблизился с ней, мы должны видеть это совершенно ясно». И вот мы сделали то, чего боялся Вирхов, мы сделали из теории Дарвина выводы, которые не сделали или сделали неверно Дарвин и большая часть его учеников. Вирхов предостерегает от опасности этого учения, так как он предвидел, что социализм сделает и должен сделать выводы, лежащие в этом учении.

ет чести науке. Представители цеховой науки, особенно в наших университетах, могут лишь в редких случаях гордиться самостоятельностью и характером. Страх потерять доходы, лишиться благоволения сверху, быть вынужденным отказаться от титула, ордена и повышения заставляет большинство этих представителей сгибаться и скрывать свои убеждения или даже публично высказывать противоположное тому, во что они верят и что они знают. Если такой ученый, как Дюбуа-Реймон, во время одного верноподданнического торжества берлинского университета в 1870 году воскликнул: «Университеты — воспитательные учреждения для духовной гвардии Гогенцоллернов», то можно себе представить, как думают о цели науки другие, по своему значению стоящие ниже Дюбуа-Реймона¹. Наука принижается до служанки насилия.

Понятно, что профессор Геккель и его сторонники — профессор О. Шмидт, фон Гельвальд и др. — самым энергичным образом протестуют против ужасного упрека, что дарвинизм работает на пользу социализма, и утверждают, что верно как раз противоположное: дарвинизм аристократичен, так как он учит, что повсюду в природе лучше организованное и сильнейшее животное существо угнетает более низшее. И так как, по их мнению, имущие и образованные классы являются в обществе этими лучше организованными и более сильными существами, то они рассматривают их господство как нечто само собой понятное, так как оно оправдывается законами природы.

Эта часть среди наших дарвинистов не имеет никакого понятия об экономических законах, господствующих в буржуазном обществе; это слепое господство поднимает на общественную высоту не лучшего и не наиболее искусного, но часто *наиболее пронырливого и испорченного* и дает ему возможность создавать наиболее приятные условия существования и развития своему потомству, которому не приходится для этого шевельнуть и пальцем. Ни при одной экономической системе лица с человечески хорошими и благородными свойствами не имеют в общем так мало надежды подняться на высшие общественные ступени, как при капиталистическом строе. Можно без преувеличения сказать, что надежды на это повышение падают

¹ Дюбуа-Реймон, указывая на прежние нападки на него, повторил эту фразу в феврале 1883 года по поводу юбилея Фридриха Велликого.

вместе с тем, как эта экономическая система достигает своего высшего развития. Безграничная беззастенчивость в выборе и применении средств — неизмеримо более действительное и успешное оружие, чем все человеческие добродетели, взятые вместе. Считать общество, построенное на подобной основе, обществом «способнейших и лучших» может только тот, чьи знания о сущности и природе этого общества равны нулю, или тот, кто под господством буржуазных предрассудков отучился думать и делать выводы. Борьба за существование имеет место у всех организмов независимо от обстоятельств, которые их к этому принуждают, она происходит бессознательно. Эта борьба за существование происходит и среди людей, среди членов каждого общества, в котором исчезла или еще не восторжествовала солидарность. Эта борьба за существование изменяется в зависимости от форм, которые принимают социальные отношения людей в ходе развития; она принимает характер классовой борьбы, которая ведется все в более широких размерах. Но эта борьба ведет ко все большему проникновению в сущность общества и в конце концов к пониманию законов, которые господствуют в обществе и обуславливают его развитие, — и этим люди отличаются от других существ. *В конце концов людям нужно только применить это познание к их политическим и социальным учреждениям и соответственно их видоизменить.* Итак, разница между человеком и животным в том, что человек может быть назван мыслящим животным, животное же не может быть названо мыслящим человеком. Этого не понимает в своей односторонности большинство наших дарвинистов, поэтому они и делают фальшивое заключение ¹.

¹ Профессор Эрико Ферри написал сочинение, озаглавленное «Социализм и современная наука, Дарвин — Спенсер — Маркс» («Sozialismus und moderne Wissenschaft Darwin—Spenser—Marx», Übersetzt und ergänzt von Dr. Hans Kurella, Leipzig 1895, Georg H. Wigands Verlag), в котором он специально по адресу Геккеля доказывает, что дарвинизм и социализм находятся в полной гармонии и что большое заблуждение со стороны Геккеля — как он это делал до последнего времени — характеризовать дарвинизм как аристократическое учение. Мы не во всем согласны с сочинением Ферри и особенно не разделяем его точки зрения при обсуждении свойств женщины, где он стоит преимущественно на точке зрения Ломброзо и Ферреро. Эллис в своем сочинении «Мужчина и женщина» доказал, что если свойства мужчины и женщины разнородны, то тем не менее они *равноценны* (подтверждение изречения Канта, что мужчина и женщина

Профессор Геккель и его сторонники отрицают также, что дарвинизм ведет к атеизму, и, *устранив* «творца» с помощью всех своих научных доводов и доказательств, они делают судорожные попытки, чтобы дать ему возможность прошмыгнуть через заднюю дверь. С этою целью они образуют свой собственный род «религии», которую они называют «высшею нравственностью», «нравственными принципами» и т. д. Профессор Геккель в 1882 году на собрании естествоиспытателей в Эйзенахе сделал в присутствии великогерцогской веймарской семьи попытку спасти не только религию, но и выставить своего учителя Дарвина, как религиозного человека. Эта попытка потерпела неудачу, как подтвердит каждый, кто читал реферат Геккеля и цитированное им письмо Дарвина ¹. Письмо Дарвина говорит, правда в осторожных выражениях, как раз противоположное тому, что оно должно было говорить по профессору Геккелю. Дарвин должен был считаться с «благочестием» своих соотечественников-англичан, поэтому он никогда не решался публично высказать свое настоящее мнение о религии. Но в частной беседе он это сделал, как это стало известно вскоре после веймарского собрания: именно в беседе с доктором Л. Бюхнером, которому он сообщил, *что с сорокового года своей жизни, следовательно, с 1849 года, он ни во что более не верит, так как не мог добиться никаких доказательств для веры. В последние годы своей жизни Дарвин поддерживал атеистическую газету, выходившую в Нью-Йорке.*

лишь вместе составляют человека). Тем не менее сочинение Ферри вышло очень кстати, но переводчику его не следовало бы в выноске к стр. 10 при упоминании о Циглере говорить о «легкомысленных утверждениях Бебеля». Доказать это «легкомыслие» господину Курелла было бы трудно, и эта выноска к положениям Ферри, с которыми мы в данном случае совершенно согласны, как раз очень *легкомысленна*.

¹ Профессор Геккель опубликовал в № 8 «Zukunft» (Берлин 1895) статью о предложенном рейхстагу законопроекте, в конце которой он замечает, между прочим: «Я, конечно,—далеко не друг господина Бебеля, который на меня неоднократно нападал и, между прочим, в своей книге о женщине прямо *оклеветал*». Упрёк, который мне здесь делает господин Геккель, принадлежит к *сильнейшим*, которые можно кому-нибудь сделать, он означает — этого, видимо, не знает профессор Геккель,— что кто-нибудь позволил себе нападки, сознательно ложные; я не сознаю, чтобы сделал это, и должен обождать, пока профессор Геккель докажет свое утверждение, до тех пор я его отбрасываю, как легкомысленное. — Автор.

5. ЖЕНЩИНА И СВОБОДНЫЕ ПРОФЕССИИ

Женщины должны вступить в конкуренцию с мужчинами и в сфере духовной жизни; они не могут ждать, пока мужчинам заблагорассудится развить их мозговые функции и расчистить им свободный путь. Это движение в полном ходу. Женщины уже устранили многие препятствия и вступили на духовную арену с особенным успехом в целом ряде стран. Все более усиливающееся среди них движение за допущение к занятиям в университетах и высших школах и к соответствующему этим занятиям кругу деятельности по природе наших условий ограничивается женщинами буржуазных слоев. Женщины из рядов пролетариата в этом пока непосредственно не заинтересованы, так как им в настоящее время недоступны эти занятия и соответствующее положение. Тем не менее это движение и его успех представляют общий интерес. Прежде всего это относится к принципиальному требованию о положении женщины вообще по отношению к мужчине. Далее, необходимо доказать, чего женщины могут достигнуть уже в настоящее время при условиях, в общем крайне неблагоприятных для их развития. Женщины заинтересованы, например, в случае болезни иметь возможность лечиться у врачей своего пола, к которым они могут обращаться с меньшим стеснением, чем к мужчинам. Для большей части наших женщин женщины-врачи — благодеяние, ибо то обстоятельство, что они должны в случае болезни и при разнообразных недомоганиях, связанных с их половой жизнью, доверяться мужчинам, часто мешает им заблаговременно или вообще прибегать к врачебной помощи. Из этого вытекает масса неприятных вещей и тяжелых последствий не только для женщин, но и для их мужей. Едва ли существует хоть один врач, которому бы не приходилось жаловаться на эту иногда преступную скрытность женщин и нежелание сознаться в своей болезни. Это понятно, но неразумно, что мужчины и в особенности многие врачи не хотят осознать, как необходимо и законно поэтому изучение медицины женщинами.

Женщины-врачи — отнюдь не новое явление. У большинства древних народов, особенно у древних германцев, врачеванием занимались женщины. В IX и X веках в арабском государстве, в особенности во время господства арабов (мавров) в Испании, большую славою пользовались

женщины-врачи, в том числе и хирурги, учившиеся в Кордовском университете. Под влиянием мавров женщины допускались в разные итальянские университеты, как, например, в Болонский и Палермский. После исчезновения «языческого» влияния в Италии последовало запрещение этих занятий. Так, университетская коллегия в Болонье издала в 1377 году следующий декрет: «И так как женщина — глава греха, орудие дьявола, причина изгнания из рая и гибели ветхого завета и так как вследствие этого надо старательно избегать всяких сношений с нею, то мы не дозволяем и решительно запрещаем, чтобы кто-нибудь допустил ввести в названную коллегию женщину, как бы она ни была уважаема. И если все же кто-нибудь сделает подобное, то он должен быть строго наказан ректором».

Допущение женщин к университетским занятиям имеет прежде всего уже то значение, что женская конкуренция очень благотворно влияет на прилежание нашей мужской молодежи, которое оставляет желать очень многого, как это утверждается с самых различных сторон. Уже одно это — большой выигрыш. Благодаря этому должны существенно улучшиться и нравы нашей университетской молодежи. Стремление к выпивкам и вздорным ссорам, трагичная жизнь нашей студенческой молодежи получает жестокий удар; в местах, откуда главным образом выходят наши государственные люди, судьи, прокуроры, высшие полицейские чиновники, священники, народные представители и т. д., устанавливается тон, более соответствующий задачам, для которых они устроены и поддерживаются. А по единогласному суждению беспристрастных сведущих людей, улучшение этого тона крайне необходимо.

Число государств, допускающих женщин к занятиям в университетах и высших учебных заведениях, за последнее десятилетие быстро растет. Ни одно из государств, считающее себя культурным, не может долго противиться этому требованию. Впереди всех идут Соединенные Штаты, за ними следует Россия — два государства, во всех отношениях представляющие самый резкий контраст. В Североамериканском союзе женщины допущены к высшему образованию во всех штатах: в Уте с 1850 года, в Иове с 1860, в Канзасе с 1866, в Висконсине с 1868, в Миннесоте с 1869, в Калифорнии и Миссури с 1870, в Огайо, Иллинойсе и Небраске с 1871 года, а затем последовали

все остальные штаты. Соответственно этому распространению женского университетского образования женщины завоевали себе в Соединенных Штатах прочное положение в различных профессиях. По данным на 1900 год, в Соединенных Штатах было 7399 женщин — врачей и хирургов, 5989 писательниц, 1041 женщин-архитекторов, 3405 женщин-священников, 1010 женщин-адвокатов, 327 905 учительниц.

В Европе открыла женщинам свои университеты для занятий главным образом Швейцария. Общее число учащихся составляли:

Годы	Общее число	Среди них студенток	Включая вольнослушательниц
1896/97 г.	4 181	391	728
1900/01 »	5 301	854	1 429
1905/06 »	7 676	1 502	2 757
1906/07 »	8 521	1 904	3 156

По различным факультетам в зимнем семестре 1906/07 года студентки распределялись так: право — 75, медицина — 1181, философия — 648. По национальностям было: 172 швейцарки и 1732 иностранки. Количество учащихся там германских женщин понизилось, потому что в последнее время они были допущены, хотя с некоторыми ограничениями, в германские университеты. В 1906/07 году число полноправных, внесенных в списки, студенток составляло около 30 процентов числа всех студентов, а включая вольнослушательниц, — около 37 процентов всех студентов и вольнослушателей.

В Англии женщины допущены к слушанию лекций в университетах, но в Оксфорде и Кембридже доступ им до некоторой степени ограничен. Во Франции в 1905 году было 33 168 студентов, среди них — 1922 студентки (774 иностранки). Они разделяются следующим образом: правоведение — 57, медицина — 386, естественные науки — 259, литература — 838, другие области знания — 382. В следующих государствах женщины допущены к высшему образованию: Соединенные Штаты, Англия, Голландия, Бельгия, Дания, Швеция, Норвегия, Россия, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Швейцария, Фран-

ция, Турция. К врачебной практике женщины допущены: в Индии, Абиссинии, Персии, Марокко, Китае и т. д. Особенно в восточных государствах женщины-врачи завоевывают все более и более твердое положение. Ограничения, которые в этих странах налагают на женщину религия и нравы, делают там женщину-врача большим благодеянием.

После долгой борьбы и больших усилий наконец и Германия, сначала, правда, упираясь, вступила на новый путь. Постановлением союзного совета от 24 апреля 1899 года женщины допущены к медицинским и зубо-врачебным экзаменам, точно так же как и к экзаменам на звание аптекаря на равных с мужчинами условиях. Вторым постановлением союзного совета, от 28 июля 1900 года, женщины-врачи, выдержавшие экзамен за границей, если они немецкие подданные, допускаются к практике в Германской империи. Кроме того, медичкам зачисляются занятия, начатые ими за границей. Еще до 1898 года женщины были допущены в отдельные университеты, например в Гейдельберге и Геттингене. В зимнем семестре 1901/02 года в университетских списках числилось уже 1270 слушательниц. В ряде немецких городов основаны женские гимназии и реальные училища; они существуют в Карлсруэ, Штутгарте, Ганновере, Кёнигсберге, Гамбурге, Франкфурте-на-Майне, Бреславле, Берлине, Шенеберге, Мангейме и проч.

Еще весной 1902 года сенат берлинского университета отклонил прошение студенток о допущении к имматрикуляции¹ при условии представления аттестата зрелости немецкой гимназии. Сопrotивление против допущения женщин к высшему образованию со стороны очень влиятельных кругов еще не сломлено. Так, в марте 1902 года прусский министр народного просвещения произнес в прусском ландтаге речь, в которой он, между прочим, сказал: женские гимназии являются экспериментом, который администрация народного просвещения должна отклонить; он боится, что различия между мужчиной и женщиной, указанные природой и развитые культурой, могут пострадать от посещения гимназий и университетов. Немецкая семья должна по возможности сохранить особенность немецкой женщины. Здесь полностью отражается

¹ — внесение в списки полноправных студентов. — *Ред.*

еще старый шаблон. Точно так же и большинство немецких профессоров по-прежнему относятся отрицательно к женскому высшему образованию, хотя другие признаются, что многие из женщин, допущенные к высшему образованию, вполне, а иногда и превосходно удовлетворяют всем необходимым для этого требованиям. А как думает о женском высшем образовании часть, а вероятно и огромное большинство, студенчества, показывает протест студентов-клиницистов в Галле, с которым они обратились в марте 1902 года ко всем студентам-клиницистам Германии. Разъяснив сначала, что их протест вызван агитацией союза «Женское образование — женское высшее образование» в Берлине за допущение женщин к изучению медицины, они продолжают: «После того как этим шагом вопрос поставлен на обсуждение суда гласности, клиницисты в Галле обращаются к кругам, для которых решение этого вопроса имеет наибольший интерес и значение, именно к клиницистам немецких университетов, так как те или по собственному опыту знают упомянутые невыносимые явления, или могут себе представить, какие печальные и всякую стыдливость уничтожающие положения должно вызвать это совместное клиническое обучение, положения, которые слишком отвратительны, чтобы их можно было, не нарушая приличия, обозначить здесь точнее. Медицинский факультет университета в Галле был один из первых в Германской империи, который сделал попытку допустить женщин к медицинскому образованию, и эту попытку надо считать совершенно неудавшейся. Вместо благородных стремлений вместе с женщинами вошел цинизм, и сцены, одинаково возбуждающие отвращение как у преподавателей и учеников, так и у пациентов, — обычное явление. Здесь эмансипация женщины становится бедствием, здесь она вступает в конфликт с нравственностью, и здесь поэтому ей нужно положить предел. Коллеги! Кто осмелится в виду этих фактов выступить против наших законных требований? Мы требуем исключения женщин из клинических занятий, так как опыт научил нас, что совместные клинические занятия мужчин и женщин так же мало совместимы с интересом основательного медицинского образования, как и с основами приличия и морали. Поднятый нами вопрос потерял теперь свой местный характер. Уже в высших сферах слышатся голоса об окончательном допущении женщин к медицинскому

образованию. Вы все теперь одинаково заинтересованы в нашем деле, и поэтому мы требуем от вас: займите определенную позицию в этом вопросе и объединитесь с нами в общем протесте».

Этот «протест» — разительное доказательство как ограниченности, так и зависти студентов клиницистов, боящихся женской конкуренции, ибо как раз к зависти и боязни сводятся их моральные соображения. То, что в большинстве культурных государств без всякого вреда для нравственности и чувства приличия студентов допускается отчасти уже в течение десятилетий, для Германии должно представлять опасность! Немецкие студенты не пользуются славой особенно добродетельных и нравственных, и им следовало бы оставить подобные штуки ¹. Если приличие и нравственность не страдают от того, что сестры милосердия вместе с врачами присутствуют на всевозможных операциях над мужчинами и женщинами и оказывают при этом серьезную помощь, если прилично и нравственно, что десятки молодых мужчин в учебных целях присутствуют в качестве зрителей у постели родильницы или при операциях над женщинами, то смешно отказывать в том же праве студенткам.

Совершенно другое основание, чем галльские клиницисты, против допущения женщин к медицинским занятиям приводил покойный профессор Бишоф, а именно — *грубость студентов!* Об этом, конечно, он мог прекрасно судить. Но какую бы позицию ни занимали по отношению к высшему образованию женщин ограниченные и боящиеся конкуренции мужчины, вопрос этот уже решен в пользу женщин. 18 августа 1908 года появился указ, допускающий женщин в качестве полноправных студентов в университеты Пруссии, где до сих пор они могли быть только вольнослушательницами. К студенткам германских университетов применялось постановление, по которому германские женщины в одном случае, а иностранки во всех случаях нуждаются для матрикуляции в разрешении министра ². Общее число имматрикулированных в немецких

¹ Статистика, составленная Блашко, дает следующие сведения о распространении венерических болезней среди отдельных профессий: на первом месте находятся тайные проститутки — 30 процентов, затем следуют студенты — 25 процентов, торговцы — 16 процентов и рабочие — 9 процентов.

² Женщины по различным основаниям с распоряжения министра могут не допускаться к отдельным лекциям.

университетах женщин в зимнем семестре 1908/09 года равнялось 1077 против 377 летом 1908 года и 254 в 1906 году. Из них в Берлине училось 400, в Бонне — 69, в Бреслау — 50, в Эрлангене — 11, Фрейбурге — 67, в Гессене — 23, в Геттингене — 71, в Грейфсвальде — 5, Галле — 22, Гейдельберге — 109, в Иене — 13, в Киле — 2, Кенигсберге — 17, Лейпциге — 44, Марбурге — 27, Мюнхене — 134, Тюбингене — 6, Вюрцбурге — 7. Только в университетах Страссбурга, Ростока и Мюнстера не было еще ни одной полноправной студентки. Количество вольнослушательниц в летнем семестре 1908 года доходило до 1787, а в зимнем семестре 1908/09 года — 1767. Из них в Берлине — 313, Страссбурге — 249, Бреслау — 168, Мюнхене — 131, Бонне — 120, Кенигсберге — 116, Лейпциге — 95, Гессене — 93, Геттингене — 73, Тюбингене — 67, Галле — 54, Фрейбурге — 50 и во всех остальных меньше 50. Из имматрикулированных женщин изучали теологию 3, юриспруденцию — 31, медицину — 334 и философию — 709.

Допущение женщин к университетскому образованию потребовало коренной реформы женских учебных заведений. Постановлением 31 мая 1899 года время обучения в женских учебных заведениях было установлено в 9 лет; десятилетнее было оставлено, как исключение. Но, вопреки этому, прогресс все настоятельнее требовал введения десятого класса в учебный план женских учебных заведений. По статистике 1901 года, из 213 общественных женских учебных заведений было 90 с девятью и 54 с десятию восходящими классами; в октябре же 1907 года количество девятиклассных школ упало с 90 до 69, количество же десятиклассных, напротив, поднялось с 54 до 132 и даже среди частных женских учебных заведений в октябре 1907 года рядом с 110 девятиклассными было уже 138 десятиклассных. Оставалось только к этому реальному развитию приложить бюрократическую печать и сколь возможно спасти «особенности немецкой женщины». После реформы 18 августа 1908 года все женские учебные заведения должны состоять из десяти классов. Было предположено устройство двух- или одногодичного лица для «полнения образования женщин в направлении разрешения будущей жизненной задачи немецкой женщины». А для подготовки молодых девушек привилегированного сословия к ученой профессии были запроектированы учеб-

ные заведения, объединенные одним руководством с женскими учебными заведениями.

Таким образом, эксперимент, отвергнутый министерством народного просвещения в марте 1902 года, теперь, через шесть лет, был проведен тем же самым министерством в общенациональном масштабе под давлением экономического развития. Выслушаем официальную аргументацию: «Быстрое развитие нашей культуры и произведенный им переворот в общественных, производственных отношениях современности и в области образования привели к тому, что как раз в средних и высших классах многие девушки остаются необеспеченными и пропадают ценные для общества женские силы. Перевес женского населения над мужским и возрастающее безбрачие мужчин в высших слоях общества принуждают большой процент девушек образованных классов к отречению от своего естественного призвания быть женой и матерью. Необходимо проложить пути к соответствующим их воспитанию профессиям для получения необходимых средств к жизни не только учительским трудом, но и другим общественным положением, имеющим в основе университетское образование, поскольку последнее возможно для женщины». Можно подумать, что это выдержка из моей книги!

Как бы то ни было, но остановить женское образование уже не удастся. Женщины-врачи в большем или меньшем числе практикуют во всех культурных странах земного шара и даже в странах, которые еще нельзя назвать культурными. Покойный Ли Хун-чжан сделал домашним доктором китайскую женщину-врача, практиковавшую в женском госпитале своего родного города Футганга. Покойная госпожа Ковалевская, известная женщина-ученый, с 1889 года до самой своей смерти в 1891 году была профессором математики в Стокгольме. Женщины-профессора в большом числе существуют в Соединенных Штатах, отдельные такие случаи имеются в Италии, в Швейцарии, в Англии, во Франции, где известная женщина-физик Мария Кюри, открыла вместе со своим мужем радиоактивные элементы: радий и полоний. Теперь, после смерти своего мужа (1906 год), она стала его преемницей в университете. Мы видим женщин, занимающих общественные и частные должности, в качестве врачей, дантистов, юристов, судей, химиков, физиков, геологов, ботаников, преподавателей высших учебных заведений и т. д., и теперь

дело самих женщин — доказать своею деятельностью, что они могут выполнять возложенные на них обязанности так же хорошо, как мужчины. Летом в 1899 году большинство избирателей в кантоне Цюриха высказалось путем народного голосования за то, чтобы женщины были допущены к адвокатуре. Это решение было принято 21 717 голосами против 20 046.

В Америке в 34 штатах женщины допущены к адвокатуре. То же самое во Франции, Голландии, Швеции, Дании, Финляндии, России, Канаде и Австралии.

Многие мужчины, особенно в ученых кругах, выступают против университетского образования женщин потому, что они боятся принижения науки, престиж которой должен будто бы пострадать, если женщины получают возможность посвятить себя научным занятиям. Они видят в научных занятиях особую привилегию, которая должна быть доступна лишь избранникам мужского пола.

К сожалению, наши университеты, как и вообще все образование, страдают еще очень многими недостатками. Как в народной школе у ребенка отнимается драгоценнейшее время, чтобы заполнить его мозг вещами, которые стоят в противоречии с разумом и научным познанием, как там ему наваливают массу балласта, которым не приходится пользоваться в жизни и который, напротив, скорее задерживает развитие ребенка, — так же точно обстоит дело и в наших высших школах. В заведениях, подготовляющих к университету, головы учеников набиваются сухим, ненужным учебным материалом, отнимающим большую часть времени и их самые драгоценные мозговые силы; в том же направлении по большей части продолжается дело и в университетах. Масса устаревшего, отжившего, излишнего преподается там наряду с полезным и хорошим. Раз написанные лекции читаются большинством профессоров семестр за семестром без всяких изменений, даже все с теми же остротами. Высокая профессорская должность становится у многих обыкновенным ремеслом, и учащимся не требуется особенной прозорливости, чтобы почувствовать это. По традициям университетской жизни устанавливается, чтобы молодые люди не слишком серьезно относились к студенческим годам, и многие из тех, которые желают быть серьезными, отпугиваются педантическим и непереваримым способом преподавания значи-

тельной части профессоров. Понижение усердия при занятиях в наших университетах и высших учебных заведениях — всеобщее наблюдаемый факт, который возбуждает опасение даже в руководящих кругах. В тесной связи с этим стоят карьеризм и покровительство, которые в наше бедное характерами время делают огромные успехи и все более распространяются в высших учебных заведениях. Хорошие семейные связи, «благонадежность» заступают место знаний и способностей и широко распространяются; быть патриотом, то есть человеком, который не имеет собственного мнения, но заботливо взирает, как думают в высших сферах, который держит нос по ветру, ползает и льстит, — быть таким патриотом выгоднее, чем быть человеком, имеющим характер, способности и знания. Когда приходит для таких карьеристов время экзаменов, то они быстро, в каких-нибудь два месяца зазубривают то, что уже совершенно необходимо, чтобы как-нибудь проскользнуть. Если, наконец, экзамен счастливо окончен и достигнуто служебное или профессиональное положение, то большинство этих людей с университетским образованием работает чисто механически и ремесленно, но они очень негодуют, если «неуниверситетский» не относится к ним с величайшим уважением и не видит в них людей высшей расы. Большинство представителей наших высших профессий — адвокаты, судьи, медики, профессора, чиновники, художники и т. д. — не *кто иные, как ремесленники в своей специальности*, которые рады, что стоят у яслей с кормом. Человек, стремящийся вперед, лишь позже узнает, как многому ненужному он учился и как раз часто не учился тому, что ему более всего необходимо, и ему приходится начинать учиться снова. В течение лучшей части своей жизни его мучили массой ненужных и вредных вещей; другую часть жизни ему приходится употребить, чтобы стряхнуть ненужное и вредное и пробиться до высоты современных взглядов, и лишь тогда он становится полезным членом общества. Многие не переступают первой стадии, другие застывают во второй, и лишь у немногих хватает энергии доработаться до третьей.

Но декорум требует удержания средневековой ветоши и ненужного ученого балласта, и так как до сих пор женщины не допускались в подготовительные к университету школы и заведения и во многих случаях не допускаются

и сейчас, то это обстоятельство является удобным предлогом закрывать для них двери в аудитории. В Лейпциге в семидесятих годах один из известнейших профессоров медицины совершенно откровенно признался одной даме, что *«гимназическое образование не является, правда, необходимым для понимания медицины, но его следует делать условием поступления, дабы не пострадал престиж науки»*.

Постепенно и в Германии замечается оппозиция против необходимости классического образования для изучения медицины. Огромные успехи естествознания и его значение для всей жизни обуславливают необходимость ознакомления с ним, но гимназическое воспитание с его преобладающим изучением классических языков — греческого и латинского — считает естествознание менее ценным и пренебрегает им; отсюда происходит, что поступающие студенты часто не обладают самыми необходимыми естественнонаучными знаниями, которые для известных областей, как, например, для медицины, имеют решающее значение. Против этого одностороннего образования поднялась наконец оппозиция даже в самих учительских кругах. За границей, например в Швейцарии, уже давно главное значение придается естественнонаучным занятиям, и всякий, кто обладает достаточными предварительными знаниями в естественных науках и математике, допускается к изучению медицины, хотя бы он и не получил так называемого классического образования. Так же обстоит дело в России, в Соединенных Штатах и т. д.

В России, где преследование евреев и лишение их общих прав составляет государственный принцип, императорским указом 1897 года предписано, чтобы во вновь открытый тогда медицинский женский институт принималось не более 5 процентов слушательниц нехристианского вероисповедания, и притом из них только 3 процента могут быть еврейки, а остальные 2 процента должны быть сохранены для слушательниц-мусульманок. Это одна из реакционных мер, обычных для России. Русскому правительству было тем менее оснований прибегать к подобным постановлениям, что, с одной стороны, в огромной империи еще очень недостаточно врачей, с другой стороны, русские женщины-врачи, без различия вероисповедания и происхождения, дали образцы величайшего самопожертвования при выполнении своей профессии. Так, профес-

сор доктор Эрисман, который долгие годы работал в России, сообщил в докладе, прочитанном на 54-м собрании центрального врачебного общества в Ольтене, следующее: «Очень благоприятные результаты в эти первые годы получены были и в отношении деятельности женщин-врачей. Эти последние с самого начала сумели завоевать себе доверие населения; в благородном соперничестве со своими коллегами мужчинами они одержали даже победу; скоро выяснилось, что на каждую женщину-врача в общем приходилось больше пациентов, чем на каждого из врачей-мужчин, хотя и последние выполняли свои обязанности также с большим рвением и самоотвержением; к женщинам-врачам за медицинской помощью массами обращались больные женщины»¹.

С другой стороны, конкуренция женщин, которой так часто боятся заинтересованные мужчины, особенно во врачебной практике, нигде не проявилась с отрицательной стороны. Во-первых, женщины-врачи, по-видимому, получают пациенток, которые редко и в самых крайних случаях обращаются за советом к врачу-мужчине, во-вторых, установлено, что значительная часть женщин, посвятивших себя изучению медицины, поскольку они позже вступили в брак, или вообще не начинали практики, или вскоре оставляли ее. Это показывает, что в буржуазном обществе домашние обязанности жены, в особенности если имеются дети, так велики, что многим женщинам невозможно одновременно служить двум господам. В особенности женщина-врач должна ежечасно и днем и ночью быть готова для выполнения обязанностей, вытекающих из ее профессии, а это возможно для немногих².

¹ «Die Organisation der unentgeltlichen polyklinischen Krankenpflege in den großen Städten Rußlands. (St. Petersburg und Moscau)». Deutsche Vierteljahresschrift für öffentliche Gesundheitspflege, Braunschweig.

² О трудностях, выпадающих на долю женщин, имеющих семью и в то же время желающих или принужденных иметь заработок, масса интересного материала содержится в книге Адели Гергард и Елены Симон «Материнство и умственный труд» («Mutterschaft und geistige Arbeit», Berlin 1901). Здесь писательницы, художницы, певицы, актрисы и т. д. высказываются на основании собственного опыта. Их суждения говорят за то, что общество должно в корне изменить свои социальные условия, чтобы использовать огромную массу женской интеллигенции, которая уже существует и рвется к делу, что соответствует высшим интересам самого общества.

Англия¹ паряду с Соединенными Штатами и Францией решила использовать женщин на работе при фабричной инспекции, в чем потребность тем более велика, что число работниц, как было показано, с каждым годом увеличивается и растет число предприятий, где работают исключительно или преимущественно женщины; их примеру теперь последовал ряд немецких государств. Баден, Бавария, Гессен, Пруссия, королевство Саксония, Веймар, Вюртемберг и т. д. уже назначили помощниц к фабричным инспекторам, и некоторые из этих помощниц своей деятельностью уже заслужили большую признательность. В Пруссии к промышленному надзору привлечено в Берлине 3 чиновницы, в Дюссельдорфе, Бреслау и Висбадене — по одной. Это показывает, что Пруссия и в этом отношении сильно отстала от потребностей времени. В таких округах, как Потсдам (с 32 229 работницами), Франкфурт-на-Одере (с 31 971 работницей) и Лигниц (31 798 работниц), и во многих других до сих пор нет ни одной женщины в роли помощницы инспектора, несмотря на то, что это здесь безусловно необходимо. Оказывается, что работница к представительнице своего пола питает большее доверие, и женскому инспекторскому персоналу удалось получить много сведений, которых не могли добиться их коллеги мужчины. Недостаток здесь состоит пока в том, что помощницы не всюду пользуются самостоятельностью, необходимой для их деятельности, к тому же и вознаграждение за их труд оставляет желать многого. Большинство правительств шло здесь ощупью и нерешительно².

В Германии недоверие и враждебность против назначения женщин на общественные должности особенно велики, так как военное сословие дает такую массу кандидатов на всевозможные государственные и общественные должности из отставных офицеров и отслуживших унтер-офицеров, что для рабочей силы из других кругов почти не остается места. И если все же назначают женщин, то лишь с значительно меньшим окладом, чем заранее ставят их в положение лиц менее ценных, чем служащие-муж-

¹ По последним известиям, в Англии в 1908 году было 16 женщин-инспекторов, в том числе мисс А. М. Андерсон в роли начальницы, остальные — в роли помощниц.

² С 1897 года, когда в Баварии была назначена первая фабричная инспекция, число служащих-женщин достигло к 1909 году 26. 14 союзных государств не наняли вообще ни одной.

чны; к тому же женщины выступают здесь, как конкурентки, снижающие заработную плату и жалование.

Разносторонность женских способностей особенно проявилась на чикагской всемирной выставке 1893 года. Не только великолепное здание выставки для произведений женского искусства и женской промышленности было построено по планам и под руководством женщин-архитекторов, но и выставленные предметы, сделанные исключительно женщинами, вызывали нередко восторг: столько было в них вкуса и искусства. И в области изобретений женщины сделали уже довольно много, а в будущем, несомненно, сделают еще больше. Так, одна специальная американская газета опубликовала список изобретений, сделанных женщинами; среди них мы находим следующие: улучшенная прядильная машина, вращающийся ткацкий станок (*rotary loom*), производящий в три раза больше, чем обыкновенный; цепной элеватор; приспособление для пароводного винта; спасательный аппарат на случай пожара; аппарат для взвешивания шерсти — одна из самых чувствительных машин, когда-либо изобретенных, имеющая неоценимое значение для шерстяной промышленности; переносный резервуар для противопожарных целей; приспособление для применения керосина вместо дров и угля в качестве топлива для паровых машин; улучшенный искрогаситель для локомотивов; сигнал для уличных поездов на железных дорогах; система отопления вагонов без огня; масляная фланель (*lubricating felt*) для уменьшения трения (при железнодорожном движении); пишущая машина; сигнальная ракета для флота; телескоп для морской глубины; система уменьшения шума на воздушных дорогах; поглотитель дыма; машина для фальцовки бумажных мешков и т. д. Особенно много предложений сделано женщинами для улучшения швейных машин: например, приспособления для шитья парусов и тяжелого полотна, аппарат для вдевания ниток во время движения машин, совершенствование машины для шитья кожи и т. д. Последнее изобретение сделано женщиной, которая уже много лет заведует шорной мастерской в Нью-Йорке. Телескоп для морской глубины, изобретенный госпожой Матер и улучшенный ее дочерью, имеет огромное значение, так как он делает возможным осмотр килей больших судов без введения их в сухие доки. При помощи этой зрительной трубы можно с борта корабля рассматри-

вать потонувшие суда, разыскивать препятствия и торпеды и т. д.

К машинам, которые вследствие своей необычайной сложности и гениальной конструкции обратили на себя большое внимание в Америке и Европе, следует причислить машину для изготовления бумажных мешков. Многие мужчины, в том числе и выдающиеся механики, безуспешно старались построить подобную машину. Это удалось женщине — мисс Мэджи Найт, которая затем сконструировала еще машину для фальцовки бумажных мешков, заменяющую труд 30 рабочих; она сама руководила установкой этой машины в Амгерсте, в штате Массачусетс.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ

1. БОРЬБА ЗА ГРАЖДАНСКОЕ РАВНОПРАВИЕ

Социальная зависимость расы, класса или пола всегда получает свое выражение в законах и политических учреждениях данной страны. Законы — формулированное в параграфах выражение господствующих интересов, которое возводится в право страны. *Женщинам, как зависимому, угнетенному полу, уделено соответствующее положение в праве.* Законы имеют отрицательный и положительный характер: отрицательный, поскольку они игнорируют угнетенного при распределении прав; положительный, поскольку они указывают на его угнетенное положение и определяют те или другие исключения.

Наше общее право основывается на римском праве, которое знает человека лишь как собственника. Древнее германское право, относившееся к женщине более достойно, лишь отчасти сохранило свою силу. Во французском языке человек и мужчина обозначается одним и тем же словом «l'homme», а в английском — «man», точно так же французское право знает человека лишь как мужчину, и подобным же образом обстояло дело несколько десятков лет тому назад в Англии, где женщина находилась в рабской зависимости от мужчины. Так некогда было и в Риме. Существовали римские граждане и жены римских граждан, а не было гражданок.

В Германии правовое положение женщины улучшилось в том отношении, что пестрое разнообразие правовых отношений заменилось единым гражданским правом, благодаря чему на всю Германию распределились права, которыми женщина пользовалась в том или другом месте. Незамужняя женщина стала допускаться к опекунству; женщины получили право выступать свидетелями при заключении браков и при составлении духовных завещаний; далее, женщина получила полную деловую правоспособность; то есть право заключать договоры, за исключением личных обязательств (как жены); точно так

же она не может без согласия мужа брать на себя опеку. Обязательства брачной общности существуют для обеих сторон, если только требование одной стороны не является злоупотреблением правами другой. Но если появляются разногласия во взглядах супругов, то решающий голос принадлежит мужчине, ему же принадлежит право решать вопрос о местожительстве и квартире. Злоупотребление правом со стороны мужа освобождает женщину от повиновения. Руководство домом принадлежит одной жене, она обладает так называемой властью ключей, в силу которой она может в домашнем кругу заботиться о делах мужа и выступать как его представитель. Муж должен выполнять обязательства, накладываемые на него женой, но муж может ограничить или совсем уничтожить «власть ключей» своей жены. Если он злоупотребляет этим правом, то опекунский суд может возвратить эту власть жене. Жена обязана брать на себя работы по хозяйству в доме и по делам мужа лишь в том случае, если такая деятельность обычна по условиям жизни супругов.

Требование провести раздельность имущества в браке было отклонено рейхстагом. Она может быть обеспечена брачным договором, который при заключении брака составляют слишком редко, и это впоследствии ведет к раздорам. Напротив, была введена так называемая общность управления, согласно которой мужу принадлежит управление и пользование имуществом жены, но это право ограничивается только приданым. С другой стороны, жена имеет право неограниченного управления и распоряжения всем тем, что ею приобретено во время брака своим трудом и руководством предприятием. Муж не может также выдавать обязательства на внесенное женой состояние, жена может требовать обеспечения в случае основательного опасения, что внесенное ею состояние может пострадать, о чем она узнает часто слишком поздно. Она может требовать устранения общности управления, раз муж своим поведением значительно вредит средствам, на которые живут жена и дети. Муж отвечает за убытки, происходящие от плохого управления.

При разводе права жены могут сильно пострадать. В случае развода у мужа остается имущество, приобретенное совместным трудом супругов, если даже *муж является виновным* и большая часть имущества приобретена женой; жена со своей стороны может требовать соот-

ветствующего с ее общественным положением содержания, поскольку она не может получить его из доходов своего собственного состояния или из своего заработка. Мужу в случае развода остается, далее, состояние, образовавшееся из неиспользованных доходов от имущества жены.

Отцовская власть заменена родительской, но при столкновении мнений родителей преимущество отдается мнению отца. Если умирает отец, то родительская власть вместе с пользованием собственностью ребенка переходит к матери. Разведенная жена, если даже на ее долю выпадет воспитание, лишена права представительства и управления имуществом детей. Отец же пользуется полными родительскими правами.

В Англии обычное право до 1870 года делало мужа владельцем движимого имущества жены. Только на недвижимое имущество сохраняла она права собственности, но мужу принадлежало право управления и пользования. Перед судом английская женщина не значила ничего. Она не могла совершать никаких правовых действий, она не могла даже написать законное духовное завещание; она была крепостной своего мужа. За преступление, которое она совершила в присутствии мужа, ответствен был этот последний, она рассматривалась как несовершеннолетняя. Если она причиняла кому-нибудь убыток или вред, то это рассматривалось как убыток, причиненный домашним животным; ответственность падала на мужа. Из речи, произнесенной епископом И. Н. Вудом в 1888 году в Вестминстерской капелле, видно, что еще сто лет тому назад жена не имела права есть за столом и не смела говорить, пока ее не спрашивали. Над ее постелью, как знак супружеской власти, висел бич, которым муж мог пользоваться, если жена проявляла непокорность. Только дочери должны были слушаться ее приказа, сыновья смотрели на нее, как на служанку.

По законам 1870, 1882 и 1893 годов жена остается не только единой владельницей своего состояния, принесенного ею в брак, но и владельницей всего того, что она зарабатывает или получает в качестве наследства и дара. Эти правовые отношения могут быть изменены лишь особым договором между супругами. Английское законодательство следовало здесь примеру законодательства Соединенных Штатов.

Со времени Custody of Infants Act, изданного в 1886 году, родительская власть после смерти отца переходит к матери. В действующем с 1890 года Intestate Estates Act об измененном праве наследования мужу отдается предпочтение как до, так и после смерти. Оба супруга пользуются свободой завещания; но если не последовало никакого распоряжения, то муж получает все движимое имущество умершей жены. Вдова же, напротив, наследует только третью часть движимого имущества и получает одну треть ренты от землевладения; остальное идет детям. По новому Property Married Women's Property Act от 1908 года замужняя женщина должна получать содержание от мужа и родителей. Однако еще действуют многие остатки старого средневекового права, наносящие большой ущерб положению замужней женщины. Как мы видим, до сих пор еще законы о разводе очень неблагоприятны для женщин. Нарушение супружеской верности мужчиной не является еще поводом для развода, разве только в связи с жестокостью, двоеженством, изнасилованием и т. д.¹

Особенно отсталым по отношению к женщине является гражданское право во Франции и во всех странах — большинстве романских стран, — в которых французский Code civil² оказал сильное воздействие или с некоторыми изменениями действует до сих пор. Это относится к Бельгии, Испании, Португалии, Италии, русской Польше, Нидерландам и к большинству кантонов Швейцарии.

О взгляде Наполеона I относительно положения женщины существует крылатое выражение, имеющее значение еще и в наши дни: «Одно не является французским — жена, которая может делать то, что ей нравится»³. Как только женщина выходит замуж, она подпадает под опеку мужа. Согласно § 215 Code civil она не должна без согласия мужа выступать перед судом, даже если имеет общественное дело. По § 213 муж должен защищать жену, а она должна проявлять послушание. Он управляет имуществом своей жены, принесенным как приданое, он может продать это имущество, передать его и заложить, не нуждаясь в ее содействии или согласии. В результате жена часто оказывается в положении настоящего рабства. Муж проматывает с разврат-

¹ A. Chapman und M. Chapman, The statutes of women under the english Law, London 1909.

² Гражданский кодекс, изданный Наполеоном I.—Ред.

³ L. Bridel, La puissance maritale, Lausanne 1879.

ными девками или в трактире то, что жена приобрела, или же он делает долги, или проигрывает имущество жены и заставляя жену и детей терпеть нужду.

По Code civil во Франции мужу дозволяется требовать развода, если жена оказалась виновной в нарушении супружеской верности, жена же по статье 230 могла требовать развода лишь в том случае, если муж принимал свою любовницу в общем с женою доме. Эта статья отменена законом о разводе 27 июля 1884 года, но во французском уголовном кодексе сохранилось различие, что очень характерно для французских законодателей. Если доказана супружеская неверность жены, то она наказывается тюрьмою от трех месяцев до двух лет. Муж наказывается, по указанной выше статье 230 Code civil, только в том случае, если он содержит любовницу в супружеском доме и жена на это приносит жалобу. Признанный виновным, он приговаривается к денежному штрафу от 100 до 2 тысяч франков (статьи 337 и 339 уголовного кодекса). Подобное правовое неравенство было бы невозможно, если бы во французском парламенте заседали и женщины. Подобные же законы существуют и в Бельгии. Для жены наказание за нарушение супружеской верности то же самое, что во Франции; муж может быть наказан только в том случае, если нарушение супружеской верности совершено в доме супругов; в этом случае муж может быть приговорен к тюремному заключению от одного месяца до одного года. В Бельгии закон несколько справедливее, чем во Франции, но двойное право для мужа и жены существует и там. Подобные же постановления под влиянием французского права действуют в Испании и Португалии. Итальянское гражданское право 1865 года допускает для жены развод лишь в том случае, если муж держит свою любовницу у себя в доме или в таком месте; где пребывание любовницы должно рассматриваться как тяжелое оскорбление для жены. В 1907 году одновременно с законом 21 июня, изменившим ряд статей гражданского кодекса (Code civil) о заключении браков, был наконец принят обеими палатами закон 13 июля, сделавший женщину единственной обладательницей всего того, что она самостоятельно приобретает или получает в наследство или дар. Муж потерял право распоряжения отдельным имуществом жены. Это первая брешь во французском законодательстве, и французская женщина стоит теперь

на той же ступени, на какую она была поставлена в Англии законом 1870 года.

Гораздо дальше не только французского гражданского кодекса (Code civil), но и книги гражданских законов (Bürgerlichen Gesetzbuch) пошла новая швейцарская Книга гражданских законов (Zivilgesetzbuch), принятая 10 декабря 1907 года и вступившая в силу 1 января 1912 года. Вместо разных законов, действовавших в отдельных кантонах и примыкавших либо к Code civil, например в Женеве, Ваадте и в итальянской Швейцарии, либо к австрийскому праву, как, например, в Берне, Люцерне, или к обычному праву, например в Швице, Ури, Унтервальдене и т. д., Швейцария сейчас получила единый закон. Свобода женщины и детей гарантирована. Новый закон признает за женщиной участие в доходах брачного союза (одна треть), если она работала как помощница или домашняя хозяйка. В вопросе права наследования она поставлена в лучшие условия по сравнению с немецким правом. Она получает рядом с родителями мужа кроме половины наследства еще пожизненное право пользования другой половиной. Должники таких мужей, которые небрежно относятся к заботам о жене и детях, могут платить, по указу судьи, долги жене. Запрещение разведенному супругу вступать в брак с тем, с кем было совершено нарушение брачной верности, не включено в число препятствий к браку (соответственный § 298 Code civil отпал и во Франции в 1904 году). Имущественные права определяются в основном так же, как и в Bürgerlichen Gesetzbuch. Брачный договор может быть заключен до брака или во время брачного сожительства. Внебрачные дети, в случае если матери было дано обещание жениться на ней, имеют право не только на содержание со стороны отца, как в германском праве, но и на признание за ними социального положения отца, тем самым они приобретают права законных детей.

Швеция законом 11 декабря 1874 года обеспечила жене право свободного распоряжения тем, что она зарабатывает личным трудом. Дания в 1880 году в своем гражданском праве провела подобный же принцип. Кроме того, по датскому праву, жена своей собственностью не отвечает за долги мужа. Совершенно так же гласит норвежское право 1888 года и финляндское право 1889 года: замужняя женщина имеет такое же право распоряжения своим иму-

ществом, как и незамужняя; предусмотрены только некоторые исключения, которые упоминаются в законе. В норвежском праве также формулируется то, что *женщина, вступив в брак, становится не свободной*.

«В скандинавских странах, так же как почти и во всех других странах, это всеобщее движение к укреплению права жены на собственное имущество имеет ту же исходную точку, как и в Англии: способность жены к самостоятельному заработку. Господствующие классы гораздо охотнее отказались от патриархального положения малоимущих мужчин по отношению к работающей жене, чем от положения мужчин из их собственной среды по отношению к жене, владеющей собственностью»¹.

Датское законодательство сделало дальнейший шаг вперед законом 27 мая 1908 года: если муж уклоняется от исполнения своих обязанностей по содержанию детей, то жена может требовать, чтобы определенное судом содержание для детей выдавалось им авансом из общественных средств.

Право воспитывать детей и право делать распоряжения, касающиеся этого воспитания, принадлежит по законодательству большинства стран отцу; в некоторых местах второстепенное участие предоставляется и матери. Старый римский принцип, стоящий в резком противоречии к эпохе материнского права, что отцу принадлежат все права и власть над детьми, повсюду составляет основной тон законодательства.

В России замужняя женщина имеет право распоряжаться только своим имуществом, что касается ее приобретательской деятельности, то она остается в полной зависимости от мужа. Без разрешения последнего ей не выдают паспорта, который необходим при всякой перемене места жительства. Для занятия должности или осуществления какой-либо приобретательской деятельности она должна всегда иметь разрешение мужа. Развод так затруднен законом, что он может быть осуществлен только в крайне редких случаях. Гораздо независимее было положение женщины в прежней крестьянской общине, что можно приписать существовавшим коммунистическим учреждениям или воспоминаниям о них. Она была управительницей своего имущества. Коммунизм — вообще

¹ *Marianne Wever*, Ehefrau und Mutter in der Rechtsentwicklung, Tübingen 1907, S. 377.

самый благоприятный для женщин социальный строй, это мы видели уже при изложении эпохи материнского права¹. В Соединенных Штатах женщины завоевали себе полное гражданско-правовое равенство, они воспрепятствовали также введению английских или подобных им законов о проституции.

2. БОРЬБА ЗА ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАВНОПРАВИЕ

Явное правовое неравенство женщин по сравнению с мужчинами вызвало в наиболее прогрессивных женских слоях требование политических прав, чтобы законодательным путем добиваться равноправия. Та же мысль руководила рабочим классом, когда он направил свою агитацию на завоевание политической власти. Что правильно для рабочего класса, то не может быть неправильно для женщин. Угнетенные, бесправные, униженные, они имеют не только право, но это и их обязанность — защищаться и хвататься за всякое кажущееся им хорошим средство, чтобы завоевать себе независимое положение. Против этих стремлений, естественно, опять-таки поднимаются крики реакционных жаб. Посмотрим, по какому праву.

Умственно выдающиеся женщины в различные эпохи и у различных народов умели играть значительную политическую роль даже там, где в их руках, как царь, не было государственной власти. От этого не был свободен

¹ Как правильно это воззрение, видно из комедии Аристофана «Женское народное собрание». Аристофан изображает в своей комедии, как афинский государственный строй пришел в такое состояние, что никто более не знал, что предпринять. Пританы поставили в народном собрании на обсуждение афинских граждан вопрос: как спасти государство. В ответ на это одна женщина, переодетая мужчиной, предложила доверить управление государством женщинам, и это предложение, как «единственное, еще в Афинах не испробованное», было принято без возражений. Женщины стали у кормила правления и тотчас ввели коммунизм. Само собой разумеется, Аристофан высмеивает этот строй, но в его произведении самое характерное то, что он заставляет женщин, как только они получают возможность сказать решительное слово в общественных делах, ввести коммунизм, как единственно разумный, с их точки зрения, государственный и общественный строй. Аристофан, конечно, не предполагал, какую правду он сказал своею шуткой.

даже папский двор. Если они не могли добиться влияния прямо и путем принадлежащих им прав, то они добивались его путем своего духовного перевеса и даже коварством и интригами. Особенно велико было их влияние в течение целых столетий при французском дворе, но не меньшим оно было при испанском и итальянском дворах. Так, в конце XVII столетия при дворе Филиппа V испанского старшая фрейлина *Мария Тремуйльская*, герцогиня Грацианская и княгиня Урсинская, была в течение 13 лет первым министром Испании и все это время превосходно руководила испанской политикой. Королевские любовницы также нередко удивительно хорошо умели обеспечить себе огромное политическое влияние; мы напомним лишь общеизвестные имена: Ментенон, любовницы Людовика XIV, и Помпадур, любовницы Людовика XV. Великое духовное движение, развернувшееся в XVIII столетии под влиянием Монтестье, Вольтера, д'Аламбера, Гольбаха, Гельвеция, Ламеттри, Руссо и многих других, затронуло и женщин. Возможно, что многие из них следовали в данном случае моде или своей склонности к интригам или как-нибудь другие не всегда достойные мотивы толкали их в это движение, которое подвергало сомнению справедливость всех основ государства и феодального общества и подрывало под ними почву, но несомненно, что значительное число женщин приняло в нем участие из живого интереса и воодушевления, вызванного великою целью. Еще за несколько десятилетий до взрыва великой революции, которая пронеслась над Францией, как очистительная буря, разнесла и низвергла все старое и была встречена с восторгом передовыми умами всего культурного мира, — уже тогда женщины массами стремились в научные и политические клубы, в которых философские, естественнонаучные, религиозные, социальные, политические вопросы обсуждались с неслыханной до тех пор смелостью, и участвовали в дебатах. И когда, наконец, в июле 1789 года штурмом Бастилии началась увертюра к великой революции, женщины как из высших слоев, так и из народа приняли очень активное участие в движении и оказывали заметное влияние (за и против). Будучи крайними и в хорошем и в худшем, они участвовали повсюду, где могли проявить себя. Большинство историков описывает больше крайности революции, которые при данных условиях были вполне естест-

венны, так как они были следствием огромного гнева против неопишуемой развращенности, эксплуатации, обмана, низости, позора и предательства господствующих классов по отношению к народу, но они замалчивают ее великие деяния. Под влиянием этих односторонних описаний Шиллер говорил: «Здесь женщины превратились в гниен и насмеваются над ужасом». А между тем в эти годы женщины дали массу примеров героизма, душевного величия и удивительной способности к самопожертвованию, и если бы была написана беспристрастная книга «О женщинах во время великой революции», им была бы воздвигнута почетная колонна, далеко вокруг бросающая свой свет¹. Даже Мишле называет женщин авангардом революции. Всеобщая нужда, от которой страдал французский народ при хищническом и позорном правлении Бурбонов, как всегда, особенно тяготела над женщинами. Исключенные законами почти из всякого честного заработка, они десятками тысяч падали жертвами проституции. К этому присоединился голод 1789 года, который довел их нужду и нужду близких им до крайних пределов. Голод толкнул их в октябре на штурм городской думы и к массовому шествию в Версаль — резиденцию двора; тот же голод побудил часть женщин обратиться с петицией к национальному собранию, «чтобы снова было установлено равенство между мужчиной и женщиной, дана свобода труда и занятий и предоставлены места, соответствующие их способностям». Женщины понимали, что добиться своего права можно, лишь имея власть, но власть можно завоевать лишь при условии организованности и сплоченности, поэтому во всей Франции возникают женские союзы, достигшие в некоторых случаях поразительно большого числа членов; женщины принимали участие также и в собраниях мужчин. Если гениальная мадам Роланд предпочла играть руководящую политическую роль среди «государственных мужей» революции, жирондистов, то пламенная и красноречивая Олимпия де Гуж взяла в свои руки руководство женщинами народа и выступала в защиту их интересов со всем воодушевлением, на которое она была способна по своему темпераменту.

¹ См. *Emma Adler*, Die berühmten Frauen der französischen Revolution, Wien 1906.

Когда в 1793 году конвент провозгласил права человека (*les droits de l'homme*), она тотчас поняла, что это лишь права мужчины. Олимпия де Гуж вместе с Луизой Лакомб и другими противопоставили им в 17 параграфах «права женщины», которые они подробно обосновали 28 брюмера (20 ноября 1793 года) перед Парижской коммуной, и это обоснование сохраняет свою полную справедливость до сих пор; в нем находилась и соответствующая положению мысль: «Если женщина имеет право всходить на эшафот, то она должна иметь также право всходить на трибуну». Их требования остались невыполненными, но их указание на право женщины всходить на эшафот нашло себе кровавое подтверждение. Выступление Олимпии де Гуж за право женщины, с одной стороны, и ее борьба против насилий конвента, с другой стороны, сделали ее в глазах конвента зрелой для эшафота, ее голова пала в ноябре того же года; пять дней спустя пала и голова мадам Роланд. Обе умерли, как героини. Незадолго до их смерти, 17 октября 1793 года, конвент подтвердил свое враждебное отношение к женщинам решением закрыть все женские союзы; впоследствии он дошел даже до того, что в ответ на протест женщин против нарушений их прав запретил им посещение конвента и публичных собраний и вообще выступил по отношению к ним, как к мятежникам.

Когда конвент в виду угрозы наступающей на Францию монархической Европы объявил «отечество в опасности» и предписал массовый набор, парижские женщины попытались сделать то, что двадцать лет спустя выполнили с воодушевлением прусские женщины,— защищать отечество с оружием в руках, надеясь этим доказать свое право на равенство. Но тогда в Коммуне против них выступил радикал Шоммет, крикнувший им: «С каких это пор женщинам позволено отказываться от своего пола и делаться мужчинами? С каких пор вошло в обыкновение видеть их оставившими скромную заботу о домашнем очаге, оставившими колыбели их детей, чтобы выступать в публичных местах, держать с трибуны речи, вступать в ряды войск, одним словом, выполнять обязанности, которые природа дала в удел одному лишь мужчине? Природа сказала мужчине: будь мужчиной! Скачки, охота, земледелие, политика и усилия всякого рода — твоя *привилегия!* Она сказала женщине: будь

женщиной! Забота о своих детях, мелочи домашнего хозяйства, сладостное беспокойство материнства — вот твоя работа! Глупые женщины, зачем вы хотите сделаться мужчинами? Разве люди недостаточно разделены? Что нужно вам еще? Во имя природы оставайтесь тем, что вы есть; не завидуйте опасностям нашей бурной жизни и довольствуйтесь тем, что мы забываем их в лоне наших семей, в то время как вы направяете наши взоры на восхитительную картину наших детей, счастливых благодаря вашей нежной заботе».

Без сомнения, радикальный Шоммет высказал то, что носит в душе большинство наших мужчин. И мы также думаем, что это — целесообразное разделение труда: предоставить мужчинам защиту страны, а женщинам заботу о родине и домашнем очаге. В остальном ораторское излияние Шоммета — одни лишь фразы. То, что он говорит об усилиях мужчин в земледелии, не соответствует действительности, так как в земледелии с древних времен и до сих пор на долю женщины выпадает не самая легкая роль. Усилия охоты и скачек совсем не «усилия», но удовольствия мужчин. Политика опасна только для тех, кто плывет *против* течения, в остальном она дает, по крайней мере, столько же удовольствия, сколько требует усилия. Эта речь говорит об эгоизме мужчины.

Те же стремления, которые вызваны были во Франции энциклопедистами и французской революцией, проявились и в Соединенных Штатах, когда те в семидесятых и восьмидесятых годах XVIII столетия завоевали независимость от Англии и ввели у себя демократическую конституцию. Здесь за политическое равноправие женщин выступили прежде всего Мерси Оттис Уоррен и жена будущего второго президента Соединенных Штатов госпожа Адамс и другие одинаково с ними настроенные женщины. Благодаря их влиянию по крайней мере штат Нью-Джерси дал право голоса женщинам, но уже в 1807 году это право было вновь отменено. Еще перед началом революции во Франции (1787 год) Кондорсе, будущий жирондист, выступил с блестящей статьей в защиту избирательного права женщин и за полное политическое равенство обонх полов.

Под влиянием великих событий в соседней стране подняла свой голос по ту сторону канала отважная Мария Уольстонкрафт, родившаяся в 1759 году. В 1790 году

она написала против Берка, непримиримого противника французской революции, книгу, в которой защищала требования прав человека. Но скоро она начала требовать прав человека и для своего собственного пола. В 1792 году появилась ее книга «*A Vindication of the Rights of women*» («Защита прав женщин»), в которой она, резко критикуя собственный пол, требовала полного равенства женщин во имя общего блага и смело защищала свои положения. Но она, конечно, встретила самое резкое сопротивление и подверглась тяжелым и несправедливым нападкам. После тяжелой душевной борьбы она умерла (1797 год) непризнанная и осмеянная современниками.

Но особенно замечательно, что в то же время, когда во Франции, Англии и Соединенных Штатах появились первые серьезные стремления добиться политического равноправия женщин, и в столь отсталой в то время Германии нашелся немецкий писатель Т. Г. фон Гиппель, опубликовавший сначала анонимно книгу под названием «Об улучшении гражданского положения женщин»¹, в которой он выступил за равноправие женщин. Это было в то время, когда в Германии с тем же правом могла бы появиться книга «Об улучшении гражданского положения мужчин». Тем более нужно удивляться мужеству человека, который в этой книге привел все доводы за социальное и политическое равноправие обоих полов, защищая их очень искусно и умно. С тех пор в течение долгого времени не слышно было о требовании политического равенства женщин с мужчинами. Но постепенно это требование сделалось девизом прогрессивного женского движения во всех культурных странах и было отчасти осуществлено в некоторых государствах. Во Франции за общественное равенство полов выступили сен-симонисты и фурьеристы, и в 1848 году фурьерист Консидеран предложил в конституционной комиссии французского парламента даровать женщинам равные политические права. В 1851 году это предложение повторил в палате Пьер Леру, но точно так же без успеха.

В настоящее время дело обстоит существенно иначе. Все развитие, все отношения с тех пор существенно изменились, а вместе с тем изменилось и положение женщин.

¹ *Th. G. von Hippel, Über die bürgerliche Verbesserung der Weiber, Berlin 1792.*

Более, чем когда-нибудь, они теперь всеми нитями своего существования связаны с процессом общественного развития и более, чем когда-нибудь, влияют на него самостоятельно. Мы видим, как во всех культурных странах сотни тысяч и миллионы женщин наравне с мужчинами действуют в различных профессиях и с каждым годом растет число тех, которые должны рассчитывать только на свои силы и способности, чтобы вести борьбу за существование. Таким образом, для женщин так же, как и для мужчин, не может быть безразличным, каковы наши социальные и политические отношения. Такие вопросы, как, например: какая внутренняя и внешняя политика более желательна, та ли, которая благоприятствует войнам, или наоборот; держит ли государство ежегодно сотни тысяч здоровых мужчин в армии и десятки тысяч выгоняет за границу; дорожают ли самые необходимые предметы вследствие налогов и пошлин, от которых семья страдает тем сильнее, чем она многочисленнее, и это в то время, когда средства к жизни у огромного большинства до крайности урезаны,— все эти вопросы так же близки для женщин, как и для мужчин. Женщина платит также прямые и косвенные налоги из своего дохода. Система воспитания имеет для нее огромный интерес, так как она решает в значительной степени вопрос о положении ее пола. Как мать, она вдвойне заинтересована в этом.

Далее, сотни тысяч и миллионы женщин сотен специальностей лично очень живо заинтересованы в состоянии нашего социального законодательства. Вопросы, касающиеся продолжительности рабочего дня, ночной, воскресной и детской работы, сроков выдачи заработной платы и увольнения, охраны труда на фабриках и мастерских, затем законодательство по страхованию, промышленные суды и т. д., — все это представляет и для женщин огромный интерес. Рабочие знают недостаточно или совсем не знают условия многих промышленных отраслей, в которых преимущественно или исключительно заняты работницы. Предприиматели заинтересованы в том, чтобы скрывать недостатки, в которых они сами виноваты; что касается фабричной инспекции, то она часто не распространяется на те отрасли производства, в которых заняты исключительно женщины, или, во всяком случае, она очень недостаточна, а между тем как раз здесь более

необходимы предохранительные меры. Стоит лишь вспомнить рабочие помещения, в которых в наших больших городах при страшной тесноте работают швец, портнихи и т. д. Из этих мест едва ли когда раздастся жалоба, и туда до сих пор не проникает никакое расследование. Точно так же женщина, как занимающаяся промыслом, заинтересована в торговом и тарифном законодательстве, а также в общем гражданском праве. Итак, не подлежит сомнению, что она так же, как и мужчина, очень заинтересована в том, чтобы добиться влияния на наши общественные условия путем законодательства. Ее участие в общественной жизни послужило бы к значительному подъему этой последней и открыло бы новые горизонты.

На такие требования следуют краткие отрицательные ответы: женщины ничего не понимают в политике, огромное большинство из них и не интересуется ею, они не умеют также пользоваться избирательным правом. Это верно и неверно. Правда, до сих пор еще очень незначительные слои женщин, по крайней мере в Германии, требовали для себя политического равноправия. Первая женщина, выставившая это требование в Германии в конце шестидесятых годов, была госпожа Гедвига Дом. В настоящее время в пользу женского равноправия особенно сильно агитируют социал-демократически настроенные работницы.

Указание на то, что женщины до сих пор лишь слабо интересовались политическим движением, ничего не доказывает. Если женщины до сих пор не обращали внимания на политику, то этим не доказано, что они не должны были этого делать. Те же самые основания, которые приводятся против предоставления избирательных прав женщинам в первой половине шестидесятых годов, приводились против введения всеобщего избирательного права для мужчин. Автор этого сочинения в 1863 году сам принадлежал к тем, которые высказывались *против* всеобщего избирательного права, благодаря которому он четыре года спустя был избран в рейхстаг. То же самое произошло с десятками тысяч, из Савлов они превратились в Павлов. К тому же существует до сих пор много мужчин, которые или не пользуются, или не умеют пользоваться своим важнейшим политическим правом, но это не является основанием лишить их этого права, и вряд ли найдется человек, который захочет это сделать. При выборах

в рейхстаг обыкновенно не голосуют от 25 процентов до 30 процентов, и они принадлежат ко *всем* классам, а среди 70—75 процентов принимающих участие в выборах, с нашей точки зрения, большинство голосует не так, как бы оно должно голосовать, если бы понимало свой истинный интерес. Причина непонимания лежит в недостатке политического образования.

Но политическое образование не приобретается тем, что массу населения держат вдали от общественных дел, оно, напротив, приобретается тем, что ее допускают к пользованию политическими правами. Без упражнения нет мастера. Господствующие классы до сих пор умели ради своих интересов держать огромное большинство народа в положении политического несовершеннолетия. Поэтому до настоящего момента задачей меньшинства, сознающего свои классовые интересы, было бороться с энергией и одушевлением за интересы всего общества, будить и поднимать огромную неповоротливую массу. Так было до сих пор во всех больших движениях, и поэтому не следует ни удивляться, ни разочаровываться, что не иначе обстоит дело и в женском движении. Достигнутые до сих пор успехи показывают, что усилия и жертвы вознаграждаются и будущее принесет победу.

В тот момент, когда женщины добьются равных прав с мужчинами, в них пробудится и сознание обязанностей. Приглашенные подавать свои голоса, они спросят себя: за что? за кого? С этого момента между мужчиной и женщиной образуется взаимодействие, которое не только не ухудшит взаимных отношений, но, напротив, существенно улучшит их. Менее сведущая женщина, естественно, обратится к более сведущему мужчине. Отсюда последует обмен идеями и взаимное обучение, состояние, которое до сих пор лишь в самых редких случаях встречалось между мужчиной и женщиной. Это придаст их жизни новую прелесть. Печальное различие в образовании и убеждениях между полами, которое так часто ведет к разногласиям и спорам, ставит мужчину в противоречие с его разнообразными обязанностями и вредит общему благу, мало-помалу исчезнет. Вместо тормоза муж найдет в одинаково мыслящей жене поддержку; жена будет толкать мужа к выполнению его долга, если сама не будет в состоянии вследствие других обязанностей действовать с ним вместе. Она будет находить в порядке

вещей, что часть денег расходуется на газету или на агитационные цели, так как газета служит и ей для поучения и развлечения и так как она понимает необходимость жертв для агитации, которая завоюет то, чего недостает ей самой, ее мужу и ее детям, — достойное человека существование.

Таким образом, обоюдное выступление во имя общего блага, теснейшим образом связанного с благом собственным, окажет в высшей степени облагораживающее влияние на обоих. Произойдет как раз противоположное тому, что утверждают близорукие или враги общественного устройства, основанного на полном равноправии всех. Это отношение между обоими полами будет в той же степени улучшаться, в какой общественные учреждения будут освобождать мужчину и женщину от материальных забот и чрезмерного труда. Упражнение и воспитание и здесь, как во многих других случаях, окажут дальнейшую помощь. Не пойдешь в воду — не научишься плавать; не изучая иностранного языка, не упражняясь в нем, не научишься говорить на нем. Это каждый находит естественным, но многие не понимают, что то же самое происходит и в государственных и общественных делах. Неужели умственно высоко развитая женщина должна иметь меньше прав, чем самый грубый необразованный мужчина, например невежественный померанский поденщик или ультрамонтанский польский землекоп, и лишь потому, что случай произвел на свет этих последних мужчинами? Сын имеет больше прав, чем мать, от которой он, быть может, унаследовал свои лучшие качества, которая сделала его тем, чем он есть. Поистине удивительно!

Кроме того, нам не приходится рисковать, прыгать в темноту и неизвестность. Северная Америка, Новая Зеландия, Австралия и Финляндия уже проложили путь. О результатах введения избирательного права для женщин судья Кингман из Ласамии писал 12 ноября 1872 года в женской газете «Women's Journal» в Чикаго следующее:

«Сегодня исполнилось три года, как у нас женщины получили право голоса, а также право занимать должности, как и все другие избиратели. За это время они избирали и были избираемы на различные должности; они были присяжными и мировыми судьями. Вообще, они

участвовали во всех наших выборах, и хотя, я думаю, что некоторые из нас в принципе были против этой деятельности женщин, но никто, полагаю, не может не признать, что это выступление имело *воспитательное* влияние на наши выборы. Оно повлекло за собою то, что выборы протекали спокойно, в порядке и что в то же время наши судьи были в состоянии наказать различного рода преступления, которые до тех пор оставались безнаказанными.

Когда, например, организовалась территория, не было почти никого, кто не носил бы с собой револьвера и не пускал бы его в ход при малейшем споре. Я не помню ни одного случая, чтобы жюри, составленное из мужчин, обвинило кого-нибудь из стрелявших; но когда среди присяжных находились две или три женщины, они всегда следовали инструкциям (instructions) суда...»

А как думают о женском избирательном праве в Вайоминге после двадцатипятилетнего его применения, указывает обращение, которое 12 ноября 1894 года народное представительство этого штата послало во все парламенты мира. В нем говорится:

«Обладание и пользование избирательным правом женщинами в Вайоминге не только не имело никаких худых, но *во многих направлениях очень хорошие последствия*; оно в значительной степени повело к уменьшению в этом штате преступлений и бедности, притом без всяких мер насилия; оно содействовало мирным и правильным выборам, установлению хорошего правительства и заметному повышению культурности и общественного порядка; и мы с гордостью указываем на тот факт, что в течение 25 лет, с тех пор как женщины пользуются избирательным правом, ни в одном округе Вайоминга нет дома для нищих, что наши тюрьмы почти пусты и преступления почти неизвестны. Опираясь на свой опыт, мы настаиваем на том, чтобы каждое цивилизованное государство на земле без промедления предоставило женщинам избирательное право».

При всей признательности к политической деятельности женщин в штате Вайоминг мы не идем так далеко, как пламенные защитники женского избирательного права в тамошнем народном представительстве, и не можем приписать исключительно избирательному праву женщин завидные условия, которыми, по описанию обращения,

пользуется штат, — здесь решающим является целый ряд социальных моментов различного рода; но несомненно, что введение женского избирательного права имело для Вайоминга *благодетельные* последствия и не принесло *никакого* вреда. Это — блестящее доказательство в пользу введения избирательного права женщин.

Пример Вайоминга повел к подражаниям. В Соединенных Штатах женщины получили избирательное право в 1893 году в Колорадо, в 1895 году в штате Юта, в 1896 году в Айдахо, в 1908 году в Южной Дакоте, в 1909 году в Вашингтоне, и они тотчас же избрали известное число своих представителей. В 1899 году, после того как в Колорадо нововведение просуществовало пять лет, парламент 45 голосами против 3 принял следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что *равное избирательное право* для *обоих* полов существует в Колорадо в течение пяти лет, причем за это время женщины пользовались своим правом так же широко, как мужчины, и с таким успехом, что на общественные должности были избраны *более соответствующие* кандидаты, метод выборов *улучшился*, законодательство *усовершенствовалось*, всеобщее образование повысилось, политическое чувство ответственности вследствие женского влияния *сильно развилось*, — нижняя палата постановляет, что ввиду этих результатов *политическое равноправие* женщин *рекомендуется* каждому штату и каждой территории Североамериканского союза, как законодательная мера, способная привести к высшему и лучшему порядку».

В целом ряде штатов парламенты решали ввести женское избирательное право, но референдумы, однако, аннулировали эти решения. Так было в Канзасе, Орегоне, Небраске, Индиане и Оклахоме. В Канзасе и Оклахоме референдум по этому вопросу производился два раза, а в Орегоне — три раза, и большинство против женской эмансипации становилось все незначительнее. «Особенно пестры успехи женщины на общественном поприще: во всяком случае ее завоевания в этой области не очень значительны. Само собой понятно, что женщины имеют полные общественные права в тех четырех штатах, где им предоставлено политическое избирательное право. Из всех этих штатов исключение составляет единственный штат Канзас, где за женщиной признано не только активное, но и пассивное общинное избирательное право,

включающее активное и пассивное право выбора в школьные управления и право референдума по вопросу об утверждении налогов. Активное общинное избирательное право женщины имеют в штате Мичиган с 1893 года. Но это не всеобщее избирательное право, так как оно связано со свидетельством об образовании. Штаты Луизиана, Монтана, Айова и Нью-Йорк предоставили женщинам право голосования по вопросу об утверждении общественных налогов. Большого влияния женщины добились в области школьного управления. Активное и пассивное избирательное право при избрании школьного управления женщинам предоставлено в штатах Коннектикут, Делавэр, Иллинойс, Массачусетс, Миннесота, Монтана, Небраска, Нью-Хемпшир, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Северная и Южная Дакота, Огайо, Орегон, Вермонт, Висконсин, Вашингтон и на территории Аризоны. Только активное школьное избирательное право они имеют в Кентукки и на территории Оклахомы, причем в штате Кентукки это право предоставлено только известным классам женщин и на известных условиях. В Калифорнии, Айове, Луизиане, Мэне, Пенсильвании и Род-Айленде женщинам предоставлено и пассивное избирательное право; но только на определенные должности в школьном управлении»¹.

В Новой Зеландии женщины имеют политическое избирательное право уже с 1893 года, и они даже более активно, чем мужчины, принимали участие в парламентских выборах, хотя они обладают лишь активным избирательным правом; выбранными могут быть лишь мужчины. Из 139 915 совершеннолетних женщин в избирательные списки в 1893 году были включены не менее 109 461, то есть 785 женщин на каждую тысячу. В выборах приняли участие 90 290 — 645 на каждую тысячу. В 1896 году число голосовавших составило 108 783 (68 процентов), в 1902 году — 138 565, в 1905 году — 175 046. В Тасмании женщины получили право участвовать в общинных выборах в 1884 году, а политическое избирательное право — в 1903 году. С 1895 года женщины обладают политическим избирательным правом в Южной Австралии, в Западной Австралии — с 1900 года, в Новом Южном

¹ *Klara Zetkin, Zur Frage des Frauenwahlrechts, Berlin 1907, S. 64 bis 65.* В 1909 году женщины получили избирательное право еще в Южной Дакоте и Вашингтоне.

Уэльсе — с 1902, в Квинслэнде — с 1905, в Виктории — с 1908 года. Союз этих колониальных штатов ввел для женщин еще в 1902 году избирательное право в союзный парламент. С признанием избирательного права для женщин связано право быть избранными, но до сих пор еще ни одна женщина не была избрана в парламент.

Совершеннолетним женщинам при выборах в парламент предоставлено активное и пассивное право на равных условиях с мужчинами. Менее демократично организовано общинное самоуправление. Право участия в общинном управлении связано с воинской повинностью. С 1889 года женщины, платящие налог, могут избираться в советы попечения о бедных городских и деревенских общин. Они могут быть также избираемы как представительницы советов домов для бедных, в школьные советы и управления.

В результате грандиозной всеобщей забастовки в октябре 1905 года и успехов русской революции была восстановлена конституция в Финляндии. Под давлением рабочего класса сословный финляндский сейм принял закон о всеобщем избирательном праве, включая и женщин. Избирательное право не предоставлялось только пользующимся общественной благотворительностью и не уплатившим государству подушного налога (для мужчины — две марки, для женщины — одна марка). В 1907 году в народное представительство было избрано 19, а в 1908 — 25 женщин.

В Норвегии женщины с 1889 года принимают участие в школьном управлении. В городах они могут направляться общинным советом в школьные советы. Женщины, имеющие детей, могут принимать участие в выборах школьных инспекторов. В деревне все, кто платит школьные налоги, могут принимать участие — без различия пола — в общих школьных собраниях. Женщины могут занимать должность школьного инспектора. Им предоставляется влияние и на другие общественные дела. В 1901 году получили активное и пассивное общинное избирательное право все норвежские женщины, достигшие двадцатипятилетнего возраста, норвежские гражданки, проживающие в стране пять лет и платящие в последний налоговый год государственные или общинные налоги с годового дохода не меньше 337,50 марки (300 крон) в сельских округах или 450 марок (400 крон) в городских, а также состоящие

в имущественной общности с мужьями, платящими налог с определенного дохода. 200 тысяч женщины получили избирательные права, из них в одной Христиании — 30 тысяч. На первых выборах, состоявшихся при участии женщин, было избрано в городские и сельские собрания 90 женщин (и 160 заместительниц), из них в Христиании — шесть гласных и одна заместительница. 1 июля 1907 года норвежские женщины получили также и политическое избирательное право, однако не на тех условиях, что мужчины: для политических выборов к женщинам предъявляются те же требования, что при коммунальных; около 250 тысяч совершеннолетних пролетарок остаются политически бесправными.

В Швеции уже с 1862 года незамужние женщины пользовались активным избирательным правом при общинных и провинциальных выборах на одинаковых условиях с мужчинами, то есть когда они достигали совершеннолетия, платили налоги с дохода не меньше 560,50 марки и оплачивали свои налоги.

Еще в 1887 году из 62 тысяч женщин голосовали 4 тысячи. Право быть избранными в коммунальные чиновники пока что остается для женщин совершенно недоступным, однако в 1889 году закон предоставил право избрания женщин в советы для бедных и школьные советы. В феврале 1909 года шведские женщины получили пассивное избирательное право во все общинные собрания и городские думы. В 1902 году политическое избирательное право для женщин было отклонено в верхней палате 114 голосами против 64, в 1905 году — 109 голосами против 88.

В Дании женщины после многолетней агитации получили в апреле 1908 года активное и пассивное общинное избирательное право. Право голоса получили женщины, достигшие двадцатипятилетнего возраста и уплачивающие налог с дохода не меньше 900 марок в городе (в деревне меньше) или же состоящие в имущественной общности с мужьями, платящими налог с доходного предприятия.

Кроме того, избирательные права получили женщины-прислуги, содержание и жилище которых засчитывается как заработок. При первых же выборах, которые состоялись в 1909 году, было избрано в Копенгагене в городскую думу семь женщин. В Исландии женщины имеют активное и пассивное общинное избирательное право с 1907 года.

Борьба за женское избирательное право имеет за собой в Англии целую историю. В средние века по древнему праву женщины — собственники земли имели избирательное право; как таковые, они обладали и судебною властью. С течением времени они потеряли эти права. В акте избирательной реформы 1832 года было употреблено слово «person», что по английским понятиям включает в себя лиц обоего пола, мужчин и женщин. Тем не менее закон по отношению к женщинам был истолкован в ограничительном смысле и попытки женщин принять участие в выборах терпели крушение. В избирательном билле 1867 года слово «person» было заменено словом «man». Джон Стюарт Милль предложил вместо man поставить снова person с определенным указанием, что тогда и женщины должны пользоваться избирательным правом на равных условиях с мужчинами. Предложение было отвергнуто 194 голосами против 73. Шестнадцать лет спустя (1883 год) в нижней палате была снова сделана попытка дать женщинам избирательное право. Предложение было отвергнуто большинством лишь 16 голосов. Дальнейшая попытка в 1884 году при значительно большем числе присутствующих членов парламента была отвергнута большинством 136 голосов. Но меньшинство не покорилось. В 1886 году ему удалось в двух чтениях провести предложение о даровании парламентского избирательного права женщинам. Роспуск парламента помешал окончательному решению: 29 ноября 1888 года лорд Солсбери произнес в Эдинбурге речь, в которой он между прочим сказал: «Я искренне надеюсь, что недалек тот день, когда женщины будут разделять с мужчинами избирательное право при парламентских выборах и участвовать в определении политического направления страны». Альфред Россель Уоллес, известный естествоиспытатель и сторонник Дарвина, высказался по этому вопросу таким образом: «Если мужчины и женщины будут иметь свободу следовать своим лучшим импульсам, если и те и другие будут получать наивозможно лучшее воспитание, если на человеческое существо не будет накладываться никаких фальшивых ограничений из-за случайности пола и если общественное мнение будет руководимо мудрейшими и лучшими, под систематическим влиянием которых будет находиться юношество, тогда мы увидим, что войдет в свои права система человеческого подбора,

следствием которой должно быть преобразование человечества. Пока женщины принуждены смотреть на брак, как на средство избежать бедности и заброшенности, они остаются по сравнению с мужчинами в невыгодных условиях. Поэтому первым шагом к эмансипации женщин является устранение всех ограничений, которые препятствуют им конкурировать с мужчинами во всех областях промышленности и во всех профессиях. Но мы должны идти дальше и допустить женщин пользоваться своими *политическими правами*. Женщины не знали бы многих ограничений, от которых они до сих пор страдали, если бы они имели прямое представительство в парламенте».

27 апреля 1892 года было снова отклонено во втором чтении предложение сэра А. Роллита 175 голосами против 152. 3 февраля 1897 года нижняя палата приняла предложение о предоставлении женщинам избирательных прав, но вследствие всевозможных маневров противников соответствующий проект провалился в третьем чтении. В 1904 году повторилась та же история.

Избранные в 1906 году члены нижней палаты объявляли себя перед выборами в огромном большинстве сторонниками женского избирательного права. 21 июня 1908 года в Гайд-парке состоялась грандиозная демонстрация. Уже 28 февраля предложение Стонджера, требовавшее для женщин избирательных прав в тех же границах, в каких они существуют в настоящее время для мужчин, было принято 271 голосом против 92.

В *области* местного управления избирательные права женщин более широки. В собраниях церковных общин женщины, платящие налог, имеют такой же доступ и голос, как и мужчины. С 1899 года женщины Англии на равных условиях с мужчинами пользуются активным и пассивным избирательным правом при выборах в совет общины, совет округа и совет графства. В сельских общинных и окружных советах, точно так же как и в опекунских советах, правом голоса обладают все собственники и съемщики квартир, включая женщин, живущих в общине или округе.

Пассивным избирательным правом обладают в названных общинах все совершеннолетние жители без различия пола. В школьных советах женщины обладают активным, а с 1870 года также и пассивным избирательным правом на равных условиях с мужчинами. Однако в 1903 году

английский реакционный школьный закон отнял у женщин пассивное избирательное право при выборах школьного управления Лондонского графства. С 1869 года независимые и незамужние женщины получили право голоса при выборах в государственные советы. Два закона 1907 года установили в Англии и Шотландии избрание незамужних женщин в советы графств и общин. Однако если женщина избиралась председательницей такого совета, то связанный с ним мировой судья не подчинялся ему. Кроме того, женщина теперь могла быть избрана также в советы по церковным делам округа и советы попечения бедных. Первая женщина-бургомистр была избрана в ноябре 1908 года в Алдебурге. В 1908 году в английских советах для бедных заседали 1162 женщины, в школьных советах — 615. В Ирландии женщины, поскольку они являлись самостоятельными плательщиками налогов, располагали активным избирательным правом с 1887 года, а с 1896 года — активным и пассивным избирательным правом при учреждении опеки над бедными. В британской колониальной Северной Америке в большинстве отдельных провинций были введены избирательные права для женщин в области коммунального права, в общем на тех же условиях, какие существуют в Англии. В африканских колониях Англии избирательные права в области общинного представительства также были введены¹.

Во Франции первый незначительный шаг вперед принес закон от 27 февраля 1880 года. Этим законом создавались выборные начальницы учебных заведений, старшие инспектрисы и инспектрисы при приютах. Эти выборные занимались народными училищами. Следующий закон — от 23 января 1898 года — предоставил женщинам, занимающимся торговлей, право принимать участие в выборах торговых судов. Закон от 27 марта 1907 года, реформировавший промышленные суды, предоставил также и женщинам активное избирательное право в эти органы, а с 25 ноября 1908 года женщины получили и пассивное избирательное право. В Италии в противополож-

¹ Указание о предоставлении английским колониям избирательных прав в области общинного представительства не соответствует действительности и основано на неверной информации, распространяемой английскими колониальными властями, введшей автора в заблуждение. — *Ред.*

ность Германии женщины с 1893 года получили активное и пассивное избирательное право при выборах в промышленные суды. Они могут быть избранными членами совета и правления больниц, сиротских домов, воспитательных учреждений и школьных комиссий.

В Австрии женщины, принадлежащие по своему имущественному положению к курии крупных землевладельцев, могут пользоваться активным избирательным правом при выборах в рейхсрат и ландтаг лично или через уполномоченного мужчину. Женщинам — членам общин, достигшим двадцатичетырехлетнего возраста и платящим прямые налоги со своей собственности, промысла или дохода, принадлежит избирательное право при выборах общинного представительства; замужние женщины пользовались своим избирательным правом при посредстве мужа, другие — при посредстве уполномоченного. Что касается избирательного права в ландтаги, то в классе крупных землевладельцев женщины везде его имеют, но нигде (кроме Нижней Австрии) не могут лично им пользоваться. Только в Нижней Австрии закон 1896 года устанавливает личное голосование крупных землевладельцев без различия пола. В промышленных судах женщины, как в Голландии, имеют только активное избирательное право.

В Германии женщины определенно лишены всяких активных и пассивных избирательных прав во все выборные учреждения. При выборе в советы общины в некоторых отдельных немецких землях и провинциях женщины имеют право голоса. Пассивного избирательного права женщины не имеют ни в одной городской или сельской общине. В городах женщины не имеют и активного избирательного права. Исключение из этого правила составляют лишь города великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенаха, княжества Шварцбург-Рудольфштадта и Шварцбург-Зондерсгаузена, праворейнской Баварии и любекского местечка Травемюнде.

В баварских городах всем *домовладелицам*, в саксен-веймарских и шварцбургских городах всем *гражданкам* предоставлено право голоса, но лишь в Травемюнде они могут *персонально* пользоваться им¹. Что же касается сельских общин, то, как правило, они имеют активное

¹ Politisches Handbuch für Frauen, Berlin 1909, S. 86.

избирательное право там, где оно основывается на землевладении или на уплате определенных налогов. Однако свое избирательное право эти общины должны осуществлять через заместителя; быть избранными они не могут. Так дело обстоит в Пруссии, Брауншвейге, Шлезвиг-Гольштинии, Саксен-Веймаре, Гамбурге и Любеке. В Саксонии по общинному положению женщина пользуется избирательным правом, если она является земельным собственником и *не замужем*. Если она замужем, то право голоса переходит к мужу.

В тех государствах, в которых право голоса при общинных выборах основывается на общинном гражданском праве, женщина по большей части не имеет права голоса; это наблюдается в Вюртемберге, баварском Пфальце, Бадене, Гессене, Ольденбурге, Ангальте, Готе и Рейсе. В Саксен-Веймар-Эйзенахе, Кобурге, Шварцбург-Рудольфштадте и Шварцбург-Зондерсгаузене женщины не только приобрели те же гражданские права, что и мужчины, но им еще предоставлено равное право голоса независимо от обладания собственностью. Но и здесь женщине отказано в персональном осуществлении своего права.

В прусских провинциях, где для женщины существует ограниченное общинное избирательное право, женщины, имеющие избирательные права, принимают прямо или косвенно участие в выборах в сельские округа и окружные советы. На избирательные съезды крупных землевладельцев и представителей горнорудных и промышленных предприятий женщины избирают депутатов непосредственно, в сельские же общины — косвенно, так как там общинные собрания или общинные советы выбирают не самих представителей, а только выборщиков. Так как окружные советы выбирают депутатов в провинциальные ландтаги, то незначительное количество правоспособных женщин может оказать лишь крайне скромное влияние на управление провинцией.

В последние годы женщины все в большем числе и с лучшими успехами привлекаются к участию в заботах о бедных и сиротах (исключение составляет Бавария), а во многих городах и к участию в школьных комиссиях (Пруссия, Баден, Вюртемберг, Бавария, Саксония) и в комиссиях по обследованию жилищ (Мангейм). Единственной общественной областью, где женщина пользуется

активным и пассивным избирательным правом, остается признание больных. Права же избрания в промышленные и торговые суды остаются для них недоступными.

Принцип, по которому женщине, как существу вечно несовершеннолетнему, не дается избирательного права, фактически нарушен. Но все еще противятся признать за ней полное право. Говорят, что предоставить женщине избирательное право опасно, так как она консервативна и легко доступна религиозным предрассудкам. Но то и другое объясняется тем, что она невежественна; следует воспитать ее и показать ей, в чем состоит ее истинный интерес. Впрочем, религиозное влияние при выборах преувеличено. Ультрамонтанская¹ агитация в Германии была лишь потому так успешна, что она умела соединить *социальные интересы с религиозными*. Ультрамонтанские священники долгое время соперничали с социал-демократами, раскрывая социальное гниение. Отсюда их влияние на массы. С окончанием «культуркампа»² оно постепенно исчезает. Духовенство вынуждено прекратить свою оппозицию против государственной власти, вместе с тем растущие классовые противоречия принуждают его все более учитывать интересы католической буржуазии и католического дворянства, и, таким образом, в социальной области оно должно быть все более и более сдержанным. Вместе с тем оно теряет свое влияние у рабочих, особенно тогда, когда во имя интересов государственной власти и господствующих классов оно вынуждено терпеть или одобрять законы и меры, направленные против интересов рабочего класса. По тем же причинам падает в конце концов влияние духовенства и на женщину. На собраниях и из газет женщины слышат и на собственном опыте убеждаются, в чем состоят их истинные интересы, и, таким образом, они, подобно мужчинам, эмансипируются от духовенства³.

¹ Ультрамонтанство (фр.) — воинствующее направление католической церкви, добивавшееся неограниченного влияния папы римского на духовные и светские дела. — *Ред.*

² Под «культуркампом» понимается ряд законодательных мероприятий, принятых правительством Бисмарка против католической церкви в семидесятых годах XIX века. — *Ред.*

³ Духовенство заметило, что эта опасность может возникнуть. При больших размерах и значении, которое приобрело женское движение даже в буржуазных кругах, заправила католического центра поняли, что они имеют дело уже не с неграми. Поэтому они совер-

В Бельгии, где ультрамонтанизм еще почти безгранично господствует над широкими народными массами, часть католического духовенства видит в предоставлении женщинам избирательного права действительное орудие против социал-демократии, почему и требует его. Точно так же и в Германии отдельные консервативные депутаты всякий раз, когда социал-демократия выставляла в рейхстаге требование женского избирательного права, высказывались за него на том основании, что видят в нем оружие против социал-демократии. Несомненно, что эти взгляды при современной политической несознательности женщин и том влиянии, которое оказывает на них особенно духовенство, имеют некоторое основание. Но это не может ни в коем случае являться причиной отказа женщинам в избирательном праве. В настоящее время имеются еще миллионы рабочих, которые, вопреки своим классовым интересам, избирают представителей буржуазных и церковных партий, чем доказывают свою политическую незрелость, но на этом основании у них не хотят отнять избирательное право. Не дают или отнимают избирательное право не потому, что боятся невежества масс, в том числе женщин, ибо таковыми их сделали господствующие классы, но потому, что боятся, как бы они постепенно не поумнели и не пошли своей собственной дорогой.

Отдельные немецкие государства пока еще так отстали, что не допускают женщин пользоваться даже политическим правом собраний и союзов. В Пруссии, Баварии, Брауншвейге и ряде других немецких государств женщины не могут образовывать никаких политических союзов; в Пруссии, как решил в 1901 году высший административный суд, они не могут принимать участие даже в празднествах политических обществ. Ректор Берлинского университета осенью 1901 года сделал, казалось

шенно переменили фронт. С той хитростью, которая с давних пор отличала служителей церкви, они поддерживают теперь то, против чего раньше боролись. Они выступают теперь не только за высшее женское образование, но и за полную свободу союзов и собраний для женщин. Наиболее дальновидные из них высказываются также за распространение избирательного права на женщин в надежде, что больше всего от этого выиграет церковь. Поэтому же они требуют организации женщин, например даже женской прислуги. Но делается все это не из чувства справедливости, но лишь для того, чтобы не толкнуть женщин в руки политических противников церкви

бы, невозможную бестактность, запретив женщине прочесть реферат в социально-научном студенческом обществе. В том же году брауншвейгская полиция запретила женщинам участие в заседаниях евангелическо-социального конгресса. Прусский министр внутренних дел в 1902 году милостиво заявил, что он готов дать женщинам право присутствовать на собраниях политических обществ в том случае, если они так же, как и еврейские женщины в синагогах, будут находиться в особом отделении залы; это характеризует мелочность нашего общественного порядка. Еще в феврале 1904 года Посадовский мог торжественно провозгласить в рейхстаге: «Пусть женщины не прикасаются к политике!» Но существовавшее положение сделалось неудобным даже для буржуазных партий. Однако только пролетарское женское движение восторжествовало над всеми препятствиями, которые ставило законодательство о союзах. 19 апреля 1908 года появляется наконец новый закон о союзах: единственное улучшение, которое может быть отмечено как существенное, — это предоставление женщинам равноправия в союзах и на собраниях.

С активным избирательным правом связано, разумеется, и пассивное. «Женщина на трибуне рейхстага, это должно хорошо выглядеть!» — слышим мы восклицания. На деле в других государствах женщины уже стоят на парламентских трибунах, и мы также давно привыкли видеть их на трибуне во время их всевозможных конгрессов и собраний. В Северной Америке они появляются на церковной кафедре и на скамье присяжных; почему же им не появляться и на трибуне рейхстага? Первая женщина, которая войдет в рейхстаг, сумеет заставить себя уважать. Когда в него вошли первые рабочие, то считали тоже возможным острить по их адресу и утверждали, что рабочие скоро поймут, какую они сделали глупость, выбрав подобных людей. Но их представители быстро сумели внушить к себе уважение, и теперь уже боятся, как бы их не стало слишком много. Плоские шутики возражают: «Но представьте себе беременную женщину на трибуне рейхстага — как это «шестетично»». Эти господа находят, однако, в порядке вещей, что труд беременных женщин применяется при самых неэстетичных занятиях, губящих женское достоинство, приличие, здоровье. Негодяй — тот мужчина, который позволяет себе смеяться над беременной женщиной. Простая мысль, что

некогда его собственная мать так выглядела, пока он не появился на свет, должна бы его заставить покраснеть, и другая мысль, что он, грубый шутник, сам ожидает от подобного состояния своей жены исполнения своих желаний, должна бы его устыдить и заставить замолчать¹.

Женщина, которая рождает детей, несет в общих интересах, по меньшей мере, такую же службу, как мужчина, который, рискуя своей жизнью, защищает страну и домашний очаг от врага, стремящегося к завоеваниям; она рождает и воспитывает будущего мужчину, жизнь которого, к сожалению, так часто гибнет «на поле чести». Мало того, жизнь женщины при каждом роде подвергается риску; все наши матери при рождении нас смотрели смерти в лицо, и многие из них пали жертвами этого акта.

«Число женщин, умирающих от родов,— среди которых находятся и жертвы родильной горячки, — например в Пруссии, значительно превышает потери от тифа. В 1905 и 1906 годах число умерших от тифа составило на каждые 10 тысяч живущих женщин соответственно 0,73 и 0,62, а умерших от родов — 2,13 и 1,97. Как бы выглядело дело, справедливо замечает профессор Герф, если бы в таком же числе испытывали бы такие страдания мужчины? Разве не было бы приведено все в движение?»²

¹ «Половина финских депутатов-женщин являются матерями, уважаемыми супругами... Из замужних социал-демократических представительниц трое стали во время прежней деятельности в ландтаге матерями и, конечно, без всяких неприятных последствий, кроме того, что они отсутствовали на заседаниях в течение нескольких недель. Их беременность в период парламентской деятельности вообще рассматривалась как нечто естественное и не являлась чем-то странным или возбуждающим особое внимание. Можно скорее говорить о том, что это состояние оказало на собрание воспитательное влияние. Что касается парламентской работы женщин в узком смысле, то они избирались от своей партии в специальную комиссию. И это доказательство того, что партия убеждена в работоспособности женщин. В комиссии по рабочим делам, где вырабатываются законы об охране труда, страховании рабочих и новые промышленные законы, находятся рядом с 12 мужчинами также 4 женщины и 3 женщины избраны заместительницами. В законодательную комиссию, как и в конституционную комиссию были избраны в каждую по две женщины в качестве постоянных членов и по одной в качестве заместительниц. И женщины в комиссиях честно утвердили свое место». *Fräulein H. Pärssinen, Mitglied des Landtags von Finnland, Das Frauenstimmrecht und die Beteiligung der Frauen an den parlamentarischen Arbeiten in Finnland, «Documente des Fortschritts» 1909, Juli, S. 542 bis 548.*

² Professor Dr. *Otto von Herff*, Im Kampfe gegen das Kinderbettfieber, Leipzig 1908, S. 266.

Число женщин, умирающих или хронически болеющих вследствие родов, гораздо больше числа мужчин, убиваемых и получающих раны на поле битвы. С 1816 по 1876 год в Пруссии умерло только от родильной горячки 321 791 женщина — в среднем по 5363 в год. В Англии число женщин, умерших от родов, с 1847 по 1901 год составило 213 533 и, несмотря на все мероприятия гигиенического характера, умирают ежегодно таким образом 4 тысячи женщин¹. Это число значительно превышает число мужчин, за то же время убитых или умерших от ран в различных войнах. К этому огромному числу женщин, умерших от родильной горячки, присоединяется еще большее число тех, которые долго болеют вследствие родов или преждевременно умирают². Даже на основании этого женщина может требовать полного равноправия с мужчиной. Это следует сказать в особенности тем, которые обязаны защищать отечество выставляются как нечто дающее ему преимущество перед женщиной. К тому же большинство мужчин вследствие положения в наших военных учреждениях не выполняют этой обязанности: она состоит для большинства из них только на бумаге.

Все эти поверхностные возражения против общественной деятельности женщин были бы немыслимы, если бы отношение между обоими полами было естественным, а не состояло в искусственно воспитанном антагонизме. Ведь обоих разделяют уже с юности при воспитании и при общении в обществе. В этом антагонизме особенно виновато христианство, которое постоянно разделяет лиц разного пола и поддерживает незнание одних другими, что мешает более свободному, товарищескому общению, взаимному доверию и взаимному пониманию свойств характера каждого³.

¹ *W. Williams, Deaths in Childbed, London 1904, p. 6—7.*

² «На каждую женщину, умирающую в настоящее время в родовой период, мы должны считать от 15 до 20, которые более или менее тяжело заражаются и нередко потом всю жизнь страдают от болезней половых органов, влияющих и на все здоровье». *Frau Dr. med. H. B. Adams, Das Frauenbuch, 1. Band, Stuttgart 1894, S. 363, Süddeutsches Verlagsinstitut.*

³ Общинные представители Нейса на Рейне дошли в 1902 году до того, что отказались поддерживать общественную купальню, так как нравственность может пострадать от того, что мальчики, прикрытые лишь купальными штанишками, будут видеть друг у друга голое тело.

Первая и важнейшая задача разумно организованного общества должна состоять в том, чтобы уничтожить это вредное разъединение и дать природе вступить в свои права. Неестественность начинается уже в школе: во-первых, — разделение полов, во-вторых, — извращенное обучение или полное отсутствие его во всем том, что касается человека как полового существа. Правда, в каждой хорошей школе в настоящее время преподается естественная история; ребенок узнает, что птицы кладут яйца и высиживают их; он узнает также, что, когда начинается спаривание, для этого необходимы самец и самка; что оба берут на себя устройство гнезд, высиживание и заботу о птенцах. Он узнает, далее, что млекопитающие родят живых детенышей, он слышит также о времени сближения и борьбе самцов из-за самок; он узнает также обыкновенное число рождаемых детенышей и, вероятно, также время ношения плода. Но происхождение и развитие своего собственного рода остается для него неясным, скрытым таинственной завесой. И если ребенок пытается удовлетворить свою естественную любознательность, обращаясь с вопросами к родителям, в особенности к матери — к учителю обратиться он не смеет, — то ему навязываются самые невероятные сказки, которые не могут его удовлетворить и оказывают тем худшее действие, когда он в один прекрасный день все же узнает природу своего происхождения. Мало детей, которые не узнали бы этого к двенадцатому году. К этому присоединяется, что в каждом городке и в особенности в деревне дети уже с самых ранних лет на дворе, на улице, при выгоне скота и т. д. наблюдают в непосредственной близости спаривание домашних птицы, случку скота. Они слышат, как случка и акт родов обсуждаются родителями, прислугой и старшими братьями и сестрами с самой бесцеремонной основательностью. Все это возбуждает в ребенке сомнение в верности родительских рассказов о его собственном появлении на свет. В конце концов наступает день познания, но иным образом, чем он наступил бы при естественном и разумном воспитании. Тайна ребенка ведет к отчуждению между ним и родителями, особенно между ребенком и матерью. Достигают как раз противоположного тому, чего хотели достигнуть в своем неразумии и близорукости. Кто помнит о своем детстве и о товарищах своей юности, тот знает, каковы бывают часто последствия.

Одна американская женщина¹ сообщает в одном своем сочинении, что она в ответ на многократные вопросы своего восьмилетнего сына о его происхождении рассказала ему его истинное происхождение, не желая навязывать ему сказок. Ребенок выслушал ее с величайшим вниманием и с того дня, как он узнал, сколько боли и забот он причинил своей матери, в его отношении к ней стали проявляться небывалые прежде нежность и уважение; он перенес их и на других женщин. Автор исходит из правильного воззрения, что только от естественного воспитания можно ожидать существенного улучшения, в особенности большего уважения и сдержанности со стороны мужского пола к женскому. Кто свободен от предрассудков, тот не может прийти к другому заключению.

С какого бы пункта мы ни начали критику общественных отношений, мы всегда в конце концов приходим к заключению, что необходимо *коренное переустройство наших социальных условий* и через это коренное изменение в положении полов. Чтобы скорее достигнуть цели, женщина должна искать союзников, и она их, естественно, находит в пролетарском движении. Сознательный пролетариат уже давно начал штурм крепости классового государства, которое поддерживает и господство одного пола над другим. Крепость надо окружить траншеями и принудить к сдаче орудиями всех калибров. Осаждающая армия находит своих офицеров и соответствующее оружие повсюду. Социальная наука и естествознание, исторические изыскания, педагогика, гигиена и статистика доставляют движению боевые припасы и оружие. Философия не отстает и в «Философии освобождения» возвещает осуществление «идеального государства».

Завоевание классового государства и его преобразование облегчаются расколом в рядах его защитников, которые при всей общности интересов борются друг с другом в борьбе за добычу. Интересы одних групп противостоят интересам других. Что нам еще служит на пользу, это — ежедневно возрастающее недовольство в рядах врагов, борцы которых — в значительной степени плоть от нашей плоти, кость от нашей кости; они до сих пор

¹ *Womanhood, Its Sanctities and Fidelities* by Isabella Becher-Hooker, Boston.

боролись против нас и самих себя по недоразумению и заблуждению, но они постепенно приходят к истинному пониманию положения вещей и примыкают к нам. Далее нам помогает дезертирство честных людей из рядов до сих пор враждебных мыслителей; знание, лучшее понимание вещей побуждает этих людей подняться над их низменными классовыми интересами, и, следуя своему идеальному стремлению к справедливости, они примыкают к массам, борющимся за освобождение.

Многие еще не осознали, что государство и общество находятся в стадии разложения, поэтому необходимо это разъяснить.

Отдел третий

ГОСУДАРСТВО
И
ОБЩЕСТВО

—

КЛАССОВОЕ ГОСУДАРСТВО И СОВРЕМЕННЫЙ
ПРОЛЕТАРИАТ

1. НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Развитие общества за последние десятилетия во всех культурных государствах приняло необычайно быстрый темп, который в свою очередь ускоряет прогресс во всех областях человеческой деятельности. Наши социальные отношения пришли вследствие этого в небывалое до сих пор состояние беспокойства, брожения и разложения. Господствующие классы не чувствуют более твердой почвы под ногами, и буржуазные учреждения теряют устойчивость, необходимую, чтобы выдержать направленный на них со всех сторон натиск. Чувство беспокойства, неуверенности и недовольства захватило все круги — как высшие, так и низшие. Судорожные усилия, которые делают господствующие классы, чтобы частичными поправками социального организма положить конец этому невыносимому для них состоянию, оказываются бесплодными, так как они недостаточны. Возрастающая отсюда неуверенность увеличивает их беспокойство. Едва успевают они подставить к падающему дому балку в виде какого-нибудь закона, как выясняется, что таковая была еще более необходима в десяти других местах. При этом сами они постоянно спорят друг с другом и имеют различные взгляды. То, что одна партия считает необходимым для успокоения все более растущего недовольства масс, то другой партии представляется слишком радикальным и рассматривается ею как безответственная слабость и уступчивость, которая возбуждает лишь аппетит к еще большим уступкам. Это доказывают бесконечные прения во всех парламентах, через которые проводятся все новые законы и учреждения, что не приносит ни покоя, ни удовлетворения. Внутри самих господствующих классов существуют противоречия, отчасти непримиримые, и они еще более обостряют социальную борьбу.

Правительства — и притом не только в Германии — вертятся, как флюгера; они должны на кого-нибудь

опираться, ибо без опоры они не могут существовать, и они склоняются то на ту, то на другую сторону. Почти ни в одном прогрессивном государстве Европы у правительства нет стойкого парламентского большинства, на которое оно могло бы рассчитывать с уверенностью. Социальные противоречия разрушают и разлагают большинство, и вечно меняющийся курс, особенно в Германии, уничтожает последний остаток доверия, которое еще питают к себе самим господствующие классы. Сегодня одна партия — наковальня, другая — молот, завтра — наоборот. Одна разрушает то, что другая с большими усилиями только что воздвигнула. Замешательство становится все большим, недовольство все сильнее, трения учащаются, увеличиваются и в течение месяцев уничтожают больше сил, чем прежде в течение целых лет. Наряду с этим возрастают материальные требования в форме различных налогов и податей и безмерно растут государственные долги.

По своей природе и своему существу государство является классовым государством. Мы видели, как оно сделалось необходимым для охраны возникшей частной собственности и для того, чтобы привести в порядок как отношения собственников между собою, так и отношения их к не имеющим собственности путем государственных учреждений и законов. Какие бы формы ни принимало в течение исторического развития присвоение собственности, в самой ее природе лежит, что наиболее крупные собственники являются самыми могущественными лицами в государстве и направляют его согласно своим интересам. Но точно так же в существе частной собственности лежит то, что отдельное лицо никогда не может получить ее достаточно и всеми силами стремится к увеличению своего имущества. Каждый стремится, таким образом, так устроить государство, чтобы он мог с его помощью в возможно полной мере достигнуть выполнения своего желания. Таким образом, законы и учреждения государства, так сказать, сами собою становятся законами и учреждениями классовыми. Но государственная власть и все заинтересованные в сохранении существующего государственного строя были бы не в состоянии отстоять этот строй надолго против массы, как строй чуждый ей, если бы масса постигла его истинную природу. Вот почему необходимо во что бы то ни стало воспрепятствовать

этому, а для этого народная масса должна возможно меньше знать о природе существующих условий. И больше того, ее нужно учить, что настоящий строй существовал вечно и останется вечно, что желать устранить его — значит выступить против порядка, установленного самим богом. Таким образом, религия становится на службу этому строю. Чем невежественнее массы, чем больше у них предрассудков, тем выгоднее держать их в этом состоянии, что соответствует как государственному, так и «общественному интересу», иначе говоря, интересу классов, которые в существующем государстве видят учреждение для охраны своих классовых интересов. Государственная и церковная иерархия соединяется с собственниками для совместной работы во имя охраны их интересов.

Но вместе со стремлением к приобретению собственности и увеличением числа собственников поднимается культура. Круг лиц, желающих воспользоваться результатами прогресса, увеличивается. На новом базисе поднимается новый класс, который, однако, не признается господствующим классом, равноправным и полноценным, по который употребляет все усилия, чтобы сделаться таковым. В конце концов возникает новая классовая борьба и даже насильственные революции, благодаря которым новый класс добивается признания его господствующим классом, при этом он выставляет себя защитником широких масс угнетенных и эксплуатируемых, с помощью которых завоевывается победа.

Но как только новый класс становится участником власти и господства, он тотчас соединяется со своими бывшими врагами против своих бывших союзников, и спустя некоторое время снова начинается классовая борьба. Однако новый господствующий класс, который подчинил все общество своим интересам, может увеличивать свою силу и свою собственность лишь тем, что он часть своих культурных завоеваний предоставляет также и классу, им угнетаемому и эксплуатируемому, и таким образом повышает его производительность и сознательность. Этим самым господствующий класс сам дает классу угнетаемому оружие для своего собственного уничтожения; борьба масс направляется теперь против всякого классового господства, в каком бы виде оно ни существовало.

Так как этим угнетаемым классом является современный пролетариат, то в его историческую миссию входит не только собственное освобождение, но и освобождение всех остальных угнетенных, следовательно, и женщин.

Природа классового государства обуславливает не только то, что эксплуатируемые классы держатся в наивозможно большем беспорядке, но и то, что расходы и повинности, необходимые для содержания государства, ложатся прежде всего на их плечи. При этом несение повинностей и покрытие расходов совершаются в таких формах, которые скрывают их настоящий характер. Ясно, что высокие прямые налоги для покрытия общественных расходов должны возмущать тем более, чем ниже доход, с которого они взимаются. Таким образом, расчет заставляет господствующие классы знать здесь меру и устанавливать вместо прямых косвенные налоги на самые необходимые предметы потребления. Благодаря этому бремя налогов распределяется на ежедневное потребление и находит себе выражение в цене товаров, оставаясь для большинства невидимым, и плательщики налогов обманываются относительно той доли налога, которая приходится на каждого. Сколько каждый платит в виде налога на хлеб, соль, мясо, сахар, кофе, пиво, керосин и т. д., большинству налогоплательщиков неизвестно, и это трудно вычислить; они и не подозревают, как сильно высасываются их средства. И эти уплаты возрастают в прямом отношении к числу членов их семьи; таким образом, такие налоги представляют собой образец самого несправедливого способа обложения, какой только можно себе представить. Наоборот, господствующие классы кичатся платимыми ими прямыми налогами и по высоте их отмеряют себе политические права, в которых они отказывают классу немущих. К этому присоединяется государственная помощь и государственная поддержка, которую господствующие классы обеспечивают себе за счет народной массы путем премий и таможенных пошлин на различные продовольственные продукты, а также всевозможными пособиями — на многие сотни миллионов ежегодно. К этому присоединяется, далее, колоссальная эксплуатация путем повышения цен на самые различные предметы потребления со стороны крупнокапиталистических предпринимательских организаций, трестов и синдикатов, причем

государство или покровительствует им своей экономической политикой, или терпит их махинации без всякого протеста, а иногда даже и поддерживает собственным участием.

До тех пор пока эксплуатируемые классы можно держать в неизвестности о сущности всех этих мероприятий, они не представляют никакой опасности для государства и господствующих классов. Но как скоро эта сущность доходит до сознания эксплуатируемых классов — а растущее политическое образование масс делает их к этому все более способными, — так тотчас в массах пробуждается негодование и возмущение против этих мер с их вопиюще несправедливостью. Разрушается последняя искра веры в чувство справедливости господствующих властей, и познается как природа государства, применяющего подобные средства, так и сущность общества, поддерживающего их. Следствием этого является борьба вплоть до уничтожения как существующего государственного, так и общественного строя.

В стремлении удовлетворить самым противоречивым интересам государство и общество нагромождают одну организацию на другую. Но ни одна из старых организаций не ликвидируется основательно, и ни одна новая не строится прочно. Они вертятся в кругу половинчатых мер, которые никого не удовлетворяют. Культурные потребности, вырастающие из новой жизни, требуют к себе известного внимания, они и при самом недостаточном удовлетворении стоят значительных жертв, тем более значительных, что повсюду имеется масса паразитов. Наряду с этим все учреждения, стоящие в противоречии с культурными целями, не только сохраняются, но вследствие существующих классовых противоположностей даже еще расширяются и давят и угнетают тем больше, чем сильнее растущее сознание все громче объявляет их *излишними*. Полиция, армия, суды, тюрьмы, весь административный аппарат — все это расширяется и становится дороже, но от этого нисколько не возрастает ни внешняя, ни внутренняя безопасность, скорее *наоборот*.

Совершенно неестественное состояние постепенно развилось в международных отношениях между отдельными нациями. Эти отношения расширяются в той же мере, в какой увеличивается товарное производство, облегчается обмен товаров с помощью постоянно улучшающихся средств

передвижения, и наконец хозяйственные и научные достижения становятся общим достоянием всех народов. Заключаются торговые и таможенные договоры, строятся с помощью международных средств дорогостоящие пути сообщения (Суэцкий канал, С.-Готтардский туннель и т. п.). Отдельные государства большими суммами поддерживают пароходные линии, облегчающие сообщение между самыми различными частями земного шара. Основан мировой почтовый союз (большой культурный прогресс), созываются международные конгрессы для всевозможных практических и научных целей, распространяются лучшие творения человеческого гения отдельных наций посредством переводов на различные языки главных культурных народов, и все это направлено на создание *интернационализма* и *братства* народов. Но политическое и военное состояние Европы и культурного мира стоит с этим развитием в поразительном противоречии. Всюду искусственно воспитываются национальная ненависть и шовинизм. Повсюду господствующие классы стараются сохранить веру в то, что существуют народы, которые смертельно ненавидят друг друга и ждут лишь момента, чтобы броситься один на другого и уничтожить. Конкуренция класса капиталистов отдельных стран между собою принимает на международной почве характер борьбы класса капиталистов одной страны против класса капиталистов другой страны и, поддерживаемая политической слепотою масс, эта конкуренция вызывает такую гонку вооружений, которую еще никогда не видел мир. Это соперничество создало армии небывалой величины; оно создало орудия массового убийства и разрушения для сухопутной и морской войны, настолько совершенные, насколько это возможно в наш век технического прогресса. Это соперничество порождает развитие разрушительных средств, которые в конечном счете ведут к самоуничтожению. Поддержка армии и флота требует жертв, возрастающих с каждым годом и, в конце концов ведущих к гибели самый богатый народ. В 1908 году расходы одной Германии на армию и флот, постоянные и единовременные, вместе с пенсиями и процентами по имперскому долгу, поскольку он был сделан для военных целей, значительно превысили 1500 миллионов марок, и эта сумма увеличивается с каждым годом. По Неймарку, расходы европейских государств составляли (в млн. франков):

	1866 г.	1870 г.	1887 г.	1906 г.
Армия и флот . . .	3 000	3 500	4 500	6 725
Государственный долг	66 000	75 000	117 000	148 000
Налоги	2 400	3 000	5 300	6 000 ¹

Европа, таким образом, тратила в среднем 6725 миллионов франков в год (5448 миллионов марок) на армию и флот и 6 тысяч миллионов франков в год (4860 миллионов марок) на оплату процентов по государственным долгам, которые делались главным образом для военных целей! Это фактически военное положение!

Примеру Европы следуют Америка и Азия. Соединенные Штаты тратили в 1875 году 386,8, а в 1907/08 году 1436,9 миллиона марок. В Японии обычные расходы на армию и флот, включая и пенсии, достигали в 1875 году 20,5, а в 1908/09 году 220,4 миллиона марок!

При этих расходах в высшей степени страдают образовательные и культурные цели, забываются самые неотложные культурные задачи; расходы же на внешнюю оборону получают такое преобладание, что теряется сама государственная цель. Все возрастающие армии захватывают самую здоровую и сильную часть народов; для обучения и подготовки армии напрягаются все духовные и физические силы до такой степени, как будто высшей задачей нашего времени является подготовка к массовому убийству. При этом военные орудия убийства все более улучшаются, они достигли в отношении скорострельности, дальнобойности и силы такого совершенства, что стали страшны другу и врагу. Если в один прекрасный день весь этот огромный аппарат будет пущен в действие, причем враждебно стоящие друг против друга европейские державы выдвинут от 12 миллионов до 14 миллионов людей, то окажется, что этим аппаратом *нельзя управлять* и его *нельзя направлять*. Нет такого генерала, который может командовать такими массами, нет поля битвы, на котором можно разместить эти армии; нет администра-

¹ A. Neymarck, La statistique internationale des valeurs mobilières im «Bulletin de l'institut international de statistique», 17. Band, Kopenhagen 1908, p. 405.

тивного аппарата, который мог бы длительное время их кормить. В случае битвы не хватит госпиталей, чтобы вместить раненых, и почти не будет возможности похоронить многочисленных убитых.

Если присоединить сюда еще ужасное замешательство и опустошение, которые в будущем произведет европейская война в экономической области, то можно без преувеличения сказать: *Ближайшая большая война — последняя война!* Число банкротств будет небывалое. Вывоз прекратится, и тысячи фабрик останутся, привоз продовольственных товаров приостановится, и вследствие этого они страшно вздорожают; число семей, кормильцы которых будут находиться на войне и которые будут нуждаться в поддержке, достигнет миллионов. Но откуда взять средства? Германская империя, например, тратит на то, чтобы держать армию и флот в боевой готовности, от 45 до 50 миллионов марок ежедневно!

Политическое и военное положение Европы в таком состоянии, что оно может завершиться великой катастрофой, которая увлечет буржуазное общество в пропасть. На высоте своего развития это общество создало условия, подрывающие его существование; оно готовит себе гибель средствами, которые оно само создало, будучи самым революционным из всех до сих пор существовавших обществ.

Постепенно большинство наших общин оказывается в отчаянном положении: они едва ли знают, как удовлетворять ежегодно возрастающие требования. Особенно наши быстро растущие, крупные города и промышленные центры, к которым быстрый рост населения предъявляет много требований, в большинстве случаев не обладают средствами и могут удовлетворить эти требования не иначе, как устанавливая высокие налоги и делая долги. Постройка школ и дорог, освещение, канализация, водоснабжение, расходы на образование, благотворительность и оздоровление, на полицию и управление возрастают с каждым годом. Наряду с этим состоятельное меньшинство повсюду предъявляет к общинам дорогостоящие требования. Оно требует высших учебных заведений, постройки театров и музеев, устройства аристократических кварталов и парков с соответствующим освещением, мостовыми и т. д. Большинство населения может жаловаться на эту привилегию меньшинства, но она лежит в природе

отношений. У меньшинства власть, и оно пользуется ею, чтобы удовлетворять свои культурные потребности, по возможности, на общий счет. Собственно говоря, против этих повышенных культурных потребностей нельзя ничего возразить, так как они являются прогрессом, но беда в том, что удовлетворение их идет на пользу главным образом имущим классам, хотя в них должны были бы участвовать все. Другим злом является то, что управление часто не может быть названо наилучшим и стоит очень дорого. Нередко служащие недоступны и не обладают достаточными знаниями для многосторонней деятельности, часто требующей специальных познаний. Общинные советники в большинстве случаев так много должны заботиться о своем собственном существовании, что не могут приносить необходимых жертв для основательного исполнения своих обязанностей. Чаще эти должности служат для поддержки частных интересов к большому вреду интересов общественных. Последствия несут плательщики палогов. О коренном, сколько-нибудь удовлетворяющем изменении этих условий общество не может и думать. В какой бы форме ни повышались налоги, недовольство растет. Через несколько десятилетий большинство этих общин будет не в состоянии при современной форме управления и получения доходов удовлетворять свои необходимые потребности. В общинной жизни, как и в жизни государственной, возникает необходимость коренных преобразований, ибо к ней предъявляются огромные требования во имя культурных целей, она образует ядро, из которого должно исходить общественное преобразование, насколько для этого имеются желания и силы.

Но как могут удовлетворительно идти дела там, где в настоящее время над всем господствуют интересы частные, отодвигая на задний план интересы общие?

Таково в немногих словах состояние нашей общественной жизни, которая является лишь отражением социального состояния общества.

2. ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

В нашей социальной жизни борьба за существование становится все труднее. Война всех против всех разгорелась самым сильнейшим образом и ведется безжалост-

но, часто без разбора средств. Положение «Ote-toi de là, que je m'y mette» («Ступай прочь, чтоб я мог занять твое место») осуществляется в жизненной практике ударами и толчками. Слабейший должен уступать сильнейшему. Где недостаточно материальной силы, власти денег, собственности, там применяются самые изысканные и самые недостойные средства, чтобы достигнуть желанной цели. Ложь, обман, мошенничество, фальшивые векселя, лжеприсяга, самые тяжелые преступления совершаются для того, чтобы достигнуть желанной цели. В этой борьбе человек стоит против человека, класс против класса, пол против пола, возраст против возраста. Выгода — единственный регулятор человеческих отношений, всякий другой мотив должен устраниться. Тысячи рабочих и работниц выбрасываются на улицу, раз этого требует выгода предпринимателя, и им остается лишь рассчитывать на общественную благотворительность и странствование по принуждению. Рабочие таборами переходят с места на место, перекрешивая страну вдоль и поперек, и общество смотрит на них с тем большим ужасом и отвращением, чем больше безработица отражается на их внешности, а затем и внутренне деморализует их. Почтенное общество не имеет понятия, что значит в течение целых месяцев быть вынужденным отказывать себе в самых элементарных потребностях порядка и чистоты, бродить с голодным желудком с одного места в другое и получать от тех, кто является опорой этой системы, лишь плохо скрываемое отвращение и презрение. Семьи этих несчастных терпят иногда ужасную нужду и попадают на попечение общественной благотворительности. Нередко отчаяние толкает родителей к самым ужасным преступлениям по отношению к себе и своим детям — к убийству и самоубийству. Число этих актов отчаяния достигает ужасающих размеров, особенно во время кризисов. Но это мало волнует господствующие классы. В тех же номерах газеты, где описываются эти факты нужды и отчаяния, помещаются отчеты о шумных празднествах и блестящих официальных церемониях, как будто всюду царят радость и избыток.

Всеобщая нужда и все более тяжелая борьба за существование гонит все большее число женщин и девушек в объятия проституции и разврата. Деморализация, грубость и преступления учащаются, зато процветают тюрь-

мы, которга и так называемые исправительные заведения, которые едва могут вместить всю массу направляемых туда.

Преступления стоят в теснейшей связи с социальным состоянием общества, однако общество не хочет об этом ничего и слышать. Как страус, оно прячет голову в песок, чтобы не видеть обвиняющие его условия жизни и предается самообману, уверяя себя в том, что во всем виноваты лишь «леность» и «праздность» рабочих, а также недостаточная их «религиозность». Это или самый худший самообман, или самое отвратительное лицемерие. Чем неблагоприятнее общественные условия для большинства, тем многочисленнее и тяжелее преступления. Борьба за существование принимает самую грубую и насильственную форму, она порождает состояние, при котором один видит в другом смертельного врага. Общественные связи ослабляются, и люди стоят друг против друга, как враги¹.

Господствующие классы, которые не видят или не хотят видеть основной причины этого положения вещей, пытаются по-своему справиться со злом. Раз возрастают бедность, нужда и, как следствие этого, деморализация и преступления, то не ищут источника зла, чтобы его уничтожить, но наказывают продукты этого состояния. И, чем больше становится зло, чем больше увеличивается число преступников, тем более строгие преследования и наказания считают необходимым применять. Думают, что можно изгнать дьявола Вельзевулом. Профессор Геккель также находит совершенно правильным, чтобы преступления наказывались возможно тяжелее и, в особенности, чтобы чаще применялась смертная казнь². В этом отношении он находится в трогательном согласии с реакционерами всех оттенков, которые всегда являлись его смертельными врагами.

¹ Уже Платон знал следствия подобного состояния. Он писал: «Раз в государстве существуют классы, оно уже не едино; в нем два государства: одно образуют бедные, другое богатые, и те и другие живут вместе, подстерегая друг друга... Господствующий класс в конце концов не в состоянии вести войну, так как он должен тогда пользоваться массой, которой он, раз она вооружена, боится больше, чем врага» (*Платон, Государство*). Аристотель говорит: «Массовое обеднение — бедствие, так как почти никогда невозможно воспрепятствовать, чтобы подобные люди не производили беспорядков» (*Аристотель, Политика*).

² *Natürliche Schöpfungsgeschichte. Vierte, verbesserte Auflage, Berlin 1873, S. 155, 156.*

Геккель полагает, что неисправимые преступники и бездельники должны быть истребляемы, как плевелы, отнимающие у растений свет, воздух и почву. Если бы Геккель занялся и социальной наукою, а не исключительно посвящал себя естествознанию, то он знал бы, что эти преступники могут быть превращены в полезных и нужных членов человеческого общества, если бы общество предоставило им соответствующие условия существования. Он увидел бы, что уничтожение и обезвреживание отдельного преступника так же мало препятствует возникновению новых преступлений, как устранение на пашне плевел не помешает им снова вырасти, если не уничтожены корни и семена. Абсолютно воспрепятствовать образованию в природе вредных организмов человек никогда не будет в состоянии, *но улучшить свою собственную, им самим созданную общественную организацию настолько, чтобы для всех имелись благоприятные условия существования, чтобы каждый получил одинаковую свободу развития, не будучи принужден удовлетворять свой голод, свое стремление к собственности, свое честолюбие за счет других, это возможно.* Изучая причины преступлений и устраняя их, устранят и сами преступления¹.

Те, которые желают устранить преступления, устраняя их причины, не могут, разумеется, сочувственно относиться к насильственным средствам наказания. Они не могут, конечно, воспрепятствовать обществу на свой лад охранять себя от преступников, но тем настоятельнее они требуют основного переустройства общества, то есть устранения причин преступлений.

Связь между социальным строем общества и проступками и преступлениями многократно доказана статистиками и социологами². Одним из самых обычных проступков во время экономического застоя является нищенство, которое наше общество преследует, несмотря на все христианские поучения о благотворительности. И вот статистика королевства Саксонии показывает нам, что в той же степени, в какой возрастал промышленный кризис,

¹ Сходную мысль высказывает Платон в своем «Государстве»: «Причина преступлений лежит в отсутствии образования, в плохом воспитании и плохом устройстве государства». Платон понял, таким образом, сущность общества лучше, чем многие из его ученых последователей двадцать три века спустя. Это не слишком утешительно.

² *M. Sursky, Aus der neuesten Literatur über die wirtschaftlichen Ursachen der Kriminalität, «Neue Zeit», 23. Jahrgang, 2. Band.*

начавшийся в Германии в 1890 году и достигший своей высшей точки в период от 1892 до 1893 года, возрастало и число лиц, наказанных по суду за нищенство. В 1890 году за это преступление было наказано 8815, в 1891 году — 10 075 и в 1892 году — 13 120 человек. То же самое наблюдается и в Австрии, где в 1891 году было осуждено за бродяжничество и нищенство 90 926 лиц, а в 1892 году — 98 998¹. Это — сильное возрастание.

Массовое обеднение на одной стороне, возрастающее обогащение на другой — такова вообще характерная черта нашего времени. Тот факт, что в Соединенных Штатах пять человек — И. Д. Рокфеллер, недавно умерший Гарриман, Д. Пирпонт Морган, В. Н. Вандербильт и Г. Д. Гулд — вместе имели в 1900 году свыше 3200 миллионов марок и их влияние господствует над экономической жизнью Соединенных Штатов и отчасти распространяется и на Европу, показывает нам направление развития, свидетелями которого мы являемся. Во всех культурных странах крупные союзы капиталистов составляют самое знаменательное явление новейшего времени; социально-политическое влияние их становится все более решающим.

¹ См. *H. Herz, Verbrechen und Verbrechertum in Österreich, Tübingen 1908, S. 49.* Автор пишет: «На преступные деяния решающее влияние оказывает существующая экономическая система. Организация производства и потребления, как и распределение экономических благ в различных условиях оказываются определяющими причинами в преступных деяниях».

ПРОЦЕСС КОНЦЕНТРАЦИИ
В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ1. ВЫТЕСНЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ

Капиталистическая система хозяйства господствует не только над социальной, но и над политической организацией; ее влияние и господство распространяются на чувства и мысли общества. Капитализм является руководящей силой. Капиталист — господин и повелитель пролетариев, рабочую силу которых он покупает, как товар, для применения эксплуатации, и при том по цене, высота которой, как и всякого другого товара, колеблется в зависимости от предложения и спроса, а также издержек производства. Но капиталист покупает рабочую силу не «Христа ради» и не для того, чтобы сделать одолжение рабочему, хотя он так и представляет дело, но чтобы получить благодаря труду рабочего прибавочную стоимость, которую он прикарманивает в форме предпринимательской прибыли, процента, арендной платы, земельной ренты. Эта выжатая из рабочих прибавочная стоимость, которая у предпринимателя, поскольку он ее не растрчивает, снова превращается в капитал, дает ему возможность постоянно расширять свое предприятие, улучшать процесс производства и вводить в действие новую рабочую силу. Поэтому он может снова выступать против своих слабейших конкурентов и уничтожать их, как закованный в латы рыцарь поступает с безоружным пешеходом.

Эта неравная борьба все более развивается во всех областях, и женщина, как наиболее дешевая рабочая сила после рабочей силы подростков и детей, играет в ней все более важную роль. Следствием такого положения вещей является все более резкое разделение общества на сравнительно небольшое число могущественных капиталистов и огромную массу лишенных капитала и принужденных ежедневно продавать свою рабочую силу неимущих. Среднее сословие ставится этим развитием во все более и более сомнительное положение. Отрасли труда, где до сих пор еще господствовало мелкое ремесло, одна за дру-

гой захватываются капиталистическим производством. Под влиянием конкуренции капиталисты вынуждены выискивать все новые области для своей эксплуатации. Капитал бродит, «как рыкающий лев, и ищет, кого бы ему проглотить». Мелкие и более слабые существа уничтожаются, и если им не удастся спастись в другую область, что становится все труднее и невозможнее, то они низводятся до положения наемных рабочих или условий жизни Катилины¹. Все попытки воспрепятствовать падению ремесла и среднего сословия законами и учреждениями, которые могли быть заимствованы только из архивов прошлых времен, оказываются недействительными; они могут того или другого на короткое время ввести в заблуждение относительно его положения, но скоро иллюзия исчезает перед силою фактов действительности. Процесс поглощения мелких предприятий крупными выступает с силою и беспощадностью закона природы; его каждый может видеть и осязать.

Как изменилась социальная структура Германии за короткий период в 25 лет — с 1882 года по 1895 год и с 1895 года по 1907 год, — можно судить, сравнив результаты промышленных переписей вышеуказанных лет.

Было занято:

	Работающих в главной профессии				
	1882 г.	1895 г.	1907 г.	прирост или убыль с 1882 г.	%
Сельское хозяйство	8 236 496	8 292 692	9 883 257	+ 1 646 761	=19,99
Промышленность	6 396 465	8 281 220	11 256 254	+ 4 859 789	=75,98
Торговля и транспорт	1 570 318	2 338 511	3 477 626	+1 907 308	=121,46
Домашняя служба	397 582	432 491	471 695	+ 74 113	=18,63
Общественная служба и свободные профессии . . .	1 031 147	1 425 961	1 738 530	+ 707 383	=68,56
Без профессии . .	1 354 486	2 142 808	3 404 983	+2 050 497	=151,40
Всего	18 986 494	22 913 683	30 232 345	+11 245 851	=53,95

¹ Катилина (108—62 годы до нашей эры) — политический деятель Древнего Рима периода кризиса республики. Организовал ряд неудачных заговоров против Римской республики. — *Ред.*

Занятых в тех же отраслях вместе с членами семьи:

	1882 г.	1895 г.	1907 г.	Прирост или убыль с 1882 г.	%
Сельское хозяйст- во	19 225 455	18 501 307	17 681 176	— 1 544 279	=18, 18
Промышленность	16 058 080	20 253 241	26 386 537	+10 328 457	=64, 25
Торговля и транс- порт	4 531 080	5 966 846	8 278 239	+ 3 747 159	=82, 69
Домашняя служба	938 294	886 807	792 748	— 145 546	=15, 57
Общественная слу- жба и свободные профессии . . .	2 222 982	2 835 014	3 407 126	+ 1 184 144	=53, 33
Без профессии . .	2 246 222	3 327 069	5 174 703	+2 928 481	=130, 36
В с е г о	45 222 113	51 770 284	61 720 529	+16 498 416	=34, 27
Прислуга	1 324 924	1 339 318	1 264 755	— 60 169	= 4, 53

Эти цифры показывают, что в течение упомянутых двадцати пяти лет произошло сильное перемещение населения и его занятости. Население, работающее в промышленности, торговле и транспорте, увеличилось за счет сельскохозяйственного населения; почти весь прирост населения — 6 548 171 человек с 1882 по 1895 год и 9 950 245 человек с 1895 по 1907 год — выпал на долю населения, работающего в промышленности. Правда, число занятых в сельском хозяйстве как главной профессии возросло на 1 646 761 человек, но оно далеко отстало от прироста всего населения, а число членов семей этой категории понизилось даже на 1 544 279 человек, что составляет 8 процентов.

Совсем иначе обстоит дело в промышленности (включая горное дело и строительство), торговле и на транспорте. Здесь число как работающих, так и членов их семей значительно повысилось; при этом относительный рост населения среди этих категорий выше роста всего населения. Число занятых в промышленности, которое уже в 1895 году достигло числа занятых в сельском хозяйстве, в настоящее время превысило число занятых в сельском хозяйстве на 1 372 997 человек, или на 15 процентов. Но если учитывать работающих вместе с членами их семей, то тогда число занятых в промышленности превышает число занятых в сельском хозяйстве на 8 705 361 человек, или

на 49 процентов (в 1895 году — на 1 751 934 человека). Еще большее возрастание показывает число работающих и членов их семей, занятых в торговле и на транспорте.

Таким образом, сельскохозяйственное население, то есть, собственно говоря, консервативная часть населения, составляющая главную опору старого порядка, все более оттесняется назад и быстро обгоняется населением, занятым в промышленности, торговле и транспорте. Значительный рост лиц, занятых на общественной службе, и лиц свободных профессий вместе с членами их семей, наблюдаемый с 1882 года, ничего не изменяет в этом факте. Кроме того, необходимо отметить, что число лиц, занятых в этой профессии, в приведенном подсчете претерпело сокращение, конечно, только относительное; в 1895 году, точно так же как и в 1907 году, продолжается их увеличение, хотя и гораздо меньшее — с 1882 по 1895 год на 38,29 процента, а с 1895 по 1907 год — только на 21,96 процента. Сильное возрастание лиц без профессий и членов их семей объясняется увеличением числа пенсионеров, в том числе получающих пенсии вследствие увечья, немощности и старости, а также большим числом тех, кто получает общественные пособия: всякого рода учащихся, лиц находящихся в богадельнях, домах для сумасшедших, тюрьмах и т. д.

Характерна незначительность прироста лиц, находящихся на домашней службе, и прямая убыль прислуги, что свидетельствует, во-первых, о том, что относительно сокращается число тех, средства которых позволяют содержать прислугу, и, во-вторых, что эта профессия среди пролетарских женщин, стремящихся к личной независимости, становится все менее любимой.

По отношению ко всем работающим число лиц, занятых сельским хозяйством как главной профессией, в 1882 году составляло в процентах 43,38, в 1895 году — 36,19, а в 1907 году — только 32,69; число всего сельскохозяйственного населения в 1882 году составляло в процентах к населению 42,51, в 1895 году — 35,74, а в 1907 году — не больше 28,65; напротив, число лиц, работающих в промышленности, составляло в процентах в 1882 году 33,69, в 1895 году — 36,14, а в 1907 году — 37,23. Вместе с членами своих семей они составляли в 1882 году 35,51 процента, в 1895 году — 39,12, а в 1907 году — уже 42,75 процента. Для лиц, занятых в торговле и на транспорте, и членов их семей соответствующие цифры составляли:

	1882 г.	1895 г.	1907 г.
С членами семьи	10,02	11,52	13,41
Без членов семьи	8,27	10,21	11,50

2. ПРОГРЕССИРУЮЩАЯ ПРОЛЕТАРИЗАЦИЯ. ГОСПОДСТВО КРУПНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Важно также установить, как подразделяется работающее население на категории самостоятельных служащих и рабочих и в каждой из этих категорий — по полу. Соответствующие данные видны из таблицы, приводимой на стр. 387.

Эти данные свидетельствуют о том, что в сельском хозяйстве число самостоятельных возросло с 1882 до 1895 года на 280 692 человека, что составляет 12,5 процента, но с 1895 до 1907 года оно снова уменьшилось на 67 751 человека, так что по сравнению с 1882 годом прирост числа самостоятельных составил только 212 941 человек, или 9,2 процента. Напротив, число рабочих, сократившееся с 1882 до 1895 года на 254 025 человек — 4,3 процента, — с 1895 года поднялось на 1 655 677 человек, или на 29,4 процента. Если мы более внимательно рассмотрим этот прирост, то увидим, что его главным образом следует приписать увеличению числа работающих в производстве членов семьи женского пола. (Это увеличение составлялось из 170 532 лиц мужского пола и 1 820 398 — женского пола, всего из 1 990 930 человек.) Если мы примем во внимание сельскохозяйственную поденную работу и прислугу, то уменьшение числа рабочих-мужчин составит 381 195 человек, а увеличение числа женщин — 45 942, что в общей сложности дает значительную убыль числа сельскохозяйственных рабочих на 335 253 человека. В сельском хозяйстве, таким образом, понизилось не только число самостоятельных служащих и рабочих, но и число поденщиков и прислуги.

Повышение общего количества людей, занятых в сельском хозяйстве по сравнению с предшествующим периодом, следует отнести за счет значительного увеличения работающих членов семьи, особенно женского пола.

	Самостоятельные			Служащие			Рабочие		
	1882 г.	1895 г.	1907 г.	1882 г.	1895 г.	1907 г.	1882 г.	1895 г.	1907 г.
	Сельское хозяйство { мужчин женщин	2 010 865 277 168	2 221 826 346 899	2 172 740 328 234	60 763 5 881	78 066 18 107	82 548 16 264	3 629 959 2 251 860	3 239 646 2 388 148
Всего	2 288 033	2 568 725	2 500 974	66 644	96 173	98 812	5 881 819	5 627 794	7 283 471
Промышленность { мужчин женщин	1 621 668 579 478	1 542 272 519 492	1 499 832 477 290	96 807 2 269	254 421 9 324	622 071 63 936	3 551 014 545 229	4 963 409 992 302	7 030 427 1 562 698
Всего	2 201 146	2 061 764	1 977 122	99 076	263 745	686 007	4 096 243	5 955 711	8 593 125
Торговля { мужчин женщин	550 936 150 572	640 941 202 616	765 551 246 641	138 387 3 161	249 920 11 987	426 220 79 689	582 885 144 377	836 042 365 005	1 354 482 605 043
Всего	701 508	843 557	1 012 192	141 548	261 907	505 909	727 262	1 201 047	1 959 525
Всего { мужчин женщин	4 183 469 1 007 218	4 405 039 1 069 007	4 338 123 1 052 165	295 957 11 311	582 407 39 418	1 130 839 159 889	7 763 858 2 941 466	9 071 097 3 745 455	13 694 160 4 161 961
Вместе	5 190 687	5 474 046	5 490 288	307 268	621 825	1 290 728	10 705 324	12 816 552	17 836 121

Совершенно иное мы видим в промышленности. Здесь за 25 лет число самостоятельных категорий работников понизилось на 234 024 человека, что составляет 10,6 процента (с 1882 по 1895 год — на 139 382 — 5,2 процента), в то время как общее количество населения возросло на 36,48 процента (с 1882 по 1895 год — на 14,48 процента). При этом сократилось количество одиночных ремесленников и ремесленников, работающих с двумя помощниками. Число рабочих с 1882 по 1895 год увеличилось на 1 859 468 человек, а с 1895 по 1907 год — еще на 2 637 414 человек. Если мы будем говорить даже только о рабочих в собственном смысле (то есть исключая помогающих членов их семей), то число их возросло с 5 899 708 в 1895 году до 8 460 338 в 1907 году. $\frac{3}{4}$ всех лиц, работающих в промышленности, составляют рабочие (75,16 процента).

Обратное отношение наблюдается в торговле и транспорте, где количество самостоятельных возросло, но вместе с тем, так же как и в промышленности, значительно возросло и количество служащих и рабочих. В торговле среди самостоятельных особенно возросло число женщин; это — или вдовы, которые пытаются пробиться с помощью мелкой торговли, или жены, стремящиеся этим путем увеличить доход мужа. Число самостоятельных (в торговле и на транспорте) возросло с 1882 по 1907 год на 310 584 человека, или на 44,3 процента, однако число служащих и рабочих возросло еще сильнее (на 364 361 — 258,8 процента — и на 1 232 263 — 169,4 процента). Это поразительный показатель того, как необычайно сильно развивалась крупная торговля, в особенности с 1895 до 1907 года. Число служащих за это время почти удвоилось, а среди них число женщин-служащих возросло в шесть раз.

В общем число самостоятельных поднялось с 1882 по 1907 год во всех трех категориях на 5,7 процента; таким образом, оно значительно отстало от роста населения (36,48 процента); напротив, число служащих повысилось на 325,4 процента; и это говорит за то, что быстро развивающаяся во всех отраслях производства крупная промышленность нуждалась в служащих; число рабочих возросло на 39,1 процента. К тому же следует иметь в виду, что среди 5 490 288 самостоятельных находится очень большое число лиц, ведущих чисто пролетарское существование. Так, например, среди 2 086 368 предприятий в промышленности имелось не менее 994 743 предприятий, об-

служиваемых одним лицом, и 875 518 предприятий, имевших не более пяти помощников. В торговле в 1907 году среди 709 231 главных предприятий не менее 232 780 велись единолично; далее, среди самостоятельных в торговле и транспорте было 35 306 предприятий, обслуживаемых одним лицом, 5240 служащих, тысячи страховых агентов, рассыльных и проч.

Кроме того, надо принять во внимание, что во всех трех категориях число самостоятельных не совпадает с числом предприятий. Если, например, владелец фирмы имеет десятки филиалов, что бывает в табачной торговле, или если у потребительного общества имеется несколько лавок, то каждое отделение считается как особое предприятие. То же самое надо сказать и о промышленных предприятиях: например, если машиностроительный завод имеет также литейную, столярную мастерскую и т. д. Приведенные цифры не дают, таким образом, точных данных о концентрации предприятий, с одной стороны, и условий их существования — с другой.

И все-таки, несмотря на все эти недостатки, данные новейшей промышленной переписи 12 июня 1907 года рисуют картину громадной концентрации и централизации капитала в промышленности, торговле и на транспорте. Они показывают, что наряду со все усиливающейся индустриализацией всей хозяйственной системы гигантскими шагами идет концентрация всех средств производства в немногих руках.

Самостоятельных ремесленников, работающих в одиночку, которых еще в 1882 году было 1 877 872, в 1895 уже насчитывали 1 714 351 человек, а в 1907 — уже только 1 446 286, сокращение на 431 586 человек, или на 22,9 процента. Доля мелких предприятий сильно сокращалась от переписи к переписи. В 1882 году она составляла 59,1 процента, в 1895 году — 46,5, а в 1907 году — только 37,3 процента всех лиц, занятых в производстве. Обратный процесс наблюдается в крупной промышленности, которая с 22 процентов поднялась до 29,6, а в 1907 году — до 37,3 процента.

Чем крупнее предприятие, тем быстрее его рост. С 1895 по 1907 год прирост личного состава мелких предприятий составлял 12,2 процента, средних предприятий — 48,5, а крупных — 75,7 процента. В 1907 году крупные предприятия, в которых было занято 5 350 025 человек, стали

самой крупной группой, в то время как еще в 1882 году число лиц, занятых в крупной промышленности, было значительно меньше, чем в предприятиях, обслуживаемых единолично.

В семи отраслях производства крупные предприятия, имевшие более половины работающих в данной отрасли, заняли господствующее положение. Так, на каждые 100 человек работающих приходилось на крупные предприятия (в %):

в горной промышленности	96,6
» машиностроении	70,4
» химической промышленности	69,8
» текстильной промышленности	67,5
» бумажной промышленности	58,4
» промышленности по обработке камня и земли	52,5
» промышленности по производству мыла, жи- ров и масла	52,3

В других отраслях крупное производство заняло преобладающее место уже в 1895 году, но его значение повсюду еще более возросло (в обработке металлов — 47 процентов всех занятых в производстве лиц, в полиграфической промышленности — 43,8, в транспортной — 41,6, в строительном деле — 40,5 процента. Почти во всех отраслях производства развитие крупной промышленности шло при этом весьма успешно.

Концентрация производства и — что то же самое — концентрация капитала совершаются особенно быстро там, где капиталистическое производство достигло полного господства. Возьмем, например, пивоварение. В германских областях, где имеется налог на пиво, за исключением Баварии, Вюртемберга, Бадена, Эльзас-Лотарингии, было:

Годы	Всех пивоварен	В том числе пивоваренных заводов	Производство пива (в тыс. гектолитров)
1873	13 561	10 927	19 655
1880	11 564	10 374	21 136
1890	8 969	8 054	32 279
1900	6 903	6 283	44 734
1905	5 995	5 602	46 264
1906	5 785	5 423	45 867
1907	5 528	5 251	46 355

Число действовавших пивоварен сократилось, таким образом, с 1873 по 1907 год на 8033—59,3 процента, — число пивоваренных; заводов уменьшилось на 5 676, или на 51,9 процента. Вместе с тем производство пива увеличилось на 26 700 тысяч гектолитров — 135,7 процента. Это означает полное падение мелких и средних предприятий и огромный рост крупных предприятий, производительная способность которых увеличилась во много раз: в 1873 году одна пивоварня изготовляла 1450 гектолитров, в 1907 году — 8355 гектолитров! И так происходит всюду, где капитализм занял господствующее положение. В Австрии в 1876 году было 2248 пивоварен, изготовляющих 11 671 278 гектолитров пива, а в 1904/05 году их было только 1285, но производили они 19 098 540 гектолитров пива.

Также же результаты показывает развитие германской каменноугольной промышленности и вообще горной промышленности германской империи. В первой из них в 1871—1875 годах имелось в среднем 623 главных предприятия, в 1889 году их число сократилось до 406, но одновременно производство поднялось с 34 485 400 *т* до 67 342 200 *т*, а среднее число рабочих возросло с 172 074 до 239 954 человек.

Следующая таблица иллюстрирует этот процесс концентрации в области добычи каменного и бурого угля до 1907 года.

Годы	Каменный уголь			Бурый уголь		
	количество главных предприятий	среднее число рабочих	производительность (в тыс. т)	количество главных предприятий	среднее число рабочих	производительность (в тыс. т)
1900	338	413 693	109 290,2	569	50 911	40 498,0
1905	331	493 308	121 298,6	533	54 969	52 512,1
1906	322	511 108	137 117,9	536	58 637	56 419,6
1907	313	545 330	143 185,7	535	66 462	62 546,7

В каменноугольной промышленности, таким образом, с семидесятих годов число предприятий уменьшилось на

49,8 процента, число же рабочих увеличилось на 216,9 процента, а продукция возросла даже на 420,6 процента.

Во всей горной промышленности было:

Годы	Число главных предприятий	Среднее число рабочих	Производительность (в тыс. т)
1871—1875	3 034	277 878	51 056,0
1887	2 146	337 634	88 873,0
1889	1 962	368 896	99 414,0
1905	1 862	661 310	205 592,6
1906	1 862	688 853	229 146,1
1907	1 958	734 903	242 615,2

Тут, таким образом, количество предприятий уменьшилось на 35,5 процента, между тем как число рабочих увеличилось на 164,4 процента, а продукция — на 374,5 процента.

Меньшему, но значительно более богатому числу предпринимателей противостояло значительно возросшее количество пролетариев. В 1871—1875 годах на одно предприятие приходилось в среднем 92 рабочих, в 1887 году — 160, в 1907 году — 307, несмотря на то что число предприятий увеличилось с 1862 в 1906 году до 1958 в 1907 году!

«В Рейнско-Вестфальском промышленном районе в 1907 году было еще 156 предприятий, но только 34 из них (21,8 процента) извлекали больше 50 процентов общей добычи угля. Хотя промышленная статистика насчитывала еще 156 рудников, но угольный синдикат, к которому присоединились, за малыми исключениями, все предприятия, насчитывал только 76 членов — так далеко пошла концентрация предприятий. По подсчету, сделанному в феврале 1908 года, участие угольного синдиката в добыче выразилось цифрой 77,9 миллиона т угля»¹.

В 1871 году было 306 доменных печей с 23 191 рабочим, которые производили в общем 1 563 682 т чугуна, а в 1907 году 303 доменные печи с 45 201 рабочим добывали

¹ *Otto Huè*, Entwicklungsgeschichtliches über die Montanindustrie, «Neue Zeit», 27. Jahrgang, 1. Band, S. 665.

уже 12 875 200 *m*; на каждую доменную печь в 1871 году приходилось 5110 *m*, а в 1907 году — 42 491 *m*! «По сведениям, опубликованным в «Stahl und Eisen» в марте 1896 года только один завод «Gutehoffnungshütte» в Обергаузене мог довести производство чугуна до 820 *m* в 24 часа. Но уже в 1907 году имелось 12 заводов, которые могли в течение 24 часов давать больше 1 тысячи *m*»¹.

В 1871/72 году 311 свеклосахарных заводов перерабатывали 2 250 918 *m* свекловицы, а в 1907/08 году 365 заводов перерабатывали 13 482 750 *m*. Средняя производительность по переработке свекловицы выражалась в 1871/72 году в 7237 *m* на одну фабрику, в 1907/08 году — уже в 36 939 *m*! Сахара получено в 1871/72 году 186 441 *m* — 8,28 процента переработанной свекловицы, а в 1907/08 году — 2 017 071 *m* — 14,96 процента.

И эта техническая революция совершается не только в промышленности, но и в средствах сообщения. Немецкий торговый флот на море имел:

Годы	Парусные суда	Вместимость (в <i>m</i>)	Численность экипажа
1871	4 372	900 361	34 739
1901	2 270	525 140	12 922
1905	2 294	493 644	12 914
1908	2 345	433 749	12 800
1909	2 361	416 514	12 844
Меньше, чем в 1871 г.	2 011	483 847	21 895

Парусное судоходство, таким образом, значительно уменьшается; но, поскольку оно еще существует, *вместимость судов и численность экипажа уменьшается*. В 1871 году на одно парусное судно приходилось 205,9 *m* вместимости, а количественный состав экипажа выражался числом 7,9; в 1909 году средняя вместимость = 176,4 *m*, а среднее число состава экипажа = 5,7. Другую картину представляет германское пароходство на море.

¹ Otto Hue, S. 666.

Германия имела:

В годы	Пароходы	Вместимость (в т)	Численность экипажа
1871	147	81 994	4 736
1901	1 390	1 347 875	36 801
1905	1 657	1 774 072	46 747
1908	1 922	2 256 783	57 995
1909	1 953	2 302 910	58 451
<hr/>			
Больше, чем в 1871 г.	1 806	2 221 006	53 715

Таким образом, значительно возросло число пароходов и еще больше возросла их вместимость, но численность команды относительно сократилась. В 1871 году средняя вместимость парохода составляла 558 т, а среднее число экипажа = 32,1. В 1909 году средняя вместимость составляла 1230 т, а среднее число экипажа — 29 человек.

О капиталистическом развитии нашей экономической системы свидетельствует быстрое возрастание механизации. По данным Вибана, в районе таможенного союза в 1861 году в промышленности применялось машин мощностью 99 761 лошадиных сил¹. В 1875 году в Германии на предприятиях, где занято было более пяти лиц, применялось 1 055 750 лошадиных сил, и притом в 25 152 случаях; в 1895 году — 2 938 526 лошадиных сил, почти в 3 раза больше, — в 60 176 случаях. Железнодорожные и трамвайные предприятия, а также судоходство сюда не включены.

В Пруссии мощность машин в лошадиных силах составляла:

Годы	Неподвижные паровые машины	Подвижные паровые котлы и локомотивы	Годы	Неподвижные паровые машины	Подвижные паровые котлы и локомотивы
1879	888 000	47 000	1905	4 684 900	315 200
1896	2 534 900	159 400	1906	4 995 700	334 400
1900	3 461 700	229 600	1907	5 190 400	363 200

¹ А. Hesse, Gewerbestatistik, Jena 1909, S. 168.

Таким образом, используемые мощности увеличились в Пруссии с 1879 до 1907 года почти в шесть раз! Какие огромные успехи сделало развитие промышленности после переписи 1895 года, видно из того, что в Пруссии число неподвижных паровых машин возросло с 1896 до 1907 года на 35 процентов, а общая производительность этих машин увеличилась даже на 105 процентов. Если в 1898 году имелось 3305 паровых машин мощностью в 258 726 лошадиных сил, служивших для приведения в действие динамо, то в 1907 году таких паровых машин было уже 6191 мощностью в 954 945 лошадиных сил. Это увеличение на 87 и 269 процентов ¹.

Отрасли промышленности	1879 г.	1897 г.	1907 г.
Горнозаводское дело . . .	516 000	1 430 000	2 284 000
Камни и кирпич	29 000	132 000	255 000
Обработка металлов . . .	23 000	57 000	113 000
Машины	22 000	61 000	329 000
Текстильная промышленность	88 000	243 000	323 000 *

Несмотря на наличие этого поразительного развития производительных сил и огромной концентрации капитала, пытаются все же неправильно объяснять эти факты. Одну из таких попыток предпринял французский экономист Ив Гюйо на XI съезде международного статистического института в Копенгагене (август 1907 года). Опираясь на поверхностную статистику, он предложил устранить из статистики слово «концентрация». Среди других ему отвечал Карл Бюхер: «Абсолютное увеличение числа предприятий можно очень хорошо сопоставить с большой концентрацией последних. Но теперь повсюду, где осуществляется увеличение предприятия, неизбежно двойное исчисление; банк, имеющий 100 депозитных касс будет исчисляться как 101 предприятие, и одна пивоварня, снабжающая владельцев 50 пивных помещением и инвентарем,

¹ A. Hesse, *Gewerbestatistik*, S. 163—164.

² Professor Dr. S. Reyer Kraft, *Ökonomische, technische und kulturgeschichtliche Studien über die Machtenfaltung der Staaten*, Leipzig, 1908, S. 348.

считается за 51 предприятие. Результаты такой статистики ничего не доказывают в изучаемом явлении.

Согласно исследованиям последнего времени, процессу концентрации не подверглось, кажется, только сельское хозяйство; в области горного дела, торговли, транспорта, страхования, строительства этот процесс очевиден, в области промышленности его легче обнаружить потому, что каждый быстро развивающийся народ должен показать расширение своего промышленного производства по четырем причинам:

1) вследствие перехода к промышленности функций прежнего домашнего хозяйства; 2) вследствие замены в снабжении натуральных продуктов промышленными продуктами (вместо дерева железо, вместо вайды, краина и индиго смольные краски и т. д.); 3) вследствие новых изобретений (автомобиль); 4) вследствие возможности экспорта. Поэтому именно здесь наблюдается концентрация производства в самом большом объеме без уменьшения числа предприятий и даже при увеличении их. Повсюду, где промышленность производит товары массового потребления, неизбежно уничтожение самостоятельных мелких предприятий. Таким образом, капиталистические формы производства быстрыми темпами охватывают важнейшие отрасли хозяйства. Было бы неразумно социалистам бороться против того, что они считают правильным, а в утверждении о возрастающей концентрации они, несомненно, правы»¹.

Ту же картину, какую представляет экономическое развитие Германии, мы встречаем во всех промышленных странах мира. Все культурные государства стремятся стать наиболее промышленно развитыми государствами, они хотят производить промышленные товары не только для своего потребления, но и для вывоза. Поэтому говорят не только о национальном хозяйстве, но и о мировом хозяйстве. Мировой рынок регулирует цены на бесчисленное количество промышленных и сельскохозяйственных продуктов и определяет социальное положение каждого народа.

Североамериканский союз становится той производительной областью, которая приобретает решающее значе-

¹ «Bulletin de l'institut international de statistique», 17. Band, Kopenhagen 1908, p. 183 — 184.

ние на мировом рынке. Переписи последних трех десятилетий дали следующие итоги.

Капитал, вложенный в промышленность, составлял (в млн. долл.):

1880 г.	2 790
1890 г.	6 525
1900 г.	9 813

Стоимость промышленных продуктов составляла (в млн. долл.):

1880 г.	5 369
1890 г.	9 372
1900 г.	13 000

Соединенные Штаты, как промышленное государство, стоят, таким образом, в настоящее время во главе мира. Их вывоз, как промышленных, так и сельскохозяйственных продуктов, возрастает из года в год, и огромные накопленные капиталы, как следствие этого развития, ищут себе применения за пределами страны и сильнее всего влияют на развитие промышленности и транспорта в Европе. Это развитие направляет уже не отдельный капиталист, а союзы капиталистов и предпринимателей, коалиции капиталистов, которые повсюду, куда они ни устремляются, уничтожают самых сильных частных предпринимателей. Что может сделать против подобной силы средний и мелкий предприниматель, если даже крупный должен свернуть паруса?

3. КОНЦЕНТРАЦИЯ БОГАТСТВА

Существует экономический закон, по которому концентрация предприятий и повышение производительности труда относительно уменьшают число рабочих. Богатство же, напротив, концентрируется в процентном отношении ко всему населению в руках немногих.

Это иллюстрируется лучше всего распределением дохода в разных культурных странах.

Из всех крупных немецких государств Саксония располагает самой старой и сравнительно самой лучшей статистикой подоходных налогов. Соответствующий закон применяется с 1879 года. Но лучше взять позднейший год,

так как в первые годы доходы в среднем приняты слишком низкими. Население Саксонии с 1880 по 1905 год возросло на 51 процент. Число лиц с «оцененным» доходом поднялось с 1882 по 1904 год на 160 процентов, общий же их доход, подлежащий обложению, — на 23 процента. До начала девяностых годов освобождались от налога доходы ниже 300 марок, позднее освобождались от налога доходы ниже 400 марок. В 1882 году число лиц, освобожденных от налога, составило 75 697 человек, или 6,61 процента всех подлежащих оценке, а в 1904 году их было уже 205 667, или 11,03 процента. Необходимо принять во внимание, что в Саксонии в подоходно-налоговой статистике к доходу мужа или вообще главы семейства причисляется доход жены и членов семьи моложе 16 лет.

Число плательщиков налогов с доходом от 400 до 800 марок составляло в 1882 году 48 процентов всех внесенных в списки, а в 1904 году — лишь 43,81 процента; часть их, таким образом, перешла в высшие подоходные группы. Средний доход налогоплательщиков этой группы повысился за это время с 421 марки до 582 марок, или на 37 процентов, но не достиг среднего дохода в 600 марок. Общее число налогоплательщиков с доходом от 800 до 1250 марок составило в 1882 году 12 процентов внесенных в списки; в 1904 году они составляли 24,38 процента внесенных в списки, число налогоплательщиков с доходом от 1250 до 3300 (с 1895 года до 3400 марок) марок составило в 1882 году 20 процентов, а в 1904 году — только 16,74 процента внесенных в списки. В 1882 году доход ниже 3300 марок имели 97,60 процента всех плательщиков, в 1904 году доход ниже 3400 марок имели 95,96 процента налогоплательщиков. Если вспомнить, что, по вычислению Лас-саля, в 1863 году доходы в Пруссии свыше 3 тысяч марок составляли 4 процента всех доходов и что в то же время ценность денег упала, а квартирная плата, налоги и цены на большую часть жизненных продуктов поднялись и требования к жизненным условиям возросли, то положение огромной массы вряд ли относительно улучшилось.

Средние доходы от 3400 до 10 тысяч марок составили в 1904 году только 3,24 процента налогоплательщиков, а доходы свыше 10 тысяч марок — менее чем один процент (0,80). Число налогоплательщиков с доходом от 12 тысяч до 20 тысяч марок составило 0,80 процента. Число лиц с доходом свыше 12 тысяч марок возросло с 4124 в 1882 году

до 11 771 в 1904 году, или на 188 процентов. Высший доход составлял в 1882 году 2570 тысяч марок, а в 1906 году — 5 900 600 марок. Из этого вытекает, что хотя низшие доходы и повысились, но вследствие повысившихся цен фактически они остались на прежнем уровне; на долю средних классов выпало относительно очень незначительное улучшение, тогда как число и доходы самых богатых людей возросли немало. Таким образом, классовые противоречия обострились.

В своих исследованиях о распределении национального дохода в Пруссии с 1882 до 1902 года профессор Адольф Вагнер приходит к следующим результатам. Он делит население Пруссии на 3 большие группы: 1) низшую группу (unterstand) (низший доход до 420 марок, средний — от 420 до 900, высший — от 900 до 2100 марок); среднюю группу (mittelstand) (низший доход от 2100 до 3 тысяч, средний — от 3 тысяч до 6 тысяч и высший — от 6 тысяч до 9500 марок); высшую группу (oberstand) (низший доход от 9500 до 30 500, средний — от 30 500 до 100 тысяч и высший — доход, превышающий 100 тысяч марок). Общий доход делится на почти равные части между этими тремя группами. 3,51 процента высшего сословия располагают 32,1 процента общего дохода; низшее сословие, включающее 70,66 процента освобожденных от налога, располагает также доходом, составляющим 32,9 процента общего дохода; 25,83 процента среднего сословия располагают 34,9 процента общего дохода. Если взять только подлежащие обложению доходы, то окажется, что на плательщиков, имеющих от 900 до 3 тысяч марок дохода и составляющих в 1892 году 86,99 процента, а в 1902 году 88,04 процента всех плательщиков, падает немного более половины подлежащих обложению доходов, а именно: 51,05 процента в 1892 году и 52,1 процента в 1902 году. На доходы выше 3 тысяч марок, которые составляют от 12 до 13 процентов всех плательщиков, приходилось приблизительно в 1892 году 49, а в 1902—48 процентов общего дохода, подлежащего обложению. Средний доход мелких плательщиков для всей Пруссии доходил в 1892 году до 1374, в 1902—до 1348 марок, сократившись, таким образом, на 1,89 процента. Напротив, средний доход крупных плательщиков повысился с 8811 марок в 1892 году до 9118 марок в 1902 году, то есть на 3,48 процента. На высшее сословие, составлявшее в 1892 году только 0,5 процента, а

в 1902 году — 0,63 процента общего количества плательщиков, приходилось в 1892 году 15,95 процента, а в 1902 году 18,37 процента всего дохода. Слабее всего идет рост доходов у низших и средних слоев средней группы, несколько сильнее у высшего слоя нижней группы, а наиболее сильно, с увеличением дохода от группы к группе, — у высшего слоя средней группы и целиком у всей *высшей группы*. Чем больше доход плательщиков одной группы, чем они богаче, тем более возрастает относительно их число. И все более увеличивается количество плательщиков с более высокими и наивысшими доходами, но сами доходы их в среднем также постоянно возрастают. Другими словами, происходит все возрастающая концентрация доходов не только у отдельных особенно богатых людей, но и у известного числа сильно разбогатевших лиц, представляющих и абсолютно и относительно только незначительную группу, включающую экономически могущественную прослойку.

«Из этого следует вывод, что современное хозяйственное развитие пошло на пользу всему народу, увеличивая количество членов каждого социально-экономического класса и повышая его доход, но в весьма неравной степени: больше всего это развитие пошло на пользу богатейшим и низшим классам и меньше всего средним. Между тем увеличились и социальные и классовые различия, поскольку они покоятся на величине дохода»¹.

По налоговому обложению 1908 года в Пруссии было 104 994 плательщика с доходом выше 9500 марок и имеющих общий доход 3 123 273 тысячи марок. Из них 3796 имели доходов свыше 100 тысяч марок, общая сумма которых составляла 934 миллиона марок; 77 плательщиков имели каждый более чем 1 миллион дохода; 104 904 плательщика, или 1,78 процента, с доходом более 9500 марок имели такой же доход, как 3 109 540 (52,9 процента) с доходом от 900 до 1350 марок!

В Австрии приходится «на 12—13 процентов плательщиков с доходом от 4 тысяч до 12 тысяч крон круглым счетом 24 процента чистых доходов, подлежащих обложению.

¹ *Adolf Wagner, Zur Methode der Statistik des Volkseinkommens und Volksvermögens und weitere statistische Untersuchungen über die Verteilung des Volkseinkommens in Preußen auf Grund der neuen Einkommenstatistik 1892 bis 1902, «Zeitschrift des königlich preussischen statistischen Landesamtes» 1904.*

Если же взять все доходы до 12 тысяч крон, то на эту группу приходится более 97 процентов плательщиков и 74 процента доходов. На остальные 3 процента плательщиков падает, таким образом, 26 процентов подлежащих обложению доходов»¹. Свободный от налога жизненный минимум выше, чем в Пруссии, — 1200 крон, или 1014 марок. Мелкие плательщики с доходом от 1200 до 4 тысяч крон составляли в 1904 году 84,3 процента всех подлежащих обложению. Богатейших людей с доходом более 200 тысяч крон в 1898 году было 255. В 1904 году их было 307, или 0,032 процента всех плательщиков.

В Великобритании и Ирландии, согласно работе Гионца, половина всего национального дохода (более 16 600 миллионов марок) принадлежит одной девятой части населения. Автор делит население на три группы: богатых с доходом, превышающим 700 фунтов стерлингов (14 тысяч марок), состоятельных с доходом от 160 (3200 марок) до 700 фунтов стерлингов и бедняков с доходом менее 160 фунтов стерлингов (3200 марок).

		С членами семьи	Доход в ф. ст.
Богатые	250 000	1 250 000	585 000 000
Состоятельные	750 000	3 750 000	245 000 000
Бедняки	5 000 000	38 000 000	880 000 000
		43 000 000	1 710 000 000

Таким образом, больше чем треть национального дохода принадлежит меньше чем одной тридцатой части населения. Исследования Бута для Лондона и Роунтри для Йорка доказали, что 30 процентов всего населения всю свою жизнь находятся в когтях постоянной нужды².

Для Франции Левассер на основании статистики наследств дает следующее сопоставление: «²/₅ национального

¹ F. Leiter, Die Verteilung des Einkommens in Österreich, Leipzig 1908, S. 123.

² L. Chiozza, Money Riches and Poverty, London 1908, p. 41—43.

богатства находятся в распоряжении 98 процентов собственников, имеющих меньше 100 тысяч франков; около $\frac{1}{3}$ принадлежит маленькой группе, насчитывающей 1,7 процента, а $\frac{1}{4}$ всего национального богатства составляет долю ничтожного меньшинства в 0,12 процента!»¹

Из этого можно видеть, как велика масса неимущих и как незначителен слой имущих классов.

«Растущее неравенство,— говорит Г. Шмоллер,— неоспоримо. Нет сомнения, что распределение богатства в Средней Европе с 1300 до 1900 года становилось все более неравномерным, в разных странах, конечно, в разной степени. Новейшее развитие с растущими классовыми противоположностями сильно увеличило имущественное неравенство и неравенство в доходах»².

Этот процесс капиталистического развития и концентрации, совершающийся во всех культурных странах при анархии способа производства, которой до сих пор не мог помешать ни один трест, ни один синдикат, необходимо вызывает перепроизводство, приостановку сбыта, а вместе с тем и кризис.

¹ E. Levasseur, p. 617.

² G. Schmoller, Grundriß der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, 2. Band, S. 454, 463.

КРИЗИС И КОНКУРЕНЦИЯ

1 ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ КРИЗИСОВ

Кризис возникает потому, что не существует меркла, по которому можно было бы во всякое время определить действительную потребность в каком-нибудь товаре. В буржуазном обществе не существует власти, могущей регулировать все производство. Во-первых, потребители того или другого товара слишком разбросаны, и на их покупательную способность, от которой зависит масса потребления, влияет множество причин, которые не в состоянии контролировать отдельный производитель. Затем, наряду с отдельным производителем существует много других, и каждый стремится вытеснить всех своих конкурентов, используя все находящиеся в его распоряжении средства: более дешевую цену, рекламу, продолжительный кредит, рассылку коммивояжеров и, наконец, скрытые и коварные нападки на продукты своих конкурентов — средство, применяемое особенно во времена кризисов. Все производство основывается на субъективном исчислении отдельных лиц. Каждый предприниматель, чтобы существовать, должен сбыть определенное количество товаров, но он хочет продать значительно больше, так как от этого зависит не только его доход, но и вероятность восторжествовать над конкурентами и отстоять для себя область сбыта. Раз сбыт обеспечен и даже повысился, предприниматель расширяет еще больше свое предприятие и увеличивает производство. Но в наиболее благоприятные времена не только один, но и все предприниматели стремятся производить как можно больше. Производство сильно превышает потребность. Внезапно проявляется перенасыщение рынка товарами. Сбыт останавливается, цены падают, производство сокращается. Ограничение производства в одной отрасли обуславливает уменьшение рабочих, понижение заработной платы, ограничение потребления. Необходимым следствием является затруднение в производстве

и сбыте продуктов других отраслей. Мелкие ремесленники всякого рода, мелкие торговцы, трактирщики, булочники, мясники и т. д., покупатели которых состоят главным образом из рабочих, теряют возможность сбыта своих товаров и точно так же впадают в нужду.

Каково действие подобного кризиса, показывает перепись безработных, произведенная в конце января 1902 года берлинскими профсоюзами: в Берлине и его предместьях оказалось более 70 тысяч полностью безработных и 60 тысяч частично безработных.

13 февраля 1909 года берлинские профсоюзы произвели новую перепись безработных, которая установила, что число их равняется 106 722 (96 655 мужчин и 14 067 женщин). В Англии насчитывалось в сентябре 1908 года 750 тысяч безработных. Это рабочие, которые хотели работать, но не находили работы в этом лучшем из миров. Можно себе представить печальное социальное положение этих людей!

Теперь одна отрасль промышленности доставляет другой сырье, одна зависит от другой, следовательно, когда под ударом оказывается одна отрасль промышленности, это отражается на других. Круг участвующих и затронутых расширяется. Масса обязательств, данных в надежде на продолжение существовавших благоприятных условий, не может быть выполнена, и это усиливает кризис, возрастающий с каждым месяцем. Масса накопленных товаров, орудий, машин почти теряет ценность. Товары нередко продаются за бесценок. Это выбрасывание за бесценок разоряет часто не только владельцев этих товаров, но и десятки других, которые также принуждены продавать свои товары по ценам ниже издержек производства. Во время кризиса методы производства постоянно улучшаются с целью противостоять возрастающей конкуренции, но это средство таит в себе причину новых кризисов. После нескольких лет кризиса перепроизводство вследствие распродажи продуктов за бесценок, ограничения производства и уничтожения мелких предпринимателей постепенно устраняется, и общество начинает медленно оправляться. Спрос повышается, а вместе с тем тотчас же повышается и производство. Сначала медленно и осторожно, но по мере улучшения положения снова начинают действовать те же стремления. Хотят снова навестать потерянное и спастись прежде, чем разразится новый кризис. Но так как

все предприниматели руководятся таким же рассуждением, так как каждый улучшает средства производства, чтобы *превзойти* другого, то катастрофа вызывается снова еще быстрее и с еще более роковыми последствиями. Бесчисленное множество жизней подбрасывается кверху и падает, как мячики; от этих постоянных перемен получается то ужасное состояние, которое мы переживаем в каждом кризисе. Кризисы учащаются в той же степени, в какой возрастают массовое производство и конкурентная борьба не только между отдельными лицами, но и между целыми нациями. Мелкая борьба за покупателей и крупная борьба за области сбыта становится все более жестокой и завершается в конце концов огромными потерями. Товары и запасы накаплиются при этом в огромных размерах, но масса людей, которая могла бы ими пользоваться, но не имеет возможности их покупать, страдает от голода и нужды.

1901 год и 1907/08 год еще раз доказали справедливость сказанного. После нескольких лет промышленного застоя, во время которого крупнокапиталистическое производство продолжало безостановочно прогрессировать, началось возрастающее движение, немало стимулированное переменами и нововведениями, вызванными требованиями военного и морского ведомств. Во время этого периода стало вырастать бесконечное число новых промышленных предприятий самого различного рода, множество других было увеличено и расширено, чтобы поставить их на ту высоту, какую допускало развитие техники, и повысить их производительную способность. Но в той же мере росло и число предприятий, которые из рук отдельных капиталистов переходили во владение капиталистических товариществ (акционерных обществ), что всегда сопровождалось более или менее значительным увеличением производства. Много тысяч миллионов марок вложены в эти вновь основанные акционерные общества. С другой стороны, капиталисты всех стран стремились создавать национальные и международные союзы. Картели, ринги, тресты вырастали, как грибы, ими устанавливались цены, и производство должно было регулироваться на основании точных статистических данных, чтобы избежать перепроизводства и падения цен. Наступила огромная монополизация целых отраслей промышленности, к выгоде предпринимателей и во вред рабочим и потребителям. Многие

думали, что капитал тем самым овладел средством, которое дает ему возможность распространить свое неограниченное господство на рынке, ко вреду публики и на пользу себе. Но внешний блеск обманчив. Законы капиталистического производства оказываются всегда сильнее, чем самые хитрые представители системы, думающие взять в свои руки руководство ею. Кризис, вопреки всему, наступил, и еще раз оказалось, что самые глубокомысленные исчисления обманчивы и что буржуазному обществу не уйти от своей судьбы.

Капитализм развивается в том же направлении, далее, потому, что он не может выскочить из своей шкуры. Тем способом, каким он должен действовать, уничтожаются все законы буржуазной политической экономии. Свободная конкуренция — эта альфа и омега буржуазного общества — должна поставить самых способных во главе предприятий. Но опыт показывает, что она обычно ставит во главу предприятий лишь самых бессовестных и самых изворотливых. Акционерные общества уничтожают всякую индивидуальность. Картель, трест, ринг идут в этом отношении еще дальше — исчезает не только отдельный предприниматель, как самостоятельная личность, но и акционерное общество становится служебным звеном в цепи, которую держит в своих руках верхушка капиталистов, имеющая своей задачей выжимать прибыли и обдирать публику. Горсть монополистов становится господином общества, она диктует ему цены на товары, она диктует рабочим условия заработка и жизни.

Это развитие показывает, насколько излишним сделался частный предприниматель, и что целью, к которой движется общество, является производство в национальном и интернациональном размерах — с тем, однако, различием, что в конце концов организованное производство и распределение *будет служить не классу капиталистов, как ныне, а всему обществу.*

Изображенная экономическая революция, которую буржуазное общество с необычайною быстротою доводит до высшего пункта ее развития, обостряется все новыми важными явлениями. Если, с одной стороны, Европе с каждым годом все более грозит опасность потерять свои внешние рынки и быть стесненной на своем собственном рынке вследствие быстро возрастающей североамериканской конкуренции, то, с другой стороны, поднимаются враги и на вос-

токе, которые со временем сделают еще более *критическим* экономическое положение мира.

Конкуренция гоняет капиталиста, как говорит Коммунистический Манифест, по всему земному шару. Капиталист ищет все новых рынков сбыта, то есть страны, населению которых он мог бы сбывать свои товары и вызывать у него новые потребности. Одну сторону этого стремления показывает горячность, с которой в последние десятилетия различные государства стремились приобрести колонии, в особенности Германия, которой удалось оккупировать большие области, населенные племенами, стоящими на самой примитивной культурной ступени и имеющими очень мало потребностей в европейских товарах. Другая сторона этого стремления проявляется в перенесении современной капиталистической культуры народам, которые стоят уже на высшей культурной ступени, но которые до сих пор более или менее резко противились современному развитию. Таковы индусы, японцы и в особенности китайцы. Здесь дело идет о странах, которые включают в себя более одной трети населения земного шара, и о таких народах, которые, как это уже показали японцы в войне против России, сами в состоянии развить у себя капиталистический способ производства, если им дан толчок и показан пример. Развитие это притом будет проходить в условиях, которые для передовых народов будут сопровождаться роковыми последствиями. Производительная способность названных народов не вызывает сомнений, но точно так же незначительны и их потребности, чему особенно благоприятствует климат, а также способность приспособляться к новым условиям. Здесь для всего старого мира, в том числе и для Соединенных Штатов, растет экономический конкурент, который докажет несостоятельность капиталистического способа производства на всем земном шаре.

Различные конкурирующие нации, прежде всего Соединенные Штаты, Англия и Германия, стараются опередить друг друга и применяют все средства, чтобы обеспечить себе возможно большую долю в мировом господстве. Борьба за господство на мировом рынке ведет к мировой политике, к вмешательству во все важные международные события, и, чтобы иметь возможность выступать здесь с успехом, прибегают в особенности к морским вооружениям, достигающим небывалых размеров, но благодаря

этому создается новая опасность крупных политических катастроф.

Так вместе с ростом конкуренции в экономической области растет и конкуренция в политической области. Противоречия растут, приобретая международный характер, и вызывают во всех капиталистически развитых государствах одинаковые явления и одинаковую борьбу. И это нездоровое состояние вызывается не только той формой, в которой совершается производство, но и тем способом, каким произведенное распределяется.

2. ПОСРЕДНИЧЕСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ВЗДОРОЖАНИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

В человеческом обществе все индивидуумы связаны между собою тысячью нитей, которые тем многочисленнее, чем выше культурный уровень народа. Если наступает расстройство, то оно чувствуется всеми членами общества. Расстройство в производстве отражается на распределении и потреблении, и наоборот.

Характерным признаком капиталистического производства является концентрация средств производства во все более увеличивающихся производственных помещениях. В распределении замечается обратное течение. Кого уничтожающая конкуренция вытесняет из рядов самостоятельных производителей, тот в девяти случаях из десяти старается втиснуться между производителем и потребителем в качестве продавца, чтобы обеспечить свое существование ¹.

¹ «Упадок древнего ремесла не является единственной причиной несоразмерного роста мелкой торговли. Растущая индустриализация деревни и развитие в ней торговых сношений создают прежде всего, вопреки тенденции к крупным предприятиям, почву и для мелких предприятий. Точно так же и изобретения, создающие новые отрасли промышленности, являются причиной того, что для сбыта этих продуктов возникают новые мелкие предприятия. Больше всего, однако, рост мелкой торговли объясняется тем, что, как делала заключение торгово-промышленная палата в Дрездене в одном из своих отчетов, представленных саксонскому правительству (стр. 18 брошюры «Konsumgenossenschaften und Mittelstandspolitiker»), мелкая торговля сделалась пристанищем для всех тех многочисленных лиц, которые отчаялись найти выход на другом поприще» (*Paul Lange, Detailhandel und Mittelstandspolitik, «Neue Zeit», 25. Jahrgang, 2. Band, S. 695).*

Отсюда бросающееся в глаза увеличение посредников, торговцев, лавочников, разносчиков, деловых посредников, маклеров, агентов, трактирщиков и т. д., как это установлено статистикой. Большинство этих лиц, среди которых особенно широко представлены женщины, владеющие самостоятельными торговыми предприятиями, ведут обыкновенно жизнь, полную забот, и жалкое существование. Многие из них, чтобы как-нибудь прокормиться, вынуждены спекулировать на *самых низких* страстях людей и потворствовать им. Отсюда — чрезмерное развитие рекламы, особенно во всем том, что направлено на удовлетворение жажды наслаждений.

Нельзя отрицать и в высшей степени очень отраднo, что в современном обществе заметно стремление к наслаждению жизнью. Люди начинают понимать, что для того, чтобы быть человеком, *нужно жить по-человечески*, и они стараются удовлетворить эту потребность в таких формах, которые соответствуют их понятию о наслаждении жизнью. В отношении богатства общество сделалось *гораздо аристократичнее*, чем оно было в предыдущие периоды. Между самыми богатыми и самыми бедными расстояние в настоящее время больше, чем когда-нибудь, в своих же идеях и законах общество, наоборот, сделалось более демократичным¹. Массы требуют большего равенства, и они ищут его даже в извращенном виде, так как в своем невежестве еще не знают путей к осуществлению действительного равенства, и стараются подражать стоящим выше, хватаясь за всякое доступное им наслаждение. Все возможные средства возбуждения должны служить этому стремлению, и последствия часто очень печальны. Само по себе вполне законное стремление в массе случаев приводит на ложный путь и даже к преступлению, а общество по-своему выступает против этого, но ничего не изменяет.

Возрастающее число посредников приносит очень много зла. Хотя эти лица большею частью истощают свои силы в работе, тем не менее большинство их представляет

¹ Профессор Адольф Вагнер в первой переработке «Учебника политической экономии» Рауса высказывает сходную мысль. На стр. 361 он говорит: «Социальный вопрос — это осознанное противоречие народнохозяйственного развития и общественного принципа развития свободы и равенства, который является идеалом и осуществляется в политической жизни».

класс паразитов, который работает непродуцительно и точно так же, как класс капиталистов, живет продуктами труда других. Вздорожание продуктов питания — неизбежное следствие промежуточной торговли. Это вздорожание достигает таких размеров, что эти продукты стоят во много раз дороже того, что получает за них производитель¹. Но если значительное вздорожание товаров нежелательно и невозможно, так как тогда сокращается потребление, то вследствие этого товары искусственно ухудшают, прибегают к фальсификации, к неверному весу и мере, чтобы получить прибыль, которой нельзя добиться иным способом. Химик Шевалье сообщает, что среди фальсификаций различного рода продуктов питания ему известны для кофе 32 способа, для вина — 30, шоколада — 28, муки — 24, водки — 23, хлеба — 20, молока — 19, масла — 10, оливкового масла — 9, сахара — 6 и т. д. Главный обман совершается при продаже заранее развешенных товаров в мелочных лавках; часто вместо килограмма отпускают 900 или 950 граммов и стараются таким образом вдвойне получить за уступку в цене. Больше всего страдают при этом рабочие и вообще бедные люди, которые берут товар в кредит и потому должны молчать, даже если и видят обман. Большие злоупотребления с весом совер-

¹ Так, доктор Е. Закс в своем сочинении «Домашняя промышленность в Тюрингии» (Dr. E. Sax, Die Hausindustrie in Thüringen) сообщает, между прочим, что в 1869 году производство 244 ½ миллионов грифелей дало рабочим от 122 тысяч до 200 тысяч гульденов заработной платы, а продажная цена в последних руках поднялась до 1200 тысяч гульденов, она была по меньшей мере в шесть раз больше того, что получил производитель. Летом 1888 года за пять центнеров трески из первых рук платилось пять марок; розничный торговец платил оптовому торговцу 15 марок, а публика платила последнему 125 марок. Масса жизненных средств даже уничтожается, так как цены не покрывают издержек перевозки. Так, например, в годы богатого лова селедок целые лодки их употребляют как удобрение, между тем как внутри страны существуют многие тысячи людей, которые не в состоянии покупать селедку. Подобное же явление происходило в 1892 году в Калифорнии при чрезмерном урожае картофеля. Когда в 1901 году сахарные цены сильно понизились, одна специальная газета серьезно предлагала значительную часть запаса бросить в воду и уничтожить, чтобы поднять цены. Известно, что Шарль Фурье пришел к мысли о своей общественной системе, получив, как ученик в одном торговом предприятии в Тулоне, предписание потопить в море корабль с рисом, чтобы поднять цены. Он сказал себе: общество, прибегающее к таким варварским и бессмысленным средствам, должно быть построено на неверной основе, и так он сделался социалистом.

паются и в булочных. Обман и мошенничество неразрывно связаны с нашими социальными условиями, и известные государственные установления, как, например, высокие косвенные налоги и таможенные пошлины, прямо способствуют обману и мошенничеству. Законы против фальсификации продуктов питания мало помогают. Борьба за существование принуждает обманщиков применять все более утонченные средства, к тому же *основательный* и *строгий* контроль существует очень редко. Под предлогом, что для открытия фальсификации необходим обширный и дорогостоящий аппарат (что совершенно верно) и что из-за такого контроля «страдает и законная торговля», затрудняется всякий серьезный контроль. Но если применяются действительные меры контроля, то они вызывают значительное повышение цен, так как более низкие цены возможны лишь вследствие фальсификации товаров.

Чтобы устранить это зло в торговле, от которого всегда и всюду сильнее всего страдает народная масса, стали устраивать потребительные общества. В Германии потребительные общества для военных и чиновников получили такое значение, что многочисленные частные торговые предприятия были полностью уничтожены. За последние десятилетия большое развитие получили также рабочие потребительные союзы, которые частично перешли на самостоятельное производство некоторых товаров потребления. Потребительные союзы в Гамбурге, Лейпциге, Дрездене, Штутгарте, Бреслау, Вене и других городах стали образцовыми учреждениями, и годового оборот немецких потребительных союзов исчисляется в сотни миллионов марок. В течение нескольких лет в Гамбурге существует также закупочный центр для рабочих потребительных союзов, который закупает товары в большом количестве, что делает возможным дешевле поставлять их отдельным союзам. Эти союзы доказывают, таким образом, что раздробленная промежуточная торговля излишня. Это их самое большое преимущество наряду с тем, что они доставляют доброкачественные товары. Материальные выгоды для их членов не особенно значительны, и облегчения, доставляемые этими обществами, недостаточны для существенного улучшения жизненного положения. Иногда и управление ими плохо, и члены должны от этого страдать. В руках предпринимателей потребительные общества становятся, далее, средством, чтобы приковать

рабочих к фабричным предприятиям, и ими пользуются как средством понижения заработной платы. Но основание потребительных обществ — симптом того, что в широких кругах осознана ненужность посреднической торговли. Общество в конце концов достигнет организации, которая сделает торговлю излишней; в этом обществе продукты будут попадать к потребителям без всяких посредников, кроме тех, которых требует перевозка их с одного места на другое и распределение, причем эти люди будут состоять на службе у общества. Вслед за общим приобретением съестных припасов придет, далее, и требование добиться общего, в большом масштабе организованного приготовления их для стола, что опять-таки привело бы к огромной экономии сил, места, материала и всевозможных издержек.

РЕВОЛЮЦИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

1. ЗАМОРСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ И БЕГСТВО ИЗ ДЕРЕВНИ

Экономическая революция в нашей промышленности и средствах связи затронула также в большой степени и экономические отношения в сельском хозяйстве. Промышленные и торговые кризисы дают себя чувствовать и в деревне. Сотни тысяч членов деревенских семей временно или постоянно работают на всякого рода промышленных предприятиях, и этот род занятий расширяется, во-первых, потому, что большое число мелких сельских хозяев в своем собственном хозяйстве не находят достаточно работы для себя и своей семьи, во-вторых, потому, что крупные сельские хозяева *находят полезным значительную часть сельскохозяйственных продуктов тотчас перерабатывать в своих имениях в готовые фабрики*. Они сберегают этим крупные издержки на перевозку сырья, например картофеля и зернового хлеба для спирта, свекловицы для сахара и т. д.; это делает, далее, возможным ввести известную смену сельскохозяйственного и промышленного производства и лучше использовать существующие рабочие силы, которые к тому же в деревне дешевле и покорнее, чем в городе или в промышленных округах. Точно так же постройки и квартиры там намного дешевле, налоги ниже, так как помещики являются одновременно как бы законодателями и исполнителями законов; они выставляют из своей среды многочисленных депутатов и держат в своих руках управление и полицейскую власть. Вот причины, почему число заводов растет в деревне с каждым годом. Взаимодействие между земледелием и промышленностью постоянно усиливается, и выгоду от этого получают главным образом крупные земельные собственники.

Капиталистическое развитие, в которое в Германии вступила крупная земельная собственность, вызвало отчасти такие же отношения, как в Англии и в Соединенных Штатах. В деревне уже не господствуют более те идилические

отношения, которые существовали еще несколько десятилетий тому назад. В самые отдаленные уголки деревни постепенно проникла современная культура. Значительное революционное влияние оказал против своей воли милитаризм. Огромное увеличение постоянной армии, поскольку дело идет об уплате налога кровью, особенно тяжело ложится на деревню. Большая часть солдат для постоянного войска берется из сельского населения. И когда крестьянский сын, поденщик или батрак после двух, трех лет возвращается в деревню из городской и казарменной атмосферы, которая для него не слишком насыщена высшею моралью, то он приносит с собою массу новых взглядов и культурных потребностей, которые он желает удовлетворять и в будущем, и, чтобы иметь эту возможность, он прежде всего требует более высокой заработной платы; прежняя его умеренность погибла в городе. Во многих случаях он предпочитает вообще не возвращаться в деревню, и все попытки, поддерживаемые также и военными властями, вернуть его туда остаются тщетными. Точно так же развитие и улучшение средств сообщения способствуют повышению потребностей в деревне. Сообщение с городом помогает сельскому жителю узнавать мир с совершенно новой и с более привлекательной стороны, он проникается новыми идеями и узнает культурные потребности, до тех пор ему совершенно неизвестные. Это делает его недовольным своим положением. Все возрастающие требования, предъявляемые государством, провинцией, общиной и т. д., затрагивают интересы как крестьянина, так и сельскохозяйственного рабочего, а это усиливает их возмущение.

Сюда присоединяются еще и другие очень важные моменты.

Европейское сельское хозяйство, и в частности германское, с конца семидесятых годов прошлого столетия вступило в новую фазу своего развития. Если до этого времени народы пользовались собственными сельскохозяйственными продуктами или, как, например, Англия, продуктами соседних стран — Франции и Германии, то затем положение изменилось. Благодаря значительно улучшившимся и развившимся средствам сообщения — судоходству, железным дорогам — в Северной Америке начался ввоз продуктов питания в Европу из Америки. Это понизило европейские цены на хлеб, так что посев главных видов зерна в

Средней и Западной Европе стал менее прибыльным; благодаря этому все производственные отношения изменились. К тому же международное производство хлеба значительно увеличилось. Наряду с Россией и Румынией, которые старались по возможности повысить вывоз хлеба, на рынке появилось аргентинское, австралийское, индийское и временами канадское зерно. В ходе дальнейшего развития возникло новое неблагоприятное обстоятельство: начался отлив из деревни малоимущих крестьян и сельскохозяйственных рабочих, которые вследствие вышеуказанных причин или эмигрировали за океан, или переселялись из деревни в города и промышленные округа, так что в деревне стал чувствоваться недостаток рабочей силы. Пережитки патриархальных условий, особенно на востоке Германии, плохое обращение и в высшей степени несвободное положение сельских рабочих и прислуги еще более усиливали это бегство из деревни.

Как велики потери вследствие переселения для деревни, например, с 1840 года до переписи 1905 года, видно из того, что прусские провинции—Восточная и Западная Пруссия, Померания, Познань, Силезия, Саксония и Ганновер потеряли 4 049 200 человек, а Бавария, Вюртемберг, Баден и Эльзас-Лотарингия за то же время потеряли 2 026 500 человек, между тем в Берлин, например, за это время переселилось около 1 миллиона человек, в Гамбург — 402 тысячи, в Саксонию — 326 200, в Рейнскую провинцию — 343 тысячи, в Вестфалию — 246 100 ¹.

2. КРЕСТЬЯНЕ И КРУПНЫЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ

Со всеми этими изменениями связано то, что сельское хозяйство начало испытывать недостаток в капитале и что прежнее развитие, при котором крупная земельная собственность поглощала среднюю и мелкую, во многих случаях уступило место противоположной тенденции. В то же

¹ Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reichs 1908, I, S. 423.

время это давление имело следствием и то, что тяжеловесный характер сельскохозяйственных предпринимателей постепенно изменился, так как они увидели, что прежним путем идти дальше нельзя, что надо расшевелиться и искать новых способов хозяйства. Германская империя и отдельные государства старались помочь «бедственному положению сельского хозяйства» соответствующей таможенной и транспортной политикой и прямыми затратами на всевозможные цели в пользу сельских хозяев за счет всего общества. Среднее и крупное владение, если оно, хотя бы отчасти, ведется на уровне существующей техники, снова начинает приносить прежнюю прибыль. На это указывает необычайный рост за последние годы цен на землю.

Если хотят развития сельского хозяйства в обществе, где господствует капитализм, необходимо, чтобы оно велось капиталистически. Здесь так же, как и в промышленности, необходимо заменить и подкрепить человеческую рабочую силу машиной и более развитой техникой. Что это происходит все в более широком размере, свидетельствует тот факт, что в Германии с 1882 по 1895 год количество паровых плугов в сельском хозяйстве возросло с 836 до 1696, а число паровых молотилок — с 75 690 до 259 364. По сравнению с тем, что могли бы дать сельскохозяйственные машины, это еще крайне мало и говорит, с одной стороны, о большой отсталости сельскохозяйственного производства, а с другой стороны, — о недостатке средств и о незначительности земельного участка, обрабатываемого каждым отдельным хозяином, что делало до сих пор невозможным применение машин. Машина, чтобы работать рационально, требует применения на более обширной площади, засеянной однородной культурой. Этому часто противодействует большое число мелких и средних крестьянских хозяйств с их раздробленным земельным владением и разнородной культурой.

Как распределяется обрабатываемая земля в Германской империи, показывают следующие таблицы ¹:

¹ *Karl Kautsky, Die Agrarfrage, Stuttgart 1899 und Vorläufige Ergebnisse der landwirtschaftlichen Betriebszählung am 12. Juni 1901, Vierteljahrshäfte zur Statistik des Deutschen Reichs 1909, 2 Heft.*

Сельские хозяйства	Число хозяйств			Прирост или убыль	
	1882 г.	1895 г.	1907 г.	1882— 1895 гг.	1895— 1907 гг.
До 2 га	3 061 831	3 236 367	3 378 509	+174 536	+142 142
» 2—5 »	981 407	1 016 318	1 006 277	+ 34 911	— 10 041
» 5—20 »	926 605	998 804	1 065 539	+ 72 199	+ 66 735
» 20—100 »	281 510	281 767	262 191	+ 257	— 19 576
Больше 100 »	24 991	25 061	23 566	+ 70	— 1 495
	5 276 344	5 558 317	5 736 082	+281 973	+177 765

Сельские хозяйства	Площадь в гектарах			Прирост или убыль	
	1882 г.	1895 г.	1907 г.	1882— 1895 гг.	1895— 1907 гг.
До 2 га	1 825 938	1 808 444	1 731 317	— 17 494	— 77 127
» 2—5 »	3 190 203	3 285 984	3 304 872	+ 95 781	+ 18 888
» 5—20 »	9 158 398	9 721 875	10 421 565	+568 477	+699 690
» 20—100 »	9 908 170	9 869 837	9 322 106	— 38 333	—547 731
Больше 100 »	7 786 263	7 831 801	7 055 013	+ 45 538	—776 788
	31 868 972	32 517 941	31 834 873	+648 969	—683 068

Из 5 736 082 хозяйств, имевшихся в 1907 году, не менее 4 384 786 имели менее 5 га, что составляет 76,8 процента всех сельских хозяйств, которые, за исключением садово-огороднических или имеющих превосходную почву, обеспечивают владельцу лишь скудное существование. Значительная часть их вовсе не может быть принята во внимание, так как среди них имеется 2 731 055 хозяйств с 1 га и менее.

Но и среди хозяйств свыше 5 га немало таких, которые вследствие неблагоприятных свойств почвы, или неблагоприятных климатических условий, или плохого географического положения, недостатка в средствах передвижения и т. д. доставляют их владельцу при тяжелом и продолжительном труде лишь бедное существование. Можно сказать без преувеличения, что $\frac{9}{10}$ крестьян, обрабатываю-

щих землю, не имеют ни средств, ни знаний, чтобы использовать свою землю так, как она могла бы быть использована. Точно так же мелкий и средний крестьянин не получает за свои продукты той цены, которую он мог бы иметь, так как ему приходится сталкиваться с посредниками, держащими его в своих руках. Торговец, объезжающий деревни в определенные дни или времена года и обыкновенно продающий товар в свою очередь другому торговцу, желает иметь свою пользу; собирание небольших количеств стоит ему гораздо больше усилий, чем большая закупка у крупного собственника; мелкий и средний крестьянин получает поэтому за свои товары меньше, чем крупный сельский хозяин, и если при этом качество товаров у мелких хозяев ниже, что при их примитивных способах хозяйства встречается очень часто, то им приходится довольствоваться всякой предложенной ценой. К этому присоединяется то, что крестьянин или арендатор часто не могут выждать время, когда продаваемый ими продукт достигает высшей цены. Им приходится платить аренду, проценты, налоги, они должны возвращать долги и уплачивать лавочникам и ремесленникам в определенные сроки, поэтому они принуждены продавать, хотя бы время для этого было самое неблагоприятное. Чтобы улучшить свою землю или чтобы разделить с другими наследниками или с детьми, им приходится закладывать свой участок, но у них нет большого выбора среди кредиторов, и поэтому условия залога для них неблагоприятны. На них тяжело ложатся высокие проценты и определенные сроки уплаты займа; неурожай или неверный расчет в выборе культуры, за которую они рассчитывали получить значительную цену, приводят их на край гибели. Часто скупщик сельскохозяйственных продуктов и давший займы капитал — одно и то же лицо, тогда крестьянин попадает в зависимость к своему кредитору. Крестьяне целых местностей и округов находятся, таким образом, в руках немногих кредиторов, например крестьяне, занятые производством хмеля, вина, табака и овощей на юге Германии и на Рейне, мелкие крестьяне в средней Германии. Владелец закладной высасывает из них кровь; он предоставляет собственникам сидеть на своих земляных клочках, которые фактически им более не принадлежат. Капиталистический кровопийца находит для себя гораздо более выгодным хозяйничать таким образом, чем отобрать землю и завести на

ней свое хозяйство или продавать ее. Таким образом, тысяча крестьян, записанных как собственники, в действительности уже не являются более таковыми. Конечно, и некоторые крупные земельные собственники, которые или не умели хозяйничать, или претерпели несчастье, или получили имение при неблагоприятных условиях, делаются жертвами беспощадного капиталиста. Капиталист становится господином земли, и, чтобы выжать из нее двойную прибыль, он ее разбивает; он дробит имение на мелкие участки, так как благодаря этому получает несравненно более высокую цену, чем если бы он продал его целиком. Кроме того, при большом числе мелких владельцев он может рассчитывать продолжать свое ростовщичество с наилучшим успехом. Известно, что в городах дома со многими маленькими квартирами дают наибольший доход. Бедные покупатели приобретают часть разделенного на участки имения, причем капиталистический благодетель готов предоставить им, раз их немного, и большие участки, а остаток продажной суммы он оставляет за хорошие проценты под закладную на купленную землю. Но в этом-то и суть фокуса. Если мелкому землевладельцу улыбнется счастье и ему удастся при напряжении всех своих сил выжать из своего клочка необходимый доход или исключительно дешево добыть денег, то он может спастись, в противном случае его ожидает вышеуказанная участь.

Если у мелкого крестьянина или арендатора падет несколько штук скота, то это для него большое несчастье. Если у него выходит замуж дочь, то ее приданое увеличивает его долги и он теряет дешевую рабочую силу; если женится сын, то он требует своей части земли или денежного выкупа. Нередко он должен отказываться от самых необходимых улучшений почвы, и если его скот не дает ему достаточно навоза, что бывает очень часто, то урожай падает, так как он не может покупать удобрение. Часто ему нехватает средств, чтобы приобрести лучшие семена; он не может выгодно использовать работу машин; плодосменная система, соответствующая химическому составу его почвы, часто для него недоступна. Он не может также воспользоваться выгодами, которые наука и опыт предоставляют для улучшения скотоводства. Недостаток соответствующего корма, недостаток подходящего стойла, недостаток других соответствующих устройств препятствует

этому. Таким образом, существует масса причин, затрудняющих существование мелкому и среднему крестьянину ¹.

Иначе обстоит дело с крупным сельским хозяйством, которое охватывает сравнительно небольшое число хозяйств, но зато обширную земельную площадь. Из приведенной статистики мы видим, что 23 566 хозяйств с 7 055 013 га обрабатываемой площади имеют на 2 019 824 га более, чем 4 384 786 хозяйств с площадью менее 5 га каждое.

Но статистика хозяйств и статистика владений не совпадают между собою; так, в 1895 году чисто арендных хозяйств всех классов было не менее 912 959, хозяйств, обладающих частично собственной и частично арендованной землей, — 1 694 251 и хозяйств, которые пользовались землею в других формах, например, за выполнение известных служб, как участие в общинной земле и т. д. — 983 917.

Наоборот, отдельные лица считают своею собственностью целый ряд сельскохозяйственных предприятий. Самым крупным германским земельным собственником является король прусский, владеющий 83 именьями с 98 746 га, за ним следуют:

Князь фон Плес	с 75 именьями	в 70 170 га
« Гогенцоллерн — Зигмаринген	» 24	» 59 968 »
Герцог фон Уэст	» 52	» 39 742 »
Князь фон Гогенлоэ-Эришген .	» —	» 39 365 »
Князь фон Ратибор	» 51	» 33 096 »

В 1895 году в Пруссии было 1045 фидеикомиссов ², охватывающих 2 121 636 га, что составляет 6,09 процента общей площади страны. 1045 фидеикомиссов находятся в руках 939 владельцев; территория эта на 206 600 га превышает королевство Вюртемберг с его 1915 тысячами га. В 1903 году 1034 владельца имели 1152 фидеикомисса, так что отдельный владелец имел несколько фидеикомиссов. Занятая фидеикомиссами площадь земли равнялась

¹ См. А. Hofer, Der Bauer als Erzieher, «Neue Zeit» 1908—1909, 2. Band, S. 714, 786, 810.

² Фидеикомиссами называются имения, наследование и распоряжение которыми связано некоторыми ограничениями. Фидеикомиссы переходят по наследству членам той же фамилии в известном порядке, обыкновенно по праву первородства. Их нельзя ни продавать, ни закладывать. — *Ред.*

в 1903 году 2 197 115, в 1904 году — 2 232 592 га; из них около 90 процентов соединены в группы выше 1 тысячи га. Около 10 процентов владельцев объединяли в своих руках более 5 тысяч га и 53,3 процента всей площади¹. Средние и крупные собственники, естественно, заинтересованы в сохранении существующего положения вещей. Другое дело, мелкие собственники, которые от рационального переустройства существующих отношений могли бы получить большие выгоды. В самой природе вещей лежит, что крупная собственность стремится все более увеличиваться и захватывать доступные ей крестьянские земли. И действительно, из Верхней Силезии, Лаузица, великого герцогства Гессена и т. д. неоднократно появлялись сообщения о скупке крестьянских земель в большом раз-
мере.

В Австрии крупная земельная собственность преобладает гораздо больше, чем в Германии и, в частности, в Пруссии. В Австрии наряду с дворянством и буржуазией главную долю в земельной добыче обеспечила себе католическая церковь. Обезземеление крестьян здесь в полном разгаре. В Штирии, Тироле, Зальцбурге, Верхней и Нижней Австрии, Судетах крестьян стараются всеми средствами вытеснить с их родной земли и превратить крестьянскую землю в помещичье владение. То, что некогда происходило в Шотландии и Ирландии, разыгрывается теперь в лучших местностях Австрии. Отдельные лица и общества покупают огромные земельные площади, а то, что нельзя пока купить, арендуется и превращается в охотничьи округа. Доступ к долинам, горам и деревням закрывается новыми господами, и упрямые владельцы отдельных дворов и нагорных пастбищ, не желающие подчиниться господам, принуждаются всевозможными придирами к продаже своей собственности богатым владельцам. Старая обработанная почва, плодами которой жили целые тысячелетия многие поколения, приходит в дикое состояние и заселяется оленями и козулями; горы же, которые капиталисты, выходцы из дворян или буржуазии, называют своими собственными, служат местопребыванием для стад диких коз. Целые общины впадают в нищету, так как не могут выгонять свой

¹ См. *J. Conrad, Fideikommiss, Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, 4. Band, 3. Auflage, S. 120 bis 123.

скот на альпийские луга, иногда они вообще лишаются права выгона. А кто те, которые посягают на собственность и самостоятельность крестьянина? Наряду с Ротшильдом и бароном Мейером-Мельгоф герцоги Кобургский и Мейншигенский, князья и принцы фон Гогенлоэ, князь Лихтенштейн, герцог Браганца, княгиня Розенберг, князь фон Плес, графы Шёнфельд, Фестетикс, Шафготш, Траутмансдорф, охотничьи общества графа Кароли, барона Гюстетча, дворянское охотничье общество Блюмбахера и т. д. Повсюду крупная земельная собственность расширяется.

Так, в 1875 году в Нижней Австрии было только 9 человек, из которых каждый владел более чем 5 тысячами йохов с общей площадью 89 490 га, а в 1895 году уже 24 собственника владели в общем 213 575 га.

Во всей Австрии крупное землевладение занимает площадь в 8 700 тысяч га, тогда как на мелкое владение приходится 21 300 тысяч га. Владельцы фидеикомиссов — 297 семейств — владеют 1200 тысячами га. Миллионы мелких землевладельцев, обрабатывающих 71 процент всей площади, противостоят нескольким тысячам крупных владельцев, занимающих более 29 процентов всей площади Австрии. Имеются лишь немногие налоговые округа, в которых нет ни одного крупного земельного собственника. В большинстве округов бывает 2 или больше крупных землевладельцев, которые оказывают там руководящее политическое, социальное и общественное влияние. Почти половина всех крупных землевладельцев имели земли во многих округах страны, многие же — в некоторых коронных землях государства. В Нижней Австрии, Богемии, Моравии и Силезии нет почти ни одного округа без них. Только промышленности удалось их немного вытеснить, например в Северной Богемии и Богемско-Моравской пограничной области. Но, как правило, крупное землевладение повсюду растет: в Верхней Австрии, где между всеми коронными землями имеется еще зажиточное крестьянство, в Герце и Градиске, в Штейермарке, в Зальцбурге, в Галиции и Буковине; слабее — в тех странах, где и без того уже имеются домены крупных землевладельцев, а именно: в Богемии, Моравии, Силезии и Нижней Австрии.

В Нижней Австрии из общей земельной площади, обнимающей 1 982 300 га, на крупное землевладение

(393 собственника) падает 540 665 га, на церковь — 79 181. 13 имений площадью более чем 1 тысяча га каждое занимают вместе 425 079 га, то есть 9 процентов общей площади, в том числе графа Гойос-Шпринценштейн 33 124 га. Земельная площадь Моравии равняется 2 181 220 га, из которых на церковь приходится 81 857 га (3,8 процента). 116 имений площадью более чем 1 тысяча га каждое занимает большую площадь, чем 500 тысяч хозяйств до 10 га (92,1 процента всех владений). Из 514 677 га земельной площади Австрийской Силезии церковь владела 50 845 га и 79 владельцев вместе 204 118 га. Богемия с земельной площадью в 5 194 500 га имеет приблизительно 1 237 085 землевладельцев. Распределение земельной собственности характеризуется необычайно большим количеством мелких владений и громадными латифундиями. Почти 43 процента всех владений меньше $\frac{1}{2}$ га, а свыше $\frac{4}{5}$ владений не превышают 5 га. Эти 703 577 владений (81 процент) занимают только 12,5 процента всей площади Богемии. Напротив, 776 человек владеют 35,5 процента общей площади, составляя лишь 0,1 процента всех землевладельцев. Еще ярче выявляется это распределение земельной собственности, если мы проанализируем более крупную категорию, владеющую более чем 200 га; тогда получают следующие результаты:

	Га	Всего га
380 человек владеют каждый	200— 500	116 143
144 » » »	500—1000	101 748
104 » » »	1000—2000	150 567
151 » » »	свыше 2000	1 436 084

31 человек из последней группы владеют каждый приблизительно 5—10 тысячами га, 21 человек — 10—20 тысячами, а князя Мориц Лобкович, Фердинанд Кинский, Карл Шварценберг, Альфред Виндишгрец, графы Эрнст Вальдштейн, Иоганн-Гаррах, Карл Буквой имеют от 20 до 30 тысяч га каждый; Клам-Галлас и Сар. Кцернин — более 30 тысяч га; князь Иоганн фон Лихтенштейн — 36 189 га, князь Макс Эгон Фюрстенберг — 39 162 га, князь Иозеф Коллоредо-Мансфельд — 57 691 га, князь Иог. Ад. Шварценберг — 177 310 га = 3,4 процента общей площади Богемии. Королевские владения обнимают 35 873 га. Общая площадь владений этих 64 крупных собственников равняется 1 082 884 га, или

20,9 процента общей площади Богемии. Церковь владеет 150 395 га, составляющими 3 процента общей площади Богемии ¹.

Это было в 1896 году. С течением времени положение еще больше ухудшилось. По данным сельскохозяйственной переписи 1902 года, на 18 437 хозяйств (0,7 процента общего количества) приходилось 9 929 920 га, или $\frac{1}{3}$ общей земельной площади.

В округе Шварц 7, в округе Целль 16 горных склонов, которые до сих пор служили пастбищами, превращены новыми владельцами в места для охоты. Все Карленделевское плоскогорье закрыто для выгона скота. Высшее дворянство Австрии и Германии наряду с богатыми буржуазными выскочками скупили в горных местностях более 70 йохов и превратили их в охотничьи участки. Целые деревни, сотни дворов исчезли, жители согнаны с земли, и место людей и домашнего скота заняли козули, олени, дикие козы. Многие из тех, которые, таким образом, приводят в дикое состояние значительные части провинций, выступают потом в парламентах и говорят о «нужде крестьян» и злоупотребляют своей силой, чтобы воспользоваться государственной помощью в виде таможенных пошлин на хлеб, лес, скот и мясо, водочных премий и пр. за счет неимущих.

В более прогрессивных промышленных государствах мелкую собственность вытесняет не удовлетворение потребности в роскоши и удовольствии привилегированных классов, как в Австрии, а необходимость организовать хозяйство капиталистически, чтобы иметь возможность получать необходимое количество питательных веществ для все возрастающего населения. Это проявляется прежде всего в промышленно высокоразвитой Бельгии. Эмиль Вандервельде в своей статье «Поземельная собственность в Бельгии в период 1834—1894 гг.» приводит следующие данные, взятые из «Annuaire statistique»: «Уменьшилось только число хозяйств, имеющих менее 5 га, и в особенности сохранились хозяйства, имеющие менее 2 га. Напротив, хозяйства свыше 10 га возросли на 3789. Концентрация земельной собственности, которая соответствует прогрес-

¹ Приведенные сведения взяты из «Die Besitzenden und die Besitzlosen in Österreich», von T. W. Teifen, Wien 1906, Erste Wiener Volksbuchhandlung (Ignaz Brand).

су крупного сельского хозяйства и рационального скотоводства, проявляется здесь очень ясно. С 1880 года началось движение, обратное тому, которое замечалось с 1866 до 1880 года. В то время как в 1880 году существовало еще 910 396 сельскохозяйственных предприятий, в 1895 году их было лишь 829 625, то есть за 15 лет произошло уменьшение на 80 771 предприятие, или на 9 процентов. При этом уменьшение касается хозяйств, владеющих менее чем 5 га; напротив, число хозяйств с 5—10 га земли увеличилось на 675, с 10—20 га — на 2168, с 20—30 га — на 414, с 30—40 га — на 164, с 40—50 га — на 181, свыше 50 га — на 181.

3. ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

Состояние почвы и ее обработка имеют для развития нашей культуры огромное значение. От земли и ее продуктов прежде всего зависит существование населения. Землю нельзя увеличивать по усмотрению, тем важнее она для всех, которые ее обрабатывают и ею пользуются. Германия, население которой ежегодно увеличивается приблизительно на 870 тысяч человек, нуждается в значительном ввозе хлеба и мяса, если цены на необходимые продукты питания будут доступны.

Но здесь проявляются резко противоположные интересы земледельческого и промышленного населения. Не занимающееся земледелием население заинтересовано в том, чтобы получить дешевые продукты питания, потому что от этого зависит его благосостояние как людей и как промышленных и торговых индивидуумов. Всякое вздорожание продуктов ведет к ухудшению питания значительной части населения, хотя бы соответственно поднялись заработная плата и другие доходы той части населения, которая должна покупать сельскохозяйственные продукты. Повышение заработной платы обуславливает и повышение цен на промышленные товары, а это в зависимости от положения мирового рынка может повести к уменьшению внешнего сбыта. Но если не происходит повышение дохода, несмотря на вздорожание сельскохозяйственных продуктов, то это ведет к ограничению остальных потребностей, отчего и в этом случае прежде всего страдают промышленность и торговля.

Для земледельца дело складывается иначе. Подобно промышленнику, он хочет получить от своего предприятия возможно большую прибыль, и ему все равно, от какого продукта он ее получит. Если привоз иностранного хлеба мешает получению необходимой, по его мнению, прибыли от производства хлеба, то он возвращает на своей земле другой продукт, который приносит ему больше выгоды. Он возвращает свекловицу для сахарного производства, картофель и зерно для выгонки спирта вместо пшеницы и ржи для хлеба. Наиболее плодородные земли он отводит под табачную культуру вместо культуры огороднической и садовой. Другие отводят тысячи гектаров земли под лошадиные пастбища, так как лошади ценятся дорого для военных целей. С другой стороны, обширные лесные пространства, которые могли бы быть использованы под пашню, сохраняются для охоты знатных господ, часто в местностях, где была бы возможна очистка от леса нескольких сотен или тысяч гектаров и превращение их в пахотную землю без того, чтобы уменьшение леса неблагоприятно отразилось на влажности в данной местности.

С этой точки зрения возможно было бы в Германии получить еще тысячи квадратных километров плодородной земли для земледелия. Но этому противоречат как материальные интересы части чиновничьей иерархии — лесничих, так и охотничий интерес крупных помещиков, так как одни не хотят лишиться своих охотничьих мест, а другие — своей охотничьей забавы. Что подобное обезлесение должно иметь место только там, где оно приносит действительную выгоду, это само собой понятно. С другой стороны, обширные пространства, в особенности горы и пустыри, могли бы быть засеяны лесом к пользе страны.

В настоящее время отрицают, чтобы лес имел большое влияние на развитие влажности. Это явно неправильно. В какой высокой степени лес влияет на влажность страны, а вместе с тем на плодородие почвы, можно видеть из убедительных данных, которые приводит книга Парвуса и доктора Лемана «Голодающая Россия» («Das hungernde Russland»). Авторы по собственному наблюдению устанавливают, что чрезмерное и без всякого плана произведенное обезлесение в самых плодородных провинциях России является существенной причиной неурожаев, от которых в последнее десятилетие страдают эти прежде

столь плодородные местности. Наряду с многочисленными другими фактами они констатируют, что в течение года в Ставропольской губернии исчезли пять маленьких рек и шесть озер, в Бузулукском уезде — четыре речки и четыре озера, в Самарской губернии — шесть маленьких рек, в Бугурусланском уезде — две маленькие реки. В уездах Николаевском и Новоузенском четыре реки с трудом сохраняются при помощи запруды из навоза. Многие деревни, стоявшие прежде около проточной воды, в настоящее время таковой не имеют, глубина колодцев часто достигает 45—60 метров. Почва вследствие этого тверда и трескается. С вырубкою лесов высохли источники и уменьшились дожди.

Капиталистическая эксплуатация земли ведет к капиталистическим отношениям. Часть наших сельских хозяев долгие годы получала, например, поразительно высокую прибыль от свекловицы и связанного с нею сахарного производства. Податная система благоприятствовала вывозу сахара, и притом таким образом, что значительная часть дохода от обложения свекловицы и потребления сахара шла на выдачу премий за вывоз. Выдаваемая сахарозаводчикам сумма за вывозимый сахар была значительно выше, чем платимый ими свекловичный налог, и эта премия давала им возможность продавать дешево сахар в огромных количествах за границу за счет плательщиков налогов внутри страны и все более расширять свекловичную культуру. Выгода, выпадавшая сахарозаводчикам от этой податной системы, составляла в год более 31 миллиона марок. Сотни тысяч гектаров земли (в 1907—1908 году 450 030), которые прежде служили для хлебопашества и прочего, были превращены в свекловичные поля, одна за другой основывались фабрики, и неизбежным следствием был крах. Высокий доход от производства свекловицы благоприятно влиял на стоимость земли. Она поднялась. Следствием была скупка мелких владений, собственники которых, увлекаемые высокими ценами, соглашались на продажу; лучшими землями стали пользоваться для промышленной спекуляции, а под хлеб и картофель отводилась земля низшего качества, вследствие чего возросла потребность во ввозе продовольствия из-за границы. В конце концов неудобства, возникшие в связи с сахарными премиями и постепенно принявшие международный характер, побудили правительства и парламенты уничтожить премиальные

платежи, чтобы снова вернуться до некоторой степени к нормальным отношениям.

Положение вещей таково, что не только мелкие, но даже многие средние крестьяне, несмотря на все усилия, заботы и лишения, не могут достигнуть того социального положения, на которое они имеют право, как граждане культурного государства. То, что делают государство и общество, чтобы сохранить эти слои, которые представляют существенную основу нынешнего государственного и общественного строя, является лишь приносящим мало пользы штопапьем заплат. Аграрные пошлины более вредят, чем помогают этой части земледельцев. Огромное большинство производит меньше, чем нужно для поддержания жизни; оно вынуждено покупать часть товаров для удовлетворения жизненных потребностей, для чего ему приходится прибегать к промышленной или иной побочной работе. Значительная часть наших мелких крестьян более заинтересована в благоприятном состоянии нашей промышленности и транспорта, чем в развитии сельского хозяйства, так как его собственные дети находят средства существования в промышленности и на транспорте, без которых у них не было бы ни работы, ни заработка. Плохой урожай увеличивает число крестьян, принужденных покупать сельскохозяйственные продукты. Итак, какую же пользу приносят аграрные пошлины, запрещение ввоза и вообще аграрные препятствия тому, кто почти ничего или очень мало продает, но должен при известных обстоятельствах многое и слишком многое прикупать?! В таком положении находятся по меньшей мере 80 процентов всех сельских хозяйств.

Как земледелец ведет свое хозяйство — это при господстве частной собственности его личное дело. Он проводит то, что ему кажется самым прибыльным, не учитывая потребности и интересы общества; и, словом, поступай, как хочешь.

Промышленник делает то же самое. Он фабрикует неприличные картины, безнравственные книги и устраивает фабрики для фальсификации продуктов питания. Подобная деятельность вредна обществу, она уничтожает нравственность и усиливает развращенность, но она приносит деньги, и притом больше, чем нравственные картины, научные книги и продажа нефальсифицированных продуктов питания. Жадный до прибыли промышленник заботится

только о том, чтобы его не разоблачила полиция, и он может продолжать свой постыдный промысел с мыслью о том, что благодаря добытым при этом деньгам ему будут завидовать в обществе и относиться к нему с глубоким уважением.

Маммоновский характер нашей эпохи яснее всего характеризует биржа и ее деятельность. Земля и промышленные продукты, средства сообщения, метеорологические и политические условия, недостаток и избыток, массовая нищета и несчастные случаи, общественные долги, изобретения и открытия, здоровье или болезнь и смерть влиятельных лиц, война и крики о войне, часто нарочно с этой целью выдуманные,— все это и еще многое другое становится предметом спекуляции и используется для эксплуатации и взаимного надувательства. Капиталистические матадоры приобретают решительное влияние на состояние всего общества и накапливают благодаря своим могущественным силам и связям огромные богатства. Министры и правительства становятся в их руках марионетками, которые действуют в зависимости от того, как стоящие за кулисами биржевые матадоры потянут нити. Не государственная власть держит биржу в своих руках, а биржа — государственную власть. Против воли должен министр удобрять «ядовитое дерево» и доставлять ему новые жизненные силы, хотя предпочел бы вырвать его.

Все эти факты, которые с каждым днем становятся более очевидными, так как зло ежедневно увеличивается, требуют быстрого и основательного противодействия. Но общество беспомощно стоит перед всем этим злом, как некие животные на горе; оно постоянно вращается в кругу, как лошадь на топчаке, беспомощное, не знающее, что предпринять, представляя собой печальную и глупую картину. Те, которые хотели бы помочь, еще слишком слабы; тем, которые должны бы были помочь, не хватает еще понимания, те, которые могли бы помочь, не хотят: они рассчитывают на силу и в лучшем случае думают вместе с мадам Помпадур: *Après nous le déluge* (после нас хоть потоп). А что, если потоп придет еще при их жизни?

Отдел четвёртый

СОЦИАЛИЗАЦИЯ

ОБЩЕСТВА

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕСТВА

Прилив усиливается и подмывает фундамент, на котором стоит наше государственное и общественное строение. Весь мир чувствует, что фундамент колеблется и что спасти его могут лишь крепкие подпорки. Но это потребовало бы от правящих классов больших жертв. Однако здесь возникает препятствие. Всякое предложение, осуществление которого серьезно вредит материальным интересам господствующих классов и угрожает затронуть их привилегированное положение, встречает с их стороны самое ожесточенное сопротивление и клеймится, как стремление, направленное на переворот существующего государственного и общественного строя. Но большой мир нельзя излечить, не затронув, а в конце концов и не устранив привилегии и преимущества господствующих классов.

«Борьба за освобождение трудящихся классов не является борьбой за привилегии, но борьбой за равные права и равные обязанности и за ликвидацию всех привилегий», — говорится в социал-демократической программе. Отсюда следует, что половинчатыми мерами и мелкими уступками ничего нельзя достигнуть.

Но господствующие классы считают свое привилегированное положение чем-то естественным и само собой понятным, в справедливости и дальнейшем существовании чего нельзя сомневаться. И потому, само собой разумеется, они отвергают всякую попытку пошатнуть их привилегированное положение и борются против нее. Даже предложения и законы, которые ничего не изменяют ни в основах существующего общественного порядка, ни в их привилегированном положении, приводят господствующие классы в величайшее раздражение, раз только дело касается или может коснуться их денежного мешка. В парламентах скопляются целые горы бумаги с печатными речами, пока наконец гора не родит мышь. Самые простые

и понятные требования охраны труда рабочих встречаются с таким сопротивлением, как будто дело идет о существовании общества. И если после бесконечных битв удастся вырвать у них какие-нибудь уступки, то они кичатся, как будто пожертвовали большую часть своего состояния. Такое же упрямое сопротивление показывают господствующие классы, если дело идет о том, чтобы признать угнетенные классы формально равноправными и чтобы, например, в вопросах трудового договора вести с ними переговоры на равных правах.

Это сопротивление при самых простых вещах и самых понятных требованиях подтверждает старое положение, выведенное из опыта, что ни один господствующий класс нельзя убедить доводами, если сила обстоятельств не принуждает его к пониманию и уступчивости. Эта сила обстоятельств лежит в растущей сознательности масс, которая порождается у угнетенных развитием наших общественных отношений. Классовые противоположности все более обостряются, становятся все более очевидными и чувствуются сильнее. Угнетенные, эксплуатируемые классы приходят к сознанию несостоятельности существующего, их возмущение растет, и вместе с тем растет повелительное требование преобразовать условия жизни и сделать их человеческими. Захватывая все более широкие круги, это сознание *завоюет в конце концов огромное большинство общества, которое заинтересовано в этом преобразовании самым непосредственным образом.* Но в той же степени, в какой народная масса проникается пониманием несостоятельности существующего и сознанием необходимости его коренного изменения, *падает и способность к сопротивлению господствующего класса, сила которого основывается на невежестве и бессознательности классов угнетенных и эксплуатируемых.* Это взаимодействие очевидно, и потому все, что ему содействует, следует приветствовать. Крупнокапиталистическому прогрессу соответствует возрастающее сознание противоречия, в котором находится существующий общественный порядок с благосостоянием огромного большинства народа. Каких бы больших жертв и напряжений ни стоило разрешение и уничтожение общественных противоположностей, это разрешение будет найдено, как только противоположности достигнут высшей точки своего развития, к чему они быстро приближаются.

Меры, которые следует принять в отдельных фазах развития, зависят от разных обстоятельств. Невозможно предвидеть, какие меры будут необходимы в отдельных случаях. Ни один министр, ни одно правительство, даже самое сильное, не знает заранее, что оно вынуждено будет сделать в ближайшем году под влиянием обстоятельств. Еще менее это можно сказать о мерах, зависящих от обстоятельств, наступление которых не поддается точному исчислению и предсказанию. Вопрос о средствах — это вопрос о тактике в борьбе. Но тактика определяется в зависимости от противника и вспомогательных средств, имеющихся в распоряжении обеих сторон. Средство, которое ныне превосходно, завтра может быть вредным, так как изменились обстоятельства, вчера еще оправдывавшие его применение. Средства для достижения цели, которые всегда перед глазами, зависят от времени и обстоятельств; необходимо только, чтобы всегда применялись самые *действенные* и самые *решительные* средства, какие только *время и обстоятельства допускают*. Таким образом, пускаясь в изображение картин будущего, приходится действовать гипотетически; приходится делать предположения, принимая их за факты.

Исходя из этой точки зрения, мы предполагаем, что в известный момент все описанные бедствия достигнут таких размеров и сделаются в такой степени видимыми и ощутимыми огромному большинству населения, что станут для него невыносимыми и его охватит всеобщее неудержимое стремление к коренному переустройству, причем в самой скорой помощи оно увидит самую целесообразную.

Источник всех общественных бедствий без исключения кроется в социальном порядке, который в настоящее время поконится, как уже было сказано, на капитализме, на капиталистическом способе производства, в силу которого класс капиталистов является собственником всех средств труда — земли, шахт, сырья, орудий производства, машин, средств сообщения и благодаря этому эксплуатирует и угнетает огромное большинство народа, вследствие чего возрастает неуверенность существования, гнет и унижение эксплуатируемых классов. Итак, соответственно этому самым кратким и быстрым шагом были бы всеобщая экспроприация этой капиталистической собственности и превращение ее в общественную собственность. *Товарное производство превращается в социалисти-*

ческое — в производство, осуществляемое обществом для общества. Крупное хозяйство и постоянно возрастающая производительность общественного труда, что до сих пор было источником нищеты и угнетения эксплуатируемых классов, становятся теперь источником высшего благосостояния и гармонического развития всех.

2. ЭКСПРОПРИАЦИЯ ЭКСПРОПРИАТОРОВ

Переход всех средств производства в общественную собственность создает новые основы общества. Тогда коренным образом изменятся условия жизни и труда мужчин и женщин в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в области воспитания и брака, в научной, художественной и общественной жизни. Человеческое существование наполнится новым содержанием. Постепенно и государственная организация потеряет почву и *государство исчезнет*; оно как бы само себя упразднит.

В отделе первом этой книги было указано, почему должно было возникнуть государство. Оно является продуктом общественного развития из примитивного, покоящегося на коммунизме общества, которое распадается по мере того, как в нем развивается *частная собственность*. С появлением частной собственности внутри общества возникают антагонистические интересы. Нарождаются сословные и классовые противоречия, которые неизбежно ведут к классовой борьбе между группами с различными интересами и угрожают существованию нового строя. Чтобы иметь возможность удержать противников этого нового строя и защитить собственников, необходима организация, которая бы оборонялась от таких нападений и провозгласила бы собственность «справедливой» и «священной». *Этой охраняющей и оправдывающей собственностью организацией и властью является государство.* Законами обеспечивает оно собственнику его владение и выступает против нападающих на установленный законом порядок как судья и мститель. Таким образом, по своей внутренней сущности интересы правящего класса собственников и государственной власти всегда консервативны. Организация государства видоизменяется лишь тогда, когда этого требуют интересы собственности. Таким образом, являясь *необходимой* организацией общества, покоящегося на классовом господстве, государство *теряет*

всякий смысл и возможность своего существования, как только с уничтожением частной собственности ликвидируются классовые противоречия.

Государство отмирает постепенно вместе с устранением отношений господства, точно так же как отмирает религия, если исчезает вера в сверхъестественное существо и в одаренные разумом сверхчувственные силы. Слова должны иметь свое содержание; если они теряют содержание, то перестают выражать понятие.

Здесь, может быть, прокапиталистически настроенный читатель скажет: все это хорошо и прекрасно, но какими «юридическими основаниями» оправдает общество этот разрушительный переворот?

Правовая основа та же самая, которая всегда существовала, когда дело шло о подобных изменениях и переворотах, — *общее благо*. Источником права является не государство, а общество; государственная власть является лишь только приказчиком общества, который имеет право управлять и регулировать. До сих пор господствующим обществом было только ничтожное меньшинство, которое, однако, действовало от имени всего общества (народа), выдавая себя за «общество» точно так же, как Людовик XIV выдавал себя за государство: «L'état c'est moi!» («Государство — это я!»). Когда наши газеты пишут: «Сезон начинается, общество спешит в город» или «сезон кончается, общество спешит в деревни», — то при этом они имеют в виду не народ, а привилегированные десятки тысяч, которые составляют «общество», так же как и «государство». Большинство — это плебс, *vile multitude, canaille*, народ. Этому положению вещей соответствует все, что государство от имени народа делает для «общественного блага», то есть все, что полезно и выгодно в первую очередь господствующим классам. В их интересах создаются законы. «*Salus reipublica suprema lex esto*» («общее благо да будет высшим законом») есть известная древнеримская основа права. Кто же составлял, однако, римское общество? Порабощенные народы? Миллионы рабов? Нет! Относительно незначительное меньшинство римских граждан, в первую очередь римская знать, которые заставляли порабощенных кормить себя.

Когда в средние века дворянство и князья грабили общественное достояние, они делали это «во имя права», «в интересах общественного блага». А как обходились они

с общественной собственностью и с собственностью беспомощных крестьян, — об этом рассказывает нам история средних веков до нового времени на каждой своей странице. Аграрная история последнего тысячелетия есть история непрерывного грабежа общинной и крестьянской собственности, осуществляемого дворянством и церковью во всех культурных государствах Европы. Когда позже Великая французская революция экспроприировала владения церкви и дворянства, то она это делала «во имя общественного блага», и большая часть 8 миллионов земельных собственников, составляющих опору буржуазной Франции, обязана своим существованием этой экспроприации. Во имя «общественного блага» Испания много раз налагала арест на церковные имущества, а Италия вовсе конфисковала их под аплодисменты усерднейших защитников «священной собственности». Английское дворянство в течение столетий грабило собственность ирландского и английского народов и с 1804 по 1832 год «в интересах общественного блага» одарило себя «по закону» не менее чем 3 511 710 акрами общинной земли. И когда в великой североамериканской войне за освобождение от рабства были объявлены свободными миллионы рабов, бывших благоприобретенной собственностью своих господ, без вознаграждения последних, то это случилось «во имя общественного блага». Все наше гражданское развитие есть неправильный процесс экспроприации и конфискации, при котором фабрикант экспроприрует и высасывает ремесленника, крупный землевладелец — крестьян, крупный купец — мелкого торговца и, наконец, один капиталист другого, то есть более сильный — слабейшего. Если мы послушаем нашу буржуазию, то все это происходит для «общего блага», для «пользы общества».

Бонапартисты «спасали» 18 брюмера и 2 декабря «общество», а «общество» приветствовало их. Когда общество в будущем спасет само себя, взяв снова в свои руки созданную им собственность, оно совершит великое историческое дело, так как *будет действовать не в пользу одного, подчиняя ему другого, но для того, чтобы всем обеспечить равные условия жизни и сделать возможным для каждого достойное человека существование.* Это будет в моральном отношении величайшее мероприятие, какое когда-либо совершало общество.

В каких формах совершится этот великий обществен-

ный процесс экспроприации и с какими видоизменениями, нельзя предсказать: кто знает, какие тогда создадутся отношения?

В своем четвертом социальном письме Кирхману, озаглавленном «Капитал»¹, Родбертус говорит на стр. 117: «Уничтожение капиталистической собственности на землю — не химера и вполне мыслимо национально-экономически. *Это было бы, конечно, радикальнейшей помощью обществу, которое, коротко говоря, страдает от роста земельной ренты и дохода на капитал. Это было бы единственной формой уничтожения земельной и капиталистической собственности, которая ни на один момент не прервала бы обращения и роста национального богатства.* Что скажут наши аграрии на это мнение их прежнего партийного товарища?

Как сложатся обстоятельства после такой экспроприации, сейчас невозможно предусмотреть. Никто не может знать в деталях, как будущее поколение оформит свою социальную организацию и как наилучшим образом оно будет удовлетворять свои потребности. В обществе, как и в природе, все находится в постоянном движении, одно приходит, другое уходит, отмирающее старое заменяется новым, жизнеспособным. Совершаются открытия, изобретения, улучшения всякого рода, размах и значение которых никто не может предвидеть; они вторгаются в жизнь, революционизируют и изменяют в зависимости от их значения условия жизни людей и всего общества. Таким образом, речь может идти при последующих рассуждениях только о развитии общих принципов, постановка которых вытекает из сделанного анализа и проведение которых можно предусмотреть только до известной степени. Общество и до сих пор уже не было организмом, который руководится и направляется отдельным лицом, если даже это часто так и казалось — «кажется, что ты двигаешь, а между тем двигают тебя». Наоборот, оно является организмом, развивающимся по определенным имманентным законам. В будущем любое руководство общества волею одного лица, несомненно, исключается. Тогда общество будет демократией, познавшей тайны своего существования, открывшей законы собственного развития и целесообразно применяющей их для дальнейшего развития.

¹ Rodbertus, Das Kapital, Berlin 1884, S. 117.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

1. ПРИВЛЕЧЕНИЕ ВСЕХ РАБОТОСПОСОБНЫХ К РАБОТЕ

Как только общество овладеет всеми средствами производства, *основным законом социалистического общества станет обязанность для всех трудоспособных без различия пола работать*. Без труда общество не в состоянии существовать. Ввиду этого оно вправе требовать, чтобы каждый, желающий удовлетворять свои потребности, принимал участие в создании продуктов для удовлетворения этих потребностей по мере своих физических и духовных способностей. Нелепое утверждение, будто социалисты хотят отменить труд, — это беспримерный абсурд. Бездельники и тунеядцы имеются лишь в буржуазном мире. Социализм согласен с Библией в том, что, кто не работает, тот не должен и есть. Но работа должна быть в то же время и полезным, продуктивным трудом. Новое общество будет поэтому требовать, чтобы каждый занялся определенной промышленной, ремесленной, земледельческой или другой какой-либо полезной деятельностью, посредством которой он сможет доставить известную трудовую услугу для удовлетворения имеющихся потребностей. *Без труда нет наслаждения, без наслаждения нет труда*.

Ввиду того что все обязаны трудиться, все одинаково заинтересованы в выполнении при работе трех условий: во-первых, чтобы продолжительность работы была умеренной, без переутомления; во-вторых, труд должен быть по возможности приятен и разнообразен; в-третьих, он должен быть как можно более производительным, так как от этого зависит продолжительность рабочего времени и наслаждения. Эти три условия зависят, однако, в свою очередь от характера и количества имеющихся в распоряжении средств производства и рабочей силы, а также от тех требований, какие общество предъявляет к собственному образу жизни. Социалистическое общество создается не для того, чтобы жить по-пролетарски, а для того, чтобы

покончить с пролетарским образом жизни громадного большинства человечества. Это общество стремится предоставить каждому возможно больше удобств, но в таком случае возникает вопрос: как высоки будут запросы общества?

Для того чтобы установить это, необходимо известное управление, обнимающее собою все сферы общественного труда. Наши общины являются в данном отношении целесообразным основанием; если они окажутся слишком большими, затрудняющими общий обзор хозяйства, то их разделят на округа. Как это было когда-то в первобытном обществе, все совершеннолетние члены общины *без различия пола* участвуют в выборах и назначении доверенных лиц, которые должны осуществлять управление. Во главе всех местных органов власти находится центральное управление, являющееся, кстати сказать, не правительством, господствующим путем сплы, а лишь исполнительным коллегиальным органом. Будет ли центральное управление избираться непосредственно всем обществом или будет назначаться общинными учреждениями, — безразлично. Эти вопросы не могут иметь в будущем того значения, какие они имеют в настоящем, ибо дело будет состоять не в замещении должностей, доставляющих большую власть, влияние и более высокий доход, а в доверии, которым будут паделаться способные, *все равно — мужчина или женщина*, сменяемые или вновь избираемые смотря по потребности и благоусмотрению избирателей. Все должности будут замещаться лишь временно. Таким образом, те, кто занимают эти должности, не приобретают особой «квалификации чиновника», так как отсутствуют длительное выполнение функций и иерархический порядок повышения по службе. В силу тех же соображений является для нас безразличным также вопрос о том, должны ли находиться между центральными и местными управлениями промежуточные ступени, например провинциальные управления и т. п. Если они окажутся необходимыми, их введут, если излишними, — их не станут учреждать. Во всем этом решающее значение имеет потребность, определяющаяся практикой. Если старые учреждения с развитием общества окажутся ненужными, их отменят без шума и споров и вместо них создадут новые, ибо сохранение их не лежит в чьих-либо частных интересах. Таким образом, *такое управление, основанное на*

самых широких демократических принципах, коренным образом отличается от ныне существующего. Сколько борьбы в газетах, сколько словесных перебранок в наших парламентах, сколько исписанной официальной бумаги в наших канцеляриях бывает необходимо теперь из-за самого незначительного изменения в управлении или в правительстве!

Самое важное — это установить количества и характер имеющихся в распоряжении сил, количества и характер средств производства, фабрик, мастерских, средств сообщения, земли и почвы и т. д., а также их производительность. Затем необходимо будет определить имеющиеся в наличии запасы и количество товаров и предметов, которое потребуется для удовлетворения потребности общества в течение определенного периода времени. Подобно тому как ныне государство и различные общинные учреждения определяют ежегодно свои бюджеты, то же самое будет делаться в будущем для всего общественного потребления, причем будут вноситься изменения, обусловленные увеличением потребностей или новыми потребностями. Статистика будет играть при этом главную роль; она делается важнейшей вспомогательной наукой в новом обществе, она даст мерило для всей общественной деятельности.

Уже и теперь статистика широко применяется для подобных целей. Государственные и коммунальные бюджеты основываются на целом ряде статистических исследований, осуществляемых ежегодно в отдельных отраслях управления. Продолжительный опыт и известное постоянство в текущих потребностях облегчают эту работу. Точно так же каждый предприниматель крупной фабрики, каждый торговец в состоянии при *нормальных* условиях с точностью определить, что именно ему необходимо на предстоящую четверть года и как ему следует организовать свое производство и закупки. Все это он может легко и без особого труда рассчитать, если не возникнут какие-либо чрезвычайные изменения.

Тот факт, что кризисы порождаются слепым, анархическим производством, то есть, когда производят товары, не зная запасов, сбыта и спроса их на мировом рынке, побудил в последние годы крупных промышленников различных отраслей промышленности объединиться в картели и тресты, с одной стороны, для установления цен, с

другой — для регулирования производства на основании имеющегося опыта и поступающих заказов. Соответственно производительной силе каждого отдельного предприятия и вероятному сбыту устанавливается, сколько именно каждый отдельный предприниматель должен произвести в ближайшие месяцы. Нарушение договора облагается высоким штрафом и оплатой. Предприниматели заключают эти договоры не в интересах публики, а к ее вреду и для собственной пользы. Их цель — воспользоваться могуществом коалиции для увеличения своей прибыли. Такое регулирование производства имеет в виду лишь возможность устанавливать такие цены, какие никогда не могут быть достигнуты при конкурентной борьбе отдельных предпринимателей. Таким образом, осуществляется обогащение за счет потребителей, принужденных платить запрашиваемую цену за продукт, в котором они нуждаются. И не только потребитель вообще, но и рабочий страдает от существования картелей, трестов и т. д. Регулирование производства предпринимателем делает излишней известную часть служащих и рабочих, которые вынуждены ради заработка сбивать заработную плату своих работающих товарищей. Кроме того, социальная сила картелей так велика, что даже рабочие организации редко могут им противодействовать. Предприниматели получают, таким образом, двойную выгоду — они добиваются более высоких цен и платят более низкую заработную плату. Такое регулирование производства предпринимательскими союзами является *прямою противоположностью тому, которое будет иметь место в социалистическом обществе*: теперь решающую роль играют интересы предпринимателей, в будущем решающую роль приобретут интересы общественные. Производство будет иметь тогда в виду удовлетворение потребностей всех членов общества, а не выжимание посредством высоких цен больших барышей для немногих. В буржуазном обществе даже наилучшие организованные картели не в состоянии предусмотреть и учесть все факторы; конкуренция и спекуляция продолжают свирепствовать на мировом рынке, несмотря на картели, и внезапно обнаруживается, что в расчете пмеются промахи, и искусственно возведенное здание рушится.

Подобно индустрии, обширной статистикой располагает и торговля. Еженедельно торговые центры и порты сообщают статистикам сведения о запасах керосина, кофе,

хлопка, сахара, хлеба и т. д. Эти статистические данные, однако, зачастую оказываются неточными, так как собственники товаров нередко заинтересованы в том, чтобы скрыть истинное положение дел. Но в общем эти данные являются довольно надежными и дают возможность заинтересованному лицу познакомиться с состоянием рынка в ближайший период времени. Но и здесь надо учитывать спекуляцию, которая изменяет все расчеты, все опрокидывает и часто делает невозможным всякую реальную сделку. Но подобно тому как всеобщее регулирование производства в буржуазном обществе, с его многими тысячами частных предпринимателей и противоположными интересами, является невозможным, так же невозможно и регулирование *распределения* продуктов вследствие спекуляционного характера торговли, многочисленности лиц, занимающихся торговлею, и противоречивости их интересов. То, что делается в этой области, показывает лишь, что может быть сделано, как только исчезнут частные интересы и восторжествуют общественные интересы. Доказательством тому может служить, например, статистика урожая, предпринимаемая ежегодно в различных культурных странах и дающая возможность установить урожай, размер удовлетворения собственного потребления и вероятных цен.

В социалистическом обществе все эти отношения будут полностью упорядочены, все общество соединено будет солидарной связью. Все будет совершаться по плану и порядку, благодаря чему окажется весьма легким определение размера разнообразных потребностей. При наличии некоторого опыта все дело не будет представлять никакого затруднения. Раз будет, например, статистически установлено, какова в среднем потребность в хлебе, мясе, в обуви, белье и т. д., и будет, с другой стороны, точно известна производительность соответствующих предприятий, *то окажется возможным определение средней продолжительности ежедневного общественного необходимого труда. Можно будет также определить, нужны ли новые предприятия для производства некоторых товаров или, если имеется избыток таких предприятий, нужно ли их ликвидировать или использовать для других целей.*

Каждый решает, в какой отрасли труда он мог бы работать; наличие многочисленных и самых различных областей труда дает возможность учитывать самые различные

желания. Если в одной отрасли труда обнаружен избыток сил, а в другой недостаток, то органы управления примут надлежащие меры и восстановят равновесие. Организовать производство и предоставить различным силам возможность быть правильно использованными станет главной задачей избранных должностных лиц. Чем согласованнее работают все эти силы, тем ровнее работает механизм. Отдельные отрасли труда и их подразделения избирают своих распорядителей, берущих на себя руководство делом. Это не начальники, какими являются ныне инспектора и управляющие, а товарищи, которые выполняют возложенную на них функцию управления вместо производительной деятельности. Не исключено, что с усовершенствованием организации и при более высокой подготовке ее членов эти функции будут выполняться поочередно всеми участниками *без различия пола*.

2. ГАРМОНИЯ ИНТЕРЕСОВ

Труд, организованный на началах полной свободы и демократического равенства, когда один стоит за всех и все — за одного и когда все проникнуто чувством полной солидарности, явится источником творческого наслаждения и соревнования, которые невозможны при современной экономической системе. Этот дух радостного созидания окажет также свое воздействие и на производительность труда.

Далее, так как все работают друг для друга, то существует общая заинтересованность в том, чтобы все предметы производились как можно лучше и совершеннее, с минимальной затратой сил и рабочего времени, либо ради экономии рабочего времени, либо в целях использования времени для производства новых продуктов, предназначенных к удовлетворению более высоких потребностей. Этот всеобщий интерес побудит всех стремиться к улучшению, упрощению и ускорению процесса труда. Честолобивое стремление к изобретениям и новым открытиям достигнет своей высшей степени, каждый будет стараться перещеголять других своими проектами и идеями¹. Насту-

¹ «Могущество соревнования, побуждающее к чрезвычайным усилиям в видах достижения похвалы и удивления со стороны других, оказывается, как учит опыт, полезным повсюду, где люди сорев-

пнт, таким образом, как раз противоположное тому, что утверждают противники социализма. Какое множество изобретателей и людей, совершивших новые открытия, погибает в буржуазном мире! Сколько из них было им использовано и затем брошено на произвол судьбы! Если бы талант и умственное дарование, а не собственность находились во главе буржуазного общества, то большая часть предпринимателей должна была бы уступить место своим рабочим, техникам, инженерам, химикам и т. д. Все они — именно те люди, которые в 99 случаях из 100 совершали открытия, изобретения, усовершенствования, используемые обладателем денежного мешка. Сколько тысяч таких изобретателей погибло потому, что не нашлось человека, который предоставил бы средства для осуществления их открытия! Сколько заслуженных изобретателей было раздавлено еще в зародыше, подавлено и подавляется под тяжестью социальной нужды повседневной жизни, не поддается никакому вычислению. Не люди со светлой головой и пронизательным умом, а те, у кого много денег, являются господами мира, что не исключает, конечно, соединения в одном лице и светлого ума и полного кошелька.

Всякий, кто знаком с действительностью, знает, как недоверчиво относятся теперь рабочие ко всякому вновь вводимому улучшению, ко всякому новому изобретению. И они правы, ибо обычно выгоду от них получает не рабочий, а предприниматель. Рабочий должен опасаться, как бы новая машина или вводимое усовершенствование не выбросило его на мостовую, как излишнего. Вместо того чтобы радостно приветствовать какое-либо изобре-

пуются друг с другом публично, даже там, где дело идет о легкомысленных целях или таких, от которых публике нет никакой пользы. Соревнование же в том, чтобы принести возможно большую пользу общему делу, является одним из видов конкуренции, которого социалисты не отвергают» (*Джон Стюарт Милль*, Политическая экономия). Каждый союз, каждый кружок лиц, преследующих одни и те же цели и задачи, также доставляет многочисленные примеры высших стремлений, имеющих в виду не материальный, а идеальный успех. Соревнующиеся побуждаются, конечно, желанием отличиться, жаждой быть полезным общему делу. Этот род честолюбия есть, однако, не порок, а, наоборот, добродетель. Он в видах общей пользы, направлен к общему благу, в котором также и отдельная личность находит свое удовлетворение. Честолюбие лишь тогда является вредным и предосудительным, когда оно вредит целому или направлено против других лиц.

ние, делающее честь человеческому гению и полезное человечеству, он произносит лишь слова угрозы и проклятия. А как много улучшений в процессе производства, открытых рабочими, не было осуществлено! Рабочий утаивает их, ибо боится получить от них не пользу, а вред. Таковы естественные последствия противоположности интересов¹.

В социалистическом обществе противоположность интересов устраняется. Каждый развивает свои способности, чтобы быть полезным себе и вместе с тем приносить пользу всему обществу. Ныне удовлетворение личного эгоизма и общее благо в большинстве случаев несовместимы и исключают друг друга; в новом обществе эти противоположности устраняются. *Удовлетворение личного эгоизма и содействие общему благу гармонично сливаются одно с другим*².

¹ Фон Тюнен в своем сочинении «Изолированное государство» (*von Thünen, Der isolierte Staat*) говорит: «В противоположных интересах лежит причина, почему пролетарий и собственник будут оставаться и впредь во враждебных и непримиримых отношениях до тех пор, пока такое раздвоение интересов не будет уничтожено. Благодаря открытиям в фабричном деле, проведению шоссейных и железных дорог, установлению новых торговых сношений может значительно возрасти не только благосостояние предпринимателя, но и национальный доход. Однако при существующем общественном строе положение рабочего от этого не изменяется, его положение остается таким же, как и раньше, и *весь прирост дохода попадает в руки предпринимателей, капиталистов и землевладельцев*». Последняя фраза почти дословно была сказана Гладстоном в английском парламенте, когда в 1864 году он заявил, что «этот головокружительный прирост дохода и власти (который наблюдался в Англии в последние двадцать лет) достался исключительно лишь на долю имущих классов». На стр. 207 своего труда Тюнен говорит: «В разобщении рабочего от продукта его труда лежит корень зла».

Морелли в своих «Принципах законодательства» («Prinzipien der Gesetzgebung») говорит: «Собственность делит нас на два класса, на богатых и бедных. Первые любят свое богатство и не хотят защищать государство, вторые не могут любить отечество, так как оно не дает им ничего, кроме нищеты. Но каждый полюбит свое отечество при общности имущества, так как тогда оно даст каждому и жизнь и счастье».

² Взвешивая плюсы и минусы коммунизма, Дж. Ст. Милль говорит в своей «Политической экономии»: «Не может быть более благоприятной почвы для развития подобного воззрения (что общественные интересы являются в то же время и личными), чем коммунистическая ассоциация. Всякое честолюбие, как всякая физическая и умственная деятельность, которая расходуется теперь для личных эгоистических интересов, найдут, естественно, другое применение в стремлении ко всеобщему благополучию».

Громадное влияние такого морального состояния очевидно. Производительность труда значительно возрастет. Особенно сильно возрастет она также и потому, что прекратится огромное раздробление рабочей силы на сотни тысяч и миллионы крошечных производств, работающих посредством самых несовершенных орудий и средств труда.

В книге было уже указано, на какое бесчисленное множество мелких, средних и крупных предприятий раздроблена германская промышленность. Путем объединения мелких и средних предприятий в крупные, оснащенные всеми достижениями современной техники предприятия будет покончено с расточительством сил, времени, всякого рода материалов (света, топлива и т. д.) и помещений, существующих в настоящее время, а производительность труда во много раз возрастет.

Как велика разница в производительности между мелкими, средними и крупными предприятиями, могут иллюстрировать данные промышленной переписи 1890 года в штате Массачусетс. Все предприятия десяти главных отраслей промышленности были там подразделены на три категории. Те, кто производят товаров менее чем на 40 тысяч долларов, относятся к низшей группе, производящие на 40 тысяч — 150 тысяч долларов — к средней, производящие товаров более чем на 150 тысяч долларов — к высшей.

Результаты таковы:

	Число предприятий	Процент всех предприятий	Стоимость всей продукции (в долл.)	Процент всей продукции
Низшая группа	2 042	55,2	51 660 617	9,4
Средняя »	968	26,2	106 868 635	19,5
Высшая »	686	18,6	390 817 300	71,1
	3 696	100	549 346 552	100

Число мелких предприятий, более чем в два раза превышающее число средних или крупных предприятий, производило, таким образом, только 9,4 процента всей продукции, в то время как 18,6 процента крупных пред-

приятый производило почти в два с половиной раза больше, чем все остальные. Но и крупные предприятия могли бы быть организованы рациональнее, так, что при общем производстве, поставленном на более высокий технический уровень, продуктивность работы может быть значительно выше.

Сколько можно выиграть во времени при рациональной системе производства, показывают интересные вычисления, сделанные Герцка в его книге «Законы социального развития»¹. Автор исследовал, сколько необходимо рабочих и времени, чтобы удовлетворить потребности 22-миллионного населения Австрии при системе крупного производства. Для этой цели Герцка использовал сведения о производительности крупных предприятий в различных отраслях промышленности и соответственно этому сделал свои вычисления. При этом он принял во внимание обработку 10,5 миллионов га пахотной земли и 3 миллионов га лугов, которые способны были бы покрыть потребность этого населения в хлебе и мясных продуктах. Далее, Герцка включил в свои вычисления строительство жилищ, исходя из того, что каждая семья получит отдельный домик в 150 квадратных метров с пятью комнатами, рассчитанный на 50 лет. В результате такого вычисления оказалось, что для сельского хозяйства, строительного дела, мучного и сахарного производства, угольной, металлургической и машиностроительной промышленности, для промышленности, производящей одежду, и для химической промышленности понадобилось бы всего 615 тысяч рабочих, занятых круглый год при современном среднем рабочем дне. Эти 615 тысяч рабочих составляют *лишь 12,3 процента всего работоспособного населения Австрии, даже если оставить в стороне всех женщин и мужское население в возрасте менее 16 и выше 50 лет*. Если бы все 5 миллионов лиц мужского пола, имеющих налицо к моменту исчисления, работали наряду с 615 тысячами, то каждый из них *должен был бы работать только 36,9 дня в году, для ровного счета 6 недель*, ради удовлетворения жизненных потребностей 22 миллионов населения. Но если мы возьмем 300 рабочих дней в году вместо 37, то для удовлетворения всех необходимых потребностей при новой организации труда понадобилось бы

¹ Th. Hertzka, Die Gesetze der sozialen Entwicklung.

работать ежедневно только $1\frac{3}{8}$ часа, а не 11 часов, как сейчас.

Гердка вычисляет также потребности в предметах роскоши более зажиточных классов и находит, что для 22 миллионов людей понадобилось бы еще 315 тысяч рабочих. Таким образом, достаточен был бы круглым счетом один миллион рабочих, то есть 20 процентов работоспособного мужского населения, за исключением мужчин менее 16 и более 50 лет, *чтобы удовлетворить все потребности населения в 60 дней.* Если же учесть все работоспособное мужское население, то пришлось бы работать *в среднем только 2,5 часа в день*¹.

Это вычисление не может изумить никого, желающего вникнуть в существо дела. Предположим, что при таком коротком рабочем времени смогут принять участие в труде, исключая больных и инвалидов, также все мужчины в возрасте свыше 50 лет и молодежь, не достигшая еще 16 лет, равно как и значительная часть женщин, не занятая воспитанием детей, приготовлением пищи и т. п.; тогда можно было бы еще более сократить рабочий день или значительно повысить уровень потребностей. Никто не станет отрицать, что в будущем произойдут еще более значительные и непредвидимые успехи в усовершенствовании процесса производства, которые создадут еще большие преимущества. С другой стороны, дело идет о том, чтобы сделать доступным для всех удовлетворение тех потребностей, которое ныне доступно лишь меньшинству, а при более высоком развитии культуры возникают все новые потребности, которые также должны быть удовлетворены. *Нужно постоянно повторять, что новое общество не станет владеть пролетарское существование, что оно будет жить так, как того требует народ с высокоразвитой культурой, и конечно, для всех своих членов, от первого*

¹ Господин Евгений Рихтер в своих «Лжеучениях» издевался над нарисованной нами перспективой значительного сокращения рабочего времени, которое наступит при обязательном труде для всех и более высокой организации технического процесса. Он стремится по возможности уменьшить производительную способность крупной промышленности и раздуть значение мелкого производства, чтобы иметь возможность утверждать, будто необходимое увеличение производства остается неосуществимым. Чтобы доказать неосуществимость социализма, защитники существующего «порядка» вынуждены дискредитировать преимущества их собственного общественного строя.

до последнего. Но оно будет в состоянии удовлетворять не только все свои материальные потребности; оно должно также предоставить всем достаточное время для художественного и научного образования, а также и для отдыха.

3. ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА

И в других весьма существенных пунктах социалистическое общественное хозяйство будет отличаться от буржуазного частного хозяйства. Правило, гласящее «дешево, да гнило», которое применяется и не может не применяться в громадной части капиталистического производства, ибо большинство покупателей в состоянии купить лишь дешевые товары, портящиеся весьма быстро, — это правило потеряет силу. Производиться будут товары самого лучшего достоинства, не подвергающиеся быстрой порче. Безвкусица, глупости и безумства в сфере моды, которым потворствует расточительность, также исчезнут. Несомненно, что люди будут одеваться целесообразнее и красивее, чем теперь (заметим мимоходом, что моды последнего столетия, в особенности мужские, отличаются крайней безвкусицей), кроме того, моды не станут более вводить каждую четверть года — это бессмыслица, вызываемая, с одной стороны, конкуренцией женщин между собою, а с другой стороны — хвастовством, тщеславием и желанием выставить напоказ свое богатство. В настоящее время многие живут благодаря этим глупым увлечениям людей, и потому лично заинтересованы в том, чтобы поддерживать и развивать их. Вместе с безумствами в сфере моды платьев исчезнут подобные же глупости и по отношению к стилю жилищ. Экцентричность процветает здесь в наихудшем виде. Стили, требовавшие для своего развития целые столетия и возникшие в самых различных странах, теперь отбрасываются, люди не довольствуются более европейским стилем, а переходят к стилю японцев, индусов, китайцев и т. д. Наши представители художественных ремесел не знают более, что им делать с моделями и образцами. Едва они успели приспособиться к одному какому-нибудь «стилю» и надеются покрыть сделанные затраты, как появляется новый «стиль», который снова требует больших затрат времени и денег, физических и духовных сил. В этом перескакивании от одной моды к другой, от одного стиля к другому очень ярко отражается

первозность нашего века. Никто не станет утверждать, что в этой лихорадочной поспешности кроется смысл и разум и что она есть признак здорового состояния общества.

Социализм снова внесет большую устойчивость в жизненные привычки общества; он сделает возможным покой и наслаждение и освободит людей от царящих в наше время торопливости и возбуждения. Нервность, этот бич нашего времени, тогда исчезнет.

Но и самый труд должен стать приятным. Для этого нужны практически и со вкусом устроенные мастерские, возможно большее предохранение людей от всякой опасности, устранение неприятных запахов, испарений, дыма и т.д. — словом, всех вредных для здоровья и тягостных условий. Вначале новое общество производит при помощи орудий и вспомогательных средств труда, заимствованных у старого общества. Но они совершенно недостаточны. Бесчисленные разбросанные и во всех отношениях непригодные помещения, неудовлетворительные орудия труда и машины не соответствуют более ни числу рабочих, ни их запросам относительно удобства и приятности. Создание множества больших, светлых и просторных рабочих помещений, оборудованных и украшенных наилучшим образом, является самой насущной необходимостью. Искусство и техника, умственная и физическая ловкость найдут тотчас же для себя самое обширное поле деятельности. Все области машиностроения, производства инструментов строительного дела, отрасли труда, занятые внутренним устройством помещений, получают возможность самого широкого развития. Все, что только изобретательный ум человека способен выдумать по части более удобных и приятных помещений, более целесообразной вентиляции, освещения и отопления, машинной и технической организации и всего, что касается чистоты, — все это найдет свое приложение. Экономия на двигательных силах, на отоплении, освещении, времени, равно как соображения удобств, необходимых для труда и жизни, делают необходимой наиболее целесообразную *концентрацию* рабочих помещений в определенных пунктах. Жилища будут отделены от рабочих помещений и освобождены от неприятностей, связанных с промышленной работой. В свою очередь эти неприятности будут сведены до самого незначительного минимума посредством различных целесообразных мер и в

конец концов будут устранены совсем. Современное состояние техники располагает уже достаточными средствами, чтобы самые опасные области производства, как, например, горное дело, химические предприятия и т. д., *полностью* освободить от присущих им опасностей. Но эти средства не падают себе применения в буржуазном обществе, ибо они связаны со значительными расходами и не существует никакого обязательства делать для охраны рабочих что-либо сверх самого необходимого. Неудобства, присущие, например, труду в горном деле, могут быть устранены применением другого способа разработки пород, широкой системой вентиляции, введением электрического освещения, значительным сокращением рабочего дня и частой сменой работающих. Да и нет никакой надобности в особенном остроумии, чтобы найти предохранительные средства, которые сделали бы несчастные случаи, например при постройках, почти невозможными и придали бы труду на них весьма приятный характер. Необходимые предохранительные меры против солнечной жары и дождя могут быть широко осуществлены на больших стройках и во всех работах на открытом воздухе. В таком обществе, как социалистическое, располагающем достаточным количеством рабочих, можно легко осуществить более частую смену работающих и приурочить известные работы к определенным временам года или определенным часам.

Вопрос об устранении пыли, дыма, копоти, вони может быть уже сегодня полностью разрешен химией и техникой; если же это не делается теперь или делается недостаточно, то только потому, что частные предприниматели не хотят пожертвовать для этого необходимые средства. Рабочие помещения будущего общества, где бы они ни находились, на земле или под землю, будут, таким образом, самым выгодным образом отличаться от современных. Улучшения условий труда являются для частного предприятия прежде всего денежным вопросом, вопросом выгоды. Если они не выгодны, то рабочий может погибнуть. Капитал не делает того, что не дает прибыли. Человечность не котируется на бирже¹.

¹ «Капитал,— говорит «Quarterly Reviewer»,— избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком малень-

В социалистическом обществе вопрос о прибыли не играет роли; определяющая роль в нем принадлежит соотношениям о благе всех его членов. Все, что им полезно и что их охраняет, должно быть введено; что им вредит — отвергается. Никто не принуждается участвовать в каком-либо опасном предприятии. Если предпринимается какое-либо дело, связанное с опасностями, то можно быть уверенным, что найдется достаточно добровольцев, тем более что никогда такое предприятие не будет иметь в виду целей, вредных для культуры, а всегда только — содействующие ей.

4. РОСТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА

Самое широкое применение двигательных сил и совершеннейших машин и инструментов, самое детальное разделение труда и умелое распределение рабочей силы поднимут производство на такую высоту развития, при которой, для удовлетворения необходимого количества жизненных потребностей, *рабочее время может быть значительно сокращено. Возрастающее производство пойдет на пользу всем; доля каждого в производстве продукта возрастет вместе с ростом производительности труда, а растущая производительность, со своей стороны, сделает возможным сокращение продолжительности общественно необходимого труда.*

Среди двигательных сил, применяемых в производстве, электричество займет, по всей видимости, в будущем важнейшее место. Уже буржуазное общество старается подчинить себе повсюду эту силу. Чем более широко и чем в более совершенной форме это происходит, тем лучше для всеобщего прогресса. Революционизирующее действие этой самой могущественной из сил природы подорвет устои буржуазного мира *еще скорее* и откроет двери со-

кой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому» (К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 764).

циализму. Но наиболее полное использование и самое широкое применение эта сила получит только в социалистическом обществе. Она будет содействовать улучшению условий жизни общества и как источник двигательных сил и как источник света и тепла. Электричество отличается от всякой другой двигательной силы прежде всего тем, что оно имеется в природе в изобилии. Наши водопады, морские приливы и отливы, ветер, солнечный свет дадут нам бесчисленное множество лошадиных сил, если только мы сумеем осуществить их полное и целесообразное использование.

«Громадное обилие энергии, превышающее все потребности, доставляют те части земной поверхности, на которые солнечная теплота (большей частью не только неиспользуемая, но даже обременительная) притекает столь равномерно, что с ее помощью можно осуществить нормальную деятельность технического производства. Быть может, не было бы излишней предусмотрительностью, если бы какая-нибудь нация уже теперь обеспечила себе использование такой местности. Очень большой площади для этого вовсе не нужно. *Несколько квадратных миль в Северной Африке было бы достаточно для удовлетворения потребности такой страны, как Германская империя.* Концентрация солнечной теплоты дает высокую температуру, а значит, и всю остальную двигательную механическую работу, зарядку аккумуляторов, свет и теплоту или, при помощи электролиза, непосредственный горючий материал»¹. Человек, указывающий эти перспективы, не мечтатель, а почтенный профессор Берлинского университета и президент Физико-технического государственного института, человек, занимающий в науке место первого ранга. А на 79-м конгрессе Британской ассоциации, в Виннипеге (Канада), знаменитый английский физик сэр С. Томсон говорил в своей вступительной речи (август 1909 года): «Недалек тот день, когда использование солнечных лучей революционизирует нашу жизнь. Будет покончено с зависимостью человека от каменного угля и водяной силы, и все большие города будут окружены могучими аппаратами, в которых концентрируется солнечная теплота, а полученная энергия собрана в мощные резервуары... Это сила солнца, которая, будучи со-

¹ «Die Energie der Arbeit und die Anwendung des elektrischen Stromes», von Fr. Kohlrausch, Leipzig 1900.

средоточена в угле, водападах, пище, выполняет все работы на земле. Как мощна эта сила, изливаемая на нас солнцем, будет ясно, когда мы вспомним, что теплота, получаемая землей в полдень при чистом небе, по исследованиям Лангilea, дает энергию в 7 тысяч лошадиных сил на один акр. Если наши инженеры пока не нашли еще пути использовать этот исполинский источник сил, я все же не сомневаюсь, что в конце концов это им удастся. Когда однажды истощатся все земные запасы каменного угля, когда сила воды не будет больше удовлетворять наших потребностей, тогда мы из названного источника будем черпать всю энергию, необходимую для выполнения мировой работы. Тогда промышленные центры будут расположены в раскаленных пустынях Сахары, а ценность местности будет измеряться тем, насколько она пригодна для установки больших ловителей солнечных лучей»¹.

Таким образом будет устранено опасение, что когда-нибудь у нас может появиться недостаток в топливе, а изобретение аккумуляторов сделало возможным сохранение большого количества энергии и сбережение ее в любом месте и на любое время, так что рядом с энергией, даваемой нам солнцем, приливом и отливом, можно будет удерживать и использовать силу ветра и горных ручьев, которую можно получать только периодически. В конце концов нет такой человеческой деятельности, для которой не было бы налицо двигательной силы.

Только при помощи электричества стало возможным использование силы воды. По Т. Кэну, в восьми европейских государствах имеется *годная для использования водная энергия*:

	Лошадиных сил	На тыс. жителей		Лошадиных сил	На тыс. жителей
Великобритания .	963 000	23,1	Франция .	5 857 000	169,0
Германия .	1 425 900	24,5	Австро-Венгрия . .	6 460 000	454,5
Швейцария	1 500 000	138,0	Швеция . .	6 750 000	1 290,0
Италия . .	5 500 000	150,0	Норвегия .	7 500 000	3 409,0

¹ Уже в 1864 году Августин Муршо пытался применить солнечную теплоту непосредственно для промышленных целей и сконструировал для этого солнечную машину, усовершенствованную Пифре. Большая солнечная машина (гелиомотор) стоит в Калифорнии и применяется как насос: вода из источника накачивается со скоростью 11 тысяч литров в минуту.

Из немецких союзных государств Баден и Бавария располагают наибольшими запасами водяной энергии. Баден может только в Обергейме получить круглым счетом 200 тысяч лошадиных сил. Бавария имеет свыше 300 тысяч неиспользованных (наряду со 100 тысячами использованных) лошадиных сил. Профессор Ребок в Карлсруэ оценивает предполагаемую энергию всех текучих вод земной поверхности в 8 миллиардов лошадиных сил. Если из них будет использована только $\frac{1}{16}$ часть, то получится 500 миллионов непрерывно действующих лошадиных сил, то есть такое количество энергии, которое по приблизительному вычислению более чем в десять раз превосходит добытое в 1907 году количество каменного угля (1 миллиард *т*). Пусть эти вычисления будут только теоретическими, они все же показывают, какие выгоды можем мы предвидеть для себя в далеком будущем от «белого угля». Одно падение Ниагары, вытекающей из озерной области с поверхностью 231 880 квадратных километров — это приблизительно 43 процента всей площади Германии, имеющей 540 тысяч квадратных километров, — дает возможность получить больше водяной энергии, чем ее имеется в Англии, Германии и Швейцарии, вместе взятых¹. По другому вычислению, цитированному в одном официальном отчете, в Соединенных Штатах Америки имеется пригодная для использования водяная энергия не менее чем в 20 миллионов лошадиных сил, что эквивалентно 300 миллионам тонн угля ежегодно². Фабрики, которые будут двигаться этим «белым» или «зеленым углем», силой бурлящих потоков и водопадов, не будут иметь ни труб, ни огня.

Электричество сделает возможным повысить более чем вдвое скорость наших поездов, и если в начале девяностых годов прошлого столетия г-н Мимс из Балтимора считал возможным построить электрический вагон, способный пробежать расстояние в 300 км в течение одного часа, а профессор Элиу Томсон из Лина (Массачусетс) верил, что возможно построить электромоторы, которые при соответствующем укреплении железнодорожного полотна и

¹ *T. Koehn, Über einige große europäische Wasserkraftanlagen und ihre wirtschaftliche Bedeutung, Elektrotechnische Zeitschrift 1909, Heft 38.*

² *Supply and distribution of Cotton, Washington 1908, p. 37.*

улучшении сигнальной системы позволят развить скорость 260 километров в час, то эти ожидания почти сбылись. Пробные поездки, предпринятые в 1901 и 1902 годах воинскими поездами Берлин — Цосен, производились уже со скоростью до 150 километров в час. А во время испытаний, проведенных в 1903 году, вагон Сименса достиг скорости 201, а вагон Всеобщего электрического общества — 208 километров. В следующие годы при испытании скорых поездов с паровыми локомотивами достигнута скорость 150 и более километров в час.

Теперь лозунгом является — 200 километров в час. И на сцене появляется Август Шерль с его новым проектом скорого поезда, передающим существующие теперь железнодорожные линии товарному движению и связывающим наиболее крупные города однорельсовыми поездами со скоростью 200 километров в час¹.

Вопрос об электрификации железнодорожного дела стоит на очереди в Англии, Австрии, Италии и Америке. Между Филадельфией и Нью-Йорком проектируется электрический скорый поезд со скоростью 200 километров в час.

Таким же образом растет и скорость пароходов. Выдающую роль играет при этом паровая турбина². «Она теперь стоит на переднем плане технических достижений и, по-видимому, призвана получить широкое применение в различных областях и вытеснить поршневую паровую машину. В то время как большинство инженеров еще рассматривает паровую турбину как задачу будущего, она уже сделалась вопросом современности и привлекла к себе внимание всего технического мира... Но только электротехника со своими скорыми машинами впервые предоставила широкое поле применения для этой новой машины. Наибольшее количество паровых турбин используется

¹ По постановлению 4 ноября 1904 года о постройке новых железных дорог для пассажирских поездов со сквозными тормозами устанавливается предельная скорость сто километров в час. В 1908 году прусское министерство общественных работ решило заменить на железнодорожных линиях Лейпциг—Битерфельд—Магдебург и Лейпциг—Галле паровую тягу электрической.

² В то время как старая паровая машина приводит вращательное движение ведущие и маховые колеса кружным путем (при помощи движущегося вперед и назад поршня), паровая турбина сообщает вращательное движение непосредственно, как ветер приводит в движение ветряные колеса.

для приведения в действие динамомашин»¹. Паровая турбина показала свои преимущества перед старыми поршневыми паровыми машинами, в частности на океанских пароходах. Так, английский океанский пароход «Лузитания», снабженный паровыми машинами, в августе 1909 года совершил рейс из Ирландии до Нью-Йорка за 4 дня 11 часов 42 минуты со средней скоростью 25,85 узла в час (около 48 километров). Построенный в 1863 году самый быстроходный в то время корабль «Америка» делал 12,5 узла (23,16 километра)². И педалек тот день, когда электрический пропеллер найдет применение на больших пароходах. Для маленьких кораблей он уже применяется. Простой уход, верность движения, хорошее саморегулирование, ровный ход делают паровую турбину идеальной двигательной силой для добывания электрической энергии на судне. И рука об руку с электрификацией железнодорожного дела пойдет и электрификация всего судостроения.

При помощи электричества революционизируется также и грузоподъемная техника. «Если сила парав общем открыла возможность построения подъемных машин, использующих силу природы, то электрическая передача силы произвела полный переворот в строительстве подъемных машин, как только она смогла обеспечить этим машинам легкую подвижность и возможность постоянной эксплуатации». Электричество произвело еще более глубокий переворот в строительстве подъемных кранов. «Подъемный кран, покоящийся на тяжелом фундаменте из квадратных плит, с его массивным клювом из вальцового железа, медленными движениями и с шипением вырывающегося пара производит впечатление чудовища первобытных времен. Будучи установлен, он развивает огромную подъемную силу, но ему нужны люди — подручные, которые при помощи цепей укрепляют грузы на его крюке. Благодаря своей беспомощности в захвате, медлительности

¹ C. Matchoß, Die Entwicklung der Dampfmaschine, 2. Band, Berlin 1908, S. 606 bis 607.

² «В среднем еще в 50-х годах рейс до Нью-Йорка для парусного судна исчислялся в 6 недель, для парохода — в две недели. В 90-х годах такое же расстояние проделывалось в неделю, теперь — в 5 с половиной дней. Две части света благодаря этим успехам придвинулись друг к другу ближе, чем Берлин и Вена сотню лет тому назад» (E. Reyer, Kraft, Leipzig 1908, S. 173).

и тяжести он используется только для подъема тяжелых грузов, но не для быстрого массового передвижения. Совершенно другую картину представляет уже с внешней стороны современный, движимый электричеством, стальной кран: мы видим изящную стальную решетчатую балку, покоящуюся на площадке и выдвигающую вперед клещеобразную руку,двигающуюся во всех направлениях; все управляется одним человеком, который при помощи легкого нажима на рулевой рычаг направляет электрический ток, действием которого он сообщает быстрое движение стройным стальным членам крана так, что он без помощи подносчика схватывает стальные раскаленные болванки и перебрасывает их по воздуху. При этом нет никакого другого шума, кроме жужжания электромотора»¹. Без помощи этих машин не удалось бы осилить постоянно растущий массовый транспорт. Об увеличении подъемной силы портовых кранов за период с середины до конца XIX столетия говорит сравнение роста портовых кранов в Поле и Киле. Подъемная сила первого равняется 60 тоннам, второго — 200 тоннам. Работа завода бессемерової стали вообще возможна только тогда, когда пользуются быстродействующими подъемными машинами, потому что в противном случае много расплавленной стали, добываемой в короткое время, невозможно было бы доставить в литейные формы. На заводе Круппа в Эссене работают 608 подъемных кранов с общей подъемной силой в 6513 тонн, то есть равной товарному составу из 650 вагонов. Незначительная стоимость морского фрахта, имеющего жизненно важное значение для современного мирового сообщения, была бы невозможна, если бы капитал, вложенный в судоходство, не использовался так интенсивно благодаря быстрой разгрузке судов. Снабжение судов электрическими подъемными площадками привело к уменьшению годовых расходов с 23 тысяч до 13 тысяч марок, то есть почти наполовину. Этот пример показывает успехи только одного десятилетия.

Во всех отраслях техники сообщения каждый день приносит результаты, пролагающие новые пути. Проблема летания, которая еще два десятилетия тому назад казалась неразрешимой, теперь уже разрешена. И если уп-

¹ O. Kammerer, Die Technik der Lastenförderung einst und jetzt, Berlin 1907, S. 260.

равляемые воздушные корабли и различные летательные аппараты пока еще служат не для более легкого и дешевого транспорта, а для спорта и военных целей, то в будущем они будут служить увелпчению производительных сил общества. Огромные успехи сделала беспроволочная система телеграфирования и телефонирования; ее промышленное значение растет с каждым днем. В течение немногих лет вся связь, таким образом, будет поставлена на новую основу.

И в горном деле, за исключением разработки, мы видим переворот, которого еще десять лет тому назад нельзя было и представить. Переворот этот состоит во введении электрической передачи для откачивания воды, вентиляции, доставки руд по штрекам и из шахт. Электродвигательная сила революционизировала рабочие машины, насосы, блоки, подъемные машины.

Сказочны также те перспективы, о которых говорил весной 1894 года бывший французский министр народного просвещения, парижский профессор Бертело (умер 18 марта 1907 года) в своей речи на банкете союза химических фабрикантов, о значении химии в будущем. Бертело в своей речи нарисовал картину состояния химии приблизительно в двухтысячном году, и хотя его описание содержит в себе много юмористических преувеличений, но все же и многое в нем верно. Бертело показал все те успехи, какие уже сделала химия в течение немногих десятилетий, и среди прочего отметил как ее достижение следующее:

«Изготовление серной кислоты, соды, белиение и крашение, свекловичный сахар, терапевтические алкалоиды, газ, позолота, серебрение и т. д.; затем возникла электрохимия, преобразовавшая коренным образом металлургию; термохимия и химия взрывчатых веществ, доставляющая горной индустрии, равно как и военному делу, новые источники энергии; чудеса органической химии в создании красок, благовонных веществ, терапевтических и антисептических средств и т. д.» Но все это лишь *начало*, скоро будут решены более важные проблемы. В двухтысячном году не будет более ни сельского хозяйства, ни крестьян, ибо химия сделает излишним современное земледелие. Не будет никаких угольных копей и, следовательно, также никаких стачек углекопов. Горючие материалы будут заменены химическими и физическими процессами. Таможенные пошлины и войны отменены; воз-

духоплавание, пользующееся двигательной силой химических веществ, произнесло смертный приговор над этими устаревшими порядками. Проблема всей индустрии состоит в том, чтобы найти источники силы, которая была бы нестоима и возобновлялась бы с возможно меньшей затратой труда. До сих пор мы создавали пар посредством химической энергии сжигаемого каменного угля; но каменный уголь добывается нелегко, и запас его убывает с каждым днем. Надо подумать о том, чтобы воспользоваться солнечной теплотой и жаром, содержащимся внутри земли. Не без основания существует надежда на возможность безграничной эксплуатации этих источников. Просверлить шахту глубиною в 3—4 тысячи метров представляется возможным не только для будущих, но и для современных инженеров. Таким путем был бы открыт источник какой угодно теплоты и какой угодно промышленной работы; а если присоединить сюда еще энергию *воды*, то можно заставить двигаться всевозможные машины и этот источник силы спустя сотни лет вряд ли обнаружил бы заметное уменьшение.

При помощи земной теплоты были бы разрешены многочисленные химические проблемы, в том числе величайшая химическая проблема — изготовление питательных веществ химическим путем. В принципе этот вопрос уже решен, синтез жиров и масел уже давно известен, сахар и углеводы тоже уже синтезируются, и скоро найдут также способ соединения азотистых веществ. Проблема питательных веществ является чисто химической проблемой; в тот день, когда найдут соответственный дешевый источник силы, станут готовить пищу всех родов, добывая углерод из углекислоты, водород и кислород из воды и азот из воздушной атмосферы. То, что до сих пор делали *растения*, будет совершать *промышленность*, и притом еще лучше, чем природа. Наступит время, когда каждый будет иметь при себе в кармане коробочку с химическими веществами, которыми он будет удовлетворять потребности своего организма в белке, жире и углеводах независимо от времени дня и года, дождя и засухи, морозов, града и вредных насекомых. И тогда наступит переворот, который сейчас трудно себе представить. Пахотные поля, виноградники и луга исчезнут. Характер и моральные качества человека улучшатся, ибо он не будет более жить убийством и истреблением живых существ. Тогда же исчез-

нет также различие между плодородными и неплодородными местностями, и, быть может, *пустыни* станут любимым местопребыванием человека, так как там здоровее жить, чем на зараженной наносной почве и в болотных, сырых равнинах, где теперь занимаются земледелием. В то же время достигнет своего полного развития искусство вместе со всеми прочими красотами человеческого существования. Земля не будет более исковеркана, так сказать, геометрическими фигурами, проводимыми земледелием, а превратится в сплошной сад, в котором смогут свободно произрастать травы и цветы, кустарники и леса и в котором человеческий род будет жить в изобилии, в царстве золотого века. Человек не впадет от этого в леность и разврат. Счастье невозможно без труда, и человек будет работать столько же, как и прежде, ибо он будет трудиться для себя, для своего умственного, нравственного и эстетического усовершенствования.

Каждый читатель может считать в этой речи Бертело верным то, что ему угодно, но несомненно то, что в будущем благодаря разностороннему прогрессу доброкачественность, количество и разнообразие предметов увеличатся в неизмеримой степени и что жизненные удобства будущих поколений улучшатся так, как мы это едва ли можем себе представить.

Профессор Элиу Томсон сходится с Вернером Сименсом, который на берлинском конгрессе естествоиспытателей в 1887 году высказал мнение, что посредством электричества можно будет превращать химические элементы в продукты питания. Если Вернер Сименс полагал, что возможно будет, хотя и в далеком будущем, искусственно создавать углеводы, как, например, виноградный сахар и родственный ему крахмал, что даст возможность «из камней делать хлеб», то химик доктор Мейер утверждает, что возможно будет древесину превратить в источник человеческого питания. Очевидно, что мы идем навстречу новым химическим и техническим революциям. Тем временем (1890 год) Эмиль Фишер уже на деле приготовил искусственным путем виноградный и фруктовый сахар и сделал, таким образом, открытие, которое Вернер Сименс считал возможным лишь «в далеком будущем». С тех пор химия сделала дальнейшие успехи — индиго, ванилин камфора изготовляются искусственно. В 1906 году В. Лебу удалось произвести вне растения ассимиляцию угольной

кислоты вплоть до сахара под действием электрического тока высокого напряжения. В 1907 году Эмиль Фишер получил сложное синтетическое тело, очень близкое к природному протенину (белку). В 1908 году Вильштетер и Бенц получили в чистом виде хлорофилл (зеленое красящее вещество растений) и доказали, что это магниевое соединение. Кроме того, был искусственно получен ряд важнейших веществ, играющих роль при размножении и наследовании. Таким образом, разрешение главной проблемы органической химии — получения белка — относится к области недалекого будущего.

5. УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ УМСТВЕННЫМ И ФИЗИЧЕСКИМ ТРУДОМ

Одна из потребностей, глубоко коренящаяся в человеческой природе, состоит в стремлении к свободе выбора и разнообразию занятий. Подобно тому как самое вкусное блюдо при постоянном повторении в конце концов становится отвратительным, точно так же ежедневно и однообразно повторяющаяся работа отупляет и ослабляет. Человек исполняет лишь механически то, что он обязан делать, но без всякого увлечения и наслаждения. В каждом человеке имеется ряд способностей и склонностей, которые нужно только пробудить и развить, чтобы они при применении к делу дали самые превосходные результаты. Лишь тогда человек становится совершенным человеком. Для удовлетворения потребности каждого человека в разнообразии деятельности социалистическое общество предоставляет самую широкую возможность. Мощественный рост производительных сил в соединении со все усиливающимся упрощением самого трудового процесса сделает возможным не только значительное сокращение рабочего времени, но и *облегчит также приобретение навыков в самых различных отраслях труда.*

Старая система обучения уже ныне пережила себя, она существует еще и возможна только *в отсталых, устаревших* формах производства, как, например, в мелком ремесле. Но так как устаревшие формы производства в новом обществе исчезнут, то исчезнут также и все свойственные им порядки и формы. Их место занимают новые. Уже теперь каждая фабрика показывает нам, как мало в ней

рабочих, занимающихся одной хорошо изученной специальностью. Рабочие принадлежат к самым различным профессиям, и в большинстве случаев достаточно небольшого времени, чтобы приучить их к какой-либо определенной работе, в которую они тогда, — соответственно господствующей системе эксплуатации, при продолжительном рабочем дне, без перемен и невзирая на свои наклонности — впрягаются и при машине сами превращаются в машину ¹. Подобное положение будет ликвидировано при измененной организации общества. Для приобретения навыка и упражнения в ремесле будет достаточно времени. Большие учебные мастерские, оборудованные со всеми удобствами и техническими усовершенствованиями, облегчат юным и взрослым людям обучение какой-либо специальности. Химические и физические лаборатории, удовлетворяющие всем новейшим требованиям науки, будут в их распоряжении, равным образом как и необходимое количество педагогического персонала. Лишь тогда станет вполне ясно, какое множество склонностей и способностей погибало под давлением капиталистической системы производства или же получало ложное развитие ².

Не только будет существовать возможность считаться с потребностью в разнообразии труда, но удовлетворение этой потребности станет целью общества, ибо на этом основано *гармоническое развитие* человека. Профессиональные физиономии; встречающиеся в современном об-

¹ «Широкая масса рабочих как в Англии, так и в большинстве других стран так мало располагает свободным выбором своего занятия или своего местопребывания и практически настолько зависит от строгих правил и чужой воли, насколько это только возможно при какой-либо системе, за исключением действительного рабства» (*John Stuart Mill, Politische Ökonomie, Hamburg 1864*).

² «Один французский рабочий, возвратившись из Сан-Франциско, пишет: «Я никогда и не думал, чтобы я был способен заниматься всеми промыслами, которыми я действительно занимался в Калифорнии. Я глубоко был убежден, что ни к чему не гожусь, кроме книгопечатания... Попав в недра этого мира авантюристов, которые легче меняют свое ремесло, чем вы рубаху — поверьте! — я действовал, как остальные. Так как дело рудокопа оказалось не особенно выгодным, то я оставил его и отправился в город, где я последовательно был тигрографщиком, кровельщиком, литейщиком из свинца и т. д. Вследствие того, что опыт показал мне, что я пригоден ко всяким работам, я менее чувствую себя моллюском и более человеком» (*К. Маркс, Капитал, т. I, 1955, стр. 493*).

ществе — состоит ли данная профессия в определенной односторонней работе какого-либо рода или в бездельничаньи, — постепенно исчезнут. В настоящее время существует крайне незначительное число людей, имеющих возможность разнообразить свою деятельность. Изредка встречаются счастливы, которые благодаря особым обстоятельствам избавились от однообразия своей профессии и которые после физической работы отдыхают, занимаясь умственным трудом. И, наоборот, встречаются лица, занятые умственным трудом и в то же время занимающиеся каким-либо ремеслом, садоводством и т. д. Каждый гигиенист подтвердит благотворное влияние деятельности, основанной на смене умственного и физического труда; *лишь такая деятельность естественна.* (Предполагается, что она совершается в меру и соответствует индивидуальным силам.)

В своем сочинении «Значение науки и искусства» Л. Толстой бичует гипертрофический и неестественный характер, который приняли наука и искусство в связи с неестественностью нашего общества. Он осуждает самым суровым образом презрение к физической работе, столь распространенное в современном обществе, и советует возвратиться к естественным отношениям. Каждому человеку, желающему жить естественной и полной жизнью, следует проводить день, во-первых, в физическом труде, во-вторых, заниматься ремесленным трудом, в-третьих, заниматься умственным трудом, в-четвертых, иметь духовные связи с образованными людьми. Физический труд должен продолжаться не более восьми часов. Толстой, осуществляющий на деле такой образ жизни и, с тех пор как он его осуществляет, чувствуя себя, как он говорит, впервые человеком, упускает лишь из виду, что то, что возможно для него, независимого человека, невозможно при современных условиях для большинства людей. Человек, принужденный заниматься тяжелым физическим трудом по десять, двенадцать и более часов в день, чтобы обеспечить себе жалкое существование, и выросший в невежестве, не может создать себе толстовский образ жизни. Не могут сделать этого и те, которые борются за существование и вынуждены подчиняться требованиям этой борьбы, а те немногие, которые могли бы подражать Толстому, в своем громадном большинстве не чувствуют в этом никакой потребности. Вера в возмож-

ность изменения общества путем проповеди и примера представляет собою одну из тех иллюзий, которыми увлекается Толстой. Те опыты, которые были сделаны Толстым в его образе жизни, доказывают его разумность; но для того чтобы ввести такой образ жизни как общее правило, необходимы другие социальные отношения, необходимо новое общество.

*Будущее общество будет иметь такие отношения, оно будет располагать учеными и художниками всякого рода в неисчислимом множестве, но каждый из них будет известную часть дня работать физически, а остальное время посвящать своим занятиям и искусствам, также духовным сношениям с людьми согласно вкусам и склонностям*¹.

Таким образом, существующая противоположность между умственным и физическим трудом, противоположность, которую господствующие классы всемерно обостряют, чтобы обеспечить за собой также и духовное средство господства, должна быть уничтожена.

6. ПОВЫШЕНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ

Из всего сказанного до сих пор следует, что кризисы и безработица невозможны в новом обществе. Кризисы вытекают из того обстоятельства, что капиталистическое производство, в погоне за прибылью без учета действительных потребностей, создает переполнение рынка товарами, перепроизводство. Самый характер продуктов при капиталистической системе, как товаров, обменять

¹ Что может выйти из людей при благоприятных условиях развития, мы видим на примере Леонардо да Винчи, который был превосходным живописцем, знаменитым скульптором, выдающимся архитектором и инженером, отличным военным архитектором, музыкантом и импровизатором. Бенвенуто Челлини был знаменитым ювелиром, превосходным модельщиком, хорошим скульптором, признанным военным архитектором, отличным воином и искусным музыкантом. Авраам Линкольн был дровосеком, земледельцем, матросом, приказчиком и адвокатом, прежде чем он достиг президентского места в Соединенных Штатах. Можно сказать без преувеличения, что большинство людей имеет специальность, не соответствующую их способностям, так как не свободная воля, а сложившиеся обстоятельства указали им дорогу. Иной плохой профессор был бы превосходным сапожником, а иной дельный сапожник мог бы быть также и дельным профессором.

которые стремятся их владельцы, ставит сбыт этих товаров в зависимость от *покупательной способности* потребителей. Но покупательная способность у громадного большинства населения, получающего за свой труд очень низкую плату или вовсе не находящего работы, если наниматель не может выжать из него прибавочную стоимость, крайне ограничена. *Покупательная способность и потребительная способность являются в буржуазном обществе двумя совершенно различными вещами.* Многие миллионы нуждаются в новой одежде, в сапогах, мебели, белье, в съестных припасах и напитках, но у них нет денег и их потребности, то есть их *потребительная способность*, остаются неудовлетворенными. Товарный рынок переполнен, а масса голодает; она хочет работать, но нет никого, желающего купить ее труд, так как капиталист видит, что ничего нельзя при этом заработать. Умирай, пропадай, делайся бродягой, преступником — я, капиталист, не в состоянии ничего сделать, ибо не могу же я производить товары, которых я не в состоянии продать с соответствующей прибылью. И этот капиталист со своей точки зрения совершенно прав.

В новом обществе это противоречие будет устранено. Новое общество производит уже не «товары» для «купли» и «продажи», а *предметы для удовлетворения жизненных потребностей, которые должны быть использованы, потреблены, так как это их единственное назначение.* Потребительная способность имеет здесь свой предел не в покупательной способности отдельных лиц, как в буржуазном обществе, а в *производительной способности всего общества.* Раз имеются в наличии средства производства и рабочая сила, то всякая потребность может быть удовлетворена: потребительная способность общества находит свою границу только в *полном удовлетворении потребителей.*

Но раз в новом обществе нет «товаров», то в нем, конечно, не может быть и денег. Деньги кажутся противоположностью товара, но в действительности они сами — товар! Будучи сами товаром, деньги одновременно являются общественной формой эквивалента, мерилем стоимости всех остальных товаров. Новое общество производит, однако, не товары, а только предметы потребления, потребительные ценности, для создания которых требуется известное количество общественно-необходимого труда.

Рабочее время, которое необходимо в среднем для изготовления какого-либо предмета, является единственным мериллом, которым измеряется его ценность для общественного потребления. Десять минут общественно-необходимого рабочего времени, заключающиеся в одном предмете, равняются десяти минутам того же времени в каком-либо другом предмете, ни более и ни менее. Общество не хочет «заработать», ему нужно лишь осуществить в среде своих членов обмен предметов одинакового качества и одинаковой потребительной ценности; да, собственно говоря, ему нет даже необходимости устанавливать потребительную ценность: оно производит то, в чем нуждается. Найдет, например, общество, что для изготовления всех необходимых продуктов нужен трехчасовой рабочий день, — оно его введет¹. Если методы производства так улучшатся, что спрос можно будет покрыть уже двумя часами, тогда общество установит двухчасовой рабочий день. Если же общие интересы потребуют, наоборот, удовлетворения более высоких потребностей, чем те, которые могут быть осуществлены в два или три часа, то тогда будет введен более длительный рабочий день. Воля общества есть его царство небесное.

Сколько именно каждый отдельный продукт потребует общественного времени для своего изготовления, рассчитать легко².

¹ Необходимо постоянно иметь в виду, что все производство организовано по последнему слову техники и что *все* принимают участие в труде, так что при благоприятных обстоятельствах трехчасовой рабочий день окажется слишком длинным. Оуэн, являвшийся крупным фабрикантом (поэтому он может рассматриваться как специалист), считал в первую четверть XIX столетия двухчасовой рабочий день достаточным.

² «И так как количества труда, заключающиеся в продуктах, в данном случае непосредственно и абсолютно известны, то обществу не может прийти в голову выражать их еще сверх того посредством относительной, шаткой и недостаточной меры, хотя и бывшей раньше неизбежной за неимением лучшего средства, — т. е. выражать их в третьем продукте, а не в их естественной, адекватной, абсолютной мере, какой является *время*... Оно должно будет сообразовать свой производственный план со средствами производства, к которым в особенности принадлежат также и рабочие силы. Полезные действия различных предметов потребления, сопоставленные друг с другом и с необходимыми для их изготовления количествами труда, определяют окончательно этот план. Люди сделают тогда все это очень просто, не прибегая к услугам прославленной «стоимости»» (*Фридрих Энгельс, Анти-Дюринг, 1957, стр. 293—294.*)

Соответственно измеряется отношение данной части рабочего времени ко всей его сумме. Какой-либо сертификат, печатный листок бумаги, кусок золота или жести свидетельствует об исполненной работе и дает владельцу его возможность обменять эти знаки на самые различные предметы потребления¹. Если он найдет, что его потребности менее велики, чем его заработок, то тогда он работает соответственно меньшее количество времени. Захочется ему подарить неиспользованное — никто ему в этом не мешает; вздумается ему *добровольно* работать за другого, чтобы дать тому возможность предаться безделью, или он захочет делить с ним свою долю общественного продукта — никто не воспретит ему этого. Но никто не может принудить его работать на другого, никто не может удержать хотя бы часть того, что он заработал. Каждый может удовлетворять все свои исполнимые желания и потребности, но не за счет других. Он получает соответственно тому, что он доставляет обществу, ни более и ни менее, и живет свободным от всякой эксплуатации со стороны другого.

¹ Господин Евгений Рихтер в своем «*Irrlehren*» так поражен упразднением денег в социалистическом обществе (не об упразднении идет речь, а об уничтожении *товарного характера* продуктов труда, после чего деньги являются излишними), что этому вопросу он посвящает особую главу. Ему особенно непонятно, что совершенно безразлично, являются ли удостоверением о потраченном рабочем времени печатный клочок бумаги, золото или жесь. Он пишет: «Но вместе с золотом в социал-демократическое государство может проникнуть дьявол современного мирового порядка (господин Рихтер упорно не хочет признавать, что в конце концов существует только социалистическое общество, а не социал-демократическое «государство». Если бы он это признал, то тогда значительная часть его полемики потеряла бы почву), потому что золото имеет самостоятельную ценность, может легко сохраняться и обладание золотом создает возможность накапливать ценности, откупаться от трудовых обязанностей и даже ссужать под проценты».

Надо считать своих читателей круглыми дураками, чтобы преподносить им жесь вместо нашего золота. Господин Рихтер, который не может отделаться от капиталистических понятий, не может понять, что там, где нет капитала и товара, не может быть и «денег», а там где нет «капитала» и «денег», не может быть и процентов. Господин Рихтер так запутался в капиталистических понятиях, что не может представить себе мира без «капитала».

Мы очень хотели бы знать, каким образом член социалистического общества сможет «накопить» свои золотые удостоверения о работе и даже ссужать их другим, выколачивая при этом «проценты», предлагать к продаже то, чем владеют и все другие и чем он живет.

7. РАВЕНСТВО ТРУДОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ДЛЯ ВСЕХ.

«Но как быть с разницей между ленивыми и прилежными, между умными и глупцами?» Таков один из главных вопросов со стороны наших противников, и данный нами ответ приводит их в наибольшее замешательство. О том, например, что в нашей чиновнической иерархии нет такого подразделения на «ленивых» и «прилежных», «умных» и «глупцов» и что решающую роль в размере жалования, а большей частью и в продвижении их по службе (за исключением случаев, когда для занятия высших постов требуется специальное образование) играет срок службы, — об этом не думает никто из этих хитроумных мудрецов. Учитель и профессор — из среды последних раздаются наиболее наивные вопросы — занимают должности и получают содержание несоответственно своим способностям. Всем известно, что во многих случаях повышение по службе в нашей военной, чиновнической и учебной иерархии зависит не от способностей, а от рождения, родственных и дружественных связей, женской благосклонности. Равным образом то, что богатство также несоответственно прилежанию и уму, доказывают как нельзя более убедительно избиратели первого класса прусской трехклассной избирательной системы: берлинские домовладельцы, булочники, мясники, которые зачастую не в состоянии отличить дательный падеж от винительного, а берлинская интеллигенция, люди науки, высшие чиновники империи и немецких земель избирают во втором или третьем классе. Различия между ленивыми и прилежными, дураками и умными в новом обществе не могут существовать, так как не будет существовать и того, что мы разумеем под этими понятиями. «Бездельником» слывет теперь в обществе лишь тот, кто, оставшись без работы, принужден бродяжничать и в конце концов становится действительным бродягой, или тот, кто, получив дурное воспитание, остался без присмотра. Но если кто-нибудь назовет богатого бездельника, убивающего свое время в кутежах, «тунеядцем», это считается оскорблением «достопочтенного» человека.

Как же обстоит дело в новом обществе? Все развиваются там при одинаковых жизненных условиях, и каждый берется лишь за *то* дело, которое соответствует его склонностям и способностям, в силу чего различия в исполнен-

ном труде каждого будут лишь незначительные ¹. Атмосфера общества, побуждающая каждого превзойти другого, способствует также сглаживанию различий. Если кто-либо найдет, что он не в состоянии в данной области делать того, что делают другие, тогда он возьмется за другую работу, соответствующую его силам и способностям. Тот, кто работает в какой-либо области вместе со многими другими, знает, что человек, оказавшийся на одной работе неспособным и непригодным, будучи переведен на другую работу, выполняет ее прекрасно. Нет ни одного нормально развитого человека, который в той или иной деятельности не мог бы удовлетворить даже самым строгим требованиям, если он поставлен на надлежащее место. По какому праву один требует предпочтения перед другим? Если природа обидела кого-либо в такой степени, что он при всем старании не в состоянии делать того, что делают другие, *то общество не может карать его за ошибки природы*. Если, наоборот, кто-либо получил от природы способности, возвышающие его над другими, *то общество не обязано вознаграждать его за то, что не является его личной заслугой*. Для социалистического общества важно, кроме того, чтобы все имели одинаковые условия воспитания и жизни, чтобы каждому была предоставлена возможность развить свои знания и силы соответственно своим склонностям и способностям, и это обеспечит то, что в социалистическом обществе знания и способности будут не только более высокими, чем в буржуазном, но также более *равномерными* и в то же время более многообразными.

Когда Гёте во время одной рейнской поездки изучал Кёльнский собор, он сделал открытие в строительных актах, что старые строительные мастера оплачивали своих рабочих по времени работы; они это делали потому, что хотели получать хорошую и добросовестно выполненную работу. Это казалось буржуазному обществу ненормаль-

¹ «Все нормально организованные личности рождаются обыкновенно с одинаковым рассудком, но воспитание, законы и обстоятельства создают между ними различие. Правильно понятый личный интерес совпадает с общим или общественным интересом» (Гельвеций, О человеке и его воспитании). По отношению к весьма значительному большинству людей Гельвеций прав, что не исключает, однако, существования различных дарований у отдельных лиц в различных профессиях.

ным. Оно ввело сдельную плату, с помощью которой рабочие принуждаются к чрезмерной работе; предпринимателю же легче провести понижение заработной платы. Дело с умственным трудом обстоит так же, как с физическим. Человек есть продукт времени и обстоятельств, среди которых он живет. Если бы Гёте родился среди тех же благоприятных условий не в XVII, а в IV веке, то он стал бы, вероятно, не знаменитым поэтом и естествоиспытателем, а выдающимся отцом церкви, который затмил бы, может быть, даже святого Августина. Если бы, наоборот, Гёте, вместо того чтобы родиться сыном богатого франкфуртского патриция, родился сыном бедного франкфуртского сапожника, то из него вышел бы не веймарский министр великого герцога, а, вероятнее всего, он остался бы до конца жизни почтенным сапожным мастером. Гёте сам признал те преимущества, которыми он обладал благодаря тому, что родился в благоприятной материальной и общественной обстановке, способствовавшей его развитию, например в своем «Вильгельме Мейстере». Родись Наполеон I десятью годами позже, он никогда не сделался бы императором Франции. Без войны 1870—1871 годов Гамбетта не стал бы тем, кем он стал. Поселите хорошо одаренное дитя образованных родителей среди диких — из него выйдет дикарь. *Таким образом, тем, чем становится отдельный человек, он обязан обществу.* Идеи являются не продуктом, образующимся в голове каждого посредством особого наития свыше, а продуктом, создаваемым общественной жизнью, в которой человек вращается, «духом времени». Аристотель не мог иметь идей Дарвина, а Дарвин должен был иначе думать, чем Аристотель. Каждый думает так, как его принуждает думать дух времени, то есть окружающая его среда и ее явления. Этим объясняется то, что часто различные люди *одновременно* думают одно и то же, что одни и те же изобретения и открытия одновременно делаются в далеко отстоящих друг от друга местах. Этим объясняется и то, что какая-либо идея, высказанная 50 лет ранее, встретила полное равнодушие, а повторенная 50 лет позже — взволновала весь мир. Император Сигизмунд мог осмелиться в 1415 году нарушить слово, данное Гусу, и допустить его сожжение в Констанце; Карл V, хотя и был более ярким фанатиком, должен был в 1521 году позволить Лютеру свободно вернуться с Вормского сейма. Идеи, таким образом, суть продукт

общественного взаимодействия социальной жизни. И то, что справедливо по отношению к обществу вообще, справедливо, в частности, и по отношению к различным классам, из которых состоит общество в определенный исторический период. Так как каждый класс имеет свои особые интересы, то у него имеются также свои особые идеи и воззрения, ведущие к той классовой борьбе, которая заполняет собою исторически известные эпохи человечества и которая достигла своего высшего развития в классовых противоположностях и классовой борьбе современности. Итак, важно не только то, в какой исторический период живет человек, но и то, к какой социальной среде данного периода он принадлежит, в зависимости от чего определяются его чувства, мышление и поступки.

Без современного общества нет и современных идей. Это представляется нам ясным и очевидным. По отношению к новому обществу надо еще заметить, что те средства, которыми пользуется всякий для своего усовершенствования, являются *собственностью общества*. Поэтому общество не может считать себя обязанным вознаграждать особо за то, что им же непосредственно обусловлено и что является *его собственным продуктом*.

Этим мы ограничимся в своей квалификации физического и умственного труда. Отсюда следует далее, что не может существовать никакой разницы между высшей и низшей физической работой, вроде того как ныне, например, механик зачастую мнит себя выше поденного рабочего, кладущего мостовые или исполняющего тому подобные работы. Общество дает возможность совершать лишь общественно-полезную работу, а потому всякий труд является для общества одинаково ценным. Если неприятные, отталкивающие работы нельзя будет исполнять механическим или химическим путем и превратить их каким-либо образом в приятные — *в чем нельзя сомневаться*, если принять во внимание те успехи, каких мы достигли в сфере техники и химии, — и если не найдется необходимая для них добровольная рабочая сила, то тогда на долю каждого выпадает обязанность, как только наступит его очередь, выполнить приходящуюся на его долю часть этой работы. Здесь не будет места ложному стыду и бессмысленному презрению к полезному труду. Все это существует лишь в нашем государстве трутней, в котором безделье считается завидной долей, а рабочий подвергается тем

большему презрению, чем тяжелее, мучительнее и неприятнее работа, которую он выполняет, и чем она необходима для общества. В наше время труд оплачивается тем хуже, чем он неприятнее. Причина та, что в силу беспрестанного революционизирования процесса производства на мостовую выбрасывается масса рабочих, находящихся на самой низкой ступени культуры, в качестве резервной армии; чтобы жить, эти рабочие берут на себя самые низкооплачиваемые работы, для которых даже введение машин оказывается «невыгодным». Так, например, работа каменоломов вошла в поговорку как одна из наиболее неприятных и наихуже оплачиваемых работ. Нет ничего легче заменить эту работу, как в Соединенных Штатах, машинами, но у нас имеется такое множество дешевой рабочей силы, что машина не «окупается»¹. Подметание улиц, чистка клоак, вывоз мусора, землекопные и тому подобные работы можно было бы выполнять с помощью машин и технических сооружений даже при современном уровне нашего развития таким образом, чтобы

¹ «Если бы необходимо было выбирать между коммунизмом со всеми его шансами и современным положением общества со всеми его страданиями и несправедливостями; если бы институт частной собственности имел своим необходимым следствием, что продукт труда распределяется так, как это мы видим теперь — то есть в почти обратном отношении к труду, *что наибольшие доли выпадают тем, которые вообще никогда не работали, а потом тем, труд которых почти только номинален, и так далее по нисходящей прогрессии, так что вознаграждение все более понижается, по мере того как работа становится тяжелее и неприятнее, а самый утомительный и изнуряющий труд не всегда может с уверенностью рассчитывать даже на удовлетворение самых необходимых жизненных потребностей,* — если бы, говорим мы, предстояло выбрать это положение или коммунизм, то все возражения против коммунизма, существенные и второстепенные, почти ничего не значили бы на чаше весов» (Джон Стюарт Милль, Политическая экономия). Милль приложил немало искренних усилий, чтобы «реформировать» и «образумить» буржуазный мир. Разумеется, напрасно. Тогда он, как и всякий вдумчивый человек, познакомившийся с положением вещей, стал в конце концов социалистом. Он, однако, не осмелился сознаться в этом еще при жизни, а распорядился, чтобы после его смерти была опубликована его автобиография, содержащая его социалистическое мировоззрение! С ним случилось то же самое, что и с Дарвином, который не хотел, чтобы при жизни его считали атеистом. К такой комедии буржуазное общество принуждает тысячи людей. Буржуазия прикидывается лояльной, религиозной, признающей авторитеты, ибо на признании этих «добродетелей» со стороны массы покоится ее господство, внутренне же она смеется над ними.

не осталось и следа от тех неприятностей, какие теперь сплошь и рядом связаны с ними для рабочих. Строго говоря, рабочий, выкачивающий клоаки, чтобы охранять людей от вредных для здоровья миазмов, является очень полезным членом общества, тогда как профессор, читающий фальсифицированную историю в интересах господствующих классов, или теолог, стремящийся затуманить умы сверхъестественными, трансцендентальными учениями, являются крайне вредными индивидуумами.

Наше ученое сословие, осыпаемое ныне почестями и чинами, представляет в значительной своей части особую гильдию, предназначенную и оплачиваемую для того, чтобы, прикрываясь авторитетом науки, защищать и оправдывать господство правящих классов, изображать его благодетельным и необходимым и поддерживать существующие предрассудки. В действительности эта гильдия распространяет в значительной части лжеученость, развращает умы, осуществляет враждебную культуре деятельность, духовную работу, оплачиваемую в интересах буржуазии и ее приспешников¹. Общественный строй, делающий в будущем существование таких элементов невозможным, содействует тем самым освобождению человечества.

С другой стороны, истинная наука соединяется часто с весьма неприятной, отталкивающей работой, например, если врач вскрывает разложившийся труп или совершает операцию на гнойных частях тела или если химик исследует испражнения. Все это занятия, которые зачастую являются более отвратительными, чем самые грязные работы, совершаемые поденщиками-чернорабочими. Но никто не думает признавать это. Разница состоит в том, что одна работа предполагает широкую образованность, а другая может быть совершена всяким без особенной подготовки. Отсюда совершенно различная оценка той и другой. Но в обществе, в котором благодаря предоставленной каждому возможности получить высшее образование исчезнут существующие теперь различия между образованными и необразованными, исчезнет также и противоположность между ученым и неученым трудом, тем более что развитие техники не знает никаких границ, которые

¹ «Ученость служит часто в такой же степени невежеству, как и прогрессу» (*Бокль*, История английской цивилизации).

помешали бы совершать ручной труд машиной или посредством технических процессов. Стоит лишь взглянуть на развитие наших художественных ремесел, например гравирования на меди, гравирования на дереве и т. п. Итак, подобно тому как самые неприятные работы оказываются зачастую самыми полезными, так равно и наши понятия о приятной и неприятной работе, как и многие другие понятия в современном обществе, являются крайне поверхностными.

8. УПРАЗДНЕНИЕ ТОРГОВЛИ И ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ТРАНСПОРТА

Когда все производство нового общества будет основано на базисе, бегло очерченном выше, тогда, как уже сказано, оно будет производить не товары, а предметы потребления соответственно потребности людей. Вместе с этим исчезнет и вся торговля, имеющая смысл и возможность существования лишь в обществе, покоящемся на товарном производстве, если только старая форма торговли не окажется необходимой для сношений с другими народами, сохранившими еще буржуазный строй. Благодаря этому новая многочисленная армия лиц обоего пола будет использоваться для производительной деятельности; она будет производить предметы потребления и сделает возможным их более широкое потребление; вместе с тем использование этой дополнительной армии дает возможность ограничить общественно-необходимое рабочее время. Ныне эти лица питаются более или менее как паразиты, за счет продуктов, произведенных трудом других людей, и часто принуждены бывают, чего нельзя оспаривать, прилежно трудиться, чтобы обеспечить себе сносное существование. В новом обществе все они явятся излишними в роли торговцев, трактирщиков, маклеров, посредников. На место десятков, сотен и тысяч магазинов и всякого рода торговых помещений, имеющих теперь в каждой общине в зависимости от ее размера, появятся большие общинные склады, элегантные базары, целые выставки, нуждающиеся в сравнительно небольшом обслуживающем персонале. Весь сложный организм современной торговли примет характер централизованной, чисто административной деятельности с крайне

простыми функциями. Подобное же преобразование испытает и вся система средств и путей сообщения.

Телеграф, телефон, железные дороги, почтовое дело, речное и морское судоходство, грузовые и легковые автомобили, воздушные шары и летательные аппараты и все то, что называют средствами сообщения, сделаются тогда общественной собственностью. Многие из этих учреждений, как, например, почта, телеграф, телефон, большинство железнодорожных линий, являются в Германии уже теперь государственной собственностью, их превращение в общественную собственность является поэтому лишь формальным делом. Здесь не затрагиваются ничьи частные интересы. Если государство будет и дальше действовать в этом направлении, тем лучше. Но эти предприятия, управляемые государством, не являются социалистическими, как некоторые ошибочно полагают. Это предприятия, которые эксплуатируются государством такими же капиталистическими методами, как и частные предприятия. Ни служащие, ни рабочие не имеют от этого никакой особенной выгоды. Государство обходится с ними так же, как и частный предприниматель; если, например, в ведомстве морского министерства и в железнодорожном управлении издаются постановления, в силу которых рабочие старше сорокалетнего возраста не должны приниматься на работу, то это есть мера, явно указывающая на классовый характер государства как государства эксплуататоров, мера, возбуждающая против него рабочих. Такие и подобные им мероприятия, исходящие от государства как нанимателя, несравненно хуже, чем если бы они исходили от частного предпринимателя. Последний в сравнении с государством всегда является мелким предпринимателем, и занятие, в котором он отказывает, доставит, быть может, другой. Государство же, наоборот, может в качестве монопольного работодателя посредством таких распоряжений одним ударом повергнуть тысячи людей в нищету. Это не социалистический, а капиталистический образ действий, и социалисты имеют все основания протестовать против того, чтобы современные государственные предприятия рассматривались как социалистические и считались осуществлением социалистических стремлений.

Подобно тому как место миллионов частных предпринимателей, торговцев, посредников всякого рода займут

большие централизованные учреждения, так и все средства транспорта и связи примут другой вид. Миллионы мелких посылок, которые отправляются ежедневно по адресу такого же числа собственников и требуют много труда, времени и материалов всякого рода, вырастут тогда в громадные транспорты, направляемые в общинное депо и в центральные места производства. Труд, таким образом, будет и здесь крайне упрощен. Подобно тому, например, как подвоз сырья для предприятия с тысячью рабочих устранивается несравненно проще, чем для тысячи рассеянных по разным местам мелких мастерских, так централизованные места производства и распределения дадут возможность целым общинам или частям их осуществить большую экономию всевозможного рода. Все это идет на пользу всему обществу, а следовательно, и *каждому в отдельности*, так как общие и личные интересы совпадают. Внешний вид наших центров производства, средств и путей сообщения, а в особенности наших населенных пунктов, будет совершенно изменен; они приобретут более приятный облик. Расстраивающий нервы шум, теснота и суэта наших городов с их тысячами повозок всякого рода почти исчезнет. Проложение и чистка улиц, все устройство жилищ и образ жизни, сношения людей между собою — все это значительно изменится. Тогда можно будет легко осуществить такие гигиенические меры, которые в настоящее время почти невозможны или возможны при громадных затратах и несовершенном виде, да и то осуществляются лишь частично.

Средства сообщения при социалистических отношениях должны достигнуть своего наивысшего совершенства; воздушное сообщение, быть может, станет тогда преобладающим способом передвижения. Пути сообщения — это вены, посредством которых в обществе совершается обмен продуктов — кровообращение, а также личные и духовные сношения между людьми; они поэтому способны в высшей степени содействовать распространению в обществе *одинакового уровня* благосостояния и образования. Распространение и разветвление самых совершенных средств сообщения до самых отдаленных мест провинции являются, таким образом, *необходимостью и всеобщим общественным интересом*. Здесь возникают перед новым обществом задачи, значительно превосходящие те, какие в

состоянии ставить себе современное общество. В то же время эта в высшей степени усовершенствованная и развитая система сообщений будет содействовать децентрализации массы людей, скученных в настоящее время в больших городах и промышленных центрах, их расселению по всей стране; и это будет иметь решающее значение как для здоровья, так и для прогресса духовной и материальной культуры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
СОЦИАЛИЗМ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. УНИЧТОЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Вместе со средствами производства и сообщения обществу принадлежит и вся земля, этот основной элемент всякого человеческого труда и основа всего человеческого существования. Общество берет назад на высшей ступени то, чем оно уже владело в первобытные времена. У всех достигших известного культурного уровня народов существовала *общинная собственность* на землю. Общинная собственность составляла основу каждого примитивного общества, оно невозможно без нее. Только благодаря возникновению и развитию частной собственности и связанных с ней *форм господства*, общинная собственность была устранена и захвачена отдельными лицами. Это произошло, как мы видели, после тяжелой борьбы. Насильственный захват земли и ее превращение в частную собственность были первой причиной закабаления, прошедшего всевозможные ступени развития, от рабства до «свободного» наемного труда XIX столетия, пока поработанные, после долгого, тысячелетнего развития, не превратят наконец землю опять в общую собственность.

Важное значение земли для человеческого существования было причиной того, что во всей социальной борьбе всех стран мира — в Индии, Китае, Египте, Греции (Клеомен), Риме (Гракхи), в христианское средневековье (религиозные секты, Мюнцер, крестьянские войны), в государствах ацтеков и инков, в социальных движениях нового времени — главным требованием борющихся являлось владение землей. И в наше время в пользу общественной собственности на землю высказываются такие лица, как Адольф Замтер, Адольф Вагнер, доктор Шеффле, Генри Джордж и другие, которые в других областях об общественной собственности и слышать не хотят¹.

¹ Даже отцы церкви, епископы и папы, в прежние века, когда еще преобладала общинная собственность, но вместе с тем и грабеж

Благосостояние населения зависит прежде всего от обработки и использования земли. Повышение земледельческой культуры на самую высокую степень развития составляет всеобщий интерес в полном смысле слова. Что такое высокое развитие земледелия в условиях существования частной собственности невозможно, мы уже говорили. Но наилучшее использование земли зависит

ее принимал все более широкие размеры, высказывались в коммунистическом духе. Правда, Сяллабус и энциклики XIX столетия, конечно, были далеки от этого, и римские папы тоже подчинились буржуазному обществу и выступали в роли его самых ревностных защитников от социалистов. Так, епископ Климент I (умер в 102 году нашей эры) говорил: «Пользование всеми вещами этого мира должно быть общим! Несправедливо говорить: это моя собственность, это принадлежит мне, а то — другому. Отсюда пошел раздор между людьми». Епископ Амвросий Миланский, живший около 374 года, заявил: «Природа дает все свои блага всем людям сообща, ибо бог создал все предметы, чтобы все ими наслаждались сообща и чтобы земля была общей собственностью. Природа создала, таким образом, право общности, и один лишь несправедливый захват создает право собственности». Святой Иоанн Златоуст (умер в 404 году) в своих проповедях, направленных против безнравственности и испорченности населения Константинополя, говорил: «Никто не называй чего-либо своей собственностью; от бога мы восприняли всякую вещь для общего пользования, мое и твое суть слово лжи! «Св. Августин (умер в 430 году) сказал: «Оттого что существует частная собственность, существуют также вражда, раздоры, войны, восстания, грехи, несправедливости, убийства. Откуда приходят все эти бичи? Только от собственности. Итак, воздержимся, мои братья, от владения какой-либо вещью как собственностью или, по крайней мере, воздержимся от любви к ней». Папа Григорий Великий около 600 года сказал: «Вы должны знать, что земля, из которой вы происходите и сотворены, принадлежит сообща всем людям и что поэтою плоды, рождаемые землей, должны принадлежать всем без различия». Знаменитый епископ Боссюэ, умерший в 1704 году, говорил в своей «Politik der heiligen Schrift» («Политика святого писания»): «Без правительств земля со всеми ее богатствами принадлежала бы всем людям, так же как воздух и свет. По естественному праву природы никто не имеет особых прав на что-либо. Все принадлежит всем; собственность возникла из буржуазного правления». Последняя фраза, будучи выражена наиболее ясно, означает: так как общественная собственность стала частной, то мы получили буржуазные правительства, которые должны ее защищать. А один из наших современников, Захария, в своей работе «Сорок книг о государстве», говорит: «Все страдания, против которых приходится бороться цивилизованным народам, имеют своей причиной частную собственность на землю». Все вышеназванные поняли более или менее верно природу частной собственности, которая, с тех пор как она существует, как справедливо сказал св. Августин, принесла с собою в мир вражду, раздоры, войны, восстания, несправедливости, убийства — бедствия, которые исчезнут вместе с ликвидацией частной собственности.

не только от ее непосредственной обработки; здесь необходимо учитывать также факторы, выполнение которых не по силам ни самому крупному отдельному собственнику, ни самой могущественной ассоциации, — факторы, выходящие подчас за рамки государств и подлежащие международному регулированию.

2. МЕЛИОРАЦИЯ ПОЧВЫ

Общество должно прежде всего обратить внимание на почву как на нечто целое, то есть на ее *топографическое* состояние, — ее горы, равнины, леса, озера, реки, пруды, пустоши, болота, топи и трясины. Эти топографические особенности оказывают наряду с неизменным географическим положением известное влияние на климат и на свойства почвы. Здесь открывается широкое поле деятельности для целого ряда наблюдений и опытов. То, что государство до сих пор сделало в этом направлении, — чрезвычайно мало. Во-первых, оно уделяет таким культурным задачам лишь небольшие средства, а во-вторых, если бы оно даже хотело широко поставить это дело, ему помешали бы в этом крупные частные собственники, играющие решающую роль в законодательстве. Без решительного вторжения в права частной собственности государство ничего не достигнет в этой области. Но существование государства покоится на признании священности частной собственности, крупные собственники являются его наиболее важной опорой; поэтому у него нет силы, чтобы действовать против их воли. Новому обществу, чтобы достигнуть наивысшего плодородия земли, предстоит предпринять грандиозные и обширные мелиорационные работы: облесение и лесные вырубki, орошение и осушение, изменение состава почвы и ее уровня, насаждения и т. д.

Весьма важным вопросом в деле культуры земли и почвы является проведение обширной, систематически проложенной сети каналов и рек, согласно научным принципам. Вопрос о более дешевом транспорте по водным путям, столь важный для современного общества, в новом обществе уже не имеет такого значения. Но водные пути все же заслуживают внимания как удобное средство сообщения, требующее незначительной затраты сил и материалов. Система рек и каналов играет большую роль

для подвоза удобрений и материалов, для мелиорации почвы, а также для вывоза урожая и т. п.

Опытом установлено, что бедные водою страны гораздо более страдают от холодной зимы и жаркого лета, чем богатые ею; поэтому только в исключительном случае приморские страны страдают от крайностей температуры. Такие крайности одинаково вредны и неприятны как для растительности, так и для людей. Широкая система каналов вместе с зелеными насаждениями могла бы, без сомнения, оказать благотворное влияние. Система каналов, связанная с устройством больших бассейнов— собирателей и хранителей воды, скопляющейся во время половодья или сильных ливней, могла бы быть весьма полезна. Такие же сооружения были бы необходимы для горных рек и ручьев. Наводнения с их опустошительными последствиями стали бы тогда невозможными. Более широкая поверхность воды с ее значительными испарениями содействовала бы, вероятно, и более равномерному распределению дождей. Сооружения подобного рода сделали бы возможным применение для орошения земли нагнетательных машин, раз только последние оказались бы необходимыми.

Большие земельные площади, бывшие до сих пор почти бесплодными, могли бы превратиться посредством искусственных оросительных сооружений в плодородные местности. Там, где теперь даже овцы едва находят для себя пропитание и в лучшем случае чахоточные сосны простирают к небу свои тощие ветви, можно было бы собирать обильные урожаи и густое население находило бы себе богатую пищу. Так, например, превращение обширных песчаных мест Марки «священной немецкой империи» в рай плодородия есть лишь вопрос приложения труда. На это было даже указано в одном из докладов, прочитанных весной 1894 года по поводу немецкой сельскохозяйственной выставки в Берлине¹. Но осуществить необходимые работы по мелиорации, сооружению каналов, оросительных приспособлений и т. д. земельный собственник Марки не может, и в результате непосредственно у ворот имперской столицы широкие пространства земли

¹ В официальном докладе о всемирной выставке в Чикаго также говорится: «Использование воды в культуре овощей и плодов получает все большее распространение, и общества по использованию воды для этой цели могли бы и у нас из пустынь создать рай».

пребывают в таком состоянии, которое позднейшим поколениям будет казаться непонятным. С другой стороны, посредством канализации будут осушены и приобщены к культуре обширные болотные пространства, топи и трясины на севере и юге Германии. Водные течения могли бы быть использованы также для разведения рыбы и служили бы обильным источником иппи; кроме того, они давали бы возможность общинам, не имеющим рек, устраивать превосходные купальни¹.

Какое большое значение имеет орошение, показывают следующие примеры: вблизи Вейсенфельса 7,5 га хорошо орошенных лугов дают 480 ц отавы, а близлежащие 5 га однородных по характеру почвы лугов, но неорошенных, дают только 32 ц. Таким образом, урожай первых превышает урожай последних более чем в десять раз. Подле Ризы, в Саксонии, 65 акров орошенных лугов подняли чистый доход с 5850 до 11 100 марок. По Бухенбенгеру, после орошения бесплодной песчаной почвы Бокер Хейде, на правом берегу Липпы, обошедшегося в 124 тысячи марок, был получен чистый годовой доход в круглой сумме 400 тысяч марок. И это на почве, не приносящей прежде почти никакого дохода! Улучшение почвы в Нижней Австрии при издержках в сумме 1 миллион кроен обеспечило повышение дохода от урожая на 6 миллионов кроен. Расходы по дорогим сооружениям оказались выгодными. Между тем в Германии существуют кроме Марки еще обширные местности, почва которых, состоящая главным образом из песка, дает лишь сносный урожай во время очень сырого лета. Эти местности, прорезанные каналами, орошаемые и улучшенные по составу почвы, дали бы в самое короткое время урожай в пять и десять раз больший, чем теперь. В Испании известны примеры, когда урожай на хорошо орошенной земле в сравнении с урожаем на неорошенной был выше в 37 раз. Итак, больше воды — и земля даст обилие новых продуктов питания.

Не проходит почти года без того, чтобы в разных провинциях, в разных землях Германии не произошли один-

¹ «Например, в высококультурной области австрийской монархии — Богемии 656 тысяч га пахотной земли, то есть одна четверть общей пахотной площади, нуждаются в орошении, а из общей поверхности лугов 174 тысячи га одна треть — или слишком сухая или слишком сырая. Еще хуже дело обстоит в хозяйственно отсталых местностях, например в Галиции» (*Dr. Eugen von Philippovich, Volkswirtschaftspolitik, Tübingen 1909, S. 97*).

два раза и чаще более или менее значительные наводнения от ручьев, рек и потоков. Обширные пространства самой плодородной земли уносятся напором волн, другие покрываются песком, камнями, мусором и делаются бесплодными. Целые плантации фруктовых деревьев, требовавшие десятилетий для своего развития, вырываются с корнем. Дома, мосты, улицы, плотины подмываются водою, разрушается железнодорожное полотно, приносятся в жертву человеческие жизни, погибает скот, пропадает работа по мелиорации, уничтожаются посевы. Большие пространства земли, подверженные опасности частых наводнений, или вовсе не обрабатываются или обрабатываются редко из-за боязни потерпеть снова убытки. Большое опустошение лесов, совершаемое особенно в горах преимущественно частными лицами, еще более увеличивает эту опасность. Бессмысленным истреблением лесов, рассчитанным единственно на получение прибыли, объясняется заметное ухудшение плодородия почвы в провинциях Пруссии и Померании, в Каринтии и Штирии, в Италии, Франции, Испании, России и т. д.

Последствием истребления лесов в горах являются частые наводнения. Разливы Рейна, Одера и Вислы объясняют главным образом вырубкой леса в Швейцарии, Галиции и Польше. Той же причиной объясняют частые наводнения в Италии, в особенности наводнения реки По. По тем же самым причинам уменьшилось плодородие в Модере, в значительной части Испании, в плодороднейших местностях России, в обширных когда-то роскошных и плодородных странах Ближней Азии¹.

Однако и в буржуазном обществе сознают, что в этой области ничего не поделаешь, если оставить все на произвол судьбы, и что, применяя в широком масштабе разумные мероприятия, можно превратить разрушающие культуру силы в созидющие ее. Так пришли к устройству больших запруд, собирающих воду в огромном количестве, с тем чтобы использовать ее силу для электрификации промышленности и сельского хозяйства. Особенно в большом масштабе осуществляются работы по воз-

¹ Огромную пользу приносит, по Швапаху, лес, скрепляя почву, особенно в горах, предотвращая тем самым обвалы, а в равнинах — укрепляя сыпучие пески. Обезлесение является в России одной из главных причин засыпания песками пахотных земель.

ведению плотин на горных реках и потоках Баварии, с тем чтобы использовать силу воды для электрификации железных дорог и всевозможных промышленных предприятий. Таким образом, аграрная старая Бавария постепенно превратилась в современную промышленную страну.

3. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ОБРАБОТКИ ЗЕМЛИ

Само собой разумеется, что новое общество не будет в состоянии разрешить все эти великие задачи в одно мгновение ока; но оно возьмется за их разрешение с напряжением всех сил, так как *единственная* его цель состоит в выполнении *культурных задач, не останавливаясь ни перед какими препятствиями*. Так, с течением времени оно будет совершать дела и выполнять задачи, о которых современное общество не может и думать, потому что у него при одной мысли об этом кружится голова.

Вся обработка земли будет поставлена в новом обществе в гораздо более благоприятные условия. Наряду с уже отмеченными укажем еще на другие моменты, открывающие возможность лучшего использования земли. В настоящее время много квадратных миль земли идет под картофель, перегоняемый в большом количестве в водку, которая потребляется почти исключительно нашим бедным, живущим в лишениях и нищете, населением. Водка есть единственное «разгоняющее тоску» средство, какое бедный человек может себе предоставить. Для культурных людей нового общества потребление водки будет излишним, а земля и рабочая сила освободятся для производства полезных продуктов питания.

Мы уже говорили о посевах сахарной свеклы и об изготовлении сахара для вывоза. Более чем 400 тысяч гектаров лучшей пшеничной почвы засеваются у нас ежегодно свекловицей, для того чтобы снабжать сахаром Англию, Швейцарию, Соединенные Штаты и т. д. Этой конкуренции не выдерживают страны, возделывающие благодаря хорошему климатическим условиям сахарный тростник. Наше постоянное войско, раздробленное производство, раздробленный обмен, раздробленное земледелие и т. д. требуют сотен тысяч лошадей и соответственной земельной площади для пастбищ и разведения молодых лошадей. Коренное преобразование социальных и

политических отношений сделает свободной большую часть земельной площади, предназначенной для этой цели. Таким образом будут получены новые земельные площади и много рабочей силы для других культурных потребностей. С недавнего времени у сельского хозяйства отнимаются обширные пространства земли, занимающие много квадратных километров, целые населенные пункты сравниваются с землей. При новом дальнбойном огнестрельном оружии и при новой тактике боя необходимы для стрельбы и строевого учения обширные площади, на которых могли бы маневрировать целые армейские корпуса. В будущем это также будет устранено.

Вопросы земледелия, лесоводства и водного хозяйства уже давно являются предметом обсуждения весьма обширной литературы. Нет такой отрасли, которая не подверглась бы исследованию: лесное хозяйство, орошение и осушение, культура колосовых, стручковых и клубневых растений, разведение овощей, садоводство, культура ягод, цветов и декоративных растений, возделывание питательных растений для скотоводства, луговодство, рациональное скотоводство, рыболовство, птицеводство, пчеловодство, продукты и средства удобрения, использование разного рода отбросов сельского хозяйства и промышленности, химическое исследование почвы и ее применение и приспособление к той или иной культуре, подбор семян, севооборот, изготовление машин и сельскохозяйственного оборудования, целесообразное размещение разных хозяйственных строений, метеорологические условия и т. д., — все это входит в круг научных обсуждений и исследований. Почти не проходит дня без новых открытий, новых наблюдений, ведущих к улучшениям и усовершенствованиям в той или иной отрасли. Обработка почвы стала со времени Таэра и Либиха наукой, и притом одной из первых и наиболее важных наук, которая достигла такого развития и такого значения, как весьма немногие области материальной производительной деятельности. Если, однако, сравнить это громадное обилие теоретических завоеваний всякого рода с действительным состоянием нашего земледелия, *то приходится констатировать, что до сих пор лишь самая незначительная доля частных собственников была в состоянии в какой-то мере использовать эти достижения, причем все имеют в виду только свои личные интересы и*

не обращают никакого внимания на общее благо. Значительная часть наших сельских хозяев и садоводов, можно сказать, 99 процентов, не имеет никакой возможности воспользоваться всеми этими выгодами и достижениями, предоставляемыми успехами техники, так как им не хватает ни средств, ни знаний или того и другого вместе. Тут новое общество найдет теоретически и практически хорошо подготовленное поле деятельности, и ему достаточно будет лишь лучше организовать это дело, чтобы достигнуть грандиозных результатов.

4. КРУПНОЕ И МЕЛКОЕ ХОЗЯЙСТВО. РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОКУЛЬТУРЫ

В то время как даже в социалистических кругах еще существует мнение, что мелкое хозяйство благодаря усердию хозяина и членов его семьи может выдержать конкуренцию с крупным, в кругах специалистов уже давно придерживаются другого мнения. Если бы даже крестьянин мог выполнить все то, что он хотел, перенапрягая себя и членов своей семьи, его положение с точки зрения культурного человека достойно сожаления. Как бы много он ни выработал путем перенапряжения своих сил и всяческих лишений, современная техника и наука об обработке почвы сделают гораздо больше. Применение техники и науки в состоянии превратить и крестьянина в культурного человека, а между тем теперь он раб своего владения, холоп своего кредитора.

Выгоды, которые представляет крупное хозяйство — при рациональном использовании всех этих преимуществ, — огромны. Прежде всего крупное хозяйство означает значительное расширение используемой площади, потому что исчезает несметное количество проезжих дорог и тропинок для пешеходов и пограничных межей, которых требует раздробленное владение. Устранение такой раздробленности экономит много растрачиваемого зря времени. Пятьдесят человек, занятых в крупном хозяйстве и располагающих усовершенствованными орудиями труда, могут гораздо больше сделать, чем те же пятьдесят человек в мелком хозяйстве. Комбинировать и направлять целесообразно рабочую силу может только крупное хозяйство. К этому надо прибавить огромные выгоды, получаемые благодаря применению и использо-

ванию всякого рода машин и улучшенного оборудования, промышленное использование урожаев, рационально поставленное скотоводство и птицеводство и т. д. Особенности выгоды дает применение в сельском хозяйстве электричества, которое отодвигает на задний план всякие другие способы обработки земли.

П. Мак¹ устанавливает, что при введении машинной работы достигается экономия свыше тысячи лошадиных рабочих дней, а при одновременной затрате около 40 тысяч марок удешевление продукта составляет свыше 12 тысяч марок, или 48 марок на гектар; при этом не учитывается увеличение дохода благодаря введению более глубокой обработки почвы и ее более аккуратной обработки вследствие применения машин².

Повышение урожайности хлебов при глубокой обработке выражается в 20—40 процентах, а урожайность корнеплодов повышается до 55 процентов. Если даже принять повышение урожайности в среднем на 20 процентов, то это даст дополнительный доход 55,75 марки на гектар, что вместе с вышеупомянутой экономией составит 103,45 марки на гектар. Если считать цену земли в 800 марок на гектар, то повышение дохода составит 13,5 процента. Таким образом, вопрос заключается в том, чтобы создать необходимые электростанции для удовлетворения потребностей хозяйства. Тогда можно было бы не только применить все необходимые в хозяйстве машины, но иметь также отопление и освещение. При помощи электрических установок можно освещать не только дома и улицы, но и хлева, сараи, погреба, амбары и фабричные здания, а при необходимости можно было бы собирать жатву и по ночам. Мак вычисляет, что при всеобщем применении электричества в сельском хозяйстве можно сэкономить две трети рабочего

¹ P. Mack, Althof-Ragnit, Rittmeister a. D. und Rittergutsbesitzer, Der Aufschwung unseres Landwirtschaftsbetriebs durch Verbilligung der Produktionskosten. Eine Untersuchung über den Dienst, den Maschinentechnik und Elektrizität der Landwirtschaft bieten, Königsberg 1900.

² Большое значение получил в последние годы кэмпбель (взрыватель почвы), пользуясь которым в бедных дождями местностях Северной Америки достигли поразительных результатов. Стремление к экономии человеческой силы привело к устройству приспособлений для молотбы и т. д. Нужда в людях побуждает ко все расширяющемуся применению машин, сберегающих живую рабочую силу, как картофелесортировки, картофелесажалки, вальцовые сушильные машины, сеноскладочные и т. д.

скота (то есть 1 741 300 голов). Это дало бы ежегодно чистого дохода 1 002 989 000 марок. Если вычесть отсюда расходы на электрическую энергию, то останется экономия круглым счетом в 741 794 000 марок в год.

Применение электрической энергии в сельском хозяйстве все более придает ему характер промышленно-технического процесса. Картину многообразного применения электричества в сельском хозяйстве показывает следующее сопоставление ¹:

Электромотор может приводить в движение:

1. машины, повышающие валовой доход;

а) машины для обработки: зерноочистилки для посева, триеры, электрические плуги (усовершенствованные);

б) машины для уборки урожая: сноповязалки, машины по уборке картофеля (еще не совершенные), оросительные аппараты;

2. машины, уменьшающие ненужные издержки;

а) приспособления для подъема и разгрузки: подъемные машины для доставки зерна и соломы в зернохранилища и амбары и сена на сеновалы, машины для подъема мешков, насосы для жидкого удобрения;

б) перевозочные средства: транспортеры для перевозки зерна, переносные железные дороги, различные подъемные механизмы для доставки тяжелых грузов;

в) машины для реализации товара: соломенные прессы, мукомольные мельницы, машины для резки соломы;

3. машины сельскохозяйственной промышленности;

а) машины для винокурения и изготовления крахмала, водяные насосы для различных целей;

б) молочные фермы: молочный холодильник, центробежные машины, маслобойки, месильщики, прессы и т. д.;

в) лесопильные, круговые и рамочные пилы;

г) автоматические тележки, ленточные пилы, сверлильные и токарные станки;

4. машины для приготовления фуража: для резки соломы и репы, измельчения картофеля, овса, и т. д.; тиски, водяные насосы. Как установлено, уже в настоящее время 15 процентов всех сельскохозяйственных работ производится с экономией времени и средств производства при помощи электромоторов.

¹ Kurt Krohne, Die erweiterte Anwendung des elektrischen Betriebs in der Landwirtschaft, Elektrotechnische Zeitschrift 1908, Hefte 39 bis 41.

Потребность в ручной работе для молотбы и приготовления к отправке тысячи килограммов хлеба выражалась:

	Количество рабочего времени
1. Когда все работы производились вручную . .	104
2. Когда стали применяться маленькие молотилки со стоячим воротом и зерноочистилки	41,4
3. Когда стали применяться электрические молотилки с мотором в 20 лошадиных сил .	26,4
4. При употреблении гигантских электрических молотилок с прессами для соломы и элеваторами с мотором в 60 лошадиных сил . .	10,5

Ничто больше не мешает всеобщему применению электрических плугов в сельском хозяйстве. Электрические плуги, так же как электрические дороги, уже достигли высокой степени совершенства. Тяжелый и дорогой паровой плуг рационально работает только на больших площадях и при глубокой пахоте. Он большей частью служит только для повышения урожайности корнеплодов. Напротив, электрический плуг годится одинаково как для глубокой, так и для мелкой пахоты, и приспособлен для хозяйств средней величины. Он делает возможной обработку крутых откосов, представляющих трудности даже для лошадиного плуга. Он в высокой мере сберегает труд, что видно из сопоставления стоимости плуга электрического со стоимостью плуга парового и работающего с лошадьми и волами:

	Издержки на morgen при пахоте плугом средней глубины в дюймах				
	4	6	8	11	14
Лошади	2,50	3,00	4,20	7,70	13,30
Волы	3,65	4,65	5,80	7,90	10,20
Паровой плуг, взятый на прокат от	6,00	6,70	7,60	9,15	10,70
Паровой плуг, взятый на прокат до	7,50	8,40	9,35	11,00	12,55
Паровой плуг собственный от	4,50	5,00	5,85	7,30	8,85
Паровой плуг собственный до	6,00	6,70	7,60	9,15	10,70
Электрический плуг в 40 л. с.	2,70	3,55	4,60	6,25	7,95
Электрический плуг в 60 л. с.	2,65	3,40	4,30	5,70	7,10
Электрический плуг в 80 л. с.	2,50	3,15	3,90	5,20	6,50

Легкая подача и делимость электрической энергии, крайняя простота в обслуживании и содержании электрических машин представляют большие преимущества для сельского хозяйства с его обширными площадями, для снабжения которых энергией достаточно тонких проволок. Так как условием применения электрических машин является наличие сети пересекающих страну станций, планомерная электрическая сеть, то очень легко связать электрические предприятия в сельском хозяйстве с электрокультурой — с прямым влиянием электричества на рост растений.

В последние годы физиологи растений и вместе с ними агрономы-практики усерднейшим образом трудились над изучением способа действия электричества на рост и оплодотворение важнейших культурных растений, в особенности наших хлебов. Эта задача была разрешена умершим в 1906 году профессором К. С. Лемштремом. Он покрыл большие площади земли проволочной сетью и при помощи индуктивных машин сообщал ей положительный заряд; отрицательный же полюс он положил на землю и заставил слабый разряд действовать на такое опытное поле в течение всего периода роста или части его, тогда как одинаково расположенное контрольное поле оставалось без влияния электричества. Опыты были поставлены в разных широтах и при правильном их выполнении все показали, во-первых, повышение урожая, колеблющееся между 30 и 100-процентами, во-вторых, сокращение периода созревания и, наконец, существенное улучшение качества продуктов. При этом способе, однако, оказался целый ряд практических недочетов, которые удалось устранить английскому землевладельцу Ньюману. Ему удалось заинтересовать опытом Лемштрема знаменитого английского физика Оливера Лоджа. По последнему сообщению Лоджа, заменившего употреблявшуюся до него индукционную машину ртутным индуктором, эти опыты производились с 1906 года на площади в 10 га. При этом получены были важные данные: проволочная сеть должна быть расположена над поверхностью земли на высоте 5 метров, чтобы благотворное влияние электричества на урожай оставалось непрерывным. Это та высота, при которой свободно могут проезжать под сетью воза, нагруженные хлебом, и при которой беспрепятственно могут производиться все сельскохозяйственные работы, например обработка корнеплодов. Лем-

пштем располагал проволоку не выше 40 сантиметров над подвергавшимися влиянию электричества растениями¹. Разные мельники ставили сравнительные опыты с печением хлеба и нашли, что электризированная пшеница давала для печения лучшую муку, чем неэлектризированная. Таким образом, новые методы уже созрели для того, чтобы вводить их успешно в практику сельского хозяйства и садоводства.

Паровой плуг Фаулера с двумя компаундными локомотивами требует для целесообразного использования площадь в 5 тысяч га; это такая площадь, которая превышает своими размерами пашню многих крестьянских общин. Вычислено, что если бы, например, всю землю, обрабатывавшуюся в 1895 году, обеспечить различными машинами и другими выгодами культурного хозяйства, то была бы достигнута экономия в 1 миллиард 600 миллионов марок. По Руланду², достаточно только успешной борьбы против болезней хлебных растений, чтобы сделать излишним ввоз хлеба в Германию. В брошюре доктора медицины Зонненберга «Наши луговые и полевые травы» сообщается, что, по официальной анкете в Баварии, баварское сельское хозяйство теряет 30 процентов в год вследствие зарастания полей сорными травами. На двух полях по 4 квадратных метра каждое, одно из которых покрыто сорными травами, а другое без сорной травы, Новацкий получил следующие результаты:

	Стебли	Зерно	Солома
На засоренном поле	216	180	239 г
» незасоренном »	423	528	1 077 »

Доктор Ф. Рюмкер, профессор сельскохозяйственного института Бреславльского университета, говорит, что в Германии отсутствует тщательное рациональное удобрение почвы, основанное на статистике земледелия. Посев и обработка почвы бывают часто так недостаточны и не-

¹ *M. Breslauer*, Beeinflussung des Pflanzenwachstums durch Elektrizität. Elektrotechnische Zeitschrift 1908, Heft 38, S. 1915. Небольшое показательное заведение строится вблизи Берлина под руководством Бреслауэра.

² *Dr. G. Ruhland*, Die Grundprinzipien aktueller Agrarpolitik, Tübingen 1893, Lauppsche Buchhandlung.

обдуманно и делаются они столь несовершенным и несоответственным орудием, что доход от усилий и труда остается ничтожным. Немецкий землевладелец никогда не производит даже легкой работы по *рациональной сортировке зерна*. Профессор Рюмкер показывает нижеследующей таблицей, насколько сортировка семян повышает урожай на гектар:

Пшеница давала	Не сортированная на гектар в килограмм	Сортированная на гектар в килограмм	Превышение урожая отсортиров. на гектар в килограмм
Весь сбор	8 000	10 800	+2 800
Зерно	1 668	2 885	+1 217
Солома и шелуха	6 332	7 915	+1 583
Всего урожая в гектолитрах	77,2	78,7	+ 1,5

Таким образом, превышение урожая благодаря сортировке равняется, согласно таблице, 1200 килограммам зерна на гектар. Считая стоимость двойного центнера в 15 марок, это даст денежную стоимость в 180 марок. Если оценить издержки по сортировке на гектар самое большее в 4,40 марок, то чистый доход одного только зерна, не принимая во внимание повышения сбора соломы и шелухи, равняется 175,60 марки. На основании итогов целого ряда опытов Рюмкер установил, что, выбирая для каждой почвы наиболее подходящие сорта, можно собрать в среднем лучший урожай и повысить валовой доход:

Ржи	на 300—700 кг, или от 42 до 98 марок на гектар
Пшеницы	» 300—800 » » 45 » 120 »
Ячменя	» 200—700 » » 34 » 119 »
Овса	» 200—1200 » » 26 » 156 »

Если взять в совокупности повышение дохода, то только для пшеницы, благодаря сортировке посевного зерна и надлежащему выбору сорта, оно составит на гектар от 1500 до 2000 килограммов зерна, или от 220 до 295 марок.

В одном произведении — «Будущее немецкого сельского хозяйства»¹ — выяснено, какого громадного повышения сбора на все сельскохозяйственные продукты можно достигнуть, если поднять урожайность применением обильного и соответствующего удобрения — внесением минерального удобрения: суперфосфата, томасовой муки, каинита и фосфорной кислоты. Тогда с немецкой почвы, пригодной для пшеницы, можно было бы легко получить средний доход на гектар в 36 двойных ц, а от почвы, пригодной для ржи, — 24 двойных ц. Далее, значительная часть земли, занятой теперь рожью, благодаря лучшей обработке и удобрению могла бы быть использована под пшеницу, так что средний доход с хлебного поля — две пятых пшеницы, три пятых ржи — исчислялся бы в 28,8 двойных ц на гектар. Отняв отсюда посевные семена и малоценные хлеба, получим для народного питания 26 двойных ц. 7,9 миллиона га, занятых в настоящее время под хлеба, можно увеличить на 1,5 миллиона га пара, пастбищ, пустошей, степей и болот². Тогда при среднем доходе в 26 двойных ц с гектара и при обработанной площади в 9,4 миллиона га можно было бы получить продукцию, равную 251,92 миллиона двойных ц хлебных растений. Считая, что человек потребляет в год 175 килограммов, этого количества хватит для прокормления 144 миллионов человек. При переписи населения в 1900 году Германия имела круглым счетом 56 миллионов 345 тысяч жителей, значит, уже при тогдашнем состоянии техники и науки германская почва могла бы снабдить хлебом население в два с половиной раза большее, чем нынешнее. При современном же способе ведения сельского хозяйства, при мелкой раздробленной частной собственности на землю, Германия принуждена ввозить из-за границы в среднем одну десятую нужного ей хлеба. Если бы добились при существующем способе хозяйства хотя бы приблизительно таких урожаев, как указано выше, то это настолько повысило бы цену на продукты питания, что для большинства эти продукты сделались бы недоступ-

¹ «Die Zukunft der deutschen Landwirtschaft». Von Kommerzienrat Heinrich Albert-Bieberich unter Mitwirkung von Landwirtschaftslehrer Homuth, Friedenau-Berlin 1901.

² Из имеющихся налицо 5 миллионов га пустошей, пара, пастбищ и т. д. учтены 4,5 миллиона га. То, что из этой площади обрабатывает лесами, компенсируется превращением лесов в луга.

ными, значит, цель не была бы достигнута. Только при коммунистическом производстве могут быть достигнуты подобные результаты, о чем вышеназванные авторы, конечно, не думают. По сделанным одним из них вычислениям, при введении в германском сельском хозяйстве интенсивной культуры будет получено более:

хлебов	на 145,1	млн	двойных ц
картофеля	» 444,0	»	» »
овса, ячменя, гороха и бобов	» 78,7	»	» »
лугового сена	» 146,2	»	» »
полевого сена и кормовых трав	» 110,0	»	» »
кормовой свеклы	» 226,0	»	» »

Если же принять во внимание, что, по вышеприведенным соображениям Мака, с введением электрического производства будет достигнута огромная экономия на рабочем скоте, то количество убойного скота может быть соответственно очень увеличено, а земля, предназначенная для выращивания корма рабочему скоту, превращена в пахотную землю для производства продуктов питания для людей.

Другой отраслью сельскохозяйственной деятельности, которая может быть разработана совсем в другом масштабе, является разведение птиц и получение яиц. Стоимость ежегодно ввозимых в Германию яиц доходит до 149,7 миллиона марок (1907 год), а стоимость живой птицы — до 40 миллионов марок. Эти отрасли находятся еще в весьма отсталом состоянии. В будущем связанная с крупным концентрированным производством концентрация хлебов, амбаров всех сортов, погребов, приспособлений для корма и кормления, складов для навоза не только вызовет экономию времени, сил и материалов, но и даст с точки зрения рационального использования те преимущества, которых совершенно не дает мелкое и среднее хозяйство и лишь редко дает крупное. Как необходимы, например, гигиенические приспособления в подавляющем большинстве хлебов, как недостаточны приспособления для корма и ухода за скотом и птицей! Для крестьянина XX века еще малоизвестным фактом является то, что для животных чистота, свет и воздух столь же необходимы, как и для человека, и действуют на них благоприятно.

Само собой разумеется, что при этом получение молока, масла, сыра, яиц, мяса и меда будет идти в более рациональных, здоровых и выгодных условиях. При умелом соединении и использовании наличных человеческих и механических сил помимо обработки земли в совершенно иных размерах будет производиться уборка полей. Устройство больших закрытых помещений, сушилен и т. д. делает возможной жатву во всякую погоду, а быстрая уборка поможет избежать тех огромных потерь, которые имеются теперь. Так, по сведениям Гольца, эти потери достигают при неблагоприятной для жатвы погоде в Мекленбурге от 8 до 9 миллионов марок, в округе Кёнигсберга — 12—15 миллионов марок.

5. ВИНОДЕЛИЕ БУДУЩЕГО

Культура фруктов, ягодных и садовых растений достигнет в будущем такого развития, которое в настоящее время едва ли можно допустить, а их доходность увеличится во много раз. У нас сильно запущено разведение фруктов, хотя Германия и располагает для этого исключительно благоприятным климатом, особенно для выращивания яблок. Это видно из того, что ежегодно в Германию ввозится более чем на 40 миллионов марок свежих фруктов и более чем на 20 миллионов марок сушеных фруктов. Запущенность разведения фруктов станет понятной, если взглянуть на плохое состояние фруктовых садов в большей части Германии и даже в землях, которые славятся культурой фруктов, как, например, Вюртемберг. Здесь широкое поле деятельности для садоводства. Так же обстоит дело с культурой ягод, находящейся в зачаточном состоянии.

Благодаря умелому применению искусственного тепла и влажности в больших, защищенных от неблагоприятной погоды помещениях возможно будет культивировать овощи, фрукты и ягоды в громадных размерах во всякое время года. Цветочные магазины наших городов показывают даже среди самой суровой зимы царство цветов, ни в чем не уступающее тому, что есть в них летом. Одним из наиболее замечательных усовершенствований в области искусственного разведения фруктов является, например, искусственный «виноградник» директора садоводства Га-

упта в Бриге, в Силезии, нашедшего уже целый ряд подражателей и имевшего уже давно предшественников в других странах, например в Англии. Устройство и урожай этого виноградника были так заманчиво изображены в газете «Vossische Zeitung» от 27 сентября 1890 года, что мы приведем здесь это описание в извлечении. Газета писала: «На площади земли, равной приблизительно 500 квадратным метрам, то есть $\frac{1}{5}$ моргена, возведен стеклянный дом вышиною от 4,5 до 5 метров, стены которого точно соответствуют северу, югу, востоку и западу. В направлении с юга на север поставлены там 12 рядов двойных шпалер, отдаленных друг от друга приблизительно на 1,8 метра и служащих в то же время опорой немного наклоненной крыше. Земляная гряда глубиною в 1,25 метра помещена над слоем насыпной земли толщиной в 25 сантиметров, заключающем в себе сеть дренажных труб и вертикальные трубы для вентилирования почвы. В эту гряду очень жирной почвы, которая благодаря примеси известковой пыли, щебня, песку, залежного навоза, костной муки и калиевой соли стала рыхлой, пористой и плодородной, г-н Гаупт посадил вдоль двойных шпалер 360 виноградных лоз, принадлежащих к тем сортам, которые на Рейне дают виноградный сок самого лучшего достоинства: белый и красный рислинг, траминер, белый и голубой мускат и бургундское.

Вентиляция здания совершается как через известное число отверстий в боковых стенах, так и посредством больших опускающих окон в крыше длиною в 20 метров, которые открываются и закрываются с помощью железного рычага, снабженного подъемным воротом и рукояткой, и которые можно укрепить в любом положении наперекор всякой буре. Для поливки лоз служат 26 душевых леек, прикрепленных к резиновым в 1,25 метра длиною кишкам, спускающимся с верхнего водопровода. Но г-н Гаупт ввел еще другое, поистине остроумное средство для быстрого и основательного орошения «виноградника», а именно: *искусственный производитель дождя*. Высоко под крышей находятся четыре длинные медные трубы, тонко продырявленные через каждые полметра. Исходящие из этих отверстий и подымающиеся кверху тонкие водяные струи встречаются на своем пути небольшие круглые сита из проволочной кисеи и при прохождении их рассыпаются самой нежной фонтанной пылью. Для основательной поливки

резиновыми книжками необходимо несколько часов; но стоит лишь открыть один кран, и во всем обширном здании равномерно струится с высоты тихий, освежающий дождь на виноградные лозы, почву и гранитные дорожки. Температуру можно повысить без всякого искусственного отопления, только благодаря естественным свойствам стеклянной галереи на 8—10 градусов по Реомюру по сравнению с внешней температурой. Чтобы защитить лозы от самого пагубного и опасного врага — филлоксеры, в случае если бы она когда-нибудь появилась, достаточно лишь закрыть дренажные трубы и открыть все водопроводные краны. Как известно, пребыванию под водой этот враг противостоять не может. От бури, холода, морозов, излишних дождей искусственный виноградник защищают стеклянная крыша и стены; от возможного градобития — густые проволочные сети над ними; от засухи — искусственный дождь. Владелец такого «виноградника» делает сам погоду и может смеяться над опасностями, вытекающими из всех непредвидимых капризов и козней «равнодушной» или безжалостной природы, которые угрожают плодам всех стараний и трудов винодела.

Ожидания г-на Гаупта полностью оправдались. Виноградные лозы превосходно росли в равномерном теплом климате. Гроздья полностью созрели и давали уже осенью 1885 года сок с обильным содержанием сахара и незначительным содержанием кислоты, не уступавший соку рейнского винограда. Так же прекрасно росли эти лозы и в следующем, и в весьма неблагоприятном 1887 году. В этом помещении лозы, если они достигнут полной высоты 5 метров и покроются доверху гроздьями, дадут ежегодно около 40 гектолитров вина, и себестоимость бутылки благородного вина не превысит 40 пфеннигов.

Нет никакого основания полагать, что нельзя было бы организовать такое выращивание винограда, обещающее самый богатый и равномерный сбор, в крупных размерах, совершенно так же, как всякое другое фабричное производство. Стеклянные галереи подобного рода можно, без сомнения, устроить с такими же вентиляционными, оросительными, дренажными и дождевыми приспособлениями на участках, занимающих не $\frac{1}{5}$ моргена, а много моргенов. В таких больших галереях произрастание также будет начинаться на несколько недель раньше, чем на свободе, гроздья будут также защищены во время цветения от майских за-

морозков, дождей, холода, во время роста ягод — от засухи, в период созревания — от лакомящихся птиц, а также от сырости, в продолжение целого года — от филлоксеры, и виноград мог бы висеть на лозе до ноября — декабря. В своем докладе, который был прочитан в 1888 году перед посетившими его членами союза содействия садоводству и из которого я в настоящем своем описании «виноградника» Гаупта позаимствовал кое-какие технические данные, изобретатель и основатель последнего в заключение открыл еще следующую заманчивую перспективу будущего. Ввиду того что такой способ виноделия возможен во всей Германии, в особенности же и на ныне бесплодной, песчаной и каменной почве (как, например, на наихудшей почве Марки), которую можно возделывать и оросить, то становится ясным, какой огромный интерес для сельского хозяйства представляет собою «виноделие под стеклом». Я назвал бы его *«виноделием будущего»*...

Автор описывает далее, как полученное из этого винограда вино нашло самое высокое одобрение знатоков, и добавляет при этом, что «виноградник представляет еще достаточно места для других выгодных близких или промежуточных культур. Так, г-н Гаупт выращивает между каждыми двумя виноградными лозами один розовый куст, дающий в апреле и мае массу богатейших цветов, а по западным и восточным стенам расположены шпалеры персиковых деревьев, роскошные цветы которых в апреле придают внутреннему виду этого стеклянного виноградного дворца сказочную прелесть». В настоящее время особенно Бельгия уделила большое внимание этому способу разведения фруктов. Но и в Германии этот способ широко применяется, например, для разведения ананаса. Ничто, однако, не мешает устройству подобных сооружений в более крупном масштабе для самых разнообразных культур, что даст возможность собирать в два-три раза больший урожай. В наше время все подобные предприятия являются прежде всего вопросом доходности, а их продукты доступны лишь привилегированным, имеющим возможность за них заплатить. Социалистическое общество не знает здесь никаких затруднений, кроме вопроса о рабочей силе, и если таковая имеется, то дело приводится в исполнение на пользу всем...

6. МЕРОПРИЯТИЯ ПРОТИВ ИСТОЩЕНИЯ ПОЧВЫ

Таким образом, мы видим, как уже при теперешних условиях совершается настоящий переворот в деле человеческого питания. *Но использование всех этих открытий совершается крайне медленно, ибо господствующие классы, особенно землевладельцы, кровно заинтересованы в том, чтобы не дать им ходу.* Правда, весною каждое воскресенье во всех церквях молятся о хорошей урожае, но при этом с задней мыслью, подобной той, с которой верующие обращаются к святому Флориану: «Святой Флориан, сохрани мой дом и сожги другие». Дело в том, что, если урожай хорош во всех странах, то резко снижаются цены, отчего аграрий приходит в ужас. Ему вредит то, что всем другим полезно, поэтому он противник всякого изобретения и открытия, которое приносит пользу не только ему, но и всем другим. Наше общество повсюду вступает в противоречие со своим собственным развитием.

Сохранение плодородия почвы, а также его повышение зависят прежде всего от наличия достаточного количества удобрений. Добывание их является поэтому и для нового общества одной из важнейших задач ¹. Удобрение состав-

¹ «Имеется рецепт плодородия полей и вечного его продления. Если это средство получит надлежащее применение, то оно окажется выгоднее всех, когда-либо изобретенных в сельском хозяйстве. Оно состоит в следующем. Каждый сельский хозяин, везущий в город мешок зерна или центнер рапса, репы, картофеля и т. д., должен, как китайский кули, привезти с собой из города столько же (возможно и более) составных частей почвы для своих продуктов и отдать их снова полю, у которого эти продукты взяты. Он не должен пренебрегать ни картофельной шелухой, ни соломенным стеблем, но должен думать, что одной из его картофелин не хватает шелухи, а одному из колосьев — стебля. Издержки на этот ввоз ничтожны, а вложение капитала в это дело так верно, что никакая сберегательная касса не может быть вернее и никакой капитал не даст более высокой ренты. Его поле *через 10 лет даст ему двойной доход*: он будет добывать больше зерна, больше мяса, больше сыра, не прилагая ни больше труда, ни больше времени, и он не будет беспокоиться насчет неведомых средств — иных каких-нибудь способов увеличения плодородия его поля. Старые кости, сажа, зола, выщелоченные и невыщелоченные, кровь животных и отбросы всех сортов должны собираться в определенных местах и подготавливаться для отправки. Правительства и полицейские учреждения в городах должны заботиться о том, чтобы при помощи целесообразных приспособлений препятствовать поте-

ляет для почвы то же, что пища для человека, и, подобно тому как не всякая пища одинаково питательна, так и не всякое удобрение одинаково ценно. Почве должны быть возвращены точно те же химические составные части, которые она потеряла вследствие снятия жатвы, причем те химические элементы, в которых по преимуществу нуждается данный вид растения, должны быть доставлены ей в усиленном количестве. Ввиду этого изучение химии и ее практическое применение достигнут невиданных ныне размеров.

Все отбросы животных и людей содержат в себе именно те химические элементы, которые наиболее пригодны к воспроизведению человеческой пищи. Ввиду этого необходимо стремиться к открытию наиболее совершенных средств их добывания и к их наиболее целесообразному распределению. В этом отношении ныне грешат очень много. Особенно отличаются города и промышленные центры, которые получают извне целые массы пищевых продуктов, но возвращают почве лишь самую незначительную часть драгоценных отбросов и экскрементов. Последствием этого является то, что хозяйства, более отдаленные от городов и промышленных центров и отдающие им ежегодно большую часть своих продуктов, чувствительно страдают от недостатка удобрений. Удобрительные вещества, которые получают от живущих при этих хозяйствах людей и животных, зачастую оказываются недостаточными, потому что на месте потребляется лишь часть всего урожая. Таким образом утверждается система ограбления, которая истощила бы почву и понизила урожай, если бы недостаток естественных удобрений не возмещался подвозом искусственного удобрения. Все страны, вывозящие сельскохозяйственные продукты, но не получающие в обмен никаких удобрительных веществ, рано или поздно погибнут от истощения почвы, как, например, Венгрия, Россия, придунайские княжества и т. д.

Либих в середине прошлого столетия развивал учение о возмещении веществ в почве, из которого вытекала необходимость применения концентрированных средств удобрения. Шульц-Луниц доказал, что, несмотря на то что

ре этих веществ в клоаках и выгребных ямах» (*Liebig, Chemische Briefe, Leipzig und Heidelberg 1865*).

известные растения совершенно не получают азотистых удобрений, они все же обогащают почву азотом, — феномен, объяснение и разрешение которого даны Гельригелем. Этот последний показал, что существуют миллиарды бактерий, добывающих в симбиозе с некоторыми бобовыми непосредственно из воздуха азот, необходимый для построения растения¹. Если сельскохозяйственная химия составляет со времен Либиха одну сторону научного земледелия, то сельскохозяйственная бактериология представляет другую. Германия благодаря своим залежам калия и калишта, томасовой муки, суперфосфата и фосфорной кислоты обладает целым рядом неистощимых минеральных источников удобрения, правильное применение которых вместе с целесообразным удобрением почвы дало бы возможность производить несметное количество питательных веществ.

О значении этих разнообразных ценных средств искусственного удобрения дает понятие указание на то, что Германия в 1906 году истратила на них около 300 миллионов марок, в том числе на сернокислый аммиак — 58,3 миллиона, на чилийскую селитру — 120 миллионов, остальное падает на томасову муку, суперфосфаты, гуано и пр. Из этих удобрительных средств важнейшим является азотистое удобрение. Как необычайно велико его значение, показывают следующие данные. По исследованиям Вагнера, урожай овса на гессенской почве при недостатке фосфорной кислоты понизился на 17 процентов, при недостатке калия — на 19 процентов, при недостатке же азота — на 89 процентов. При помощи всех опытов было вычислено, что в год с гектара получается чистый доход в виноделии: если дано полное удобрение — 96 марок, если не хватало калия — 62 марки, если не хватало фосфорной кислоты — 48 марок, если не хватало азота — 5 марок. Вычислено, что если бы Германия удвоила применение азотистых удобрений, то она не только удовлетворила бы свои потребности в хлебе и картофеле, но могла бы значительное количество их использовать и для экспорта. А главные источники этих ценных удобрительных средств, а именно залежи чилийской селитры и гуано, быстро истощаются, тогда

¹ Die deutsche Landwirtschaft an der Jahrhundertwende. Festrede, gehalten an der Königlichen Landwirtschaftlichen Akademie am 12. Januar 1900 von Dr. Max Delbrück.

как потребность в них в Германии, Франции, Англии, а в последние 10 лет и в Соединенных Штатах Северной Америки все увеличивается. Английский химик Вильям Крукс уже в 1899 году поставил этот вопрос и указал, что это обстоятельство имеет значительно большее значение, чем возможность близкого истощения британских каменноугольных запасов. Поэтому разрешение проблемы изготовления азотистого удобрения из необъятного резервара азота в воздухе он считал главнейшей задачей химии. Подумать только, что над каждым квадратным сантиметром почвы находится количество воздуха весом в 1 килограмм и что $\frac{4}{5}$ этого воздуха составляет азот! Отсюда можно вычислить, что азот земной атмосферы весит 4 миллиарда *т*. Этому противостоит современное ежегодное потребление селитры, соответствующее в среднем 300 тысячам *т* азота. Если, таким образом, не будет найдено никакого суррогата азота, то достаточно было бы добыть его соединение из воздуха, чтобы покрыть современную мировую потребность в селитре в течение 14 миллиардов лет.

И эта задача в настоящее время разрешена. Еще в 1899 году А. Франк и Н. Каро действием атмосферного азота на карбид кальция (известь и уголь) при высокой температуре получили цианамид кальция, содержащий в сыром виде до 14—22 процентов азота. Это новое средство удобрения поступило в продажу под названием известкового азота. Но это не единственный способ. Норвежцам К. Биркеланду и С. Эйде удалось в 1903 году перевести азот сжиганием его в электрической печи непосредственно в азотную кислоту. Второй способ дает продукт, в некоторых отношениях равноценный селитре, а на некоторых видах почв даже и более пригодный, чем она. С некоторых пор он появился на германском рынке как норговская селитра. А в 1905 году Отто Шёнгерту удалось найти способ, в техническом отношении еще более полезный, чем способ Биркеланда — Эйде. Для него кроме электрической энергии требуются лишь самые дешевые материалы — вода и негашеная известь. Напротив, для получения известкового азота нужен еще уголь, так как необходимый азот не может применяться в виде воздуха, а должен быть предварительно выделен из последнего. Таким образом, в сельское хозяйство введено еще одно средство удобрения, полученное путем промышленно-техни-

ческого процесса и имеющееся в неограниченном количестве ¹.

По А. Мюллеру, здоровый взрослый человек выделяет ежегодно в среднем 48,5 килограмма твердых и 438 жидких экскрементов. Эти вещества при условии, что при применении они не терпят уменьшения своей ценности — через испарение и т. д., — составляют согласно современному состоянию цен на удобрение денежную ценность в 5,15 марки. Главная трудность при полном использовании этого вещества заключается в устройстве целесообразных вместилищ и в транспортных расходах. Большая часть экскрементов выбрасывается из городов в реки и потоки и засоряет их. Точно так же отходы кухни, производства и промышленности, которые также могли быть использованы как удобрение, большей частью легкомысленно расточаются. Новое общество найдет пути и средства для устранения такой расточительности. Ему будет легче разрешить этот вопрос хотя бы уже потому, что *большие города постепенно исчезнут и население равномерно расселится по всей стране.*

7. УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

Никто не станет считать современный рост больших городов здоровым явлением. Современная промышленная и хозяйственная система беспрестанно притягивают к большим городам значительные массы населения ². Там нахо-

¹ См. проф. Бернтсен, «Об азотной кислоте в атмосфере». Доклад, сделанный на седьмом международном конгрессе в Лондоне. *Zeitschrift für angewandte Chemie*, 1909, Heft 24. Так как новая промышленность для производства электрической энергии нуждается в дешевой силе воды, то Баденская анилино-содовая фабрика и другие германские химические фабрики в связи с основанным Биркеландом—Эйде Норвежско-французским обществом обеспечили за собой водную энергию Норвегии. Было образовано два акционерных общества, каждое с капиталом в 16 миллионов крон, для эксплуатации норвежской водной энергии с целью добывания селитры. Кроме того, Баденская анилино-содовая фабрика получила у баварского правительства разрешение на получение из Альца электрической энергии мощностью около 50 тысяч лошадиных сил и на устройство фабрики близ Бургаузена в Юго-Восточной Баварии.

² По профессиональной переписи 12 июня 1907 года, в Германии было 42 больших города с населением, превышающим 100 тысяч че-

дится главный центр промышленности и торговли, там скрещиваются пути сообщения, там живут владельцы крупных капиталов, там находятся центральные правительственные учреждения, военное начальство, высшие судебные учреждения; там же высшие образовательные учреждения, академии художеств, места развлечений, выставки, музеи, театры, концертные залы и т. д. Тысячи людей тянет туда их профессия, тысячи других стекаются туда ради удовольствия, а еще большее количество привлекается надеждой на более легкий заработок и приятную жизненную обстановку.

Но этот рост больших городов, образно выражаясь, можно сравнить с человеком, у которого объем живота беспрерывно увеличивается, тогда как ноги делают все тоньше и в конце концов не в состоянии более выносить тяжести тела. В непосредственной близости этих городов все окружающие их деревни принимают также городской характер, и пролетариат скопляется в них большими массами. Эти в большинстве случаев бедные общины принуждены напрягать свои податные силы до крайней степени и все-таки не могут удовлетворить предъявляемых к ним запросов. Когда же они в конце концов сближаются с крупным городом или же город приблизится к ним, тогда они поглощаются городом, как планета, чересчур близко подошедшая к Солнцу. Но обоюдные условия жизни от

ловек. В 1816 году таких городов было в Германии всего два, в 1871 году — восемь. В Берлине в 1871 году числилось около 826 тысяч жителей, в 1900 году — 1 миллион 880 тысяч, в 1905 году — 2 040 148; таким образом, население возросло более чем в два раза (на 147 процентов). Большой Берлин насчитывал в 1871 году 875 328, а в 1900 году — 2 469 009 жителей. В 1907 году в 42 городах было 11 миллионов 790 тысяч жителей, то есть круглым счетом 19 процентов общего количества населения. Некоторые из этих больших городов были вынуждены включить в свою черту лежащие перед их воротами промышленные предместья, сами по себе сделавшиеся по количеству населения городами; благодаря этому население таких городов сразу сильно возросло. В промежуток времени с 1885 до 1905 года население Лейпцига выросло со 170 тысяч до 503 672 жителей, население Кёльна — со 161 тысячи до 428 722, Магдебурга — со 114 тысяч до 240 633, Мюнхена — с 270 тысяч до 538 983, Бреслау — с 299 тысяч до 470 904, Франкфурта-на-Майне — со 154 тысяч до 334 978, Ганновера — со 140 тысяч до 250 024, Дюссельдорфа — со 115 тысяч до 253 274, Нюрнберга — со 115 тысяч до 294 426, Хемница — со 111 тысяч до 294 927, Эссена — с 65 074 до 239 692 жителей и т. д.

этого не улучшаются, напротив, они все ухудшаются вследствие переполнения квартир жильцами. Эти скопления человеческих масс, неизбежные при современном развитии и являющиеся до известной степени революционными центрами, кончают свою миссию с появлением нового общества. Их постепенная ликвидация неизбежна, *так как население тогда переселится, наоборот, из больших городов в деревню, образуя там новые общины, соответствующие изменившимся условиям и соединяя свою промышленную деятельность с сельским хозяйством.*

Это переселение начнется, как только городское население получит возможность благодаря изменению и усовершенствованию средств сообщения, условий производства и т. п. перенести с собою в деревню все, что ему нужно для удовлетворения его привычных культурных потребностей: музеи, театры, концертные залы, библиотеки, места собраний, образовательные учреждения и т. д. Останутся все удобства прежней городской жизни *без ее теневых сторон.* Население будет жить значительно здоровее и приятнее. Сельское население будет заниматься промышленным трудом и, наоборот, промышленное население — земледелием и садоводством — разнообразием в занятиях, которым ныне пользуются лишь немногие, да и то весьма часто лишь ценою чрезмерного труда и усилий.

Как в других областях, так и в этой буржуазный мир работает на руку такому развитию, перенося из года в год все большее число промышленных предприятий в сельские местности. К этому принуждают многих предпринимателей неблагоприятные условия жизни в большом городе, высокие квартирные цены, высокая зарплата. С другой стороны, крупные землевладельцы все более становятся промышленниками (сахарными фабрикантами, винокурами, пивоварами, цементными, глинянопосудными, кирпичными, деревообрабатывающими, бумажными и другими заводчиками). Уже и в настоящее время в предместьях больших городов живут десятки тысяч людей, которым их средства позволяют вести такой образ жизни.

Таким образом, благодаря децентрализации населения исчезнет также существующая в настоящее время противоположность между сельским и городским населением.

Крестьянин, этот современный плот, дотоле отрезанный от всех благ высшей культуры, станет свободным, сделавшись культурным человеком в полном смысле слова ¹.

Высказанное однажды князем Бисмарком желание, чтобы большие города были уничтожены, исполнится, но в совершенно ином смысле, чем он ожидал ².

¹ Профессор Адольф Вагнер пишет в уже цитированном сочинении «Учебник политической экономии» Рау: «Частная мелкая земельная собственность образует ничем не заменимую экономическую основу крайне важной части населения — независимого, самостоятельного крестьянского сословия с его своеобразной социально-политической ролью и функцией». Если бы наш автор в угоду своим консервативным друзьям не идеализировал во что бы то ни стало мелкого крестьянина, то он не мог бы не признать в нем самого жалкого из людей. Мелкому крестьянину при *данных* условиях почти недоступна высшая культура. С утра до вечера изнывает он под тяжкой работой и живет зачастую хуже собаки. Он не употребляет мяса, масла, яиц, молока, которые он производит в собственном хозяйстве, — он их производит для других. Он не может при существующих условиях подняться на сколько-нибудь высокую степень существования и представляет собою в силу этого элемент, тормозящий культурное развитие. Тот, кто любит движение назад, потому что оно ему выгодно, может удовлетвориться существованием этого социального слоя, но человеческий прогресс требует его исчезновения.

² Князь Бисмарк произнес в Эрфуртском Союзнном парламенте в 1850 году громовую речь против больших городов «как очагов революции», заявляя, что их следовало бы сравнить с землей. Он был совершенно прав: буржуазное общество создает в лице современного пролетариата своего могильщика.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
УПРАЗДНЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Подводя итоги изложенному выше, мы видим, что с отменой частной собственности на орудия производства и с переходом их в общественную собственность мало-помалу исчезает масса бедствий, которые в современном обществе встречаются на каждом шагу, все возрастая и делаясь все более невыносимыми. Господство одного класса и его представителей прекращается, общество действует планомерно, само руководит собою и само контролирует себя. Подобно тому как с уничтожением системы наемного труда прекращается возможность эксплуатации человека человеком, точно так же прекратятся мошенничество и обман, фальсифицирование съестных припасов, биржевые спекуляции и т. д. Храмы Маммона опустеют, так как государственные бумаги, акции, векселя, закладные листы, ипотечные свидетельства и т. п. сделаются ненужными клочками бумаги. Слова Шиллера: «Прочь долговые книги, и да воцарится мир на земле» — найдут тогда свое осуществление, а библейское изречение: «В поте лица своего будешь есть хлеб свой» — коснется также и героев биржи и трутней капитализма. Но работа, которую они обязаны будут исполнять в качестве равноправных членов общества, не будет подавлять их, а их физическое состояние значительно улучшится. Они навсегда избавятся от забот об имуществе, которые, если верить патетическим заявлениям наших предпринимателей и капиталистов, зачастую еще тяжелее, чем необеспеченное и скудное существование рабочего. Избавятся они от тревожностей и от спекуляции, так часто причиняющей биржевым игрокам болезни сердца, апоплексический удар и нервное расстройство. И они и их наследники избавятся от всяких забот и будут чувствовать себя превосходно.

С уничтожением частной собственности и классовых противоречий постепенно падет и государство.

«Все более и более превращая громадное большинство населения в пролетариат, капиталистический способ производства создает силу, которая под угрозой гибели вынуждена совершить этот переворот. Заставляя все более и более обращать в государственную собственность крупные обобществленные средства производства, капитализм сам указывает путь к совершению этого переворота... Государство было официальным представителем всего общества, его сосредоточением в видимой корпорации, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: в древности оно было государством рабовладельцев — граждан государства, в средние века — феодального дворянства, в наше время — буржуазии. Когда государство наконец-то становится действительно представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним. Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества, — обращение средств производства в общественную собственность — будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает*».¹

Вместе с государством исчезнут и его представители: министры, парламенты, постоянное войско, полиция и жандармы, суды, присяжные поверенные и прокуроры, тюремные чиновники, таможенное и податное ведомства — словом, весь аппарат политической власти. Казармы и прочие военные здания, судебные и административные здания, тюрьмы и т. д. приспособятся тогда для других целей. Десятки тысяч законов, указов и предписаний

¹ Фридрих Энгельс, Анти-Дюринг, 1957, стр. 264—265.

сделаются ненужной бумагой — они будут иметь лишь ценность исторических документов. Великие и при всем том столь мелочные парламентские сражения, где ораторы воображают, что их речи управляют и руководят миром, исчезнут, уступив свое место административным коллегиям и делегациям, на обязанности которых будет лежать возможно лучшее устройство производства, распределения, установление размера необходимых запасов, введение и применение целесообразных новшеств в искусстве, образовательном деле, путях сообщения, производственном процессе и т. д. Все это практические, понятные и осязательные вещи, к которым каждый относится беспристрастно, ибо у него нет такого личного интереса, который был бы враждебен обществу. Нет никого, чей личный интерес не совпадал бы с общественным интересом, состоящим в том, чтобы все устроить и сделать наилучшим, наиболее целесообразным и наиболее выгодным для всех.

Сотни тысяч прежних представителей государства возьмутся за различные профессии и будут содействовать по мере своих способностей и сил умножению богатства и удобств общества. В будущем не будут знать никаких политических и уголовных преступлений и проступков. Воры исчезнут, так как не станет больше частной собственности и каждый в состоянии будет в новом обществе с легкостью и удобством удовлетворять свои потребности трудом. Точно так же не будет более «босяков и бродяг», они — продукт общества, основанного на частной собственности, и исчезнут вместе с этой последней. Убийства? Из-за чего? Никто не может обогатиться за счет другого; даже убийство из ненависти или мести находится в прямой или косвенной связи с современным социальным положением общества. Клятвопреступление, подделка документов, обман, присвоение чужого наследства, злостное банкротство? Но ведь нет частной собственности, по отношению к которой и против которой можно было бы совершать эти преступления. Поджог? Но кто станет искать в нем радости или удовлетворения, раз общество лишает его всякого повода к ненависти? Фабрикация фальшивых денег? «Ах, деньги — только химера», и весь труд был бы напрасен. Религиозные преступления? Предоставим «всемогущему и всеблагому» богу самому наказывать того, кто его оскорбляет, предполагая, что и тогда еще будут спорить о существовании бога.

Так все основы существующего «порядка» станут мифом. Родители будут рассказывать о них детям как о старых сказочных временах. И рассказы о преследованиях и гонениях, которым ныне подвергаются представители новых идей, будут звучать в их ушах так же дико, как теперь для нас — рассказы о сожжении еретиков и ведьм. Все имена тех «великих» людей, которые теперь отличаются преследованием новых идей и вызывают похвалу со стороны своих ограниченных современников, бесследно забудутся и разве лишь останут на себе внимание историка, перелистывающего старые книги. К сожалению, мы еще не живем в те счастливые времена, когда человечество сможет *свободно* дышать.

БУДУЩЕЕ РЕЛИГИИ

То же, что с государством, произойдет и с религией: она не будет «отменена», «бог не будет свергнут» и у людей «не будут вырывать из сердца религию», в чем на разные лады обвиняют теперь атеистов социал-демократов. Подобные нелепости социал-демократия предоставляет буржуазным идеологам, которые во время французской революции пытались прибегнуть к подобным средствам и, естественно, потерпели полное крушение.

Религиозные организации, а вместе с ними и церковь постепенно исчезнут без насильственных пападений и без подавления мнений, какого бы они ни были рода.

Религия есть трансцендентальное отражение данного общественного строя. По мере того как прогрессирует человеческое развитие и преобразуется общество, преобразуется и религия. Она есть, по выражению Маркса, стремление к призрачному счастью народа, которое вытекает из общественного строя, *нуждающегося в иллюзии*¹, но она исчезнет, как только массы познают действительное счастье и возможность его осуществления. Господствующие классы стремятся ради собственного интереса затруднить это познание, и поэтому они пытаются сохранить религию как средство господства, как это выражено особенно ясно в пресловутом изречении: «Нужно сохранить и религию для народа». Забота об этом в обществе, покоящемся на классовом господстве, является важной правительственной функцией. Образуется особая каста, берущая на себя эту функцию и изодряющая свой ум на том, чтобы поддержать и расширить здание религии, так как вместе с этим растет ее собственное могущество и значение.

Являясь вначале, на самой низшей ступени культуры, при примитивных общественных отношениях, фетишизм

¹ Карл Маркс, К критике гегелевской философии права. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 1, стр. 415.

мом, религия становится на более высокой ступени развития политеизмом и, наконец, с дальнейшим развитием культуры, монотеизмом. Не боги создали людей, а, наоборот, люди создают себе богов. «По образу и подобию создает он (человек) его (бога), а не наоборот». Но и монотеизм уже растворился во всеобъемлющем, всепроникающем пантеизме и все более и более исчезает. Естественные науки превратили миф в учение о сотворении мира в шесть дней. Астрономия, математика и физика сделали из неба воздух, звезды небесного свода, на которых восседают ангелы, оказались неподвижными звездами и планетами, природа которых исключает всякую ангельскую жизнь.

Господствующий класс, сознавая угрожающую его существованию опасность, хватается за религию как за опору всякого авторитета. Так поступал до сих пор всякий господствующий класс¹. Буржуазия сама не верует ни во что, она всем своим развитием, всей вышедшей из ее среды современной наукой разрушила веру в религию и авторитет. Она притворяется верующей, и церковь принимает поддержку этой фальшивой подружки, так как она сама нуждается в поддержке: «Религия нужна народу».

Для нового общества не существует никаких авторитетов. Его девиз — человеческий прогресс и подлинная наука. Если кто-либо будет нуждаться в религии, то смо-

¹ Как об этом думали уже древние, показывают следующие слова Аристотеля: «Тиран (так назывался самодержец в древней Греции) должен *притворяться*, будто он чрезвычайно дорожит религией. Подданные меньше опасаются беззакония со стороны властелина, если они его считают богобоязненным и благочестивым; а с другой стороны, они не так легко решаются восстать против него, если они полагают, что за ним обеспечена помощь богов» (*Аристотель*, Политика).

«Государь должен обладать добрыми человеческими качествами, или, лучше сказать, он должен *притворяться*, что обладает ими; в особенности он должен *притворяться* крайне набожным, крайне религиозным. Если некоторые и поймут, что он притворяется, им ведь придется молчать, так как государя защищает ореол величия. Благодаря этой защите он может обнаруживать также противоположные качества, когда этого требует его выгода. Так как он показал свою богобоязненность во многих случаях, когда это ему ничего не стоило, то широкая масса подданных неизменно будет его считать почтенным человеком даже и тогда, когда он будет поступать против совести и против религии. Главное, государь должен усердно охранять культ и церковь» (Макиавелли в своем знаменитом сочинении «Государь», 18 глава).

жет удовлетворить свою потребность вместе с себе подобными. Общества это не касается. Для того чтобы жить, священник тоже должен работать, и так как он при этом еще и учится, то и для него наступит время, когда он поймет, что самое главное — быть человеком.

Нравственность и мораль существуют и без религии; противоположное могут утверждать только простаки или лицемеры. Нравственность и мораль суть выражение понятий, которыми регулируются взаимные отношения между людьми и их поведение, тогда как религия обнимает собою отношение людей к сверхъестественному существу. Но понятия о нравственности, как и религия, обуславливаются данным социальным состоянием людей¹. Каннибал считал людоедство делом весьма нравственным; нравственным же представлялось грекам и римлянам рабство, а феодальным владельцам средних веков — крепостничество; высоконравственными кажутся современному капиталисту система наемного труда, эксплуатация женщин и деморализация детей на фабриках². Четыре ступени общественного развития и четыре разных понятия о нравственности, но ни на одной из них не царит высшее нравственное понятие. Наиболее высоким в нравственном отношении состоянием является, без сомнения, то, при котором люди относятся друг к другу как *свободные и равные*, при котором правило: «Не делай другому того, чего не желаешь себе» — господствовало бы во взаимоотношениях между людьми. В средние века человек оценивался в зависимости от своей родословной, в наше время решающее значение имеет его богатство, в будущем человек будет оцениваться как человек. И будущее принадлежит социализму.

¹ См. *K. Kautsky, Ethik und materialistische Geschichtsauffassung*, Stuttgart 1905, Verlag J. H. W. Dietz Nachf.

² Когда современному буржуа трудно подыскать доводы в оправдание какого-нибудь дурного поступка, то он в 999 случаях из тысячи ссылается на «нравственность». Весной 1894 года на одном из собраний евангелистов один «либеральный» советник берлинского апелляционного суда объявил даже «нравственным», чтобы налоги платили только те, кто имеет избирательное право при выборах в религиозное общество.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

В семидесятих годах покойный депутат доктор Ласкер прочел в Берлине доклад, в котором он пришел к следующему заключению: одинаковый уровень образования возможен для всех членов общества. Доктор Ласкер был, однако, противником социализма, упорным приверженцем частной собственности и капитализма; между тем вопрос об образовании является по преимуществу *вопросом денежным*. При таких условиях одинаковый уровень образования для всех невозможен. Отдельные личности при относительно благоприятных обстоятельствах могут добиться высшего образования, да и то лишь после преодоления многих трудностей и благодаря большой энергии, встречающейся не у каждого. Масса же никогда не в состоянии достигнуть этого до тех пор, пока она живет в условиях социального гнета и зависимости ¹.

В новом обществе условия существования будут одинаковы для всех, потребности же и наклонности будут различны и останутся различными, ибо они коренятся в природе человека; но каждый может жить и развиваться сообразно с одинаковыми для всех условиями существования.

¹ «Известный уровень культуры и благосостояния есть необходимое внешнее условие для развития философского духа... Поэтому мы находим, что философия развивается только у тех наций, которые достигли известной степени культуры и благосостояния» (*Теплетманн*, примечание у Бокля, Цит. соч., т. 1, стр. 10).

«Материальные и духовные интересы идут рука об руку, одно не может существовать без другого; между тем и другим существует связь, как между телом и духом, разделить их — значит убить их» (*V. Thünen, Der isolierte Staat*).

«Лучшая жизнь как для отдельного индивидуума, так и для государства есть та, при которой добродетель настолько наделена внешними благами, что благодаря этому возможно деятельное участие в прекрасных и благих поступках» (*Аристотель, Политика*).

Приписываемое социализму шаблонное равенство является, как и многое другое, бессмыслицей. Если бы социализм стремился к этому, то он поступал бы неразумно, так как тогда он вступил бы в противоречие с самой природой человека и должен был отказаться от мысли увидеть общество, развивающимся на основе его принципов¹. Более того, если бы даже социализму удалось перехитрить общество и втиснуть его в противоестественные отношения, то очень скоро новые отношения были бы разорваны, как несносные оковы, и социализм был бы навсегда осужден. Общество развивается сообразно присутствующим ему законам, которые и руководят его деятельностью².

Одной из главных задач нового общества должно быть надлежащее воспитание подрастающего поколения, каждый рождающийся ребенок является желанным для общества приростом. Общество видит в нем залог своего дальнейшего существования, дальнейшего развития. Оно чувствует поэтому и обязанность посильно заботиться о

¹ Г-н Евгений Рихтер в своих «*Irtehren*» снова и снова пережевывает избитую фразу, будто социалисты хотят создать «государство насилия» (что ли о каком «государстве» у нас нет и речи, читателю нашей книги стало уже, несомненно, ясно), он допускает, что общество подчинится государству или социальному строю вопреки своим собственным интересам. Но ведь нельзя произвольно создавать государство или общественный строй, коренным образом отличающиеся от предшествующего; это противоречит всем законам, по которым образуется и развивается государство и общество. Господин Евгений Рихтер и его единомышленники могут утешиться тем, что если социализм действительно стремится к тому, что ему приписывают, то он погибнет и без их помощи.

Так же неудачны замечания Рихтера о том, что для социального положения, которого желают социалисты, необходимо, чтобы люди стали «ангелами». Как известно, никаких ангелов не существует, да мы в них и не нуждаемся. С одной стороны, люди находятся под влиянием условий жизни, с другой стороны, они сами влияют на условия жизни, и это последнее будет иметь место тем чаще, чем лучше люди будут знать сущность общества, которое они сами образуют, и чем сознательнее они будут применять свой опыт к общественной организации. Это и есть социализм. Нам не нужны другие люди, нам нужны лишь более умные и более сознательные люди, чем сейчас, и для того, чтобы сделать их умнее и сознательнее, мы агитируем и публикуем книги, одной из которых является настоящая.

² Удивительно, что при безмерной ограниченности противников социализма никто из них еще не утверждал ради «увенчания» здания шаблонного равенства, что, мол, в социалистическом обществе каждый будет получать одинаковую порцию пищи, одинаковое белье и платье, сшитое на одинаковый рост.

новом существе. Первым предметом его забот является, стало быть, роженица, мать. Удобное жилище, приятная внешняя обстановка, всякого рода приспособления, в которых нуждается эта стадия материнства, внимательный уход за роженицей и ребенком — таково первое условие. Само собой разумеется, что необходимо обеспечить ребенку материнскую грудь до тех пор, пока это окажется возможным и необходимым. Мошотт, Зондергер, все гигиенисты и врачи единодушно утверждают, что ничто не может вполне заменить материнское молоко.

Такие люди, как Евгений Рихтер, возмущаются тем, что роженица пойдет в родильный дом, где она будет пользоваться всеми удобствами, ныне доступными лишь наиболее богатым, хотя, впрочем, никакое богатство не может доставить роженице всего того, чего можно достигнуть в специально устроенных заведениях. Этим противникам мы напомним, что в настоящее время *по крайней мере четыре пятых* детей рождаются в самой примитивной обстановке, в условиях, являющихся злой насмешкой над нашей культурой и цивилизацией. Что же касается остальной пятой части наших матерей, то опять-таки лишь меньшинство их имеет возможность пользоваться некоторым уходом и удобствами, необходимыми для роженицы. *В действительности уже и теперь в городах с превосходными родильными домами немало женщин при приближении родов отправляются в эти дома и ожидают там своего разрешения от бремени. Но цены в родильных домах, к сожалению, так высоки, что лишь немногие женщины могут ими пользоваться; других же отталкивает от них, бесспорно, и предрассудок.* Мы имеем, таким образом, тут новый пример того, как *буржуазный мир повсюду заключает в своих недрах зародыши будущих порядков.*

Материнство богатых женщин получает, впрочем, особый привкус ввиду того обстоятельства, что они как можно скорее сваливают материнские обязанности на... *пролетарскую кормилицу.* Как известно, вендский Ляузиц (Шпреевальд), например, является областью, откуда женщины, представительницы берлинской буржуазии, не желающие или не могущие кормить своих новорожденных, получают кормилиц. «Разведение» кормилиц стало настоящим *промыслом.* Оно состоит в том, что деревенские девушки нарочно беременеют, для того чтобы после родов наняться в кормилицы в зажиточное берлинское

семейство. Девушки, рождающие вне брака трех и четырех детей, для того чтобы наняться в кормилицы, вовсе не редкость, и затем, если только они на этом достаточно заработали, они являются вождеденными невестами в глазах шпреевальдских парней. С точки зрения буржуазной морали такой образ действия крайне предосудителен, но с точки зрения семейных интересов буржуазии он представляется похвальным и желательным.

Лишь только дитя подрастет, оно начнет участвовать со сверстниками в общих играх под общим присмотром. Все, что только возможно сделать для его духовного и физического развития, будет сделано. Всякий, наблюдавший детей, знает, что *они легче всего воспитываются в детском обществе*; общительность и подражательный инстинкт у них сильно развиты. Особенно охотно младшие дети подражают старшим, примеру которых они следуют охотнее, чем указаниям родителей. Эту особенность можно с успехом использовать в целях воспитания¹. Залы для игр и детские сады сменяются занимательным преподаванием начатков знания и различных ремесел. Затем последует соразмерная с детскими силами умственная и физическая работа, связанная с гимнастическими упражнениями и свободным движением на площадках, служащих для игры и гимнастики, на ледяном катке, в купальнях: маршпровка, состязания и физические упражнения для обоих полов следуют одно за другим и взаимно дополняют друг друга. Необходимо воспитать здоровых, закаленных, в физическом и духовном отношении нормально развитых людей. Шаг за шагом будет следовать ознакомление с разными отраслями практической деятельности, с садоводством, земледелием, с фабричным делом и техникой производственного процесса. Не забудется при этом и умственная работа в различных отраслях науки.

В системе воспитания произойдут такие же изменения и улучшения, как и в области производства: будет устранено множество устарелых, излишних, тормозящих духовное и физическое развитие методов и учебных предметов. Ознакомление с естественными явлениями гораздо

¹ Фурье блестяще развил эту мысль, хотя он при этом и впал в утопизм. См. *A. Bebel, Charles Fourier, sein Leben und seine Theorien*, 3. Auflage, Stuttgart 1907

сильнее возбудит жажду знания, чем при системе воспитания, при которой один учебный предмет противоречит другому, подрывая свое собственное влияние, например, когда, с одной стороны, преподается религия, основанная на Библии, а с другой стороны, естественные науки. Высокому культурному состоянию нового общества будут соответствовать и обстановка школьных помещений, и учебные принадлежности, и средства обучения. Средства обучения и воспитания, одежду, пропитание дает общество, ни один ученик не будет поставлен в худшие по сравнению с другими условия¹. Тут мы опять наталкиваемся на негодование со стороны буржуазных «людей порядка»². Школа обратится в казарму, родители будут лишены всякого влияния на своих детей, восклицают противники. Но об этом не может быть и речи, принимая во внимание, что родители в будущем обществе будут располагать несравненно большим количеством свободного времени, чем его имеется в большинстве случаев в настоящее время (достаточно напомнить о десятичасовом и более рабочем дне большинства рабочих, почтовых, железнодорожных, тюремных, полицейских чиновников и т. д., о чрезмерном труде ремесленников, мелких крестьян, купцов, военных, многих врачей). Таким образом, родители смогут уделить своим детям столько времени, сколько они сейчас не могут им посвятить. *Кроме того, система воспитания будет зависеть всецело от родителей, так как они будут решать, какие меры и учреждения следует ввести. Тогда общество будет насквозь проникнуто демократическими началами. Педагогические комиссии будут составляться из родителей — мужчин и женщин — и воспитателей.* Разве можно предположить, что они будут действовать против своих чувств и интересов? Это имеет место

¹ Кондорсе требовал в своем воспитательном проекте: «Воспитание должно быть бесплатным, равным, всеобщим, физическим, духовным, промышленным и политическим и должно иметь своей целью действительное, фактическое равенство».

Точно так же высказывается Руссо в своей «Политической экономии»: «В особенности воспитание должно быть общественным, равным и общим; оно должно формировать людей и граждан».

Аристотель требует того же: «Так как государство имеет только одну цель, то оно должно также дать всем своим членам одно и то же воспитание и забота об этом последнем должна быть делом государственным, а не частным».

² Например, Евгений Рихтер в его «Irrlehren».

лишь в современном обществе, в котором государство проводит систему воспитания, соответствующую его интересам, но против воли большинства родителей.

Наши противники говорят так, как будто родители считают величайшим удовольствием весь день иметь при себе детей и заниматься их воспитанием. В действительности дело обстоит иначе. С какими трудностями и заботами сопряжено воспитание ребенка, способны судить лучше всего те родители, которые находятся или находились в подобном положении. Если в семье есть несколько детей, то воспитательное дело облегчается, но зато прибавляется столько труда и забот, что особенно матери, несущие на себе главную тяжесть заботы о них, рады, когда наступает учебное время и дети проводят часть дня вне дома. К тому же огромное большинство родителей в состоянии дать своим детям лишь крайне неудовлетворительное воспитание. Прежде всего у преобладающего большинства родителей нет для этого времени: отцы занимаются своими делами, матери — домашним хозяйством, если они сами не работают на производстве. Но если даже у них и есть свободное время для воспитания, то в бесчисленном количестве случаев они к этому *не способны*. В самом деле, много ли родителей, способных следить за ходом обучения своих детей в школе и помогать им? Очень немного. Мать, которая в большинстве случаев скорее всего могла бы это делать, не способна к этому, так как недостаточно образованна. Да притом учебные методы и программы меняются так часто, что родители оказываются совершенно беспомощными.

Далее, домашняя обстановка значительного большинства детей, такая убогая, что им недостает и необходимых удобств, и порядка, и спокойствия, чтобы делать уроки дома или найти там нужную помощь. Часто нет самого необходимого. Квартира тесна и переполнена; все теснятся в крохотной комнате; убогая мебель не дает ребенку, желающему работать, никаких, даже самых элементарных удобств. Нередко недостает света, воздуха, тепла; учебники и другие принадлежности, если вообще таковые имеются, донельзя плохи; часто муки голода отнимают у детей всякую охоту к занятиям. Кроме того, сотни тысяч детей привлекаются к всевозможным домашним и промысловым работам, которые отравляют им детство и мешают им учиться. Нередко дети наталкиваются на со-

противление невежественных родителей всякий раз, когда они желают урвать себе часок для школьных работ или для игры. Словом, препятствий так бесконечно много, что можно лишь удивляться, что молодежь все-таки так хорошо образованна. Это служит доказательством здоровой природы человека и присущего ей стремления к прогрессу и совершенствованию.

Буржуазное общество само признает наличие некоторых из этих зол, стараясь облегчить воспитание юношества введением бесплатного обучения, а кое-где также бесплатной раздачей учебных пособий — два мероприятия, которые еще в середине восьмидесятых годов тогдашний саксонский министр народного просвещения, выступая против социалистических депутатов ландтага, назвал *«социал-демократическими требованиями»*. Во Франции, где после долгого отставания народное образование сделало крупный шаг вперед, пошли еще дальше, по крайней мере в Париже, *где детям обеспечивается пища на средства общин*. Дети бедных родителей получают пищу бесплатно, а дети более состоятельных родителей вносят незначительную плату в городскую кассу. Тут мы, стало быть, имеем перед собою коммунистическое учреждение, давшее на опыте превосходные результаты к взаимному удовольствию родителей и детей.

О неудовлетворительности современной школьной системы — она не в состоянии осуществить даже те скромные задачи, которые она себе поставила — свидетельствует далее то обстоятельство, что многие тысячи детей *не в состоянии исполнять свои школьные обязанности вследствие недостаточного питания. Каждую зиму в наших городах тысячи детей приходят в школу, не позавтракав*. Питание сотен тысяч других детей недостаточно. Для всех этих детей прокормление и снабжение одеждой на общественный счет было бы большим благодеянием. В коллективе, который, снабжая их пищей и одеждой, учит, что значит быть человеком, они не будут видеть «каторжной тюрьмы». Буржуазное общество не может отрицать существования этой нищеты, и вот сердобольные души устраивают общества для снабжения детей завтраком и супом, чтобы *путем благотворительности* осуществить хоть часть того, что является обязанностью общества. В настоящее время некоторые общины доставляют бедным детям необходимый уход на свои средства. Все это

совершенно недостаточно, и как благодетельные рассматривается то, что должно быть правом¹.

В наших школах все более обнаруживается разумное стремление по возможности сократить задаваемые на дом уроки, так как признана неудовлетворительность школьных работ, которые делаются в родительском доме. Более богатый воспитанник находится в привилегированном положении по сравнению с бедным не только по внешнему своему положению, но еще и потому, что он часто пользуется помощью гувернанток и домашних учителей. С другой стороны, леность и распущенность поощряются у богатого ученика в силу того, что богатство его родителей побуждает его смотреть на учение как на бесполезное дело, а часто он имеет перед глазами самые предосудительные примеры, действующие на него особенно развращающим образом. Кто ежедневно и ежечасно слышит и видит, что самое главное — это чин, положение и богатство, тот проникается своеобразными взглядами на человека и его обязанности, на государственные и общественные учреждения.

Строго говоря, буржуазное общество не имеет никакого основания негодовать на коммунистическое воспитание детей, к которому стремятся социалисты, так как оно само отчасти ввело его для привилегированных классов, *только в весьма искаженном виде*. Мы имеем в виду *кадетские корпуса, приюты сирот, пансионы, семинарии, духовные академии* и т. д. В этих учебных заведениях многие тысячи детей, частью принадлежащие к так называемым высшим классам, получают *самое одностороннее и извращающее* воспитание в *строжайшей монастырской замкнутости* и подготовку к определенным профессиям. Далее, многие члены более зажиточных классов — врачи, духовные лица, чиновники, фабриканты, землевладельцы, богатые крестьяне и т. д., которые живут в деревне или в маленьких местечках, где нет высших образовательных заведений, — отдают своих детей в пансионы больших

¹ «В настоящее время в двадцати частях города Парижа имеются школьные столовые, в которых выдаются обеды — мясо и зелень. Это обязательно. В некоторых кварталах дают также завтрак и ужин» (*Helene Simon, Schule und Brot, Hamburg 1907, S. 44*). По инициативе рабочей партии в Англии было внесено предложение об урегулировании школьного питания, по которому в 1906 году образована комиссия.

городов и видятся с ними в течение целого года разве лишь на каникулах.

Таким образом, наши противники противоречат сами себе, когда они возмущаются коммунистическим воспитанием детей и отчуждением их от родителей и в то же время сами ввели эту систему воспитания для собственных детей лишь в искаженной, совершенно ложной и неудовлетворительной форме. О воспитании детей в среде зажиточных классов кормилицами, боннами, гувернантками, домашними учителями можно было бы написать отдельную главу, что показало бы в странном свете домашнюю и семейную жизнь этих классов. Оказалось бы, что и здесь зачастую господствует лицемерие, а положение как учащихся, так и учащихся отнюдь не идеальное.

В соответствии с совершенно преобразованной системой воспитания, имеющей в виду как физическое, так и духовное развитие и усовершенствование молодежи, число педагогов возрастет. В деле воспитания подрастающего поколения общество должно проявить такую же заботу, какую проявляют ныне в военных заведениях о подготовке солдат, когда один унтер-офицер приходится на каждые 8—10 рядовых. Если в будущем на каждые 8—10 учеников будет приходится по одному учителю, то можно надеяться, что цель будет вполне достигнута. Значительное место в воспитании молодежи займет обучение механическим ремеслам в особых, превосходно устроенных учебных мастерских, а также всем садовым и полевым работам. Все это будет организовано таким образом, чтобы избежать переутомления и обеспечить надлежащее разнообразие занятий в видах воспитания наиболее совершенно развитых людей.

Далее, воспитание должно быть *одинаковым и общим* для обоих полов. Разделение полов оправдывается только в тех случаях, когда различие пола этого требует с безусловной необходимостью.

В будущем обществе воспитание, надлежащим образом урегулированное и поставленное под разумный контроль, продолжится до того возраста, когда общество признает молодежь совершеннолетней. С этого момента оба пола будут в состоянии выполнять в полной мере все права и обязанности. Общество теперь уверено, что оно воспитало дельных, всесторонне развитых членов, людей, которым ничто человеческое не чуждо и которые

так же хорошо знакомы со своей собственной природой и со своим собственным существом, как и с сущностью и состоянием общества, в которое они вступают полноправными членами.

Усиливающаяся с каждым днем порочность нашей современной молодежи — естественное последствие общественного строя, находящегося в состоянии гниения и разложения, — исчезнет. Точно так же исчезнут непослушность, недисциплинированность, безнравственность и жажда грубых удовольствий, присущие в особенности молодежи наших высших учебных заведений, гимназий, политехнических школ, университетов и т. д., — пороки, которые вызываются усиливающимся распадом семейной жизни и развращающим влиянием социальной жизни. Равным образом будет покончено с вредным влиянием фабричной системы, с неблагоприятными квартирными условиями жизни, с распущенностью и излишней самостоятельностью юношества в том возрасте, когда человек наиболее нуждается в узде, в воспитании самодисциплины и самообладания. Всех этих зол будущее общество избегнет, не имея при этом никакой необходимости прибегать к насилию. Характер общественных учреждений и обусловленная ими духовная атмосфера, господствующая в обществе, сделают все это невозможным. В обществе, как и в природе, болезни и разрушение организмов происходят лишь там, где совершается процесс разложения.

Никто не станет оспаривать, что наша современная система образования и воспитания страдает крупными и опасными недостатками, причем ими поражены больше высшие учебные заведения и школы. Деревенская школа является сравнительно с гимназией образцом нравственного здоровья, женская рукодельная школа для бедных детей — образцом нравственности по сравнению со многими пансионами для благородных девиц. Причину не приходится долго искать. В высших классах общества подавлено всякое стремление к высшим человеческим целям, *у них нет большие идеалов. Вследствие отсутствия идеалов и целенаправленной деятельности, распространяется безграничная жажда наслаждений и склонность к распутству со всеми их физическими и нравственными паростами.* Как может стать иною молодежь, вырастающая в такой атмосфере? Грубо материальное наслаждение

жизнью без меры и без границ — такова единственная цель, которую она видит и знает. Зачем к чему-то стремиться, когда благодаря богатству родителей всякое стремление их кажется излишним? Высший образовательный уровень преобладающего большинства сыновей нашей буржуазии состоит в сдаче экзамена на вольноопределяющегося одного года службы. Если это достигнуто, то им кажется, что они поднялись на вершину современных знаний, и они чувствуют себя полубогами. Если же они получили диплом офицера в запасе, то их гордости и высокомерию часто нет границ. Влияние, которое оказывает это слабое характером и знаниями, но сильное беспринципностью и карьеризмом поколение, так велико, что наше время можно назвать веком запасных офицеров. Его отличительная особенность состоит в больших требованиях при отсутствии характера и недостаточных знаниях, в раболепстве по отношению к высшим, в высокомерии и грубости по отношению к низшим.

Дочерей высших классов воспитывают так, что из них выходят куклы, модницы и салонные дамы, охотящиеся за наслаждениями, и в конце концов пресыщенные, они изнывают от скуки и от всевозможных воображаемых и действительных болезней. К старости они делаются набожными ханжами и спиритками, оплакивают испорченность мира и проповедуют аскетизм. Что касается низших классов, то пытаются понизить их уровень образования. Пролетарий, чего доброго, станет чересчур умным, ему надоест его рабское положение, и он возмутится против земных богов. Чем бестолковее масса, тем легче господствовать над нею и управлять ею. «Самый глупый рабочий для нас самый лучший», — много раз повторяли ост-эльбские крупные землевладельцы на своих собраниях. В одном этом предложении заключается целая программа.

Таким образом, в вопросах образования и воспитания современное общество столь же беспомощно, как и во всех других социальных вопросах. Что оно делает? Оно возлагает свои надежды на палку, проповедует религию, то есть покорность и терпение, тем, которые и без того чересчур уж покорны и терпеливы; оно поучает воздержанию там, где по необходимости приходится воздерживаться. Тех, которые в своей грубости отказываются подчиниться, заключают в так называемые исправитель-

ные заведения, находящиеся в руках ханжей. Этим почти исчерпывается педагогическая мудрость нашего общества. Полную непригодность методов воспитания для заброшенных пролетарских детей показывают многочисленные случаи жестокого обращения со стороны руководителей так называемых воспитательных домов, приводившие к судебным процессам над ними.

Тут обнаружались возмутительные случаи жестокого обращения, совершенные религиозными фанатичными ханжами с садистской радостью. А сколько ужасов остается скрытыми от общественности!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ
ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА В
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Руководя воспитанием подрастающих поколений до совершеннолетнего возраста, новое общество предоставит затем каждому заботиться самому о своем дальнейшем развитии; каждый будет работать в той области, к которой его влекут его склонности и задатки. Одни посвятят себя какой-либо отрасли все пышнее развивающихся естественных наук: антропологии, зоологии, ботанике, минералогии, геологии, физике, химии, изучению доисторических времен и т. д., другие — историческим наукам, филологии, искусству и т. д. Одни станут по призванию музыкантами, другие — живописцами, скульпторами, актерами. Профессиональных художников тогда не будет, как не будет и профессиональных ученых и профессиональных ремесленников. Тысячи блестящих талантов, которые до сих пор подавлялись, достигнут тогда полного расцвета, их знания и умение обнаружатся всюду, где это будет нужно. Не будет более музыкантов, актеров, художников и ученых *по профессии*, но тем больше их будет *по вдохновению, по таланту и гению*. И их произведения будут настолько же превосходить все то, что делается в этих областях в настоящее время, насколько индустрия, техника и земледелие в будущем обществе будут выше, чем в современном.

Для искусства и наук наступит новая эра, какой мир еще никогда не видел и никогда не переживал, и на такой же небывалой высоте будут стоять творения этой эры.

Какое возрождение испытает искусство, раз только наступят достойные человека порядки, предчувствовал уже такой авторитет, как покойный *Рихард Вагнер*, высказавшийся по этому поводу в 1850 году в своем сочинении «Искусство и революция». Это сочинение особенно замечательно потому, что оно появилось непосредственно вслед за только что подавленной революцией, в которой

Вагнер принимал участие. В этом сочинении Вагнер предсказывает то, что принесет с собою будущее; он обращается прямо к рабочему классу, от которого он ожидает помощи художникам в деле основания истинного искусства. Он говорит, между прочим, следующее: «Если для наших *будущих свободных людей* добывание средств к существованию не будет более целью жизни, если благодаря активно действующей новой вере или, вернее, знанию приобретение средств к существованию *путем соответствующей естественной деятельности* будет безусловно обеспечено, короче говоря, если только промышленность будет не нашим господином, а слугою — тогда цель жизни мы будем видеть в радостях жизни, и мы будем стремиться путем соответствующего воспитания к тому, чтобы наши дети пользовались этими радостями. Воспитание, начинаясь развитием физической силы, заботой о телесной красоте, станет чисто художественным уже в силу одной беззаботной любви к ребенку и радостного стремления к развитию его красоты, и каждый человек будет поистине художником в каком-либо отношении. Различия в природных склонностях создадут невероятное множество самых разнообразных направлений». Эти слова проникнуты вполне социалистическим духом и совершенно совпадают с изложенными нами взглядами.

Общественная жизнь примет в будущем все более и более публичный характер. Тенденцию развития нам показывает яснее всего совершенно изменившееся по сравнению с прежними временами положение женщины. Домашняя жизнь ограничится необходимым минимумом, наоборот, потребности в общении будет открыт самый широкий простор. Большие помещения для собраний, предназначенные для докладов, диспутов и для обсуждения всех общественных дел, решаемых в будущем самовластно всеми, залы для игр, столовые и читальни, библиотеки и концертные залы и театры, музеи, площадки для игр и гимнастики, парки и сады, общественные бани, образовательные и воспитательные учреждения всех родов, лаборатории и т. д. — все это, устроенное самым лучшим образом, доставит полную возможность искусству, науке и всяким другим видам общения достигнуть высшего расцвета. Точно так же заведения для ухода за больными, слабыми и дряхлыми будут отвечать самым высшим требованиям.

Каким ничтожным покажется в сравнении с этим наш хваленый век! Виляние хвостом из-за благосклонности и ласковой улыбки вышних, пресмыкающийся, собачий образ мыслей, завистливая борьба самыми гнусными и низменными средствами из-за теплого местечка и наряду с этим подавление своего истинного убеждения, скрывание хороших качеств, которые могут не понравиться, кастрирование характера, лицемерие во взглядах и чувствах — все эти качества, *которым можно дать общее название трусости и бесхарактерности*, с каждым днем выступают во все более отталкивающем виде. Все, что человека возвышает и облагораживает: чувство собственного достоинства, независимость и неподкупность взглядов и убеждений, свободное проявление своей индивидуальности — становится при современных условиях в большинстве случаев недостатком и пороком. Часто эти качества губят человека, если он их не подавляет. Многие даже не чувствуют своего унижения, потому что они с этим свыклись. Собака находит вполне естественным иметь над собою господина, который под сердитую руку бьет ее хлыстом.

Одновременно со всеми упомянутыми изменениями в социальной жизни примет совершенно иной характер и вся литературная деятельность. Теологическая литература, занимающая в настоящее время большое место в ежегодном указателе новых изданий, исчезнет наравне с литературой юридической: первая никого не будет интересовать, а во второй не будет никакой надобности. Все издания, касающиеся ежедневной борьбы из-за государственных учреждений, исчезнут вместе с этими учреждениями. В этой области останется место только для культурно-исторических исследований. Не будет больше массы поверхностной литературной продукции, свидетельствующей о дурном вкусе.

Даже с точки зрения современных условий можно без преувеличения сказать, что если бы исчезли с рынка четыре пятых всех литературных произведений, *культурные интересы от этого нисколько бы не пострадали*, так велика масса нецелесообразной, явно дрянной и вредной продукции в области литературы.

Беллетристика и газетное дело изменятся коренным образом. Нет ничего более бессмысленного и поверхностного, чем большая часть нашей газетной литературы.

Если судить о состоянии наших культурных завоеваний и наших научных теорий по содержанию этой части наших газет, то пришлось бы оценить их очень низко. Деятельность отдельных личностей, положение вещей обсуждаются там с точки зрения, соответствующей прошлым столетиям и признанной в науке несостоятельной. Значительная часть наших журналистов — это люди, которые, как однажды верно заметил Бисмарк, «промахнулись при выборе специальности», но взгляды и гонорары их соответствуют интересам буржуазии. Вместе с тем эти газеты, как и большинство беллетристических органов, имеют своей целью содействовать через отдел объявлений самой грязной рекламе, а их биржевой отдел служит той же цели в финансовой области. Их содержание определяется материальными интересами предпринимателей.

Беллетристическая литература в среднем не лучше газетной литературы, в ней особенно культивируется интерес к половым отношениям с их пороками, и она служит то самой поверхностной тенденциозности, то самым нелепым предрассудкам и суеверию. Ее цель — показать, что буржуазный мир при всех своих недостатках, которые признаются в мелочах, является лучшим из миров.

В этой обширной и важной области будущее общество предпримет основательную чистку. В ней будут господствовать исключительно наука, истина, красота, борьба мнений во имя добра. Всякий способный человек получит возможность проявить себя. Он не будет более зависеть от милости книжного издателя, от денежного интереса, от предрассудка, а только от оценки беспристрастных сведущих лиц, в выборе которых он и сам принимает участие и против приговора которых, если он его найдет несправедливым, ему всегда возможно будет апеллировать к обществу, тогда как ныне он лишен этой возможности как по отношению к газетной редакции, так и по отношению к издателю, который считается лишь со своими частными интересами. Наивный взгляд, будто в социалистическом обществе борьба мнений будет подавлена, может отставаться лишь теми, которые считают буржуазный мир самой совершенной формой общества и из вражды к социализму стараются последний оклеветать и принизить. Общество, покоящееся на полном демократическом равенстве, не знает и не терпит никакого угнетения. *Лишь самая полная свобода мнений делает возможным беспре-*

рывный прогресс, являющийся жизненным принципом общества. Ошибочно, впрочем, думать, будто буржуазное общество является поборником действительной свободы мнений. Партии, защищающие классовые интересы, опубликовывают в печати лишь то, что не вредит их классовому интересу, и горе тому, кто осмелится поступить иначе. Его социальное крушение обеспечено, как известно всякому, знакомому с этим делом. А как расправляются издатели с неудобными им литературными произведениями, об этом писатели могли бы рассказать многое. Наконец, наши законы о печати и уголовное законодательство тоже показывают, каким духом проникнуты правящие и руководящие классы. Действительная свобода мнений кажется им опаснейшим из всех зол.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
СВОБОДНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ

1. БЕЗЗАБОТНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Каждый отдельный человек должен получить разностороннее развитие — такова должна быть цель человеческого общежития. Человек не должен поэтому оставаться прикованным к тому месту, куда забросила его случайность рождения. С людьми и миром следует знакомиться не только по книгам и газетам, необходимо также личное наблюдение и практическое изучение. Будущее общество должно поэтому предоставить всем эту возможность, которой и теперь уже пользуются многие, хотя в большинстве случаев лишь под давлением нужды. *В человеческой природе глубоко коренится потребность в разнообразии всех жизненных отношений.* Эта потребность вытекает из стремления к совершенствованию, присущего всякому органическому существу. Растение, находящееся в темном помещении, тянется, как бы одаренное сознанием, к свету, проникающему сквозь какую-либо щель. То же и с человеком. Стремление, свойственное человеку, должно получить разумное удовлетворение. Новое общество не только не будет препятствовать удовлетворению потребности в разнообразии, а, наоборот, лишь оно впервые даст возможность всем удовлетворить эту потребность. Это будет облегчаться высокоразвитой системой средств сообщения и необходимо будет вызываться международными сношениями. В будущем бесконечно большее число людей будет объезжать мир для самых разнообразных целей, чем до сих пор.

Общество нуждается далее в обильных запасах предметов потребления всех родов для удовлетворения всех потребностей. Соответственно этому общество регулирует свое рабочее время по надобности: оно его то удлиняет, то укорачивает согласно своим запросам и сообразно с временем года. В одно время года оно занимается преимущественно сельскохозяйственным производством, в дру-

гое — промышленным производством и изделиями художественных ремесел. Соответственно потребности направляется и рабочая сила. Оперируя многочисленной рабочей силой и совершеннейшими в техническом отношении предприятиями, общество легко осуществит мероприятия, кажущиеся в настоящее время невозможными.

Подобно тому как общество возьмет на себя заботу о молодежи, оно будет простирать ее и на стариков, больных и инвалидов. Кто почему-либо сделается неспособным к труду, того возьмет под защиту все общество. При этом здесь дело будет идти не о благотворительности, а об исполнении *долга*, не о милостивой подачке, а о самом внимательном уходе и помощи, оказываемым тому, кто выполнял свои обязанности по отношению к обществу в годы своего здоровья и работоспособности. Закат жизни будет украшен всем, что общество может предоставить старику. Ведь всякий питает надежду в будущем пользоваться самому тем же вниманием, какое он оказывает старику. Тогда престарелых не будет мучить мысль, что другие ожидают их смерти, чтобы получить наследство. Исчезнет также страх, что на старости тебя выбросят, как выжатый лимон. Старики тогда не будут зависеть ни от милости и поддержки со стороны детей, ни от нищенских подачек общины¹. Всякому прекрасно известно, в каком положении находятся большей частью родители, которые к старости зависят от поддержки со стороны детей. А каким развращающим образом влияет обыкновенно на детей и еще более на родственников надежда на наследство! Какие низменные страсти просыпаются и сколько преступлений совершается как раз из-за наследства: убийство, растрата, подлог, лжеприсяга, вымогательство.

¹ «Человек, прошедший всю жизнь до седых волос в честном и изнурительном труде, не должен в старческие годы зависеть ни от милосердия своих детей, ни от милосердия общества. Независимая, свободная от забот и труда старость является естественнейшим вознаграждением за непрерывный труд в дни силы и здоровья» (*Фон Тюнен*, *Изолированное государство*). Но как обстоит дело в буржуазном обществе? Миллионы людей с ужасом думают о том времени, когда они, состарившись, будут брошены на мостовую. А наша промышленная система старит людей преждевременно. Пресловутое страхование в Германии на случай старости и инвалидности есть самый скудный суррогат, это признается даже его самыми яркими защитниками. Выдаваемое пособие еще более недостаточно, чем пенсия большинства чиновников».

Моральное и физическое состояние общества, характер труда, жилищ, питания и одежды, общественная жизнь — все будет способствовать возможно лучшему предохранению от несчастных случаев, заболевания и хилости. Естественная смерть, постепенное истощение жизненных сил все более и более станет общим правилом. Убеждение в том, что рай находится на земле и что со смертью кончается все существование, будет побуждать людей жить разумно. Наслаждается больше всего тот, кто наслаждается долго. Как раз духовенство, подготавливающее людей к «загробному» существованию, лучше всего умеет ценить долгую жизнь. Беззаботная жизнь позволяет духовенству достигать самого высокого в среднем возраста.

2. ПЕРЕВОРОТ В ОБЛАСТИ ПИТАНИЯ

Чтобы жить, нужно прежде всего есть и пить. Сторонники так называемого «естественного образа жизни» нередко спрашивают, почему социал-демократия относится равнодушно к вегетарианству. Всякий живет так, как он может. Вегетарианство, то есть учение об употреблении исключительно растительной пищи, привилось с самого начала в тех кругах, которые пользуются возможностью выбирать между растительной и животной пищей. У значительного большинства людей такой свободы выбора не существует, они принуждены жить по своим средствам, скудость которых заставляет их ограничиваться почти исключительно растительной пищей, и притом наименее питательной. Для нашего рабочего населения в Силезии, Саксонии, Тюрингии и т. д. картофель составляет основу питания, даже хлеб занимает второе место. Мясо, да и то лишь самого дурного качества, редко появляется на столе. Большинство нашего сельского населения, хотя и занимается скотоводством, тоже редко ест мясо; оно вынуждено продавать скот, чтобы на вырученные деньги удовлетворять другие потребности.

Для этих многочисленных людей, вынужденных жить по-вегетариански, хороший бифштекс, порядочная баранья котлета время от времени были бы существенным улучшением их питания¹. Вегетарианцы правы, поскольку

¹ Что дело обстоит действительно так, подтверждают опыты с питанием, о которых сообщили недавно два итальянских исследователя. Был исследован обмен веществ у той части населения, которая

ку они восстают против *переоценки* питательности мяса; но они не правы, когда они большей частью из сентиментальных соображений борются против потребления мяса вообще, как вредной и «безнравственной» пищи, в частности, потому, что естественное чувство запрещает нам убивать животных и питаться «трупом». Между тем стремление к приятной и спокойной жизни принуждает нас вести войну против значительной части живых существ в лице всякого рода паразитов и уничтожать их, а для того чтобы не быть самым съеденными, мы должны умерщвлять и искоренять хищных животных. Что же касается домашних животных, то их беспрепятственное размножение увеличило бы в течение нескольких десятилетий число этих «добрых друзей человека» в таком огромном размере, что они «сожрали» бы нас, лишив нас пищи. Несправедливо также утверждение, будто растительная пища создает мягкость нравов. В кротком, питающемся растительной пищей индусе также проснулся «зверь», когда жестокость англичан привела его к возмущению.

О питательной ценности какого-нибудь пищевого вещества по отношению к белку можно судить не только по содержанию последнего. Нужно еще принимать во внимание, какая часть принятого в соответственном пищевом веществе белка остается непереваренной. С этой точки зрения, например, мясо, рис или картофель относятся соответственно к белку, как 2,5, 20 и 22, то есть из 100 граммов принятого в мясе белка 2,5 грамма снова появляются в кале, из ста же граммов белка, принятого в рисе и картофеле, в кале появляются 20 и 22 грамма.

с древнейших времен живет исключительно растительной пищей. Такое сельское население, находящееся в плачевном экономическом положении, живет в Южной Италии, в Абруццо. Их пища состоит из маисовой муки, овощей и оливкового масла. Они не потребляют ни молока, ни сыра, ни яиц. Мясо появляется на их столе 3—4 раза в год. В виде опыта к их меню было прибавлено мясо, именно в течение 15 дней каждый получал по 100 граммов мяса, а в течение следующих 15 дней—по 200 граммов. Тогда оказалось, что «процесс ассимиляции, то есть всасывание пищи в кишечнике, протекает значительно благоприятнее. Бывшие раньше необычайно большими потери питательных веществ, остававшихся неиспользованными, уменьшились до ничтожной величины. Совершенно усваивался не только вновь введенный животный белок, но и растительная пища лучше усваивалась, чем прежде. Это тем замечательнее, что эта пища плохо переваривалась из-за маиса, содержавшего большое количество целлюлозы» (*Dr. med. A. Lipschütz, Eine Reform unserer Ernährung? «Neue Zeit», 27. Jahrgang, 1. Band, S. 915.*)

Знаменитый русский физиолог Павлов и его школа показали, что при переваривании хлеба появляется гораздо больше фермента, чем при переваривании мяса. Павлов далее доказал, что выделяющиеся из желудочных желез пищеварительные соки состоят в количественном отношении из двух величин: часть желудочного сока выделяется при раздражении слизистой оболочки желудка соответствующим пищевым веществом, другая часть в виде «аппетитного сока» выделяется при раздражении органов чувств пищей. Количество «аппетитного сока» зависит, во-первых, от состояния нашей психики, от голода, печали, гнева, радости и т. д., а затем от природы соответствующего пищевого вещества. Однако значение «аппетитного сока» для пищеварения неодинаково при различных пищевых веществах. Некоторые пищевые средства, например хлеб, сваренный яичный белок или чистый крахмал, как непосредственно доказано опытом, вообще совершенно не перевариваются, если их переваривание не сопровождается выделением «аппетитного сока»: только при аппетите (или вместе с другими пищевыми веществами) выше-названные вещества могут быть усвоены. Напротив, мясо, как доказал Павлов, переваривается частично и без «аппетитного сока», в то время как переваривание мяса и с «аппетитным соком» происходит несравненно быстрее (в пять раз). *Мы должны поэтому принимать во внимание обстоятельства, связанные с человеческой психикой. Здесь проложен мост между явлениями физиологии питания и социальными отношениями. Современные города, а особенно широкие массы рабочего класса, живут в таких социальных условиях, которые убивают всякий нормальный аппетит. Работа в душной фабрике, постоянная забота о насущном хлебе, недостаток духовного стимула и хорошего настроения, полное телесное истощение — все это является моментами, лишаящими аппетита.* В таком душевном состоянии мы не можем выделять «аппетитного сока», который необходим для приема и усвоения растительной пищи. В мясе, напротив, мы имеем такое питательное вещество, которое — если можно так выразиться — само заботится о своем переваривании: оно в значительной части не только переваривается без аппетита, но является к тому же еще и могучим возбудителем нашего аппетита. Оно облегчает усвоение принятых вместе с ним растительных пищевых веществ и этим самым обеспечивает нам

наилучшее использование их. В этом, кажется нам, и лежит огромная выгода животного питания для современного человека»¹.

Зондереггер хватает быка за рога, когда он говорит: «Не существует никакой табели о рангах в вопросе о необходимости разных пищевых продуктов, а есть неизменный закон смешения их питательных элементов». Верно, что одной только мясной пищей нельзя жить, а одной растительной — можно, при условии соответственного выбора. Однако никто не станет довольствоваться определенной растительной пищей, как бы питательна она ни была. Так, бобы, горох, чечевица, вообще стручковые растения — наиболее питательные вещества. Но быть принужденным питаться исключительно ими — будь это возможно — было бы пыткой. Так, Карл Маркс отмечает в первом томе своего «Капитала», что чилийские владельцы рудников принуждают своих рабочих питаться из года в год бобами, ибо последние дают значительную силу и способность носить тяжести, как никакая другая пища. Рабочие отказываются от бобов, несмотря на их питательность, но их заставляют довольствоваться ими. Во всяком случае, счастье и благополучие людей не зависят от какого-либо определенного рода пищи, как это утверждают фанатики вегетарианства. Решающую роль играют климат, социальные отношения, привычки и вкусы².

¹ *A. Lipschütz*, S. 914 bis 915.

² «Основное питание большей частью почти исключительно растительное с ничтожной прибавкой животных веществ. Мясо в крестьянской пище появляется очень редко. В настоящее время никто не станет отрицать, что и таким способом можно прожить. Даже и исключительно растительное питание совершенно совместимо с полным благополучием, если при надлежащем выборе питательных веществ они готовятся по вкусу и соответствующим образом разнообразятся. Однако на всех континентах ясно выражается другое требование, чтобы простое пародное питание было оставлено и чтобы оно было улучшено вкусными прибавлениями и пищевыми веществами, к которым принадлежит в сто раз более ценное на кухне мясо. Это стремление к изменению меню видно повсюду, и, как исчезают простые нравы, привычки, народные костюмы, так побеждаются старые формы питания. Это изменение действует во всех странах, и в Японии, где раньше господствовал однообразный народный стол, европейский стол вытесняет старый режим, а во флоте введен даже новый стол, как более концентрированный и более приспособленный для работающего мужчины. Это всеобщее стремление — добиться концентрированного, богатого жирами, вкусного стола» (*M. Rubner*, *Volksernährungsfragen*, Leipzig 1908, S. 31 bis 32).

Правда, по мере развития культуры растительная пища все более вытесняет исключительно мясную пищу, какую мы находим у охотничьих и пастушеских народов. Богатое разнообразие культурных растений — показатель более высокой культуры. Далее, на одном и том же пространстве земли можно возделывать гораздо более растительных пищевых веществ, чем получить мяса путем скотоводства. Все это дает растительной пище возрастающий перевес. Ввоз мяса, который производится у нас в настоящее время из далеких стран, в особенности из Южной Америки и Австралии, в ближайшие несколько десятилетий будет ликвидирован. Но, с другой стороны, скотоводством занимаются не ради одного только мяса, но и ради шерсти, волос, щетины, кожи, молока, яиц и т. д. Многие отрасли промышленности и многие человеческие потребности зависят от развития скотоводства. Кроме того, многие отбросы в промышленности и домашнем хозяйстве едва ли можно где-либо использовать так хорошо, как в скотоводстве. В будущем морские глубины также в гораздо большей степени, чем до сих пор, откроют человечеству свои богатства по части животной пищи. Тогда вряд ли еще будет происходить то, что мы видим теперь, когда при богатом улове целые грузы рыбы идут на удобрение, потому что их сохранение невозможно при наличных способах перевозки и консервирования или потому что высокие транспортные расходы мешают их сбыту. Совершенно очевидно, что с уничтожением противоположности между городом и деревней, когда население перекочует из больших городов в деревни, когда работа в закрытых фабричных помещениях будет сочетаться с сельскохозяйственным трудом, мясное питание отступит на второй план в сравнении с растительным. Конечно, недостаток возбуждающих средств в растительной пище можно возместить соответствующими пряностями. Но чисто вегетарианский образ жизни не является в будущем обществе ни вероятностью, ни необходимостью.

3. КОММУНИСТИЧЕСКАЯ КУХНЯ

В деле питания наиболее важно не количество, а *качество*: многое немного поможет, если это многое дурного качества. Качество же значительно улучшается при хорошем приготовлении пищи. *Приготовление пищи должно*

быть устроено на тех же научных основаниях, как и всякая другая деятельность человека, только тогда оно принесет наибольшую пользу. Но для этого необходимо знание и оборудование. Излишне доказывать, что наши женщины, на обязанности которых теперь главным образом лежит приготовление пищи, часто не обладают таким знанием и не могут им обладать. Техника больших кухонь уже теперь достигла такого совершенства, которого не знают даже лучшие семейные кухни.

Идеалом является кухня, отапливаемая и освещаемая электричеством. В ней не будет ни дыма, ни жары, ни испарений. Кухня напоминает скорее салон, чем рабочее помещение, в котором имеется всевозможное техническое и машинное оборудование, легко выполняющее самые неприятные и отнимающие много времени работы. Там имеются движимые электричеством машины для чистки картофеля и фруктов, аппараты для вылущивания зерна, для набивки колбасы, для прессования сала, рубки мяса, жарения его, размолки кофе и кореньев, разрезывания хлеба, рубки яиц, вытягивания и прессования пробок и тысячи других приборов и машин, при которых может работать относительно небольшое число лиц с умеренным напряжением сил, чтобы приготовить пищу для сотен обедающих. То же самое можно сказать о приборах для мытья и чистки посуды.

Частная кухня является для миллионов женщин учреждением, напрягающим до предела все их силы, отнимающим и растрчивающим их время; в ней женщины теряют здоровье и настроение; она является предметом их постоянных забот, особенно тогда, когда средства, как у большинства семейств, ничтожны. Упразднение частной кухни будет освобождением для бесчисленного количества женщин. Частная кухня является таким же отсталым пережитком, как станок мелкого ремесленника; оба обозначают огромную бесхозяйственность, растрату времени, силы, топлива и освещения, пищевых продуктов и т. д.

Питательная ценность пищи повышается с ее удобоваримостью; последняя имеет решающее значение¹. Таким образом, естественный способ питания для всех также возможен только в новом обществе. Катон восхваляет

¹ Die Assimilierfähigkeit der Speisen für den einzelnen ist maßgebend. Niemeyer, Gesundheitslehre.

старый Рим за то, что вплоть до VI столетия от основания города (200 лет до Р. Хр.) хотя и были там знатоки врачебной науки, но лекарям нечего было делать. Римляне вели такую трезвую и простую жизнь, что они редко болели и смерть от старческой слабости была наиболее обычной формой смерти. Все это коренным образом изменилось лишь с той поры, как стали распространяться кутежи и праздность, вообще беспутная жизнь одних, нужда, чрезмерный труд других. Кутежи и беспутная жизнь не могут иметь места в будущем, как и нужда, нищета и лишения. Для всех имеется всего в изобилии.

Достаточно хлеба растет здесь внизу,
Всем хватит по милости бога,
И миртов, и роз, красоты и утех,
И сладких горошинок много.
Да, сладкий горошек, чуть лопнут стручки,
Для всякого в свете найдется.
А горнее царство пускай воробьям
И духам его достается ¹.

«Кто мало ест, хорошо (то есть долго) живет», — сказал итальянец Корнаро в XVI столетии, как его цитирует Нимейер. В конце концов в будущем над изготовлением новых и улучшенных пищевых продуктов станет работать в небывалой до сих пор мере и химия. Ныне этой наукой крайне злоупотребляют в целях подделки и надувательства; но не подлежит сомнению, что химически изготовленный пищевой продукт, имеющий все свойства естественного продукта, будет столь же полезен, как последний. Способ добытия безразличен, раз только продукт во всем остальном отвечает всем требованиям.

4. ПЕРЕВОРОТ В ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ

Как кухня, так и весь строй домашней жизни подвергнутся коренному изменению, станут излишними бесчисленные работы, которые теперь приходится еще делать. Подобно тому как в будущем благодаря центральным заведениям для изготовления пищи станет совершенно излишней домашняя кухня, так и благодаря центральному отоплению, электрическому центральному освещению исчезнут все работы, связанные с отоплением печей, убор-

¹ *Heinrich Heine, Deutschland, ein Wintermärchen.*

кой ламп и других служащих освещению аппаратов. Водопроводные трубы, дающие не только холодную, но и теплую воду, сделают общедоступными умывание и купание по желанию без всякой чужой помощи. Центральные прачечные и центральные сушильни возьмут на себя стирку и сушку белья; центральные же заведения возьмут на себя чистку платья и ковров. В Чикаго были выставлены ковроочистительные машины, исполнявшие свою работу в самое короткое время к изумлению и удивлению посещавших выставку дам. Электрическая дверь открывается слабым давлением пальца и автоматически запирается. Особые электрические приспособления доставляют письма и газеты во все этажи домов: электрические подъемные машины избавляют от подъема по лестницам. Внутренняя обстановка домов — полы, обои, мебель будут так устроены, чтобы все можно было чистить очень легко и не накоплялось пыли и бактерий. Пыль, сор и отбросы всякого рода будут удаляться из жилищ по мусоропроводам, подобно тому как это ныне делается с использованной водой. В Соединенных Штатах, а также в некоторых европейских городах, как, например, в Цюрихе, Берлине и его предместьях, Лондоне, Вене, Мюнхене, уже имеются такие, со всею роскошью устроенные дома, в которых живут многочисленные зажиточные семьи — ибо для других они слишком дороги — и пользуются значительной частью описанных удобств ¹.

¹ Из появившихся в 1908 году в Вильмерсдорфе 2521 жилища имели:

центральное отопление 1 001	или 39,71%
снабжение горячей водой 1 373	» 54,46 »
электрический свет 1 288	» 51,09 »
ванную комнату 2 063	» 81,83 »
лифт 699	» 27,73 »
пылесосы 304	» 12,06 »

Газ имелся во всех квартирах.

В Берлине и его окрестностях уже имеется много больших кухонь, где готовится пища для всех обитателей дома. Так, буржуазное общество во всех областях уже носит в себе зародыши социалистического преобразования общества. «Город-сад будущего будет расположен рядом с общественным зданием, имеющим центральные станции: электрическую, газовую и по отоплению; школы, помещение для собраний, а также центральную кухню для всей общины. Нет ничего невозможного в том, что тогда ходы, по которым проходят электрический кабель и отопительные трубы, будут расширены наподобие четырехугольных шахт, по которым пища в автоматических маленьких вагонах будет подаваться по телефонному звонку

Здесь перед нами лишнее свидетельство того, как буржуазное общество прокладывает пути также и для переворота домашнего образа жизни, но только для избранных. Если домашняя жизнь будет коренным образом преобразована, то исчезнет и прислуга, эта «рабыня всех капризов своей барыни», но исчезнет вместе с тем и барыня. «Без прислуги нет культуры», провозглашает господин фон Трейчке с комическим пафосом. Он не в состоянии представить себе общество без прислуги, так же как Аристотель не мог его представить себе без *рабов*. Удивительно, что господин фон Трейчке считает прислугу «носителем нашей культуры». Трейчке, как и Евгению Рихтеру, причиняет также много забот чистка сапог и платья, которая-де никак не может быть сделана каждым для себя. Однако в девяти случаях из десяти каждый теперь исполняет эту работу сам для себя или жена для мужа, дочь или сын для семьи, и можно было бы ответить, что то, что до сих пор делали девять десятых людей, может также делать и последняя одна десятая часть. Но есть еще и другой выход. Почему бы в будущем обществе не привлечь к подобным работам *молодежь* без различия пола? Труд не бесчестие, даже если он состоит в чистке сапог. Это испытали некоторые благородные офицеры, которые бежали от долгов в Соединенные Штаты и там стали домашними слугами и чистильщиками сапог. Господин Евгений Рихтер в одной из своих брошюр даже низвергает «социалистического рейхсканцлера» из-за вопроса о чистке сапог, после чего распадается и будущее «социалистическое государство». «Социалистический рейхсканцлер», видите ли, отказывается чистить сам себе сапоги, и это его губит. Наши противники были в восторге от этой выдумки Рихтера и засвидетельствовали этим лишь скромность своих требований к критике социализма. Господину Евгению Рихтеру пришлось все же пережить огорчение не только оттого, что один из его собственных партийных товарищей в Нюрнберге вскоре после издания его брошюры изобрел *машину для чистки сапог*, но и оттого, что в 1893 году на Чикагской всемирной выставке была выставлена *электрическая ма-*

прямо на квартиру, подобно подземной электрической почте между главными учреждениями в больших городах. Это менее трудно и гораздо более достижимо, чем еще недавно казавшееся утопическим разрешение проблемы летания» (*E. Lilienthal, Reform der Hausarbeit, Dokumente des Fortschritts, 1909, Heft 9*).

шина для чистки сапог, которая исполняла свое дело превосходнейшим образом. Так, главное возражение, которое Рихтер и Трейчке выставили против социалистического общества, было практически опрокинуто благодаря изобретению, сделанному даже еще в буржуазном обществе.

Революционное преобразование, коренным образом изменяющее все условия жизни людей и в особенности положение женщин, уже совершается, таким образом, на наших глазах. Когда общество возьмется за это преобразование в самых широких размерах, еще более ускорит и обобщит этот процесс преобразования и тем самым привлечет всех без исключения к пользованию его бесчисленными благами — это только вопрос времени.

ЖЕНЩИНА В БУДУЩЕМ

Эта глава может быть очень короткой. Она содержит лишь выводы, которые вытекают из всего до сих пор сказанного о положении женщины в будущем обществе, выводы, которые легко может сделать сам читатель.

Женщина нового общества в социальном и экономическом отношении совершенно независима, она не знает над собой даже тени господства и эксплуатации, она стоит по отношению к мужчине как свободная, равная; она сама госпожа своей судьбы. Она воспитывается так же, как мужчина, за исключением некоторых отклонений, которые обуславливаются различием пола и ее половыми функциями. Живя при естественных жизненных условиях, она может развивать свои физические и духовные силы и способности согласно своим потребностям; она выбирает для своей деятельности такие области, которые соответствуют ее желаниям, склонностям и задаткам, и при одинаковых условиях она действует так же, как мужчина. Наряду с работой в каком-либо производстве женщина в другое время дня занята как воспитательница, учительница, сиделка, в течение третьей части она занимается искусством или наукой и наконец в течение остального времени она выполняет какую-нибудь административную функцию. Она учится, работает и развлекается в обществе других женщин или мужчин, как это ей нравится и когда для этого ей представляется случай.

В выборе любимого человека она, подобно мужчине, свободна и независима. Она выбирает или ее выбирают, но во всяком случае она заключает союз не из каких других соображений, кроме своей склонности. Этот союз является частным договором без вмешательства должностного лица, подобно тому, как до средних веков брак был частным договором. Социализм здесь не создает ничего нового, он лишь снова поднимает на высшую культурную ступень

и при новых общественных формах то, что было общепризнано, пока в обществе не наступило господство частной собственности.

Человек под условием, что удовлетворение его потребностей не приносит никому другому никакого вреда, должен сам распоряжаться собою. Удовлетворение половой потребности — такое же личное дело каждого человека, как удовлетворение всякой другой естественной потребности. Никто не должен отдавать в этом отчет другому, и не призванный не должен сюда вмешиваться. Точно так же, как то, как я ем, как я пью, как я сплю и как я одеваюсь, есть мое личное дело, так и мое общение с лицом другого пола тоже есть мое личное дело. Разум и образование, полная независимость личности, все свойства, которые вследствие воспитания и условий будут более естественны в будущем обществе, охранят каждого от поступков, приносящих ему вред. Мужчины и женщины будущего общества будут обладать в гораздо большей степени самовоспитанием и знанием собственного существа, чем мужчины и женщины современного общества. Уже один тот факт, что исчезнет глупый и смешной страх говорить о вещах, относящихся к половой жизни, как о чем-то таинственном, сделает общение полов гораздо естественнее, чем теперь. Если союз, заключенный между двумя людьми, становится невыносимым, приносит разочарование и даже вражду друг к другу, то мораль требует прекратить подобное соединение, ставшее неестественным, а потому и безнравственным. И так как исчезнут все условия, которые до сих пор осуждали большое число женщин или к безбрачию, или к продаже своего тела, то мужчины не могут более проявлять своего преобладания. С другой стороны, совершенно изменившийся социальный строй устранил многие препятствия и замешательства, которые ныне влияют на супружескую жизнь и которые так часто или делают ее совершенно невозможной, или не дают ей развернуться.

Препятствия, противоречия и противоестественности в современном положении женщины все более сознаются широкими кругами и находят свое яркое выражение как в социальной, так и в художественной литературе, хотя часто в искаженной форме. Что современный брак все менее соответствует своему назначению, не отрицает более ни один мыслящий человек, и потому нечего удивляться,

что даже те лица, которые не склонны к изменению существующего социального строя, находят все же естественным свободный выбор любви и свободное расторжение возникшего союза; они лишь полагают, что только привилегированным классам следует дать свободу в половом общении. Вот что, например, говорит Матильда Рейхгарт-Штромберг в своей полемике против эмансипаторских стремлений писательницы Фанни Левальд¹: «Если вы (Фанни Левальд) выставляете требования полного равноправия женщины с мужчиной в социальной и политической жизни, то и Жорж Занд должна необходимо быть права в своих стремлениях к эмансипации, не идущих далее того, чем мужчина уже давно бесспорно владеет. *И, право, нельзя найти никакого разумного основания, почему в этом равноправии должна участвовать только голова, но не сердце женщины, почему и оно не должно свободно давать и брать, как сердце мужчины.* Напротив, если женщина должна по своей природе иметь право и даже быть обязанной, — ибо мы не должны закапывать данный нам талант, — напрягать до крайних пределов свой мозг для соперничества с духовными титанами другого пола, то она должна иметь также право, *подобно этим последним, ускорять кровообращение сердца для сохранения равновесия тела способом, какой ей кажется наиболее подходящим.* Без малейшего нравственного возмущения мы все читаем, например, о Гёте — возьмем для примера гения, — как часто и многократно он расточал жар своего сердца и энтузиазм своей великой души то для той, то для другой женщины. Вдумчивый человек находит это только естественным ввиду его великой трудно удовлетворяемой души, и только ограниченный моралист относится к этому с осуждением. Почему же вы смеетесь над «великими душами» среди женщин?.. Предположим, что весь женский пол состоит из жорж-зандовских великих душ; каждая женщина пусть будет Лукрецией Флориани, дети которой — все дети любви, и всех этих детей она воспитывает как с истинно материнской любовью и самоотвержением, так и с пониманием и рассудком. Что произошло бы тогда с миром? *Не подлежит никакому сомнению, что мир мог бы при этом продолжать существовать и так же прогрессировать,*

¹ Frauenrecht und Frauenpflicht. Eine Antwort auf Fanny Lewalds Briefe: Für und wider die Frauen, 2. Auflage, Bonn, 1871.

как ныне, и, быть может, он чувствовал бы себя при этом особенно хорошо.

Но почему такие требования могут выставлять только «великие души»? Почему этого не могут желать и другие, не причисляемые к великим душам? Если Гёте и Жорж Занд — возьмем только этих двух из многих, которые поступали и поступают, как и они, — могли жить согласно склонностям своего сердца, если о любовных делах Гёте опубликовывают целые библиотеки, которые с каким-то благочестивым восторгом проглатываются его почитателями и почитательницами, почему тогда осуждать в других то, что, будучи сделано Гёте или Жорж Занд, становится предметом экстаза и восторга?

Правда, осуществить свободный выбор любви в буржуазном обществе невозможно — к этому ведет наше доказательство, — но поставьте всех в такие социальные условия, которые ныне выпадают на долю лишь материально и духовно избранных, и все тогда получают возможность подобной свободы. В «Жаке» Жорж Занд описывает мужа, который судит о нарушении супружеской верности своей жены следующим образом: «Ни одно человеческое существо не может справиться с любовью, и никто не виноват, если он ее чувствует или ее лишается. То, что унижает женщину, — это ложь; брак нарушается не в тот час, когда она отдается своему возлюбленному, но в ту ночь, которую она затем проводит со своим мужем». Жак чувствует себя обязанным ввиду такого воззрения очистить место своему сопернику (Борелю) и философствует при этом так: «Борель на моем месте спокойно избил бы свою жену и без краски стыда принял бы ее потом в свои объятия, опозоренную его ударами и его поцелуями. Существуют мужчины, которые, не долго думая, по восточному обычаю, убивают свою неверную жену, так как они смотрят на нее, как на свою законную собственность. Другие дерутся со своим соперником, убивают или удаляют его и затем просят у жены, которую они, по их утверждению, любят, поцелуев и ласк, между тем как она или с ужасом отшатывается, или в отчаянии сдается. Это обычный способ действия супружеской любви, и мне представляется, что любовь свиней менее изменна и менее груба, чем любовь подобных людей»¹. Брандес по поводу цитированных здесь

¹ См. *George Brandes, Die Literatur des neunzehnten Jahrhunderts*, 5. Band, Leipzig 1883.

выражений замечает следующее: «Эти истины, которые нашему современному образованному миру кажутся элементарными, 50 лет тому назад были возмутительными софизмами». Но открыто признать себя сторонником принципов Жорж Занд не осмеливается и поныне «имуций и образованный мир», хотя фактически он живет согласно с ними. Как в морали и религии, так лицемерит он и в браке.

То, что делали Гёте и Жорж Занд, делают ныне тысячи других, которых нельзя сравнить ни с Гёте, ни с Занд, и при этом отнюдь не теряют своего престижа в обществе. Нужно только занимать видное место, и тогда все образуется само собой. Несмотря на это, вольности Гёте и Жорж Занд считаются с точки зрения буржуазной морали безнравственными, так как они нарушают моральные законы, издаваемые обществом, и противоречат природе нашего социального строя. Принудительный брак является для буржуазного общества браком нормальным, единственным «моральным» соединением полов, всякое другое половое соединение безнравственно. Буржуазный брак, как мы бесспорно доказали, вытекает из буржуазных имущественных отношений. Ввиду его теснейшей связи с частной собственностью и наследственным правом он заключается для получения «законных детей», как наследников. И под давлением общественных условий он навязывается и тем, которым «нечего наследовать»¹, он становится общественным правом, нарушение которого государство наказывает, сажая на некоторое время в тюрьму мужчин и женщин, которые живут, нарушая супружескую верность.

В социалистическом обществе нечего более наследовать, если не рассматривать как предмет наследования вещи личного и домашнего обихода; с этой точки зрения отпадают современные формы брака. Наряду с этим решается и вопрос о праве наследования, которое социализму не нужно

¹ Доктор Шефле в своем сочинении «Строение и жизнь социального тела» (*Dr. Schäffle, Bau und Leben des sozialen Körpers*) говорит: «Ослабление супружеской связи облегчением развода, конечно, нежелательно, оно идет против нравственных задач человеческого спаривания и было бы вредным как для сохранения населения; так и для воспитания детей». Из вышеизложенного следует, что мы такие взгляды считаем не только неверными, но готовы признать их даже «безнравственными». Тот же Шефле признает, что невозможно в обществе с гораздо высшей культурой, чем современное, ввести или удержать учреждения, противоречащие его нравственным понятиям.

будет даже устранять, ибо если нет больше частной собственности, то нет и права наследования. Женщина, таким образом, *свободна*, и ее дети не стесняются этой свободы, а только увеличивают радости жизни. Воспитательницы, подруги, подрастающая женская молодежь помогают ей в тех случаях, когда она нуждается в помощи.

Возможно, что и в будущем найдутся мужчины, которые, подобно А. Гумбольдту, скажут: «Я не создан, чтобы быть отцом семейства, кроме того, я считаю женитьбу грехом, произведение детей — преступлением». Что ж из этого? Сила естественной потребности у других позаботится о равновесии. Нас не беспокоит ни вражда к браку Гумбольдта, ни философский пессимизм Шопенгауэра, Майнлендера или фон Гартмана, которые предполагали, что человечество «в идеальном государстве» придет к самоуничтожению. Мы держимся того же взгляда, как и Ф. Р. Ратцель, который совершенно справедливо пишет: *«Человек не должен более смотреть на себя, как на исключениис из законов природы; пусть он начнет наконец отыскивать закономерное в своих собственных поступках и мыслях, и пусть он стремится вести свою жизнь согласно законам природы. Он дойдет тогда до того, что совместную жизнь с себе подобными, то есть семью и государство, станет устраивать не по принципам прежних столетий, а по разумным принципам согласно с природою познания. Политика, мораль, правовые принципы, которые все еще питаются из всевозможных источников, будут преобразованы исключительно соответственно законам природы. Достойное человека существование, о котором мечтали целые тысячелетия, станет наконец действительностью»*¹.

Это время приближается *гигантскими шагами*. Человеческое общество в течение тысячелетий прошло все фазы развития, чтобы в конце концов прийти туда, откуда оно вышло: к коммунистической собственности и полному равенству и братству — на этот раз не только товарищей по роду, *но всех людей*. Это великий прогресс, совершаемый человечеством. То, к чему тщетно стремилось буржуазное общество и в чем оно потерпело и должно терпеть крушение, — установление свободы, равенства и братства всех людей — осуществит социализм. Буржуазное общество

¹ Цит. по книге Геккеля «*Natürliche Schöpfungsgeschichte*», 4. Auflage.

могло выставить лишь теорию; практика, как во многих других вещах, и здесь противоречила его теориям. Социализм объединит теорию с практикой.

Но, возвращаясь к исходному пункту своего развития, человечество делает это на несравнимо более высокой культурной ступени, чем та, из которой оно исходило. Первоначальное общество в роде и в клане обладало общей собственностью, но только в самой грубой форме и в неразвитой степени. Путь развития, который был пройден с тех пор, привел к уничтожению общей собственности до небольших, незначительных остатков; роды разбились, и в конце концов все общество разделилось на атомы; но на различных фазах развития в огромных размерах повысились производительные силы общества и многосторонность потребностей, из родов и племен образовались нации и крупные государства, а вместе с этим наступило такое состояние, которое находится в резком противоречии с потребностями общества. Задача будущего состоит в том, чтобы разрешить это противоречие, снова превратив на самой широкой основе собственность и средства производства в общественную собственность.

Общество берет назад то, чем оно когда-то владело и что само создало, оно делает возможным для всех соответственно вновь созданным условиям вести жизнь на высшей культурной ступени, *то есть оно дает всем то, что при более примитивных условиях могло быть лишь привилегией отдельных лиц или отдельных классов.* Теперь и женщина снова начинает играть активную роль, которую она когда-то играла в первобытном обществе, но уже не как госпожа, а как равноправная.

«Конец государственного развития подобен началу человеческого бытия. Первоначальное равенство снова возвращается. Материнское материальное бытие открывает и замыкает круговорот всего человеческого», — пишет Бахофен в своем сочинении «Материнское право», а Морган выражается так: «С наступлением цивилизации рост богатства сделался столь огромным, его формы столь разнообразными, его применение столь обширным и его управление столь искусным в интересах собственника, что по отношению к народу это богатство превратилось в силу, с которой не справиться. Человеческий дух стоит беспомощным и очарованным перед своим собственным творением. Но придет время, когда человеческий разум

укрепится для господства над богатством, когда он установит как отношения государства к защищаемой им собственности, так и границу прав собственников. *Интересы общества, несомненно, выше интересов отдельных лиц, и те и другие должны быть приведены в справедливое и гармоничное соотношение; простая погоня за богатством не является конечным назначением человечества, но прогресс остается законом для будущего, как он был законом для прошлого. Время, протекшее с начала цивилизации, представляет лишь небольшую частицу протекшего времени жизни человечества и лишь небольшую частицу времени, которое предстоит прожить. Разложение общества угрожающе стоит перед нами, как конец исторического пути, единственной целью которого было богатство; ибо подобный жизненный путь содержит элементы своего собственного разложения.*

Демократия в управлении, братство в обществе, равенство в правах, всеобщее воспитание освятят ближайшую высшую ступень общества, для которой постоянно работают опыт, разум и наука.

*Это будет возрождением свободы, равенства и братства древних родов, но возрождением в высшей форме*¹.

Таким образом, люди с самых различных точек зрения на основании своих научных исследований приходят к одинаковым результатам. Полная эмансипация женщины и ее равенство с мужчиной являются одной из целей нашего культурного развития, осуществлению которой не может воспрепятствовать никакая сила на земле. Но она возможна лишь на основе переворота, который уничтожает господство человека над человеком, следовательно, и капиталиста над рабочим. Только тогда человечество достигнет своего высшего развития. Тогда наконец придет «золотой век», о котором люди мечтали и к которому они стремились в течение тысячелетий. *Классовое господство исчезнет навсегда, а вместе с ним придет конец и господству мужчины над женщиной.*

¹ Morgan, S. 474 bis 475.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

Достойное человека существование для всех не может быть уделом какого-нибудь одного привилегированного народа, так как, будучи изолирован от всех других народов, он не мог бы ни основать, ни удержать этого состояния. Все наше развитие — продукт взаимодействия национальных и интернациональных сил и отношений. Хотя национальная идея во многих случаях еще господствует над умами и служит средством сохранения политического и социального господства, которое возможно лишь в национальных рамках, тем не менее мы уже глубоко ушли в интернационализм.

Торговые, таможенные, судоходные договоры, всемирный почтовый союз, международные выставки, конгрессы международного права и международных мер, также и другие международные научные конгрессы и связи, научные экспедиции, наша торговля и транспорт, в особенности международные конгрессы рабочих, которые являются носителями идеи нового времени и моральным влиянием которых объясняется, что весной 1890 года по приглашению Германской империи состоялась в Берлине международная конференция по законодательству об охране рабочих, — все это свидетельствует о международном характере, который приняли отношения различных культурных наций, несмотря на их национальную обособленность, все более и более нарушаемую. В противоположность национальной экономике мы говорим о мировой экономике и придаем последней большое значение, так как от нее главным образом зависит благополучие и процветание отдельных наций. Значительная часть наших собственных продуктов обменивается на продукты других стран, и без этого мы не можем более существовать. И точно так же, как застой в одной отрасли промышленности внутри какой-либо страны вредит другой, так и цены националь-

ного производства в одной стране значительно нарушаются, если в другой стране наступает застой. Отношения отдельных стран независимо от всяческих препятствий, каковы войны и натравливание одной нации на другую, становятся все теснее, так как над ними господствуют самые сильные из всех интересов — интересы материальные. Всякий новый путь сообщения, всякое улучшение средств передвижения, всякое изобретение или улучшение в процессе производства, удешевляющие товары, укрепляют эти отношения. Легкость, с которой устанавливаются личные отношения между странами и народами, далеко расположенными друг от друга, является новым существенным фактором в цепи сношений. Другим могучим рычагом служат переселения и колонизация. Один народ учится у другого, один старается перегнать другой в соревновании. Наряду с обменом материальных продуктов различного рода совершается обмен и произведений человеческого духа как в оригиналах, так и в переводах. Изучение иностранных живых языков становится необходимостью для миллионов. И ничто наряду с материальными выгодами так сильно не способствует устранению антипатий и пробуждению симпатий, как усвоение языка и произведений чужого народа.

Влияние этого процесса на сближение народов состоит в том, что *различные страны становятся все более и более похожими по условиям социальной жизни*. У самых прогрессивных и потому имеющих решающее значение культурных наций это сходство уже так велико, что тот, кто изучил экономическую структуру одного народа, знает ее в главных чертах у всех остальных народов. Здесь приблизительно происходит то же самое, что в природе, где скелет по своей организации и строению один и тот же у животных одного и того же вида, так что, если имеются отдельные части скелета, то теоретически можно воссоздать все животное.

Отсюда следует далее, что там, где имеются одинаковые социальные основы, действия их также должны быть одинаковыми: накопление большого богатства и его противоположность — рабство наемного труда, порабощение масс машинами, господство над массами имущего меньшинства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Действительно, мы видим, что те же классовые противоречия и классовая борьба, которые бушуют в Германии,

приводят в движение всю Европу, Соединенные Штаты, Австралию и т. д. В Европе от России до Португалии, от Балкан, Венгрии и Италии до Англии и Ирландии господствует тот же дух недовольства, замечаются те же симптомы социального брожения, всеобщей неуверенности и разложения. С внешней стороны различные в зависимости от степени развития, характера населения и формы политического строя страны эти движения повсюду одинаковы по существу. Причина их лежит в глубоких социальных противоречиях. С каждым годом они все более обостряются, брожение и недовольство проникает все глубже и дальше в общественный организм, пока наконец какой-нибудь повод, быть может самый незначительный, не вызовет взрыва, который молниеносно распространится над всем культурным миром и призовет всех к борьбе.

Борьба нового мира против старого уже разгорается. На сцену выступают массы, борьба ведется с таким богатством ума, какой мир не видел еще ни в одном бою и чего он никогда не увидит во второй раз. *Ибо это последняя социальная битва.* В начале XX столетия, мы видим, как эта борьба все более приближается к своей последней фазе, когда победят новые идеи.

Новое общество будет воздвигнуто тогда на международной основе. Народы заключат между собой братский союз, они протянут друг другу руки и будут стремиться к тому, чтобы новый строй постепенно распространился на все народы мира ¹. Один народ не будет больше приходить к другому как враг, чтобы эксплуатировать и угнетать, не будет приходить как представитель чужой веры, которую он хочет ему навязать, но как друг, который желает воспитать всех людей, чтобы сделать их людьми культурными. Культурные и колонизационные работы нового общества по своей сущности и по своим средствам будут так же отличаться от современных, как совершенно различны по своей сущности оба общества. Не будут применяться ни порох, ни свинец, ни огненная вода (водка), ни Библия; культурная миссия будет осуществляться только мирными средствами, которые покажут цивилизаторов варварам и диким племенам не как врагов, но как

¹ «Национальный интерес и интересы человечества в настоящее время враждебны друг другу. На высшей ступени цивилизации оба интереса когда-нибудь совпадут и составят единое целое» (V. Thünen, Der isolierte Staat).

благодетелей. Разумные путешественники и исследователи давно знают, как успешен подобный путь. Когда культурные народы соединятся в одну великую федерацию, тогда придет время «смокнуть навсегда военной грозе». Вечный мир не будет тогда только мечтой, как хотят заставить думать мир господа в мундирах. Это время придет, как только народы осознают свои истинные интересы. Эти интересы охраняются не борьбой и спорами, не вооружением, разоряющим страны и народы, но путем мирных соглашений и совместной культурной работы. Кроме того, господствующие классы и их правительства заботятся о том, как это было сказано выше, чтобы военные вооружения и войны нашли конец в своей собственной чудовищности. Таким образом, последнее оружие, подобно всем предыдущим, переселяется в музей древности, чтобы показать будущим поколениям, как их предшественники в течение тысячелетий уничтожали друг друга, как дикие звери, пока наконец человек не победил в себе зверя.

Полностью подтверждаются слова покойного фельдмаршала Мольтке о том, что войны вызываются лишь национальными особенностями и противоположностями интересов, которые то тут, то там искусственно раздуваются господствующими классами, чтобы в большой войне иметь отводной канал для опасных стремлений внутри страны. В первом томе посмертных сочинений Мольтке, где говорится о франко-прусской войне 1870—1871 года, мы находим во введении такое замечание:

«Пока нации будут вести обособленное существование, не прекратятся споры, которые можно разрешить только оружием, но в интересах человечества следует надеяться, что войны сделаются тем реже, чем они станут ужаснее».

Но эта национальная обособленность, то есть враждебное отгораживание одной нации от другой, исчезает все более, несмотря на все противоположные старания удержать его, и будущие поколения без усилий осуществят задачу, о которой давно уже думали гениальные головы и делали попытки к ее разрешению, не достигая цели. Так, еще Кондорсе хотел осуществить идею всеобщего мирового языка. И покойный бывший президент Соединенных Штатов Уиллис Грант в одной из своих речей сказал: «Так как торговля, обучение и быстрая передача мысли и вещей посредством телеграфа и пара все изменили, то я полагаю, что бог подготавливает мир стать *одной нацией*, говорить

одним языком и достигнуть состояний такого совершенства, когда не нужны более ни войска, ни военные флоты». Естественно, что у чистокровного янки милосердный бог, который является просто продуктом исторического развития, непременно должен играть примирительную роль. Этому нечего удивляться: лицемерие и узость в религиозных вопросах нигде не проявляются так сильно, как в Соединенных Штатах. Чем меньше государственная власть при посредстве своей организации руководит массами, тем больше это должна делать религия, церковь. Поэтому буржуазия кажется повсюду всего благочестивее там, где государственная власть всего слабее. В этом отношении к Соединенным Штатам присоединяются Англия, Бельгия и Швейцария. Даже революционер Робеспьер, который играл головами аристократов и священников, как кегельными шарами, был, как известно, очень религиозен, почему и приказал торжественно снова ввести высшее существо, которое незадолго перед тем — что также нелепо — конвент объявил отмененным. И так как перед французской революцией легкомысленные и распутные аристократы Франции нередко кичились своим атеизмом, то Робеспьер видел в нем нечто аристократическое и осудил его в конвенте, заявив в своей речи о высшем существе: «Атеизм аристократичен. Идея высшего существа, которое охраняет угнетенную невинность и наказывает торжествующее преступление, вполне народна. Если бы бога не было, его следовало бы выдумать». Добродетельный Робеспьер предчувствовал, что его добродетельная буржуазная республика не в состоянии примирить социальные противоречия, отсюда вера в высшее существо, которое посылает возмездие и примиряет то, что в его время не могли еще примирить люди, вот почему эта вера была для первой республики необходимостью.

Это время прошло, один культурный прогресс будет вызывать другой, человечество будет ставить себе все новые и новые задачи и достигнет такого культурного развития, при котором не будет более ни национальной ненависти, ни войн, ни религиозной вражды, ни других подобных пережитков прошлого.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

ПРОБЛЕМА НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛИЗМ

1. СТРАХ ПЕРЕД ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕМ

Существуют люди, которые видят в *вопросе о населении* самый важный и жгучий из всех вопросов, так как грозит якобы «перенаселение» и оно даже фактически существует. Этот вопрос нужно рассмотреть специально с международной точки зрения, так как пародное питание и народное распределение становятся все более делом международным. По вопросу о законе населения современни Мальтуса спорили очень много. В своем знаменитом сочинении «Опыт закона о народонаселении», которое Карл Маркс называет «школьнически-поверхностным и поповски-декламаторским плагиатом из сочинений Джемса Стюарта, Тоунсэнда, Франклина, Уоллеса и т. д.», которое «не содержит ни одного самостоятельно продуманного положения», Мальтус высказывает взгляд, что человечество имеет тенденцию размножаться в геометрической прогрессии (1, 2, 4, 8, 16, 32 и т. д.), между тем как пища увеличивается лишь в арифметической прогрессии (1, 2, 3, 4, 5, и т. д.); отсюда необходимо следует, что между числом людей и запасом пищи быстро растет несоответствие, которое должно привести к массовой смерти; необходимо поэтому воздерживаться от деторождения. У кого нет достаточно средств для прокормления семьи, тот не должен вступать в брак, так как для его потомства нет места за «столом природы».

Страх перенаселения существует уже давно, он был еще, как показывает и предлагаемое сочинение, у греков и римлян и снова появился в конце средних веков. Он тяготел над Платоном и Аристотелем, над римлянами, над мелким горожанином средних веков, он тяготел и над Вольтером, который в первой четверти XVIII столетия написал по этому поводу статью. За ним последовали другие писатели, пока наконец Мальтус не выразил этих опасений наиболее определенно.

Страх перенаселения постоянно появляется в такие периоды, когда существующий социальный строй разла-

гается. Возникающее в это время всеобщее недовольство стараются приписать прежде всего излишку в людях и недостатку жизненных средств, а не тому, как они добываются и распределяются.

Всякая эксплуатация человека человеком опирается на классовое господство. Самым первым и самым удобным средством классового господства является захват земли. Из общего владения она переходит постепенно во владение частное. Масса становится неимущей и принуждена добывать свою часть пропитания на службе у имущих. При таких обстоятельствах каждое прибавление семьи или новый конкурент чувствуется, как тяжесть. Появляется призрак перенаселения, который распространяет ужас в той же мере, в какой владение землей все более монополизировано и в какой она теряет свою производительность потому ли, что недостаточно обрабатывается, потому ли, что лучшие ее части превращаются в пастбища для овец или служат, как охотничьи участки, для удовольствия своих господ и, таким образом, не обрабатываются более для получения продуктов человеческого питания. Рим и Италия всего более страдали от недостатка пищевых продуктов, когда земля находилась в руках приблизительно 3 тысяч владельцев латифундий. Отсюда крик ужаса: латифундии губят Рим. Земля Италии была превращена в огромные охотничьи парки и сады для увеселения своих благородных владельцев и часто оставалась совершенно необработанной, так как ее обработка рабами обходилась дороже, чем хлеб, привозимый из Африки и Сицилии; такое положение вещей благоприятствовало хлебному ростовщичеству, в котором прежде всего участвовали богачи Рима. Это было главной причиной того, что обработка собственных полей прекратилась. Землевладелец выигрывал больше на хлебном ростовщичестве, чем на производстве хлеба в собственной стране.

При подобных условиях римский гражданин или обедневший землевладелец предпочитали отказываться от брака и рождения детей, несмотря на все премии, которые устанавливали для вступивших в брак и производивших детей, чтобы воспрепятствовать уменьшению господствовавшего класса.

Подобное же явление наблюдается в конце средних веков после того, как в течение тысячелетий дворянство и ду-

ховенство хитростью и силою отняли у многочисленных крестьян их собственность и присвоили себе общинную землю. Когда вследствие всех вынесенных несправедливостей крестьяне восстали, но были усмирены и когда на высшей ступени хищничество дворянства развилось еще сильнее и практиковалось протестантскими князьями также и по отношению к церковным имениям, тогда число разбойников, нищих и бродяг возросло до небывалых размеров. Их число было наибольшим после Реформации. Экспропрированное сельское население устремилось в города, но здесь по ранее указанным причинам условия жизни становились все тяжелее, и, таким образом, повсюду наступило «перенаселение».

Выступление Мальтуса совпадает с тем периодом развития английской промышленности, когда вследствие новых изобретений Харгривса, Аркрайта и Уатта произошли огромные перевороты в механике и технике, которые главным образом проявились в бумагопрядильной и полотняной промышленности и лишили хлеба десятки тысяч рабочих, работавших в соответствующих отраслях домашней промышленности. Концентрация земельной собственности и развитие крупной промышленности приняли в это время в Англии огромные размеры. Наряду с быстро возроставшим богатством на одной стороне росла массовая нищета на другой. В подобное время господствующие классы, которые имели все основания рассматривать существующий мир как наилучший, должны были найти удобное и оправдывающее их объяснение для такого противоречивого явления, как обнищание масс при росте богатства и высшем расцвете промышленности. Не было ничего удобнее, как возложить вину за это на слишком быстрое размножение рабочих благодаря рождению детей, скрывая при этом, что излишек рабочих связан с капиталистическим процессом производства и сосредоточиванием земли в руках лендлорда. При таких обстоятельствах «ученически-поверхностный, поповско-декламаторский плагиат» Мальтуса явился обоснованием существующего зла, которое выражало тайные мысли и желания господствующего класса и оправдывало его перед всем миром. Этим объясняется как небывалое одобрение, так и резкое нападение, которое он встретил. *Мальтус в нужный момент сказал для английской буржуазии нужное слово, а потому он, несмотря на то что его сочинение не содержало «ни одного*

самостоятельно-продуманного положения», сделался великим и знаменитым человеком и его имя стало нарицательным для всего учения¹,

2. ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ

Те обстоятельства, которые вызвали у Мальтуса его предостерегающий крик и его суровое учение — он обращался с ним к рабочему классу, присоединив, таким образом, ко вреду еще издевательство, — с каждым десятилетием все более усиливались. Это было не только на родине Мальтуса, Великобритании, но во всех странах мира с капиталистическим способом производства, следствием которого были хищническая система использования земли и порабощение масс машинами и фабриками. Эта система состоит, как указано, в отделении рабочего от орудий и средств производства и в переходе их в руки капиталиста. Эта система создает все новые отрасли промышленности, развивает и концентрирует их и в то же время выбрасывает на улицу все новые народные массы, делая их «излишними». Нередко она способствует, как в Древнем Риме, образованию латифундий со всеми их последствиями. Ирландия является классической страной в Европе, больше всего пострадавшей от английской грабительской системы. Уже в 1874 году Ирландия владела 12 378 244 акрами лугов и пастбищ и только 3 373 508 акрами пахотных полей, и с каждым годом рука об руку с уменьшением населения идет превращение пахотных полей в луга и пастбища для овечьих и оленьих стад и в охотничьи парки для лендлордов² (в 1908 году 14 805 046 акров лугов и пастбищ

¹ Что почитателями Мальтуса сделались также Дарвин и другие, показывает только, что недостаток экономических знаний ведет к самым односторонним взглядам в естественнонаучной области.

² Фердинанд Фрейлиграт восклицал в своем потрясающем стихотворении «Ирландия»:

Вот так радеет господин:
Быков побольше да оленей
Лишь принасал бы селянин
Ему на корм! Сырые ж сени
Хлебов — ничто! Пусть средь трясины
Ирландских гибнут поколенья!
В забвенье властные бразды,
Где прозябать должны бы злаки:
Гагар да чибисов орды —
И пени кулика во мраке...
Но, Боже мой, одних трясины,
Пустынь миллионы десятин!..

и 2 328 906 акров пахотной земли). Кроме того, ирландская пахотная земля находится на правах аренды в руках большого числа мелких и самых мелких арендаторов, которые не в состоянии использовать землю настоящим образом. Таким образом, Ирландия имеет вид страны, которая из земледельческой снова превращается в пастушескую. При этом население, которое в начале XIX столетия насчитывало свыше 8 миллионов жителей, упало в настоящее время до 4,3 миллиона, и, несмотря на это, несколько миллионов считаются «излишними». Восстания ирландцев против Англии объясняются, таким образом, очень просто. Шотландия в отношении условий землевладения и земледелия представляет картину, сходную с Ирландией¹. Нечто подобное повторяется в последнее десятилетие в Венгрии, вступившей в период современного развития. Эта страна так богата плодородной почвой, как немногие другие страны в Европе, но над ней тяготеют долги, ее население обеднело и находится в руках ростовщиков. В отчаянии оно эмигрирует в большом количестве. Земля сосредоточена в руках современных магнатов капитала, которые ведут самое отчаянное хищническое лесное и земледельческое хозяйство, так что Венгрия в недалеком будущем перестанет быть страной, вывозящей хлеб. То же самое мы видим и в Италии. В Италии, как и в Германии, политическое объединение способствовало капиталистическому развитию, но трудолюбивые крестьяне Пьемонта и Ломбардии, Тосканы, Романьи и Сицилии все более впадают в нищету и гибнут. Снова образуются болота и

¹ «...Два миллиона акров, в том числе несколько плодороднейших участков Шотландии, превращены в совершенную пустыню. Трава, произрастающая на лугах в Глен Тилт, считалась наиболее питательным кормом в графстве Перт; охотничий парк в Бен Ольдер давал самую лучшую траву в обширном округе Баденок; часть леса Блэк Маунт представляла самое лучшее в Шотландии пастбище для черных овец. О размерах площади, превращенной в пустоши ради любителей охоты, можно себе составить представление на основании того факта, что площадь эта охватывает гораздо более обширное пространство, чем все графство Перт. Как много средств производства теряет страна вследствие этого насильственного опустошения, видно из того, что почва леса Бен Ольдер могла бы прокормить 15 000 овец и что площадь этого леса составляет лишь $\frac{1}{30}$ всей охотничьей области Шотландии... Вся эта охотничья земля пропадает совершенно даром для производства; ...результат тот же, как если бы она погрузилась в воды Северного моря» (Лондонский: «Economist», 2 июня 1866 г., цит. К. Марксом, Капитал, т. I, 1955, стр. 738).

пустыри там, где несколько десятилетий тому назад находились хорошо обработанные сады и поля мелких крестьян. Перед воротами Рима, в так называемой Кампанье, лежат невозделанными сотни тысяч гектаров, и это в местности, считавшейся одной из самых цветущих в древнем Риме. Болота покрывают землю и распространяют свои ядовитые миазмы; если бы применением соответствующих средств произвести основательное осушение болот и устроить целесообразное орошение, то население Рима получило бы богатый источник питания и наслаждения. Но Италия страдает манией величия, это разоряет население вследствие плохого управления, военного и морского вооружения и «колонизации». Таким образом, для разрешения культурных задач, как, например, превращения Кампаньи в плодородную область, у нее нет средств. В Южной Италии и Сицилии положение такое же, как и в Кампанье. Сицилия, являвшаяся когда-то житницей Рима, все более впадает в нищету; нет населения более эксплуатируемого, более нищенски живущего, более теснимого. Невзыскательные сыны прекраснейшей страны Европы наводняют половину Европы и Америки, сбивают заработную плату или эмигрируют массами навсегда, не желая умереть с голоду на родной земле, не являющейся их собственностью. Малярия, эта ужасная болезнь, приняла в Италии такие размеры, что испуганное правительство уже в 1882 году принуждено было произвести исследование, которое дало печальный результат: из 69 провинций страны 32 в высшей степени поражены этой болезнью, 32 уже затронуты ею и только 5 пока еще пощажены. Болезнь, которая прежде была известна только в деревне, проникла в города, так как сосредоточенный там пролетариат, увеличенный обнищавшим сельским населением, представляет собой заразные очаги болезни.

3. БЕДНОСТЬ И ПЛОДОВИТОСТЬ

С какой стороны мы ни рассматривали бы капиталистическую хозяйственную систему, мы увидим, что нужда и нищета масс являются не следствием недостатка средств существования, а следствием неравномерного распределения их и чуждой хозяйственной системы, которая для одного создает излишек, а другого лишает самого необходимого. Мальтузианские утверждения имеют смысл

лишь с точки зрения капиталистического производства. С другой стороны, капиталистический способ производства побуждает к производству детей: ему нужны дешевые детские «руки» для его мастерских и фабрик. У пролетария производство детей является своего рода расчетом: они должны сами зарабатывать на свое содержание. Пролетарий в домашней промышленности даже вынужден иметь много детей, так как в этом гарантия его конкурентной способности. Это поистине отвратительная система: она усиливает унижение рабочего и его зависимость от предпринимателя. Пролетарий принужден работать за все более нищенскую плату. Всякий закон по охране труда, всякий расход для той или другой социальной обязанности, которую предприниматель не должен выполнять по отношению к работающим на него кустарям на дому, побуждают капиталистов расширять круг этих последних; они приносят ему выгоды, какие он нелегко найдет при другой форме предприятия, если только использование труда кустарей возможно по характеру производственного процесса.

Капиталистическая система производства порождает не только перепроизводство товаров и рабочих, но также перепроизводство интеллигенции. Интеллигенция в конце концов точно так же все с большим трудом находит себе заработок; предложение постоянно превышает спрос. Только одно не излишне в этом капиталистическом мире: это капитал и его собственник — капиталист.

Если буржуазные экономисты — мальтузианцы, так как они ими не могут не быть исходя из своих буржуазных интересов, то пусть они не переносят свой буржуазный вздор на социалистическое общество. Джон Стюарт Милль говорит: «Коммунизм — именно такое положение вещей, при котором следует ожидать, что общественное мнение с величайшей интенсивностью выскажется против этого рода себялюбивой невоздержанности. Всякое увеличение народонаселения, которое уменьшило бы его приятное положение или увеличило бы его труд, должно будет иметь для каждого отдельного индивидуума в ассоциации непосредственные и несомненные неудобства, и в этих неудобствах нельзя было бы винить тогда корыстолюбие работодателя или несправедливые привилегии богатых. При столь изменившихся обстоятельствах общественное мнение не могло бы не высказать своего осуждения, и если бы

этого было недостаточно, то та или другая общественно-вредная невоздержанность была бы устранена какими-нибудь наказаниями. Таким образом, коммунистическая теория ни в коем случае не заслуживает особенного упрека, вытекающего из опасности перенаселения. Скорее она выгадывает от того, что в ней в высокой степени заключается тенденция противостоять этому бедствию». А профессор А. Вагнер на стр. 376 «Учебника политической экономики» Рау говорит следующее: «Менее всего в социалистическом обществе может быть предоставлена свобода брака или свобода деторождения». Названные экономисты исходят, таким образом, из взгляда, что стремление к перенаселению присуще общественным состояниям, и оба думают, что социализм будет иметь возможность более, чем какая-либо другая общественная форма, привести в равновесие отношение между населением и средствами существования. Второе правильно, первое нет.

Существовали, правда, отдельные социалисты, которые, будучи подкуплены мальтузианскими идеями, опасались, что «близится» опасность перенаселения. Но эти социалистические мальтузианцы исчезли. Более глубокое проникновение в теорию и сущность буржуазного общества излечило их от этого заблуждения. Точно так же поучителен для нас и плач наших аграриев о том, что мы производим с точки зрения мирового рынка слишком много продуктов питания, так что связанное с этим понижение цен сделало не доходным их производство.

Наши мальтузианцы воображают и хор буржуазных говорунов бессмысленно повторяет за ними, что социалистическое общество, в котором существует свободный выбор в любви и достойное человека существование для всех, превратится в какой-то «хлев для кроликов»; оно будто бы предается самому невоздержанному половому наслаждению и массовому производству детей. Но произойдет как раз обратное. До сих пор наибольшее число детей в среднем имеют не лучше обеспеченные слои населения, а, напротив, наихудше обеспеченные. Можно даже без преувеличения сказать: *чем беднее положение пролетариев, тем больше в среднем у них детей; разумеется встречаются исключения.* Это подтверждает и Вирхов, который в середине прошлого столетия писал: «Как английский рабочий в своей глубочайшей опущенности, в своем крайнем духовном падении знает в конце концов только два

наслаждения: выпивку и половое общение, так и верхне-сплезское население *до последних лет* все свои желанья, все свои стремления сосредоточивает на этих двух вещах. Водка и удовлетворение половой потребности приобрели над ним верховную власть, и этим легко объясняется, что население точно так же быстро возрастало в числе, как теряло в физической силе и моральной выдержке).

Подобным же образом высказывается в «Капитале» и Карл Маркс. Он пишет: «На деле не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семейств стоит в обратном отношении к высоте заработной платы, то есть к массе жизненных средств, которыми располагают различные категории рабочих. Этот закон капиталистического общества казался бы бессмыслицей среди дикарей или даже цивилизованных колонистов. Он напоминает массовое производство индивидуально слабых и загнанных животных видов». Маркс цитирует далее Лэнга, который говорит: «Если бы все в мире находилось в благоприятных условиях, то мир скоро бы обезлюдел». Лэнг придерживается, таким образом, противоположного взгляда, чем Мальтус, а именно: хорошее жизненное положение способствует не увеличению, но уменьшению рождений. То же говорит и Герберт Спенсер: «*Всегда и всюду* совершенствование и способность к производству потомства противодействуют друг другу. Из этого следует, что дальнейшее развитие, которое предстоит человечеству, поведет, *вероятно, к уменьшению его размножения*». Таким образом, в этом пункте сходятся люди, в других отношениях стоящие на разных точках зрения. К их воззрениям в данном случае присоединяемся и мы.

4. НЕДОСТАТОК В ЛЮДЯХ И ИЗЛИШЕК ПИТАТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕСТВ

С вопросом о населении можно было бы быстро покончить, сказав, что в будущем, которое мы можем обозреть, опасения перенаселения вообще не имеют смысла, так как мы находимся среди такого избытка пищевых продуктов, который с каждым годом грозит возрасти так, что забота о том, куда мы денемся с этим богатством, гораздо уместнее, чем забота, хватит ли его. Для производителей жизненных средств более быстрый рост потребителей был бы даже самым желательным. Но наши мальтузианцы в

выставлении своих доводов неутомимы, так что необходимо на них отвечать, чтобы избежать утверждения, будто на эти доводы нельзя ответить.

Они утверждают, что опасность перенаселения лежит в недалеком будущем и вытекает из закона «убывающего плодородия почвы». Наша культурная почва будто бы «устала производить», повышения урожаев нельзя более ожидать, и так как почвы, пригодной для обработки, становится все меньше, то опасность недостатка пищи при дальнейшем увеличении населения становится непосредственной. Правда, в главах этой книги о сельскохозяйственном использовании почвы мы, как нам кажется, неопровержимо доказали, какие огромные успехи может сделать еще человечество даже с точки зрения современной агрономии в деле добычи новых масс продуктов питания, но все же приведем несколько новых примеров. Один очень толковый, крупный землевладелец и признанный экономист, то есть человек, в обоих направлениях значительно превосходящий Мальтуса, уже в 1850 году, то есть в то время, когда агрономическая химия была еще в зачатке, сказал: «Производительность при изготовлении сырья, особенно питательных веществ, в будущем не будет отставать от обрабатывающей промышленности и транспорта... В наши дни агрономическая химия только начинает открывать сельскому хозяйству горизонты, которые, без сомнения, могут еще повести к ложным шагам, но которые в конце концов поставят создание питательных веществ точно так же в зависимость от сил общества, как ныне в его власти произвести любое количество сукна, раз имеются налицо необходимые запасы шерсти»¹.

Юстус фон Либих, творец агрономической химии, придерживается того взгляда, что «если человеческая работа и средства удобрения имеются в достаточном количестве, то почва неистощима и непрерывно дает богатейшие урожаи». Закон убывающего плодородия почвы — мальтузианская выдумка, которая в свое время при очень неразвитом состоянии сельского хозяйства могла еще быть принята, но теперь давно опровергнута наукой и опытом. Скорее законом можно признать положение: *плодородие почвы находится в прямой зависимости от вложенного в нее человеческого труда* (в том числе науки и техники) и целе-

¹ *Rodbertus, Zur Beleuchtung der sozialen Frage, 1850.*

сообразно использованных удобрений. Если мелкокрестьянской Франции удалось в течение последних 90 лет более чем учетверить плодородие своей почвы, в то время как население даже не удвоилось, то каких результатов можно ожидать от общества, ведущего социалистическое хозяйство? Наши мальтузианцы не замечают, далее, что при современных условиях надо принимать во внимание не только нашу почву, но почву всего мира, то есть в большинстве случаев почву стран, плодородие которых превышает плодородие нашей почвы в 20, 30 и более раз. Земля, правда, уж в достаточной мере захвачена людьми, но, за исключением небольшой части, она нигде не обрабатывается и не используется так, как это возможно. Не только Великобритания, но и Франция, Германия, Австрия и в еще большей степени остальные страны Европы могли бы производить несравненно больше пищевых продуктов, чем они производят ныне. В небольшом Вюртемберге с его 879 970 га пахотной земли одним только применением парового плуга среднее количество урожая можно было бы повысить с 6 миллионов 140 тысяч ц до 9 миллионов ц зерна.

Европейская Россия, если за масштаб принять население Германии, могла бы вместо 100 миллионов, которые она приблизительно насчитывает в настоящее время, прокормить 475 миллионов человек. В настоящее время Европейская Россия насчитывает около 19,4 жителей на квадратный километр, а Саксония — свыше 300.

Возражение, что в России есть обширные пространства земли, где плодородие не может быть повышено вследствие климата, справедливо, но зато в других местах, особенно на юге, климат и плодородие почвы в России таковы, каких и отдаленно не знает Германия. Далее, с увеличением плотности населения и с возрастанием культуры почвы произойдут такие изменения в климате, которые в настоящее время невозможно измерить. Всюду, где в большом количестве сосредоточиваются люди, происходят и климатические изменения. Этим явлениям мы придаем слишком мало значения и не можем их измерить во всем их объеме, так как при современном порядке вещей у нас нет ни побуждения, ни возможности поставить опыты в широких размерах. Так, слабо населенные Швеция и Норвегия с их обширными лесами и с их, можно сказать, неисчерпаемыми залежами металлов, обилием рек и

морского побережья могли бы служить богатым источником питания для густого населения. При нынешних условиях нет средств, чтобы дать проявиться богатству этих стран, и из этих слабо населенных стран часть населения даже выселяется.

То, что можно сказать о севере, приобретает несравненно большее значение для юга Европы: для Португалии, Испании, Италии, Греции, Румынии, Венгрии, Турции и т. д. Превосходный климат, почва тучная и плодоносная, какая едва ли где имеется в лучших местностях Соединенных Штатов, дадут для бесчисленных масс населения *богатейшую* пищу. Прогнивший политический и социальный строй этих стран ведет к тому, что сотни тысяч переселяются из Европы за океан, вместо того чтобы оставаться на родине или переселиться в эти более близкие и удобные страны. Как только здесь возникнут разумные социальные и политические учреждения, так понадобятся миллионы людей, чтобы эти обширные, плодородные страны поднять на более высокую ступень культуры.

Чтобы достигнуть более высоких культурных целей, мы будем чувствовать в Европе в течение продолжительного времени не избыток людей, а скорее *недостаток* в них, и при таких обстоятельствах было бы абсурдом предаваться страху по поводу перенаселения¹. При этом нужно иметь в виду, что использование существующих источников питания благодаря применению науки и труда *не знает никаких пределов и каждый день приносит нам новые открытия и изобретения, которые увеличивают источники получения пищи.*

Если мы из Европы перейдем в другие части света, то там мы встретим *еще в большей степени недостаток в людях и избыток в земле.* Самые тучные и плодородные страны Земли еще совершенно или почти совершенно не используются, так как их расчистка и эксплуатация не может быть предпринята несколькими тысячами людей, а *требуется заселения многими миллионами, чтобы до некоторой*

¹ Это относится особенно к Германии. Несмотря на постоянное возрастание населения, с таким же постоянством падала и эмиграция: например, в 1891 году она достигала 120 089 человек, в 1907 году — только 31 696; наоборот, иммиграция возросла, так как в различных отраслях промышленности не хватает германских рабочих. Количество иммигрантов составляло в 1900 году 757 151, а в 1905 году — 1 007 149 человек.

степени подчинить эту слишком обильную природу. К ним относятся, между прочим, Центральная и Южная Америка — пространство в сотни тысяч квадратных миль. Аргентина культивировала, например, в 1892 году только около 5 миллионов га, между тем в этой стране имеется 96 миллионов га плодородной почвы. Удобная для пшеницы почва Южной Америки, лежащая еще без употребления, исчисляется по меньшей мере в 200 миллионов га, между тем Соединенные Штаты, Австро-Венгрия, Великобритания и Ирландия, Германия и Франция, взятые вместе, обрабатывают для зернового хлеба только около 105 миллионов га. Карей четыре десятилетия тому назад утверждал, что одна только долина Ориноко, простирающаяся на 360 миль, могла бы дать пищевых продуктов в таком количестве, что ими можно было бы прокормить все человечество. Примем только половину, и то будет более чем достаточно. Во всяком случае одна только Южная Америка могла бы прокормить в несколько раз большее число людей, чем живет в настоящее время на Земле. Питательная ценность пространства, насажденного банановыми деревьями, и питательная ценность одинакового пространства, засеянного пшеницей, относятся друг к другу как 133 : 1. В то время как наша пшеница на благоприятной почве дает от сам-12 до сам-20, рис в своем отечестве дает от сам-80 до сам-100, а маис — от сам-250 до сам-300, и о некоторых местностях, как, например, о Филиппинах, утверждают, что там урожай риса достигает до сам-400.

При всех этих пищевых средствах речь идет о том, чтобы приготовлением сделать их возможно более питательными. В вопросах питания перед химией необъятное поле деятельности.

Центральная Южная Америка, особенно Бразилия, которая одна по величине почти равна Европе (Бразилия занимает площадь в 8 миллионов 524 тысячи квадратных километров с населением около 22 миллионов человек, а Европа — 9 897 010 квадратных километров с населением около 430 миллионов), поражает всех путешественников своею тучностью и плодородием; кроме того, эти страны неистощимо богаты рудою и металлами. Но для мира они почти еще не раскрыты, так как их население отличается вялостью и слишком незначительно и некультурно, чтобы сделаться господином могучей природы. Как

выглядит дело в Африке, показали нам открытия последних десятилетий. Если даже большая часть внутренней Африки никогда не будет удобна для европейского земледелия, то другие территории огромных размеров, несомненно, будут в высшей степени удобны, как только будут применены разумные принципы колонизации. С другой стороны, и в Азии существуют еще обширные плодородные страны, которые могут прокормить бесчисленные миллионы. Прошлое показывает нам, как в ныне бесплодных, почти пустынных местностях мягкий климат выманивал из почвы богатейшие средства питания, если человек умел давать земле благодатную воду. С уничтожением грандиозных водопроводов и оросительных сооружений в Ближней Азии, в землях Тигра и Евфрата и т. д. тысячи квадратных миль были превращены в песчаные пустыни опустошительными завоевательными войнами и безумным угнетением населения¹. То, что сказано об Азии, можно сказать и о Северной Африке, Мексике и Перу. Как только появятся здесь миллионы цивилизованных людей, так откроются неистощимые источники питания. Финиковые пальмы растут в Азии и в Африке в баснословном количестве, и для них требуется так мало места, что 200 финиковых деревьев уместается на моргене земли. Дурра приносит в Египте урожай сам-3 тысячи, и все же страна бедна. Не вследствие избытка людей, но вследствие хищнической системы с каждым десятилетием пустыня распространяется все далее. Какие грандиозные результаты принесла бы в этих странах средняя европейская обработка полей и садов, это не поддается никакому вычислению.

Соединенные Штаты Северной Америки, принимая во внимание современное состояние земледельческого производства, легко могли бы прокормить население, превышающее современное (85 миллионов) в 15, даже 20 раз, то есть от 1250—1700 миллионов; Канада могла бы при тех же условиях прокормить вместо 6 миллионов многие сотни миллионов. Далее мы имеем Австралию, многочисленные, большую часть плодородные острова Великого и Индийского океанов и т. д. *Увеличивать число людей, а не умень-*

¹ Кергер исчисляет для Анатолии даже плохой урожай в 9—13 двойных *ц*, в среднем 26,40—39 двойных *ц*; на хорошо удобренной и орошенной почве 66 двойных *ц* (Die internationale landwirtschaftliche Konkurrenz, ein kapitalistisches Problem von Professor Dr. Gustav Ruhland, Berlin 1901).

пать — таков клич, обращенный к человечеству во имя культуры.

Повсюду недостаток и нищета вызываются социальными учреждениями, существующим способом производства и распределения продуктов, а не *чрезмерным* числом людей. Несколько богатых урожаев, *следующих один за другим*, так понижают цены на продукты питания, что от этого гибнет значительная часть наших земледельцев. Вместо того чтобы улучшить положение производителей, они его ухудшают. Значительная часть сельских хозяев *видит в настоящее время в хорошем урожае несчастье*, так как он понижает цены на сельскохозяйственные продукты. Неужели это разумный порядок вещей? Вводятся высокие хлебные пошлины, чтобы затруднить ввоз иностранного хлеба и повысить цены на собственный хлеб. *У нас не недостаток, а избыток продуктов питания, как избыток и промышленных продуктов*. Как миллионы людей, нуждаясь в промышленных товарах всякого рода, не могут получить их при существующих отношениях собственности и заработка, так миллионы людей ощущают недостаток в самых необходимых продуктах питания, ибо они не могут заплатить за них, хотя продуктов питания имеется в избытке. Нелепость подобного порядка очевидна. При богатом урожае наши хлебные спекулянты намеренно дают гибнуть хлебу, зная, что цена при недостатке хлеба прогрессивно повышается, и при таких условиях мы должны бояться перенаселения. В России, южной Европе и многих других странах света ежегодно портятся *сотни тысяч* зернового хлеба вследствие отсутствия удобных помещений для хранения и средств перевозки. Многие миллионы центнеров продуктов питания ежегодно пропадают, так как жатвенные приспособления несовершенны или в решительный момент не хватает рук для уборки. Амбары, гумна, наполненные хлебом, и целые имения сжигаются, так как страховая премия превышает прибыль; продукты питания уничтожают по тем же мотивам, по которым топят корабли вместе с людьми ¹. Во время наших

¹ Уже во время св. Василия (умер в 379 году), видимо, господствовал подобный же порядок вещей, ибо, обращаясь к богатым, он восклицает: «Несчастные, что вы ответите вашему небесному судье? Вы покрываете обоями наготу ваших стен, но не покрываете платьем наготу человека. Вы украшаете лошадей драгоценными мягкими покровами и презираете своего брата, покрытого лохмотьями. Вы

военных маневров ежегодно портятся значительные посевы — издержки маневров, продолжающихся лишь несколько дней, доходят до сотен тысяч, а оценка, как известно, производится очень умеренно — таких маневров бывает ежегодно очень много. С той же целью уничтожались целые деревни и опустошались обширные земельные площади.

Не надо забывать, что ко всем упомянутым источникам питания присоединяется море, водная поверхность которого относится к земной поверхности, как 18 : 7, то есть в два с половиной раза больше последней. Рациональное использование этого огромного пищевого богатства еще не началось. Таким образом, для будущего нам открывается совсем иная картина, чем тот жалкий рисунок, какой подносят нам наши мальтузианцы. Кто вообще может сказать, где следует провести границу для наших химических, физических, физиологических знаний? Кто осмелится предсказать, какие колоссальные предприятия создаст человечество в будущем столетии, чтобы добиться существенных изменений климатических условий стран и пользования их почвою?

Уже теперь, при капиталистической системе мы видим, как осуществляются мероприятия, которые столетие тому назад считались невозможными и безумными. Широкие перешейки прокапываются, и моря соединяются. Туннели в несколько миль длиною просверливают земные недра и соединяют страны, отделенные высочайшими горами; другие прорываются под морским дном, чтобы сократить расстояние, чтобы устранить затруднения и опасности, существующие для стран, отделенных морем. Где же та точка, про которую кто-нибудь мог бы сказать: «До сих пор, не дальше». Не только на основании наших современных знаний следует отвергать «закон убывающего плодородия почвы», но можно утверждать, что, кроме того, существует в избытке удобная для обработки почва, которая ждет тысячи миллионов земледельцев.

предоставляете гибнуть и портиться вашему хлебу в житницах и амбарах и не позволяете взглянуть на них тому, у кого нет хлеба». Моральные проповеди с давних времен очень мало оказывали воздействия на господствующих и окажутся бесполезными и в будущем. Когда изменятся социальные учреждения так, что никто не будет в состоянии относиться несправедливо к своему ближнему, тогда в мире наступит благополучие.

Если бы нужно было одновременно приняться за решения всех этих культурных задач, то у нас было бы *не слишком много, а слишком мало людей*. Человечество должно еще сильно размножиться, чтобы быть в состоянии выполнить все предстоящие ему задачи. Обрабатываемая земля еще не только не использована так, как могла бы быть использована, но *почти для обработки $\frac{3}{4}$ земной поверхности не хватает людей*. Относительное перенаселение, которое ныне постоянно порождается капиталистической системой ко вреду рабочего и общества, *на высшей культурной ступени окажется благодеянием*. Возможно более многочисленное население является не препятствием, а средством культурного прогресса совершенно так же, как существующее перепроизводство товаров и продуктов питания, разрушение брака применением женского и детского труда в современной промышленности и эксплуатация средних слоев крупным капиталом являются предварительными условиями для более высокой культурной ступени.

5. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СПОСОБНОСТЬ РАЗМНОЖЕНИЯ

Другая сторона вопроса гласит: размножаются ли люди в любом числе и *есть ли у них к этому потребность?*

Чтобы доказать огромную способность к размножению людей, мальтузианцы любят ссылаться на исключительные случаи отдельных семей и народностей. Но этим ничего не доказано. Наряду с этими случаями имеются много других, когда, несмотря на благоприятные жизненные условия, через короткое время наступало полное бесплодие или лишь очень незначительное размножение. Поразительно, как быстро вымирают часто зажиточные семьи. Хотя в Соединенных Штатах условия для размножения населения благоприятнее, чем в какой-либо другой стране, и туда ежегодно переселяются сотни тысяч в самом крепком возрасте жизни, тем не менее их население удваивается лишь в 30 лет. Об утверждаемом удвоении населения в большом масштабе за период в 12—20 лет не существует никаких доказательств.

Как было уже сказано цитатами из Вирхова и Маркса, население размножается всего скорее там, *где оно всего беднее*, потому что, как справедливо указывает Вирхов,

наряду с выпивкой удовлетворение половой потребности является для него единственным удовольствием. Когда Григорий VII принудил духовенство к безбрачию, то лица низшего духовенства Майнцской епархии, как уже было сказано, жаловались, что у них нет, как у прелатов, всевозможных наслаждений; их *единственная* радость — жена. Отсутствие многосторонней деятельности также является причиной того, что браки сельского духовенства в среднем так многодетны. Неоспоримо, далее, что в наших беднейших округах Германии, в Силезских горах, Ляузице, Тюрингии, Гарце и т. д. население особенно густо, а питается оно главным образом картофелем. Установлено, далее, что у чахоточных половая потребность развита особенно сильно и они часто производят детей в стадии упадка сил, когда это казалось бы совершенно невозможным.

Закон природы, выраженный в вышеприведенных замечаниях Герберта Спенсера и Лэнга, состоит в замещении количеством того, что теряется в качестве. Высокоразвитые и наиболее сильные животные — лев, слон, верблюд и т. д., — наши домашние животные — лошадь, осел, корова — приносят очень мало потомства, между тем как животные низшей организации размножаются в обратном отношении, например все виды насекомых, большинство рыб и т. д., мелкие млекопитающие, как зайцы, крысы, мыши и т. д. С другой стороны, Дарвин установил, что некоторые животные, переходя из дикого состояния в домашнее и будучи приручены, теряют свою плодовитость, как, например, слон. Этим доказано, что *изменение жизненных условий и вытекающее отсюда изменение образа жизни являются решающим для более или менее большой способности размножения.*

Но как раз дарвинисты разделяют страх перенаселения, и на их авторитет ссылаются наши современные мальтузианцы. Нашим дарвинистам всегда не везет, когда они прилагают свои теории к людям, так как при этом они держатся грубой эмпирической точки зрения и не принимают во внимание, что хотя человек и высшее организованное животное, но в противоположность другим животным познает законы природы и может сознательно пользоваться ими и направлять их.

Теория борьбы за существование, учение о том, что зародышей новых жизней имеется гораздо больше, чем может быть сохранено на основании имеющихся средств

существования, относились бы и к людям, если бы они, вместо того чтобы напрягать свой мозг и использовать технику для целесообразной эксплуатации воздуха, земли и воды, паслись бы, как стада, или, подобно обезьянам, безудержно предавались удовлетворению своей половой потребности, то есть сами превратились бы в обезьян. Кстати, в том факте, что, кроме людей, только еще у обезьян половое стремление не ограничено определенным временем, является убедительным доказательством родства между обоими. Но, хотя они находятся и в близком родстве, они не одно и то же; их нельзя поставить на одну ступень и измерять одинаковой мерой. Что при современных имущественных производственных отношениях борьба за существование имеет свое место для отдельных людей и многие не находят необходимых условий для жизни, — это верно. Но они не находят средств к существованию не потому, чтобы их не хватало, а потому, что среди величайшего избытка их социальные отношения не допускают воспользоваться ими. И неверно делать отсюда вывод, что если так было до сих пор, то этого нельзя изменить и что так должно оставаться вечно. Здесь тот пункт, где дарвинисты вступают на ложный путь; они внимательно изучают естественную историю и антропологию, но не изучают социологии, а без дум покорно следуют за нашими буржуазными идеологами; таким образом они приходят к ложным выводам.

Половая потребность у человека является одной из его самых сильных потребностей, требующей своего удовлетворения под угрозой нарушения здоровья. Обыкновенно эта потребность тем сильнее, чем здоровее и нормальнее развит человек, точно так же, как хороший аппетит и хорошее пищеварение указывают на здоровый желудок и являются основными условиями для здорового тела. Но удовлетворение половой потребности и зачатие не одно и то же. О плодovitости человеческого рода выставлены самые различные теории. В общем, в этих чрезвычайно важных вопросах мы бродим еще в темноте и притом главным образом потому, что многие столетия существовал бессмысленный страх заниматься законами возникновения и развития человека и основательно изучать законы зачатия и развития. Мало-помалу это изменяется и должно еще больше измениться.

С одной стороны, выставляются теории, что высшее духовное развитие и усиленные умственные занятия, вообще

высшая нервная деятельность действуют угнетающим образом на половую потребность и ослабляют способность зачатия, с другой стороны, это оспаривается. Указывают на тот факт, что классы, находящиеся в лучших условиях, имеют в среднем меньше детей и что это нельзя приписать только предупредительным средствам. Несомненно, напряженная умственная деятельность действует угнетающим образом на половую потребность, но нельзя согласиться с тем, что этой деятельностью занимается большинство нашего имущего класса. С другой стороны, чрезмерное физическое напряжение действует также угнетающим образом. Всякое чрезмерное напряжение вредно, и его поэтому нужно избегать.

Другие утверждают, что образ жизни, в особенности пища, наряду с известным физическим состоянием женщины определяют способность зачатия и восприятия. Соответствующая пища, как это видно на животных, более, чем что-либо другое, влияет на акт зачатия. Здесь нужно искать решения. Какое влияние оказывает питание на организм известных животных, поразительным образом констатировано у пчел, которые приношением особой пищи по произволу выводят царицу. Пчелы, таким образом, в познании своего полового развития стоят выше, чем люди. Надо полагать, что им в течение двух тысячелетий не проповедовали, что «неприлично» и «безнравственно» заниматься половыми вопросами.

Известно, далее, что растения, посаженные в хорошую и сильно удобренную почву, роскошно разрастаются, но не дают семян. Что и у человека род пищи влияет на состав мужского семени и на способность к оплодотворению женского яйца, — в этом вряд ли можно сомневаться, и, таким образом, следует думать, что способность к размножению населения в высокой степени зависит от рода питания. Другие факторы, природа которых еще мало изучена, точно так же должны играть роль.

В вопросе о населении в будущем обществе решающее значение приобретет более высокое, более свободное положение, которое тогда займут все наши женщины без исключения. У интеллигентных и энергичных женщин — об исключениях не говорим — нет склонности давать жизнь большому числу детей по «божьей воле» и проводить лучшие годы жизни в состоянии беременности или с ребенком на груди. Это нежелание иметь много детей, кото-

рое уже и в настоящее время заметно у большинства женщин, должно в будущем, несмотря на все заботы, которые проявит социалистическое общество по отношению к беременным и матерям, скорее усилиться, чем ослабнуть, и, по нашему мнению, очень вероятно, что в социалистическом обществе размножение населения будет совершаться медленнее, чем в буржуазном.

Наши мальтузианцы, право, не имеют никаких оснований ломать себе головы по поводу увеличения человечества в будущем. До сих пор народы гибли вследствие уменьшения своей численности, но никогда от своей чрезмерной численности. В конце концов регулирование народонаселения в обществе, живущем согласно природе, совершается без вредного воздержания и без противоестественного употребления предупредительных средств. Карл Маркс и здесь окажется прав для будущего; его воззрение, что у каждого экономического периода развития имеется свой особый закон народонаселения, оправдывается при господстве социализма.

В сочинении «Искусственное ограничение числа детей» Ганс Ферди придерживается такого взгляда: «Социал-демократия, выступая против мальтузианства, оказывается большой шельмой. Быстрое увеличение населения благоприятствует массовой пролетаризации, и это вызывает недовольство. Если удастся справиться с перенаселением, то придет конец распространению социал-демократии, и ее социал-демократическое государство со всем своим великолепием навеки будет похоронено. Здесь, таким образом, ко многим старым присоединяется новое средство убить социал-демократию — мальтузианство»¹.

¹ Грандиозное невежество истребителя социалистов Ферди по отношению к социал-демократии видно лучше всего из следующих положений, которые мы находим на стр. 40 его сочинения:

«Социал-демократия в своих требованиях пойдет дальше, чем неомальтузианцы. Она будет требовать, чтобы минимальная заработная плата была так восстановлена, чтобы каждый рабочий мог прозводить число детей, возможное по общественному состоянию средств питания...» «Раз будут сделаны последние выводы социал-демократии и уничтожена частная собственность, тогда и самый простоватый скажет себе: зачем это я должен работать дольше и тяжелее из-за того только, что моему соседу угодно втолкнуть в общество дюжину новых сочленов?» Следовало бы сначала познакомиться с азбукой социализма, а потом уже отваживаться писать о нем, и притом еще такой несуразный вздор.

Между теми, которые страдают страхом перенаселения, а потому требуют ограничения браков и свободы передвижения, особенно для рабочих, находится и профессор доктор Адольф Вагнер. Он жалуется, что рабочие слишком рано вступают в брак по сравнению с средними классами. Он, как и другие, высказывающие подобный взгляд, проглядел, что мужчины средних классов лишь в более позднем возрасте достигают такого положения в жизни, которое дает им возможность вступить в брак, приличный их положению. Но за это воздержание они вознаграждают себя проституцией. Затруднить вступление в брак рабочим — значит толкнуть их на тот же путь. Но тогда уже не придется жаловаться на последствия и кричать «о падении нравов и нравственности». Не придется и возмущаться, если мужчины и женщины, ибо последние имеют те же потребности, что и мужчины, будут жить в незаконном сожителстве, чтобы удовлетворить свои естественные потребности, и, «как семенами», заселять незаконными детьми город и деревню. Впрочем взгляды Вагнера и его товарищей противоречат также интересам буржуазии и нашему экономическому развитию, ибо буржуазия нуждается в возможно большем количестве рабочих рук, чтобы располагать рабочей силой, делающей ее конкурентоспособной на мировом рынке. Куцыми, близорукими предложениями, происходящими из филистерства и отсталости, не лечат болезней века. В начале XX века нет ни одного класса, ни одной государственной власти, достаточно сильной, чтобы задержать или затормозить естественное развитие общества. Всякая такая попытка кончается неудачей. Поток развития так силен, что он разрушает всякое препятствие. Не назад, а вперед, гласит лозунг, и только обманутый может верить в возможность задержки.

В социалистическом обществе человечество впервые, будучи действительно свободным и стоя на своей естественной основе, будет сознательно направлять свое развитие. Во все предыдущие эпохи в отношении производства и распределения точно так же, как и в вопросе увеличения населения, оно действовало, не зная законов развития, то есть бессознательно; в новом обществе оно будет действовать планомерно и сознательно, зная законы своего собственного развития.

Социализм — это наука, примененная ко всем областям человеческой деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше изложение показывает, что при осуществлении социализма дело идет не о произвольном разрушении и созидании, но об естественном историческом возникновении. Все факторы, играющие роль, с одной стороны, в процессе разрушения, с другой стороны, в процессе возникновения, действуют так, как они должны действовать. Ни «гениальные государственные люди», ни «возмущающие народ демагоги» не могут направлять течения дел по своей воле. «Они думают толкать, а их самих толкают». Мы близки к тому моменту, «когда придет время».

Нам уже не раз приходилось говорить о перепроизводстве товаров, которое порождает кризисы. Это явление свойственно лишь буржуазному миру, его не знал ни один из прежних периодов развития.

Но буржуазный мир создает не только перепроизводство товаров и рабочих, но и перепроизводство интеллигенции. Германия является классической страной, которая на всех ступенях общественной лестницы создает это перепроизводство интеллигенции, и буржуазный мир не знает, что с нею делать. Это явление объясняется главным образом тем состоянием, которое в течение столетий для развития Германии считалось несчастьем. Существование самых маленьких государств децентрализовало духовную жизнь нации, оно создало много маленьких центров духовной жизни, которые влияли на целое. По сравнению с единым центральным правительством многочисленные маленькие государства требовали необычайно большого чиновничьего аппарата, для которого необходимо было высшее образование. Поэтому возникла такая масса высших школ и университетов, какой мы не видим ни в одной другой стране Европы. Большую роль при этом играли соревнования и честолюбие различных правительств. Нечто подобное произошло и тогда, когда отдельные пра-

вительства начали вводить обязательное народное обучение. Стремление не отстать от соседнего государства принесло здесь хорошие плоды. Потребность в интеллигенции повысилась, когда возрастающее образование, идя рука об руку с материальным развитием буржуазии, пробудило требование участия в политической жизни народного представительства и самоуправления общин. Это были небольшие корпорации для небольших стран и округов, но они побуждали сыновей высших классов стремиться занять в них место и согласно с этим заботиться о своем образовании.

Это проявилось не только по отношению к науке, но и по отношению к искусству. Ни одна страна Европы не имеет относительно так много художественных и технических школ, музеев и собраний предметов искусства, как Германия. Другие страны в своих столицах могут показать, может быть, в этом отношении нечто более значительное, но такого распределения по всей империи нет нигде, кроме Германии; с ней может поспорить только Италия в области искусств.

Все это развитие оказало глубокое влияние на немецкую духовную жизнь, а отсутствие крупной политической борьбы оставляло достаточно времени для созерцательной жизни. В то время как другие нации боролись за господство на мировом рынке, делили между собою земли и участвовали в великих внутренних политических столкновениях, немцы сидели дома, мечтали и философствовали. Но эта мечтательность, углубление в себя и философствование, чему благоприятствовал климат, принуждающий к домашней жизни и к усиленному напряжению сил, создали тот критический, наблюдательный ум, которым немцы начали отличаться после своего пробуждения.

В то время как английская буржуазия уже в середине XVII столетия, а французская в конце XVIII завоевали себе решающее влияние на государство, немецкой буржуазии лишь в 1848 году удалось добиться сравнительно очень умеренного влияния на государственную власть. Но 1848 год все же был днем рождения для немецкой буржуазии как сознательного класса, представленного в либерализме и выступившего на сцену в качестве самостоятельной политической партии. И здесь сказалась особенность немецкого развития. Руководящую роль играли не фабриканты, купцы, представители торговли и финансов, а преимуще-

ственно либеральничающие сановники, профессора, писатели, юристы и доктора всех факультетов. Это были немецкие идеологи, и соответственным вышло и их творение. После 1848 года буржуазия должна была на время политически замолкнуть; но она воспользовалась временем политического кладбищенского покоя пятидесятых годов, чтобы тем основательнее заняться своими хозяйственными делами. Австрийско-итальянская война и начало регентства в Пруссии снова побудили буржуазию протянуть руку к политической власти. Началось движение, связанное с возникновением национального союза. Буржуазия была уже слишком развита, чтобы продолжать терпеть внутри многих отдельных государств многочисленные политические преграды, носившие одновременно и экономический характер; она сделала вид, что становится революционной. Господин фон Бисмарк понял положение и воспользовался им на свой лад, чтобы примирить интересы буржуазии с интересами прусской королевской власти, по отношению к которой буржуазия никогда не была враждебна, так как она боялась революции и масс. Наконец преграды, мешавшие ее материальному развитию, пали. При богатстве Германии углем и рудой, при интеллигентном, но не требовательном рабочем классе буржуазия в течение немногих десятилетий достигла такого колоссального развития, какого ни в одной стране, за исключением Соединенных Штатов, не достигала буржуазия в такое короткое время и в таких размерах. Германия как промышленное и торговое государство быстро заняла в Европе второе место и стремится на первое.

Но это быстрое материальное развитие имеет и оборотную сторону. Система обособленности, господствовавшая во всех немецких государствах до создания единой Германии, давала возможность существовать до тех пор необычайно многочисленному сословию ремесленников и мелких крестьян. С ниспровержением всех охранительных преград они неожиданно очутились перед безудержно развивающимся капиталистическим процессом производства. Их положение сделалось отчаянным. Эпоха процветания в начале семидесятых годов сначала затушевала опасность, но она сделалась тем чувствительнее, когда начался кризис. Буржуазия воспользовалась эпохой процветания для своего грандиозного развития, и ее давление вследствие массового производства стало ощущаться теперь в 10 раз

сильнее. Отныне пропасть между имущими и неимущими стала расти быстро и неудержимо. Этот процесс разложения и поглощения, который совершается все быстрее, с одной стороны, способствуя росту материальной силы, с другой, — понижая способность к сопротивлению, все более и более теснит целые классы. Они понимают, что их жизненное положение подвергается все более растущей опасности. И с математической точностью видят неизбежность своей гибели.

В этой отчаянной борьбе многие ищут себе спасение в перемене профессии. Старики не могут совершить эту перемену; в самых редких случаях они могут оставить своим детям состояние, и поэтому они напрягают последние усилия, отдают последние средства, чтобы поместить своих сыновей и дочерей на места с постоянным доходом, для чего нет надобности в предпринимательском капитале. Это — чиновничьи места на службе империи, государству и коммуне, учительская профессия, почтовая и железнодорожная служба, более привилегированные места на службе буржуазии, в конторах, в торговых складах и на фабриках в качестве конторщиков, заведующих, химиков, техников, инженеров, конструкторов и т. д., затем так называемые либеральные профессии: юристы, врачи, теологи, писатели, художники, архитекторы, учителя, учительницы и проч.

Десятки тысяч занимавшихся раньше каким-нибудь промыслом ищут теперь какого-нибудь положения в упомянутых профессиях, так как нет теперь возможности самостоятельности и сносного существования. Все стремятся получить высшее образование. Реальные училища, гимназии, политехнические институты и т. д. растут, как грибы после дождя, и уже существующие переполнены; в тех же размерах растет число студентов в университетах, учащихся в химических и физических лабораториях, художественных, промышленных и коммерческих школах и во всевозможных высших женских учебных заведениях. Во всех специальностях без исключения замечается огромное переполнение, а поток становится все сильнее. Требуются все новые гимназии и высшие учебные заведения, чтобы вместить всех учеников и студентов. Власти и частные лица делают одно за другим предостережения, в которых рекомендуют не изучать ту или иную специальность; даже теология, которая в предыдущее десятилетие готова была

засохнуть от недостатка кандидатов, получила с избытком за свои молитвы и видит свои приходы заполненными. «Я готов учить вере в 10 тысяч богов и чертей, если это потребуется, только достаньте мне место, чтобы я мог жить», — раздается со всех сторон. Все чаще министры отказываются дать свое согласие на основание новых высших учебных заведений, «так как существующие с избытком покрывают потребность в кандидатах всех специальностей».

Это положение вещей обостряется тем, что конкуренция и истребительная война, которую ведет между собой буржуазия, принуждает массу ее сыновей искать себе мест на общественной службе. Далее, все увеличивающееся постоянное войско с его армией офицеров, повышение которых сильно задерживается продолжительным мирным временем, ведет к выходу в отставку многих из них еще в цветущем возрасте, и они под покровительством государства ищут себе заработка на всевозможных административных местах. Масса кандидатов на гражданские места из низших чинов армии отнимает хлеб у других слоев. Ко всему этому присоединяется то, что огромная армия имперских, государственных и коммунальных чиновников всех степеней воспитывает и должна воспитывать своих детей преимущественно для вышеупомянутых профессий. Социальное положение, образовательный уровень и претензии этих кругов не позволяют готовить детей к так называемым низшим видам деятельности, которые притом точно так же переполнены.

Система вольноопределяющихся, которая при достижении известной степени образования за известную материальную жертву допускает сокращение срока военной службы с двух или трех лет до одного года, еще более увеличивает число кандидатов на всевозможные места. В особенности многим сыновьям зажиточных крестьян не улыбается возвращение в деревню и к отцовским занятиям.

Вследствие всех этих обстоятельств в Германии более, чем в какой-либо другой стране, необычайно многочислен ученый и художественный пролетариат, пролетариат так называемых либеральных профессий, который постоянно увеличивается и вносит брожение и недовольство существующим порядком вещей в высшие общественные круги. Эта молодежь возбуждается к критике существующего строя и значительно ускоряет процесс всеобщего

разложения. Таким образом, существующий порядок вещей со всех сторон атакуется и подкапывается.

Все эти условия привели к тому, что немецкая социал-демократия взяла на себя руководящую роль в великой, гигантской борьбе будущего. Немецкие социалисты открыли законы движения современного общества и научно обосновали социализм как общественную форму будущего. Прежде всего это были Карл Маркс и Фридрих Энгельс, за ними следует Фердинанд Лассаль, бросивший своей агитацией огонь в массы. Точно так же и немецкие социалисты являются пионерами, которые распространяют среди рабочих самых различных народов социалистические идеи.

Полстолетия тому назад Бокль на основании изучения духовной немецкой жизни мог писать, что в Германии много величайших мыслителей, но нет другой страны, где бы расстояние между классом ученых и массой народа было так велико, как там. В настоящее время это уже неверно. Это было верно до тех пор, пока наука в Германии ограничивалась кругом ученых, стоящих вдали от практической жизни. С тех пор в Германии произошла экономическая революция, и наука была вынуждена служить практической жизни. Сама наука сделалась практической. Поняли, что она только тогда приобретает полную ценность, когда становится средством к жизни, к этому принудило развитие крупнокапиталистического производства. Вследствие этого в последнее десятилетие в Германии сильно демократизировались все отрасли знания. Прежде всего большое число молодых людей, образованных для высших профессий, способствовало внесению науки в народ, затем всеобщее школьное образование, которое в Германии выше, чем в большинстве других стран, облегчило массам восприятие множества произведений человеческого духа. Но в особенности значительно повысило духовный уровень масс социалистическое движение с его литературой, журналистикой, обществами, собраниями, парламентскими представителями и критикой, неустанно производимой всеми этими факторами во всех областях общественной жизни.

Исключительный закон против социал-демократии (1878—1890 годы) ничего в этом не изменил; он немного сузил движение и слегка замедлил его темп. Но, с другой стороны, он помог углублению движения и создал сильное

ожесточение против господствующих классов и государственных властей. Падение исключительного закона было лишь следствием развития социал-демократической партии в период его действия и экономического развития нации; таким образом, движение идет вперед так, как оно должно идти при данных условиях.

Точно так же как в Германии, социалистическое движение за последнее десятилетие делает большие успехи и во всех культурных странах; красноречивым свидетельством этого являются международные рабочие конгрессы, участие в которых все более усиливается.

Таким образом, во всех культурных странах разгорелась великая духовная борьба, и она ведется с величайшим воодушевлением. Оружие для нее берется наряду с социальными науками из обширной области естествознания, гигиены, истории, культуры и философии. На основе существующего строя атака ведется *со всех сторон*, и опирам старого общества наносятся могучие удары. Революционные мысли проникают в самые консервативные круги и приводят в полное замешательство ряды наших врагов. Ремесленники и ученые, земледельцы и художники, купцы и чиновники, даже фабриканты и банкиры, одним словом, люди всех положений примыкают к рабочим, составляющим ядро армии, которая борется за победу и достигнет ее. Все поддерживают и дополняют друг друга.

И к женщине вообще, а к женщине-пролетарию в особенности ставится требование не отставать в этой борьбе, которая ведется также и за ее освобождение и спасение. Ей предстоит доказать, что она поняла свое истинное положение в движении и в борьбе современности за лучшее будущее и готова принять в нем участие. Дело мужчин — поддержать ее в освобождении от всех предрассудков и в самой борьбе. Никто не должен недооценивать свои силы и думать, что дело обойдется и без него. В борьбе за прогресс человечества нужна каждая сила, как бы слаба она ни была. Непрерывное падение капель выдалбливает в конце концов самый твердый камень; из многих капель возникает ручей, из ручьев речка, из нескольких речек — поток. В конце концов нет такого препятствия, которое могло бы задержать ее могучее течение. Совершенно то же происходит в культурной жизни человечества. Пусть все, чувствующие себя призванными, действуют в этой борьбе со всею силою, и конечная победа несомненна.

Она будет тем больше, чем пламеннее, чем самоотверженнее каждый следует по указанному пути. Сомнение, доживет ли он, несмотря на все жертвы, работы и усилия, до начала нового, лучшего культурного периода, воспользуется ли он плодами победы, не должно никого смущать; еще менее должно оно удерживать от продолжения начатого пути. Конечно, мы не можем определить ни продолжительности, ни характера фаз развития, которые придется пройти в борьбе за высшие цели, как не можем мы точно определить продолжительность нашей жизни. Но если мы полны желанием жить, то точно так же мы можем проникаться надеждой пережить эту победу. Мы живем в эпоху, которая шагает вперед, так сказать, в семимильных сапогах и потому заставляет дрожать всех врагов нового, *высшего* общественного порядка.

Каждый день приносит новые примеры быстрого роста и все более могучего распространения социалистических идей. Во всех областях происходит брожение и движение вперед. Утренняя заря властно влечет навстречу прекрасному дню. Будем же бороться и стремиться все вперед, не смущаясь тем, «где» и «когда» человечеству будут поставлены пограничные вехи для нового, лучшего времени. И если мы падем во время этой великой освобождающей человечество борьбы, то наше место заступят стремящиеся в бой вслед за нами. Мы падем с сознанием, что выполнили наш долг человека, *и с убеждением, что цель будет достигнута, как бы ни оборонялись и ни противились этому силы, враждебные прогрессу человечества. «Будущее принадлежит социализму, то есть прежде всего рабочему и женщине».*

От издательства	2
Предисловие	3
Предисловие автора к двадцать пятому изданию	14
Предисловие автора к тридцать четвертому изданию	33
Предисловие автора к пятидесятому изданию	35
В в е д е н и е	39

О Т Д Е Л П Е Р В Ы Й
Ж Е Н Ц И Н А В П Р О Ш Л О М

<i>Глава первая.</i> ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПЕРВОВЫТНОМ ОБЩЕСТВЕ	49
1. Главные эпохи доисторического периода	—
2. Формы семьи	54
3. Материнское право	60
<i>Глава вторая.</i> БОРЬБА МЕЖДУ МАТЕРИНСКИМ И ОТЦОВСКИМ ПРАВОМ	68
1. Возникновение отцовского права	—
2. Отзвуки материнского права в греческих мифах и драмах	73
3. Законные жены и гетеры в Афинах	76
4. Остатки материнского права в нравах разных народов	83
5. Возникновение государственного порядка. Разложение рода в Риме	89
<i>Глава третья.</i> ХРИСТИАНСТВО	96
<i>Глава четвертая.</i> ЖЕНЩИНЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА	103
1. Положение женщины у германцев	—
2. Феодализм и право первой ночи	106
3. Расцвет городов. Монашество и проституция	109
4. Рыцарство и поклонение женщине	115
<i>Глава пятая.</i> РЕФОРМАЦИЯ	119
1. Лютер	—
2. Последствия реформации. Тридцатилетняя война	125
<i>Глава шестая.</i> ВОСЕМНАДЦАТОЕ СТОЛЕТИЕ	130
1. Придворная жизнь в Германии	—
2. Меркантилизм и новое брачное законодательство	132
3. Французская революция и крупная промышленность	135

ОТДЕЛ ВТОРОЙ
ЖЕНЩИНА В НАСТОЯЩЕМ

<i>Глава</i> <i>седьмая.</i> ЖЕНЩИНА КАК ПОЛОВОЕ СУЩЕСТВО.	141
1. Половое влечение	—
2. Безбрачие и частые самоубийства	145
<i>Глава</i> <i>восьмая.</i> СОВРЕМЕННЫЙ БРАК	150
1. Брак как призвание	—
2. Уменьшение деторождений	152
3. Денежный брак и биржа браков	156
<i>Глава</i> <i>девятая.</i> РАЗЛОЖЕНИЕ СЕМЬИ	163
1. Рост расторжений браков	—
2. Буржуазный и пролетарский брак	172
<i>Глава</i> <i>десятая.</i> БРАК КАК МАТЕРИАЛЬНО ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЕ СРЕДСТВО	180
1. Уменьшение числа вступлений в брак	—
2. Детоубийство и вытравление плода	183
3. Воспитание для целей брака	189
4. Бедствия современной супружеской жизни	196
<i>Глава</i> <i>одиннадцатая.</i> ШАНСЫ БРАКА	203
1. Численное соотношение полов	—
2. Помехи и препятствия к браку. Численный перевес женщин	214
<i>Глава</i> <i>двенадцатая.</i> ПРОСТИТУЦИЯ—НЕОБХОДИМОЕ СОЦИАЛЬНО- УЧРЕЖДЕНИЕ БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА	226
1. Проституция и общество	—
2. Проституция и государство	230
3. Торговля девушками	240
4. Рост проституции. Внебрачные матери	245
5. Преступления против нравственности и венерические болезни	256
<i>Глава</i> <i>тринадцатая.</i> ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ПРОМЫШЛЕН- НОСТИ	262
1. Развитие и распространение женского труда	—
2. Фабричная работа замужних женщин. Домашняя про- мышленность и опасные для здоровья производства	277
<i>Глава</i> <i>четырнадцатая.</i> БОРЬБА ЖЕНЩИНЫ ЗА ОБРАЗОВАНИЕ	289
1. Революция в домашней жизни	—
2. Духовные способности женщины	295
3. Различия в телесных и духовных качествах мужчин и женщин	302
4. Дарвинизм и состояние общества	310
5. Женщина и свободные профессии	316
<i>Глава</i> <i>пятнадцатая.</i> ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ	334
1. Борьба за гражданское равноправие	—
2. Борьба за политическое равноправие	338

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

<i>Глава шестнадцатая.</i> КЛАССОВОЕ ГОСУДАРСТВО И СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ	369
1. Наша общественная жизнь	—
2. Обострение классовых противоречий	377
<i>Глава семнадцатая.</i> ПРОЦЕСС КОНЦЕНТРАЦИИ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	382
1. Вытеснение сельского хозяйства промышленностью	—
2. Прогрессирующая пролетаризация. Господство крупного производства	386
3. Концентрация богатства	397
<i>Глава восемнадцатая.</i> КРИЗИС И КОНКУРЕНЦИЯ	403
1. Причины и следствия кризисов	—
2. Посредническая торговля и вздорожание продуктов питания	408
<i>Глава девятнадцатая.</i> РЕВОЛЮЦИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ	413
1. Заморская конкуренция и бегство из деревни	—
2. Крестьяне и крупные землевладельцы	415
3. Противоречия между городом и деревней	425

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ
СОЦИАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Глава двадцатая.</i> СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	433
1. Преобразование общества	—
2. Экспроприация экспроприаторов	436
<i>Глава двадцать первая.</i> ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	440
1. Привлечение всех работоспособных к работе	—
2. Гармония интересов	445
3. Организация труда	451
4. Рост производительности труда	454
5. Уничтожение противоречий между умственным и физическим трудом	464
6. Повышение потребительной способности	467
7. Равенство трудовых обязанностей для всех	471
8. Упразднение торговли и преобразование транспорта	477
<i>Глава двадцать вторая.</i> СОЦИАЛИЗМ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО	481
1. Уничтожение частной земельной собственности	—
2. Мелиорация почвы	483
3. Преобразование обработки земли	487
4. Крупное и мелкое хозяйство. Развитие электрокультуры	489
5. Виноделие будущего	498
6. Мероприятия против истощения почвы	502
7. Уничтожение противоположности между городом и деревней	506

Глава двадцать третья. УПРАЗДНЕНИЕ ГОСУДАРСТВА	510
Глава двадцать четвертая. БУДУЩЕЕ РЕЛИГИИ	514
Глава двадцать пятая. СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ . . .	517
Глава двадцать шестая. ИСКУССТВО И ЛИТЕРАТУРА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ	529
Глава двадцать седьмая. СВОБОДНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ . . .	534
1. Беззаботность существования	—
2. Переворот в области питания	536
3. Коммунистическая кухня	540
4. Переворот в домашней жизни	542
Глава двадцать восьмая. ЖЕНЩИНА В БУДУЩЕМ	546
Глава двадцать девятая. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ	554
Глава тридцатая. ПРОБЛЕМА НАСЕЛЕНИЯ И СОЦИАЛИЗМ . . .	559
1. Страх перед перенаселением	—
2. Образование перенаселения	562
3. Бедность и плодовитость	564
4. Недостаток в людях и излишек питательных веществ	567
5. Социальные отношения и способность размножения	575
З а к л ю ч е н и е	581

Август Бебель
ЖЕНЩИНА И СОЦИАЛИЗМ

Редактор *Л. Барулина*

Художник *Н. Симагин*

Художественный редактор *С. Голубев*

Технический редактор *Ю. Мухин*

Сдано в набор 16 мая 1959 г. Подписано в печать
20 августа 1959 г. Формат 84 × 108^{1/32}. Физ. печ. л. 18^{1/2}
+^{1/16} (вклейка). Условн. печ. л. 30,442. Учетно-изд.
л. 30,79. Тираж 50 тыс. экз. А 05258. Заказ № 3126.
Цена 9 р. 20 к.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского Совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

А. БЕБЕЛЬ

ЖЕНЩИНА И СОЦИАЛИЗМ

ГОСПОЛИТИБДЛТ · 1959

9 р. 20 к.

А. БЕБЕЛЬ

ГОСПОЛИТИЗДАТ . 1959

ЖЕНЩИНА
И
СОЦИАЛИЗМ